

ПИР-БИБЛИОТЕКА

ПИР-ЦЕНТР.

ИЗБРАННОЕ. 1994–2024

**Российские эксперты
о нераспространении ядерного оружия,
контроле над вооружениями
и глобальной безопасности**

Антология трудов,
опубликованных в ПИР-Центре
за 30 лет его деятельности

Издательство «Весь Мир»

ПИРПРЕСС

ПІР-БІБЛІОТЕКА № 39

Редакционная коллегия

Орлов Владимир Андреевич (*председатель*)

Бужинский Евгений Петрович

Зульхарнеев Альберт Фархатович

Карнаухова Елена Андреевна (*ответственный секретарь*)

Козюлин Вадим Борисович

Лата Василий Филиппович

Цуканов Леонид Вячеславович

ПИР-БИБЛИОТЕКА

ПИР-ЦЕНТР. ИЗБРАННОЕ. 1994–2024

**Российские эксперты
о нераспространении ядерного оружия,
контроле над вооружениями
и глобальной безопасности**

**Антология трудов,
опубликованных в ПИР-Центре
за 30 лет его деятельности**

Москва
ПИР-Пресс
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2024

УДК 327
ББК 66.4
П 33

Серия ПИР-Библиотека
№ 39

Под общей редакцией В.А. Орлова

Ответственный редактор: Е.А. Карнаухова

Помощники ответственного редактора: К.А. Минеева, А.С. Щёкин

*Издается при поддержке Фонда президентских грантов
в рамках проекта ПИР-Центра «Глобальная безопасность:
взгляд из России – для молодежи по всему миру»*

Координатор проекта: Е.А. Карнаухова

П33 **ПИР-Центр. Избранное: 1994–2024. Российские эксперты о нераспространении ядерного оружия, контроле над вооружениями и глобальной безопасности** (Антология трудов, опубликованных в ПИР-Центре за 30 лет его деятельности). М.: Издательство «Весь мир»; ПИР-Центр, 2024. Серия «ПИР-Библиотека» (№ 39). 656 с.

ISBN 978-5-7777-0943-1 (Весь Мир)

ISBN 978-5-6051623-5-3 (ПИР-Центр)

В книге представлены избранные статьи, аналитические материалы и экспертные интервью, опубликованные за последние 30 лет под эгидой ПИР-Центра. В них представлена эволюция взглядов на проблемы в сфере нераспространения ядерного оружия, контроля над вооружениями и глобальной безопасности. На страницах книги читатель найдет научно-практические труды, посвященные вызовам и угрозам ДНЯО, а также усилиям, направленным на его укрепление; обеспечению физической ядерной безопасности; перспективам развития атомной энергетики в России и в мире; многим другим актуальным проблемам глобальной и региональной безопасности. Обширный блок вошедших в Антологию материалов посвящен военно-политическим вопросам: обеспечению стратегической стабильности, противодействию угрозе терроризма, в том числе с использованием оружия массового уничтожения, проблемам европейской безопасности, развитию боевых беспилотников и робототехники, военно-техническому сотрудничеству, ситуации в области регулирования обычных вооружений и т.д. Пристальное внимание авторы Антологии уделяют формированию нового мирового порядка и значению этого процесса для российской внешней и оборонной политики. Читатель удивится, насколько тексты, написанные десять, двадцать, тридцать лет назад, остро актуальны сегодня. «На злобу дня» – вот рубрика, в которой могло бы появиться большинство из материалов, вошедших в Антологию, хотя для них на сайте ПИР-Центра уже заготовлена и другая рубрика, куда более историческая – «Листая старые страницы».

Издание предназначено для специалистов, студентов и аспирантов, обучающихся по профилю международных отношений и международной безопасности, российской дипломатии и внешней политики, истории международных отношений, а также для широкого круга читателей – для всех тех, кто стремится расширить свои знания и представления об эволюции общемировых и региональных процессов в эпоху крупных геополитических изменений 1990–2020-х гг. и о том, как эту эволюцию оценивали ведущие российские ученые и практики.

УДК 327
ББК 66.4

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0943-1 (Весь Мир)
ISBN: 978-5-6051623-5-3 (ПИР-Центр)

© ПИР-Пресс, 2024

*Должности и места работы авторов Антологии
указаны по состоянию на дату первой публикации
материалов, подготовленных ими для изданий
ПИР-Центра*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Владимир Орлов.	9
РАЗДЕЛ I. Ядерная эпоха: тона и полутона	14
Глава 1. Несколько вопросов о ядерном нераспространении. <i>Геннадий Евстафьев и Владимир Орлов (1994)</i>	14
Глава 2. Конференция по рассмотрению действия и по продлению ДНЯО 1995 г.: мысли до и после. <i>Роланд Тимербаев, Джордж Банн, Джеймс Леонард, Сергей Кисляк (1995)</i>	24
Глава 3. О незаконном обороте ядерных материалов и ядерной безопасности. <i>Михаил Кулик, Евгений Маслин, Александр Мыцыков (1995)</i>	46
Глава 4. Парадоксы ядерного слерживания. <i>Сергей Кортунов (1997)</i>	68
Глава 5. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и поддержание безопасности ядерного оружия. <i>Евгений Маслин (1999)</i>	112
Глава 6. Международный режим ядерного нераспространения. Пациент в реанимации. <i>Владимир Орлов (2003)</i>	116
Глава 7. А был ли «ядерный чемоданчик»? <i>Виктор Есин (2005)</i>	124
Глава 8. Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. <i>Игорь Андрушин, Виктор Михайлов, Юрий Трутнев, Александр Чернышев (2005)</i>	136
Глава 9. Ядерное оружие и христианская этика. <i>Алексей Обухов (2007)</i>	150
Глава 10. Персидский залив: между бомбой и АЭС. <i>Роман Устинов (2008)</i>	196
Глава 11. При существующей сейчас конкуренции невозможно быть вторым. <i>Сергей Кириенко и Владимир Орлов (2008)</i>	219
Глава 12. Подо мной – Кавказ, со мной – ядерный боеприпас. <i>Василий Лаврицев (2012)</i>	225

Глава 13. Будущее нестратегического ядерного оружия в Европе: возможные варианты. <i>Евгений Бужинский, Анатолий Дьяков, Михаил Кустовский, Виктор Колтунов, Александр Радчук, Владимир Орлов, Владимир Рыбаченков, Александр Колбин, Евгений Ильин (2012)</i>	235
Глава 14. Что нужно Ирану, что делать России. <i>Владимир Орлов (2012)</i>	253
Глава 15. Очерки о новом витке ракетно-ядерных тревог на Корейском полуострове. <i>Александр Воронцов, Владимир Хрусталеv (2017)</i>	263
РАЗДЕЛ II. Угрозы и вызовы: полный спектр	280
Глава 16. О принятии Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств. <i>Геннадий Хромов (1996)</i>	280
Глава 17. Украинско-пакистанский танковый контракт и интересы России. <i>Константин Макиенко (1996)</i>	290
Глава 18. Проблема борьбы с химическим и биологическим терроризмом и Конвенция о запрещении химического оружия. <i>По материалам российских спецслужб (1996–1997)</i>	299
Глава 19. Штамм Эболы в Россию привезли разведчики. <i>Валентин Евстигнеев и Дмитрий Литовкин (1999)</i>	309
Глава 20. Космос и стратегическая стабильность. <i>Александр Клаповский (2001)</i>	324
Глава 21. Информационное оружие и информационное противоборство. <i>Александр Федоров, Виталий Цыгичко (2002)</i>	341
Глава 22. ДОВСЕ – вчера, сегодня, завтра. <i>Анатолий Анин, Родион Аюмов (2011)</i>	390
Глава 23. Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении. <i>Анатолий Антонов (2013)</i>	415
Глава 24. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике. <i>Евгений Бужинский (2014)</i>	426
Глава 25. Основные тенденции в области современного терроризма. <i>Екатерина Степанова (2014)</i>	441
Глава 26. Новый Бонд – машина с лицензией на убийство. <i>Вадим Козюлин, Альберт Ефимов (2016)</i>	476

Глава 27. Взлеты и падения «киберхалифата»: «Аль-Каида» и ИГИЛ в цифровом пространстве. <i>Леонид Цуканов (2022)</i>	493
РАЗДЕЛ III. Россия и мир: тест на стрессоустойчивость	519
Глава 28. О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России. <i>Федор Ладыгин (1999)</i>	519
Глава 29. Протокольными нотами мировая история не пишется. <i>Дмитрий Рогозин и Андрей Фролов (2003)</i>	535
Глава 30. Индекс Безопасности глобального мира: российское измерение. <i>Юрий Балухевский (2007)</i>	546
Глава 31. Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире. <i>Константин Косачев (2008)</i>	566
Глава 32. Глиняные ноги российского ОПК. <i>Наталья Калинина, Вадим Козюлин (2009)</i>	582
Глава 33. России необходима современная армия, способная адекватно реагировать на любые, прежде всего, внешние угрозы и вызовы. <i>Николай Макаров (2010)</i>	597
Глава 34. Российский век: некоторые размышления о месте России в мире. <i>Николай Спасский (2010)</i>	609
Глава 35. Сегодня БРИКС воспринимается в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка. <i>Сергей Рябков (2024)</i>	626
О ПИР-Центре	632
Список изданий серии ПИР-Библиотека	633
<i>Приложение № 1. Перечень изданий ПИР-Центра (периодических и непериодических) 1994–2024</i>	638
<i>Приложение № 2. Перечень авторов, чьи статьи и материалы были опубликованы в изданиях ПИР-Центра (периодических и непериодических) 1994–2024</i>	640
Список сокращений	651

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пророков нет в отечестве своем», – гласит пословица. «... Да и в других отечествах не густо», – иронично добавлял Владимир Высоцкий.

Про *другие* отечества, про *другие* берега – это сейчас оставим за бортом. Потому что в предлагаемой вашему вниманию Антологии сосредоточимся на *нашем* Отечестве, а точнее, глазами наших, отечественных, *российских* ученых и государственных мужей посмотрим на мир. Проследим эволюцию отечественной мысли в отношении всего спектра проблем глобальной и региональной безопасности, будь то нераспространение ядерного оружия или других видов оружия массового уничтожения (ОМУ); контроль над вооружениями; террористические угрозы; международная информационная и космическая безопасность; развитие и экспорт обычных вооружений; состояние и перспективы структур глобального и регионального развития, с деградацией одних (например, ОБСЕ) и восхождением других (например, БРИКС).

ПИР-Центр – ведущий отечественный неправительственный институт в области международной безопасности и нераспространения ОМУ – за 30 лет своего существования реализовал, продолжает реализовывать десятки издательских проектов. Не все, но большинство из них были и остаются публичными. Экспертному сообществу России и далеко за ее пределами хорошо известны такие названия, как *Индекс Безопасности*, *Ядерный Контроль*, *Научные Записки ПИР-Центра*, серия *ПИР-Библиотека*, серия *Доклады ПИР-Центра*. Часть из них – *Индекс Безопасности / Security Index*, *Ядерный Контроль / Nuclear Control* стали настолько узнаваемыми брендами, что не требуют *расшифровки*. Целый ряд наших издательских проектов с годами трансформировался, а некоторые завершились и влились в новые проекты: я говорю, в частности, о таких изданиях, как *Экспорт Обычных Вооружений*, *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения*, *Ракеты и Космос*, *ПолиКон*, *Вопросы Безопасности*, *Russia Confidential*. В электронных ли базах данных *в цифре*, на полках ли кабинетов *в бумаге*, – издания ПИР-Центра неизменно занимают солидное место. В этом году

на первый план – и в цифре, и в бумаге – выдвигается новый продукт, ежегодный, который готовим совместно с МГИМО МИД России – *Security Index Yearbook Global Edition* – и который прицельно смотрит вперед, на перспективы повестки дня международной безопасности, опять же, глазами российских специалистов.

На этом фоне *оглянуться назад* – занятие вообще-то рискованное. Особенно если оглядываешься на три десятилетия назад... Может, лучше и не открывать некоторые *архивные* издания; может, на них столько пыли накопилось, а сегодняшняя ситуация – и сегодняшняя мысль – настолько ушли вперед, что полезного мы, листая пожелтевшие страницы, не так уж много *накопаяем*? Или *накопаяем* такое, что авторы с высоты сегодняшнего дня попросят нас: «Не воспроизводите!»?

Нет. И еще раз нет. Открывая старые *ПИРовские* журналы, монографии, научные записки, – не стыдишься. Ни за издателя. Ни за авторов. Напротив, нередко поднимаешь брови: а как он (автор N) был прозорлив! Будто в воду глядел! И анализ, и оценки, – не потеряли актуальности. Иногда расстраиваешься: а вот если бы его (автора NN) вовремя услышали... прислушались... скорректировали бы наши шаги... Сослагательное наклонение – не лучший помощник в оценках с высоты сегодняшнего дня и сегодняшнего накопленного опыта. Не буду абсолютизировать и ценность этой ретроспективы для нашего будущего опыта. «Может, лишь один взгляд назад / Нам откроет в будущее глаза», – это образ из песни; а на деле не стоит преувеличивать. Но то, что годы и десятилетия назад писали в изданиях ПИР-Центра Юрий Балувеский, Геннадий Евстафьев, Константин Косачев, Фёдор Ладыгин, Анатолий Антонов, Вадим Козюлин, Екатерина Степанова, Александр Фёдоров, Николай Спаский, Константин Макиенко, Иван Сафранчук, Роман Устинов и многие другие (кто-то уже тогда был непрерываемым авторитетом в своей области, а кто-то только-только делал первые шаги в аналитике), – как много из сказанного ими не потеряло актуальности!

Впрочем, сейчас у вас будет возможность раскрыть эту Антологию и провести собственный сравнительный анализ, – если хотите: собственное *расследование*, – и сделать собственные умозаключения. Я ведь все-таки редактировал все эти *ПИРовские* издания, все эти 30 лет, так что ни одна статья, ни одна книга, ни один доклад не прошли без того, чтобы я их прочитал, отредактировал,

подписал в печать, – а этим самым взял на себя ответственность за то, что этот текст достоин печати, достоин внимания требовательного экспертного сообщества.

За эти три десятилетия бывало разное. И у наших авторов – скажу банальность – судьбы складывались по-разному. Иногда издатель, – словно врач, и тоже должен соблюдать – только не врачебную, а *издательскую* тайну. Это я про прохождение рукописей через горнило обсуждений на редакционных коллегиях изданий. Я всегда с благодарностью относился и отношусь к бескорыстному труду своих маститых коллег, кто любезно согласился поделиться своим опытом, включаясь в работу редакционных коллегий *ПИРовских* изданий. Как правило, мы работали – и работаем – слаженно, как одна команда, хотя для меня ценность любой редколлегии – это полифония мнений; ложное единогласие – вот чего уж я никогда не искал, от чего уклонялся. Но бывали случаи, когда члены редакционной коллегии с мировым именем требовали от меня как от главного редактора исключить тот или иной не приглянувшийся им материал (или не приглянувшегося им автора) из редакционного портфеля. Хотя эмоционально противостоять таким авторитетам было не просто, финальное решение я всегда принимал сам. И, если разногласия среди членов редколлегии были сильны, не боялся кого-то обидеть или оттолкнуть, потому что единственным критерием для меня всегда было высокое качество текста. В этой Антологии вы тоже найдете такие *спорные* тексты, из-за которых кто-то из членов редколлегии даже хлопал дверями. Но это дело прошлое... А сегодня мы смотрим на ценность того или иного текста сегодняшними глазами, и нас совершенно не должно волновать, как тот или иной текст пробивал себе дорогу *в печать*.

Но по поводу *спорных* текстов все-таки добавлю вот что. В ряде *ПИРовских* периодических изданий, а теперь вот и на сайте, вы встречаете рубрику *Полемика*. В спорах рождается истина... легко сказать. Гораздо труднее *оркестровать* такой спор на редакционной площадке, чтобы авторы не пытались сгладить *острые углы* своих позиций и, при уважительном отношении к мнению коллег, внятно доносили то, с чем они *не* согласны и, главное, почему. Когда это удавалось, я твердо знал, что именно такая полемика станет *хитом номера* (и потом это неизменно подтверждалось результатами читательских опросов). Вот и сейчас, в этой Антологии, вы наверняка встретите те статьи, с выводами которых

вы решительно не согласитесь. Но, надеюсь, вы не встретите ни одного текста, который вас вообще не *зацепит* или же покажется слабым и неуместным.

Когда я подписывал эту Антологию в печать в мае 2024 года, то насчитал, что у ПИР-Центра к этому моменту было 884 автора. Сейчас, когда вы ее читаете, наших авторов наверняка уже прибавилось как минимум на десяток. ПИРовские авторы такие разные, кто только не писал для нас за три десятилетия: и президенты, и диссиденты, и студенты... Статистика авторов может чуть-чуть хромать, потому что среди них были и те, кто писал под псевдонимом. Как главный редактор я подписывал все авторские договоры и гонорарные ведомости – обычно добротный источник знаний; однако, поверьте, есть несколько случаев, когда даже мне не было известно, кто писал под тем или иным псевдонимом... Все-таки проблематика у нас такая: международная безопасность, и не во всех случаях полное раскрытие информации могло бы идти во благо делу. Но все-таки подавляющее большинство наших авторов мне знакомы; и тут, почти как в банковском деле, обычно превалирует принцип: *знай своего автора*. Рад тому обстоятельству, что в *ПИРовских* изданиях высок процент авторов-рецидивистов: тех, кто, принеся нам первую рукопись и получив признание, затем приносил новые и новые, столь же достойные. И есть круг авторов, который пишет для ПИРа все эти тридцать лет, – вам, дорогие друзья и соратники, моя искренняя признательность!

Составляя эту Антологию, мы старались, помимо принципов качества текстов и их сохраняющейся актуальности, также соблюсти *принципы авторского и журнального разнообразия*. Что я имею в виду? Принцип авторского разнообразия означает, что мы, при всем уважении к нашим постоянным авторам, старались, чтобы в Антологии было представлено не больше одного, в редких случаях двух, текстов одного и того же автора. А принцип журнального разнообразия потребовал от нас выбирать статьи, главы книг, фрагменты докладов не только из какого-то одного или двух ПИРовских *становых* изданий (проще всего нам было бы ограничиться статьями из *Ядерного Контроля* и *Индекса Безопасности*), но из всего массива наименований наших изданий, который имеется по результатам 30 лет деятельности ПИР-Центра. Руководствуясь этим принципом, в Антологию были включены материалы и из тех изданий, которые в свое время имели ограни-

ченный тираж или даже, до какого-то момента, не предполагали широкого ознакомления с ними.

Помня о широкой палитре ПИРовских изданий, хочу сказать здесь спасибо редакторам наших изданий разных лет, которые делили со мной ответственность за их выход, а также бессонные ночи, неизбежные для тех, кто работает в негосударственном научном секторе, и радость получения из типографии *тепленького* свежего номера: Людмиле **Баландиной**, Дмитрию **Евстафьеву**, Александре **Зубенко**, Альберту **Зульхарнееву**, Елене **Карнауховой**, Марии **Кацва**, Александру **Колбину**, Ксении **Минеевой**, Никите **Перфильеву**, Дмитрию **Поликанову**, Сергею **Семенову**, Николаю **Сокову**, Ивану **Трушкину**, Илье **Фабричникову**, Андрею **Фролову**, Антону **Хлопкову**, Леониду **Цуканову** и другим коллегам по *редакторскому цеху*, а также почтить память Константина **Макиенко**, которого, к печали, уже нет с нами.

Благодарен **Фонду президентских грантов**, который любезно и щедро поддержал нашу инициативу по выходу в свет этой Антологии, – не в последнюю очередь и для того, чтобы молодое поколение специалистов могло познакомиться с эволюцией российской мысли в области международной безопасности за период с 1994 по 2024 гг.; и для того, чтобы через эту Антологию мы сохранили историческую память, – ведь то, что было *горячей темой* где-нибудь весной 1995 года, – теперь это уже история. И к сотворению этой истории ПИР-Центр уверенно причастен.

Мои слова самой теплой благодарности – тем коллегам, с кем начинал ПИР-Центр и наши издательские проекты весной 1994 года в маленьком кабинете с видом на памятник А.С. Пушкину, с кем коллективно вычитывали первые *гранки*: Ильдару **Ахтамзяну**, Дмитрию **Евстафьеву**, Алексею **Захарову**, Вадиму **Козюлину**, Владимиру **Рудакову**. Наша задача казалась простой – выпустить пилотные номера бюллетеня *Russia Confidential*, журнала *Ядерный Контроль*... А куда они потом и как *полетят*, – мы тогда и не загадывали. Сказали бы нам, что в 2024 году мы будем готовить Антологию и что число наших авторов подберется к девяти сотням... Вот бы мы тогда посмеялись.

Владимир Орлов
Май 2024 года

РАЗДЕЛ I

ЯДЕРНАЯ ЭПОХА: ТОНА И ПОЛУТОНА

Глава 1

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ЯДЕРНОМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ (1994)¹

Геннадий Евстафьев
в беседе с Владимиром Орловым²

Владимир Орлов: С момента издания СВР своеобразной «Белой книги»³ по нераспространению прошло более полутора лет. Какие наиболее важные факты и оценки следовало бы, на сегодняшний день, к этой книге добавить? Что устарело?

Геннадий Евстафьев: Прежде всего, хотелось бы сказать, что известный доклад СВР по проблеме нераспространения оружия массового уничтожения вызвал определенный резонанс, и можно сказать, что поставленная нами цель была достигнута.

В истекшие полтора года положение дел с ядерным и химическим оружием в мире прочно стало в центре внимания руководителей всех ведущих стран мира и международных организаций (ООН, МАГАТЭ, НАТО), о чем свидетельствуют и некоторые личные инициативы, выдвинутые ими. В большинстве своем – это отражение серьезной озабоченности.

¹ Впервые опубликовано: Девять вопросов о ядерном нераспространении / *Ядерный Контроль*. 1995. № 1. С. 12–15. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№1-1995.pdf>

² Геннадий Михайлович Евстафьев (1938–2013) – начальник Управления по контролю над вооружениями и распространением оружия массового уничтожения Службы внешней разведки России; Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*.

³ Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. Открытый доклад СВР России за 1993 г. – *Прим. ред.*

Особое внимание вызывала и вызывает проблема контроля над ядерным оружием и такими связанными с ним процессами, как расползание военных ядерных и двойных технологий и попытки протиснуться в ядерный клуб, опасность ядерного терроризма, особенно в контексте растущего нелегального оборота радиоактивных материалов и т.п.

Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов для того, чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. Более глубоко, чем когда-либо раньше, ведется проработка системы гарантий в отношении неядерных государств.

Сама тенденция в военном ядерном нераспространении пока, к сожалению, противоречива. С одной стороны, произошло фактическое ядерное разоружение ЮАР (демонтировано шесть боезарядов), с другой – продолжает оставаться очень острой ситуация вокруг КНДР, прозвучали совершенно определенные заявления относительно обладания ядерным оружием Пакистана и о необходимости его иметь в будущем...

Стали более ясными возможности Израиля в сфере ядерного оружия. На фоне нежелания Тель-Авива даже обсуждать вопрос это не радует.

Есть обвинения в адрес Ирана, Алжира. Некоторые американские специалисты утверждают, что Ирак якобы даже после разоружения его спецкомиссией Совета Безопасности ООН сохраняет утаенные возможности быстро восстановить определенный уровень военно-прикладных исследований. Во всем этом потоке, помимо реальной информации, есть и голословное, наносное.

Владимир Орлов: Как Вы, на основании имеющихся данных, могли бы оценить сегодняшнее положение дел в ядерной сфере на Корейском полуострове и перспективы развития событий там?

Геннадий Евстафьев: Этот вопрос, как Вы понимаете, состоит из трех частей и затрагивает проблему наличия ядерного оружия в КНДР и Южной Кореи. Южная Корея не имеет ядерного оружия, и СВР не располагает данными о том, что Сеул в настоящее время ведет разработку ядерного оружия. Учитывая известное заявление Южной Кореи и США, следует полагать, что американское тактическое ядерное оружие с юга полуострова выведено.

Таким образом, вопрос фактически сводится к тому, обладает ли Пхеньян атомной бомбой.

СВР не исключает, что на рубеже 1970-х гг. в КНДР было принято политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия. Однако, в силу различного рода трудностей экономического, финансового, научно-технического характера, военная часть ядерной программы КНДР развивалась волнообразно. Отмечались случаи ее замораживания и последующего восстановления. Рост внешнеполитической и экономической изоляции КНДР еще более усилил трудности в этой области.

Тот факт, что Пхеньян, присоединившись к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1985 г., подписал соглашение с МАГАТЭ о гарантиях лишь в январе 1992 г., может свидетельствовать о том, что северокорейцы продолжали примерно до этого времени работы в рамках ядерной программы.

По нашему мнению, к моменту начала первых инспекций МАГАТЭ ядерных объектов КНДР в мае 1992 г. северокорейцы в основном свернули военную часть ядерной программы и предприняли меры по сокрытию своей прежней деятельности в этом направлении.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют с достаточной уверенностью полагать, что КНДР не располагает ядерным оружием⁴. Даже допуская возможность наработки определенного количества оружейного плутония, измеряемого несколькими килограммами, создание дееспособного ядерного заряда представляется малореальным. По оценке экспертов, нынешний научно-технический уровень и технологическая оснащенность ядерных объектов в КНДР не позволяют северокорейским специалистам создать ядерное взрывное устройство плутониевого типа, пригодное для полигонных испытаний, и тем более смоделировать холодное испытание боезаряда плутониевого типа в лабораторных условиях.

Косвенным подтверждением этого вывода служат результаты инспекций МАГАТЭ в КНДР. Не отрицая самой возможности использования имеющегося в стране ядерного потенциала для проведения работ по военно-прикладной тематике, эксперты Агентства не смогли найти данных, свидетельствующих о ведущихся в КНДР работах по созданию ядерного оружия.

⁴ По состоянию на 1995 г. – *Прим. ред.*

В настоящее время большую обеспокоенность у нас вызывают условия хранения выгруженного в мае 1994 г. реакторного топлива. Дело в том, что северокорейские хранилища отработанного топлива не приспособлены к его длительному хранению. Они строились из расчета на то, что выгруженное топливо после необходимого периода охлаждения будет перерабатываться. По нашим оценкам, до решения вопроса о вывозе топлива из КНДР для переработки за границей в срочном порядке необходимо дооборудовать эти хранилища. Здесь северокорейцам потребуется техническая и финансовая помощь международного сообщества, в первую очередь тех государств, которые обладают передовым опытом обращения с радиоактивными материалами.

Оценивая перспективы развития ситуации на Корейском полуострове, мы полагаем, что в конечном итоге она будет нормализована. Мы внимательно следим за переговорным процессом между КНДР и США и отмечаем в нем позитивные сдвиги. В то же время мы не ожидаем «обвальной» нормализации американо-северокорейских отношений и объединения двух Корей в ближайшей перспективе. В этом треугольнике накопилось такое количество проблем, столько взаимного недоверия и подозрений, что потребуются значительное время и большие усилия для развязывания сформировавшихся здесь узлов противоречий.

Следует отметить, что закрыть северокорейский ядерный вопрос в широком смысле не представляется возможным. Развитие мирной ядерной энергетики предопределено объективными факторами. В частности, весьма остро стоит вопрос самообеспечения электроэнергией. КНДР не имеет разведанных нефтяных запасов. Вся нефть импортируется из-за рубежа. В стране ощущается острая нехватка электроэнергии, и в этой связи развитие АЭС представляется наиболее перспективным, я бы сказал, неизбежным путем для КНДР. Этот путь предполагает строительство и эксплуатацию под контролем МАГАТЭ надежных легководных реакторов, исключающих наработку оружейного плутония. Здесь открывается широкое поле для международного сотрудничества с КНДР в области мирной ядерной энергетики. Одновременно это будет означать конкуренцию за северокорейский рынок. В интересах России, как представляется, занять на нем достойное место, тем более что опыт сотрудничества с КНДР в области ядерной энергетики имеется. Более того, Россия понесла определенные материальные потери в результате участия в мероприятиях

мирового сообщества по противодействию возможным намерениям КНДР в ядерной сфере. Мы, видимо, имеем основание на их компенсацию при договоренностях о путях развития ядерной энергетики КНДР.

Владимир Орлов: Дальний Восток – это еще и Япония, с ее научным и техническим потенциалом, с определенными амбициями. Все чаще появляется информация, что, если только будет принято соответствующее политическое решение, Япония станет ядерной державой за месяц-два. Верно ли это? И если верно – то видны ли проявления подобных намерений в японском руководстве?

Геннадий Евстафьев: Вопрос о Японии звучит актуально. Сейчас стало публично известно то, что ранее знали только представители спецслужб некоторых государств, а именно: в японском истеблишменте, объявившем о трех неядерных принципах, были и, видимо, есть такие силы, которые не прочь обзавестись ядерным оружием.

Да, не вызывает сомнения, что с научной, технической, финансовой и других точек зрения Япония может очень быстро решить задачу приобретения военной ядерной способности.

В свое время многих всколыхнула информация о закупке японцами плутония во Франции. «Японский плутониевый проект», как его называли, дал повод к выступлениям и критике, и японцы быстренько решительно сократили свои запросы. Настораживают и сообщения прессы об обнаружении неучтенных запасов ядерных материалов.

Пойдет ли японское руководство по ядерному пути? Я считаю, что вряд ли. Но в том-то и кроется опасность, что незавершенность ситуации вокруг ядерной программы КНДР может спровоцировать Японию, да и Южную Корею на разработку и создание ядерного оружия.

Владимир Орлов: Какие государства Вы могли бы отнести к числу «новых пороговых стран»? Скажем, с Индией, Пакистаном, Израилем ситуация более или менее прояснена. Вопрос именно о новых, то есть о тех странах, которые раньше не вызывали серьезной озабоченности.

Геннадий Евстафьев: Сама постановка вопроса о «новых пороговых странах», на мой взгляд, преждевременна. Прежде чем

решиться на определение какой-то страны в качестве «пороговой», надо иметь для этого веские основания. Как СВР отмечала в своем докладе, военно-прикладные исследования в ядерной сфере ведутся в ряде стран, но «клеить» их как «пороговые» не следует. Ядерное вооружение – это все еще многоплановая, многомиллиардная, сложная научно-техническая операция, которая мало кому под силу.

Своевременная постановка вопроса о нераспространении ядерного оружия позволила получить маленькую передышку.

Я бы хотел обратить внимание на другое. Сейчас мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать «пороговые» и «неофициальные ядерные державы» десятками. Вот тогда всем нам покажется небо с овчинку. У нас, у мирового сообщества, есть время (правда, мало!) и возможности предотвратить процесс расползания военных ядерных технологий и технологий двойного применения.

Например, на опыте переговоров между КНДР и США по ядерной проблеме некоторые недалёковидные люди задаются вопросами типа: «Какую цену за отказ от ядерных амбиций могут запросить в будущем некоторые режимы на Ближнем и Среднем Востоке?». Скажем, США, обсуждая поставки реакторов на легкой воде с Пхеньяном, отказывают Тегерану в передаче аналогичной технологии.

По-моему, в том, что касается нераспространения ядерного оружия, нет такой цены (конечно, в пределах разумного), которую не стоило бы заплатить за отказ какой-то из стран «группы риска» от приобретения ядерного потенциала.

Владимир Орлов: Насколько можно быть уверенным в выполнении Украиной взятых на себя обязательств по ядерному разоружению? Насколько надежно контролируются охрана боеголовок, их демонтаж, транспортировка?

Геннадий Евстафьев: Хочу сразу оговориться, что в отношении Украины мы разведку не ведем, и поэтому в ответе на ваш вопрос буду исходить из общедоступных фактов.

В соответствии с достигнутыми договоренностями, Россия и Украина совместными усилиями обеспечивают безопасность в процессе снятия ядерных боезарядов с ракет и при их транспортировке.

При этом транспортировка ядерных боезарядов осуществляется силами и средствами российской стороны, украинская же сторона обеспечивает безопасные условия передвижения ядерных боезарядов по своей территории.

В данном контексте также вызывают оптимизм и заявления президента Л.Д. Кучмы⁵ о том, что Украина и далее будет строго следовать трехсторонним договоренностям⁶, стремясь как можно скорее вывезти все ядерные боезаряды со своей территории.

Таким образом, положено начало процессу реального ядерного разоружения Украины, и, как представляется, имеются хорошие возможности для его дальнейшего успешного продолжения.

Владимир Орлов: В последние месяцы слухи о ядерной контрабанде из России приобрели характер «эпидемии», а может быть, и «моды». Понятно, что большинство вопросов здесь должно быть обращено к Федеральной службе контрразведки (ФСК)⁷. И все-таки, известны ли Вам случаи подтвержденной контрабанды из России значительных количеств высокообогащенного урана или оружейного плутония, или же других веществ, которые реально могли бы быть использованы террористическими группами для создания ядерного оружия?

Слово «эпидемия», на мой взгляд, не совсем соответствует реальному положению дел. Здесь дело сложнее. Я не хочу быть урапатриотом и заявлять: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Нынешние преступники изощрены, а расчеты бывают у кого угодно. Ну, например, у американцев колоссальные недостатки обогащенных расщепляющихся материалов (некоторые говорят – с 1945 г. около 20 т), но они считают, что у них система учета и охраны этих материалов лучше всех. У англичан в Даунри в 1991 г. объявлено о пропаже 10 кг высокообогащенного урана. Потом списали восемь кг, так и не найдя.

⁵ Леонид Данилович Кучма – президент Украины в 1994–2005 гг. – *Прим. ред.*

⁶ Вероятно, имеется в виду трехстороннее соглашение России, Украины и США, подписанное 14 января 1994 г. и предварявшее Будапештский меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО от 5 декабря 1994 г. – *Прим. ред.*

⁷ Федеральная служба контрразведки Российской Федерации (ФСК России) – ведомство, отвечавшее за контрразведывательную деятельность в России, существовавшее в первой половине 1990-х гг. В настоящее время его полномочия переданы Федеральной службе безопасности Российской Федерации (ФСБ России). – *Прим. ред.*

В Японии недавно обнаружили несколько десятков килограммов неучтенного плутония. Можно привести и другие примеры. Но все западные страны – и особенно те, которые не имеют представления о ядерном оружейном комплексе, – пытаются доказать, что в России царит хаос в ядернооружейной сфере и поэтому ее, стало быть, надо брать под международный контроль. Думаю, что конечная цель наших партнеров настолько понятна, что ее даже не надо комментировать. Ажиотаж вокруг этой проблемы не нов. Он длится уже три года, и теперь можно говорить, что он кем-то сознательно постоянно подпитывается.

На этапе 1991–1992 г. ясно прослеживается задача убедить мир, что российские ядерные боеголовки (2–3 штуки), расположенные в Казахстане, плохо охранялись и были проданы Ирану. Некоторые балуются этой идеей еще и теперь. Тогда речь шла о «продажных офицерах Российской армии». Теперь речь идет о «продажных специалистах российского ядерного комплекса», вступающих в сделку с мафией. Сейчас главным полем деятельности «российских преступников» стала Германия, находящаяся накануне выборов.

Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, кампания вокруг контрабандной утечки материалов действительно вызывает озабоченность. То, что обвинения в российский адрес так муссируются в прессе, может иметь негативные последствия. Почему? Не секрет, что у нас сильно возросло количество лиц, стремящихся получить «быстрые» большие деньги любыми путями. Этим людям наплевать, что, по всем меркам разумного мышления, невооруженным взглядом видна явная алогичность такого явления, как «черный рынок» уранового ядерного топлива для атомных реакторов. Но западные, да и наши средства массовой информации дают регулярно «данные» по уровню цен на радиоактивные материалы в нелегальной торговле. Зачем? Может быть, затем, чтобы вызвать обвальное предложение и тем самым вызвать действительно хаос.

В последнее время на нелегальном рынке, по утверждениям западных средств массовой информации, появилась новая тенденция. Теперь пишут о предложениях ядерных материалов оружейного качества. Везде, естественно, только «российский след». Что же имеем на самом деле? Вот мнение российских экспертов:

- Уран, задержанный в Германии 13 июня 1994 г. С таким изотопным составом он в России не производился и, вообще,

в российском ядерном оружии используется уран с другими качественными характеристиками. Кстати, такой уран может производиться в других странах, имеющих ядерные вооружения.

- Плутоний, захваченный в Германии 10 августа 1994 г. Плутоний такого изотопного состава никогда в России не производился.

Аналогичная ситуация складывается и по другим случаям. Но российская сторона неоднократно заявляла и своими действиями подтверждала готовность к совместным действиям по предотвращению нелегального оборота расщепляющихся материалов. Об этом свидетельствует и заключенный (по поручению президента России Б.Н. Ельцина) директором ФСК С.В. Степашиным со статс-секретарем Б. Шмидбауэром⁸ Меморандум о сотрудничестве между спецслужбами России и Германии. Но мы готовы и к более широкому сотрудничеству по предотвращению распространения технологий оружия массового уничтожения в тех странах, где его нет.

Здесь западным странам, прежде всего Германии, еще предстоит многое сделать, чтобы перестать быть источниками утечки двойных и военных технологий, материалов и оборудования по созданию оружия массового уничтожения.

Владимир Орлов: В Москву приезжают представители руководства США и ФРГ, проводят встречи на самом высоком уровне, где говорят о «ядерной мафии» и способах борьбы с ней. Вы в свое время говорили, что вероятность возникновения такой мафии крайне невелика. Что-то изменилось за последний год? Не пора ли приоткрыть завесу: «ядерная мафия» – это угроза или миф?

Геннадий Евстафьев: В моем представлении «мафия» – это хорошо организованная группа высокопрофессиональных преступников. Они занимаются преступным бизнесом таким образом, что получают доступ к каким-то запрещенным или закрытым вещам и извлекают из этого колоссальные доходы.

Что мы имеем здесь? Как правило, действия малопрофессиональных мелких уголовников, которые зачастую даже не представ-

⁸ Бернд Шмидбауэр занимал должность правительственного статс-секретаря в 1991–1998 гг. и курировал деятельность немецких спецслужб. – *Прим. ред.*

ляют, что украденные ими материалы, во-первых, представляют опасность для их собственного здоровья, во-вторых, продаются ими за деньги значительно меньше тех, которые эти материалы стоят на официальном рынке. В этом-то алогичность и курьезность нынешней контрабанды расщепляющихся материалов, которая поддерживается часто искусственно, за счет высоких цен, которые готовы заплатить некоторые полицейские органы за возможность победной режиссуры о «перехвате очередной партии контрабанды», об «обнаружении каналов утечки материалов».

Если Вы хотите знать мое мнение, то, конечно, никоим образом нельзя говорить о «мафии ядерной», по аналогии с наркобизнесом, в который вовлечены десятки тысяч людей и который манипулируется действительно хорошо организованными профессионалами. Но наша задача, тем не менее, не дать злоумышленникам создать реальную мафию. Все остальное – это, по крайней мере на сегодняшний день, не больше, чем разгоряченные предвыборной борьбой фантазии некоторых политиков, делающих на этом карьеру.

Глава 2

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ И ПО ПРОДЛЕНИЮ ДНЯО 1995 Г.: МЫСЛИ ДО И ПОСЛЕ

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? (1995)¹

Роланд Тимербаев, Джордж Банн, Джеймс Леонард²

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. представляет собой компромисс между пятью государствами, обладающими ядерным оружием (Великобритания, Китай, Франция, Россия и США) и примерно 160 участниками договора, которые не располагают ядерным оружием. Первоначальный срок действия договора был ограничен 25 годами, при этом на государства, обладающие ядерным оружием, были возложены обязательства по статье VI. Каждые пять лет участники договора должны рассматривать, выполняется ли это и другие условия договора; было установлено право выхода из договора в случае, если исключительные обстоятельства, связанные с нераспростра-

¹ Впервые опубликовано: Банн Дж., Тимербаев Р. Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? // *Ядерный Контроль*. 1995. № 3. С. 2–4. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№3-1995.pdf>; Банн Дж., Тимербаев Р., Леонард Дж. Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? (Продолжение) // *Ядерный Контроль*. 1995. № 4. С. 2–4. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№4-1995.pdf>

² Джордж Банн (1925–2013) – профессор Центра по международной безопасности и контролю над вооружениями Стэнфордского университета. Роланд Тимербаев (1927–2019) – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР/России, президент ПИР-Центра (1994–1998), приглашенный профессор Миддлберийского института международных исследований в Монтерее, США. Джеймс Леонард (1920–2020) – директор Вашингтонского совета по нераспространению.

нением ядерного оружия, поставили под угрозу высшие интересы заинтересованной стороны (статьи VI, VII.3 и X). В статье VI договора все участники договорились «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». С точки зрения неядерных государств, смысл компромисса состоял в том, чтобы продолжать нажим на государства, обладающие ядерным оружием, с целью прекращения гонки ядерных вооружений и достижения нулевого уровня ядерных вооружений.

Содержание статьи VI, вытекающее из ее текста

Сама статья VI показывает, что переговоры о мерах «по прекращению гонки ядерных вооружений» являются главным приоритетом «в ближайшем будущем». В отличие от этого, призыв к переговорам о «ядерном разоружении» и о «всеобщем и полном разоружении» (ВПР) не сопровождался формулировкой, которая предполагала бы такую же срочность. Статья VI явным образом отдает приоритет мерам по «прекращению гонки ядерных вооружений».

В то время, когда велись переговоры по статье VI, американский и советский планы по ВПР предусматривали, чтобы нулевой уровень ядерных вооружений был достигнут на последней стадии разоружения. Это должно было сочетаться со всеобщим сокращением вооруженных сил и обычных вооружений до самых низких уровней. По американскому плану, предварительные условия для продвижения к нулевому уровню включали ослабление международной напряженности, усовершенствование механизмов по мирному урегулированию международных споров, а также укрепление миротворческих сил ООН.

Установила ли статья VI те же самые взаимосвязи и предварительные условия для «ядерного разоружения»? Обязательство по статье вести переговоры о мерах «по ядерному разоружению» может включать ряд мер по сокращению развернутых ядерных вооружений до уровня, далеко не достигающего нулевого. Понятие «разоружение» иногда означает сокращения, не достигающие нулевого уровня, но в обычном своем значении ядерное

разоружение определенно включает в себя нулевой уровень. Следовательно, обязательство вести переговоры о мерах по ядерному разоружению охватывает и нулевой уровень.

Преамбула договора допускает другое значение. Она содержит два соответствующих положения: одно из них предполагает вести переговоры по «ядерному разоружению», другое – по «всеобщему и полному разоружению» (одновременно или последовательно). В первом положении участники заявляют «о своем намерении по возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении ядерного разоружения...». Во втором положении стороны высказывают стремление «содействовать смягчению международной напряженности и укреплению доверия между государствами, с тем чтобы способствовать достижению прекращения производства ядерного оружия, уничтожению всех существующих его запасов и исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем...».

Отличающиеся друг от друга тексты этих двух положений преамбулы предполагают, что статья VI не требует переговоров о мерах, призывающих к нулевому уровню ядерных вооружений, кроме как в контексте всеобщего и полного разоружения, включая и предварительные условия: смягчение международной напряженности и укрепление доверия между государствами. В то же время «эффективные меры в направлении ядерного разоружения» должны достигаться вне контекста всеобщего и полного разоружения или предварительных условий. Следовательно, на основании преамбулы можно утверждать, что достижение полного ядерного разоружения предусматривалось только в контексте всеобщего и полного разоружения.

История переговоров по договору и практика его реализации показывают, что достижение нулевого уровня виделось в двух вариантах: «ядерное разоружение» без взаимосвязей и предварительных условий и «всеобщее и полное разоружение» с взаимосвязями и предварительными условиями.

Содержание статьи VI, основанное на истории переговоров

В 1962 г. США предложили группе союзников по НАТО обсудить два варианта деклараций: обязательства государств, обладающих ядерным оружием, не передавать его тем государствам, которые им не обладают, и отдельные заявления государств, не обладающих ядерным оружием, об отказе от его приобретения. Италия призвала повременить с этими заявлениями, если от государств, обладающих ядерным оружием, не поступит обещаний отказаться от него. Итальянцы, похоже, выступали и от имени Германии. Когда позже Италия предложила, чтобы страны, не обладающие ядерным оружием, отказались от его приобретения в краткосрочных односторонних заявлениях до тех пор, пока ведутся переговоры по дополнительным обязательствам для тех государств, которые имеют ядерное оружие, канцлер ФРГ Людвиг Эрхард заявил, что Германия уже подписала заявление о неприобретении ядерного оружия, и призвал другие государства последовать этому примеру.

Когда советский и американский проекты бессрочных договоров о нераспространении оказались в центре внимания, Германия подчеркнула, что требуется нечто большее, чем такой ограниченный договор: «Когда государства, обладающие ядерным оружием, прямо заявят о своем желании предпринять со своей стороны шаги по сдерживанию и сокращению вооружений, ограниченный договор о нераспространении положит начало международному сотрудничеству ради подлинной гарантии сохранения мира в ядерный век...»³. Ни американский, ни советский проекты в то время не содержали статьи, обязывающей ядерные державы вести переговоры по прекращению гонки вооружений или по сокращению своих арсеналов.

На Конференции по разоружению в Женеве Италия представила проект краткосрочной декларации об одностороннем отказе развитых государств, не обладающих ядерным оружием, от его приобретения. Согласно итальянскому предложению, неядерные государства должны были встретиться перед самым окончанием первоначального срока действия договора с целью обсуждения

³ Memorandum of the Federal Republic of Germany to other governments, April 76, 1967 // Documents on Disarmament, 1967. P. 179, 180, 1827.

«прогресса, который был достигнут в направлении международных соглашений по предотвращению распространения ядерного оружия или прекращению гонки ядерных вооружений и сокращению ядерных арсеналов». Любое решение государств, сделавших заявление о его продлении, основывалось бы на итогах этого рассмотрения⁴. Восемь неприсоединившихся стран, представленных на Женевской конференции, высказали затем такое же замечание по поводу договора о нераспространении.

В 1965 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, содержащую основные принципы для переговоров по будущему ДНЯО. В резолюции, в частности, постановялось, что такой договор «должен воплощать приемлемый баланс взаимных обязательств как ядерных, так и неядерных государств» и должен стать шагом в направлении «всеобщего и полного разоружения и, в особенности, ядерного разоружения»⁵. Таким образом, и резолюция ООН, и меморандум неприсоединившихся стран, и итальянское предложение призывали к прогрессу в направлении ядерного разоружения, даже до того, как меры и условия, необходимые для ВПР, были бы достигнуты.

Когда Конференция в Женеве возобновила свою работу в 1966 г., восьмерка неприсоединившихся стран согласовала новый меморандум с перечислением конкретных предложений об «ошутимых мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и ограничению, сокращению и уничтожению запасов ядерного оружия и средств его доставки». Такие шаги включали запрещение ядерных испытаний, прекращение производства расщепляющихся материалов для оружия и «замораживание и постепенное сокращение запасов ядерного оружия и средств его доставки, запрещение применения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам»⁶.

В 1967 г., после того как Советский Союз и США представили идентичные проекты договора, мексиканская делегация выдвинула следующую поправку: «Каждое государство-участник договора, обладающее ядерным оружием, обязуется вести переговоры

⁴ Italian Proposal Submitted to the Eighteen Nation Disarmament Committee: Draft of Unilateral Nonacquisition Declaration, September 14, 1965 // Documents on Disarmament, 1965 (1966). P. 411–412.

⁵ UNGA Resolution 2028 of November 19, 1965 // Documents on Disarmament, 1965. P. 532–534.

⁶ Memorandum of August 19, 1966 // Documents on Disarmament, 1966. P. 576–578.

в духе доброй воли, со всей срочностью и настойчивостью с целью достижения дальнейших соглашений по запрещению испытаний ядерного оружия, прекращению производства ядерного оружия, ликвидации существующих запасов ядерного оружия и средств его доставки, а также соглашения о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»⁷. Язык этой поправки ясно свидетельствует, что переговоры по исключению ядерного оружия из национальных арсеналов могут вестись вне контекста всеобщего и полного разоружения. Бразилия, Бирма (Мьянма), Индия, Румыния и Швейцария выдвинули аналогичные предложения⁸.

Еще ранее союзники США выразили заинтересованность в том, чтобы связать обязательства по нераспространению с новыми ограничениями ядерных вооружений. Британский представитель утверждал, что условия договора «должны предоставить способы возмещения неядерным государствам в случае, если ядерные государства будут слишком медленно выполнять свои намерения»⁹. Способы возмещения, чаще всего упоминавшиеся на Конференции в Женеве, включали: право выхода из договора государств, не обладающих ядерным оружием; конференции каждые пять лет для рассмотрения действия договора и конференции по истечению первоначального срока действия с целью решения вопроса, на какой срок продлить договор. Советский Союз и США пересмотрели текст мексиканского предложения, убрав ссылки на конкретные меры, и предложили вариант, ставший обязательством по статье VI. Позднее они изменили свой проект договора, предложив созывать конференции по рассмотрению его действия каждые пять лет вместо того, чтобы проводить такую конференцию лишь один раз по истечении первого пятилетнего срока. Предлагаемый срок действия договора был изменен с «бессрочного» на первоначальный период в 25 лет,

⁷ Mexican Working Paper of September 19, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 394–957.

⁸ Brazilian Amendments of October 31, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 546; Statement of the Burmese representative of October 10, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 459, 463; Statement of Indian Delegate of September 28, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 430, 440; Romanian Working Paper of October 19, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 525–526; Swiss Aide-Memoire of November 17, 1967 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 572–574.

⁹ Statement of February 23 // ACDA, Documents on Disarmament, 1967. P. 288.

по истечении которого участники должны будут решить, на какой срок его продлить¹⁰.

Участники переговоров предполагали, что с нарушениями договора, представляющими угрозу миру, будет иметь дело Совет Безопасности ООН. Договор не предусматривает каких-либо новых полномочий для передачи всех споров по подозреваемым нарушениям условий договора в Совет Безопасности, на судебное решение в Международный Суд, на посредничество и в арбитраж. Недовольный участник договора имеет право выйти из договора, при этом ему необходимо направить уведомление в Совет Безопасности ООН, согласно статье X.1 ДНЯО.

Представитель США в ООН Артур Голдберг в своем заявлении при направлении окончательного текста договора на Генеральную Ассамблею ООН отметил: «После заключения договора, мое правительство в духе статьи VI... будет вести переговоры по разоружению с удвоенным упорством, надеждой и со всей неотложностью...»¹¹. Для неядерных государств, не удовлетворенных тем, как пятерка выполняет статью VI, наиболее важными средствами воздействия являются возможность не допустить достижения соглашения на конференциях по рассмотрению действия договора каждые пять лет и отказ голосовать за длительное продление договора в 1995 г.

Деятельность участников ДНЯО в соответствии со статьей VI

ДНЯО был открыт для подписания 1 июля 1968 г. В тот же день советское правительство выпустило меморандум, в котором объявлялось о согласии вести с США переговоры по стратегическим средствам доставки, а также переговоры о других восьми мерах по контролю над вооружениями, включая «запрещение производства ядерных вооружений и сокращение и уничтожение ядерных арсеналов», отдельно от всеобщего и полного разоружения¹².

¹⁰ Эти изменения появились в проектах от 18 января и 11 марта 1968. См.: International Negotiation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. GPO, 1969. P. 150–159.

¹¹ Statement of April 26, 1968 // ACDA, Documents on Disarmament, 1968. P. 230–231.

¹² Memorandum of July 1, 1968 // ACDA, Documents on Disarmament, 1968. P. 466–707.

Летом этого же года на Конференции по разоружению в Женеве государства-участники наполнили дополнительным содержанием статью VI, согласившись с повесткой дня, включавшей вопросы «прекращения испытаний, неприменения ядерного оружия, прекращения производства расщепляющихся материалов для оружия, прекращения производства вооружений, сокращения и последующего уничтожения ядерных арсеналов и создания зон, свободных от ядерного оружия, и т.д.»¹³. Таким образом, согласно Конференции по разоружению в Женеве, переговоры по уничтожению ядерного оружия в соответствии со статьей VI ДНЯО могут и должны вестись либо в контексте ядерного разоружения без определенных предварительных условий, либо же в контексте всеобщего и полного разоружения с этими условиями. В тот период наиболее значимым из этих двух путей был первый. США и Советский Союз провели двусторонние переговоры по ядерным арсеналам и в результате достигли исключительно важных соглашений по их сокращению. За 26 лет после этого проблемы всеобщего и полного разоружения ядерными государствами не обсуждались, хотя о них и упоминалось в повестке дня Конференции по разоружению в Женеве.

Большинство из тех государств, которые представили специальные заявления правительствам-депозитариям при вступлении в договор, отметили важность достижения соглашений в соответствии со статьей VI ДНЯО¹⁴. На всех четырех конференциях по рассмотрению действия договора отмечался недостаточный прогресс, достигнутый ядерными государствами при выполнении статьи VI. Вопросом, вызывавшим наибольшее возражение, был факт отсутствия переговоров по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний. Две конференции (1980 и 1990 гг.) завершились, так и не достигнув консенсуса по заключительной декларации из-за разногласий по поводу отсутствия этих переговоров.

К 1975 г. были достигнуты соглашения об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Несмотря на это, неприсоединившиеся страны-участницы договора критиковали Советский Союз и США за невыполнение обязательств по договору. Председатель Конференции резюмировал следующим образом: «Совершенно очевидно, что всеобъемлющее

¹³ Report to the United Nations and the UN Disarmament Commission of August 28, 1968 // ACDA, Documents on Disarmament, 1968. P. 591, 593.

¹⁴ Среди них Австралия, Германия, Япония, Индонезия, Турция и Югославия.

запрещение испытаний ядерного оружия является самым решающим элементом...»¹⁵. Компромиссная заключительная декларация была согласована в последнюю минуту.

На Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1980 г. неприсоединившиеся страны-участницы договора блокировали консенсус по заключительной декларации, хотя американо-советско-английские переговоры о прекращении испытаний ядерного оружия достигли прогресса. Неприсоединившиеся страны подчеркнули, что государства, обладающие ядерным оружием, не выполнили свои обязательства по договору: не договорились о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, не ввели Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений 1979 г. (Договор ОСВ-II) в силу, а также не продолжили переговоры по значительным сокращениям стратегических наступательных вооружений¹⁶. К Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1985 г. был достигнут незначительный прогресс в соответствии со статьей VI, однако к этому времени после длительного перерыва начались американо-советские переговоры по стратегическим вооружениям. Делегаты Конференции не желали критиковать эти обнадеживающие усилия, и консенсус по заключительной декларации был достигнут. Заключительная декларация Конференции 1985 г. представляет особый интерес, так как в части, относящейся к статье VI, участники договора отразили общее мнение, что переговоры по достижению нулевого уровня ядерных вооружений должны проводиться, при этом не обязательно в контексте всеобъемлющего и полного разоружения.

Накануне Конференции 1990 г. наступил конец холодной войны, было достигнуто соглашение по ракетам средней и меньшей дальности¹⁷, а также наметился прогресс в направлении договора по стратегическим наступательным вооружениям¹⁸. Тем не менее, консенсус по заключительной декларации 1990 г.

¹⁵ *Donnelly W.H., Beckman R.L. Nuclear Non-Proliferation Treaty Conference / Nuclear Proliferation Factbook. Congressional Research Service, 1985. P. 577, 581.*

¹⁶ *Working Paper submitted to the Group of 77 non-aligned countries on August 26, 1980. NPT/CONF. II/C.1/2.*

¹⁷ *Имеется в виду Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Документ был подписан 8 декабря 1987 г. – Прим. ред.*

¹⁸ *Переговоры по Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договору СНВ-I) проходили с 1985 по 1991 гг. Документ был подписан 31 июля 1991 г. – Прим. ред.*

опять не был достигнут, главным образом, из-за того, что государства, обладающие ядерным оружием, не достигли согласия по запрещению испытаний ядерного оружия.

Выводы о содержании статьи VI ДНЯО

К трем мерам, которые чаще всего упоминались в истории переговоров и в договоре 1968 г., когда стороны договорились о превращении в жизнь статьи VI, относятся запрещение ядерных испытаний; прекращение производства расщепляющихся материалов для оружия; и запрещение применения ядерного оружия. Ни одна из этих мер до сих пор не согласована в качестве обязательной международной нормы. В настоящее время действуют четырехсторонний мораторий на испытания (лишь Китай не присоединяется к нему), советско-американский договор об ограничении подземных ядерных испытаний, одностороннее прекращение производства расщепляющихся материалов для оружия США (и в ближайшем будущем Россией), а также заявления, сделанные каждой из пяти держав о том, что они не будут применять ядерное оружие против неядерных государств (с оговорками). На Конференции по разоружению в Женеве ведутся переговоры о заключении многосторонних договоров по всем трем мерам, но соглашений по «прекращению гонки ядерных вооружений» было достигнуто совсем мало.

Пять держав, признаваемых в ДНЯО в качестве ядерных государств¹⁹, приняли четкое обязательство, в соответствии со статьей VI, вести переговоры в духе доброй воли по всем этим трем мерам. Согласно статье VI, эти меры имеют большую срочность, чем меры, относящиеся к ядерному разоружению. Три ядерных державы из пяти – Великобритания, Советский Союз (теперь Россия) и США – принимали участие в последних серьезных переговорах (прекратившихся в 1980 г.) о прекращении ядерных испытаний. Все пять государств являются участниками многосторонней Конференции по разоружению в Женеве, однако Китай и Франция не были обязаны вести переговоры о прекращении гонки ядерных вооружений до присоединения к ДНЯО в 1992 г. До этого времени вопрос о прекращении производства расщепляющихся

¹⁹ США, СССР/Россия, Великобритания, Франция, Китай, то есть страны, которые испытали ядерное оружие до 1 января 1967 г. – *Прим. ред.*

материалов для ядерного оружия практически не обсуждался на Конференции по разоружению. Однако резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1993 г. о таком прекращении, недавно подтвержденная поддержкой этой меры в США, и совместное российско-американское заявление от 14 января 1994 г. могут дать новый толчок решению данной проблемы²⁰.

В начале сессии 1994 г. Конференция по разоружению назначила специального координатора (представителя Канады Джеральда Шеннона), которому поручалось обсудить с представителями других сторон содержание и механизм проведения переговоров о «недискриминационном многостороннем договоре под эффективным международным контролем, запрещающим производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств». Различия в оговорках, сделанных в отношении обязательств не применять ядерное оружие против неядерных государств, долгие годы препятствуют заключению в Женеве договора о неприменении ядерного оружия. В трехстороннем заявлении, подписанном в Москве 14 января 1994 г. президентами России, США и Украины, Россия и США согласились предоставить Украине идентичные гарантии безопасности, как только она присоединится к ДНЯО.

Всеобъемлющее запрещение испытаний всегда упоминается как самая первостепенная из трех мер по прекращению гонки вооружений. Это единственная мера, отмеченная в преамбуле ДНЯО. На четырех предшествующих конференциях по рассмотрению действия договора наибольшее внимание уделялось факту недостижения соглашения о всеобъемлющем запрещении испытаний, и по этой причине на двух из четырех конференций не было принято заключительной декларации. С точки зрения неядерных государств-участников договора, полное запрещение испытаний является самой важной мерой, которую могут принять ядерные государства для выполнения своих обязательств по статье VI.

²⁰ UNGA Res.48/7SL (1993) // United Nations, 1993.; Statement of President Clinton to UNGA, September 27, 1993 // United Nations, 1993; White House Fact Sheet on nuclear issues dated September 27, 1993 // The White House, 1993; Joint Statement by the President of the Russian Federation and the President of the United States on the Non-Proliferation of Weapons of Mass Destruction and the Means of their Delivery dated January 14, 1994 // The White House, 1994.

Конференция 1995 г. будет отличаться от предыдущих по двум направлениям. Во-первых, если на Конференции не будет достигнуто соглашения, это может означать прекращение договора. Впервые неядерные государства-участники договора будут иметь реальный рычаг воздействия на ядерные державы. Понимая это, неприсоединившиеся государства-участники Конференции по разоружению сделали заявление 1 декабря 1993 г., в котором потребовали разработать в течение 1994 г. «окончательный текст» договора о всеобъемлющем запрещении испытаний.

Во-вторых, вопрос о сроке продления договора будет решаться большинством голосов, а не путем консенсуса, как на конференциях по рассмотрению действия договора. Это имеет особенно важное значение, поскольку участники договора должны будут определить период его продления. Решение не сможет быть заблокировано небольшим меньшинством, как это имело место на прошлых конференциях.

Какое влияние эти изменения окажут на перспективы достижения соглашения о запрещении ядерных испытаний? Государства-участники договора, которые стремятся к достижению такого запрета, не добьются своей цели, если договор прекратит существование. Более того, все или большинство развивающихся стран заинтересованы в продлении договора о нераспространении, поскольку он рассматривается в качестве эффективного средства предотвращения приобретения другими странами ядерного оружия и содействия развитию торговли ядерными материалами и оборудованием под гарантиями.

Однако провал попыток ядерных государств в течение 25 лет запретить испытания может привести к тому, что развивающиеся страны перестанут доверять этим государствам в их способности достичь договоренности без сильного давления. Одним из способов разрешения этой проблемы, с точки зрения развивающихся стран, может стать принятие решения в 1995 г. о краткосрочном продлении договора, например на два года, а затем, если будет достигнуто соглашение по запрещению испытаний, договор может быть продлен на более долгий срок. Возникают серьезные сомнения в отношении юридической законности такого предложения, и в результате, такое продление договора может закончиться его прекращением в 1997 г. Более вероятным предложением неядерных государств может стать призыв прервать Конференцию 1995 г., например, на шесть месяцев,

для того чтобы заново созвать ее после достижения соглашения о запрете на испытания²¹. Поскольку неприсоединившиеся страны составляют примерно две трети всех членов договора, они имеют возможность навязать такой перерыв.

Сторонники продления ДНЯО на долгий срок, скорее всего, не будут настаивать на проведении голосования по этому вопросу в 1995 г., если у них не будет значительного большинства. Совсем нежелательным результатом было бы, если рассерженные представители государств, способных создать ядерное оружие, стали бы угрожать выходом из договора²². Поскольку почти все государства-участники договора не заинтересованы в прекращении действия договора о нераспространении после краткосрочного продления, перерыв Конференции 1995 г. кажется вполне возможным, если к моменту открытия Конференции соглашение о запрещении испытаний не будет достигнуто.

Советский Союз и США выполнили положения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. В соответствии с договорами СНВ-I²³ и СНВ-II²⁴, Россия и США уже сняли с боевого дежурства или демонтировали большое число боеголовок всех категорий дальности, включая и те, которые не охватываются договорами о РСМД и СНВ. Это значительное достижение в выполнении обязательства по статье VI ДНЯО. До настоящего времени три других ядерных государства не участвовали в советско- (сейчас российско-) американских переговорах о сокращении ядерного оружия. Китай и Франция не принимали такого обязательства до своего присоединения к ДНЯО в 1992 г. Однако им придется обсуждать вопрос о сокращении ядерного оружия, чтобы продемонстрировать свое соблюдение статьи VI. Россия и США пока не проводили серьезных переговоров о сокращении ниже конечных уровней для боеголовок стратегических ракет по договору СНВ-II – до уровней, превышающих те, которые существовали у обоих государств в 1970 г., когда ДНЯО вступил в силу. Статья VI явно требует гораздо большего.

²¹ *Epstein W.* Amendment Conference is Best Way to Achieve Early CTBT & Help NPT // *Disarmament Times*, December 21, 1993. P. 4.

²² *Dunn L.* NPT 1995: Time to Shift Gears // *Arms Control Today*, November 23, 1994. P. 14–19.

²³ Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-I), подписанный 31 июля 1991 г. – *Прим. ред.*

²⁴ Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ- II), подписанный 3 января 1993 г. – *Прим. ред.*

Текст преамбулы ДНЯО, относящийся к всеобщему и полному разоружению, подразумевает, что смягчение международной напряженности и укрепление доверия между государствами считались необходимыми для того, чтобы способствовать исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов. Для создания предпосылок глубокого сокращения обычных вооружений нужен мир, а его сейчас нет. ООН пока не доказала в достаточной степени, что она может разрешить споры, связанные с насилием, и всеобщее и полное разоружение пока еще не представляется реальным.

Не требуется выполнения предварительных условий для того, чтобы вступило в силу обязательство вести переговоры с целью достижения нулевого уровня ядерных вооружений. После окончания холодной войны наступило время, когда все пять ядерных государств должны начать такие переговоры. Статья VI не допускает уклонения от переговоров любой из пяти сторон лишь только потому, что американцы и русские согласились сократить стратегические боеголовки до 3500 единиц.

«Пять плюс один» – форум ведения переговоров по статье VI

Таким образом, ядерные государства не выполнили всех своих обязательств по статье VI ДНЯО. США и Россия сделали достаточно много, однако даже после выполнения Договора СНВ-II 1993 г. две основные державы имели бы больше стратегического оружия, чем во время переговоров по ДНЯО. Великобритания, Франция и Китай еще менее выполнили свои обязательства по статье VI. Ни одно из этих трех государств не взяло на себя обязательства о существенном ограничении объема и состава ядерного арсенала. Представители Китая постоянно призывают к полной ликвидации ядерного оружия, но китайское правительство не выдвинуло никаких предложений, как достичь этой цели.

В целях соблюдения статьи VI ДНЯО ядерные государства должны будут создать форум для обсуждения этого вопроса с участием, по крайней мере, пяти государств. Инициатором создания такого форума должно стать правительство США. Некоторые предлагают созвать форум с участием более чем пяти государств, возможно, с включением трех «пороговых» государств (Израиля,

Индии, Пакистана) и даже с включением некоторых неядерных государств, таких, как Швеция, Германия и Япония. Однако эти предложения нельзя считать удачными. Три «пороговых» ситуации представляют собой региональные, а не глобальные проблемы, несмотря на утверждение Индии, что причиной развития ее ядерной программы является Китай. Проблемы, связанные с этими государствами, должны решаться отдельно; только после того, как пятерка сократит свои арсеналы до очень низкого уровня, появится необходимость вовлечь их в систему ограничения ядерных вооружений. Они, конечно, должны будут участвовать в переговорах по полному запрещению испытаний, а также в будущих переговорах по расщепляющимся материалам.

Смысл вовлечения в форум для переговоров по статье VI шведского правительства состоял бы в том, чтобы обеспечить добросовестное отношение к переговорам этой пятерки. Для этого имеются разумные основания, поскольку в каждом из пяти государств имеются влиятельные группы, которые выступают против ограничения ядерного оружия и рассматривают его уничтожение как опасную фантазию. Подходящим способом контроля за переговорами было бы, однако, не присутствие за столом переговоров представителей неядерных государств, а присутствие международной организации (ООН или Конференции по разоружению в Женеве). Представитель ООН или Конференции по разоружению не будет стороной в этих переговорах; его задача будет заключаться в том, чтобы присутствовать и слушать. Этот представитель будет периодически и публично информировать о ходе переговоров. Такая информация станет основой политических оценок для правительств и, возможно, для Конференции по разоружению, Генеральной Ассамблеи ООН или Совета Безопасности ООН. Разумеется, ничто не может (и не должно) препятствовать пяти правительствам вступать в контакты друг с другом без международного представителя. Однако такого рода скрытые контакты рано или поздно станут достоянием гласности, и если они носят сомнительный характер, то участники таких контактов будут дискредитированы.

Некоторые высказывают возражение, что переговоры, проводимые при открытых дверях, никогда не приводят к успешным результатам. В этом есть доля правды. Правительства должны найти способы подвергать проверке свои идеи прежде, чем полностью подписаться под ними. Совсем другое дело – закулисные

сговоры с целью помешать прогрессу на переговорах. Наблюдатель от ООН или Конференции по разоружению действительно может стать одним из возможных каналов проверки «пробных шаров», если он сможет заслужить доверие сторон. Для того чтобы дать старт переговорам «пять плюс один», нужна формальная инициатива, желательна исходящая со стороны США, которая привела бы к созданию пятисторонней подготовительной группы. Ей было бы поручено разработать мандат переговоров и представить его на дальнейшее рассмотрение какому-либо широкому форуму. Конференция по разоружению в Женеве представляется наилучшим местом для проведения такой работы. Затем этот мандат с внесенными исправлениями можно было бы передать на одобрение Конференции по продлению действия ДНЯО в 1995 г. Тогда форум «пять плюс один» можно было бы открыть сразу после нее.

Повестка дня и мандат переговоров

Первым пунктом повестки дня такого форума могли бы быть прозрачность, безопасность и охрана уже существующих запасов оружия пяти государств. Благодаря мерам по безопасности и прозрачности, гарантии безопасности (которые, как можно надеяться, будут сформулированы к тому времени) постепенно приобретут доверие и политическое значение, чего нельзя сказать о простых декларациях. Постановка этих вопросов в качестве первоочередных позволит обеспечить поддержку переговоров со стороны военных истеблишментов, которые в противном случае будут более сдержанными или даже враждебными.

Мандат переговоров по статье VI ДНЯО, естественно, должен включать вопросы не только прозрачности, но и уровней оружия. Для этого явно потребуются подтверждение приверженности цели полной ликвидации ядерных вооружений в будущем. Любой признак отступления от этой цели и сохранение постоянного разделения мира на страны, имеющие и не имеющие ядерное оружие, нанесет серьезный или даже непоправимый удар по режиму ядерного нераспространения. Одно лишь подтверждение цели ликвидации ядерного оружия не удовлетворит более радикально настроенных членов ДНЯО, с которыми будет проводить работу, скажем, Индия, да и не одна она. Неядерные госу-

дарства хотят увидеть хотя бы какую-нибудь программу, представленную ядерной пятеркой, показывающую, как они будут двигаться к этой цели.

Было бы полезно, чтобы на раннем этапе переговоров пятерки был рассмотрен вопрос о снятии ракет с боевого дежурства. Это вполне понятная концепция – снятие с дежурства всех ядерных сил и принятие мер по замедлению их развертывания, которые находились бы под международным наблюдением. Переход от концепции к разработке таких условий и к переговорам о таких мерах далеко не прост. Более того, концепция снятия с дежурства сама по себе не обязательно ведет к сокращению сил и поэтому не может означать обязательства двигаться в направлении ядерного разоружения, как этого требует ДНЯО.

Для того, чтобы убедить неядерные государства серьезно воспринять политическую волю ядерных государств сделать эффективными переговоры «пять плюс один» и тем самым выполнить свое обязательство по статье VI, может потребоваться выдвижение промежуточной цели. Уровень, предусмотренный договором СНВ-II (в 3000–3500 боеголовок с каждой стороны), является слишком высоким. Это не только выше уровней развернутых стратегических вооружений 1968 г., когда был заключен договор, но и настолько выше уровней Великобритании, Франции и Китая, что не оказывает на них никакого политического давления для вовлечения их в процесс сокращения вооружений.

Промежуточный уровень в тысячу развернутых боеголовок для США и России был бы полезной концепцией, на основе которой сформируется политический консенсус. Это потребует серьезных и сложных переговоров между Вашингтоном и Москвой о существенной перестройке сил при сокращении боеголовок. По крайней мере, США должны будут еще раз пересмотреть свою концепцию нацеливания и поставить перед собой кардинальный вопрос, каким целям служит их ядерное оружие. Уровень в 1000 единиц развернутого оружия в любом ядерном государстве не приведет к каким-либо сокращениям в Великобритании и Франции. Это, вероятно, также относится и к Китаю. США и Россия могут предложить следующее: взамен на такое значительное сокращение сил, остальные три государства должны будут принять более низкий уровень, скажем, в 200 единиц развернутого оружия.

Независимо от того, чем закончится обсуждение этих уровней, следует помнить, что именно принятие Россией и США

среднесрочной цели сокращения вооружений до 1000 единиц, а не само достижение этой цели, приведет к принятию другими тремя государствами максимального уровня в 500 единиц (или другой установленной по договоренности цифры) и положит начало переговорам о проверке этих максимальных уровней. Серьезные пятисторонние переговоры о сокращении всех пяти ядерных арсеналов должны быть начаты во время Конференции по продлению договора о нераспространении или сразу после нее, а не в какое-то неопределенное время следующего века.

«Россия выступила против того, чтобы расколоть Конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных» (1995)²⁵

Сергей Кисляк
в беседе с Владимиром Орловым²⁶

Владимир Орлов: Каков главный итог Конференции по рассмотрению действия и по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) для делегации России?

Сергей Кисляк: Мы успешно решили задачу из пяти составляющих: во-первых, договор продлен; во-вторых, договор продлен бессрочно; в-третьих, договор продлен бессрочно без голосования; в-четвертых, укреплен механизм эффективной дальнейшей реализации положений договора; в-пятых, все итоговые документы Конференции отвечают национальным интересам России.

²⁵ Впервые опубликовано: «Россия выступила против того, чтобы расколоть Конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных». Интервью Владимира Орлова с Сергеем Кисляком // *Ядерный Контроль*. 1995. № 5. С. 16–17. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№6-1995.pdf>

²⁶ Сергей Иванович Кисляк (род. 7 сентября 1950 г.) – заместитель главы делегации Российской Федерации на Конференции по рассмотрению действия и по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*. Интервью состоялось в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в ходе Конференции по рассмотрению действия и по продлению ДНЯО в 1995 г.

Владимир Орлов: Если бы ситуация в ходе Конференции не столь благоприятствовала ядерным государствам, стали бы рассматривать иные варианты продления ДНЯО?

Сергей Кисляк: Для российской делегации не было вопроса, на какой срок продлевать ДНЯО. Только бессрочно. Для нас, в частности, принципиально важно, чтобы в тот период, когда Россия находится в процессе сокращения своих ядерных арсеналов, вокруг нее не начали появляться новые источники ядерной угрозы. Однако итоговый результат – бессрочное продление без голосования – не является заслугой одной лишь России или одних лишь ядерных государств. Все делегации работали сообща в поисках взаимоприемлемой формулы. В результате мы вышли на действительно высокую степень честного и плодотворного сотрудничества. Речь идет как о сотрудничестве с теми странами, кто хотел продлить ДНЯО бессрочно, так и с теми, кто изначально не был готов к этому. Мы обратили внимание, что Конференция вообще отличалась высокой степенью взаимодействия.

Мы старались в деталях объяснить, почему, на наш взгляд, бессрочное продление являлось единственным правильным выходом. Над разъяснением позиции, над оттачиванием формул работали очень много: и в залах, и в кулуарах.

Владимир Орлов: В кулуарах же говорили о твердости, а порой и бескомпромиссности позиции России...

Сергей Кисляк: Да, твердость была: твердость убеждений. И все-таки нам удалось добиться позитивного результата не за счет твердости только, но за счет максимально широкого сотрудничества, готовности садиться за один стол и обсуждать любые вопросы без изъятия. В результате получилась убедительная демонстрация того, что бессрочное продление – это именно то, чего хочет подавляющее большинство стран. 111 участников Конференции стали соавторами нашей резолюции. Это помогло доказать, что большинство есть. В этот момент, в принципе, можно было бы идти на голосование: его итог был все равно предрешен. Кто-то, может быть, и хотел голосования. Российская делегация тоже в случае необходимости к нему была готова. Но мы полагаем, что голосование разделит участников на лагерь победителей и горстку побежденных. Это нежелательно и не укрепит договор. Наша позиция встретила понимание. Как следствие, мы достигли итогового компромисса, причем компромисса, который

решал вопрос без голосования. Наконец, российской делегации казалось существенным не просто продлить договор бессрочно. Важно, чтобы его участники были едины в стремлении обеспечить его полнокровное осуществление.

Владимир Орлов: Сейчас много говорят о важности «пакетности» договоренностей Конференции. Что под этим понимает российская делегация?

Сергей Кисляк: Это «пакет» из трех документов (резолюции L.4, L.5 и L.6 в той редакции, где соавторами выступили Россия, США и Великобритания), принятый Конференцией без голосования на утреннем пленарном заседании 11 мая 1995 г. Причем каждый документ пакета носит самостоятельный характер. Так, решение о бессрочном продлении (L.6) – это юридически обязательный документ, вытекающий из самого текста договора. Два других документа (L.4 и L.5) могут быть квалифицированы как политические договоренности о дальнейшей реализации действия ДНЯО, как детализация механизма полномасштабного сотрудничества в деле выполнения его положений. Безусловно, обе резолюции укрепляют и ключевую часть «пакета» – L.6 и сам договор.

Отмечу, что весь установленный механизм дальнейшей реализации положений ДНЯО, а также принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения полностью соответствуют российским позициям и интересам. Принятые документы закладывают также прочную базу для дальнейшего сотрудничества государств в мирном использовании атомной энергии, в частности сотрудничества между ядерными и неядерными государствами. Эти положения для нас также весьма важны и полезны.

Обратите внимание, что решения Конференции, в том числе и решение о продлении, были встречены аплодисментами всех...

Владимир Орлов: Да, но и смехом тоже, или даже всеобщим вздохом удивления: как удалось председателю Дханапале²⁷ за считанные минуты провести решение, вокруг которого ломались копыя многие годы...

Сергей Кисляк: Нет, это был вздох облегчения и выражение удовлетворения. В ходе напряженной работы в кулуарах мы

²⁷ Джаянта Дханапала (1938–2023) – шриланкийский дипломат, председатель Конференции по рассмотрению действия и по продлению ДНЯО 1995 г., бывший заместитель генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. – *Прим. ред.*

нашли новаторскую форму итогового решения. Вы наверняка заметили, что итоговый консенсус по своей форме непривычен, если не уникален в дипломатической практике: все согласны, что все требования, обеспечивающие продление ДНЯО, выполнены, то есть большинство в пользу бессрочного продления налицо, значит, голосование бессмысленно.

Аплодисменты после принятия пакета решений означают, на мой взгляд, что в конечном счете все оказались победителями и все были удовлетворены набором тех документов, которые мы приняли: и те, кто, как Россия, изначально выступал за бессрочное продление; и те, кто в принципе не возражал против такого, но хотел уяснить, как положения ДНЯО будут выполняться; и даже те, кто был не согласен с безусловным продлением. Последние в итоговом «пакете» нашли отклик на свои пожелания, они обнаружили, что их заявления о целях ядерного разоружения услышаны.

Владимир Орлов: Критика Израиля в ходе Конференции не нашла своего адекватного отражения в резолюции L.8, соавтором которой выступила Россия. Понятно, что такова цена дипломатического компромисса. Вопрос в другом. Способны ли Россия и другие официальные ядерные государства предпринять в дальнейшем шаги, учитывающие озабоченность арабских стран?

Сергей Кисляк: Наличие государств с развитым ядерным потенциалом вне ДНЯО – будь то Израиль, Индия или Пакистан – у России всегда вызывало и вызывает беспокойство. С нашей точки зрения, ДНЯО будет полностью эффективен, когда в нем будут участвовать все.

Мы, однако, вряд ли могли бы согласиться с подходом, при котором само продление ДНЯО обуславливалось присоединением к нему того или иного государства. В то же время существовал и иной подход, который мы разделяем: сначала договариваемся продлить ДНЯО в интересах всех, а затем на этой основе добиваемся подключения к нему всех остальных стран. Поэтому если говорить о постановке цели, то мы полностью согласны с теми, кто настаивает на подключении к договору и Израиля, и других. Мы не только с этим согласны, но мы еще и ведем соответствующую работу, полностью используя набор имеющихся у нас дипломатических средств.

Вы сами видели, насколько различны были позиции стран по вопросу об Израиле. Многие арабские страны ставили его как один из центральных вопросов Конференции. Принятая резолюция L.8, согласен с вами, это отражение компромисса. Однако, на мой взгляд, не так уж плохо, что формулировки спокойные. Для любого специалиста, в том числе и в странах-неучастниках, понятно, к кому обращены призывы резолюции. У меня сложилось впечатление, что и почти все арабские страны остались довольны принятой резолюцией. В конечном счете решение о бессрочном продлении ДНЯО дает дополнительный рычаг для «работы» со странами-неучастницами, поскольку теперь снимаются их гипотетические возражения, которые могли бы появиться, не будь ДНЯО постоянным. Действительно, если договор должен продлеваться каждые десять или 20 лет, то у вас нет уверенности, стоит ли вообще присоединяться к тому, что через считанные годы может рухнуть. Теперь же ДНЯО бессрочен, стабилен, его положения становятся незыблемой и окончательной нормой международного права.

Глава 3

О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте (1995)¹

Михаил Кулик²

В ноябре 1994 г. мной было закончено уголовное дело о хищении радиоактивных материалов на Северном флоте, недалеко от Мурманска. Было похищено то, что на языке специалистов называется «активные части» трех свежих тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов атомных подводных лодок, с содержанием около 1 кг урана-235. Виновные задержаны, радиоактивный товар им сбыть не удалось, вину свою они признали. Казалось бы, мне можно поставить точку, перейти к следующему делу. Не уверен, однако, что осуждение троих преступников решит те проблемы, которые стоят на Северном флоте с хранением радиоактивных материалов.

Что тревожит в первую очередь? Рассуждения политиков о том, что хищения, особенно на складах Министерства обороны России, исключены, потому что... исключены. Действительно, сколько раз приходилось слышать именно этот «сильный» аргумент.

Сразу оговорюсь, что являюсь юристом-практиком, я не слишком хорошо знаком с теоретическими программами в области учета, контроля и сохранности ядерных материалов. Тем не менее, значительный опыт работы по противодействию контрабанде радиоактивных материалов на Северном флоте позволяет мне

¹ Впервые опубликовано: Кулик М. Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте // *Ядерный Контроль*. 1995. № 2. С. 12–13. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№2-1995.pdf>

² Следователь по особо важным делам военной прокуратуры Северного флота.

по крайней мере усомниться в спокойствии военных генералов и «генералов» из Минатома.

С одной стороны, понять их можно. Ведь сколько лет случаев хищений действительно не наблюдалось. Из-за этого притушилась бдительность, и притушилась весьма серьезно. Службы, занимающиеся учетом, контролем и хранением ядерных материалов, никогда не назовут вам количество хранящегося вещества с точностью до 1 кг. Подсчет ведется либо в тоннах, либо... в рублях, причем последнее встречается наиболее часто. Инфляция делает такие подсчеты просто смешными. А при этом понятие «плюс-минус килограмм» возводится, по крайней мере, на Северном флоте, в правило.

Как охранялся тот склад, откуда было совершено хищение? Со стороны Кольского залива – вообще никакого ограждения: подплывай на шлюпке, особенно ночью, и действуй. Со стороны промышленной зоны Мурманска – судоремонтные заводы, деревообрабатывающие комбинаты, короче говоря, неохраямая промзона. Кругом проломы в заборах. А если их и нет, то любой ребенок может расшатать полусгнившие доски. Контрольно-следовая полоса по периметру хранилища отсутствует. Попасть прямо к тыльной двери хранилища не составит труда. На территории склада и вокруг него много лет хранится крупногабаритное имущество, цветные металлы, которые уже никогда не будут использованы. Никто не занимается даже тем, чтобы сдать его на металлолом. Захламленность территории создает у преступников впечатление, что и сам склад с тепловыделяющими сборками вряд ли находится под надежной охраной. И это впечатление не обманчиво.

Сам склад оборудован противоатомной защитой, т.е. системой контроля самоподдерживающейся ядерной реакции, системой противопожарной защиты, водяной сигнализацией (индикатор – два простейших контакта: расположены на определенном уровне от поверхности; когда вода достигает этого уровня, контакты замыкаются, и срабатывает сигнализация).

Но охранной сигнализации как таковой почти нет. Есть простой контактный выключатель: дверь открылась, вышиблен штырь – сигнализация сработала. Дверь закрылась – штырь встал на место, контакт разомкнут, соответственно сигнализация перестала работать. Такая сигнализация выведена на пульт, находящийся в ста метрах от самого хранилища. К тому же сигнализация

в хранилище была «законтачена»: откроешь одну из дверей (входную или запасную), другая будет открываться уже без всякой сигнализации. Больше того, кабель этой сигнализации проходил через «бытовку» – раздевалку грузчиков. В «бытовке» распределительный щит даже не был закрыт на замок. Иными словами, сидя в «бытовке», преступник может не спеша обесточить распределительный щит и действовать.

На пульте сидят две старушки – охранницы из ВОХР. Но не всегда. Чтобы им добраться до этого места, надо пройти по захламленной территории, а зимой и через гигантские сугробы. Вооружены старушки пистолетами, которые в руки взять боятся. Освещения никакого. Даже картошку, наверное, сейчас охраняют гораздо лучше, чем радиоактивные материалы.

Нельзя сказать, чтобы не существовало документации по охране подобного рода объектов. В частности, разработано, введено приказом министра обороны России и действует наставление по защите государственных секретов (иногда называемое просто ЗГС). Тем не менее, на Северном флоте оно не соблюдается. Отчасти – из-за отсутствия финансирования. Отчасти – из-за халатности командования. Не раз приходилось слышать от офицеров: «У нас этого приказа на руках нет, мы его не знаем, зачем же мы будем его выполнять?».

Согласно действующим инструкциям, замок на хранилище должен быть врезным – таким, который не перепилишь. На практике же на складе, где было совершено хищение, висел обыкновенный амбарный замок, и то заржавевший. Преступникам не понадобилось и десяти минут, чтобы перепилить его.

Замечу, что в течение всего 1993 г. в вышестоящие инстанции направлялись запросы о дополнительном финансировании хранения радиоактивных материалов на Северном флоте, в частности финансировании ремонта уже существующих хранилищ. Средств выделено не было. Затем были выделены средства для Северного флота, но они были израсходованы целевым направлением на другое хранилище.

Ремонт хранилища, где произошло хищение, производился чуть ли не ежедневно, так сказать, «своими силами». Что это значит? От упаковки крупногабаритного имущества отдирают доски и забивают в забор, плюс добавляют немного колючей проволоки. Таким образом дыры в заборе залатывались крест-накрест. Вот и все «улучшение качества охраны».

В результате хищения командующему Северным флотом указано на полное несоответствие занимаемой должности. Что же изменилось на самом хранилище? Увеличены караулы, выданы переносные рации (для женщин, кстати, слишком тяжелые). Командование Северного флота провело совещание по вопросу оборудования этого и еще одного аналогичного хранилища специальными средствами сигнализации типа «ХОН» (система объемной сигнализации: срабатывает, если уменьшается свободный объем помещения, то есть если входит человек). Денег на эти сигнализации также не нашлось. Затраты на них были запланированы на 1994 г., но опять средств выделено не было.

Поднимался и вопрос о том, что хранилища должны быть переоборудованы. В частности, указывалось на то, что необходимо построить бункер (или бункеры), установить караул, огневую точку, световую сигнализацию... Военные специалисты пришли к выводу, что даже в чисто финансовом плане затраты невелики. И, тем не менее, их рекомендации учтены не были.

Сейчас говорят о том, что на улучшение условий хранения финансирование выделено так и не будет. Действительно, этот вопрос многим офицерам на Северном флоте кажется уже второстепенным, ведь заработную плату порой не выдают по два месяца.

Отдельный разговор – как проводятся проверки наличия тепловыделяющих сборок (ТВС). Это происходит в основном на уровне осмотра целостности пломб. Что такое пластмассовая пломба? Мне, например, надо минут семь, чтобы ее снять и поставить на место. Но девять десятых контейнеров с ТВС первый и последний раз проверялись при загрузке на заводе. Примерно раз в два дня начальник склада проверяет сохранность контейнеров на глаз: поднимет брезент, следов ног нет, ничего не валяется – значит, все в порядке. Иными словами, если бы не случайность, мурманское хищение могло бы раскрыться лет через десять, а то и позже...

Другой вопрос, действительно ли радиоактивные материалы, хранящиеся на Северном флоте, представляют повышенную ценность для контрабандистов. Сразу оговорюсь, что этот вопрос, как бы на него ни ответили, не отменяет необходимости предшествующего разговора.

По тем данным, которыми я располагаю, организованные преступные группы все активнее работают над получением значительных партий радиоактивных материалов с Северного флота.

Они завязывают контакты, прощупывают возможности, наиболее слабые звенья для масштабных хищений. Часть из них изучает и дальнейшие пути вывоза похищенных материалов: одни – на запад, в том числе через страны Балтии, другие – на юг, через Кавказ и Закавказье. Организованные группы внимательно изучают, какие конкретно материалы пользуются наибольшим спросом у зарубежных заказчиков. Тем не менее, те похитители, с которыми приходилось сталкиваться до сих пор, представляют из себя в основном малопрофессиональных одиночек. Впрочем, понятие «малопрофессионал» весьма условное. Преступники в целом представляют себе, как и что похищать. В то же время вопрос: куда это сбывать, по каким ценам – остается для них открытым.

В случае мурманского хищения серьезный покупатель вряд ли клюнул бы, хотя, мы в ходе следствия не исключали, что он воспринял бы похищенные ТВС как пробы. Возможно, если бы преступникам удалось договориться с организованной преступной группой и сбить ей товар, то вскоре они получили бы весьма значительный заказ. Любопытно, что такой одноразовый контакт у похитителей с серьезной преступной группой был, однако заказ не был конкретизирован. Тогда преступники предпочли действовать по принципу: «Пойдем украдем, а потом найдем покупателя. Если об уране постоянно говорят, значит, покупателя найдем без проблем через знакомых бизнесменов».

По некоторой информации, похищенная урановая композиция могла быть использована для причинения вреда путем воздействия на здоровье окружающих, вплоть до смерти. Уже известны случаи, когда предпринимателю под обшивку стула засыпалась шихта, и через несколько месяцев он умирал от рака крови. Такой способ использования похищенного радиоактивного материала крайне привлекателен для наемных убийц, потому что следы найти крайне сложно.

Наконец, не будем сбрасывать со счета простое дробление похищенного материала и засыпку в питьевой источник или в реку с целью терроризма и шантажа. Специалист, наверное, уже готов меня опровергнуть, что без нейтронного источника смысла от такого бросания в воду для террориста мало, без этого урановая композиция стабильна. Не случайно похитители хранили ее под простым брезентом и ничуть при этом не рисковали. Тем не менее, я не исключаю, что, когда игра стоит свеч, можно похитить и источник на быстрых нейтронах.

Надо прямо сказать, что тот конкретный похищенный материал, который фигурировал в уголовном деле, вряд ли заинтересовал бы зарубежных клиентов, строящих планы по созданию в своих странах полноценного военного ядерного топливного цикла. В куда большей мере угроза безопасности России была нанесена косвенно. Теперь у Запада появились более веские основания упрекать Россию в ненадлежащем хранении ядерных материалов на Северном флоте³.

«Пока что еще ни один боеприпас в России не пропал и не был похищен» (1995)⁴

Евгений Маслин
в беседе с Владимиром Орловым

Владимир Орлов: Не каждый знает, что такое «12-е Главное управление Минобороны».

Евгений Маслин: Управление занимается вопросами разработки, испытаний, эксплуатации ядерных боеприпасов, их хранения,

³ Из заключения технической экспертизы усматривается, что предметом хищения явились активные части трех свежих тепловыделяющих сборок (СТВС) активной зоны типа ВМ-4АМ. Данные изделия применяются для загрузки в реактор атомной подводной лодки. В состав топливной композиции СТВС входит 1 448,9 г урана-235, 234, 236, 238, из них урана-235-283,3 г, т.е. около 20 процентов. Стоимость одного изделия в ценах 1986 г. составляет 7 106 рублей, а в ценах 1991 г. – 17 080 рублей. После совершения хищения изделия полностью вышли из строя и не пригодны для дальнейшего использования по прямому назначению. По заключению технической экспертизы, данные ТВС восстановлению не подлежат и для дальнейшего использования пригодна лишь топливная композиция, содержащаяся в них. Стоимость 1 кг композиции на момент хищения составляла 310 000 рублей. Соответственно, остаточная стоимость СТВС складывается из стоимости композиции, т.е. составляет 449 159 рублей. Из телеграфного сообщения командира части в/ч 72190 усматривается, что для определения стоимости изделия СТВС на четвертый квартал 1993 г. необходимо применить к цене 1991 г. коэффициент 10 (цена 1992 г.) и коэффициент 35, т.е. стоимость похищенных изделий на момент совершения преступления.

⁴ Впервые опубликовано: «Пока что еще ни один боеприпас в России не пропал и не был похищен». Интервью Владимира Орлова с Евгением Маслиным // *Ядерный Контроль*. 1995. № 5. С. 9–14. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№5-1995.pdf>

доставки в различные виды вооруженных сил, транспортировки. Чтобы Вы лучше себе представляли задачи нашего Управления, проследите весь путь ядерного боеприпаса, начиная от ворот предприятий Минатома и заканчивая стыковкой с носителем или подвеской под него. Итак, мы занимаемся боеприпасами, но ядерными материалами, – это прерогатива Минатома.

Тем не менее, на заводах находятся наши военные представители, которые следят за качеством сборки боеприпасов. Мы пристально следим за безопасностью и эффективностью боеприпасов. Мы также отвечаем за возврат устаревших ядерных боеприпасов в промышленность, и военпреды следят за процессом разборки боеприпасов.

Хранение стратегического запаса – также одна из функций Управления. Оно осуществляет технический контроль, проводит единую техническую политику в видах вооруженных сил, являясь своего рода поставщиком и контролером тех видов вооруженных сил, где имеются ядерные боеприпасы.

Наконец, в состав Управления входят службы специального контроля, которые осуществляют контроль над проведением испытаний ядерного оружия на зарубежных полигонах, фиксируют всевозможные возмущения в земной коре (в том числе землетрясения), обладают развернутой системой контроля над всеми возможными следствиями испытаний ядерного оружия.

Я упомянул, среди прочих, задачу Управления по проведению испытаний ядерного оружия. Как Вы знаете, в настоящее время мы подземных ядерных испытаний не проводим, соблюдая объявленный мораторий. В то же время подразделения 12-го Управления продолжают испытания по совершенствованию безопасности и надежности ядерных боеприпасов и зарядов во время аварийных ситуаций: пожаров, обстрелов складов, соударений и т.д.

Владимир Орлов: Вопросы ядерной безопасности, насколько я понимаю, из числа наиболее труднорешаемых. Скажем, вопросы учета, контроля и физической защиты ядерных боеприпасов и материалов только сейчас начинают обсуждаться открыто.

Евгений Маслин: Сначала договоримся о терминах. Что такое ядерная безопасность? Ведь учет и контроль ядерных материалов – это только частичка безопасности. Если посмотреть шире,

то понятие «ядерная безопасность ядерного оружия» означает внутреннее свойство ядерного боеприпаса, которое при соблюдении норм эксплуатации исключает нештатный ядерный взрыв при любых обстоятельствах, а также снижает до определенной степени риск радиологического загрязнения местности при аварийных воздействиях.

Чем обеспечивается ядерная безопасность? Во-первых, конструкцией боеприпаса. Во-вторых, хранением. Боеприпас должен храниться в сверхпрочных хранилищах с соответствующей системой защиты, стены и крыши которых выдерживают большие перегрузки. Те объекты, которые вызывают наибольшее беспокойство с точки зрения безопасности, мы просто закрываем. За последнее время мы сократили места хранения ядерных боеприпасов в 2,7 раза: четыре объекта на Украине, а также около Гомеля в Белоруссии, в Семипалатинске, в Нальчике, на Дальнем Востоке. В-третьих, подбором персонала.

Владимир Орлов: Об этом расскажите поподробнее.

Евгений Маслин: В Министерстве обороны действует специальная система подбора людей, которые эксплуатируют ядерные боеприпасы. Наши научно-исследовательские учреждения работают над усовершенствованием методики тестирования кандидатов с учетом индивидуальных физиопсихологических качеств. Обучение персонала начинается в специальных училищах. Затем по каждому виду ядерных боеприпасов проводится дополнительная подготовка и переподготовка. Допуск военнослужащего к эксплуатации ядерного боеприпаса разрешается, только если он по результатам обучения получил оценки не ниже «хорошо». В отношении офицеров и прапорщиков действует безусловный принцип: выпил – отстраняешься от допуска к эксплуатации ядерных боеприпасов.

Владимир Орлов: Вернемся к мерам обеспечения ядерной безопасности оружия.

Евгений Маслин: Четвертая среди них – физическая защита хранилищ. Вокруг каждого хранилища создается несколько рубежей защиты, причем каждый рубеж основан на определенном физическом принципе. В-пятых, использование специальных транспортных средств при перевозках. Так, автомобили имеют такую систему защиты, что даже при их опрокидывании ядерный боеприпас

не может быть поврежден в той степени, чтобы создалась какая-то аварийная ситуация. В железнодорожных вагонах поддерживаются определенные климатические условия. В-шестых, целая серия правил при работе с изделием. Например, одно из правил гласит: с изделием не могут работать меньше трех человек. В-седьмых, система учета и контроля ядерных боеприпасов.

Владимир Орлов: Как она действует?

Евгений Маслин: Я в любой момент могу узнать, где какой боеприпас находится. Каждые полгода проходит инвентаризация. В хранилищах никто не появляется без нужды, только для технического обслуживания. Каждый транспортируемый боеприпас тоже находится все время под контролем. Вместе с тем эту систему нужно совершенствовать. Прежде всего – автоматизировать. У американцев есть такая автоматизированная система. У нас тоже есть наработки. Мы обменивались демонстрацией на компьютерах. У нас математическое обеспечение выше, на мой взгляд, но нам не хватает только самих компьютеров.

Владимир Орлов: Верно ли, что один из самых уязвимых моментов – транспортировка ядерных боеприпасов?

Евгений Маслин: Да. Когда боеприпас находится в хранилище, в контейнере, то трудно вообразить, что с ним реально может произойти аварийная ситуация. А вот при транспортировке вообразить это не сложно. Поэтому мы работаем в тесном контакте с Министерством транспорта, МВД и ФСБ. Транспортное средство с боеприпасами находится в постоянном сопровождении специально подготовленных военнослужащих, которые обучены, как защищать боеприпасы от террористов, знают, какие меры принимать при аварийных ситуациях. Вот, например, сейчас, во время нашего разговора, очередной эшелон с ядерными боеприпасами с Украины пересекает границу и въезжает на российскую территорию. Весь путь эшелона от места демонтажа боеголовок до места их разборки – это наша первейшая забота.

С помощью США мы внедряем новые транспортно-защитные устройства (ТЗУ), или суперконтейнеры, которые позволяют более надежно транспортировать ядерные боеприпасы. Суперконтейнеры практически не горят, их нельзя прострелить. В августе 1994 г. мы проводили учения с реальным столкновением железнодорожных поездов. Результаты учений обнадеживают.

шие. Мы уже используем ТЗУ, например, в случае с вышеупомянутым эшелонем с Украины.

В вопросе транспортировки наш подход к безопасности традиционно отличается от американского. США предпочитают для ядерных перевозок воздушный транспорт, считают, что авиация надежнее железных дорог и автомобильного транспорта.

Владимир Орлов: Значит ли это, что именно вопросы транспортировки ядерных боеприпасов являются вашей основной головной болью?

Евгений Маслин: Я бы так не сказал. Основная головная боль у меня – вопрос жилья для офицеров, работающих по эксплуатации ядерного оружия. Знаю, что его нельзя быстро решить. Но знаю также, что не решать его тем более нельзя. При острой потребности в четыре тысячи квартир в прошлом году мы получили, дай бог, пятьсот.

Владимир Орлов: Жилищная проблема не попала в число проектов, финансирование которых осуществляется по российско-американской Программе уменьшения ядерной опасности, известной больше как «план Нанна-Лугара»⁵. Тем не менее, в рамках этой программы США уже оказали некоторую помощь по уничтожению сокращенных стратегических вооружений России, повышению ядерной безопасности. В России нет единого мнения о характере этой помощи. Известны высказывания, что это и не помощь вовсе, а если и помощь – то прежде всего американским же компаниям. Говорят, что мы вполне могли бы обойтись без плана Нанна-Лугара. Приводят целую систему аргументации.

Евгений Маслин: Я хорошо знаю эту аргументацию. И хотя отдельные ее положения можно принять, в целом с ней согласиться не могу. Возьмите те же ТЗУ. Американцы выполнили обязательства по их поставке точно в срок. Нам это, замечу, не стоило ни копейки. Зато те наработки, которые предложили американцы,

⁵ «План Нанна-Лугара» (Программа совместного уменьшения угрозы) – механизм, разработанный США для оказания помощи России и другим постсоветским странам в области уничтожения запасов оружия массового поражения, обеспечения безопасности транспортировки и хранения ядерных боеприпасов в интересах поддержания режима ядерного нераспространения. Программа действовала в 1992–2012 гг. – *Прим. ред.*

действительно позволили повысить защищенность боеприпасов при транспортировке. США передали нам также оборудование, которое позволяет ликвидировать последствия аварийных ситуаций. Оборудование, которое наши заводы не производят. Разве это не осязаемые плюсы?

Действительно, США выделяют деньги, прежде всего, для своих производителей. Но смогли бы мы, например, сегодня сами осилить ТЗУ? Каждый суперконтейнер стоит порядка 50 млн рублей. А все то, что мы получили из США, – это же бесплатно. Почему не воспользоваться этим? Потому что «они хотят нас разоружить»? Естественно, хотят. Потому что они боялись, боятся и еще долго будут бояться нашей ядерной мощи. А между тем мы составили такие рамочные соглашения, которые не ущемляют ни наших интересов, ни нашей безопасности.

Высокая политика – не моя сфера. Но то, что я наблюдаю в рамках вверенного мне ядерного хозяйства, говорит о том, что американская помощь оказывается эффективной и обязательства в целом выполняются. Больше того, американцы спрашивают: «Что вам еще нужно для повышения ядерной безопасности?». Отвечаю: «Дайте нам еще 600 таких контейнеров». Мои американские собеседники это записали и обещали выполнить как можно быстрее. К тому же предложили оборудовать еще несколько железнодорожных вагонов аварийным оборудованием, заняться диагностикой железнодорожных путей, проверкой качества рельсов. Наконец, мы обсуждаем поставки Министерству обороны России американского компьютерного оборудования. В чем мы отстаем от американцев, так это в компьютеризации системы контроля и учета ядерных боеприпасов.

Помимо США, у нас заключены аналогичные соглашения с рядом других стран (Великобритания, Италия, ФРГ, Франция). Например, британцы очень четко и в короткий срок создали для нас суперконтейнеры и уже поставили их нам. Только что в Петербург прибыли еще 47 контейнеров, и мы сразу направим их по назначению. Великобритания также поставила бронированные автомобили весом в 18 тонн, приступила к обучению российского персонала по транспортировке боеприпасов на этих машинах. Франция также будет изготавливать контейнеры для Министерства обороны, правда, другого типа. Италия поставит радиационные приборы, которые позволяли бы осуществлять мониторинг радиоактивного заражения.

Будут в дальнейшем у России достаточные финансовые средства на ядерное разоружение и снижение ядерной опасности – прекрасно, тогда мы станем внедрять отечественное оборудование, и будет оно не хуже американского. Но пока таких средств нет, программу сотрудничества с США по плану Нанна-Лугара, с другими странами Запада следует продолжать и всячески поддерживать.

Владимир Орлов: Эта помощь, однако, не позволяет закрыть целый ряд «брешей». Об одной – жилье для военнослужащих – мы уже говорили. Есть ведь и другие.

Евгений Маслин: Конечно. Во-первых, технические средства охраны на ядерных объектах уже исчерпали срок эксплуатации, приходят в негодность. Во-вторых, сами сооружения строились в основном в 1960-е гг. и с тех пор находятся без капитального ремонта, что совершенно ненормально: возьмите хотя бы электропроводку, которая тлеет со временем. То есть нужны капитальные ремонты, на это нужны деньги. Уже более полутора лет ходит по инстанциям целевая федеральная программа по повышению ядерной безопасности, предусматривающая выделение государственного финансирования, прежде всего на технический аспект повышения ядерной безопасности.

Владимир Орлов: Средства по ней выделяются?

Евгений Маслин: Нет. Хотя запрошен самый минимум: столько, что больше от этой суммы уже отрезать нельзя. Сейчас говорят, что парламент принял раздутый военный бюджет. Мне представляется обратное. К тому же бюджет принят поздно, и ситуация порой оказывается критической. Мы находимся в подвешенном состоянии как заказчики продукции, ибо не знаем точно, есть у нас средства на закупки или нет, и если есть, то сколько. Ведь от Государственной Думы до Минобороны долгий путь, путь определения приоритетов в Министерстве обороны не короче.

Владимир Орлов: И все-таки бытует мнение, что 12-е Управление находится в привилегированном положении.

Евгений Маслин: По наиболее острым вопросам финансирование у нас пока еще есть. Но я бы не сказал, чтобы оно было достаточным. Нам немножко легче, может быть, по сравнению с некоторыми другими управлениями Министерства обороны,

потому что в конце 1994 г. президент принял решение в первую очередь финансировать объекты, которые связаны с ядерным оружейным комплексом. С другой стороны, Вы же сами понимаете: одно дело президент, а другое дело та громоздкая структура, которая его решения должна выполнять. При возникновении острых текущих вопросов немедленно докладываю начальнику Генерального штаба, первому заместителю министра обороны. Но не всегда получается решать такие хронические проблемы, как своевременная выплата зарплаты (люди, ответственные за эксплуатацию ядерных боеприпасов, получают зарплату на месяц, а то и на два позже положенного), продовольственное и вещевое обеспечение военнослужащих. Серьезная проблема – наши большие долги по электроэнергии, по обеспечению газом, мы вообще не платим сейчас соответствующим гражданским структурам.

Владимир Орлов: Военнослужащие, допущенные к эксплуатации ядерных боеприпасов и при этом месяцами не получающие зарплаты. Устаревшие помещения ядерных объектов. Согласитесь, приходит мысль о том, что разговоры об опасности ядерного терроризма – не только из серии фантастики.

Евгений Маслин: Раньше говорили – несанкционированное воздействие на боеприпасы, теперь, действительно, возник такой термин, как ядерный терроризм. Соглашусь с Вами в той части, что сегодня проблемы противодействия ядерному терроризму стали довольно-таки актуальными для всех стран, в том числе и для России. Но не соглашусь в том, что именно в России, в силу названных Вами или ввиду каких-то иных обстоятельств, эта опасность сегодня выше, чем в других ядерных странах. И в Минатоме, и в Министерстве обороны России вопросы противодействия ядерному терроризму решались и решаются не хуже, чем, скажем, в США. Да, американцы до сих пор в изумлении, как нам удалось в сверхкороткие сроки – считайте, за месяц – все тактические ядерные боеприпасы вывезти из Восточной Европы, при этом сделать это технически настолько грамотно, что всякая угроза несанкционированного воздействия на вывозимые нами боеприпасы была исключена. Они до сих пор разводят руками: «Научите наших военных, чтоб они так же быстро работали».

Что такое, по сути, ядерный терроризм? Кража, я так понимаю. Кража со склада Министерства обороны ядерных боеприпасов невозможна, это я заявляю ответственно.

Что теоретически возможно и к чему мы всегда должны быть готовы – это разбой в отношении железнодорожных эшелонов, попытка завладеть перевозимыми ядерными боеприпасами. Для чего? Скажем, для того чтобы генерал Дудаев⁶ мог поугнать всех «собственным ядерным оружием». Применить такой боеприпас технически невозможно, но все равно как оружие шантажа – это очень «сильный аргумент».

Существует угроза радиоактивного заражения. Но не только «дудаевцы» могут стремиться к захвату ядерного боеприпаса. Повторяю, такая угроза возможна, мы ее не только не исключаем, но учитываем в повседневной отработке наших действий, совершенствуем критерии подбора персонала, его обучения, устанавливаем новое поколение кодоблокировочных устройств.

Уделять серьезное внимание проблемам противодействия ядерному терроризму нас заставляет и тот факт, что на предприятиях Минатома, на Северном флоте несколько раз возникали утечки делящихся материалов. Правда, все проверки показали, что из этого материала бомбы никогда не сделаешь. Но, тем не менее, утечки были, и это заставляет нас тоже быть настороже.

Мы провели моделирующие занятия на наших объектах, пытаясь ответить на вопрос, который и Вы, наверное, собирались задать: «А что, если?...». И я Вам должен сказать откровенно, что в результате этих занятий-учений для меня на первый план выдвинулся вопрос, над которым мы раньше вообще не задумывались: а что, если на эти шаги пойдут люди, которые раньше работали с ядерными боеприпасами? Скажем, уволенные из наших структур, социально недовольные, озлобленные. Этот вопрос столь серьезен, что мне приходилось докладывать о нем на Межведомственной комиссии Совета Безопасности России. Было принято решение о повышении степени охраны объектов и перевозок, о соответствующем финансировании. В подведомственных мне подразделениях и частях ежедневно тысяча специально обученных военнослужащих заступает в караул, имея следующую задачу: противодействовать ядерному терроризму.

⁶ Джохар Мусаевич Дудаев (1946–1996) – один из лидеров сепаратистского движения в Чечне. На протяжении 1990-х гг. чеченские сепаратисты неоднократно заявляли о намерении выкрасть ядерное оружие с российских военных объектов. – *Прим. ред.*

Владимир Орлов: Был ли хоть один случай похищения ядерного боеприпаса?

Евгений Маслин: Нет, таких случаев не было. И, я надеюсь, не будет.

Владимир Орлов: Ваше Управление отвечает за проведение ядерных испытаний. Пока единственный российский ядерный полигон на Новой Земле молчит. Как Вы можете прокомментировать мораторий на проведение ядерных испытаний и подготовку к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Евгений Маслин: Я предпочел бы разделить вопрос на две части: ДВЗЯИ и мораторий. Начну с последнего. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний необходим и с точки зрения политической, и с точки зрения нравственной. Необходим он и как аргумент в пользу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Несмотря на имеющиеся на переговорах в Женеве трудности и расхождения, мы наверняка придем к заключению ДВЗЯИ в ближайшие годы.

Что же касается нашего добровольного моратория на проведение ядерных испытаний, то здесь не все так однозначно. Несмотря на то что сейчас создаются комплексы моделирующих установок, которые когда-то позволят (а в некоторых моментах уже сейчас позволяют) заменить то, что раньше можно было иметь только при ядерных испытаниях, основная проблема остается. Это проблема самого ядерного боеприпаса, его потенциальной опасности из-за наличия в нем радиоактивных веществ, которые при нештатной ситуации могут быть выброшены в окружающую среду. Такой токсичный продукт, как плутоний, представляет особую опасность при попадании в грунт. Наличие взрывчатого вещества бризантного типа, которое находится в каждом боеприпасе, – это тоже потенциальная опасность: взрывчатое вещество может сдетонировать, если оно будет повреждено от прострела или от попадания какого-то осколка, или, что особенно опасно, может сдетонировать от пожара. Конструкторы не только у нас, но и в других ядерных странах работают над повышением безопасности ядерных боеприпасов при нормальной эксплуатации, не при боевом применении. Здесь главная цель: создание взрывчатого вещества, менее чувствительного к различным аварийным воздействиям. Но для того, чтобы быть убежденными в эффек-

тивности нового взрывчатого вещества, надо провести испытания. Их нет.

Между тем американцы в этом вопросе очень сильно обогнали нас. Еще в начале 1960-х гг. они повысили безопасность ядерных боеприпасов. Когда над Испанией потерпел аварию американский самолет с ядерными бомбами, трагедии не произошло именно благодаря разработкам ученых. По состоянию на сегодняшний день США успели оснастить свои ядерные силы более безопасными (то есть менее чувствительными к аварийным ситуациям) боеголовками.

Владимир Орлов: Что сейчас с новоземельским полигоном?

Евгений Маслин: Мы исходим из продолжения моратория на ядерные испытания⁷. Полигон законсервирован. Если на полигоне в Неваде сейчас режим шестимесячной готовности, то какая степень готовности на Новой Земле – я просто не знаю. Но знаю, что профессионалы теряют квалификацию. Для целей создания боеприпасов, малочувствительных к аварийным ситуациям, ядерные испытания на Новой Земле следовало бы возобновить. На некоторое ограниченное время, не отказываясь от идеи заключения ДВЗЯИ. Пусть это будет не полномасштабная программа испытаний. Главное, чтобы решить вопросы повышения безопасности боеприпасов. На самом деле, это был бы хороший задел на будущее.

Владимир Орлов: А так называемые ядерные взрывы в мирных целях?

Евгений Маслин: Выскажу свое личное мнение. Ядерные взрывы в мирных целях нужны. Их следовало бы проводить под международным контролем, с международной экспертизой. Центральный физико-технический институт Министерства обороны вместе с учеными из Арзамаса-16⁸ разработал методику проведения ядерных взрывов с целью уничтожения или захоронения радиоактивных отходов, в том числе реакторов подводных лодок, под международным контролем. Таким образом можно было бы довольно дешево и быстро решить эту проблему. Сейчас

⁷ Мораторий на ядерные испытания был введен указом президента России Б.Н. Ельцина в 1992 г. – *Прим. ред.*

⁸ Арзамас-16 – закрытый город в Нижегородской области, где с 1940-х гг. велась разработка и производство ядерных боеприпасов. В 1995 г. городу было возвращено историческое название: Саров. – *Прим. ред.*

вопросы совершенствования безопасности ядерных боеприпасов и совершенствования их эффективности решаются в основном только в умах ученых. Но физику не запретить, мораторий на ее изучение не ввести. Вопрос о будущем ядерного оружия непременно встанет.

Владимир Орлов: Каким Вы себе его видите – ядерное оружие будущего?

Евгений Маслин: Не примите мои слова как кощунство, но в будущем ядерное оружие должно стать более гуманным. Оно должно воздействовать, прежде всего, на технические системы, а не на людей. Вы знаете, что есть такой поражающий фактор, как электромагнитный импульс (ЭМИ), помимо светового излучения и ударной волны. Вот этот ЭМИ может воздействовать на что угодно – на энергоснабжение, на радиолокационные средства, на корпус самолетов и кораблей. В США работы в этом направлении ведутся.

Владимир Орлов: А разве в России не ведутся?

Евгений Маслин: В России, насколько я понимаю, денег не хватает, чтобы заниматься подобной экзотикой. Наверное, наработки имеются, но они сугубо теоретические.

Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят материалы Генеральной прокуратуры (1995)⁹

Александр Мыцков¹⁰

В последнее время в средствах массовой информации появилось много сообщений, смысл которых заключается в том, что на предприятиях ядерного цикла сохранность ядерных материалов не обеспечивается, что их можно запросто и в любом количестве

⁹ Впервые опубликовано: Мыцков А. Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят материалы Генеральной прокуратуры // *Ядерный Контроль*. 1995. № 9. С. 2–3. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№9-1995.pdf>

¹⁰ Помощник Генерального прокурора Российской Федерации.

вынести, что на эти материалы повышенный спрос и желающие, рискнув, могут легко заработать. Основательно сбили с толку сообщения о скандалах вокруг задержания нескольких человек в Германии с радиоактивными материалами якобы российского происхождения.

Что же происходит на самом деле? Материалы прокурорского надзора, в частности сообщения прокуроров с мест, дают возможность взглянуть на проблему обеспечения сохранности и физической защиты ядерных материалов без излишней сенсационности и желания накалить обстановку. В то же время именно те данные, которыми мы сейчас располагаем, позволяют с достаточной степенью точности и объективности судить о том, возможно ли все-таки похитить ядерные материалы с российских предприятий и, если возможно, то почему.

Два вступительных замечания. Во-первых, известно, что как любое сколько-нибудь опасное производство таит в себе риск аварии, так работа с любыми ценностями заведомо содержит опасность посягательства на них. Производств без такого риска и опасности не бывает. Иное дело – свести их до минимума, создать несколько степеней защиты, в совершенстве отработать систему учета, охраны, контроля и т.п. Во-вторых, проблема учета, хранения и физической защиты ядерных материалов всегда была, есть и, вероятно, будет. Почему? Как заявил министр по атомной энергии Виктор Михайлов в интервью журналу *Ядерный Контроль*, «никто не знает точного количества мощностей по наработке этих материалов и точного количества самих наработанных материалов из-за технологических потерь в производстве...»¹¹.

В целом следует признать, что на российских предприятиях (Минатома, Гособоронпрома, Министерства обороны) имеется достаточно высокий уровень учета, контроля и физической защиты ядерных материалов. И сегодня нет оснований утверждать, как это делают некоторые источники, что ядерные материалы утекают налево и направо. Прокурорские проверки свидетельствуют, что для обеспечения их сохранности делалось и делается немало. Правда, из-за малых средств делается это недопустимо медленно.

Одновременно те же данные прокурорских проверок однозначно свидетельствуют: случаи хищений ядерных материалов

¹¹ Михайлов В. Учет и контроль ядерных материалов: взгляд главы Минатома // *Ядерный Контроль*. 1995. № 2. С. 9–11.

были, а главное – возможность таких хищений в дальнейшем не исключена. Из уголовных дел (их за четыре года набралось около десятка) наглядно видно, чем оборачиваются пресловутые плюс-минус килограмм или другие пробелы в учете и хранении ядерных материалов.

Возьмем дело по обвинению аппаратчика цеха НИИ НПО «Эко-Луч» (г. Подольск) Смирнова. Выпускник Московского химико-технологического института, он работал инженером, младшим научным сотрудником, мастером, а непосредственно перед преступлением – аппаратчиком и отлично знал технологический процесс по переработке радиоактивного сырья. Но не только процесс. Следствие выяснило, что Смирнов воспользовался другим знанием: знанием несовершенного учета сырья и переработанного продукта, вес которого после прокаливании увеличивался на 2–3 процента. На руку сыграла и снисходительность охраны. Вынося каждый раз по 50–70 г неучтенных технологических излишков, он в несколько приемов похитил более 1,5 кг урана-235 в надежде выгодно его продать. Заодно с ураном Смирнов похитил три контейнера для хранения радиоактивных веществ.

Другой канал утечки ядерных материалов иллюстрирует дело по обвинению кладовщика спецпродукции цеха №103 ВНИИТФ (Челябинск-70)¹² Яцевеча. Вступив в сговор с инженером этого цеха Шеломенцевым, он похитил заготовку необогащенного урана-238 общим весом 5,5 кг. Не брезговал Яцевеч и другими ценностями. В ходе следствия обнаружилась любопытная деталь: сколько бы по складу ни проводилось инвентаризаций, ни излишков, ни недостач у Яцевеча не выявлялось. А кроме урана он похитил 151 т платины, 13,5 кг титана, 49,5 кг тантала. Объяснение оказалось простым: так называемый оперативный учет у кладовщика был основным видом учета спецпродукции и дал возможность Яцевечу для преступного маневра.

Третье дело наиболее точно отражает сложившуюся ситуацию. В Арзамасе-16 с 5,1 кг урана-238 был задержан нигде не работающий Васин. Выяснилось, что он через группу граждан пытался сбыть уран на Украине, но сделать это не сумел. Когда провели экспертизу, то оказалось, что уран местный, с ВНИИЭФ. Кем, когда, при каких обстоятельствах ядерные материалы выне-

¹² Челябинск-70 – закрытый город в Челябинской области, где с 1950-х гг. велись разработка и производство ядерных боеприпасов. С 1994 г. носит название Снежинск. – *Прим. ред.*

сены за пределы ВНИИЭФ, следствие, к сожалению, не установило. Но факт остается фактом: утечка произошла.

Логично предположить, что из этих дел извлечены надлежащие уроки. Однако, боюсь, что уроки эти были извлечены лишь отчасти. Проведенные в 1994 г. проверки обнаружили, что существующий на предприятиях Минатома порядок инвентаризации складских помещений и установок не обеспечивает достоверности сведений о наличии делящихся материалов. К примеру, в цехе № 1 ПО «Опытный завод Луч» пооперационный учет урана не велся даже на заключительном этапе переработки. Готовая продукция накапливалась в неопечатаваемом контейнере. Обогащенный уран учитывался лишь по завершении всего технологического цикла.

Множественно усиливает возможность утечки радиоактивных материалов система определения норм их безвозвратных потерь. Скажем, в ПО «Маяк» определяемая статистическим путем норма потерь колебалась в пределах 0,08-0,85 процента. С учетом того, что количество исходного материала исчисляется на «Маяке» тоннами, при таком нормативном зазоре можно создать любые запасы неучтенных излишков.

Контрольно-пропускные пункты особо режимных предприятий не оснащены техническими средствами обнаружения радиоактивных веществ, что в совокупности с изложенным выше создает реальную возможность несанкционированного завладения ими либо совершения в отношении их иных противоправных действий.

На основе обобщенных материалов Генеральная прокуратура направила представление министру по атомной энергии, информационные записки в правительство и президенту Российской Федерации. О реакции президента на документы прокуратуры сведений не имеется. Что касается правительства, то оно дало поручение об устранении выявленных нарушений ряду ведомств, прежде всего Минатому. Виктор Михайлов издал специальный приказ, в котором начальникам главных управлений, управлений, председателям комитетов, руководителям концернов и акционерных обществ предписано наладить строгий и регулярный контроль, создать комиссии и детально проверить состояние учета и сохранности ядерных материалов, усилить службы обеспечения сохранности материалов и т.д. В заключении приказа установлено, что за невыполнение предписанных мер к ним будут

приняты строгие дисциплинарные меры вплоть до расторжения контрактов.

Однако, несмотря на столь внушительные резолюции, за последние месяцы физическая защита ядерно-опасных объектов во многих регионах не улучшилась. Вызывают тревогу многочисленные факты несовершенства и прогрессирующего дряхления защитных сооружений. Больше всего беспокоит, естественно, сохранность ядерных материалов, ядерная и радиационная безопасность. Если в отношении сохранности можно говорить, что она, в основном, обеспечивается (сколько-нибудь существенных фактов недостачи, утрат и хищений не выявлено), то обеспечение безопасности – нерешенная проблема.

Понятно, что неблагополучная ситуация, в которой находятся предприятия, складывалась десятилетиями, и расхлебывать ее предстоит годами. Однако элементарную расхлябанность и бесконтрольность изжить вполне по силам. Например, на судоремонтном заводе «Нерпа» в Мурманской области установлено, что часть периметра ограждения не освещается, контроль доступов извне к защищенной зоне в этих местах не ведется. Связь КПП и постов охраны не продублирована, посты тревожной сигнализацией не оборудованы, за акваторией завода и береговой чертой постоянного наблюдения не производится.

На Приборном заводе погрузо-разгрузочные работы с ядерными боеприпасами и специзделиями ведутся на железнодорожной рампе, которая находится вне охраняемой зоны объектов. Рампа, как оказалось, берется под войсковую охрану только на время выполнения работ и является наиболее уязвимой для захвата специзделий или вывода из строя ее узлов и механизмов.

На Севмашпредприятии хранение ядерного материала на первом этаже стендового корпуса осуществляется в помещении, которое сигнализацией не оснащено. Под охрану не сдаются, требуемых вторых замков на дверях не имеет.

Парк технических средств охраны на большинстве предприятий устарел и требует реконструкции. На контрольно-пропускных пунктах, постах по пропуску людей, автомобилей и железнодорожного транспорта до сих пор не установлены приборы контроля за несанкционированным проносом (провозом) ядерных материалов. Охрана порой ограничивается выборочными проверками.

Об эффективности такого контроля дают представление проверки несения службы военнослужащими на КПП электро-

механического завода «Авангард» в г. Кремлев (Арзамас-16) Нижегородской области. Обнаружилось, что часовые пропускали каждого второго-третьего условного нарушителя.

Еще более удручающая картина открылась в Северодвинске. Акватория порта превратилась в чрезвычайно опасное хранилище отходивших свое атомных субмарин. Специалисты считают, что время или авария могут привести к радиоактивному заражению. Образовалось это хранилище не за один год. Как все происходило, видно на примере атомной подводной лодки К-64, именуемой ныне в официальных документах «заказ 900». Лодка после аварии паропроизводительной установки в июне 1972 г. была исключена из состава военно-морского флота (ВМФ), разрезана, а кормовая часть ее с реакторным отсеком отправлена в ПО «Дубрава». Бывшее союзное Министерство судостроительной промышленности и ВМФ предполагали законсервировать кормовую часть и захоронить ее в море. Однако, пока тянулись подготовительные работы, в 1985 г. была принята международная конвенция, запрещающая захоронение радиоактивных отходов в морской сфере, и осуществить утилизацию задуманным способом не удалось.

Через четыре года было решено вырезать из кормовой части реакторный отсек и поставить его на длительное хранение подобно таким же отсекам атомных подводных лодок (АПЛ), но с выгруженными активными зонами. Окончание работ планировалось в 1991 г., однако до сих пор они не выполнены, а лодка, точнее, то, что от нее осталось, получила прописку в Северодвинске.

Недавнее обследование инспекторами Госатомнадзора показало, что консервация реакторного отсека, выполненная применительно к условиям его захоронения в море, может не обеспечить требования безопасности в условиях надводного или наземного длительного хранения. Это связано, в частности, с горючестью материалов-консервантов. Кроме того, более чем 20-летнее хранение на плаву «заказа 900» привело к появлению ряда дефектов в корпусных конструкциях. Кормовая часть с реакторным отсеком при отливах опускается на дно, а при приливах подвергается ударам о грунт, что может вызвать разгерметизацию отсека, разрушение активной зоны и выход в море радиоактивных отходов.

Но информационной записке Генеральной прокуратуры правительство России дало соответствующее поручение. Решит ли оно, наконец, судьбу подлодки, об этом пока судить рано.

Глава 4

ПАРАДОКСЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ (1997)¹

Сергей Кортунов²

В ближайшее время Россия примет новую военную доктрину. Можно с уверенностью предположить, что она так же, как и Основные положения военной доктрины Российской Федерации 1993 г., будет в обеспечении обороноспособности страны акцентировать ключевую роль ядерного оружия, выполняющего функцию сдерживания потенциальных противников России. На то имеются серьезные объективные основания.

Особенность демографической и экономической ситуации в России заключается в том, что в современных условиях рассчитывать на сколько-нибудь значительное приращение боевых возможностей вооруженных сил и других войск за счет оперативного проведения мобилизационного развертывания и дополнительного производства оружия и военной техники практически не приходится. Анализ совокупного оборонного потенциала страны, с учетом всех его составляющих, показывает, что в настоящее время она не обладает способностью к ведению длительной крупномасштабной обычной войны. В этих условиях в качестве единственной реальной основы обеспечения безопасности России выступают ее ядерные силы. Понятно и то, что в сложившихся условиях провести военную реформу мы в состоянии прежде всего под прикрытием ядерного щита, ядерного сдерживания.

¹ Впервые опубликовано: Кортунов С. Парадоксы ядерного сдерживания // *Ядерный Контроль*. 1997. № 32–33. С.14–28. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№32-33-1997.pdf>

² Сергей Вадимович Кортунов (1956–2010) – заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ, начальник международно-аналитического отдела (1996–1998).

О новой военной доктрине

В 1993 г. мы уже отказались от обязательства бывшего СССР не применять ядерное оружие первыми, В новой военной доктрине эта позиция скорее всего будет уточнена. Так же, как и США, Россия должна оставить за собой право использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения против нее и (или) ее союзников химического, бактериологического и ядерного оружия, а также в ответ на агрессию с применением обычного оружия в ситуациях, которые она будет считать критическими для безопасности государства.

Концептуальная основа ядерного компонента военной доктрины России заложена в послании президента Российской Федерации по национальной безопасности от 13 июня 1996 г. В нем говорится: «Российская Федерация последовательно проводит в жизнь политику ядерного сдерживания. Эта политика основана на всестороннем анализе и долгосрочном прогнозе геополитической, социально-экономической и военно-стратегической ситуации, оценке состояния и перспектив научно-технического прогресса, что позволяет обеспечить оптимизацию структуры и состава сил ядерного и неядерного сдерживания, оборонно-промышленного потенциала, эффективное финансирование этого важнейшего направления национальной обороны и безопасности. Российская Федерация на обозримый период сохраняет статус ядерной державы для предотвращения ядерного нападения или крупномасштабной агрессии с применением обычных вооруженных сил и вооружений против нее и/или ее союзников, а также для предоставления новым независимым государствам Содружества Независимых Государств (СНГ) ядерных гарантий в качестве одного из элементов соглашений по военным вопросам. При этом Российская Федерация намерена строго следовать действующим и будущим договорам по стратегическим наступательным вооружениям и противоракетной обороне и готова к продолжению дальнейшего сокращения своего ядерного оружия на двусторонней основе с США, сохраняя баланс стратегических вооружений как гарантию от возврата к глобальному силовому противостоянию и к гонке вооружений. Россия также готова к переговорам по сокращению ядерного оружия на многосторонней основе с другими ядерными государствами до уровней, отвечающих требованиям стратегической стабильности».

Основными принципами политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, которые лягут в основу новой военной доктрины, являются:

- гласность принятых в государстве подходов к реализации политики ядерного сдерживания для обеспечения военной безопасности России;
- решимость высшего государственного и военного руководства применить ядерное оружие для защиты суверенитета и территориальной целостности России и ее союзников;
- сохранение ядерного потенциала Российской Федерации на уровне, достаточном для нанесения заданного ущерба любому государству или коалиции государств;
- сохранение и развитие научно-технического потенциала, производственной и испытательной базы, необходимых для совершенствования ядерных вооружений и повышения их безопасности;
- обеспечение ядерной безопасности.

Таким образом, в обозримом будущем Россия твердо намерена поддерживать свой ядерный статус. К вышеперечисленным причинам этого следует добавить также весьма высокую степень неопределенности развития военно-политической обстановки в мире.

Нет серьезных признаков того, что какая-либо держава ядерного клуба намеревается сегодня или завтра отказаться от ядерного оружия. НАТО по-прежнему сохраняет в Европе пусть символическое, но все же достаточное количество (сотни единиц) тактических ядерных вооружений. Не прекращают работ по совершенствованию своих потенциалов «неофициальные» ядерные страны, такие как Индия, Израиль, Пакистан, а также Северная Корея³. Еще около 15–20 государств мира или даже больше относятся, по различным оценкам, к «пороговым».

Все это заставляет вновь и вновь возвращаться к сложным вопросам о роли ядерного оружия в обеспечении международ-

³ «Официальными» ядерными державами в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г. считаются государства, обладающие ядерным оружием, разработавшие и испытавшие ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.: США, СССР/Россия, Великобритания, Франция, КНР. Индия впервые испытала ядерное взрывное устройство в 1974 г. («мирное ядерное испытание»), Пакистан – в 1998 г., КНДР – в 2006 г. В свою очередь Израиль не признает и не отрицает наличие у него ядерного оружия. Считается, что он обладает им с 1960-х гг. – *Прим. ред.*

ной и национальной безопасности на рубеже XXI века, об адекватности доктрины ядерного сдерживания современному этапу развития мировой политики и международных отношений.

Немного истории

Каких-то восемь-десять лет тому назад между СССР/Россией и Западом имелось фундаментальное разногласие в представлениях о роли ядерного оружия в обеспечении международной безопасности. В Советском Союзе в публичных высказываниях утверждалось, что подлинная безопасность государств может быть обеспечена лишь на безъядерной основе и поэтому следует добиваться полного изъятия этого оружия из военных arsenалов. Этому подходу противостоял западный взгляд на ядерное оружие как единственно эффективное в нынешних условиях средство предотвращения всеобщей войны. С нашей стороны постулаты доктрины ядерного сдерживания подвергались решительной критике, на Западе же они считались своего рода священными. Справедливости ради следует заметить, что это различие в концептуальных подходах не мешало СССР и США вести переговоры о сокращении ядерных вооружений и даже заключать в этой области важные соглашения.

Важно, однако разобраться, носило ли это разногласие действительно фундаментальный характер? Если отвлечься от разного рода идеологических стереотипов и эмоциональных наслоений и трезво взглянуть в лицо реальности, то честный ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Прежде всего следует отметить, что как принцип военной стратегии сдерживание не изобретение ядерного века, а является столь же древним феноменом, как и сама война. При этом – как терминологически, так и по существу – данный принцип представляет собой один из постулатов именно оборонительной военной стратегии, поскольку предполагает не нападение, а разубеждение вероятного противника в том, что развязывание войны обеспечит ему достижение целей, на которые он рассчитывает. Фактически доктрина сдерживания изначально была тождественна доктрине предотвращения войны путем создания адекватной угрозы ответного удара, то есть отпора агрессии.

Что же привнес в эту ситуацию ядерный век? Только одно: в силу колоссальной разрушительной мощи ядерного оружия сдерживание стало осуществляться путем угрозы полного уничтожения потенциального агрессора или, как минимум, нанесения ему неприемлемого ущерба.

В этой связи было бы по меньшей мере наивным полагать, что какая-либо из ядерных держав, если она, конечно, не собирается нанести удар первой, осуществляет иную доктрину, чем доктрина сдерживания. И Советский Союз здесь не был исключением. На словах предавая анафеме ядерное оружие и подвергая ядерное сдерживание решительной критике, на практике он руководствовался именно этой доктриной. Можно привести не одно высказывание представителей высшего военного руководства СССР, подтверждающее этот вывод. Да иначе и быть не могло в условиях разделенного мира, когда действия другой стороны – особенно в 1950–1960-е гг. – воспринимались нами как балансирование на грани войны, как подготовка к внезапному нападению с применением ядерного оружия. Можно поэтому смело констатировать, что в годы холодной войны в чисто военном плане стратегические силы СССР были призваны выполнять примерно те же задачи, что и американские стратегические наступательные вооружения (СНВ) с той лишь разницей, что советское руководство, в отличие от американского, считало дальнейшую опору на ядерное оружие как средство предотвращения войны бесперспективной и крайне опасной.

Следует развеять также глубоко укоренившийся в нашем сознании стереотип, согласно которому США несут полную ответственность за гонку ядерных вооружений. Да, они первыми испытали и создали ядерное оружие. Однако этот непреложный факт означает лишь, что США располагали в тот момент наиболее передовой технологией в данной области. Трудно поверить в то, что, если бы у Советского Союза была реальная возможность создать ядерную бомбу в 1945 г. или раньше, он бы не сделал этого. В дальнейшем же выход на передовые, по сравнению с США, позиции на тех или иных направлениях ядерно-ракетной гонки становился у нас предметом национальной гордости. Достаточно вспомнить, например, как в наших официальных заявлениях подавалось первое испытание термоядерного устройства или запуск в космос искусственного спутника Земли. В последующие годы военное соревнование между СССР и США в ядерной

области развивалось в соответствии с логикой «действие-противодействие», лимитируясь отнюдь не моральными или какими-либо иными соображениями, а в основном лишь финансовыми и техническими возможностями. Что касается Советского Союза, то, обеспечив себе – во многом благодаря ядерному оружию – статус сверхдержавы, он стремился в 1970–1980-е гг. во что бы то ни стало сохранить его путем поддержания военно-стратегического паритета с США, понимаемого сначала как количественное равенство в области СНВ, а затем как примерное равенство боевых возможностей ядерных сил сторон в различных видах боевых действий. При этом военное состязание продолжалось и после того, как все мыслимые и немыслимые потенциалы взаимного гарантированного уничтожения были многократно превзойдены. Таковы были жесткие правила игры биполярного мира, в котором СССР и США сдерживали друг друга.

В свете всех этих фактов становится вполне понятным, почему наша критика доктрины ядерного сдерживания, равно как и всевозможные заклинания по поводу «аморальности» ядерного оружия, воспринимались на Западе как неконструктивные, а может, и не вполне искренние. Там судили о нашей политике не по декларациям, а по военным программам. Излишне говорить о том, что ощутимый разрыв между публично декларируемой военной доктриной и реалиями нашего военного строительства лишь усугублял недоверие к нам со стороны Запада, препятствуя поиску взаимопонимания по ключевым проблемам безопасности и разоружения. Следует, видимо, признать и то, что в отношении ядерного сдерживания США и другие страны Запада занимали более последовательную и честную позицию, чем мы. Де-факто же, отметим это еще раз, обе стороны основывали свою политику именно на этой доктрине. Подтверждение тому – Договор по противоракетной обороне 1972 г. (Договор по ПРО). Таким образом, доктрина ядерного сдерживания и в самом деле аморальна, ибо превращает в заложников умозрительных построений миллионы людей.

С точки зрения стратегической стабильности эта ситуация в российско-американских отношениях продолжает оставаться определяющей и по сей день. И в реальной политике с ней нельзя не считаться. Такой же реальностью нашего времени является то, что ответственность за сложившееся положение несут не только США, но и другие ядерные державы. А потому любая критика сдерживания в полном объеме относится и к России.

Вероятно, есть только одно сколько-нибудь рациональное объяснение упорного нежелания руководства бывшего СССР согласиться с тем, что человечество, к сожалению, не выработало альтернативы сдерживанию как способу предотвращения войны. В течение многих десятилетий мы высокомерно считали себя «абсолютной цитаделью добра» и с этих позиций полагали возможным поучать других, что является нравственным, а что – нет. При этом мы как бы закрывали глаза, что жить-то приходится в мире, испокон веков покоящемся на балансе силы, прежде всего военной. И поэтому волей-неволей мы вынуждены подчиняться его пусть далеко не совершенным, но вполне реальным законам и действовать в соответствии с навязываемой им логикой военного соперничества.

Другое соображение, которое побуждало советское руководство активно критиковать доктрину сдерживания, по-видимому, состояло в том, что, принимая во внимание повсеместное отвращение к ядерному оружию, благородные призывы к безъядерному миру позволяли без особых усилий выйти на весьма выгодные пропагандистские позиции.

Последовательная деидеологизация внешней политики современной России способствует постепенному избавлению от стереотипов мессианского мышления. Сейчас Россия понимает, что ядерное сдерживание – это *modus vivendi*⁴ современного мира, частью которого мы являемся, и поэтому, пока человечеством не создана принципиально новая система поддержания международной безопасности, необходимо принимать существующие правила игры. Вопрос состоит в том, каким образом приблизить новый, безопасный для всех мир, отталкиваясь от сложившихся реалий, а не бесплодно противоборствуя (как некогда СССР) с ними.

Сближение подходов

Двигаться в направлении концептуального переосмысления доктрины сдерживания СССР начал в конце 1980-х гг. Тогда на высоком политическом уровне было признано, что мы нередко грешили упрощенным к ней отношением. Было также заявлено, что

⁴ В переводе с латыни – «способ существования». – Прим. ред.

мы отдаем должное этой доктрине, поскольку на протяжении довольно длительного исторического периода она играла небезполезную роль в сохранении мира. Советский Союз выразил также готовность провести на уровне экспертов ядерных держав и государств, на территории которых размещено ядерное оружие, углубленное обсуждение концепции минимального ядерного сдерживания.

С другой стороны, тогдашнее руководство США, включая президента Джорджа Буша-старшего, впервые за послевоенный период выразило готовность вывести отношения Восток-Запад «за пределы сдерживания» (*beyond containment*). Следует заметить, что эта концепция, в которой сдерживание первоначально трактовалось американцами как сдерживание социализма или советского экспансионизма (*containment*), а в последующем стало ею применяться и в отношении ядерного сдерживания (*deterrence*), представляла собой нечто качественно новое во внешнеполитическом мышлении США, которое раньше фактически никогда не выходило за рамки сугубо военно-силовых геополитических и эгоцентричных подходов.

В сущности, именно тогда произошел фундаментальный сдвиг в подходах сторон к обеспечению безопасности, значение которого трудно переоценить. США впервые признали, что отношения с Россией в перспективе могут строиться на принципиально иной основе, чем угроза взаимного уничтожения. Мы же согласились с тем, что на пути к безъядерному миру в качестве промежуточного этапа возможно достижение такого уровня ядерного противостояния, которое соответствовало бы западной концепции минимального ядерного сдерживания. Начавшаяся формироваться область согласия, открыла не только перспективу радикального сокращения ядерных арсеналов (договоры СНВ-I и СНВ-II), но и возможность начать поиск общих концептуальных подходов в движении к качественно новому состоянию мира, безопасность которого была бы основана не на гарантированной угрозе взаимного уничтожения, а на гарантированном отсутствии угрозы войны как таковой.

Стратегические ядерные потенциалы СССР и США, накопленные к концу 1980-х гг., намного превосходили все теоретические пороги достаточности, чтобы обеспечить сокрушительный ответный удар при любом сценарии первого удара потенциального агрессора. Однако несмотря на то что удерживать друг друга

от нападения, вероятно, можно было ядерными силами, в десятки раз меньшими, чем имелись на вооружении в тот момент, обе стороны по-прежнему осуществляли свои ядерные программы, исходя, в частности, из непомерно завышенных критериев неприемлемого ущерба в ядерной войне.

Причину этому, видимо следует искать в том, что обе стороны считали, что примерное равенство боевых возможностей стратегических ядерных сил сторон в различных видах боевых действий, обеспечивающее равный ущерб в ядерной войне, позволят им якобы поддерживать статус сверхдержав и переводить количественные параметры стратегических арсеналов в некие политические дивиденды. Эти ошибочные представления, господствовавшие в силу инерции мышления в сознании военно-промышленных кругов обеих стран, которые, по-видимому, склонны были рассматривать ядерное оружие в качестве допустимого инструмента политики, не могли, разумеется, не накладывать свой негативный отпечаток на процесс ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений.

Если посмотреть под этим углом зрения на заключенные в начале 1990-х гг. договоры СНВ-I и СНВ-II, то следует признать, что несмотря на то что в политико-психологическом плане они, несомненно, стали значимым символом формирования нового характера российско-американского взаимодействия, намерения обеих сторон перешагнуть рубикон конфронтации. Договоры в то же время явились весьма скромным шагом в направлении создания стабильного стратегического взаимоотношения между Россией и США, не говоря уже об ограничении их ядерных потенциалов пределами минимального сдерживания.

Одна из главных причин такого положения дел, по-видимому, заключается не только в давлении военно-промышленных комплексов обеих сторон на процесс переговоров, но и в том, что основные контуры договоров СНВ-I и СНВ-II сформировались в принципиально отличных от сегодняшних политических условиях, в контексте широкого политического компромисса, призванного вывести двусторонние отношения из состояния глубокого кризиса. Тогда важен был сам факт продолжающегося диалога по военно-стратегической проблематике двух крупнейших ядерных держав. Этот диалог существенно отстал от развития политических событий, формирования принципиально новой основы российско-американских отношений.

В этой связи, учитывая, что программы создания стратегических вооружений первого десятилетия XXI века закладываются уже сейчас, чрезвычайно важным, с точки зрения укрепления стабильности и движения к минимальному ядерному сдерживанию, а затем и к «миру без сдерживания», становится обеспечение непрерывности процесса ядерного разоружения – безотлагательное начало переговоров о его следующем этапе, о глубоких сокращениях СНВ России и США, скажем, до 1000-1500 единиц каждой из сторон.

Эти переговоры следовало бы назвать не СНВ-III, а переговорами о стратегической стабильности, поскольку основным их содержанием должно стать не просто дальнейшее, пусть радикальное, сокращение ядерных арсеналов, но коренная реорганизация остающихся ядерных сил, трансформация модели взаимного сдерживания. Это предполагает иной характер договоренностей. В своем военном строительстве стороны ориентировались бы на укрепление сил ответного удара и повышение их выживаемости, а также на дальнейшее снижение доли средств с высокой концентрацией боезарядов на носителях. Они не допускали бы появления в своих стратегических арсеналах таких средств, которые вызывали бы озабоченность другой стороны за собственную безопасность на том основании, что они способны быть использованными для внезапного нападения.

Такая линия, как представляется, не только обеспечила бы непрерывность и преемственность переговоров о сокращении ядерных вооружений до уровня минимального сдерживания, но и позволила бы в дальнейшем – во взаимодействии с другими ядерными державами – начать изучение путей совместного перехода от режима взаимного ядерного сдерживания к новой, значительно более безопасной модели стратегического взаимоотношения, обеспечивающей стабильность на неядерной основе.

О минимальном сдерживании

Существо минимального ядерного сдерживания, к которому Россия и США могли бы в принципе прийти уже в ходе следующего этапа переговоров по СНВ, заключается в достижении такого минимального уровня стратегических ядерных сил, на котором сохраняется их способность к сдерживанию через возможность

нанесения заданного ущерба в ответном ударе. При этом ликвидируются возможности рационального применения ядерного оружия на лестнице эскалации конфликта – как горизонтально (расширенное сдерживание), так и вертикально (противосиловой удар). При определении параметров такого уровня необходимо отвергнуть не только способность к упреждающему противосиловому удару, но и вариант ответно-встречного удара и сосредоточиться исключительно на сценарии ответного удара.

Что касается тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе, то проблема эта имеет в гораздо большей степени политическое, нежели военное значение. На Западе тактическое ядерное оружие США, размещенное в Европе, всегда рассматривалось в качестве инструмента сдерживания гипотетического нападения СССР с применением превосходящих обычных вооруженных сил, а также как средство, обеспечивающее «трансатлантическую спешку» с американскими стратегическими ядерными силами. Поэтому по своему назначению оно всегда считалось не столько тактическим, сколько «предстратегическим», равно как и предназначенное для применения на европейском театре военных действий ядерное оружие Франции и Великобритании.

В этом контексте становится ясным, что, во-первых, паритет в этой области между НАТО и Россией – во всяком случае для Запада – не имеет сколько-нибудь существенного военного значения, и, во-вторых, уровень этих сил напрямую связан с балансом обычных вооружений в Европе. Ликвидация в соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) дисбалансов и асимметрий в области обычных вооруженных сил в Европе открыла реальную возможность и достаточно радикальных сокращений ТЯО до уровня минимального сдерживания. Каким будет этот уровень, возможно, следует определить в ходе специальных переговоров. Ясно, однако, что потенциалы сторон, которые будут приведены к этому уровню, должны исчерпываться именно функцией сдерживания и не создавать впечатления у другой стороны в том, что они могут быть использованы в первом ударе, в том числе в интересах развязывания и ведения боевых действий обычными вооруженными силами.

Задача полного преодоления ядерного сдерживания на тактическом уровне, то есть полной ликвидации тактического ядерного оружия в Европе, вероятно, может быть решена несколько позже, когда в Европе будет построена эффективная система коллектив-

ной безопасности. Однако, учитывая стремительность развивающихся в Европе и в мире перемен, такая перспектива не кажется такой уж отдаленной. К тому же гарантийный срок российских боеголовок ТЯО (по западным оценкам, около 18 тысяч единиц) в Европе истекает в 2003–2005 гг. К этому времени вполне реально рассчитывать на трансформацию НАТО в военную составляющую новой евроатлантической организации с участием России, что позволит поставить вопрос о «нулевом варианте» по ТЯО в Европе.

Имеется еще одна немаловажная проблема, непосредственно связанная с определением уровня минимального ядерного сдерживания. Это ограничение и сокращение ядерного оружия морского базирования. Без ее решения усилия на других направлениях ядерного разоружения, скорее всего, будут обесценены, ибо откроются широкие возможности для интенсивного «перелива» военного соперничества в данное направление гонки ядерных вооружений, «флангового» обхода будущих договоренностей по СНВ и ТЯО.

С учетом значительного военно-морского превосходства США и других стран НАТО ядерные вооружения на морях имеют для России в плане сдерживания большое значение. Тем не менее, еще СССР предложил США начать переговоры о поэтапном сокращении и ликвидации ядерного оружия морского базирования, в ходе первого этапа которых мог бы быть рассмотрен вопрос о ликвидации всего ядерного оружия на надводных кораблях. Видимо, это и привело бы к установлению минимального ядерного сдерживания на морях. Дальнейшие сокращения ядерного оружия были бы связаны с решением других проблем разоружения и с формированием на политическом уровне новой системы международной безопасности.

Применительно к тактическому наземному и морскому ядерному оружию понятие «минимальное сдерживание» носит, разумеется, условный характер и может рассматриваться лишь в качестве промежуточного этапа к его полной ликвидации. Ведь минимальное сдерживание, по всей вероятности, предполагает одновременно максимально высокий ядерный порог. А он объективно понижается с внедрением в ядерные арсеналы сторон нестратегического оружия. В этой связи в перспективе минимальное сдерживание должно обеспечиваться исключительно стратегическими силами России и США на уровне 1000–1500 боеголовок при полной ликвидации нестратегических ядерных вооружений.

Радикальное понижение ядерного противостояния не реализуется напрямую и оказывается связанным с решением многих других военных, политических и других вопросов. В этом плане ядерное разоружение представляет собой лишь часть куда более широкого процесса, пролегающего через глубокие сокращения вооруженных сил и обычных вооружений и их структурную перестройку на началах ненаступательной обороны, через внедрение в межгосударственные отношения далеко идущих мер доверия, наконец, через коренные преобразования отношений между Россией и Западом в целом, постепенное замещение военно-силовых инструментов поддержания мира гарантиями безопасности в политической, экономической, экологической и гуманитарных областях и их правовое закрепление в соответствующих двусторонних и многосторонних соглашениях.

Не подлежит сомнению, что продвижение через двусторонние и многосторонние контролируемые соглашения к новым, определяемым уровнем минимального ядерного сдерживания, количественно-качественным параметрам ядерных потенциалов будет способствовать не только преодолению конфронтационных подходов, характеризовавших международную обстановку всего несколько лет назад, но и глубокой и необратимой перестройке международных отношений на качественно иной основе, зарождению по существу новых структурных элементов механизма взаимной безопасности и необходимых гарантий его эффективного функционирования.

Поэтапный процесс ядерного разоружения не отвергает существования на определенном историческом отрезке времени и механизмов сдерживания. Однако в этот, по существу, переходный период от ядерной «сверхвооруженности» к безъядерному миру роль таких механизмов выполняли бы согласованные и договорно оформленные обязательства в условиях широкой разветвленной инфраструктуры контроля за их неукоснительным соблюдением, а также максимальной транспарентности военной деятельности. Иными словами, на этом историческом этапе ядерно-силовое сдерживание было бы преобразовано в политико-правовое, транспарентное и верификационное сдерживание.

Вероятнее всего, одновременно с развитием данного процесса будут включаться и определенные механизмы торможения. Практика показала, что ядерное разоружение – это материал, обладающий «повышенной сопротивляемостью», и по мере при-

ближения к рубежу, за которым закончится контроль над вооружениями и начнется собственно ликвидация ядерного оружия, сопротивление, видимо, будет нарастать. Иными словами, достижение уровня минимального сдерживания возможно прежде всего за счет резервов избыточности ядерных арсеналов, но чем дальше, тем труднее будет продвигаться этим путем. В конечном счете именно минимальное ядерное сдерживание может стать непреодолимым барьером к безъядерному миру, ибо достижение минимального согласованного уровня ядерных вооружений по существу не затрагивает основ сдерживания и отнюдь не дает ответа на вопрос, что же в итоге будет лежать в основе международной безопасности в безъядерном мире, какова альтернатива сдерживанию?

Одним прыжком перескочить этот барьер и в одночасье покончить с ядерным оружием, как предлагают некоторые, видимо, не удастся, если человечество не увидит, что тот мир, в который оно вступает, будет безопасней прежнего. Ведь построение безъядерного мира в современных условиях не может, разумеется, пониматься как простой возврат к миру доядерному, со всеми его проблемами и противоречиями.

Сдерживание и нераспространение

Несмотря на окончание холодной войны, принцип ядерного сдерживания утвердился в военных доктринах всех стран ядерного клуба.

Парадоксом ядерного сдерживания как средства обеспечения безопасности является то, что для его эффективности необходимо, чтобы каждое из государств было уязвимо от ядерных сил других государств, в том числе в случае их применения в ответном ударе. Для того, чтобы ядерное сдерживание обеспечивало стратегическую стабильность, эта уязвимость должна быть постоянной и устойчивой. Такая уязвимость заставляет все страны ядерного клуба максимально исключать возможность конфронтации и искать в конфликтных ситуациях компромиссные решения, что делает уязвимость стабилизирующим фактором и в политической жизни. Любая попытка одного из государств снизить степень своей уязвимости до уровня, который породит у других государств сомнение в эффективности сдерживания, вызовет

у других государств стремление повысить эффективность своих сил сдерживания до уровня, обеспечивающего необходимую уязвимость, то есть приведет к гонке в области стратегических вооружений.

В этой связи обеспечение эффективности сдерживания требует наличия достаточно развитых стратегических ядерных сил, включая систему их боевого управления и информационного обеспечения, уровень развития которых определяется субъективной оценкой уровня потерь, который заведомо сдержит агрессора от применения своих ядерных сил, с учетом его возможностей по обороне от ядерного удара.

Несмотря на то что приверженность доктрине ядерного сдерживания явилась и является фактором, положительно влияющим на стратегическую стабильность, эта доктрина имеет и негативные аспекты. Основными из них являются:

- необходимость наличия достаточно мощного ракетно-ядерного потенциала, обладание которым и производство которого экологически опасно;
- непредсказуемые экологические последствия, к которым может привести применение ядерных сил в случае, если сдерживание не сработает;
- необходимость дальнейшего обладания ракетно-ядерным оружием, что входит в противоречие с асимптотической целью полной ликвидации ядерного оружия, зафиксированной в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и морально оправдывает стремление других государств к обладанию таким оружием;
- недостаточная эффективность сдерживания против «неразумных» государств, которые могут рискнуть применить свои вооруженные силы, включая их ядерную компоненту, и пренебречь опасностью ответного удара⁵.

Эти недостатки достаточно серьезны, и поэтому во многих странах мира, в частности, в России и США, ядерное сдерживание активно критикуется, идет поиск альтернативных путей обеспечения безопасности.

Ясно и то, что современные варианты доктрины ядерного сдерживания, принятые странами во время холодной войны, совер-

⁵ Хотя нет фактов, подтверждающих существование полностью «неразумных» ядерных государств, нельзя принципиально исключить появление такого агрессора или возникновение условий, которые сделают его поведение таковым.

шенно неадекватны новой международной ситуации и неприменимы для решения действительно актуальных международных задач, например, для борьбы против распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных средств его доставки в развивающихся странах. Тем не менее, одно из положений военной стратегии США гласит, что «наличие мощного потенциала сдерживания во многих случаях является решающим фактором предотвращения распространения ОМУ». Как известно, это положение трансформировалось в США в целую стратегию «контрраспространения», предусматривающую применение военной, в том числе и ядерной, силы против «государств-парий» (*pariah state*)⁶.

Вслед за американскими военными, российские генералы также высказали свою озабоченность проблемой распространения ОМУ и стали рассматривать военно-силовые способы, включая применение ядерного оружия, в качестве возможного средства противодействия этому процессу. В июне 1994 г. бывший министр обороны Российской Федерации Павел Грачев, говоря об изменениях ядерной политики в свете новой военной доктрины России, выразился в том смысле, что геополитическое пространство России и ее ближайших соседей с юга охвачено плотным полукольцом стран, принадлежащим к неафишируемому ядерному клубу, которое образует размытую зону «ядерного риска». Он признал, что новая военная доктрина среди прочих вещей предназначена для сдерживания возможных «распространителей» ядерного оружия, которые могут угрожать России и допускают применение ядерного оружия первыми.

Таким образом, всего лишь несколько лет, хотя уже тогда было известно, что такие страны, как Индия, Израиль, Иран, Ирак, Пакистан, КНДР и ряд других, пытаются приобрести ядерное оружие, либо уже им владеют, эти страны не фигурировали в доктринах сдерживания. Сейчас это стало фактом.

Следует, однако, констатировать, что эффективная доктрина сдерживания применительно к распространению ОМУ, ракет и ракетных технологий пока не разработана. Например, наличие ядерных потенциалов у пяти государств не предотвращало локальных вооруженных конфликтов с применением ракетного оружия. Не было это препятствием и для приобретения этого оружия региональными центрами силы и даже его применения

⁶ В переводе с английского языка – «государство-изгой». – Прим. ред.

против крупнейших ракетно-ядерных стран, например, в ходе войны в Персидском заливе⁷.

В практическом плане это ставит под сомнение эффективность ядерного сдерживания в отношении третьих стран. Сдерживание, построенное на угрозе ответных ядерных репрессий на агрессию, не срабатывает при развязывании военных конфликтов и даже войн с использованием обычного оружия. Ситуация, когда ответная ядерная угроза возмездия не может быть реализована, лишь дискредитирует доктрину ядерного сдерживания.

Вместе с тем, как представляется, доктрина сдерживания – причем не обязательно лишь ядерного – может и должна быть применена по отношению к любому агрессору, обладающему ОМУ и ракетным оружием. Для этого, разумеется, необходима ее «легитимизация», в том числе, в рамках ООН. В то же время, сдерживание распространения и возможного боевого применения ОМУ значительно обесценит для стран третьего мира и ракетные средства доставки, поскольку при обычном боевом снаряжении доступное им ракетное оружие не так уж эффективно, хотя в будущем ситуация, возможно, изменится.

Несомненно, что разработка нового варианта доктрины сдерживания будет являться мощным стабилизирующим фактором в конфликтных регионах. С другой стороны, следует отметить, что декларация несостоятельности сдерживания по отношению к «специфическим» странам может оказать весьма негативное влияние на процесс распространения, поскольку она ведет к девальвации позитивных гарантий, предоставленных неядерным государствам (которые, в значительной степени определяли – и в момент заключения ДНЯО, и в настоящее время – приверженность многих государств этому договору).

Суть доктрины сдерживания применительно к распространению ОМУ могла бы состоять в угрозе ответных действий, обеспечивающих нанесение агрессору ущерба, обесценивающего для него ту цель, которую он преследует, приобретая (или создавая) ОМУ, ракетное оружие или осуществляя их боевое применение. При этом средства обеспечения доктрины сдерживания могут включать политические, экономические и военные санкции. Политические санкции должны быть направлены на подрыв политического

⁷ Речь идет о военной операции во главе с США по освобождению Кувейта от иракской оккупации в 1990–1991 гг. (операция «Буря в пустыне»). – *Прим. ред.*

престижа государства; экономические – на подрыв экономической мощи государства путем различных форм ограничения международной экономической и финансовой деятельности государства; военные – на ослабление его военной мощи (в первую очередь в части потенциала ОМУ и ракетного оружия), снижение эффективности управления боевыми действиями, снижение (уничтожение) промышленного и экономического потенциала. Вид санкций, масштаб и форма их применения должны быть действенны, но адекватны действиям другой стороны и минимизировать возможность эскалации конфликта.

Для применения политических и экономических санкций к государству достаточно подтверждение фактов распространения, приобретения и использования технологий производства ОМУ или его приобретения (не говоря уже об их применении), особенно тех, приобретение и использование которых противоречит международным договорам, ограничивающим их распространение (например, ядерное, химическое и биологическое оружие). Распространение ракет, технологий их производства также может быть поводом к применению политических и экономических санкций. Однако отсутствие широких международных договоров, ограничивающих и запрещающих распространение ракетного оружия и технологий их производства (режим контроля за ракетной технологией такого статуса пока не имеет), делает легитимность таких действий недостаточной. Военные санкции против государства, обладающего или применившего ОМУ и ракетное оружие, возможны только в случае начала с его стороны боевых действий против других государств или в случае получения мандата от ООН (как это практически имеет место в Ираке) на военные санкции в случае угрозы развязывания военного конфликта со стороны этого государства.

При реализации военных санкций, вероятно, не вызывает сомнений принцип адекватности вида применяемого в процессе санкций оружия. В частности, вероятно, вряд ли оправдано применение ОМУ в ответ на применение обычного оружия. Эта адекватность (и понимание ее легитимности) заставляет государства отказываться от применения ОМУ первыми и тем самым обеспечивает эффективность сдерживания от применения ОМУ. Сдерживать применение ракетного оружия (с обычным снаряжением) военными мерами вряд ли удастся: для этого нет законных оснований и это потребует, возможно, применения ядерного оружия,

что вряд ли оправдано и целесообразно. В то же время, учитывая, что сдерживание применения ОМУ достаточно эффективно и что ракетные средства доставки третьих стран с обычным оружием малоэффективны, доктрина сдерживания применения ОМУ косвенно сдерживает распространение ракет, поскольку снижает стимулы к его приобретению.

О чем спорят в США

В последнее время идеи полного ядерного разоружения становятся все более популярными в США. Многие сенаторы США считают необходимым подтолкнуть администрацию Билла Клинтона к полномасштабному диалогу с Россией по корректировке подходов к стратегической стабильности и безопасности, успешно начатого, как они считают, при администрации Джорджа Буша-старшего и фактически сведенного на нет за последние три с половиной года, несмотря на имеющиеся договоренности на этот счет.

США активно прорабатывают возможность шагов навстречу пожеланиям Москвы по проблеме сокращения стратегических вооружений. Речь идет не просто о согласии на диалог о начале консультаций по СНВ-III, а о перехвате Вашингтоном инициативы в этом вопросе. Столь неожиданную готовность пойти навстречу Москве американцы намерены мотивировать стремлением облегчить ратификацию российским парламентом Договора СНВ-II. Кроме того, придание нового импульса российско-американскому взаимодействию в сфере ядерного разоружения, по их мнению, создаст предпосылки для углубления «партнерства» между Россией и США.

В то же время эксперты американской президентской администрации признают, что Вашингтон пока не готов идти в вопросе о новых переговорах по СНВ дальше деклараций о принципах, а тем более говорить о продолжении сокращений ядерных арсеналов в конкретном плане. Предположения по будущей структуре стратегических ядерных сил США и возможным шагам по их дальнейшему сокращению будут подготовлены специальной экспертной группой осенью 1997 г.

В Государственном департаменте США считают, что диалог между Россией и США не должен сводиться лишь к достижению новых, более низких потолков для стратегических ядерных

вооружений. В будущем договоре СНВ-III необходимо юридически зафиксировать взаимопонимание по проблемам транспарентности и необратимости ядерного разоружения, максимально быстрой дезактивации всех стратегических систем, подлежащих ликвидации по условиям Договора СНВ-II.

В условиях заметного падения у американцев интереса к разоруженческой тематике неожиданно большое внимание было проявлено политической элитой США к публичным выступлениям генерала в отставке Джорджа Ли Батлера. Бывший главком стратегического авиационного командования, в чьем ведении находились стратегические ядерные средства наземного и воздушного базирования, начал последовательно проводить идею радикального сокращения ядерных вооружений. При этом обращает на себя внимание то, что предложения генерала привлекли внимание руководства администрации США. В общем плане Батлер выступает за паритетное с Россией и значительное по масштабу сокращение стратегических сил, а также кардинальный пересмотр ядерной политики с целью отказа от «стратегии ядерного сдерживания путем устрашения». С практической точки зрения он предлагает отменить дежурство в постоянной готовности ядерных сил наземного и морского базирования, перебазировать оставшиеся тактические ядерные заряды из Европы на территорию США, официально объявить об отказе от применения ядерного оружия первыми, немедленно начать переговоры с Россией о сокращении числа боезарядов до 2000 единиц.

Сложившаяся на данном отрезке времени ситуация способствует тому, что администрация Билла Клинтона может использовать идеи Батлера и возникший общественный интерес к теме для решения своих задач. Речь идет, прежде всего, о том, каким образом подтолкнуть Россию к скорейшей ратификации Договора СНВ-II. Если этого не будет сделано в самое ближайшее время, то американскому руководству, в первую очередь исполнительной власти, предстоит ответить на вопрос, что делать дальше со своими стратегическими силами. Проблема не может откладываться надолго, так как некоторые расходы должны быть заложены в бюджет следующего финансового года. Поддержка Белым домом выступлений общественности и видных деятелей за дальнейшее ядерное разоружение позволит администрации выступать инициатором процесса. Это не накладывает на Вашингтон никаких конкретных обязательств, но по американским оценкам,

может подтолкнуть российское руководство к встречным, более масштабным и в то же время обязывающим инициативам.

О формировании новых подходов в США к проблеме ядерного сдерживания говорит и появление многочисленных докладов влиятельных исследовательских институтов США. Так, Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной академии наук (НАН) США провел анализ американской ядерной стратегии применительно к новым условиям международной обстановки в период после окончания холодной войны и разработал рекомендации по внесению в нее существенных изменений в интересах достижения всеобъемлющего ядерного разоружения как конечной цели политики Вашингтона в области контроля за ядерными вооружениями и расщепляющимися материалами.

Доклад НАН «Будущее американской оружейной ядерной политики»⁸, опубликованный 17 июня 1997 г., отражает взгляды американских ученых на возможные пути решения проблемы поэтапного снижения уровня ядерного противостояния между США и Россией и придание этому процессу характера необратимости. В частности, авторы доклада считают, что произошедшие в последние годы серьезные изменения в международной военно-политической обстановке настоятельно диктуют необходимость пересмотра Белым домом национальной ядерной стратегии. По их мнению, США следует отказаться от тех ее положений, которые предусматривают применение или угрозу применения ядерного оружия для целей сдерживания агрессии со стороны потенциального противника с использованием сил общего назначения, а также химического и биологического оружия. При этом американские ядерные силы должны быть предназначены исключительно для выполнения функции сдерживания только возможных ядерных ударов по США и их союзникам. Специалисты Совета по внешним сношениям считают, что угроза применения ядерного оружия для противодействия химическому или биологическому нападению не только не способна сдерживать «маргинальные» режимы, но, наоборот, подталкивает их к созданию новых видов собственного ОМУ и совершенствованию средств его доставки, которые в этом случае

⁸ The Future of US Nuclear Weapons Policy // By National Academy of Sciences, Committee on International Security, & Arms Control. National Academies Press, 1997. – *Прим. ред.*

рассматриваются как фактор «гарантированного выживания» государства.

Сужение функционального предназначения ядерных сил США, по мнению авторов доклада, создаст благоприятные условия для активизации двусторонних российско-американских усилий по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов двух стран и вовлечению в этот процесс других ядерных государств. В докладе содержится рекомендация правительству США незамедлительно приступить к серьезной проработке с российской стороной основных положений договора СНВ-III, что будет способствовать скорейшей ратификации СНВ-II Государственной Думой России. В этом контексте администрация должна безотлагательно начать «серьезные обсуждения» с Россией «относительно деталей» будущего соглашения по СНВ-III, не дожидаясь, пока российская Государственная Дума ратифицирует Договор СНВ-II. После достижения уровня в 2000 единиц ядерных боезарядов для каждой стороны США следует предложить дальнейшее снижение до 1000 единиц, а затем – с привлечением к переговорам «заявленных и незаявленных» ядерных государств – можно было бы выйти на уровень в несколько сотен боезарядов.

Американские ученые считают, что после заключения договора СНВ-III и вступления его в силу США и Россия смогут перейти к качественно новому этапу сокращения ядерных вооружений, предусматривающему включение в новые соглашения не только стратегического ядерного оружия, но и тактических ядерных боеприпасов. В итоге суммарное количество ядерных боезарядов у каждой из сторон, по оценке ученых, может быть доведено до нескольких сотен единиц. При этом места базирования их носителей и системы боевого управления оставшимися ядерными силами должны однозначно удовлетворять требованию неуязвимости от первого ядерного удара со стороны вероятного противника, что будет являться серьезным сдерживающим фактором при принятии любой из сторон решения о его проведении.

Параллельно с введением переговоров по вопросам сокращения ядерных арсеналов предлагается осуществить комплекс мероприятий по укреплению мер доверия между США и Россией путем взаимного отказа от поддержания ядерных сил в постоянной боевой готовности, прекращения практики планирования и распределения целей на территории противостоящей стороны для нанесения массированных ракетно-ядерных ударов и строгого

выполнения положений Договора по ПРО в части, касающейся стратегических ракет. При этом авторы доклада считают, что объединенное стратегическое командование вооруженных сил США при подготовке плана распределения целей (SIOP) может отказаться от существующей концепции без какого-либо ущерба для национальной безопасности и перейти к так называемому «адаптивному распределению целей», суть которого заключается в минимально возможном применении ядерных сил по объектам на территории враждебных США государств, обладающих ядерным оружием, в качестве ответной меры в чрезвычайных обстоятельствах.

Особое внимание, по мнению авторов доклада, следует уделить повышению транспарентности и контроля за ядерными боезарядами. Должен быть прослежен путь движения каждой ядерной боеголовки от производства, постановки или снятия с вооружения, хранения на складах, деактивации.

В рамках более широкого подхода США могли бы в самое ближайшее время заявить об обязательстве не применять ядерное оружие первыми, поддержать создание безъядерной зоны в Центральной Европе, а также пересмотреть доктрину о массированном применении ядерного оружия в случае ядерного нападения. Конечной, хотя и отдаленной целью политики США должно стать «международное запрещение ядерного оружия». Такая программа действий открывала бы реальный путь к укреплению режима нераспространения ядерного оружия и способствовала бы усилению стратегической безопасности США.

Конечно, содержащиеся в докладе НАН США предложения по пересмотру национальной ядерной стратегии базируются на том факте, что уровень оснащенности сил общего назначения вооруженных сил США современными типами оружия и военной техники позволяет американскому командованию планировать решение широкого круга боевых задач без применения ядерного оружия с гарантированным достижением поставленных целей. В этой связи ряд положений доклада, касающихся взаимоотношений с Россией в области ядерного разоружения, могут быть приняты администрацией Билла Клинтона для рассмотрения в интересах последующего практического использования в переговорном процессе по этой проблеме.

По мнению экспертов Совета по внешним сношениям, в условиях лидерства Соединенных Штатов в мировой политике и их

качественного превосходства в обычных вооружениях, а также на фоне деградации ядерного потенциала России ядерное оружие постепенно утрачивает ключевую роль как средство сдерживания и устрашения. Поэтому ядерные силы США могут быть существенно сокращены.

В подготовленном в феврале 1997 г. для Белого дома специальным докладе аналитики обосновывают свою точку зрения значительным снижением уровня ядерного противостояния и уже достигнутыми США результатами в области нераспространения ядерного оружия и контроля за ним (подписание ДВЗЯИ, бессрочное продление ДНЯО, отказ Украины, Белоруссии и Казахстана от ядерного статуса, замораживание ядерной программы КНДР). Эффективной альтернативой ядерному сдерживанию эксперты считают контроль над вооружениями, контрраспространение и эшелонированную стратегическую оборону, обеспечиваемую, в частности, системой ПРО.

Сохранение ядерного оружия для предотвращения нападения на Соединенные Штаты со стороны ядерных государств в современных геополитических условиях также представляется ими излишним. По оценкам экспертов, угроза нападения России или Китая на США крайне незначительна из-за ограниченности их военных возможностей и отсутствия политических целей, которые могли бы быть достигнуты подобным путем.

В докладе содержится призыв к публичному отказу американской президентской администрации от использования ядерного фактора во внешней политике, что, как подчеркивается, станет весомым аргументом в пользу расширения контроля над вооружениями, облегчит выполнение российско-американских договоренностей по сокращению СНВ и создаст условия для их перерастания в многосторонние с участием других ядерных держав, а впоследствии и «неофициальных» ядерных государств (Израиля, Индии и Пакистана). Это могло бы также подтолкнуть «пороговые» страны к прекращению собственных ядерных программ.

Традиционный американский подход к интернационализации своей политики нашел отражение в выдвинутой экспертами идее перестройки системы стратегического сдерживания на основе интеграции стратегических оборонительных систем ядерных государств, достижения договоренностей о прекращении производства расщепляющихся материалов, строгом учете имеющихся запасов и уничтожении их излишков.

Для детальной проработки упомянутых предложений рекомендовано сформировать под руководством советника президента по вопросам национальной безопасности специальную межведомственную группу в составе старших должностных лиц госдепартамента, министерств обороны и энергетики, Объединенного комитета начальников штабов, Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, а также ЦРУ. Недавно группа представила Совету национальной безопасности доклад, содержащий оценки эффективности четырех последовательных этапов трансформации стратегических ядерных сил США (сохранение на уровне Договора СНВ-II, сокращение до 1000 боеголовок у США и России, до 100 единиц у каждого из ядерных государств и полное уничтожение ядерного оружия).

Предложения Совета по внешним сношениям в целом согласуются с рекомендациями других влиятельных исследовательских организаций Соединенных Штатов. Аналогичные этапы сокращения ядерного оружия приводились, например, экспертами Центра Генри Стимсона в докладе «Эволюция ядерных сил США»⁹ (1995) и были поддержаны в совместном заявлении отставных генералов и адмиралов о полном запрещении ядерного оружия 1996 г.

Доктрина «зазеркалья»

Есть основания полагать, что идея постепенного сокращения ядерных вооружений в перспективе будет одобрена Вашингтоном. Учитывая, что ядерное разоружение обещает благоприятное для Соединенных Штатов изменение баланса сил в сопоставлении с Россией, администрация рассматривает его как способ заставить ее отказаться от ядерного оружия, остающегося, по мнению американских аналитиков, последним ее атрибутом как великой державы. Кроме того, Белый дом не может не принимать во внимание, что вопрос о сокращении ядерных сил поднимается в то время, когда Пентагон испытывает нехватку средств на развитие обычных высокоточных вооружений, считающихся более перспективными с точки зрения обеспечения военного превосходства. Одним из существенных резервов представляется сокра-

⁹ Goodpaster A.J. et al. An evolving US nuclear posture // Washington, DC: The Henry L. Stimson Center, 1995. – *Прим. ред.*

шение расходов на ядерные силы, которые в настоящее время достигают, по разным оценкам, 25–33 млрд долларов ежегодно.

Одним из самых сильных аргументов против доктрины ядерного сдерживания на современном этапе является, пожалуй, то, что она является органическим элементом сложившейся после Второй мировой войны (1939–1945) системы международной безопасности, от которой мы пытаемся избавиться в обозримой исторической перспективе. Какие бы невероятные усилия ни предпринимались на самом высоком политическом уровне с тем, чтобы вырваться за пределы холодной войны, ситуация взаимного ядерного сдерживания, материализованная в чудовищно разросшихся военных потенциалах, будет с неизбежностью воспроизводить всю совокупность конфронтационных межгосударственных отношений.

В доктрине сдерживания имманентно заложена идея взаимного запугивания и состязания в наращивании ядерных вооружений. Она как бы абсорбирует в себе – а вернее, в инструментах своего осуществления – весь груз накопленных за долгие годы холодной войны взаимного недоверия, подозрительности, вражды и ложных, зачастую окарикатуренных представлений друг о друге. Постепенное преодоление всех этих стереотипов, по всей вероятности, предполагает и новый взгляд на доктрину ядерного сдерживания.

До недавнего времени ядерная угроза была персонифицирована, иными словами, каждая из сторон рассматривала другую в качестве безусловного материального носителя такой угрозы. Отсюда и неверные оценки реальных намерений потенциального противника, представляющие собой главную причину дестабилизации стратегической обстановки.

Если же образ врага развеивается, то «деперсонифицируется» и ядерная угроза. Носитель этой угрозы исчезает, остается угроза как таковая. Психологически она уже начинает исходить не от другой стороны, а от самого ядерного оружия. Однако сама природа этого оружия такова, что как мало ни оставалось бы его в мире, его все равно будет «слишком много». Ведь оно в лучшем случае обеспечивает равную опасность, которая является ничем иным, как эрзапом, суррогатом подлинной безопасности. Даже если угроза преднамеренной ядерной войны будет сведена к нулю, вместе с ядерным оружием останется и опасность ее возникновения в результате случайности, просчета либо провокации.

Поэтому сколь угодно низкий уровень ядерного баланса несовместим с реальной – будь то международной или национальной – безопасностью, – которая по своему определению является отсутствием опасности. Здравый смысл поэтому говорит: надо вести речь не о сдерживании с помощью ядерного оружия, а о сдерживании самого ядерного оружия. Это означает отказ от его наращивания и совершенствования, постепенное, но неуклонное уничтожение его запасов, вплоть до полной ликвидации и запрещения производства.

В этой связи можно с уверенностью сказать, что будущего за доктриной ядерного сдерживания нет, если, в частности, исходить из того, что человечество будет двигаться к новой мировой общности XXI века. Если посмотреть на доктрину сдерживания в этом широком историческом контексте, ее абсурдный характер обнаруживается со всей очевидностью.

Прежде всего, сторона, исповедующая эту доктрину, кладет в основу своей политики наихудший вариант развития событий, исходя не из действительных намерений оппонента, а из оценок – подчас весьма произвольных – того потенциального вреда, который он может ей нанести. Трудно представить себе более нелепую ситуацию: если ее спроецировать на отношения между людьми, наша жизнь станет невыносимой, поскольку в этом случае в каждом прохожем мы видели бы потенциального грабителя, насильника или убийцу. Тем не менее, в доктрину сдерживания органически заложены именно подобные представления.

Другим имманентным пороком этой доктрины является полное несоответствие между предполагаемой рациональностью угрозы применения ядерного оружия и полной иррациональностью его применения в случае, если сдерживание «не работает». Ибо если теоретически, казалось бы, имеет смысл удерживать противника от нападения угрозой ответного удара, то никакого разумного обоснования нанесению такого удара найдено быть не может.

В самом деле, какой рациональной цели могла бы достичь через удар возмездия сторона, подвергшаяся ядерному нападению? Ведь она была бы, по существу, уничтожена и, следовательно, цель обеспечения безопасности уже отпала бы. Единственным мотивом ответного удара может выступить лишь жажда отмщения. Однако месть, хотя она и свойственна природе человека, не является ни разумным, ни конструктивным действием.

Таким образом, доктрина сдерживания, предполагающая ответный ядерный удар в качестве «наказания» агрессора, применяющего ядерное оружие первым, по сути полностью расходится с традициями военного дела. Не предлагая каких-либо мер для обороны в традиционном смысле, но обещая подвергнуть отечество агрессора уничтожению, если таковым окажется удел собственного отечества, она доходит до еще большего абсурда, выдвигая требование, чтобы ни одна из сторон не предпринимала серьезных усилий для защиты своего населения.

Возможно, поэтому доктрина сдерживания порождает ощущение ирреальности: военный стратег должен непрерывно строить сценарии ядерных ударов и контрударов, в предотвращении которых и состоит, согласно этой доктрине, предназначение всего стратегического планирования. С позиций простой человеческой логики она представляет собой некое фантастическое умозрительное построение, вырабатываемое на протяжении более чем четырех десятилетий, в котором формальной логике, не сдерживаемой ни моралью, ни фактами действительности, ни элементарным здравым смыслом, было дозволено буйствовать на правах чистой теории, допускающей истребление человечества.

Ясно и то, что планируемые на основе доктрины сдерживания действия не могут быть не только рационально обоснованы с точки зрения классической военной стратегии, но и оправданы с позиций какой бы то ни было системы морали. Стоит признать стратегическую необходимость планирования мучительной смерти сотен миллионов людей и убийства целых народов, как тут же выясняется, что мы живем в мире, в котором мораль и реальность обитают в двух обособленных друг от друга сферах. Вся стратегическая мудрость обращается в моральную бессмыслицу.

И нам остается только выбор: либо стать стратегическими профанами, либо сознательно отбросить все нравственные, моральные, эмоциональные и другие соображения – короче говоря, все то, что помимо способности к абстрактному мышлению присуще представителям рода человеческого.

У доктрины ядерного сдерживания есть еще один аспект, о котором ее ярые адепты предпочитают умалчивать. Угроза уничтожения вероятного противника идентична угрозе уничтожения всего человечества. Современные исследования вероятных последствий ядерной войны недвусмысленно свидетельствуют

о том, что результат окажется одинаковым как для агрессора и карающего его, так и для стороннего наблюдателя. Таким образом, безопасность ядерных держав куплена здесь фактически ценой угрозы истребления всего человечества.

В мире, в котором господствует доктрина сдерживания, ядерные силы государств, по существу, соединены в одно целое – своего рода «машину судного дня», которая покарает всех уничтожением, если сдерживание даст сбой. И каждому члену ядерного клуба фактически предоставлена возможность наложить вето на дальнейшее существование рода человеческого. Если бы какое-либо общество предоставило каждому своему гражданину возможность убивать других граждан, то, вероятно, оно считалось бы по меньшей мере абсурдным.

Однако, даже если допустить, что мир обеспечивается именно доктриной сдерживания, следует признать и то, что цена, которую приходится платить за него, слишком высока. С тех пор как человечество вступило в ядерный век, оно живет в обстановке, когда механизм уничтожения полностью отлажен, и спусковой крючок удерживается на волоске от того, когда он будет внезапно и стремительно приведен в действие. Разум отказывается верить, что столь многое зависит от столь малого, что весь окружающий человека природный мир, равно как и сама человеческая цивилизация, дополнившая чудеса эволюции своими собственными чудесами искусства, науки, социальной организации и духовного возвышения, в один миг могут быть свергнуты в небытие.

Угроза полного истребления несоизмерима ни с какой другой опасностью, с которой человечеству приходилось сталкиваться на протяжении всей своей истории. Сама вероятность того, что ядерная катастрофа могла бы завершиться его исчезновением, как представляется, лишает членов мирового сообщества всякого права вести столь рискованную игру. Ведь другого шанса предоставлено уже не будет.

В этой связи господство в сегодняшнем мире доктрины ядерного сдерживания можно расценивать лишь как свидетельство того, что по какой-то причине человечество до сих пор по существу отказывается всерьез считаться с тем исключительным значением, которое имеет для него вступление в ядерный век, и пока не вышло из состояния странного интеллектуального и морального оцепенения, парализующего волю к жизни и к решительным действиям во имя ее сохранения.

Вероятно, есть только одно рациональное объяснение этому поразительному явлению: с появлением ядерного оружия традиционный образ военно-политического мышления и по сей день не изменился. Ядерная революция не привела к перестройке сознания. Возникла ситуация, когда человечество, с одной стороны, стало располагать чудовищной военной силой, применение которой чревато его полным истреблением, а с другой – продолжает цепляться за представления доядерного века, будто такое истребление остается невозможным. В сущности, мы пытаемся довольствоваться ньютоновской политикой в эйнштейновском мире.

Альтернативные подходы

В настоящий момент в международных разоруженческих кругах дебатироваться, по крайней мере, три варианта выхода из ситуации взаимного ядерного сдерживания.

Первый можно, вероятно, назвать традиционным. Его смысл состоит в том, чтобы ратифицировать Договор СНВ-II и затем незамедлительно приступить к переговорам об очередном этапе радикальных сокращений ядерных вооружений – СНВ-III. Некоторые специалисты при этом не исключают возможность подготовки и последующих договоренностей – СНВ-IV и даже СНВ-V.

Конечно, Договор СНВ-II не идеален. И в его адрес раздается немало справедливых критических замечаний. Специалисты, участвовавшие в его подготовке, помнят, в какой спешке это проходило. Проигравшей на выборах в 1992 г. администрации Джорджа Буша-старшего нужно было во что бы то ни стало заключить этот договор до своего ухода с тем, чтобы не оставить лавров демократам. Российская же дипломатия в 1992 г. без особых возражений подчинялась «старшему партнеру». Свою роковую роль сыграл и тот факт, что кое-кому в российском правительстве тогда нужен был видимый внешнеполитический успех для отчета президенту и, соответственно, сохранения своего кресла. В результате договор оказался половинчатый: он не оправдал тех надежд, которые на его возлагались политиками и экспертами обеих стран, прежде всего, конечно, России. Не решил он и основной массы тех проблем, которые остались «за бортом» Договора СНВ-I. Наконец, он был внесен в парламент на ратификацию

в условиях, когда Минобороны не разработало программы развития стратегических ядерных сил хотя бы на несколько лет вперед и с учетом обязательств России по договору.

Тем не менее, ратификация Договора СНВ-II, на мой взгляд, необходима. Спассти ратификацию можно, если сопроводить ее рядом дополнительных условий (или поправок), в том числе:

- заявлением о необходимости соблюдения сторонами всех положений Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г.;
- исключением возможности ускорения темпов ликвидации СНВ (из-за недостаточных для этого пропускной способности баз ликвидации ракетных войск и возможностей Минатома Российской Федерации по утилизации высвобождаемых ядерных зарядов);
- заявлением о приоритетности в ходе последующих российско-американских переговоров мер по ограничению ядерных вооружений морского базирования (стратегических и средней дальности).

К этому следует добавить, что договоренность о продлении срока выполнения Договора СНВ-II до конца 1997 г., достигнутая в марте 1997 г. в Хельсинки, снимает основную озабоченность Минобороны и парламента России относительно временных возможностей его реализации.

Нашим же возможным ответом на крайне маловероятный наихудший вариант расширения НАТО на восток (с приближением к российским границам военной, в том числе и ядерной инфраструктуры) мог бы стать отказ от принятого одностороннего обязательства не выводить на маршруты боевого патрулирования железнодорожные ракетные комплексы, поскольку в неподвижном состоянии они становятся более уязвимыми при внезапном ударе тактической авиации НАТО в случае использования восточно-европейской сети аэродромов.

При всех различиях в оценках договора вряд ли можно ставить под сомнение, что он станет крупной вехой как в истории ограничения ядерных вооружений, так и в отношениях между Россией и США. Являясь результатом признания обеими сторонами их особой ответственности за уменьшение опасности возникновения ядерной войны, укрепление стратегической стабильности, упрочение мира и международной безопасности, договор означает поворотный пункт в российско-американских усилиях в области

ограничения вооружений, ориентируя их на установление отношений, характеризующихся большей рациональностью, открытостью, сотрудничеством, предсказуемостью и стабильностью.

В более широком политическом плане Договор СНВ-II является символом формирования нового характера российско-американского взаимодействия. Как сам факт крупномасштабных ограничений и сокращений ядерной мощи, так и заложенный в договоре разветвленный механизм контроля будут способствовать внедрению в российско-американские отношения беспрецедентных стандартов доверия и открытости, создавать предпосылки как для коренной переоценки характера военной угрозы, так и для разрешения возникающих конфликтных ситуаций исключительно политическими средствами.

Критики договора должны признать, что в результате осуществления предусмотренных в нем сокращений при любых возможных структурах СНВ в условиях сохранения Договора по ПРО безопасность России будет обеспечена в полной мере. Запас прочности ядерных потенциалов не оставляет сомнений в том, что при любом гипотетическом варианте нападения каждая из сторон сохранит достаточный арсенал средств для нанесения неприемлемого удара возмездия, разрушающего военно-экономическую структуру другой стороны. Это позволяет характеризовать стратегическую ситуацию в целом как стабильную, обеспечивающую достаточно надежное взаимное ядерное сдерживание.

Вместе с тем договор, разумеется, нуждается в более глубокой оценке, лежащей за пределами традиционных представлений о военно-стратегическом балансе. Выйти за эти пределы не так просто, как кажется. Особенно специалистам, которые принимали непосредственное участие в выработке договора. И, тем не менее, сделать это необходимо. В противном случае может быть упущена основная цель и перспектива переговоров по ядерным и космическим вооружениям. А эта цель была определена в совместном заявлении от 8 января 1985 г. следующим образом: «Выработка эффективных договоренностей, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле, на ограничение и сокращение ядерных вооружений, на укрепление стратегической стабильности... В конечном итоге, по мнению сторон, предстоящие переговоры, как и вообще усилия в области ограничения и сокращения вооружений, должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду».

В плане реального движения к этой цели договор, конечно, весьма скромный шаг, тем более что предусмотренные в нем сокращения СНВ носят весьма условный характер: ни ядерные боезаряды, ни основная масса снимаемых с вооружения ракет не подлежат физической ликвидации, хотя они и будут выведены из боевого состава. Так или иначе, после осуществления его условий в арсеналах сторон останется колоссальный избыток ядерной мощи, многократно превышающий все мыслимые критерии разумной достаточности для того, чтобы удерживать друг друга от нападения угрозой ответного удара. Иными словами, договор не только не выведет стратегическое взаимоотношение сторон за пределы взаимного ядерного сдерживания, то есть ситуации, при которой Россия и США рассматривают друг друга в качестве потенциальных агрессоров, а стабильность обеспечивается опасностью взаимного уничтожения, но даже не ограничит их ядерные потенциалы уровнем минимального ядерного сдерживания.

Могут сказать, что Договор СНВ-II дополняется соответствующей декларацией о ненацеливании ракет США и России соответственно на объекты, расположенные на территории России и США. Как известно, такая договоренность имеется и между Россией и Великобританией. Вместе с тем детальный анализ заявлений о ненацеливании показывает, что они носят исключительно политический характер, что, конечно, также немаловажно. В техническом же плане ненацеливание ракет на объекты другой стороны не требует какой-либо переделки современных систем боевого управления стратегическим ядерным оружием и дополнительных затрат времени. За ним к тому же невозможно установить какой-либо контроль. В этом плане характерно мнение председателя подкомиссии по НИОКР в военной области конгрессмена-республиканца К. Уэлдона, который недавно заявил, что ненацеливание несколько не способствует укреплению национальной безопасности США, а наоборот, является «дезориентирующим фактором», создающим ложное впечатление защищенности, и отвлекает внимание от «истинных потребностей» скорейшего развертывания национальной ПРО. При этом на слушаниях на экспертном уровне было подчеркнуто, что ненацеленность не поддается проверке, так как обратный процесс занимает считанные секунды, а заявленный Россией «нулевой вариант» нацеливания при несанкционированном пуске якобы

автоматически сбрасывается, и срабатывает одна из прежних программ поражения целей, сохраненных в памяти компьютера. По мнению известного американского специалиста Брюса Блэйра, возвращение полетного задания ракетам потребует всего десять секунд.

Возвращаясь к Договору СНВ-II, следует сказать, что сами по себе планируемые в соответствии с ним сокращения СНВ (если отвлечься от предусмотренных в нем мер контроля, открытости и предсказуемости) вряд ли можно расценить как кардинальный сдвиг в направлении создания действительно стабильных стратегических отношений между Россией и США даже в рамках модели взаимного ядерного сдерживания.

Договор программирует для обеих сторон ликвидацию большого количества устаревших вооружений, гарантийный срок службы которых так или иначе истекает. Разрешенные же им параметры модернизации СНВ создают предпосылки не только для придания потенциалам сторон принципиально новых противосиловых возможностей, но и для технологического прорыва на новых направлениях развития военной техники, способных оказать существенное дестабилизирующее воздействие на стратегическую ситуацию. Нельзя сбрасывать со счетов и вполне реальную перспективу ускоренного развития высокоточных неядерных вооружений стратегической дальности, в том числе за счет допускаемого переоборудования тяжелых стратегических бомбардировщиков. Все эти нерешенные проблемы будут постоянно подпитывать озабоченности сторон, и если договор не будет подкреплен следующим этапом переговоров по СНВ-III, то политический капитал, накопленный в процессе его подготовки, может быть быстро исчерпан.

Но главное даже не в этом. Фактически в договоре отражено стремление обеих сторон обеспечить себе способность равного ущерба в ядерной войне, которая сегодня представляется крайне маловероятной. Иными словами, в нем закреплена негативная парадигма российско-американских стратегических отношений, которая выстраивалась исходя из наихудшего возможного варианта развития событий. В этом плане договор представляет собой не более чем фундамент, «нулевой цикл» для строительства стабильных стратегических отношений между Россией и США, замены негативной парадигмы на позитивную парадигму. И его основная ценность заключается в том, что он создает условия

для следующего этапа ядерного разоружения, который должен если не обеспечить, то приблизить достижение главной цели переговоров, как она сформулирована в январском советско-американском заявлении 1985 г.

Вместе с тем, учитывая «подвешенность» вопроса о ратификации Договора СНВ-II в российской Государственной Думе, а также договоренность с США о базовых параметрах договора СНВ-III, оптимальным вариантом было бы сейчас, не дожидаясь ратификации первого, приступить к переговорам (или, хотя бы, консультациям) по следующему этапу сокращений ядерных вооружений. В конечном итоге, если Договор СНВ-II не будет ратифицирован Госдумой, можно было бы объединить этот договор с будущим договором СНВ-III и вновь представить его в парламент: тем более, что поскольку сроки этих договоров теперь совпадают, речь и в самом деле, по существу, идет об одном соглашении. Затем можно было бы приступить к переговорам о более далеко идущих мерах по укреплению стратегической стабильности.

В настоящее время, когда проблема ратификации Договора СНВ-II Россией по-прежнему вызывает у наших депутатов серьезные сомнения, ряд экспертов предлагает серьезно продумать альтернативные варианты действий исполнительной власти России. Прежде всего следует отметить, что России в ближайшие 10–15 лет скорее всего придется осуществить гораздо более значительные сокращения СНВ, чем это предусмотрено Договором СНВ-II (а возможно, и СНВ-III), что проистекает из технического состояния существующих сил и ограниченных возможностей по производству и развертыванию новых образцов. Вместе с тем, ни у России, ни у США не существует сегодня серьезных возражений против продолжения процесса ядерного разоружения. Вместе с тем ряд важных факторов оказывает сильное влияние на осуществление дальнейших шагов в этой области. Например, ратификация Договора СНВ-II напрямую связывается с вопросом о расширении НАТО. С другой стороны, вряд ли можно ожидать, чтобы США пошли сейчас на подписание последующего соглашения без ратификации Россией Договора СНВ-II.

Практика переговоров с США показывает, что во многих случаях советская (и сейчас – российская) сторона фактически шла на поводу у американцев, соглашаясь с их идеями, заложенными в предлагаемые проекты соглашений. Так было с Договором по ПРО, когда СССР практически признал дестабилизирующий

характер оборонительных систем, в чем его убедило американское руководство того времени. То же самое можно сказать и о целом ряде других соглашений, в которых нашло свое отражение именно американское видение стратегической стабильности. Наиболее ярким примером последнего времени является Договор СНВ-II, в котором Россия фактически признала дестабилизирующий характер МБР с разделяющимися головными частями (РГЧ) и взяла на себя обязательство полностью их ликвидировать, что на практике ведет к коренной ломке складывавшейся десятилетиями структуры СНВ страны.

С точки зрения необходимости укрепления стратегической стабильности, отказ от МБР с РГЧ при глубоких сокращениях СНВ сторон выглядит вполне оправданным. Но в современных условиях, когда США и Россия объявили об отказе рассматривать друг друга в качестве вероятных противников и, как следствие, даже об отказе нацеливать свои СНВ друг на друга, следование столь жестким критериям стратегической стабильности вряд ли соответствует духу нового характера отношений между двумя странами. Сейчас каждая из сторон имеет полное право претендовать на большую свободу действий в области строительства своих вооруженных сил, исходя из имеющихся возможностей и экономической ситуации, и, естественно, в рамках общей тенденции к понижению уровня ядерного противостояния. Конкретно для России это может означать определенную свободу выбора в том, что сокращать в первую очередь и что – в будущем, а также в какие сроки осуществить подобные преобразования. Кроме того, решение об одностороннем сокращении СНВ позволит России сначала выбрать и принять собственную ядерную стратегию, а затем создать структуру СНВ, необходимую для реализации принятых решений. Таким шагом Россия, как представляется, наконец-то вернется к нормальному положению вещей в ядерной области в отличие от предыдущих лет, когда на первый план выступала количественная и качественная структура СНВ (что диктовалось международными соглашениями в этой сфере), под которую должна была «подгоняться» стратегия их применения.

С этой точки зрения следовало бы более внимательно приглядеться к ядерной стратегии Великобритании, Франции и Китая, которые на протяжении многих лет существуют в условиях несоизмеримо более низких уровней собственных ядерных вооружений по отношению к вероятным противникам. При

этом данные страны никогда не ставили вопрос о необходимости достижения равенства в количестве или возможностях своих СНВ по сравнению с СССР или США. Тем не менее, принятые этими странами критерии для собственных ядерных сил доказали свою жизнеспособность и эффективность. Во всяком случае, в нынешних условиях не стоит, видимо, игнорировать накопленный этими странами опыт, продолжая придерживаться устаревшего принципа равенства с США. Этот принцип имел смысл в условиях холодной войны и во многом носил политический, а не военный характер. Сейчас же, по мнению некоторых российских экспертов, можно серьезно рассматривать вопрос о возврате к первоначальному принципу, который отстаивал СССР на первых этапах переговоров с США, а именно – принципу одинаковой безопасности. С точки зрения военной безопасности и учитывая разрушительную мощь ядерного оружия, следование этому принципу отнюдь не предполагает наличия примерного арифметического равенства в количестве боезарядов с другой стороны.

Естественно, следует самым серьезным образом продумать политическую форму заявления об односторонних сокращениях, в котором, по сути дела, будет констатирован отказ России от Договора СНВ-II прежде всего в части сроков снятия с боевого дежурства и ликвидации всех МБР с РГЧ. Но, как представляется, сама идея односторонних глубоких сокращений СНВ в течение значительного срока времени уже несет в себе предпосылки к ослаблению существующего ажиотажа вокруг Договора СНВ-II в России, равно как и к ожидаемой резко негативной реакции в мире в случае провала его ратификации.

Наконец, сама идея об объявлении программы односторонних сокращений СНВ России, предварительно доведенная в соответствующей форме до российских законодателей, может стать серьезным инструментом в руках администрации в пользу ратификации Договора СНВ-II. В этом случае уже законодательная власть будет стоять перед выбором продолжения ядерного разоружения на паритетных началах с США или же перед перспективой потери контроля за ядерным разоружением другой стороны в случае принятия исполнительной властью программы односторонних сокращений.

Наконец, еще один обсуждаемый в международном сообществе вариант трансформации ядерного сдерживания, можно было бы отнести к функциональному (*operational*). Речь идет о поэтап-

ном понижении боеготовности СНВ на взаимной основе. Этот подход высказывают на страницах газеты «Washington Post» бывший председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Сэм Нанн и эксперт по проблемам разоружения из Института Брукинга Брюс Блэйр. Они считают, что «взаимные и проверяемые меры» резко сократили бы опасность случайного или несанкционированного пуска ядерных ракет. «Для США и для России, – пишут эксперты, – пришла пора избавиться от психологических оков политики сдерживания, снять с боевого дежурства стратегические силы и задействовать новую формулу, которая привела бы в соответствие ядерную политику с установившимися между двумя странами отношениями в политической области». По мнению Нанна и Блэйра, на смену доктрине взаимного гарантированного уничтожения времен холодной войны должна прийти доктрина «взаимной гарантированной безопасности».

Специалисты США предлагают некоторые шаги, которые могли бы быть предприняты уже в ближайшее время:

- Соединенные Штаты могли бы снять с ракет MX блоки управления и хранить их внутри шахтных пусковых установок этих МБР.
- На защитные крышки российских и американских ракетных шахт могли бы быть установлены тяжелые предметы, а пороховые заряды, которые сегодня используются для экстренного открытия крышек шахт, могли бы быть демонтированы.
- Россия могла бы снять со своих ракет – как стационарных, так и мобильных – бортовые источники питания.
- Российские мобильные ракеты могли бы быть выведены из своих гаражей и развернуты в направлении на юг, с тем чтобы затруднить быстрый пуск ракет в северном направлении (то есть по Соединенным Штатам). Мобильные пусковые установки могли бы быть поставлены на козлы, а шины с их колес в этом случае были бы сняты. Для того, чтобы сделать невозможным быстрый пуск ракет в то время, когда мобильные пусковые установки находятся в своих гаражах, поверх открывающихся крыши гаражей могли бы быть уложены тяжелые металлические балки.
- Соединенные Штаты могли бы сократить долю своих стратегических подводных лодок, постоянно находящихся в море, с нынешних двух третей до одной трети.

- Россия могла бы снять и отправить на объекты хранения боеголовок ракет подводных лодок, которые в готовности к немедленному пуску ракет несут дежурство у пирсов, оставаясь при этом крайне уязвимыми. Крышки нескольких пусковых установок подводных лодок, находящихся в базах, могли бы оставаться открытыми с тем, чтобы сделать возможной проверку. Пусковые установки, крышки которых были бы открыты, ежедневно менялись бы.
- В море как российские, так и американские подводные лодки могли бы находиться в состоянии пониженной, а не полной готовности. Такая мера гарантировала бы, что для подготовки к запуску ракет подводным лодкам понадобилось бы несколько часов.

Нанн и Блэйр предлагают всерьез подумать о немедленном снятии нескольких сотен боеголовок с ракет, стоящих на боевом дежурстве в обеих странах с тем, чтобы поощрить принятие и других мер по снижению боеготовности. По мнению авторов, все эти меры могут быть быстро реализованы на взаимной основе без проведения длительных переговоров по контролю над вооружениями. Они основаны на равенстве, недороги и проверяемы путем непосредственного наблюдения с использованием обычных мер проверки и существующей системы контроля на месте. Отход от этих мер требует времени и легко проверяем. Хотя эти шаги поддаются в достаточной степени проверке, значительное число снятых с боевого дежурства соединений стратегических сил в любом случае останутся не затронутыми этими мерами. Если какая-либо из сторон не готова снять с боевого дежурства все свои ядерные силы и сохранит на боевом дежурстве их небольшую часть, она по крайней мере может сосредоточиться на укреплении системы обеспечения операционной безопасности этих средств.

По мере укрепления доверия обеим сторонам необходимо предпринять серьезные и хорошо проверяемые шаги по снятию со стратегических носителей боеголовок. Эта мера может быть осуществлена в течение нескольких месяцев. Для решения проблемы уязвимости боеголовок, находящихся в нескольких хранилищах, часть их должна находиться в укрепленных хранилищах, рассредоточенных на значительной территории – например, боеголовки с ракет, находящихся в укрепленных шахтах, могут находиться в свободных шахтах, частично заполненных бетоном, что делает их непригодными для размещения ракет.

Как выйти за пределы сдерживания

Анализ политических и военных аспектов доктрины сдерживания недвусмысленно свидетельствует о том, что она внутренне противоречива и крайне опасна.

Классическим выражением философии, на которой основана эта доктрина, является известное изречение Уинстона Черчилля. Он заявил в Палате общин в 1955 г., что благодаря ей «безопасность явится здоровым дитем страха, а выживание – близнецом уничтожения»¹⁰. В этом состоит главный порок, составляющий сердцевину доктрины сдерживания: мы пытаемся избежать самоистребления, угрожая совершить его. Если безопасность – это «здоровое дитя страха», то свое существование мы должны основывать на страхе. И если выживание – это «близнец уничтожения», то мы должны культивировать уничтожение. Но тогда мы должны смириться и с тем, что в итоге мы можем получить его. Ведь то, что катастрофа до сих пор не произошла, не означает, что она не произойдет никогда. И если исходить из теории вероятности, то следует констатировать, что пока ядерное оружие не изъято из arsenалов государств, война не только может произойти, но неизбежно произойдет, если не в этом году, то в следующем, а если не в следующем, то через два, через три или через десять лет.

Нельзя не видеть, что дилемма доктрины сдерживания, состоящая в том, что ради спасения человечества, его выживание надо поставить под угрозу, – это западня, из которой нет выхода до тех пор, пока государства располагают ядерным оружием. Единственный способ вырваться из нее – снять с ядерного оружия ответственность за обеспечение обороны отечества.

И здесь мы подходим к самому главному. Реальна ли эта задача? Сторонники доктрины ядерного сдерживания не устают утверждать, что замены этой доктрине нет, поскольку она является всего лишь концентрированным выражением военно-силового противоборства государств на международной арене, которое на протяжении всемирной истории составляло основу системы международных отношений. С этим доводом трудно не согласиться. Неоспоримой реальностью нашего времени, однако, является и то, что ядерная революция по существу взорвала

¹⁰ В оригинале высказывание звучало следующим образом: *Safety will be the sturdy child of terror, and survival the twin brother of annihilation.* – Прим. ред.

эту систему, властно поставив в повестку дня мировой политики вопрос о поиске для нее творческой альтернативы.

Главное достоинство доктрины ядерного сдерживания, само внедрение которой в политическое мышление государств явилось отчасти отражением кризиса его традиционных, казалось бы, незыблемых, военно-силовых постулатов, в ядерный век состоит в том, что она исходит из совершенно верной посылки, согласно которой конфликт с применением ядерного оружия не может завершиться победой ни одной из сторон и угрожает уничтожением всего человечества. Из признания недостижимости победы в такого рода столкновении доктрина сдерживания делает вывод о том, что единственная цель обладания ядерным оружием – это предотвращение самой войны. В этом смысле в создавшихся условиях реальное оружие наполовину уже утратило свою роль: оно превратилось в чисто психологическое оружие, предназначение которого состоит не в применении, а в поддержании некоего постоянного состояния ума – страха в противнике.

Что же мешает завершить ядерную революцию и сделать само ядерное оружие достоянием фантастики – не ракетами, застывшими в шахтах в готовности к пуску, а только мыслью в наших умах? Честный ответ на этот вопрос, вероятно, может быть только один: в то время как чудовищная мощь ядерного оружия привела фактически к самоотрицанию войны, а вместе с этим сделала несостоятельной существовавшую веками систему международных отношений, основанную на военной силе, никаких серьезных совместных усилий по созданию системы, ее заменяющей, по существу предпринято не было. Поэтому и вопрос об альтернативе сдерживания до сих пор остается без ответа.

Было бы, вероятно, ошибкой сказать, что поиск такой альтернативы не начался вообще. В частности, в свое время СССР сформулировал основы всеобъемлющей системы международной безопасности в военной, политической, экономической и гуманитарной областях. Однако эта идея не нашла понимания со стороны Запада, поскольку в его представлении такая система не способна привести к исчезновению конфликтов и отменить вековые законы взаимодействия государств на основе факторов силы. А потому она и не могла стать альтернативой сдерживания. С другой стороны, обсуждение в США вопроса о пересмотре существующей военно-стратегической доктрины в связи с уменьшением военной угрозы со стороны России пока не привело

к сколь бы то ни было серьезному отходу политической элиты от ориентации на тот или иной вариант прежней доктрины, будь то «просвещенное сдерживание», «оборонительное сдерживание», «неагрессивное сдерживание», «сдерживание-предотвращение ядерной войны» и т.д. Даже наиболее радикальное предложение США в этом ряду – «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), которая должна была вести к «отмене» доктрины ядерного сдерживания, на поверку оказалась, как признавали впоследствии многие американские специалисты (и в частности, К. Эдельман), попыткой подвести под эту доктрину лишь новую материально-техническую базу.

В этом контексте приходится признать, что в условиях разделенного мира задача понижения уровня ядерного противостояния, по всей вероятности, исчерпывается достижением уровня «минимального ядерного сдерживания». Для того, чтобы полностью преодолеть сдерживание, необходимо преодолеть и существующую в настоящий момент структуру международных отношений, неотъемлемой чертой которой является сохранение пока еще глубоких различий в позициях технологически развитых государств и нестабильности в мире развивающихся стран. Это, вероятно, возможно лишь на основе внедрения в современную систему международных отношений элементов «всемирного федерализма», позволяющего в перспективе выйти на их кардинальную перестройку по принципу «Соединенных Штатов Мира». Это была бы централизованно регулируемая система, в которой ее члены добровольно передали бы часть своего национального суверенитета наднациональному демократическому органу. Такой механизм и был бы надежной альтернативой ядерному сдерживанию.

На первый взгляд такая перспектива кажется утопией – настолько она расходится с сегодняшними реальностями и не похожа на все, что мы наблюдаем вокруг. Вместе с тем тенденции международного развития, отчетливо проявившиеся в последние годы, свидетельствуют о том, что для изменения системы международных отношений в данном направлении складываются важные объективные предпосылки. Речь идет не только о кризисе военной силы, проявляющемся в том, что война – не только ядерная, но и обычная – перестала быть средством достижения любых рациональных целей, но и о возрастании политической и экономической взаимозависимости, резкой активизации интеграционных

процессов, в условиях которых размываются сами понятия государственного суверенитета, национальных территорий и границ, обострении глобальных проблем, решение которых возможно только совместными усилиями всех государств. Повсеместно усиливается понимание того, что современный мир не совокупность взаимоисключающих цивилизаций, что он имеет общую судьбу.

Становится все более очевидным, что интересы национальной безопасности могут быть обеспечены для каждой страны лишь в сотрудничестве и взаимодействии с другими государствами. И главной угрозой безопасности является в современных условиях перспектива изоляции от мирового сообщества – осуществляется она сознательно или бессознательно.

Важные интеграционные процессы происходят в политической сфере, хотя пока и в формах, унаследованных от периода холодной войны. На европейском континенте начали постепенно вызревать крупные элементы новых структур международной безопасности. Ось глобальных противоречий и соответственно угроза безопасности уже переместилась из плоскости отношений «Восток-Запад» в плоскость отношений «Север-Юг.» Это объективно толкает промышленно развитые страны «в объятия друг друга», делает все более несостоятельной необходимость перехода в их отношениях от пассивного взаимопонимания к активному взаимодействию и деловому партнерству с целью поддержания динамической стабильности в условиях стремительно развивающихся в мире перемен.

Одновременно – пока еще в старых формах – идет процесс глобализации экономической жизни, который в конечном счете должен привести к интегрированному мирохозяйственному базису и подлинно всемирному – без каких бы то ни было исключений и дискриминаций – единому рынку. Очевидно, что в этих условиях безопасность станет естественным состоянием, и потребность сдерживать кого-либо просто отпадет, как, скажем, она отпадает уже сейчас в отношениях между Бельгией и Нидерландами.

На фоне происходящих в мире интеграционных процессов и стремительных перемен система международных отношений, основанная на ядерном сдерживании, выглядит нелепым гибридом, застрявшим на полдороги между тем, что философы называют «природным состоянием» (индивидуумы живут совместно, не учреждая над собой какой-либо центральной власти) и «граж-

данским состоянием», для которого характерно наличие такой власти. При переходе от «природного состояния» к «гражданскому» каждый индивидуум «уступает» свое право на обеспечение личной безопасности центральной власти, которая затем использует предоставленные ей полномочия в соответствии с определенной системой законов для служения всеобщему благу. По-видимому, нечто подобное в перспективе должно быть осуществлено в масштабах всего человечества.

Преодоление сдерживания – это двуединая задача. Она предполагает окончательное преодоление идеологических стереотипов, которыми человечество жило в последние 80 лет, видение не только краткосрочной, но и долгосрочной перспективы развития цивилизации, и недвусмысленное признание того, что образцовое общественное устройство третьего тысячелетия будет характеризоваться синтезом всего позитивного опыта, накопленного человечеством.

Глава 5

ДОГОВОР О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ (ДВЗЯИ) И ПОДДЕРЖАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1999)¹

Евгений Маслин²

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) разрабатывался в рамках Конференции по разоружению в Женеве с января 1994 г. Принят на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и открыт для подписания 24 сентября 1996 г. Появление договора было неизбежно, так как начиная еще с первого испытания ядерного устройства стали раздаваться требования общественности по запрещению ядерных испытаний. Достаточно вспомнить знаменитый манифест Рассела-Эйнштейна³. Такие требования раздаются и по настоящее время.

ДВЗЯИ стал логическим продолжением целого ряда договоров, в том числе, и Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. По моему глубокому убеждению, ДВЗЯИ нуждается в развитии: необходимо четче определить санкции в случае его нарушения, порядок выхода из договора и т.д.

С какой целью проводились ядерные испытания? Во-первых, они подтверждали теоретические расчеты при разработке новых образцов ядерных зарядов, при определении стойкости различ-

¹ Впервые опубликовано: Маслин Е. ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия // *Ядерный Контроль*. 1999. №3 (45). С. 76–82. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№45-1999.pdf>

² Евгений Петрович Маслин (1937–2022) – консультант ПИР-Центра.

³ Манифест Рассела-Эйнштейна – призыв к правительствам всего мира предотвратить ядерную войну, написанный в 1955 г. одиннадцатью известными учеными (в их числе А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел и др.). Манифест положил начало деятельности Пагуошского движения ученых – международной неправительственной организации, занимающейся проблемами разоружения, контроля над вооружениями, ядерного нераспространения, международной безопасности и научного сотрудничества. – *Прим. ред.*

ных видов военной техники к поражающим факторам ядерного взрыва. Во-вторых, ядерные испытания позволяли проверить состояние, в первую очередь надежность и безопасность, имеющих в эксплуатации боеприпасов. Это очень важный момент, потому что в такой сложной технологической системе, какой является ядерный боеприпас, происходят изменения, связанные со старением материалов, могущие, образно говоря, несколько расшатать эту сложнейшую систему, в том числе, и в плане безопасности. В-третьих, около 30 процентов всех взрывов в Советском Союзе были проведены в интересах дальнейшего развития науки, а также совершенствования ядерных устройств для промышленных взрывов в мирных целях.

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний, естественно, привело к замедлению работ по созданию ядерных боеприпасов третьего поколения, то есть затормозилось так называемое вертикальное распространение ядерного оружия. Запрещение ядерных испытаний в значительной степени предотвращает также и горизонтальное распространение ядерного оружия, что, конечно, можно только приветствовать. Правда, полностью полагаться на запрещение ядерных испытаний для предотвращения распространения ядерного оружия нельзя. Известно, что одна из американских бомб – «Толстяк» – не прошла предварительных испытаний. Нет достоверных сведений об испытаниях в ЮАР, хотя эта страна создала собственное ядерное оружие. Поэтому не стоит переоценивать запрет испытаний как средство предотвращения распространения ядерного оружия, особенно если речь идет о создании примитивных ядерных устройств.

Что касается проведения ядерных взрывов в мирных целях, то отказ от них не обоснован. Конечно, их надо было бы проводить при жесточайшем международном контроле, со всевозможными экспертами и экспертизами. При проведении взрывов в интересах науки совершенствовались знания фундаментальных основ науки, углублялось понимание процессов ядерного взрыва, и это понимание позволяло постоянно поднимать КПД использования ядерной энергии, извлекать все больше ядерной энергии, в целом, получать новые знания, что необходимо для развития науки.

Заключение ДВЗЯИ – это, конечно, политическое решение. Принималось оно, так сказать, через колено. Специалисты-ядерщики как раз и ломались через это колено, понимая, что им придется

столкнуться с серьезной проблемой безопасности и надежности ядерных арсеналов.

В США еще в 1994 г., когда только началась работа по разработке ДВЗЯИ, стали финансировать программу поддержки боезапасов, которая рассчитана приблизительно на 15 лет. Эта программа включает в себя:

- повышенный уровень разработок в области передовых вычислительных систем для расширения возможности компьютерного моделирования в области взрыва ядерных боеприпасов;
- повышенный уровень разработок в области наземных экспериментальных программ, таких, как гидродинамические испытания, мощные лазеры, инерциальный ядерный синтез, физика плазмы, исследования в области материалов;
- поддержку проектов строительства других установок для наземных экспериментов с целью оценки процессов в ядерном оружии.

В этой программе просматривается желание сохранить основу нынешних возможностей Лос-Аламоса и Ливермора в области разработок ядерного оружия путем наращивания возможностей компьютерного моделирования и исследований в области физики оружия с использованием ряда крупных экспериментальных установок, большинство из которых предстоит построить, и которые могут потребовать капиталовложений в несколько миллиардов долларов.

В России, так же, как и в других ядерных странах, имеется определенная система поддержания уверенности в своем ядерном арсенале: его безопасности, надежности и стойкости к различным воздействиям. Эта система ориентирована на опыт Советского Союза и России, условия страны и ее возможности. К слагаемым этой системы относятся критерии безопасности (в разных странах они свои) и научно-технологическая база, включающая: расчетно-теоретическое моделирование, физическое моделирование, газодинамические исследования, моделирование воздействий, технологию изготовления боеприпасов. Основная часть деятельности по поддержанию боезапаса связана со строгим соблюдением устанавливаемых процессов разработки ядерных боеприпасов, нормативов и требований. Эти требования опираются как на результаты конкретных исследований, так и на всю совокупность знаний и данных, накопленных в ядерной оружейной области за многие годы. В этой части

предусмотрены, в числе других работ, строго регламентированные операции по обслуживанию боеприпасов в стационарных хранилищах и в составе комплексов, контрольные операции различного типа, проводимые с боеприпасом или его комплектующими узлами, гидродинамические эксперименты (в рамках ДВЗЯИ).

В настоящее время Россия испытывает не только финансовые трудности – было упущено время. Пока Советский Союз выступал с инициативами и заявлял об односторонних мораториях, другие ядерные державы проводили испытания и получали данные, которые использовались не только для создания новых боеприпасов, но и для обеспечения возможностей поддержания и развития их ядерных арсеналов в условиях действия ДВЗЯИ.

Целесообразно проведение в рамках ДВЗЯИ многосторонних обсуждений вопросов безопасности между всеми официально признанными, а, возможно, и неофициальными ядерными державами. Ведь Индия и Пакистан, испытывая свои ядерные устройства, намеривались в конце концов присоединиться к договору.

Естественно, такое международное сотрудничество должно проводиться с учетом национальных интересов и секретности. В результате повысится уверенность всех заинтересованных сторон в безопасности их запасов ядерного оружия. Некоторые подвижки здесь уже есть. Например, консультации между США и Францией, которые позволили убедить Францию в необходимости скорейшего принятия решения по ДВЗЯИ. Вместе с тем имеют место и отрицательные моменты. Например, отказ США продать России мощные современные компьютеры, несмотря на наличие предварительной договоренности.

Благодаря российским ученым – высокоталантливым специалистам, патриотам и энтузиастам своего дела, ядерный комплекс России может функционировать довольно долгое время. Но все будет зависеть от того, насколько успешно будут выполняться научные и технологические программы, в том числе и программа по обеспечению безопасности существующего ядерного оружия. Наличие у России боеготового, безопасного, надежного арсенала ядерного оружия очень важно именно сегодня – в условиях экономического кризиса и ослабления вооруженных сил, когда только наличие ядерного оружия позволяет стране иметь дополнительные аргументы при отстаивании своих политических и экономических интересов, своей национальной безопасности.

Глава 6

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ. ПАЦИЕНТ В РЕАНИМАЦИИ (2003)¹

Владимир Орлов²

Уже не является секретом тот факт, что международный режим ядерного нераспространения находится в кризисе. Подготовительный комитет (Препком) 2003 г. в рамках подготовки к следующей Обзорной конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) столкнется с чрезвычайными трудностями. Среди них:

- противоречивые подходы по принятию решений об использовании силы против Ирака;
- несоблюдение Северной Кореей обязательств по ДНЯО: она выходит, если еще не вышла, из договора;
- не утихающие дискуссии относительно амбиций некоторых государств-членов ДНЯО (в частности, Ирана);
- провал с достижением универсальности режима ядерного нераспространения;
- неудача с осуществлением «13 шагов» ядерного разоружения, которые были приняты консенсусом на Конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 г., а в некоторых случаях и шаги ядерных государств прямо в противоположном направлении;
- новые вызовы, которые исходят от негосударственных игроков (международных террористических организаций и организованных преступных сообществ), прежде всего, в форме ядерного терроризма.

¹ Впервые опубликовано: Орлов В.А. Международный режим ядерного нераспространения: пациент в реанимации // *Вопросы Безопасности*. 2003. № 1 (135). Печатается в сокращении. – *Прим. ред.*

² Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИИР-Центра.

Ирак

С каждым днем становится все более очевидно, что в случае с Ираком будет избрано военное решение вопроса, вероятно, даже без получения соответствующих санкций Совета Безопасности ООН. Если – или когда – это случится, вся архитектура международного режима нераспространения будет потрясена, я не уверен, что сам режим после этого сможет выжить, по крайней мере, в его нынешней форме.

Те инспекции, которые проводят Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК) в Ираке в последние месяцы, следует рассматривать как успех международного сообщества. Инспекции, осуществляемые согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1441, в целом оказываются эффективным механизмом в деле расследования иракских программ оружия массового уничтожения и предотвращения развития этих программ.

Что касается ядерно-оружейного компонента инспекций, то сегодня очевидно: Ирак не нарушает требований, установленных Советом Безопасности ООН, и в настоящее время не имеет никакой военной ядерной программы. Критически важно, чтобы именно сейчас инспекции и по линии МАГАТЭ, и по линии ЮНМОВИК продолжались, а в дальнейшем было бы осуществлено постоянное наблюдение за объектами Ирака, учитывая, что эта страна в 1980-х гг. уже нарушала условия международного режима ядерного нераспространения. Инспекции и наблюдения за территорией Ирака (если они не будут прерваны военной акцией против этой страны) могли бы стать достойным примером международных усилий по пресечению попыток государств нарушить международный режим нераспространения. Этот пример мог бы быть использован и в других районах мира, если на то будет получен мандат Совета Безопасности ООН.

Если, все-таки, будет выбрано военное решение вопроса и, тем более, если оно не будет санкционировано Советом Безопасности ООН, то совершенно ясным окажется тот факт, что в отношении Ирака США беспокоят вовсе не вопросы терроризма или нераспространения. Прежде всего, военная акция станет способом реализации геополитических и экономических интересов этой единственной сверхдержавы. Ценности и принципы нераспространения в этом случае будут не более чем прикрытием. Это

поставит под вопрос весь режим нераспространения и может привести уже в недалеком будущем к пересмотру некоторыми ныне неядерными государствами-членами ДНЯО своей ядерной политики.

Ирак станет настоящей лакмусовой бумажкой для международного сообщества и, прежде всего, для Совета Безопасности ООН и покажет, может ли международное сообщество действовать эффективно – жестко, но мирно – в деле отслеживания и предотвращения нарушений в области нераспространения.

Северная Корея

Северная Корея является классическим примером несоблюдения обязательств по ДНЯО. Недавнее решение МАГАТЭ о передаче вопроса о Северной Корее в Совет Безопасности ООН является и своевременным, и корректным. Учитывая возможности Северной Кореи в ядерной и ракетной областях, а также закрытость и непредсказуемость ее режима, следует признать, что эта страна является серьезным фактором нестабильности и для региона Северо-Восточной Азии, и в мире в целом.

Тем не менее, разрешение ситуации вокруг Северной Кореи представляется вполне возможным. Такое разрешение могло бы быть найдено на многосторонней основе, причем, возможно, сразу на двух уровнях. При этом первым уровнем стал бы Совет Безопасности ООН. И первым шагом Совета Безопасности должны стать не санкции против Пхеньяна, но указание на то, что в дальнейшем такие санкции могут быть применены.

Второй уровень – это шестисторонний механизм (обе Кореи, США, Китай, Япония и Россия), который мог бы позволить выработать, пусть и не юридически обязательный, документ, который включал бы в себя два ключевых элемента: во-первых, отказ Северной Кореи от выхода из ДНЯО и ее готовность открыть всю свою территорию для безусловных инспекций МАГАТЭ; во-вторых, предоставление Соединенными Штатами гарантий безопасности Северной Кореи. Эти два элемента должны осуществляться в увязке. Так же можно было бы обсудить более широкий «пакет», включая энергетическую и экономическую помощь Северной Корее со стороны упомянутых выше государств, а также Европейского союза, и, возможно, некоторые другие вопросы, в частности проблемы

ракетного нераспространения. Одновременно с этим или позднее обе Кореи – Северная и Южная – должны подтвердить безъядерный статус Корейского полуострова и получить гарантии со стороны ядерных держав.

Россия готова и способна активно участвовать в выработке решений по северокорейскому кризису, конечно, если ее усилия будут поддержаны США, Китаем и Японией. Если такое соглашение будет достигнуто, Россия также могла бы принять участие в оказании содействия Северной Корее в энергетической области. Напомню: уже звучало предложение (хотя оно и не было поддержано) о том, что Россия могла бы построить атомную электростанцию в Приморье, недалеко от границы России с Северной Кореей, и экспортировать российскую атомную энергию в Северную Корею.

Следующие несколько месяцев будут решающими в вопросе о том, как вести себя международному сообществу в отношении Северной Кореи и ее военной ядерной программы (при этом не так уж и важно, как мы будем оценивать саму эту военную ядерную программу: как в большей степени имитационную или как реальную). Вопрос об урегулировании в Северной Корее – это прекрасное поле деятельности для дипломатов. Тем не менее, если кризис в Северной Корее не будет в ближайшее время решен дипломатическими методами, это может привести к настоящей катастрофе. Катастрофа – это цепная реакция. Даже само намерение Северной Кореи создать, пусть и примитивные, ядерные взрывные устройства подорвет весь баланс сил в регионе и, возможно, подтолкнет Японию, а также и некоторые другие страны к переосмыслению их политики в ядерной области.

Иран

Сегодня Иран является предметом оживленных дискуссий после визита туда на днях генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эль-Барадея. Становится все более очевидным, что Иран активно, быстро движется к созданию замкнутого топливного ядерного цикла. Что это может означать для режима ядерного нераспространения?

Мои собственные впечатления от поездки в Иран в декабре 2002 г. подталкивают меня к мысли, что в Иране, несмотря

на серьезную борьбу, внутри руководства этой страны, все же преобладают силы, которые стремятся играть по международным правилам. Эти же силы, как мне представляется, предпринимают все для того, чтобы исключить саму возможность появления ядерного оружия в Иране. Напротив, они стараются, чтобы Иран и далее оставался ответственным членом ДНЯО и МАГАТЭ. Но, в то же самое время, нельзя не видеть, что эти влиятельные силы очень амбициозны. Они хотели бы, чтобы Иран продолжал технологически динамично развиваться, в том числе и в области мирного освоения атомной энергии. При этом эти силы рассчитывают и на то, что такое развитие иранской атомной энергетики (как и других высокотехнологичных направлений) будет происходить параллельно с демократизацией иранского общества. Так это или нет, покажет время, однако, безусловно, что Иран входит в XXI век с масштабными планами развития атомной энергетики.

В этой ситуации представляется чрезвычайно важным, чтобы МАГАТЭ продолжало свои усилия, направленные на контроль за развитием атомной программы Ирана. Не менее важно, чтобы Россия и Иран, наконец, подписали соглашение о том, что все отработанное ядерное топливо будет из Ирана возвращаться обратно в Россию. Россия и другие государства-участники МАГАТЭ должны активно объяснять Ирану важность его скорейшего присоединения к Дополнительному протоколу МАГАТЭ.

Универсальность ДНЯО

Планам США, России и Великобритании, которые они строили сразу после успешного завершения Конференции по рассмотрению действия и по продлению ДНЯО 1995 г., по приближению Индии, Пакистана и Израиля к международному режиму ядерного нераспространения (хотя бы в отдаленной перспективе) не суждено было сбыться. Напротив, индийские и пакистанские ядерные испытания 1998 г. практически исключили саму возможность присоединения этих двух государств к международному режиму, по крайней мере, в ближайшее время. Эйфория 1995 г., возникшая в результате бессрочного продления ДНЯО, оказалась, в конечном счете, контрпродуктивной.

Что касается Израиля, то и здесь, как известно, не было предпринято ни малейших шагов к тому, чтобы хотя бы как-то

приблизить эту страну к международным нормам ядерного нераспространения. А это бомба замедленного действия. Напомню, что бессрочное продление ДНЯО без голосования в 1995 г. стало возможным, в том числе, и благодаря «большому пакету», который включал и решения по Ближнему Востоку, где подразумевались дополнительные усилия по приближению Израиля к международным нормам ядерного нераспространения.

В случае, если кризис вокруг Ирака будет разрешен с использованием силы и если международное сообщество не сможет предотвратить выход Северной Кореи из ДНЯО в ближайшее время, то другие государства, особенно в исламском мире, начнут изучать возможности своего выхода из ДНЯО, которые могут стать явными к 2005 г., когда состоится очередная обзорная конференция. При этом эти исламские государства могут сказать: «Мы намереваемся выйти из договора, потому что условия конференции 1995 г. о «большом пакете» не выполнены». И с этим аргументом будет трудно не согласиться.

Государства-депозитарии ДНЯО, так же, как и другие государства, заинтересованные в выживании режима ядерного нераспространения (например, принадлежащие к Коалиции за новую повестку дня), должны уже в ближайшее время продумать шаги по решению проблемы универсальности. Здесь может быть и комплекс мер, направленных на заключение соглашений о безъядерных зонах, и использование механизма Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Тем не менее, реалистично оценивая ситуацию, приходится признать, что сегодняшний международный политический климат никак не способствует решению этого вопроса.

Ядерное разоружение

Конференция по рассмотрению ДНЯО 2000 г. приняла решение о «13 шагах» ядерного разоружения. Ожидалось, что это будет практический план действий для государств-обладателей ядерного оружия. Произошло, однако, противоположное. Достаточно вспомнить лишь несколько примеров: Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) не вступил в силу – в немалой степени, из-за позиции Соединенных Штатов. Сегодня договор скорее мертв, чем жив; даже мораторий на проведение ядерных испытаний поставлен под вопрос. Соединенные Штаты

повышают роль ядерного оружия в своей политике. Деятельность Конференции по разоружению в Женеве парализована. Вопрос о субстратегическом ядерном оружии даже ни разу не был включен в российско-американскую повестку дня по контролю над вооружениями.

Что это: конец эпохи ядерного разоружения и начало эпохи односторонних шагов? Не думаю. Многосторонняя дипломатия в области разоружения находится в глубоком кризисе, и это не вызывает сомнений.

У России сложная, может быть, даже неловкая позиция: приходится балансировать между взглядом на многостороннюю дипломатию как на важный рычаг в изменяющемся мире и пониманием того, что от этой дипломатии пока больше хлопот, чем результатов. Действительно, существует много соблазнов решить вопросы напрямую с США, просто игнорируя международные форумы. Но нельзя не заметить и противоположной тенденции, наметившейся в российской дипломатии, а именно переосмысление роли инструментов многосторонней дипломатии по разоружению в осуществлении российской внешней политики как противовес американоцентричной политике.

Ядерный терроризм

Для России ядерный терроризм – это не какая-то гипотетическая угроза. В январе 2003 г. руководитель 12-го Главного управления Министерства обороны генерал И.Н. Валынкин, который отвечает за вопросы безопасности ядерных боеприпасов, заявил: «Оперативные данные свидетельствуют, что у чеченских террористов есть намерения завладеть каким-то важным военным объектом или ядерным боеприпасом, чтобы угрожать не только нашей стране, но и всему миру».

Ядерный терроризм рассматривается как одна из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России. Он может приобрести формы несанкционированного доступа к ядерным боеприпасам, захвата ядерных объектов, прежде всего атомных электростанций; несанкционированного доступа к материалам оружейного качества; или же угрозы использования радиоактивных источников в террористических целях. В любом случае последствия – как количество жертв среди населения, так и пси-

психологический эффект – окажутся разрушительными. Российские правительственные эксперты³ предприняли серьезный, скрупулезный анализ различных сценариев и последствий ОМУ-терроризма и пришли к выводу, что ядерный терроризм, по крайней мере, в некоторых из его проявлений, является реальной, острой угрозой национальной безопасности.

По моей оценке, наиболее тревожащей тенденцией является нарастание кооперации между различными негосударственными игроками, в частности, между международными террористическими организациями и международными криминальными сообществами. Приходится учитывать и серьезно возросшую финансовую мощь негосударственных игроков, а также то, что они стали еще более энергичны в своих попытках получить несанкционированный доступ к компонентам оружия массового уничтожения (ОМУ).

Для достижения наиболее серьезного психологического эффекта «супертеррористы» могут попытаться синхронно использовать традиционные террористические методы, компоненты ОМУ (например, химическое оружие) и средства информационной войны (кибертерроризм).

Для меня пока неясно, в какой мере эти негосударственные игроки получают поддержку со стороны государств, вызывающих обеспокоенность. Но известно ведь, что в прошлом такие связи между государственными и негосударственными игроками существовали. Приходится предполагать, что некоторые из этих связей не исчезли и по сей день.

* * *

В 1995 г., сразу после Конференции по рассмотрению действия и по продлению ДНЯО, один из моих коллег на международном семинаре в Монтерее красочно обрисовал ситуацию следующим образом: «Операция прошла успешно, пациент жив, но находится в реанимации». В 2003 г. пациент снова находится в реанимации (если, конечно, он когда-то ее и покидал). Нужна ли ему новая операция? Не думаю. То, что сегодня необходимо пациенту, – это своевременный, методичный прием прописанных ранее лекарств. А это может быть потруднее хирургии.

³ Супертерроризм: новый вызов нового века / Под общ. ред. А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. 392 с.

Глава 7

А БЫЛ ЛИ «ЯДЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК»? (2005)¹

Виктор Есин²

Чудовищный террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, последовавшие вслед за ним взрывы поездов в Испании, захваты заложников в России («Норд-Ост», Беслан), когда количество человеческих жертв исчислялось сотнями и тысячами, показывают, что для террористов априори не существует моральных барьеров. Они не остановятся перед применением самых варварских способов уничтожения людей. Поэтому столь опасно попадание в их руки ядерных боеприпасов, которые способны вызвать массовые разрушения и гибель уже не сотен и тысяч, а миллионов людей.

Эту угрозу чаще всего связывают с возможностью обладания террористами малогабаритными ядерными боеприпасами, так называемыми «ядерными чемоданчиками». В середине 1990-х гг. в средствах массовой информации ряда стран стали появляться различного рода публикации об обладании террористическими организациями и экстремистскими движениями «ядерными чемоданчиками». При этом, как правило, декларировалось либо советское, либо российское происхождение этих «чемоданчиков», приобретенных террористами (или экстремистами) чуть ли не по случаю у якобы все распродававших российских военных.

Истины ради следует заметить, что раздуванию этой «шумихи» в СМИ во многом способствовали имевшие место «утечки» информации из тогдашних российских спецслужб. Так, осенью 1995 г. в СМИ появились сообщения со ссылкой на Службу внешней разведки РФ о том, что дудаевские боевики приобрели в 1992 г. в Латвии у российских военных два ядерных спецбоеприпаса.

¹ Впервые опубликовано: Есин В. А был ли ядерный чемоданчик? // *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76). С. 67–74. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Ядерный-Контроль-№76-2005.pdf>

² Виктор Иванович Есин (род. 14 февраля 1937 г.) – член Экспертного совета ПИР-Центра с 2002 г.

Тогдашний секретарь Совета Безопасности РФ О.И. Лобов даже официально обращался по этому поводу к начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил РФ Генералу армии М.П. Колесникову с просьбой дать соответствующие разъяснения. Ему был дан ответ, что информация о каких-либо пропажах советских или российских ядерных боеприпасов не соответствует действительности, а заявления дудаевцев и им подобных являются дезинформацией, направленной на запугивание мировой общественности.

Полагаю, что нет необходимости сегодня перечислять все имевшие место публикации в СМИ о пропаже советских и российских ядерных боеприпасов и попадании их в руки тех или иных террористических групп и бандформирований. Пожалуй, стоит упомянуть лишь об особом резонансе в мире, который вызвали заявления бывшего секретаря Совета Безопасности РФ А.И. Лебеда и выступления члена-корреспондента РАН А.В. Яблокова в 1996–1998-х гг. о якобы имевших место пропажах «ядерных чемоданчиков» советского производства в период распада Советского Союза.

После последовавших из Минобороны России ответов и разъяснений на эти и другие аналогичные выступления, а также на публикации в СМИ, казалось бы, проблематика, связанная с «ядерными чемоданчиками», себя исчерпала. Но недавно в США вышла книга известного публициста П. Вильямса «Месть Усамы»³, в которой он утверждает, что международная террористическая организация «Аль-Каида»⁴ обладает десятью «ядерными чемоданчиками», похищенными со складов в России. При этом автор ссылается на данные спецслужб и уверяет, что эти «чемоданчики» уже доставлены в США. Представляется, что утверждения П. Вильямса, наряду с другими побудительными мотивами, преследуют цель в очередной раз «выставить» Россию как страну, не способную гарантированно обеспечить сохранность и безопасность своего ядерного оружия, и тем самым она будто бы представляет угрозу для человечества. И при этом вновь используется тема российских «ядерных чемоданчиков».

В этой связи я как должностное лицо, которое в бытность начальником одного из управлений аппарата Совета Безопасно-

³ Williams P.L. *Osama's Revenge: The Next 9/11: What the Media and the Government Haven't Told You*. Prometheus Books, 2010. – Прим. ред.

⁴ Террористическая организация, запрещенная в России. – Прим. ред.

сти РФ (1997–2002) имел непосредственное отношение к разрешению проблемных вопросов, связанных с обладанием Россией малогабаритными ядерными боеприпасами, полагаю своим долгом изложить соображения по вышеобозначенной проблематике. Ибо как патриот своей страны считаю, что ее имидж не должен страдать из-за бытующих еще недомолвок о проводимой Россией ядерной политике. Безусловно, при этом никаких государственных секретов я раскрывать не собираюсь, но убежден, что следует развеять существующие мифы о «ядерных чемоданчиках» и рассказать, в пределах допустимого, о реально созданных в мире малогабаритных ядерных боеприпасах.

Широко употребляемый различными СМИ термин «ядерный чемоданчик» – это жаргонное выражение. В действительности речь идет о малогабаритных ядерных боеприпасах специального назначения ранцевого типа – специальных ядерных минах. Поэтому прав был начальник 12-го Главного управления Минобороны России⁵ И.Н. Валинкин, в то время еще генерал-лейтенант, когда он 2 декабря 1997 г. в интервью корреспонденту «Независимой газеты» сказал: «Никакие чемоданчики, саквояжи, ридикюли и прочие сумочки с ядерной начинкой [...] никогда реально не существовали».

Первые в мире малогабаритные ядерные боеприпасы были созданы американцами. В 1960 г. в Лос-Аламосской национальной лаборатории США был сконструирован миниатюрный ядерный заряд W54 – плутониевый, имплозивного типа. Его мощность, в зависимости от боевого предназначения, могла быть изменена специальным регулятором в пределах от 10 до 1000 тонн тротилового эквивалента. Вес этого ядерного заряда составлял около 27 кг. Он использовался в нескольких типах ядерных боеприпасов. Все они объединялись одним названием – «специальное атомное разрушающее оружие» (*Special Atomic Demolition Munition, SADM*).

Первоначально ядерный заряд W54 использовался как «начинка» артиллерийских ядерных боеприпасов калибра 120 и 155 мм. С 1964 г. он стал применяться и для создания специальных ядерных мин двух типов – M129 и M159, известных в США как «ранцевый» вариант атомной бомбы. Специальная ядерная мина M159 выпускалась в двух модификациях: M159-V1

⁵ 12-е Главное управление Минобороны России отвечает в Вооруженных Силах РФ за заказ, хранение и эксплуатацию ядерных боеприпасов.

и M159-V2. Конструктивно эти модификации мало чем отличались друг от друга. Их принципиальное различие состояло в величине минимальной мощности ядерного заряда: у мины M159-V1 эта величина составляла десять тонн тротилового эквивалента, у мины M159-V2 – 250 тонн тротилового эквивалента.

Габариты специальных ядерных мин M129 и M159 были одинаковыми: длина – 70 см, максимальный диаметр – 31 см. Помещались они в транспортно-переносной контейнер Н913, в котором помимо ядерной мины размещалось и другое необходимое оборудование – замковое кодоблокировочное устройство, приемное радиоустройство, таймер и т.п. Контейнер Н913 имел размеры 87х65х67 см. Его вес в снаряженном состоянии составлял 68 кг. Он мог переноситься одним человеком в специальном заплочном ранце или же двумя с использованием специальных лямок. Взрыв ядерного заряда мин M129 и M159 осуществлялся либо таймером, либо дистанционно путем передачи специального радиосигнала.

Всего за 1964–1983 гг. Лос-Аламосской национальной лабораторией США было произведено порядка 600 единиц специальных ядерных мин M129 и M159. В 1983 г. их производство было прекращено.

«Ранцевые» атомные бомбы состояли на вооружении армейских «зеленых беретов», «тюленей» военно-морского флота и спецподразделений морской пехоты США. Они предназначались для совершения диверсионных актов в тылу противника, главным образом для уничтожения аэродромов, портов, крупных мостов, плотин, заглубленных командных пунктов, других подобных объектов, а также крупных скоплений живой силы. Это было эффективное ядерное оружие – компактное, позволяющее скрытно доставлять его в тыл противника и надежно поражать запланированные объекты. Для наглядности можно указать основные параметры ядерного взрыва мощностью в 1000 тонн тротилового эквивалента: радиус ударной волны давлением во фронте в 0,3 кг/кв. см – 800 м, тепловое излучение – 3,8 кал/кв. см, ионизирующее излучение – 670 бэр. Такая ударная волна способна разрушить сооружения, находящиеся на расстоянии 800 м от эпицентра ядерного взрыва, и уничтожить все живые существа в них, а тепловое излучение – вызвать пожары.

Во времена холодной войны специальные ядерные мины M129 и M159, помимо территории США, размещались на амери-

канских военных баз в Западной Европе (ФРГ, Италия), Республике Корея, островах Гуам и, возможно, Окинава. Во время войны во Вьетнаме (1955–1975) эти мины находились на военной базе Кларк на Филиппинах. Есть информация, что американцы планировали использование специальных ядерных мин для разрушения горных перевалов на знаменитой «тропе Хо Ши Мина» – главной транспортной артерии между Севером и Югом Вьетнама. Правда, эти планы так и не были осуществлены, якобы из-за опасности сильного радиоактивного заражения местности.

Применению специальных ядерных мин американцы обучали и подразделения спецназа ряда стран-членов НАТО (ФРГ, Италия и другие). Но после начавшейся в 1987 г. «разрядки» в противостоянии с СССР и возглавляемой им Организацией Варшавского договора (ОВД) это обучение было свернуто, а все специальные ядерные мины были вывезены из Западной Европы и других мест их размещения и складированы на территории США.

В конце 1991 г. – начале 1992 г. все оставшиеся на тот период специальные ядерные мины (в количестве около 300 единиц) были разобраны и утилизированы на предприятии RANTEX в г. Амарилло, штат Техас (в рамках выполнения одностороннего 1991 г. заявления президента США Дж. Буша-старшего о глубоком сокращении американских нестратегических ядерных вооружений).

В Советском Союзе выпуск малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения был начат в 1967 г., три года спустя после американцев. Эти ядерные боеприпасы ранцевого типа были названы «специальными минами». Вероятно, потому что они предназначались исключительно для оснащения специальных подразделений вооруженных сил СССР – бригад спецназа Главного разведывательного управления Генерального штаба и спецчастей морской пехоты.

Конструкция советских специальных мин, особенно первых модификаций, если не во всем, то во многом была аналогичной американским специальным ядерным минам. Соответственно, их боевые и весогабаритные характеристики были примерно одинаковыми.

Всего в Советском Союзе специальных мин четырех модификаций было выпущено чуть менее половины от количества американских специальных ядерных мин. Наиболее совершенная конструкция у последней модификации советской специальной

мины – РА115, о существовании которой в свое время упоминал А.И. Лебедь. Весогабаритные характеристики этой мины существенно лучше, чем у американских аналогов.

Основным производителем советских специальных мин являлся ныне рассекреченный завод «Авангард» в г. Сарове Нижегородской области (прежний адрес – Арзамас-16). Все изготовленные специальные мины поступали на предназначенный для их хранения и обслуживания единственный в своем роде арсенал 12-го Главного управления Министерства обороны СССР, расположенный на территории РСФСР (ныне территория России). За весь советский период, не говоря уж о новой России, специальные мины из этого арсенала или с завода-изготовителя никогда в войска не передавались (это подтверждено документально). А поэтому они физически не могли быть утеряны либо похищены в воинских частях. Диверсионные группы советских, а затем и российских бригад спецназа и спецчастей обучались на тренажерах, а свои действия на местности отрабатывали с использованием грузомaketов специальных мин. Не исключено, что определенная часть таких грузомaketов могла остаться в вооруженных силах новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР.

Не соответствует действительности появившаяся в конце 1990-х гг. в ряде зарубежных СМИ информация о том, что некоторое количество советских специальных мин («ядерных чемоданчиков») было изготовлено по заказу КГБ СССР и, соответственно, поставлено в это ведомство. Достоверно установлено, что всемогущий КГБ СССР никогда не был заказчиком или созаказчиком какого-либо типа ядерных боеприпасов, а следовательно, и не мог претендовать на поставки этого вооружения. Функции органов КГБ СССР, кстати, как и органов ФСБ России, ограничивались надзором за соблюдением на заводах-изготовителях и в вооруженных силах установленных правил, соответственно, производства и обращения с ядерными боеприпасами.

На начало 1990-х гг. в СССР сохранилась лишь последняя модификация специальных мин (РА115) в количестве менее 200 единиц. Специальные мины более ранних годов выпуска были к этому времени возвращены на заводы-изготовители, там разобраны и утилизированы с соблюдением установленного порядка. Во второй половине 1990-х гг. этот факт был документально подтвержден в ходе специально проведенной комиссионной проверки, о которой в статье будет сказано позже.

Все сохранившиеся специальные мины РА115 в соответствии с односторонними американо-советскими инициативами 1991 г. по сокращению нестратегических ядерных вооружений, которые после распада СССР в январе 1992 г. поддержал первый президент России Б.Н. Ельцин, подлежали утилизации до 2000 г. В апреле 2000 г. в ходе Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия тогдашний министр иностранных дел РФ И.С. Иванов заявил, что «Россия [...] практически завершила уничтожение [...] ядерных мин». Это позволяет утверждать, что взятое Россией обязательство по уничтожению ядерных мин выполнено, если не в первой, то наверняка во второй половине 2000 г.

Таким образом, сегодня ни США, ни Россия не имеют в своем ядерном арсенале малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения ранцевого типа («ядерных чемоданчиков»). Хотя, безусловно, эти ядерные державы располагают необходимой технологической и производственной базой для возобновления производства такого типа ядерных боеприпасов.

Как известно, недавно Вашингтон принял решение о проведении опытно-конструкторской работы по разработке миниатюрных ядерных зарядов. При этом правительство США утверждает, что эти ядерные заряды, если будет принято соответствующее решение, будут использованы для создания высокоточных ядерных боеприпасов проникающего действия, предназначенных для поражения «точечных» высокозащищенных объектов, а отнюдь не для возобновления производства специальных ядерных мин. Так ли это на самом деле, утверждать, как и опровергнуть, невозможно. Как говорится, поживем – увидим.

Может ли какое-либо другое ядерное государство, помимо США и России, иметь в своем ядерном арсенале малогабаритные ядерные боеприпасы специального назначения? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (SIPRI), помещенным в его Ежегоднике 2001 г., Китай обладает ядерными фугасами, а Израиль – подрывными ядерными устройствами. Однако сведения о весе, габаритах и мощности этих ядерных боеприпасов отсутствуют. Поэтому не представляется возможным оценить, подпадают они или нет под категорию малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения.

Теперь представляется необходимым возвратиться к попыткам обвинения России в неудовлетворительном хранении ее нестратегического ядерного оружия и «расползании» малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения («ядерных чемоданчиков»). Уже упоминавшийся А.В. Яблоков в свое время даже утверждал, что «у России есть ядерные заряды, которые не контролирует президент» (имелось в виду, что «ядерные чемоданчики» могут быть приведены в действие – попросту говоря, подорваны – без санкции президента России).

В развязанную в середине 1997 г. по инициативе А.В. Яблокова кампанию по обвинению России в якобы допущенных «провалах» в контроле за своим нестратегическим ядерным оружием внес свою лепту и А.И. Лебедь, по большей части в силу личной некомпетентности в вопросах ядерных вооружений и излишней доверчивости к непроверенной информации, которой его обильно потчевали, как представляется, не бескорыстно, находившиеся в запасе или отставке офицеры Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР/РФ.

Президент РФ Б.Н. Ельцин, хотя и с опозданием, среагировал на поднявшуюся «шумиху» в мировом сообществе по поводу «расползания» теперь уже российского ядерного оружия и поручил провести целевую проверку наличия и сохранности ядерных боеприпасов всех типов как нестратегических, так и стратегических. Для выполнения поручения Б.Н. Ельцина была специально сформирована совместная комиссия Минобороны и Минатома России. Эта комиссия, поработав во всех структурах Вооруженных Сил РФ, имеющих отношение к ядерному оружию, и на предприятиях атомной промышленности, причастных к производству ядерных боеприпасов, пришла к выводу: существующая в России система заказа, учета, распределения и утилизации ядерных боеприпасов, а также постоянный контроль за их сохранностью на всех этапах жизненного цикла и проводимые на постоянной основе систематические проверки показывают, что все ядерные боеприпасы России в наличии, случаев утраты и хищения за все время существования советского/российского ядерного оружия не выявлено.

Результаты работы этой комиссии, по согласованию с Б.Н. Ельциным, в начале декабря 1997 г. были доведены представителями Минобороны и Минатома России до мировой общественности посредством публикаций в СМИ. Правда, следует признать, что,

стремясь не разгласить государственную тайну, информация о результатах работы комиссии была подана скупой и не очень убедительно. Поэтому не удивительно, что в начале 1998 г. вновь активизировались нападки на Россию по обвинению ее в утратах малогабаритных ядерных боеприпасов, которые якобы попали в руки различного рода террористов и экстремистов. Правда, теперь речь уже не шла о других типах российских нестратегических ядерных боеприпасов.

Б.Н. Ельцин дал специальное поручение А.А. Кокошину, в то время секретарю Совета Безопасности РФ, досконально разобраться с «ядерными чемоданчиками» и доложить истинную картину.

Проведенная весной 1998 г. группой экспертов аппарата Совета Безопасности РФ, в число которых был включен и я, целевая проверка с поштучным просчетом и перекрестной сверкой всех учетных данных о выпуске, утилизации и наличии специальных мин как в ранее упомянутом арсенале Минобороны России, так и на заводах-изготовителях Минатома России подтвердила вывод совместной комиссии Минобороны и Минатома России: случаев утраты и хищения специальных мин нет, учетные данные соответствуют истине. Одновременно экспертами были даны рекомендации по повышению безопасности содержания специальных мин, ожидавших своей очереди по утилизации, которые в сжатые сроки были реализованы как в Минобороны России, так и на предприятиях Минатома России. Несколько позднее, чтобы навсегда «закреть» проблематику, связанную с российскими малогабаритными ядерными боеприпасами специального назначения, по инициативе А.А. Кокошина был подготовлен и издан указ президента РФ о запрещении разработки и производства в России когда-либо в будущем подобного типа ядерных боеприпасов.

Что касается утверждения А.В. Яблокова о наличии в России ядерных зарядов, которые могут быть приведены в действие без санкции президента, то, в пределах допустимого, считаю возможным пояснить следующее.

На этапе создания первых образцов специальных мин советского производства вопросам санкционирования их применения, действительно, уделялось недостаточное внимание. Меры по предотвращению их несанкционированного применения базировались, главным образом, на организационных мероприятиях.

Но вскоре это «слабое место» было устранено. Последующие модификации специальных мин уже обладали механическими кодоблокировочными устройствами, которые исключали несанкционированный подрыв. Наиболее полно технологические меры по предотвращению несанкционированного задействия ядерного заряда были реализованы в конструкции специальной мины РА115, которая имела электромеханическое кодоблокировочное устройство.

Учитывая, что к началу 1990-х гг. у России, помимо специальных мин РА115, не осталось других модификаций этих подрывных устройств, то заявление А.В. Яблокова о неподконтрольности президенту России «ядерных чемоданчиков», которое он сделал в 1997 г., нельзя воспринимать всерьез. И тогда, и сегодня применение как нестратегического, так и стратегического ядерного оружия, которым обладает Россия, возможно только с санкции президента РФ, являющегося по должности Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил страны. Уверен, что так будет всегда, пока Россия будет обладать ядерным оружием. Другого просто не дано.

Если задаться вопросом, возможно ли сегодня создать предельно малогабаритные ядерные боеприпасы, которые бы помещались в контейнер размером с небольшой чемоданчик, саквояж или ридикюль, то на него можно ответить следующим образом.

Современный уровень достижений в области разработки ядерных боеприпасов в принципе позволяет создать предельно малогабаритный «ядерный чемоданчик» весом в 10–12 кг. Но для этого потребуется не оружейный плутоний, не говоря уж о высокообогащенном уране, а трансплутониевые материалы, имеющие малую критическую массу, но и малый период полураспада. Это повлечет за собой необходимость разработки новых оружейных технологий, создание ориентированных на трансплутониевые материалы новых производств, имеющих колоссальную стоимость по сравнению с существующими оружейными ядерными материалами. Безусловно, потребуется и проведение серии ядерных испытаний.

Такие легко переносимые «ядерные чемоданчики» были бы настолько дороги, что не по карману любому даже самому богатому государству. К тому же они имели бы очень короткий срок эксплуатации вследствие быстрого распада ядерной начинки – несколько месяцев. Помимо этого, короткоживущие элементы

имеют, как правило, гораздо более мощное радиоактивное излучение, что в сильной степени усложнило бы хранение предельно малогабаритных ядерных боеприпасов и приводило бы к переоблучению обслуживающего персонала. Как говорится, овчинка выделки не стоит.

Если же всерьез оценивать возможности террористических организаций и экстремистских движений по обладанию ядерными взрывными устройствами, то, прежде всего, следует учитывать доступность создания ими так называемых «грязных атомных бомб». Такого типа взрывные устройства настолько просты, что могут быть изготовлены кустарным способом. По сути, это контейнер с расщепляющимися материалами, обложенный обычным взрывчатым веществом. При его подрыве радиоактивные материалы не вступают в цепную реакцию, а распыляются. Все живое поражает не ядерный взрыв, его просто не происходит, а радиация.

Различных радиоактивных материалов в природе довольно много, к тому же они широко применяются в промышленности и для других народнохозяйственных нужд. Всего же государств, способных производить расщепляющиеся материалы, более сотни. Как это ни прискорбно признавать, необходимые для изготовления «грязной атомной бомбы» расщепляющиеся материалы теперь можно сравнительно легко приобрести на де-факто существующем международном «черном рынке» ядерных технологий и материалов. К месту будет сказано, что совсем недавно выяснилось, кто возглавлял этот «черный рынок». Оказалось, что не люди из так называемых «стран-изгоев», а «отец» пакистанской ядерной бомбы доктор Абдул Кадыр Хан. Президент Пакистана Первез Мушарраф великодушно простил Хана и даже отказал МАГАТЭ в общении с ним, лишив этот международный орган возможности хотя бы прояснить ситуацию с «черным рынком». Вот откуда исходит реальная угроза безопасности мирового сообщества, а не от выдумок о «расползании» по миру советских (или российских) «ядерных чемоданчиков».

Единственно эффективный способ предотвращения террористических актов с использованием «грязных атомных бомб» – поставить под полноценный контроль МАГАТЭ все производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств. Проект такого международного соглашения, пусть и не в окончательном виде, существует уже более пяти

лет, но его до сих пор не удается согласовать в рамках Конференции по разоружению в Женеве. Существуют серьезные разногласия между государствами, обладающими ядерным оружием, и государствами, которые не имеют ядерного оружия. К тому же ряд стран опасаются, что в случае принятия этого соглашения они лишатся возможности развивать свою ядерную энергетику.

И все же мировое сообщество обречено на принятие Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), если оно хочет жить в условиях, когда террористические акты с применением ядерных боеприпасов и их суррогатов – «грязных атомных бомб» – станут невозможными, не говоря уж о появлении новых государств, обладающих ядерным оружием. Но это отдельный вопрос, который в данной статье не рассматривается.

Глава 8

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ МАЛОЙ МОЩНОСТИ – ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА НОВОГО ВЕКА (2005)¹

Игорь Андрюшин, Виктор Михайлов,
Юрий Трутнев, Александр Чернышев²

В ядерных оружейных программах тесно переплелись две линии развития, связанные с принципиально различными концепциями:

- создание оружия для решения военных задач;
- создание оружия возмездия – ядерного сдерживания – для поражения военно-экономического потенциала (ВЭП).

Создание атомной бомбы было направлено первоначально на решение чисто военных задач: уничтожение группировок войск, военных баз, аэродромов, транспортных узлов и т.д. Вместе с тем практически сразу же были осознаны огромные возможности ядерного оружия для поражения ВЭП, подавления воли и возможностей противника к сопротивлению.

Гонка за превосходство в ядерном оружии в ходе холодной войны стремительно нарастала. Появление термоядер-

¹ Впервые опубликовано: Андрюшин И., Михайлов В., Трутнев Ю., Чернышев А. Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века // *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76). С. 22–37. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Ядерный-Контроль-№76-2005.pdf>

² Игорь Алексеевич Андрюшин (род. в 1944 г.) – физик-теоретик, главный научный сотрудник Российского федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. Виктор Никитович Михайлов (1934–2011) – научный руководитель Российского федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров, директор Института стратегической стабильности, академик РАН. Юрий Алексеевич Трутнев (1927–2021) – физик-теоретик, академик РАН, первый заместитель научного руководителя Российского федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. Александр Константинович Чернышев (род. 23 октября 1945 г.) – физик-теоретик, доктор физико-математических наук, заместитель научного руководителя Российского Федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. – *Прим. ред.*

ного оружия многократно усилило как военные возможности, так и возможности ядерного сдерживания, поскольку небольшое количество термоядерных взрывов могло приводить как к уничтожению ключевых военных объектов, так и к неприемлемому ущербу ВЭП (недопустимым потерям населения и экономики). Возникла известная ситуация «ядерного пата», которая делала невозможным прямое военное столкновение двух сверхдержав – СССР и США – во второй половине XX века. В ядерной войне ощущалось приближение апокалипсиса. Лидерами двух стран в июне 1973 г. было подписано Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. К этому времени ядерные арсеналы в США составляли порядка 30 тысяч и в СССР порядка 20 тысяч ядерных зарядов.

Ситуация «великого и страшного» противостояния реально разрешилась на наших глазах неожиданным образом – один из конкурентов исчез, произошел распад СССР. Этот исход многими рассматривается как катастрофическое событие, повлекшее за собой острый общественно-государственный и экономический кризис на всем постсоветском пространстве. В рамках всей мировой цивилизации этот исход, безусловно, сопровождался минимальными негативными последствиями по сравнению с возможными последствиями его разрешения в военном конфликте. Ядерное оружие позволило избежать крупнейшей катастрофы – апокалипсиса при военном столкновении СССР и США, двух союзников по Второй мировой войне (1939–1945). Это была победа православия, христианства над глобальным «антихристом», как и во Второй мировой войне против фашизма, когда в самые трудные годы – 1941–1942 гг. – в стране были открыты православные церкви.

Россия является правопреемником СССР, и это определило и во многом определяет особенности системы вооружений нашей страны. Задачи и структура вооруженных сил вообще, и ядерных вооружений в частности, определяются не только объективными условиями существования государства в мировом сообществе и в системе международных отношений, но и социально-политическим государственным обустройством.

Несколько слов из истории

После Второй мировой войны главным фактором, определявшим развитие вооруженных сил страны, было военно-политическое противостояние стран Запада и стран социалистического лагеря. В соответствии с этим, в начале 1950-х гг. прошлого столетия на ядерное оружие возлагались две основные функции:

- функция ядерного сдерживания;
- функция решения ключевых военно-оперативных задач на возможном театре военных действий (ТВД), т.е. фактически функция ядерного разгрома войск противника.

Для выполнения этих функций в короткие сроки была создана стратегическая триада и ядерное боевое оснащение для всех видов и родов войск.

При этом предполагалось, что необходимые военные задачи наши вооруженные силы будут в состоянии решить в безъядерном конфликте. Из этого предположения вытекал известный принцип СССР о неприменении первыми ядерного оружия. Считалось, что применение ядерного оружия последует в ответ на применение ядерного оружия противником, который может это сделать в условиях близкой угрозы военного поражения в обычной войне. Стадия применения ядерного оружия на ТВД относилась к условиям широкомасштабных военных действий. Ядерное оружие на ТВД должно было обеспечить полное военное поражение противника: уничтожение армейских группировок, военной инфраструктуры, систем управления и системы снабжения. Для этого ядерное оружие на ТВД включало в себя термоядерные боеприпасы значительной мощности. Поскольку одной из основных вероятностей рассматривалось противостояние государств Организации Варшавского договора (ОВД) и Организации Североатлантического договора (НАТО), то подобная стадия конфликта являлась прямой угрозой для самого существования европейских государств. Иными словами, военным ответом на применение НАТО ядерного оружия на ТВД мог быть ядерный ответ, не только уничтоживший их вооруженные силы, но и фактически сами государства Европы. Поскольку подобное развитие событий было абсолютно недопустимо, то ядерное оружие СССР и на ТВД являлось не оружием поля боя, а оружием ядерного сдерживания, вынуждающим противника вести войну в рамках системы обычных вооружений.

В этом сценарии территория США не затрагивалась ядерными ударами, и фактически потери этой страны сводились к военным потерям на ТВД. Сдерживание масштабного ядерного конфликта между СССР и США осуществлялось стратегическими ядерными силами (СЯС), в функции которых входила возможность гарантированного нанесения противнику неприемлемого ущерба, то есть фактического разрушения государства. Этот подход предполагал боевое оснащение СЯС мощным термоядерным оружием.

Таким образом, система ядерного вооружения СССР удовлетворяла принципу двойного ядерного сдерживания: уничтожения противника на ТВД и глобального уничтожения ВЭП. Принципиальным элементом этой стратегии являлось предполагаемое превосходство с применением обычных вооружений в условиях любых военных действий. Это была военная стратегия, которая начала разрушаться, как только возникли сомнения в отношении реальной дееспособности традиционных вооруженных сил и политического руководства. Как известно, это произошло в Афганистане. Факт, что «первая армия в мире» не смогла добиться быстрой и решительной победы в небольшой стране третьего мира, подорвал уверенность в военно-политической мощи СССР и явился предвестником краха социалистической системы, ОВД, а затем и самого Советского Союза. Хотя то же самое испытала армия США и во Вьетнаме, и в Ираке, и в Афганистане.

Сложилась опасная ситуация. Продолжала существовать огромная система ядерного сдерживания, однако военное столкновение с использованием традиционных вооружений стало грозить военным поражением, а возможность применения ядерного оружия в обычной войне стала крайне проблематичной. Далее последовали «перестройка», развитие договорного процесса между СССР и США о взаимном сокращении ядерных вооружений, политико-экономический кризис и развал СССР, появление нового российского государства.

Элементы новой ядерной стратегии России в начале XXI столетия

Медленно и неуверенно формируются взгляды на ядерное оружие, исходя из его наличия сегодня уже не у пяти, а у семи государств мира. Современное представление о возможной роли

ядерного оружия России определяется целым рядом различных тезисов. Военная доктрина РФ, в частности, определяет³:

- Российская Федерация рассматривает ядерное оружие как фактор сдерживания, обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира;
- Российская Федерация исходит из необходимости обладать потенциалом ядерного сдерживания, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору, либо коалиции государств в любых условиях и в любой обстановке;
- Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ и ее союзников.

Первый тезис дает общее политическое подтверждение важности ядерного статуса России в современном мире, где существенно выросло число ядерных государств. Второй тезис поддерживает стратегию гарантированного ответного удара (угрозу поражения ВЭП) в весьма глобальной формулировке. Третий тезис новый и определяет возможность превентивного применения ядерного оружия в обычной войне и связан с недостаточностью традиционных вооруженных сил для отражения агрессии.

Ряд моментов по ядерной стратегии России был изложен в 2003 г. в докладе министра обороны С.Б. Иванова «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации». Доклад был сделан 2 октября 2003 г. на совещании в Минобороны России под руководством президента РФ В.В. Путина.

В интересах адаптации российской военной политики к новым глобальным реалиям были пересмотрены некоторые основы военного планирования. Из части наиболее вероятных конфликтов, к которым готовились вооруженные силы, были исключены глобальная ядерная война и крупномасштабные войны с НАТО (США) с использованием обычных вооружений.

³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 года № 706. – *Прим. ред.*

Ни одна из существующих конфликтных ситуаций силового плана в настоящее время не создает прямой военной угрозы безопасности РФ. Однако с учетом изменений геополитической обстановки в мире обеспечение безопасности РФ только за счет политических возможностей становится все труднее и труднее.

Российское военное планирование в первой половине XXI века будет определяться также существованием факторов неопределенности. Под фактором неопределенности понимается ситуация, конфликт или процесс, развитие которого может существенно изменить геополитическую обстановку в приоритетном для интересов России регионе или создать прямую угрозу безопасности РФ. Сам характер факторов неопределенности исключает возможность однозначного прогноза их развития. В общем виде к подобным первостепенным факторам неопределенности отнесено опасное для национальной безопасности России изменение военно-политической ситуации в ключевых странах мира, на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) и в регионах, пограничных с государствами СНГ.

К числу наиболее значимых факторов неопределенности отнесено и возможность придания ядерному оружию свойств реального военного инструмента. В докладе министра обороны говорится, что отмечены попытки вернуть ядерное оружие в число допустимых военных инструментов за счет реализации «прорывных» разработок, превращающих ядерное оружие в относительно «чистое», с точки зрения долговременных последствий его применения. Проведение в ряде стран подобных НИОКР и принятие политических решений об их активизации рассматривается в Минобороны РФ как фактор, способный подорвать глобальную и региональную стабильность. Отмечается также востребованность в мире ОМУ, включая ядерное, среди региональных держав, стремящихся создать инструмент гарантированного сдерживания возможных враждебных действий со стороны развитых государств.

Однако ядерное сдерживание, особенно применительно к сдерживанию угроз, связанных с применением противником обычных вооружений, может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. Только в этом случае угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно для обороняющейся стороны.

Для осуществления задач стратегического сдерживания вооруженные силы должны быть готовы к демонстрации военного присутствия и решимости применения военной силы. В качестве элементов стратегии может использоваться дозированное боевое применение отдельных компонентов стратегических сил сдерживания. Сдерживание основывается на способности стратегических сил в ответных действиях нанести ущерб, размеры которого поставили бы под сомнение достижение целей возможной агрессии.

Из приведенных выше тезисов следует целый ряд важных выводов. Считается, что:

- в настоящее время отсутствуют непосредственные угрозы военной безопасности России;
- Россия перестала рассматривать возможность масштабного конфликта с Западом (США и НАТО) в качестве вероятного события, причем это относится как к условиям использования обычного, так и ядерного оружия;
- в случае угрозы национальной безопасности России вследствие агрессии она вправе использовать свой ядерный арсенал даже в том случае, если агрессия происходит в рамках применения только обычного оружия;
- важным обстоятельством, определяющим военное планирование России, является существование в мире факторов неопределенности, связанных с неоднозначным (непредсказуемым) изменением обстоятельств, процессов, условий, непосредственно влияющих на ее военную безопасность;
- осуществление ядерного сдерживания предполагает наличие современных и эффективных вооруженных сил, а также связано с реальной возможностью дозированного применения ядерного оружия.

Наряду с этим создание ядерного оружия «поля боя», обладающего минимальным побочным воздействием, рассматривается нами как фактор возможной дестабилизации основных условий безопасности.

В целом это достаточно общая система определяющих представлений о роли ядерного оружия в обеспечении военной безопасности. Заключение между Россией и США Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП) свидетельствует о взаимном размытии в двух странах комплекса «военного противника» по отношению друг к другу. Это положительный шаг. В практическом плане, для России – это

продвижение в направлении сокращения возможностей ответного удара и ядерного сдерживания США. При этом Россия была готова и к более глубокому сокращению объемов СНП. Однако причина этого лежит не только в идеологии, но и в ограниченных экономических возможностях страны в условиях «старения» стратегического арсенала. В принципиальном плане Россия не готова отказаться от самого принципа ядерного сдерживания и радикально продвинуться к достижению «нейтральных» ядерных отношений. Определенным аналогом в возможной перспективе (к которой мы продвигаемся) представляются ядерные взаимоотношения США и Франции, в которых, в принципе, отсутствует идея ядерного сдерживания. На двойственность существующего подхода в российском понимании проблемы указывают такие моменты, как жесткая критика выхода США из Договора по противоракетной обороне (Договор по ПРО) и критика позиции США в отношении нератификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и возможного возобновления ядерных испытаний. Эта критика непосредственно связана с остатками доктрины ядерного сдерживания. В этом же контексте рассматриваются усилия США по существенному повышению точности стратегических ядерных сил и обычных вооружений, которые могут использоваться для превентивного удара не только по нашим СЯС, но и по одиночным угрожающим целям.

Необходимость новой ядерной политики России

Распад СССР привел к сокращению ядерной инфраструктуры, в особенности в отношении средств доставки ядерного оружия. Наиболее радикально уменьшились возможности страны в традиционных вооруженных силах. В этом плане укрепление СНГ – очень важная задача.

В конце 1970-х гг. возможности традиционных вооруженных сил СССР (ОВД) воспринимались как достаточно убедительные для европейского ТВД, однако в настоящее время такие возможности России и НАТО слабо сопоставимы. Этот факт и лежит в основе тезиса о том, что крупномасштабное военное столкновение новой России и НАТО не рассматривается у нас в качестве вероятного события.

Возрождение в России достаточно мощной традиционной армии, способной отразить масштабную агрессию на различных ТВД, выглядит в данное время как благое пожелание. Естественно, что в подобной ситуации появилась идея о важной роли факторов неопределенности в военном планировании и ядерном сдерживании агрессии. Реальная возможность осуществления ядерного сдерживания в военном столкновении должна предполагать как осуществление решения широкого спектра военных и политических задач, так и адекватность, т.е. оправданность ядерного ответа и его приспособленность к конкретным военно-политическим ситуациям. Действительно, если военный конфликт с большим объемом вооруженных сил, в котором используется высокоточное оружие и адресное применение боевых действий против войск и военной инфраструктуры, не связан с гибелью населения и разрушением экономики, то вряд ли применение ядерных боеприпасов мощностью в сотни килотонн может рассматриваться как осмысленный ответ. Для обеспечения реальных военных потребностей в подобных ситуациях необходима система новых ядерных вооружений малой мощности, особенно на своей территории, или на территории союзников. Конечно, речь идет об оружии с минимальными радиологическими последствиями на сравнительно длительное время.

Следует отметить, что подобные взгляды появились уже на ранней стадии развития ядерных оружейных программ и даже оказали на их развитие конкретное практическое влияние. Так, уже в середине 1950-х гг. член Комиссии по атомной энергии США Т. Мюррей высказался за ограничение энерговыделения ядерного оружия. Он, в частности, отмечал: «Новое направление в нашей политике можно охарактеризовать тезисом «рациональное ядерное вооружение». Этот тезис означает, что параметры нашего боезапаса должны удовлетворять двум принципам. Военный принцип предполагает, что оружие, которое мы производим, должно быть действительно пригодно для целей реальной войны. Второй принцип предполагает, что использование этого оружия в войне диктуется моральными соображениями».

Мюррей предполагал ввести ограничения на энерговыделение и количество зарядов с большим энерговыделением в боезапасе и настаивал на усилении разработок боеголовок с небольшим энерговыделением. Он отмечал: «Мое третье предложение состоит в том, что в боезапасе должен быть масштабно представ-

лен широкий спектр малого ядерного оружия. Причина этого предложения одновременно и военная, и моральная. Ограниченная ядерная война возможна, так как моральный принцип может ее принять. Когда я говорю о малом оружии, я имею в виду очень малое оружие. Когда я говорю о большом количестве, я имею в виду десятки тысяч единиц оружия этого класса. Эти десятки тысяч боеприпасов составят широкую и твердую основу нашего боезапаса. Такой боезапас позволит использовать наши силы для умеренного и выборочного действия против всех видов агрессии, включая агрессию минимального размера».

У нас в России объем СНП к 2012 г. сократится по сравнению с 1990 г. в пять-шесть раз, и его возможности для осуществления гарантированного ответного удара существенно уменьшатся. К 2020 г. эти тенденции могут серьезно усилиться в связи с дальнейшим сокращением объема СЯС и с развитием неядерного противостратегического оружия и средств ПРО и ПВО. В то же время ядерный потенциал, состоящий более чем из 1000 ядерных боеприпасов с энерговыделением в сотни тысяч килотонн, сам по себе будет представлять опасный провоцирующий фактор неопределенности, так как ядерный потенциал тотального уничтожения существует и оправданием ему служит только непредсказуемое изменение факторов безопасности. Надуманность и опасность такого подхода в стратегии нам очевидна.

Важнейшая задача развития системы ядерных вооружений малой мощности состоит в радикальном снижении уровня военно-технического ядерного противостояния России и США. Замена боевого оснащения на заряды малой мощности, с одной стороны, радикально сократит уровень связанной с ним глобальной угрозы, а с другой стороны, придаст ему качество реального оружия «поля боя», применимого в любом регионе планеты.

Третья существенная задача, решаемая при этом, это сокращение риска несанкционированного применения ядерного оружия. Само наличие ядерного оружия неизбежно порождает эту угрозу, и можно говорить только об уровне мер безопасности, снижающих ее риск до очень малой величины. В то же время в этот риск всегда входит такой сложный параметр, как человеческий фактор, зависящий от состояния различных сторон жизни. Поэтому исключение из боеготового оружия СНП термоядерных ядерных боеприпасов дополнительно в сотни (тысячи) раз уменьшит риск, связанный с этой угрозой.

Военно-технические особенности ядерного арсенала малой мощности

Практическая реализация создания ядерного арсенала малой мощности может быть связана с несколькими путями или этапами. Наиболее очевидные возможности предоставляет реорганизация стадийного термоядерного оружия. Это оружие представляет собой наибольшую потенциальную военно-техническую угрозу во взаимоотношениях ядерных стран.

Как известно, стадийный термоядерный заряд включает в себя первичный модуль (бустированный ядерный заряд) и вторичный модуль, обеспечивающий основное энерговыделение в результате процесса радиационной имплозии, создаваемого при нормальной работе первичного модуля. Бустинг первичного модуля обеспечивается работой специального конструкционного устройства, представляющего собой, по открытым публикациям США, баллон с ТД-газом, запускаемым по команде в первичный модуль. В случае изъятия этой команды или самого устройства, содержащего ТД-смесь, первичный модуль работает в небустированном, сниженном режиме, и энерговыделение стадийного заряда радикально уменьшается. Тем не менее, при этом будет реализован ядерный взрыв в субкилотонном масштабе. Такой уровень, с одной стороны, на три порядка меньше полномасштабного взрыва термоядерного заряда, а с другой стороны, на три порядка выше энерговыделения химических взрывчатых веществ соответствующей массы. Это и есть ядерное оружие малой мощности, не приводящее к тотальному уничтожению противника, но существенно превосходящее энергетические возможности традиционных вооружений. Применение такого оружия в ответ на значимое применение обычных вооружений или террористические действия, повлекшие за собой утрату важных объектов инфраструктуры и гибель десятков или сотен человек, вполне может быть оправдано по моральным соображениям. В то же время это оружие будет эффективно для поражения отдельных объектов инфраструктуры на территории противника, военных баз, узлов коммуникаций, центров снабжения и т.д. Тем более, такое оружие может быть применено в средствах противовоздушной, противоракетной и противокорабельной обороны.

На определенных этапах рассматриваемый подход может быть реализован указанным способом. При этом для решения

отдельных военных задач часть термоядерных боеприпасов может быть сохранена (по крайней мере, на первых этапах), однако их доля должна быть невелика, а сами они должны предусматривать регулируемый режим работы («небустированный» – «полномасштабный») и находиться в нормальном состоянии на минимальном уровне энерговыделения. Такая программа позволит, с одной стороны, практически исключить принцип ядерного сдерживания, а с другой стороны, придаст ядерному арсеналу практические возможности боевого ядерного сдерживания в ограниченной войне. Принципиальной проблемой должен стать пересмотр ядерной взрывчатки в первом модуле, исключив химические и радиационно-токсичные материалы. Существенно, что все эти действия на первом этапе могут быть реализованы в рамках существующих видов ядерного оружия.

Следующим возможным шагом представляется переход на оснащение ядерными боеприпасами, автономными ядерными зарядами, исключив из ядерного арсенала стадийные заряды. В этом случае представляется возможным вводить ограничения на массу и длину боевого блока, которые реально не позволят применять в нем мощные термоядерные заряды. При необходимости, может быть предусмотрена специальная разрешительная процедура, гарантирующая интересы сторон.

В качестве ограничения мощности отдельного ядерного боеприпаса можно выбрать условие $E_1 < 5$ кт, а в качестве ограничения общей мощности ядерного боеприпаса каждой из сторон $E = 25$ Мт. В то время как реализация Договора о СНП позволит уменьшить мегатоннаж ядерного арсенала по сравнению с 1990 г. в ~ 5 раз, предложенный подход более радикален и приведет к уменьшению объема мегатоннажа в ~ 200 раз. Как и в рассмотренном выше сценарии, такие ядерные боевые припасы могут иметь небустированный уровень энерговыделения субкилотонного класса, дополнительно радикально сокращающий степень дозированного воздействия.

При сохранении полезной нагрузки боевой ракеты переход на легкие боевые блоки рассматриваемого типа позволит выделить значительные ресурсы веса на средства преодоления ПРО, что в значительной степени может осложнить задачи ПРО по перехвату средств ответного удара и будет дополнительно стабилизировать положение. Переход на подобные структуры ядерных арсеналов сильно повысит их деэскалационные возможности,

поскольку при этом возрастет реальная возможность обеспечения адекватного ответа на ранних стадиях конфликта, то есть, возрастет военное сдерживание и при этом на существенно более низком уровне, чем в настоящее время.

Сохранение большого количества стратегических ядерных боеприпасов также будет оказывать дополнительное стабилизирующее действие при возникновении угроз стабильности. Во всех этих сценариях одним из главных факторов будет существенное уменьшение радиоактивного поражения флоры и фауны на длительный период. В конце концов, речь идет, в том числе, о новом механизме выделения ядерной энергии.

Основные выводы

В XXI веке развитие глобальных и региональных кризисов может привести к возникновению острых угроз военной безопасности России. В условиях относительной слабости традиционных, неядерных, возможностей Вооруженных Сил РФ ядерное оружие будет оставаться важным элементом обеспечения безопасности страны. Принципиальное значение для определения количественной и качественной структуры ядерных сил России имеет развитие отношений с США.

США продолжают рассматривать СЯС России в качестве основной потенциальной угрозы. По-видимому, в обозримом будущем любое развитие политических отношений может только изменять оценку риска этой угрозы.

Представляется исключительно важным последовательно работать над реализацией ликвидации такой угрозы в принципе. Для исключения возможности военного столкновения с США необходим особый уровень доверительных отношений, это кардинально укрепит безопасность РФ и ее союзников. Это позволит легко решать все остальные проблемы по уменьшению ядерной угрозы. Вопрос состоит в том, чтобы в рамках таких особых отношений были в достаточной степени обеспечены долгосрочные национальные интересы и России, и ее союзников. В сложившихся условиях одним из основных возможных сценариев развития системы ядерных вооружений в ближайшем будущем представляется появление новых ядерных арсеналов с зарядами малой мощности, развернутых как на тактических носителях,

так и в стратегических ядерных силах. Появление таких систем вооружений будет обусловлено требованиями обеспечения стратегической стабильности и возможностями деэскалации вооруженных конфликтов различного типа. Необходимость ядерного оружия для обеспечения безопасности не только России, но и ее союзников определяется не только перспективой взаимоотношений с США, но и возможным обострением мировых кризисов к середине XXI века. Природные ресурсы России в этих условиях могут явиться причиной различных видов агрессии, возможны и религиозные, и этнические причины агрессии.

Глава 9

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА (2007)¹

Алексей Обухов²

С середины XX века над человечеством маячит невиданная угроза – ядерная бомба. Эту угрозу не способны затмить или отодвинуть отвратительные эскапады террористов-фундаменталистов. Конечно, есть, по-видимому, угрозы и покрепче, вроде таинственной галактики, которая, по сообщениям астрофизиков, перемещается из глубин космоса в направлении системы Млечного пути. Но то космические силы, за них человек не в ответе.

Другое дело – атомная бомба. Обретение человеком военного средства, способного единым махом уничтожить плоды земной цивилизации – обстоятельство экстраординарное. В историческом масштабе освоение ядерной энергии – мирное и военное – возможно, самое судьбоносное научно-техническое достижение отгремевшего двадцатого столетия. Видимо, не случайно трагическое мироушущение Александра Блока:

«Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень люциферова крыла)...³»

Доселе признавалось, что неоспоримую ответственность за продолжение жизни человеческого рода несет Создатель – высшее Божество. Русский религиозный философ С.Н. Булгаков писал: «Человеку еще предоставлено самоубийством ускорить личную свою смерть, но отстранить ее неотвратимое прибли-

¹ Впервые опубликовано: Обухов А.А. Ядерное оружие и христианская этика. // *Ядерный Контроль*. 2007. №1 (81). С. 47–74. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2007-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-1-81-Том-13.pdf>

² Алексей Александрович Обухов (1937–2022) – посол по особым поручениям МИД России.

³ Слова из стихотворения «Возмездие» русского поэта Александра Блока (1880–1921).

жение ему уже не дано; по отношению же к мировой смерти он не знает ни дня, ни часа, ибо она всецело есть дело воли и всемогущества Небесного Отца»⁴.

Создав и накопив оружие сверхубийства, каковым является ядерная бомба, человек посягнул на божественные прерогативы, ибо гибель земной цивилизации в результате ядерной войны была бы равносильна булгаковской мировой смерти – о существовании разумной жизни где-либо в других районах Вселенной нам достоверно ничего не известно. Можно поставить вопрос: способен ли греховный по своей природе человек рационально распорядиться этим по существу сверхчеловеческим потенциалом?

Два подхода

За годы, прошедшие со времени создания ядерного оружия, общественное отношение к нему пережило несколько метаморфоз. Вначале на ядерную бомбу многие смотрели как на экзотику – грозную, но все же слишком экстравагантную, чтобы быть использованной в реальной войне – жестокие и в большой степени политические американские бомбардировки двух японских городов не в счет. Потом пришло привыкание к ядерной бомбе – как к неизбежной составляющей холодной войны между блоком социализма и капиталистическим лагерем.

На этом фоне сложились два отличающихся друг от друга подхода к ядерной проблеме – государственнический и пацифистский. Государственники по обе стороны политико-идеологического фронта поддерживали и подгоняли ядерную гонку в интересах национальной обороны. Пацифисты, напротив, критиковали водородную бомбу как оружие геноцида, требовали запрета на применение ядерного оружия, прекращение его испытаний, чтобы в конечном счете достичь ядерного разоружения.

Понемногу элементы пацифистской идеологии проникли и в умы государственников – по мере того, как ответственные политики удостоверились в опасностях, которые несет с собой бесконтрольное наращивание ядерных вооружений. Это подтолкнуло главных антагонистов в биполярном противостоянии – СССР и США – приступить к переговорам с целью ограничения

⁴ Булгаков С.Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 391.

и сокращения ядерных арсеналов. Тогда же родилась и была закреплена путем международного договора концепция нераспространения ядерного оружия – важный инструмент поддержания глобальной стабильности.

Во вред атомная бомба или во благо? Радоваться или сокрушаться по поводу ее изобретения? Возможно ли вообще однозначное суждение по этой теме?

По-видимому, простым голосованием эту проблему не решить. Результат подобного референдума, скажем, среди жителей Хиросимы и Нагасаки можно предвидеть заранее: он был бы негативным. Это подтверждают ежегодно проводимые церемонии в этих городах, посвященные памяти жертв американских атомных бомбардировок. По-иному могут смотреть на дело ученые-атомщики, которые не готовы к тому, чтобы их огульно причисляли к тем, кто несет зло людям.

Неожиданную грань в ядерной проблематике обнаружил не так давно митрополит Нижегородский Николай, который, применительно к результатам труда ученых в атомном центре Арзамас-16, высказал предположение: «Может, как раз молитвы батюшки Серафима помогли тому, что создано оружие, которое стояло на страже России, за благо которой молился уютник Божий Серафим на камне в Саровском лесу»⁵.

В этом рассуждении немало соблазнительного. Оно вроде бы лежит в русле тенденции на упрочение авторитета православной церкви в России. И все же подключение постскрипту популярного святого к государственным программам по созданию и совершенствованию ядерного оружия в СССР не может не вызывать вопросов. Что-то в глубине души сопротивляется водружению ореола святости вокруг атомной бомбы, применение которой чревато Армагеддоном.

Атомное оружие породило в мировой политике целый сонм проблем. Морально-этическая оценка феномена атомной бомбы не допускает упрощенчества. Позиция прямолинейной религиозной партийности в этой области мешает объективному восприятию.

Американские физики, с высокой самоотдачей работавшие над созданием атомной бомбы, изначально нацеливались на то, чтобы парировать ядерные амбиции гитлеровской Германии, которые, к счастью, оказались нереализованными. Потом отцы-

⁵ Сладков Д. Серафим – значит пламенный // Завтра, 6 августа 2003 г. С. 6.

основатели ядерного потенциала США обеспечивали сдерживание сталинского коммунизма. В СССР эта американская активность воспринималась в ином свете – как вызов и прямая угроза безопасности страны. Отсюда – соответствующая мотивация у советских ученых и конструкторов в секретном Арзамасе-16. В условиях острой политической конфронтации разграничение доброго и злого применительно к ядерному оружию в Америке и в Советском Союзе толковалось с противоположных позиций.

В сущности, высокое морально-этическое предназначение признавалось только за собственным, национальным ядерным оружием. Морально-этические символы обслуживали интересы политической пропаганды. Напряженные дискуссии о том, какое именно ядерное оружие – советское или американское – является негативным фактором в мировом раскладе сил, велись и на дипломатическом помосте. Вспоминается следующий случай.

На возобновившихся в первой половине 1985 г. советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям американская сторона стремилась доказать, что советские тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) (а в сумме это составляло более трех тысяч ядерных боеголовок) представляют собою дестабилизирующий элемент ядерного противостояния и, следовательно, должны сокращаться в первую очередь. В противовес такому подходу советская сторона выступала за сокращения, которые учитывали бы исторически сложившиеся структуры СНВ в СССР и США и не вели бы к необходимости переиначивать их с неизбежными громадными дополнительными расходами. Претензии по поводу дестабилизирующих свойств, якобы характерных для советских СНВ, делегация СССР отводила.

Отголоски полемики на переговорах дошли до журналистов. В одном из номеров американской «International Herald Tribune» появилась карикатура, на которой были изображены американская МБР MX и советская тяжелая МБР SS-18⁶ – в позе наклонившихся друг к другу бойцов, готовых сойтись в схватке. На обшивке американской ракеты в унисон с ее официальным наименованием «Peacekeeper» (в переводе с английского – миротворец) карикатурист сделал надпись, что это благородное, миролюбивое и даже

⁶ Автор приводит индекс ракеты по классификации НАТО. В советском/российском обозначении – Р-36М2. – *Прим. ред.*

богобоязненное оружие. Напротив, советская тяжелая ракета была отрекомендована сугубо отрицательными эпитетами – злобная, агрессивная, негуманная. Недаром по НАТОвской классификации она значится как «Сатана».

Автор этих строк во время протокольного мероприятия в ходе беседы со своим коллегой с американской стороны – послом Джеймсом Гудби – в подкрепление собственной аргументации на официальных встречах показал ему вырезку из газеты с этим шаржем. Хотелось в очередной раз провести мысль, что не следует сопоставимые системы ядерного оружия с точки зрения влияния на стратегическую ситуацию оценивать по-разному – в зависимости от их национальной принадлежности. Американский представитель, как мне показалось, признал за автором рисунка тонкое чувство юмора. Дискуссия вокруг тяжелых МБР, однако, не утихла еще долгие годы.

Зло есть добро

Ядерная бомба не с потолка свалилась на голову ошеломленного человечества – она явилась продуктом длительной погони за свержоружием. К военно-технологическому соперничеству подталкивает политика – неизжитая склонность решать возникающие международные проблемы посредством угрозы силой или ее прямым использованием.

Насилие и войны сопровождают человеческое общество с начала его писаной и неписаной истории. Одно время было популярным погружаться в подсчет – сопоставлять периоды войн и годы их отсутствия во всемирной истории. Получалось, что на мир приходится малая доля процента. По большому счету, по-видимому, мир и война на планете Земля соседствовали постоянно.

Мастеру кино, американскому режиссеру Стэнли Кубрику в одном из фильмов удалось с редкой выразительностью показать эволюцию средств вооруженной борьбы⁷. Две группы обильно поросших шерстью первобытных *homo sapiens* пробираются сквозь чащу, двигаясь на встречных курсах. На поляне между ними завязывается бой – за жизненное пространство. Древние люди чем

⁷ Речь идет о фильме американского режиссера Стэнли Кубрика 1968 г. «2001 год: Космическая одиссея» (2001: A Space Odyssey). – Прим. ред.

попало истово колотят друг друга – до изнеможения, до смерти. В живых остаются только двое соперников. Один из бойцов хватает оказавшуюся поблизости белую берцовую кость – останки от чьих-то предыдущих стычек – и наносит ею последний, разящий удар. Победитель плюхается на спину и в знак торжества бросает вверх оружие победы. Кружась, кость, подобно птице, выше и выше взмывает в голубое небо и вдруг – превращается в космический корабль, плывущий по орбите, в персонаж звездных войн.

Сейчас у ряда государств имеется оружие небывалой силы. Человечество обрело способность совершить акцию самосожжения. Самого худшего, однако, не происходит. Почему?

Адепты укрепления ядерной мощи дают однозначный ответ – благодаря действующему между государствами-участниками военному противостоянию существует взаимное ядерное сдерживание/устрашение. В рамках этого механизма каждую из сторон от соблазна решиться на ядерную агрессию удерживает страх перед ответным сокрушающим ударом возмездия.

Главный моральный недостаток ядерного оружия – его избыточная и неизбирательная разрушительная сила внушает ужас, который повергает в ступор самых задиристых стратегов. Получается, что моральный изъян ядерного оружия вовсе и не порок, а достоинство, коль скоро возникновение войны, по сути, заблокировано. Злое начало оборачивается добром.

С точки зрения государственников

Холодная война, вспыхнувшая после завершения разгрома держав оси и, в сущности, представлявшая собою системный, растянувшийся на несколько десятилетий глобальный кризис всей совокупности международных отношений, отличалась необычайным ростом напряженности на мировой арене. На этой почве возникали острые кризисы, а то и крупные войны: на Корейском полуострове, в Индокитае, на Ближнем Востоке, вокруг Берлина и Кубы и т.д. Холодная война вбирает в себя множество составляющих. Ее мотором было, во-первых, политико-идеологическое противостояние между социализмом и капитализмом.

В СССР негодовали по поводу речи Уинстона Черчилля о железном занавесе в Европе, с которой он выступил в марте 1946 г. в Фултоне (штат Миссури) в присутствии американского

президента Гарри Трумэна. Из речи английского премьера было не совсем ясно, кто именно опустил занавес, но карикатуры на Черчилля в газете «Правда» с тех пор носили исключительно враждебный характер. «Занавешивателем» Советского Союза был объявлен капиталистический Запад, вознамерившийся тем самым подорвать социалистический строй. Ответ советского руководства последовал на XIX съезде ЦК КПСС 1952 г., на котором И.В. Сталин заявил, что Запад выбросил за борт знамя буржуазно-демократических свобод. Суровый приговор.

Вторым не менее значимым компонентом холодной войны стало напряженное советско-американское соревнование в наращивании ядерного вооружения. В 1945 г. руководство как США, так и СССР не было склонно к рефлексии по поводу морально-этических аспектов атомной бомбы. Атомное оружие представлялось, прежде всего, новым неотъемлемым измерением силовой политики. Вопросы, связанные с таким оружием, были занесены в досье под рубрикой национальная безопасность, с допуском к нему ограниченного круга особо доверенных лиц. Атомные программы получили абсолютный приоритет – как в Москве, так и в Вашингтоне. При чем здесь этика – сплошная политика. Так рассуждали и действовали государственники.

Гарри Трумэн, сменивший на посту президента США Франклина Рузвельта, скончавшегося в апреле 1945 г., в раздражении по поводу усиления международных позиций СССР в результате Второй мировой войны (1939–1945) и последовавших геополитических сдвигов, заботился уже не о союзничестве, а о конфронтации с Москвой. Отсюда затеянный Трумэном на конференции в Потсдаме летом 1945 г. разговор со Сталиным о беспрецедентном по силе американском оружии – по итогам первого испытания атомной бомбы в Аламогордо. Президент рассчитывал перевести атомную мощь на язык дипломатического давления.

В Потсдаме Сталин, заранее имевший предупреждение от разведки о предстоящем американском испытании, не подал виду, что встревожен. По свидетельству маршала Г.К. Жукова, по возвращении с заседания конференции произошел следующий обмен репликами между членами советской делегации: «...И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И.В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении

нашей работы». Я понял, что речь шла о работе над атомной бомбой»⁸.

Сталин не оставил после себя мемуарных записей. Его кончина была внезапной. О его взглядах на атомную бомбу свидетельствуют люди, встречавшиеся с ним. О знаменательном эпизоде, в частности, рассказывал сотрудник советских спецслужб П.А. Судоплатов. В конце 1945 г. для участия в заседании СМИД⁹ в Москву прибыла американская делегация во главе с госсекретарем Дж. Бирнсом. В делегацию входили один из руководителей американского ядерного проекта Дж. Конант и посол США в Москве А. Гарриман. Американские представители предложили советской стороне наладить сотрудничество в области атомной энергии, а также ознакомить с секретами атомной бомбы в обмен на отказ СССР от ее производства. По сути, это было предложение в духе выдвинутого позднее «плана Баруха», отвергнутого Москвой как направленного на закрепление американской атомной монополии.

Судоплатов, официально представленный американцам помощником Молотова, вспоминал: «...22 декабря на обеде в честь американской делегации в Кремле произошел знаковый разговор, известный мне как одному из очевидцев, участвовавших в оформлении его записи, в подробностях. Молотов, комментируя замечания Бирнса и Конанта о возможном графике передачи СССР данных об американской атомной бомбе, пошутил: «Уж не хотите ли Вы извлечь нам для ознакомления привезенные в Москву чертежи атомной бомбы из жилетного кармана?». Сталин резко оборвал Молотова. Я даже поразился его грубости по отношению к своему соратнику в присутствии американцев. Навсегда запомнились его слова: «Атомная энергия и бомба – достояние всего человечества, это не предмет для шуток. Я поднимаю тост за великих американских физиков, совершивших это выдающееся открытие»¹⁰.

⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 12-е изд. М.: Новости, 1995. Т. 3. С. 336.

⁹ Речь идет о Совете министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и Франции, созданном по решению Потсдамской конференции в июле 1945 г. Очередное заседание СМИД состоялось в Москве с 16 по 26 декабря 1945 г. – *Прим. ред.*

¹⁰ Судоплатов А.П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА Пресс, 2001. С. 314.

Надо полагать, Сталин не доверял американской дипломатии. Но в тот момент он, видно, не определился окончательно по поводу концепций, которые потом легли в основу «плана Баруха», и считал необходимым вначале выяснить существо американской позиции. Атомная проблематика слишком серьезна, чтобы проявлять поспешность и легковесность в суждениях. Поэтому шутка Молотова была дезавуирована.

А вот другой очевидец сталинских взглядов на ядерное оружие. Милован Джилас, побывавший в начале 1948 г. на традиционном полуночном званом обеде у Сталина, следующим образом передал одну из реплик вождя: «Сталин заговорил об атомной бомбе: «Это мощная штука, мощ-на-я!». Его слова были полны восхищения, которое давало понять, что он не успокоится до тех пор, пока у него тоже не будет «мощной штуки». Но он не упомянул о том, что она уже есть у него или что СССР уже разрабатывает ее»¹¹.

В 1949 г. в Кремле накануне первого испытания советской атомной бомбы один из руководителей атомного центра Арзамас-16 Ю.Б. Харитон докладывал Сталину о состоянии дел. После доклада Сталин спросил, нельзя ли из одной бомбы при таком же количестве плутония сделать две бомбы. Харитон ответил, что это невозможно. Как опытный оружейник, Сталин вникал в детали. Кстати, первая советская атомная бомба, испытание которой состоялось в 1949 г., была обозначена шифром РДС-1 – то есть «реактивный двигатель Сталина-1». Вторая, испытанная в 1951 г., – РДС-2. На Западе советские бомбы по наитию нарекли «Джо-1» и «Джо-2»¹².

Как известно, на заре атомной эры крупнейший датский физик Нильс Бор, а до него англичанин Эрнст Резерфорд выражали сомнение в возможности освоения человеком энергии атома. По мнению Бора, для этого потребовалось бы экономику целого государства превратить в огромную фабрику, работающую исключительно на нужды создания бомбы. Однако после 1945 г. в Вашингтоне и Москве, исходя из политической целесообразности, не пожалели средств на создание, совершенствование и накопление ядерных, а потом и ракетно-ядерных потенциалов. Продвижение по этому пути стало чем-то вроде национальной

¹¹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 174.

¹² Газета «Известия» от 28 февраля 2004 г. С. 13.

идеи для обоих государств. Призванная не допустить ядерную схватку, концепция сдерживания/устрашения в условиях военно-политической конфронтации все более интенсифицировала ядерное соперничество. Запасы ядерной взрывчатки стали исчисляться десятками тысяч боезарядов у каждой из сверхдержав. Над миром нависла реальная угроза ядерного катаклизма. В этом, собственно, и состояла гибельная логика холодной войны, в соответствии с которой инструмент сдерживания превращается – в результате неумной погони за военным превосходством – в орудие ядерного холокоста.

Стоило больших усилий, чтобы остановить это скольжение по наклонной плоскости и переключить мировую политику на рельсы ограничения и сокращения ядерных вооружений. Важнейшей предпосылкой (равно как и результатом) такого поворота стало ослабление, а потом и прекращение холодной войны.

За превентивный удар

Как уже отмечалось, другой, наряду с гонкой ядерного оружия, характерной особенностью политики в годы холодной войны было непримиримое идеологическое соперничество между миром капитализма во главе с Соединенными Штатами и миром социализма в лице СССР и его союзников. В советском руководстве исходили из того, что итоги Второй мировой войны подтвердили историческую закономерность, состоящую в поступательном движении человечества в направлении коммунистической формации.

Уже будучи на пенсии, бывший советский министр иностранных дел В.М. Молотов в беседах с писателем Ф.И. Чуевым, говоря о настроениях в Кремле в послевоенный период, отмечал: «Сталин вел дело к гибели империализма и к приближению коммунизма. [...] Нам нужен был мир, но по американским планам двести наших городов подлежали одновременной атомной бомбардировке. Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а третья навсегда покончит с империализмом»¹³. В рассуждениях Моло-

¹³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 90.

това главное – идеологическая установка, видение исторической перспективы. Но в них же, насколько можно судить, и ставка на победоносный для сил социализма исход предстоящей ядерной схватки.

На мировой арене происходило столкновение двух сил: американской, возлагавшей надежды на монопольное обладание атомным оружием, и советской – с отобилизованной массовой армией, доказавшей свою боеспособность на полях Второй мировой войны. Осведомленным политикам было очевидно, что не за горами время, когда в руках СССР появится собственное атомное оружие. Сочетание обоих факторов – идейно-политического соперничества и опоры на атомное оружие – делало противостояние между сверхдержавами особенно взрывоопасным.

С американской стороны характерным примером идеологической нетерпимости, подкрепленной атомными амбициями, явилась книга Джеймса Бернхэма «Борьба за обладание миром»¹⁴, вышедшая в 1947 г. – вскоре после фултоновской речи Черчилля о железном занавесе. Бернхэм анализировал мировую ситуацию с двух направлений: с угла претензий на глобальное превосходство (здесь, по его мнению, существовали два реальных претендента – США и СССР) и с точки зрения роли, которую способно выполнить в мировой политике атомное оружие. Бернхэм признавал, что атомная бомба несет в себе смертельную угрозу для человечества. Если она станет достоянием нескольких государств, неизбежна война с ее губительными последствиями. Чтобы этого избежать, необходима, по Бернхэму, монополия на атомную бомбу. Таковая осуществима через установление глобальной империи. Если ее построит Советский Союз (в подтверждение этой возможности Бернхэм рисует подробные схемы, призванные показать глобальный масштаб советского экспансионизма), то возникнет тоталитарная структура. Если же во главе империи окажутся США, то речь пойдет о торжестве демократии.

Бернхэм требовал от Вашингтона отказаться от колебаний во внешней политике между изоляционизмом и умиротворением коммунизма. Должна быть отброшена и доктрина невмешательства во внутренние дела других государств. Если СССР обретет атомное оружие, он пустит его в ход и одержит победу, предупредил Бернхэм. Если же США перестанут мешкать и нанесут

¹⁴ Burnham J. The Struggle for the World. N.Y.: The John Day Company, Inc., 1947.

упреждающие атомные удары, победа будет на их стороне. Бернхэм писал: «Представьте себе [...] что к моменту начала войны у Советского Союза еще не будет атомного оружия. В этом случае, разумеется, не последует немедленного возмездия в ответ на изначальное массированное атомное нападение со стороны США. Это означает, что начальный этап войны станет грандиозной победой для Соединенных Штатов»¹⁵. Генеральный вывод в книге Бернхэма звучал следующим образом: «Реальность такова, что единственной альтернативой коммунистической глобальной империи является американская империя, которая была бы способна – хотя и не будучи всеохватной с точки зрения ее номинальных границ – осуществлять решающий контроль в масштабах земного шара»¹⁶.

Планы превентивной войны, выдвигавшиеся Бернхэмом и некоторыми другими американскими идеологами, остались невос требованными. Трезвомыслящие политики в Вашингтоне не могли не принять в расчет, что у США даже в условиях атомной монополии не было достаточных военных средств, чтобы гарантированно и безнаказанно сокрушить СССР. Начав войну, можно было потерять Западную Европу. А в августе 1949 г. атомная бомба появилась и в советском арсенале. КБ-11, разместившееся в Арзамасе-16, донесло американский проект «Манхэттен», над которым трудились ученые в Лос-Аламосе.

Ужасный грех

Другое влиятельное крыло американской политологии выступило с рекомендациями, которые, по существу, отклоняли опасный радикализм сторонников превентивного использования атомного оружия. В этом в значительной мере состоял пафос статьи Джорджа Кеннана «Источники советского поведения»¹⁷, помещенной под псевдонимом «Г-н Х» в июльском номере журнала «Foreign Affairs» за 1947 г. и предлагавшей сосредоточиться на сдерживании (*containment*) коммунизма, опираясь в первую очередь на политические средства.

¹⁵ Burnham J. The Struggle for the World. N.Y.: The John Day Company, Inc., 1947. P. 244.

¹⁶ Ibid. P. 182.

¹⁷ Kennan G..F. The sources of Soviet conduct // Foreign Affairs, 1946. Vol. 25. P. 566. – Прим. ред.

В своих мемуарах Дж. Кеннан следующим образом характеризовал смятенное состояние политических умов в Вашингтоне в первые послевоенные годы: «Весной 1947 г. было почти невозможно представить себе, каким образом можно спасти Европу. В наших головах царил полная неразбериха [...] Состояние экономики континента оказалось намного хуже, чем предполагалось, и быстро ухудшалось. В Конгрессе превалировало мнение, что любая зарубежная помощь – не более как мышьяковая возня. Коммунисты держали Францию за горло. Завеса страха, растерянности и замешательства накрыла континент и парализовала всю конструктивную деятельность. Молотов проявлял непреклонность за столом переговоров в Москве, считая, что советской стороне не стоит платить американцам за то, что и так попадет в руки русских подобно созревшему плоду в результате естественного развития событий»¹⁸.

Разделяя неприязнь Дж. Бернхэма к «мягкотелым либералам», стоящим на позициях «умиротворения» коммунизма, Джордж Кеннан вместе с тем отвергал тезис о стремлении Советского Союза к развязыванию войны. В 1948 г. своем неотправленном письме писателю и журналисту Уолтеру Липшману он подчеркивал: «Россия не собирается завоевывать кого-либо. Она попыталась сделать это с Финляндией и обожгла пальцы. Войны русские не хотят ни в коем случае. И, прежде всего, они не хотят твердых обязательств, которые могут привести к военным столкновениям, поэтому предпочитают обходиться политическими средствами, используя марионеток»¹⁹.

С учетом этих предпосылок Дж. Кеннан объяснял смысл своей анонимной статьи, сделавшей эпоху в политике Вашингтона: «Когда я писал статью «X», то [...] имел в виду тот факт, что многие люди, видя бесперспективность попыток добиться договоренности с советскими лидерами о послевоенном порядке в Европе и Азии, впадали в паническое настроение, считая новую войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами неизбежной. Именно по этой проблеме я и начал дискуссию в своей статье, полагая, что [...] роковой неизбежности войны нет. На мой взгляд, существовал другой (очень простой) путь решения этой проблемы. [...] Вместо того, чтобы делать бессмысленные одно-

¹⁸ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. С. 257–258.

¹⁹ Там же. С. 256–257.

сторонние уступки Кремлю, надо было переходить к инспирированию и поддержке сопротивления попыткам Советов к расширению регионов своего политического влияния и установлению там доминирующего положения, ожидая ослабления советской мощи и обуздания советских амбиций и поведения. Советские лидеры, какими бы грозными они ни были, не являются суперменами. Подобно правителям всех крупных стран, им приходится решать вопросы, связанные с внутренними противоречиями и дилеммами. Поэтому нам следовало бы, не проявляя агрессии, но сохраняя хладнокровие и решительность, просто-напросто выждать, пока сработает время. Вот, собственно, и все, чего я хотел добиться своей статьей»²⁰.

Таким образом, Дж. Кеннан выступил за жесткую политику сдерживания коммунистической экспансии. Американский план Маршалла по оказанию финансовой помощи в восстановлении экономики Западной Европы и учреждение в 1949 г. североатлантического блока можно считать практическим выражением такой политики. При этом, однако, он был не из тех, кто проявлял склонность жонглировать атомной бомбой, грозя пустить ее в ход. Дж. Кеннан не предлагал уход от перспективы острого соперничества между капитализмом и социализмом, но был категорически против провоцирования военной схватки между двумя системами. Тем более с применением атомного оружия. Этому своему отнюдь не легковесному отношению к ядерному фактору во внешней политике Дж. Кеннан остался верен и в дальнейшем.

Кеннан не был одинок в своих размышлениях. Влиятельный идеолог Р. Нибур в начале 1952 г., то есть в разгар войны на Корейском полуострове (1950–1953), обрушивая критику на коммунистическую идеологию и советский режим, которым противостояла Америка, и будучи озабочен бурными политическими движениями в странах Азии, вместе с тем предостерегал против ставки на военное, экономическое и технологическое превосходство в качестве средства для изменения хода исторического развития. С явным сочувствием он констатировал опасения по поводу внешней политики США, получившие распространение в Западной Европе: «То, что у европейских стран, в большей степени привыкших к трагическим разворотам истории, все еще сохраняется определенное беспокойство по поводу нашего лидерства

²⁰ Там же. С. 259–260.

в мировом сообществе, объясняется их страхом, как бы наша технократическая склонность отождествлять способность подчинять природу со способностью руководить историческим процессом не ввергла нас в состояние нетерпения по поводу ухабистого развития истории. Из-за неизбежных разочарований в этой связи мы можем впасть в истерику, нас может обуять соблазн подвести итог всей современной истории с помощью одного последнего и могучего усилия, направленного на преодоление этих разочарований. В политике такое усилие называется превентивной войной. Такого рода соблазн не грозит нам сей момент, но лет через 10–20 он может стать реальным»²¹.

Подобно Кеннану, Нибур советовал американскому руководству не терять головы и переждать, пока минуют крупные этапы истории, и заняться тем временем отражением непосредственных угроз. Соединенным Штатам, по Нибуру, надо было «быть готовыми к терпеливой шахматной игре с упрямыми силами исторической судьбы»²².

Итак, Нибур предостерег от развязывания превентивной войны против СССР. Он, кстати, уловил двойственность моральной оценки ядерного оружия. «Соединенные Штаты, – писал Нибур, – стали обладателями абсолютного оружия, которое точно воплощает и символизировать моральную неопределенность реальной войны. Мы не могли бы отказаться от возможного использования ядерного оружия ввиду того, в частности, что ни одно находящееся под угрозой государство не имеет морального права отказываться от оружия, которое способно обеспечить его выживание. В отличие от некоторых индивидов, всякое государство лишено способности предпочесть благородную смерть сомнительному, с точки зрения нравственности, выживанию [...] Однако если бы нам пришлось применить ядерное оружие, мы впали бы в ужасный грех. Мы сумели бы обеспечить выживание страны в мире, в котором лучше было бы не жить вовсе»²³.

²¹ Niebuhr R. *The Irony of American History*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1952. P. 145–146.

²² Ibid. P. 129.

²³ Ibid. P.134.

Сомнения в ученой среде

Червь сомнения по поводу морально-этической состоятельности атомного оружия как средства для достижения политических целей довольно рано начал закрадываться в души американских физиков-теоретиков. Поначалу все в этом отношении шло гладко – работа в атомной области на опережение фашистской Германии вопросов не вызывала. Сама мысль о возможности атомной монополии в руках Гитлера побуждала к удвоению усилий. Ситуация стала меняться, когда замаячила перспектива применения атомной бомбы против Японии.

С подачи американского физика венгерского происхождения Лео Сцилларда, работавшего тогда в Чикагском университете, сотрудник атомной лаборатории в Лос-Аламосе Эдвард Теллер летом 1945 г. предпринял попытку организовать петицию ученых с призывом к администрации президента Г. Трумэна отказаться от идеи бомбардировки японских городов, исходя из соображений гуманности и отсутствия очевидной военной необходимости. Узнав, какого рода текст предлагает подписать Л. Сциллард, Роберт Опенгеймер, руководивший «проектом Манхэттен», в резкой форме воспротивился этой затее, указав на то, что вопросы применения атомного оружия должны находиться в исключительном ведении политиков, облеченных доверием избирателей и опирающихся в своих действиях на осведомленность в отношении множества факторов, недоступных для широкой публики. Теллер отступил, признав убедительность доводов Опенгеймера.

Сомнения ожили, когда до Лос-Аламоса дошла информация о последствиях бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 г. Э. Теллер вспоминал: «Ученый коллоквиум на той неделе был посвящен разглядыванию первых фотографий с изображением разрушений в Хиросиме. Я вспомнил о предложениях Сцилларда. Особую тревогу вызывали фотографии. Я задавался вопросом, нужны ли такие разрушения. А потом, буквально через три дня, 9 августа 1945 г., плутониевая бомба была сброшена на Нагасаки. Помню, как я говорил Лауре, супруге Энрико Ферми: «Если так пойдет и дальше, я уеду отсюда». Но потом, 14 августа 1945 г., поступили важные новости: Япония капитулировала! Война закончилась. Празднование, сопровождаемое восторгами и чувством облегчения, продолжалось до поздней ночи. И я радовался

наравне с другими. Но я продолжал испытывать горечь, что не был произведен демонстрационный взрыв»²⁴.

По мнению Теллера, такой взрыв в ночное время на 10-км высоте над Токийским заливом произвел бы должное психологическое воздействие, убедив японцев в бесполезности сопротивления и одновременно избавив от непомерных жертв. Развертывание на рубеже 1940–1950-х гг. активных работ по созданию водородной бомбы дало толчок новому раунду дискуссий в США относительно моральной легитимности ядерного оружия. Теллер и ряд других видных американских ученых не испытывали колебаний по этому вопросу. Никакая сдержанность со стороны США в этой области, считали они, не остановит соответствующие советские программы. Между тем США не могут позволить себе военно-силового отставания, не рискуя интересами национальной безопасности.

Но были и несогласные с таким подходом. От переезда в Лос-Аламос для участия в работе над водородной бомбой уклонился американский физик Ханс Бете. В секретном докладе Главного консультативного комитета, подписанном в числе прочих Джеймсом Конантом и Робертом Оппенгеймером (но не физиком Гленном Сибургом, который придерживался иной точки зрения), содержалось предупреждение против создания водородной бомбы ввиду ее «безгранично большой разрушительной силы и опасности превращения в орудие геноцида». В отдельном докладе за подписью Энрико Ферми и Исидора Раби излагались схожие оценки²⁵.

Выражая обеспокоенность этой группы ученых, Альберт Эйнштейн в марте 1950 г. в статье, озаглавленной «Вооружения не в состоянии обеспечить безопасность», отмечал: «Гонка вооружений между США и СССР, первоначально задуманная в качестве превентивной меры, приобретает истерический характер. Обеими сторонами средства массового уничтожения совершенствуются в лихорадочном темпе под благопристойной завесой секретности. Водородная бомба маячит на общественном горизонте как вполне достижимая цель. Ускорение работ по ее созданию было торжественно прокламировано президентом. Если эти усилия увенчаются успехом, то можно сказать, что радиоактивное

²⁴ Teller E. *Memoirs. A Twentieth Century Journey in Science and Politics*. Cambridge, Massachusetts: Perseus Publishing, October 2001. P. 215.

²⁵ Ibid. P. 287.

заражение атмосферы и, следовательно, полное уничтожение жизни на Земле находятся в пределах наших технологических возможностей. Эта перспектива надвигается подобно наваждению благодаря заключенной внутри нее инерции. Каждый шаг предстает как неизбежное следствие предыдущего. А в конце все яснее и яснее проступает картина всеобщего уничтожения»²⁶.

По существу, такие же сомнения роились в головах ведущих советских физиков. В 1955 г. после первого полноценного испытания советской водородной бомбы руководители атомного проекта СССР академики И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, А.П. Александров и А.П. Виноградов направили в партийное руководство письмо, где говорилось, что после создания супероружия мировая война становится невозможной. Она приведет к уничтожению человечества и потому необходима новая международная политика. Г.М. Маленков это пацифистское письмо поддержал, а Н.С. Хрущев использовал политическую близорукость товарища по партии для его свержения²⁷.

Проникновение пацифистских, а лучше сказать, здравых концепций в государственническую среду проходило не бесконфликтно. Характерен эпизод, о котором в своих мемуарах рассказывал академик А.Д. Сахаров. После уже упомянутого успешного испытания водородной бомбы над Семипалатинским полигоном в ноябре 1955 г. участники этого мероприятия были приглашены на банкет в узком кругу у главкома ракетных войск маршала М.И. Неделина. Сахаров вспоминает: «Неделин кивнул в мою сторону, приглашая произнести первый тост. Я взял бокал, встал и сказал примерно следующее: «Я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда – над городами». За столом наступило молчание, как будто я произнес нечто неприличное. Все замерли. Неделин усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал: «Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубахе, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направить я и сама сумею!». Давайте выпьем за укрепление». Маршальская притча не была шуткой. Неделин счел необходимым дать

²⁶ Ibid. P. 292–293.

²⁷ Газета «Известия» от 17 апреля 1994 г. С. 13.

отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону, поставить на место меня и всех других, кому может прийти в голову нечто подобное. Смысл его рассказика (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим. Мы – изобретатели, ученые, инженеры, рабочие – сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать – «направлять», словами притчи, будут они – те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии»²⁸. Ситуация, почти идентичная спору между Теллером и Опенгеймером в 1945 г. в Лос-Аламосе. На сей раз в роли Опенгеймера выступил маршал Неделин.

Милитаризация международной политики, нарастание ядерной опасности не оставили равнодушной мировую общественность – развернулось широкое движение сторонников мира. Видную роль в этом движении – наряду с крупнейшими учеными, политиками, художниками, общественными деятелями – сыграли представители церкви различных конфессий.

В унисон с этим порывом советская дипломатия выступила с проектами многосторонней договоренности, направленной на поэтапный запрет и уничтожение ядерного оружия под международным контролем. В обстановке холодной войны эти предложения многим показались пропагандистскими. Возможно, что в известной мере так оно и было, но при всем том это была пропаганда в пользу мира – против ядерной войны и ядерного шантажа. Свою позитивную роль она сыграла, показав, что угрозу ядерной войны может гарантированно устранить лишь полная и всеобщая ликвидация ядерных арсеналов.

Понадобилось, однако, еще выше подняться по лестнице ядерной гонки, взорвать бомбу мощностью в несколько десятков мегатонн, так называемую «кузькину мать»²⁹, а потом, в октябре 1962 г. пройти через опаснейший ракетно-ядерный кризис вокруг Кубы, чтобы политики осознали наконец необходимость

²⁸ Сахаров А. Воспоминания в двух томах. Том I. М.: Права человека, 1996. С. 270–271.

²⁹ Выражение «показать кузькину мать» стало популярно после того, как в 1959 г. первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев (1953–1964) заявил, выступая на открытии Американской национальной выставки в Москве «Промышленная продукция США» в присутствии вице-президента США Ричарда Никсона: «В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжелые последствия. Мы вам покажем кузькину мать». – *Прим. ред.*

попятного движения – не наращивания, а ограничения и сокращения ядерных вооружений. Во имя собственной безопасности и международной стабильности.

Меньшее зло

Механизм ядерного сдерживания/устрашения представляет собой продукт политики конфронтации, практиковавшийся в годы холодной войны. Но в не меньшей степени эта концепция – почти неизбежная функция, вытекающая из самого факта существования ядерного оружия в руках двух или более государств. Ядерная бомба в руках другого государства – слишком грозное оружие, чтобы не воспринимать ее как потенциальную угрозу собственной безопасности. Поэтому если, к примеру, имеются два государства, каждое из которых располагает арсеналом ядерного оружия сдерживания, между этими государствами, по существу, автоматически возникает ситуация взаимного ядерного сдерживания/устрашения.

С некоторых пор – примерно с начала 1960-х гг. – важнейшим элементом механизма ядерного сдерживания/устрашения стала концепция взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ), или, по-английски – *mutual assured destruction* (MAD). Именно такую кару сулят друг другу участники сдерживания в случае возникновения ядерной войны. Эта взаимная угроза отвращает их от ядерной агрессии – царит мир, или ядерный пат.

Соответствующие ведомства зорко наблюдают за тем, чтобы обещанное уничтожение стало действительно гарантированным. Американским министром обороны Робертом Макнамарой в свое время были обнародованы нормы таких гарантий. С подробными выкладками, характеризующими степень ущерба, который был бы нанесен СССР или США в зависимости от количества взорванных на их территории ядерных зарядов, выступил в свое время теоретик Герман Кан. На каком-то этапе футурология ядерной войны развилась чуть ли не в особый раздел политологии.

То, что в рамках сдерживания/устрашения состояние отсутствия войны поддерживается с помощью угрозы взаимного ядерного уничтожения, то есть баланса ужаса, само по себе создает немалые затруднения для каждого, кто попытался бы дать оценку механизму сдерживания с точки зрения христианской

этики. Возможно, известным утешением здесь мог бы стать тезис о выборе меньшего зла: ядерная война – плохо, и мир при опоре на ВГУ – не идеал, но все же неизмеримо лучше, чем война. Недаром убежденный сторонник и толкователь христианской морали, классик юриспруденции Гуго Гроций еще в 1646 г. отмечал: «... Когда невозможно избежать выбора, то наименьшее зло заменяет добро»³⁰.

Устойчиво ли сдерживание?

Возникает вопрос – насколько устойчивым является ядерное сдерживание/устрашение? Можно ли с полной уверенностью полагаться на этот механизм поддержания мира? Идеология сдерживания в ее нынешнем виде подпирается множеством теоретических доводов – от специфических военных расчетов до сугубо психологических. Ведь сдерживание рассчитано на то, чтобы воздействовать на поведение и мировосприятие конкретных людей (руководителей государств и работников их военных структур), причем находящихся в здравом рассудке и не подверженных влиянию со стороны тех или иных сект фанатиков. В мире иррациональных побуждений логика сдерживания чахнет. Доступ в клуб ядерного сдерживания для фанатиков должен быть закрыт.

Одним из центральных понятий является концепция убедительности сдерживания. Чтобы рука предполагаемого противника не потянулась к ядерной кнопке, он должен быть в курсе того, что возможная жертва его агрессии обладает достаточной военной силой, чтобы в неминуемом ударе возмездия нанести ему непоправимый урон. Но этого мало. Сдерживание только тогда будет по-настоящему убедительным, если предполагаемый агрессор будет знать, что возможная жертва его атаки исполнена решимости пустить в ход свою ядерную мощь в ответном ударе. Понятия убедительности и решимости в рамках стратегии сдерживания соседствуют.

Наличие воли – отнюдь не пустяк. Возможна ситуация, когда надо будет преодолевать суровую дилемму – либо смириться

³⁰ О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; Пер. с латин. А.Л. Саккетти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 538.

с утратой крупных объектов на своей территории в результате вражеской ракетно-ядерной атаки, либо давать «добро» ответному ядерному залпу с перспективой развязывания всеобщего ядерного побоища. Именно эти возможности таит в себе ядерный чемоданчик, который постоянно находится вблизи высших руководителей ядерных держав. Как отмечалось в докладе Комиссии Скоукрофта 1983 г.: «Сдерживание не является и не может быть блефом. Чтобы сдерживание было эффективным, мы должны не просто обладать вооружениями – нас должны воспринимать в качестве способных и готовых, в случае необходимости, применить их действенным образом против ключевых элементов советской мощи»³¹.

Для доведения до вероятного противника информации, что воля (или готовность) пойти – в надлежащей ситуации – на использование для целей возмездия своего ядерного арсенала в самом деле наличествует, применяются различные способы и каналы. Самый очевидный и публичный – провозглашение тех или иных военно-политических доктрин. В США к таковым относятся доктрина массированного возмездия (1954) и пришедшая ей на смену доктрина гибкого реагирования (1961), действующая – с теми или иными модификациями – по сей день.

Кстати, кризис концепции массированного возмездия, предусматривавшего мощный ядерный удар в местах по выбору американской стороны, в значительной степени был связан, как считали критики этой установки, с утратой убедительности такой угрозы в глазах предполагаемого противника. Получалось, что на любую мало-мальски значимую угрозу своим интересам США были готовы ответить массированным применением ядерного оружия. В период подавляющего военного превосходства США такого рода запугивание могло рассчитывать на успех. Но по мере выравнивания советско-американского ядерного баланса вследствие успехов военного строительства в СССР рассчитывать на победу в ядерном столкновении становилось невозможно. Критики в США стали говорить, что массированное возмездие представляет собой пустую декларацию либо отсутствие всякой политики, то есть, в практическом плане, заведомое признание своего поражения. Трудно решиться на отпор, если единствен-

³¹ Report of the President's Commission on Strategic Forces // President's Commission on Strategic Forces, 1983. P. 2–3.

ный вариант ответа – массивированное возмездие – означал бы всеобщую катастрофу.

Доктрина гибкого реагирования, предусматривая градуированный ответ на угрозу (то есть в зависимости от масштабов вызова, с которым сталкиваются США), призвана подтвердить решимость (волю) Вашингтона пустить в ход ядерное оружие, если у него не останется другого выбора. Предполагается, что нажать ядерную кнопку для ответного удара в сознании, что это не конец света, будет существенно легче. Массивированное возмездие не отменили – оно вошло в гибкое реагирование в качестве его составного элемента – на самый крайний случай.

Примечательно, что одним из аргументов против доктрины массивированного возмездия был тезис о том, что ядерное оружие, в силу заключенной в нем огромной и неизбирательной разрушительной мощи, ликвидировало установленную прусским военачальником Карлом фон Клаузевицем взаимосвязь между войной и политикой. Подчеркивалось, что ядерная война не может быть средством достижения рациональной политической цели, поскольку она ведет лишь к всеобщему уничтожению. Появление доктрины гибкого реагирования, в обиход средств которой входят обе возможности – массивированное возмездие и ограниченная ядерная война, представляло собой попытку восстановить действие закона Клаузевица применительно и к ядерному оружию. Если речь идет об обмене лишь ограниченным числом ядерных ударов, то почему бы, вслед за Клаузевицем, не рассматривать такую войну как продолжение политики иными средствами? Остается, правда, грозная опасность перерастания ограниченной ядерной войны во всеобщую, и тогда концепция немецкого теоретика все-таки рухнет – вместе с цивилизацией. Но на этот случай приходит на помощь другая возможность – поддержание стабильности сдерживания после начала боевых действий. То есть начавшуюся ядерную дуэль можно «теоретически» держать в рамках.

Следует отметить, что концепция ВГУ, тесно связанная с массивированным применением ядерного оружия, исключает понятие победы в ядерном конфликте, чего не скажешь о контролируемой, то есть ограниченной ядерной войне. Тут ставка делается на вариант, когда кто-то из участников схватки дрогнет и не захочет подниматься еще выше по лестнице эскалации. Он-то и будет проигравшим.

Судя по всему, задаче обеспечить убедительность американского сдерживания служит появляющаяся время от времени в периодической и научной печати информация о составлении в недрах Пентагона перечня целей на территории России для нанесения ядерных ударов на случай войны (то же самое практиковалось и в отношении СССР). Этим занимается специальный орган – Объединенный штаб стратегического планирования целей, в обязанности которого входит выработка планов ведения ядерной войны в соответствии с политическими директивами, которые поступают от министра обороны и Объединенного комитета начальников штабов³². Подобная практика находится в полном согласии с философской сентенцией Германа Кана в его некогда напумевшем труде «О термоядерной войне»³³: «Как правило, самый убедительный способ продемонстрировать свою решимость состоит в том, чтобы иметь такую решимость»³⁴. Остается, однако, вопрос: имеется ли принципиальная разница между процедурой выбора целей для нужд сдерживания и такой же процедурой в интересах подготовки к ведению реальных военных действий? Это дает повод некоторым российским авторам упрекать руководство Пентагона в неискренности. Получается – хочешь ядерного мира, готовься к войне. И громко информируй об этом. Без этого ядерное сдерживание утрачивает весомость, делается дряблым и неэффективным.

Реализация сдерживания/устрашения порою сопровождается шумной и грозной пропагандой. Были спекуляции о возможности использования американского ядерного оружия в Корее и в Индокитае. Во время войны на Ближнем Востоке в 1973 г. в Вашингтоне было объявлено о приведении ядерных сил в боевую готовность. События весны 1999 г., связанные с началом НАТОвских бомбардировок Югославии, вызвали к жизни активизацию публичной ядерной активности в России. По государственному телевидению был передан сюжет, в котором тогдашний председатель Государственной Думы Г.Н. Селезнев вел прямой телефонный разговор с командиром подмосковной ракетной базы – обсуждался вопрос, как обстоит дело с нацеливанием ракет на американские объекты.

³² Report of the President's Commission on Strategic Forces // President's Commission on Strategic Forces, 1983.

³³ Kahn H. On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1960. – Прим. ред.

³⁴ Ibid. P. 287.

Беспрецедентный случай – даже в самые глухие годы холодной войны такого по телевидению увидеть было нельзя. Через некоторое время президент России Б.Н. Ельцин, находясь в Китае, неожиданно в присутствии тележурналистов подтвердил высокий ядерный статус России.

Ядерное сдерживание/устрашение продуцирует определенную степень стабильности. Но, разумеется, далеко не абсолютную. По ряду показателей эта стабильность сугубо относительная.

У системы сдерживания – с точки зрения ее надежности – имеются узкие места. Одно из них – зависимость от функционирования компьютерной аппаратуры. Пуск, осуществляемый по сигналу от национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) о том, что на вас направляется ракетная армада противника, может – если указанное предупреждение оказалось ложным – стать первым актом войны. Из оборонца вы превращаетесь в агрессора поневоле, по неведению. Причем заниматься «разбором полетов» по итогам конфликта будет некому или почти некому. Да, собственно, велика ли разница, что послужило бы причиной для ядерного обмена: то ли стаю диких гусей электронные системы предупреждения приняли за вражеский ракетный залп, то ли действительно состоялось ядерное нападение, на которое нельзя было не отреагировать возмездием. Результат один – ядерная пустыня, мерцающая последними огнями из-под ядовитого пепла и руин.

Американский обозреватель Норман Казенс, в стремлении разобраться в этих вопросах, в середине 1980-х гг. в в одной своей статье, посвященной функционированию ядерного сдерживания/устрашения, писал, что в период с 1981 по 1985 гг. на экранах американских военных компьютеров более 100 раз зажегся сигнал о возможном ракетном нападении на США. К счастью, времени было достаточно, чтобы установить, что во всех случаях сигнал был ошибочным. Н. Казенс отмечал: «Поскольку нет никаких оснований считать советскую компьютерную технологию более совершенной, необходимо признать, что ошибочные сигналы появлялись и на советских экранах. Однако то, что Америка добилась размещения пусковых установок вблизи от границ СССР, сократило время в распоряжении советских экспертов, которое необходимо для перепроверки возможных компьютерных сбоев. Например, американским ракетам «Першинг-II» потребовалось бы менее десяти минут, чтобы достичь важнейших

советских целей. Поскольку этого времени будет недостаточно, чтобы исключить возможность ошибки компьютера, лицам, отвечающим за принятие решений в СССР, пришлось бы поставить вопрос о выживании своего государства в зависимость от собственных догадок. А это ставит не только советских и американских граждан, но и весь мир под угрозу из-за ошибки или сбоя в компьютере. Присутствие советских подводных лодок с баллистическими ракетами у американских берегов оказывает аналогичное воздействие на оборонную стратегию США».

По мнению Казенса, далеко не ясно, как решалась бы и проблема различения действительной атаки от провокационного пуска, осуществленного третьей стороной, например, с борта подводной лодки в расчете инициировать ядерную войну между СССР и США: «Какая-либо третья сторона, полагающая, что она в состоянии выгадать от войны между двумя другими государствами, могла бы пойти на то, чтобы запустить свою ракету на кого-то из них, тем самым дав старт ядерной цепной реакции. Теоретически горячая линия США-СССР задумана для того, чтобы уберечь от подобной возможности. Однако теория содержит элемент абсурда. США потратили сотни миллиардов долларов, чтобы защитить себя от возможного внезапного удара. В основе этого лежит вывод, что внезапное нападение представляет собой не просто реальную возможность, а наиболее вероятный вариант действий в случае, если противник решится на войну. Легко вообразить, насколько сюрреалистично звучал бы телефонный звонок, учиненный с целью прояснить истинное положение дел, если сторона, которой был бы адресован этот телефонный вызов, действительно-таки произвела нападение».

Предупреждал Казенс и об опасности диверсии: «В систему встроены хитроумные уловки, призванные уберечь от безответственных самовольных действий отдельных лиц. Так, каждый из четырех человек, составляющих команду, закрепленную за пусковой установкой, располагает одной четвертой ключа, необходимого для пуска. Даже если у одного из них поедет крыша и он попытается запустить ракету, остальные трое помешают этому. К сожалению, эта схема не обладает стопроцентной надежностью. Она не способна защитить от возможности сговора между всеми четверьмя членами команды или от насилия со стороны одного или большего числа ее членов». Казенс пришел к выводу: «Скорее всего, ядерная война вспыхнет в условиях, когда никто не будет

отчетливо осознавать, где же произошел сбой. Научный гений человека создал бесконечно иррациональную ситуацию, благодаря которой жизненные устои могут быть до неузнаваемости и безвозвратно подорваны, а оставшиеся в живых, если их можно причислить к таковым, будут гадать, как именно все это случилось»³⁵.

О крайне ограниченном лимите времени для принятия рационального и в полной мере обоснованного решения в кризисной ситуации свидетельствует анализ концепции ядерного сдерживания, предпринятый А.Г. Арбатовым на страницах российской печати: «... Руководство будет действовать на основе докладов подчиненных и их оценок обстановки, перепроверить которые или отойти от заранее составленных оперативных планов будет возможно только с риском, что ответный удар вообще не состоится. По существу, роль лидера сводится к формальности, рефлексу дрессированной мартышки, дергающей по сигналу лампочки за рычаг машинки, выдающей банан»³⁶.

Риски, свойственные сдерживанию/устрашению, стремительно возрастают, когда вместо биполярного ядерного противостояния на мировой арене – вопреки принципу нераспространения – возникает ядерная многополярность. Было бы неосмотрительно уповать на техническое несовершенство бомб или ракет новых членов ядерного содружества. Растущие арсеналы Индии и Пакистана – наглядное тому свидетельство.

Это означает, что миротворческий потенциал ядерного оружия отнюдь не безупречен. Ядерное оружие само по себе обоюдоостро и чревато глобальной катастрофой. Надежду приходится возлагать на здравомыслие, добрую волю и психологическую устойчивость политиков, контролирурующих наступательные ядерные арсеналы, и их ближайших помощников. Но без соответствующей технологии, со всеми ее недостатками, тут, конечно, не обойтись.

О ядерном заблуждении

Карибский кризис 1962 г. и его преодоление явились суровым уроком для политиков, но холодную войну этот всплеск ядерной опасности не остановил. Гонка вооружений продолжалась.

³⁵ «International Herald Tribune» от 9 февраля 1986 г. С. 4.

³⁶ Арбатов А. Тонкий политический инструмент // Независимое военное обозрение, 18 декабря 2003 г. С. 4.

И все-таки в инфраструктуре холодной войны появилась брешь – противоборствующие стороны в стремлении обеспечить национальную безопасность и упрочить международную стабильность принялись исследовать пути к договоренностям, направленным на ограничение военного соперничества. В результате этих инициатив в 1963 г. был заключен Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). Крупным успехом стало подписание в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Новой страницей в борьбе за реальное ограничение ядерных arsenалов явились начавшиеся в ноябре 1969 г. советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям – наступательным и оборонительным. В рамках этих переговоров были подготовлены, а затем подписаны – в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве – Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-I). Затем был сделан еще один шаг вперед. В 1979 г. на саммите в Вене Л.И. Брежнев и президент Дж. Картер своими подписями скрепили Договор между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (Договор ОСВ-II). Эти исторические достижения сопровождалось снижением международной напряженности, получившим наименование политики разрядки.

Однако на рубеже 1970–1980-х гг. всему этому, казалось, пришел конец. Состоялось растянувшееся на годы вторжение советских войск в Афганистан. В 1980 г. демократическая администрация президента Дж. Картера одобрила директиву PD59, которая предусматривала обеспечение адекватного ядерного ответа по всему спектру возможных проявлений советской агрессивности. В США публично обсуждались варианты ведения войны против СССР с применением ядерного оружия. Не исключался и массированный ядерный удар. Уже при республиканцах весной 1983 г. президентом Рональдом Рейганом была объявлена программа создания широкомасштабной системы ПРО – так называемая «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ).

В конце августа – начале сентября 1983 г. вспыхнула полемика вокруг сбитого советской противовоздушной обороной (ПВО) южнокорейского авиалайнера, оказавшегося в пределах воздушного пространства СССР на Дальнем Востоке. В ноябре того же

года США приступили к развертыванию своих ракет средней дальности в Европе – на расстоянии десятиминутного подлетного времени до Москвы. СССР объявил об ответных мерах и о приостановке своего участия в женевских переговорах с США по ядерным вопросам. Над миром нависла тягостная атмосфера военной тревоги.

В этот период оживления милитаристских настроений в Вашингтоне веско прозвучал голос старейшины американской политологической науки – Джорджа Кеннана, осудившего нагнетание ядерной истерии. В вышедшем в 1984 г. втором издании своей книги «Ядерное заблуждение: советско-американские отношения в атомный век»³⁷, в которую вошли публичные выступления автора начиная с 1950 г., Дж. Кеннан сообщает, что еще в 1946–1947 гг., когда он был одним из руководителей американского Национального военного колледжа, его стало посещать «инстинктивное неприятие самой идеи, что ядерное оружие когда-либо играло важную роль в стратегии США». Использование атомной бомбы против Японии оценивалось Дж. Кеннаном как «достойный сожаления экстремизм»³⁸.

Сразу вслед за первым испытательным взрывом атомной бомбы в СССР в 1949 г. в США встал вопрос о создании водородной бомбы. В этот период, в январе 1950 г. на финише своей трехгодичной службы в Отделе политического планирования Госдепартамента, Дж. Кеннан направил на имя государственного секретаря Дина Ачесона докладную записку, которую он считает самым важным документом в своей карьере. В записке Дж. Кеннан выступил с рекомендацией отказаться от использования ядерного оружия первыми, договориться с другими государствами о запрещении его применения и исследовать возможности для установления международного контроля над таким оружием. Судя по всему, Д. Ачесон не дал хода этой бумаге. Последовавшее вскоре решение администрации США приступить к созданию водородного оружия побудило Дж. Кеннана покинуть – как выяснилось, не окончательно – государственную службу³⁹.

Со свойственным ему публицистическим темпераментом Дж. Кеннан указывает на негативные стороны американской

³⁷ *Kenman G. The Nuclear Delusion: Soviet American Relations in the Atomic Age.* N.Y.: Pantheon Books, 1982. 208 p.

³⁸ *Ibid.* P. XIV.

³⁹ *Ibid.* P. XXII–XXIII.

политической жизни на стыке администраций Картера и Рейгана. При этом особый протест вызывает у Дж. Кеннана нарочитый поиск образа внешнего врага и увлечение шовинистической фразеологией. Эти тенденции, по мнению американского историка и идеолога, чреватые неверными оценками, которые, в свою очередь, способны привести к опасным действиям. Дж. Кеннан писал: «Наблюдая в те годы, то есть в конце 1970-х и в начале 1980-х гг., казалось бы, неумолимое нашествие истерии, открытого страха и вражды в отношении Советского Союза, но обнаруживая слишком мало объективных причин для нее, я мог лишь заподозрить, что истоки такой истерии носили, по преимуществу, субъективный характер. А это, помнится, породило у меня предположение, что речь идет о чем-то гораздо более зловещем, чем просто ошибка суждения, а именно – о подсознательной потребности у значительной части общества иметь внешнего врага – врага, на которого можно списать все невзгоды, врага, который может послужить в качестве удобного олицетворения зла, врага, в чьем заведомо нечеловечески безобразном облике можно разглядеть отражение вашей собственной непревзойденной добродетели. Возможно, все это и не было таким уж неестественным явлением с учетом разочарований и неудач, которые переживало тогда американское общество и к которым относились такие вещи, как Вьетнам, необъяснимые студенческие волнения, захват заложников, инфляция, растущая и неконтролируемая преступность, всепроникающие коррупция и цинизм самых разнообразных форм в стране, а также предчувствие, что развитие нашего общества вышло из-под контроля. Однако такого рода настроения, хотя и по большей части подсознательные, нежели ясно выраженные, оказывали серьезное подспудное воздействие на обстановку. Они служили сильнейшим соблазном для политиков, которые стремились избежать вовлеченности в текущие острые внутренние проблемы. И вместо этого предпочитали пожить легковесными шумными восторгами, которые, как правило, извлекаются с помощью отчаянного шовинистического трезвона. Психологические последствия подобных восторгов – повальная милитаризованность представлений о разногласиях между Востоком и Западом, ощущение смертельного и непримиримого конфликта, согласие с возможностью, а может быть, и неизбежностью советско-американской войны, высокомерное неприятие более благоприятных альтернатив – все это, вкупе

с вытекающими из этих факторов телодвижениями в коридорах власти, создавало, как мне представлялось, ситуацию огромной, непосредственной и – что было особенно трагичным – совершенно необязательной опасности»⁴⁰.

По оценке Дж. Кеннана, главная и беспрецедентная по своим масштабам угроза таилась в продолжении неконтролируемой гонки ядерных вооружений. Ничего хорошего не сулила и атмосфера взаимных обвинений и подозрений в отношениях между СССР и США. В такой обстановке «могло случиться все, что угодно», предостерегал Дж. Кеннан⁴¹. В речи при получении Премии мира имени Альберта Эйнштейна в мае 1983 г. Дж. Кеннан подчеркнул: «Нет таких слов, чтобы выразить всю серьезность нынешней ситуации. Дело не только в том, что наша политика сориентирована на конфликт с Советским Союзом и процесс разумных контактов между двумя правительствами, по-видимому, полностью разрушен; еще важнее тот факт, что в качестве крайнего наказующего средства в арсенале сталкивающихся политических курсов, проводимых руководством двух стран, выступает оружие такого типа и накопленное в столь больших количествах, что оно не может быть использовано без того, чтобы поставить под угрозу катастрофы всех нас»⁴². «По-моему, ядерная бомба, – заявил Дж. Кеннан, – является самым бесполезным оружием, когда-либо изобретенным человеком»⁴³. Для нужд сдерживания, по подсчетам Дж. Кеннана, хватило бы 20 процентов от имеющихся ядерных арсеналов. В качестве первого шага на пути к сокращению ядерных вооружений можно было бы пойти на немедленное 50-процентное сокращение всех видов ядерных вооружений, включая средства доставки, при контроле национальными техническими средствами.

Дж. Кеннан подтвердил в 1981 г. призыв к официальному Вашингтону отказаться от использования ядерного оружия первыми исходя из чувства простой предосторожности – любое задействование ядерного оружия на поле боя чревато опасностью эскалации⁴⁴.

⁴⁰ *Kennan G.* The Nuclear Delusion: Soviet American Relations in the Atomic Age. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. XIV.

⁴¹ *Ibid.* P. 175.

⁴² *Ibid.* P. 176.

⁴³ *Ibid.* P. 180.

⁴⁴ *Ibid.* P. 195.

Оппозиция Дж. Кеннана ядерному оружию была окрашена в отчетливые морально-этические тона: «Вся эта увлеченность проблемой ядерной войны представляет собою форму заболевания. Она в высшей степени отвратительна. В этой увлеченности нет надежды – только один ужас. Ее можно понять лишь как вид подсознательного отчаяния у приверженцев речений на эту тему; как некую форму устремленности к смерти, готовности совершить самоубийство из боязни смерти; как состояние ума, которое можно объяснить лишь некоей неспособностью противостоять обычным трудностям и превратностям человеческого существования; как недостаток веры или, точнее, отсутствие самой способности иметь веру, в отличие от бесчисленных поколений, живших до нас. Я отвергаю мысль, что подобное состояние ума свойственно большинству нашего народа. Не вызывает сомнения, что у нас, по крайней мере, у большинства наших соотечественников, имеется достаточно душевной бодрости и любви к жизни, со всеми ее радостями и волнениями, равно как и со всеми неприятностями и неопределенностями, чтобы можно было выбросить вон эту мрачную увлеченность ядерной войной, распознать и заклеить ее как недуг, коим она и является, и сконцентрировать внимание на подлинных вызовах и возможностях, которые располагаются за пределами этого наваждения, восстановив тем самым нашу уверенность в себе и надежду на будущее цивилизации, к которой мы принадлежим»⁴⁵.

Такова была реакция Дж. Кеннана на получившие широкое распространение в США дискуссии – в Конгрессе или на телеэкране – о принятой в последние месяцы президентства Дж. Картера стратегии противостояния, представлявшей собою еще одну модернизацию доктрины ограниченной ядерной войны, или гибкого реагирования. Надо сказать, что подчас и сами высокие участники подобных дебатов не могли не признавать, что стратегическая логика заводит их в области, далекие от здравого смысла. Об этом свидетельствует, например, отрывок из слушаний по вопросу о стратегии противостояния в сенатском комитете по иностранным делам 16 октября 1980 г.⁴⁶:

⁴⁵ Kennan G. The Nuclear Delusion: Soviet American Relations in the Atomic Age. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. 199–200.

⁴⁶ Nuclear War Strategy. Hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Sixth Congress, Second Session on Presidential Directive 59, September 16, 1980 // US Govt Printing Office, Washington, DC: 1981. P. 22.

«Министр обороны США Гарольд Браун:

– Хочу подчеркнуть, что мы сохраняем открытыми все варианты ответа и они [русские] не должны думать, что мы не реагируем по той причине, что не располагаем правдоподобно-убедительным ответом.

Сенатор Гленн:

– Я запутался в вопросе, что является правдоподобным, а что – неправдоподобным. Когда разговор заходит о стирании с лица земли целых государств, вся эта проблема становится настолько невыносимой, что трудно определить норму правдоподобия и убедительности ответного удара.

Министр обороны США Гарольд Браун:

– Вот почему, когда мы об этом рассуждаем, наши замечания начинают напоминать речь умалишенного.

Сенатор Гленн: Это самое удачное заявление за сегодняшний день [...].»

По-видимому, блуждания в лабиринтах ядерно-политической философии волей-неволей заставляют, если воспользоваться терминологией Германа Кана, «мыслить о невыносимом». Между тем совесть христианина, подчеркивал Дж. Кеннан, восстает против того, чтобы ядерное оружие обрекало на гибель и страдания огромные массы мирных граждан, никак не связанных с комбатантами. Более того, ядерные стратеги считают вполне приемлемым использовать невинных людей в качестве заложников и уничтожать их – если потребуется – в качестве наказания за те или иные неприемлемые действия их правительства⁴⁷. Главный порок, свойственный ядерному оружию, по Дж. Кеннану, состоит в том, что его массированное применение нанесло бы непоправимый ущерб человечеству: «Даже ведя легкомысленные игры ядерными вооружениями, чем мы занимаемся в настоящее время, мы подвергаем риску всю цивилизацию, частью которой мы являемся»⁴⁸. Кто мы такие, вопрошал Дж. Кеннан, чтобы ставить под угрозу уничтожения всю среду обитания, в рамках кото-

⁴⁷ Kennan G. The Nuclear Delusion: Soviet American Relations in the Atomic Age. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. 203.

⁴⁸ Ibid. P. 204.

рой, по Божьему установлению, должна протекать жизнь людей? Не является ли прямым нарушением библейского установления об уважении к родителям и предкам готовность пожертвовать завоеваниями прошлой культуры, которые неминуемо погибли бы в пламени ядерной войны?⁴⁹

Сам Дж. Кеннан пришел к выводу: «[...] готовность применить ядерное оружие против других человеческих существ – против людей, которых мы знаем и которых мы никогда не видели и чью вину или невиновность не нам устанавливать, и, пойдя на это, поставить под угрозу естественную структуру, на которой покоится вся цивилизация, при понимании, будто безопасность и текущие интересы нашего поколения более существенны, нежели все, что в нашей цивилизации имело место или могло иметь место ранее, – для меня все это есть не что иное, как брошенные в лицо Бога самонадеянность, богохульство и оскорбление, причем оскорбление чудовищное по своим масштабам»⁵⁰.

Ядерное оружие и преподобный Серафим

Ядерная проблема досталась нам в наследство от холодной войны. Острая идеологическая и политическая конфронтация той эпохи, казалось бы, ушла в прошлое, а ядерная тема в политике далека от забвения.

В необычном ракурсе проблематика ядерного оружия обнаружилась в связи с отмечавшимся в 2003 г. столетним юбилеем канонизации преподобного Серафима Саровского в качестве святого Русской православной церкви. В этом на первом взгляд сугубо внутрицерковном событии нашли выражение идеологические интересы, характерные для современного общественно-политического развития России.

Прохор Исидорович Мошнин, он же – Серафим Саровский, родился в 1754 г. Год смерти – 1833. Его канонизация случилась в 1903 г. Повека спустя, в 1953 г., Советский Союз испытал первую в мире водородную бомбу, созданную в секретном наукограде Арзамас-16, расположившемся на месте монастыря, в котором провел свою монашескую жизнь преподобный Серафим. Тогда, правда,

⁴⁹ Kennan G. The Nuclear Delusion: Soviet American Relations in the Atomic Age. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. 206.

⁵⁰ Ibid. P. 206–207.

никакого праздника по поводу 50-летней годовщины канонизации святого не было – ни в церкви, ни среди ученых-атомщиков.

Сейчас совпадение памятных дат и место действия – столетие канонизации святого и полувековой юбилей изобретения водородной бомбы – дало повод для попыток мистическим образом совместить религиозный порыв с работами в области создания оружия массового уничтожения. Одна российская газета в очерках о торжествах в Сарове (Арзамас-16) в августе 2003 г. по случаю 100-летия канонизации Серафима Саровского написала: «Если бы преподобный Серафим не позволил здесь создать ядерную бомбу, ничего бы и не вышло»⁵¹. То есть не обошлось без благоговения Серафимова, хотя им самим и неизреченного.

История жизни преподобного Серафима свидетельствует, что он был далек от военных дел – даже современное ему наполеоновское нашествие на Россию не смогло прервать его многолетнего затворничества в монастыре. Серафим гораздо больше трудился по части спасения души и прославился чудотворными деяниями. Православная энциклопедия о главном в деятельности Серафима Саровского сообщает: «Преподобный Серафим Саровский учит: «Сеите на плодородной почве, сеите и на песке, сеите и на камне: где-нибудь да прорастет семя во славу Божию». Даже скромный посев добра, по милости Всевышнего, может сбиться благодатными всходами для наших ближних и дальних и для наших собственных душ»⁵². Монашеская жизнь Серафима Саровского представляет собой религиозный подвиг – ради помощи страждущим и нуждающимся в поддержке⁵³.

⁵¹ Сладков Д. Серафим – значит пламенный // Завтра, 6 августа 2003 г. С. 6.

⁵² Православная энциклопедия. М.: Русиздат, 1999. С. 450.

⁵³ Более двадцати лет (1784-1810) преподобный Серафим провел в отшельничестве в дальней пустыньке, пережил нападение разбойников, получив от них тяжелые увечья. В этот период он тысячу дней и тысячу ночей пребывал в молитве в глухом лесу на камне, питаясь травой. С 1810 г. Серафим затворился в монастыре. Выйдя в 1820 г. из затвора, он начал принимать верующих, которые приходили за утешением и исцелением. Страстнохристианским человеколюбивым сердцем обладал Серафим Саровский. Он отказался от черных одеяний и ходил в белом подряльнике. Пасхальная радость, вера в Воскресение Христово переполняли его весь год. Каждого он приветствовал: «Здравствуй, радость моя! Христос воскрес!». Биографы сообщают, что с детских лет Серафим находился под особым покровительством Божией Матери, которая неоднократно являлась ему. Неподдалеку от Саровского монастыря – в Дивееве – он основал женскую обитель и опекал ее. Почитание Серафима Саровского началось уже при жизни, а после его смерти к обители приезжали люди со всей страны. Канонизация преподобного Серафима состоялась

Эпоха революционного радикализма в России напрочь преврала почитание только недавно канонизированного преподобного Серафима. Большевики в своей идеологии и практике придерживались доктрины воинствующего атеизма. Ленинский лозунг борьбы с поповщиной не обошел и саровскую обитель – в 1919 г. она была закрыта. В начале 1920-х гг. из собора, построенного императором Николаем II (1894–1917), были изъяты мощи Серафима – на долгие десятилетия они исчезли из православного обихода.

Пришло время натиска новой власти на верующих и духовенство. С храмов срывали кресты, сбрасывали колокола, в кострах гибли древние намоленные иконы. Многие священнослужители попали под железную метлу репрессий. С целью вышибить из людей религиозный дух и еще больше унижить церковь государство проводило линию на превращение храмов в складские помещения, коровники, клубы, мастерские и даже тюрьмы. К моменту учреждения ядерного центра на месте Саровского монастыря размещался завод боеприпасов. Саровская обитель приглянулась организаторам ядерного центра прежде всего потому, что там было удобно учинить изолированную строго охраняемую зону. Часть лабораторий разместились непосредственно в монастырских строениях. Не следует думать, будто ядерный центр как-то гарантировал сохранность старинных сооружений. Разрушение монастырей и храмов было составной частью сознательно-агрессивной линии большевизма. Саровский монастырь начали ломать еще в 1930-е гг., в те же годы был, как известно, взорван и Храм Христа Спасителя в Москве.

Первую советскую атомную бомбу – детище ядерного центра – испытали на полигоне в Семипалатинске 21 августа 1949 г. Не имеется свидетельств того, чтобы в научном коллективе, работавшем над проектом, вспомнили тогда о Серафиме Саровском, подумали о божественном. Скорее всего – наоборот. В начале 1950-х гг. были разрушены главные соборы Саровской пустыни.

по инициативе архимандрита Серафима (Чичагова), который поведал историю жизни старца императору Николаю II. В 1903 г. на торжества в Саров по случаю канонизации прибыла императорская семья в полном составе. Мечтавшая о сыне императрица Александра Федоровна с молитвами выкупалась в чудотворном источнике преподобного Серафима и вскоре понесла, а через год родила наследника престола – сына Алексея. Благодарный император распорядился соорудить в Сарове собор, в который были помещены мощи святого Серафима.

Под благовидным предлогом – по причине ветхости. Но когда приступили к подрыву, провозились долго – стены оказались на редкость прочными, динамит пришлось закладывать несколько раз.

В конце 1950-х гг., теперь уже в рамках хрущевского раунда борьбы с православием – был получен приказ подорвать сохранившуюся колокольню – она демаскирует объект. Руководству ядерного центра удалось убедить Москву отказаться от этого намерения. Кстати, до самого последнего времени место креста на колокольне занимала телевизионная антенна, которая обслуживала город. Когда летом 2003 г. – к 100-летию канонизации святого Серафима – телевизионную антенну меняли на православный крест, горожанам пришлось пережить перерыв в телепередачах. Многие из-за этого роптали. Что касается храма Серафима Саровского, то до нынешней реставрации в нем помещался городской театр, алтарь был разрушен.

Смею предположить, что дух святого Серафима, скорее всего, никакого суждения по вопросу о создании в стенах бывшей Саровской обители атомной и водородной бомб не формулировал – Серафим сугубо мирный святой, в епархию славных покровителей российского воинства – Сергия Радонежского и Александра Невского – он не вторгался. Что же до монашеской жизни преподобного Серафима, то, как представляется, ни воспретить создание ядерной бомбы, ни вдохновить на это он не мог. Политические обстоятельства середины XX века были скрыты от него густой пеленой времени. Попытки приписать святому Серафиму покровительство атомной бомбе, в сущности, равнозначны намерению переиначить прошлое, что, насколько можно судить, неподвластно даже воле Всевышнего.

Интеллектуальные и духовные мостки, которыми иные апологеты стремятся соединить Серафима Саровского с атомной/водородной бомбой, неубедительны. Они, в сущности, опираются на строку, принадлежащую не самому святому Серафиму, а содержащуюся в акафисте, составленном через семьдесят лет после его кончины, в 1903 г. по случаю канонизации: «Радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение». Между тем не секрет – не мечом и не бомбой ограждал смиреннейший Серафим российскую землю, а силою своей веры и христианской проповеди, зовущими к нравственному очищению.

Произвольные аллюзии от музейной царь-бомбы к раке со вновь обретенными мощами Серафима Саровского выглядят

как искусственная идеологическая новация, которая не добавляет ни святости славному чудотворцу и целителю, ни техническому совершенству советской бомбы. Думается, помещать православную традицию в ядерную бомбу не следует, не следует совершать насилие над христианской моралью, уподобляясь невольно экстремизму фундаменталистов, призывавших в свое время к созданию, например, исламской атомной бомбы. Любое поползновение приклеить к атомной бомбе ярлык исламской, конфуцианской, англиканской, буддийской, католической или православной принадлежности способно лишь придать дополнительное измерение историческому спору между конфессиями. Стоит ли разбрасывать семена раздора, раскалывать мир по признаку той или иной цивилизации? Это явилось бы попятным движением в направлении эпохи религиозных войн.

Смирненнейший Серафим рука об руку с ядерной бомбой – это противоестественный образ. Испрашивать физического или духовного исцеления у покровителя 50-мегатонной «кузькиной матери», после взрыва которой острова Новой Земли, по слухам, сменили свои географические координаты, а по тундре еще долго бродили стада оленей, ослепших от небывалой небесной вспышки, было бы вряд ли возможным для немалого числа верующих да и неверующих.

В истории подвига старца Серафима во имя христианства достойно восхищения то, что память о чудотворце не удалось извести, несмотря на превратности, выпавшие на долю Саровской обители. С атомной бомбой житие преподобного Серафима не вяжется. Что-то здесь не так.

После образования в 1946–1947 гг. вокруг КБ-11 закрытой зоны город Саров стал носить кодовые имена-псевдонимы: «Москва», «Центр-300», «Кремлев», «Приволжская контора», «Арзамас-16». Вновь свое историческое имя Саров обрел в 1995 г. Еще раньше, в 1991 г., в женскую обитель в Дивеево были перенесены заново обретенные мощи Серафима Саровского.

Хотя по соображениям режимности Саров и по сей день остается городом с пропускной системой, действующей по его периметру, восстановление православных святынь, связанных с именем преподобного Серафима, с полным основанием можно рассматривать и как покаяние за унижения, которые православные вера и церковь претерпели от большевизма. Думается, придет время, и будут найдены способы и возможности возродить в полном

объеме Саровскую обитель в качестве места паломничества для всех желающих. Именно для всех, а не для какой-то их части.

Не следует только, пренебрегая исторической памятью, осуществлять «ядерную приватизацию» преподобного Серафима в границах закрытого города – соединять его нравственную проповедь с государственным делом совершенствования советского, а теперь и российского ядерных арсеналов. Кесарю – кесарево, а Богу – Богово⁵⁴.

Научный подвиг создания советской ядерной бомбы, благодаря которой был выстроен стратегический паритет с США, отнюдь не забыт. Макет бомбы надежно и почетно хранится в городском Музее ядерного оружия. Там ему и место, но не в храме. Советско-российская ядерная бомба не нуждается в воцерковлении. В храме, как представляется, подобает молиться не об атомной бомбе, а о сбережении и укреплении мира на земле.

Не должно вводить в заблуждение и совпадение по месту – то, что преподобный Серафим и КБ-11, хотя и совсем в разное время, действовали на одной и той же территории Саровской обители, представляет собой достойный внимания исторический факт. Так случилось – волею судеб и, в известной мере, благодаря сознательной антирелигиозной политике режима. По-другому эту ситуацию понять невозможно. Ведь если стать на иную, мистическую точку зрения, то можно вообразить, например, будто прослеживается связь между святостью Соловецкого монастыря и ГУЛАГом, который в 1930-е гг. процветал на его земле. Или взять Андроников монастырь в Москве. После Октябрьского переворота 1917 г. там был развернут один из первых советских концлагерей, где содержался «чуждый элемент». Но может ли иметь к этому отношение созданная в монастырских стенах Андреем Рублевым гениальная Святая Троица? Вероятно, может, но лишь как знак, оттеняющий воинственное безбожие власти, превратившей святое место в пересыльную каталажку.

⁵⁴ Выражение «Кесарю кесарево, а Богу Богово» означает – пусть каждому воздается по его заслугам, положению в обществе, по рангу. Происходит из Библии. Фарисеи спросили Иисуса, позволительно ли платить налоги кесарю. Иисус, указав на изображение кесаря и надпись на динарии, сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». – *Прим. ред.*

Моральный императив ядерных вооружений

Ядерное мышление человечества постоянно эволюционирует. Атомную бомбу то нещадно ругают, то принимаются расхваливать за стабилизирующие свойства. Между тем стоит заметить, что исходящие от ядерного оружия как стабилизирующие, так и дестабилизирующие воздействия на международную политику имеют общую предпосылку – способность такого оружия стать причиной беспрецедентной по своим масштабам глобальной катастрофы. На страхе перед такой перспективой базируется механизм взаимного ядерного сдерживания/устрашения.

Концепция ВГУ, вынуждающая потенциального агрессора сидеть смирно, представляет собой прагматический выбор наименьшего зла. При всех оговорках следует считать справедливым утверждение, что всеобщая ядерная война представляет собой абсолютное зло. И, напротив, исполненный тревог ядерный мир – это абсолютное добро. В афористической и парадоксальной форме это выразил в свое время философ и математик Бертран Рассел, выдвинувший тезис: «Better red than dead»⁵⁵.

Но можно ли на этом основании сказать, что миротворческая, запугивающая функция ядерных арсеналов снимает с ядерного оружия имманентное проклятие инструмента возможной глобальной катастрофы? Вряд ли – независимо от проникновенности придаваемых ему официальных названий и титулов ядерное оружие в любых ипостасях было и остается тем, чем оно является – средством массового уничтожения. Вошедший в 1960–1970-е гг. в плоть и кровь международной политики принцип ограничения и сокращения ядерных вооружений вместе с принципом нераспространения ядерного оружия несут в себе сильнейший морально-этический заряд. Последовательно придерживаться этих принципов – значит работать в пользу ослабления международной напряженности, против военной угрозы, в пользу мира и стабильности. И, напротив, отход от этих принципов – это уступка мировому злу.

Позитивный морально-этический смысл имеют и шаги по поддержанию ядерных сил сдерживания, если они предпри-

⁵⁵ Эту фразу произнес постоянный представитель СССР при ООН Олег Александрович Трояновский (1976–1986), когда однажды около штаб-квартиры ООН его вместе с американским коллегой облили красной краской: «Better red than dead» (Лучше быть красным, чем мертвым). – *Прим. ред.*

нимаются в рамках задачи соблюдения паритета, то есть в соответствии с принципом достаточности. Здесь нет противоречия. Такова современная ядерная данность.

О моральной многозначности ядерного оружия следует помнить всегда. Она надежный путеводитель, который призван оградить от впадения в ядерную эйфорию в расчете на политический выигрыш. Это важно понимать и политикам, и ученым-физикам.

Та же проблема: физики и лирики. Кому отдать предпочтение? Никому. И те, и другие – одинаково необходимы. Без лирики, то есть без морали, никак невозможно.

Ядерное оружие принадлежит к суровым реалиям нашей эпохи. Настолько суровым, что современная российская военная доктрина отвергла одностороннее обязательство СССР не применять ядерное оружие первыми. Эта перемена, надо полагать, обусловлена объективными потребностями обеспечения безопасности страны. Конкретный масштаб и характер угрозы могут вынудить пойти на крайнюю меру пресечения агрессии, если такая состоится, – использование ядерных средств на поле боя.

Возникшие на международной арене новые опасности, связанные, прежде всего, с дальнейшим распространением ядерного оружия и обострившейся террористической угрозой, оттеснили идею ядерного разоружения как несвоевременную и утопическую. Велик соблазн придать ядерному оружию роль арбитра – Великого инквизитора⁵⁶, которого так не хватает на международной арене, чтобы не позволить государствам сойтись в смертельной схватке за свои интересы.

Между тем было бы ошибкой преувеличивать значение миротворческой функции ядерного оружия в межгосударственных отношениях. Такой подход был бы равнозначен признанию фатальной неизбежности продолжения гонки ядерных вооружений и их расползания по поверхности земного шара. Преобладанию силового фактора в политике не было бы конца.

Доктрина ограниченной ядерной войны не дает выхода из тупика ядерной угрозы. Выдвинутая в эпоху холодной войны, она вселяла обманчивые чувства некоторой безопасности по срав-

⁵⁶ Выражение происходит от т.н. притчи о великом инквизиторе, которая содержится во второй части романа «Братья Карамазовы» русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881). Притча представляет собой аллегорический рассказ на тему христианской свободы воли и свободы совести. – *Прим. ред.*

нению со всеобщим ядерным катаклизмом. Под влиянием этой военно-идеологической установки возникала также иллюзия возвращения ядерного оружия в арсенал военных средств, пригодных для достижения рациональных политических целей. Большая удача, что рецепты этой доктрины так и остались на бумаге. Опубликованные недавно сверхсекретные материалы Организации Варшавского договора (ОВД) показывают, что ограниченная ядерная дуэль НАТО-ОВД превратила бы большую часть Европы в руины. И это без учета опасностей эскалации, внутренне присущих любому применению ядерного оружия в условиях реальной войны.

Противостояния по линии «социализм против капитализма», который раскалывал мир в период холодной войны, теперь нет. Непосредственная угроза глобальной военной катастрофы отодвинута. Появились предпосылки для гармонизации интересов государств, для совместной борьбы, наверное, с главными проклятиями XXI века – с международным терроризмом и распространением ядерного оружия.

Зависимость человечества от ядерного оружия как гаранта отсутствия войны постепенно отойдет в прошлое. В этом качестве ядерное оружие будет замещено обязывающими международными договоренностями, реализуемыми под эгидой Совета Безопасности ООН и предусматривающими строгий контроль за военной деятельностью государств вплоть до принятия коллективных принуждающих мер в случае нарушения режима поддержания мира, который будет установлен.

Центральным звеном такого режима явился бы запрет на ядерное оружие. Скорее всего, это будет не единовременный акт – государства подойдут к ядерному разоружению параллельно с поступательной гуманизацией всей системы международных отношений и укреплением взаимного доверия. В условиях конфронтации, политической склоки и активного соперничества в наращивании военных потенциалов ставить вопрос о полном и всеобщем разоружении в практическую плоскость было бы, конечно, неразумно. Но и цепенеть перед ядерным оружием, как кролик перед удавом, тоже недопустимо. И, в сущности, аморально. Мир заслуживает участи лучшей, чем сидение на ядерной пороховой бочке.

Противоречивость человеческой природы представляет собой весомый аргумент в пользу ядерного разоружения. Во избежа-

ние дьявольского соблазна ядерное оружие, в конечном счете, должно быть изъято из наших рук. Конечно, остается интригующий вопрос о сроках – когда именно можно было бы приступить к планомерной ликвидации давно вырвавшегося из бутылки и расплодившегося ядерного джина?

Программа, выдвинутая генеральным секретарем ЦК КПСС СССР М.С. Горбачевым в январе 1986 г., предусматривала, что ядерное оружие будет уничтожено к концу XX века. Помнится, в 1980-е гг. на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве мы, советские дипломаты, в соответствии с инструкциями в беседах с нашими партнерами обосновывали этот подход. Наша задача облегчалась тем, что главное внимание, по понятным причинам, мы уделяли непосредственным практическим задачам в области ограничения вооружений, укреплению Договора по ПРО, решению проблем ракет средней дальности, радикальному сокращению стратегических наступательных вооружений. Но неминуемо затрагивалась и обозначенная в программе тема достижения безъядерного мира.

В середине 1986 г. в одной из неофициальных бесед заместитель министра обороны США Ричард Перл, с которым мне довелось готовить проект Соглашения о центрах по уменьшению ядерной опасности, интересовался моей внутренней убежденностью относительно столь близкой перспективы ядерного разоружения в условиях, когда государства еще не приблизились к политическому умиротворению. Моя реакция на этот исполненный скепсиса вопрос Перла сводилась к тому, что наряду с договоренностями по сокращению ядерных арсеналов на пути к разоружению будет меняться сам характер межгосударственных связей, все больше удаляясь от логики холодной войны. В скорое ядерное разоружение Ричард Перл, конечно, не верил. В лучшем случае, в ответ заметил он, это может произойти не раньше середины XXI века. В момент нашей беседы это была загоризонтная временная отметка – будущее, далекое и туманное. Спустя двадцать лет после этой встречи срок, обозначенный Перлом, существенно приблизился. Интересно, что сказал бы он, комментируя им же обозначенную проблему?

Трудности продвижения по пути уменьшения ядерной угрозы очевидны, но их не следует превращать в тупики. Консервация политической напряженности, возврат к старым конфлик-

там и поиск новых, попытки так или иначе реанимировать нравы холодной войны – не принесут дивидендов.

Полученные с американских космических роботов цветные фотографии марсианских пустынь, где, судя по всему, когда-то плескались океаны, заставляют задуматься. Что превратило Марс в унылую равнину? Почему выветрилось магнитное поле, некогда оберегавшее теперь почти исчезнувшую марсианскую атмосферу? Марсианские аллегории предостерегают и понуждают к действию.

Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Мохаммед Эль-Барадеи в лекции при вручении ему Нобелевской премии мира 10 декабря 2005 г. подчеркнул: «Если мы надеемся избежать самоуничтожения, ядерное оружие следует изъять из коллективного разума людей, и оно не должно играть никакой роли в нашей безопасности. Во имя этой цели мы должны гарантировать, причем с абсолютной надежностью, чтобы никакое новое государство не стало обладателем этих смертоносных вооружений. Мы должны добиться того, чтобы ядерные государства предприняли конкретные шаги в направлении ядерного разоружения. И мы должны учредить систему безопасности, которая не опирается на ядерное сдерживание»⁵⁷. Принимая во внимание, что Мохаммед Эль-Барадеи является мусульманином, эти слова воплощают фактически всецерковный экуменический призыв к осуществлению ядерного разоружения.

Сейчас, когда улеглись страсти вокруг выхода США из Договора по ПРО в 2002 г., можно было бы серьезно заняться изучением вопроса о постепенном отказе от концепции ВГУ путем выработки широкомасштабных российско-американских договоренностей о взаимной безопасности – вместо взаимной опасности. Такая договоренность могла бы послужить надежным барьером и против ядерного терроризма, и против потенциальных ядерных провокаторов.

В свое время на советско-американских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений был выработан и успешно применен принцип «равенства и одинаковой безопасности». То была эпоха острой политико-идеологической конфронтации. В новую эпоху отсутствия холодной войны принцип «взаимной безопасности» означал бы замену только одного термина прежней установки.

⁵⁷ IAEA Information Bulletin, 2005. No. 348. P. 2.

В повестке действующей доктрины российской внешней политики обозначено ядерное разоружение. Думается, этот компонент можно усилить и конкретизировать в качестве конечной цели, своего рода маяка в деле устранения ядерной угрозы.

Не стоит предаваться маниловским мечтам о полностью бесконфликтном мире – его, по-видимому, не будет никогда. Но вот решать возникающие споры, не прибегая к войне или угрозе силой, не размахивая, так сказать, ядерной берцовой костью, – такому мироустройству конструктивной альтернативы, думается, не подобрать.

Здесь главные прерогативы принадлежат Совету Безопасности ООН. Под его эгидой можно было бы учредить действенный международный механизм контроля над существующими ядерными арсеналами. Подобный контроль позволил бы исключить вероятность внезапной ядерной агрессии или четко идентифицировать источник такой опасности. В результате ядерное оружие еще на подступах к его полному запрету было бы лишено мрачного нимба терминатора человечества.

На выставке

Вспоминается выставка во второй половине 1950-х гг., устроенная в московском Центральном парке культуры и отдыха имени Максима Горького, вероятно, в ознаменование десятой годовщины атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. На высоких панно в стиле традиционной японской живописи художники – муж и жена Маруки – изобразили горе и страдания, выпавшие на долю жителей этих городов, выжженных атомным смерчем в августе 1945 г. Душераздирающие сцены Дантова ада⁵⁸ – но здесь, на этом свете, в XX веке. Ад, сотворенный руками людей. Перелистывая по-своему обыкновению книгу отзывов, я наткнулся на запись: «Зачем показывать это людям? Ведь все это случится вновь». Кто-то из зрителей не хотел, чтобы посетители парка огорчались картинами неминуемой судьбы человечества.

Однако, повторения трагедии японских городов пока что удалось избежать – хотя скорую атомную стычку предсказывали

⁵⁸ Автор отсылает читателя к описанию мучений грешников, которое приводится в поэме «Божественной комедии» итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321). – *Прим. ред.*

многие теоретики. Благодаря Божьему соизволению. Благодаря соблюдению заветов доктрины сдерживания/устрашения, подпитываемой не угаснувшим инстинктом самосохранения. И благодаря неустанной работе дипломатии ради ограничения ядерных арсеналов, а также пока не отвернувшейся от людей капризной фортуны.

Но для безоговорочного оптимизма оснований, как представляется, недостаточно. Веру в будущее мировой цивилизации необходимо подкреплять настойчивыми совместными усилиями, направленными на предотвращение, а, в конечном счете, на исключение риска ядерной катастрофы. Люди привыкнут жить в мире без такого фактора, как угроза взаимного уничтожения. Тогда можно будет обойтись и без взаимного ядерного сдерживания, или устрашения.

Моральная амбивалентность ядерного оружия тесно связана с его функцией – участием в поддержании международной стабильности. С одной стороны, ядерное оружие заключает в себе угрозу катастрофы, а с другой – крепит равновесие военных сил. В обоих случаях цель одна – не дать разгуляться агрессивным фантазиям. Когда в результате коренных политических преобразований на международной арене ядерное оружие перестанет быть фактором глобального равновесия, забудутся и дуалистические формулы, которыми приходится пользоваться в настоящее время при его оценке с морально-этических позиций – с одной стороны, с другой стороны... Атомная бомба станет лишь средством борьбы с опасными астероидами, несущимися к Земле. Из терминатора человечества она окончательно превратится в его жидителя.

Глава 10

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ: МЕЖДУ БОМБОЙ И АЭС (2008)¹

Роман Устинов²

10 декабря 2006 г. после двухдневного саммита в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)³ принял заключительную резолюцию, в которой, среди прочего, говорилось о начале работ в рамках организации по изучению возможностей запуска совместной программы в области использования атомной энергии в мирных целях⁴. В ходе пресс-конференции по завершении саммита главы шести государств – членов ССАГПЗ не раз повторили, что весь комплекс работ будет проходить в соответствии со всеми международными стандартами и нормами. Также было подчеркнуто, что страны не стремятся получить ядерное оружие и будут развивать свою атомную программу открыто, добиваясь при этом превращения Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ)⁵.

Реакция на данную инициативу оказалась довольно смешанной. Арабская пресса высказывалась в достаточно спокойных тонах, ограничившись лишь констатацией самого факта⁶. В западной прессе аналитики начали строить гипотезы относительно

¹ Впервые опубликовано: Устинов Р.А. Персидский залив: между бомбой и АЭС // *Индекс Безопасности*. 2008. № 2 (85). С. 63–81. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№2-85-Том-14.pdf>

² Слушатель магистратуры двойного диплома МГИМО МИД России и Института политических исследований Франции (Sciences PO) по направлению «Международная безопасность».

³ В ССАГПЗ входят: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия.

⁴ The Final Communiqué of the Gulf Cooperation. December 10, 2006 // Secretariat General of the Gulf Cooperation Council, 2006.

⁵ GCC to Develop Civilian Nuclear Energy // Arab News, December 11, 2006.

⁶ См. подробнее: GCC seeks nuclear energy // Gulf News, December 11, 2006; GCC to develop civilian nuclear energy // Arab News, December 11, 2006.

связи мирного атома в Персидском заливе с проблемой потенциального получения Ираном ядерного оружия⁷.

Оценки экспертов, аналитиков и практиков в данном случае оказались полярными. Одни говорили о неизбежности получения такими странами, как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, ядерной бомбы для потенциального сдерживания Ирана, другие – о вполне объективно обоснованном переходе стран Персидского залива на атомную энергетику в качестве альтернативного и более перспективного в долгосрочном плане источника энергии.

Весьма интересна в данном случае реакция других стран Ближнего Востока. Уже 19 января 2007 г. в израильской газете «Гаарец» появилось интервью короля Иордании Абдаллы II, в котором он сообщил о планах его страны начать собственную программу освоения мирного атома⁸. С той же поспешностью о своих планах в области атомной энергетики в сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки и Канадой для покрытия дефицита в электричестве заявил Йемен. Еще более активно, вплотную приближаясь к практической реализации, данная проблематика разрабатывается в Турции и Египте.

Энергетический расклад стран Персидского залива

Гигантские нефтегазовые запасы стран региона дают повод говорить об отсутствии вынужденной необходимости развивать атомную энергетику. Данные по производству и потреблению энергии подтверждают, что на данном этапе страны Персидского залива не испытывают дефицита с точки зрения энергообеспечения. Стоит обратиться к заявлению генерального секретаря Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива Абдеррахмана аль-Аттийаха. В начале 2007 г. он заявил, что необходимость атомной энергетики для стран Персидского залива

⁷ *Broad W.J., Sanger D.E.* With Eye on Iran, Rivals Also Want Nuclear Power // *New York Times*, April 15, 2007; *Mattar S.* Jordan seeks nuclear peace for Mideast // *Associated Press*, January 19, 2007; *Picard M.* L'Afrique tentée par l'énergie, mais aussi par la bombe // *Le Figaro*, January 13, 2007.

⁸ *Akiva E.* King Abdullah to Haaretz: Jordan Aims to Develop Nuclear Power // *Haaretz*, January 20, 2007.

объясняется стремительным ростом темпов экономического развития, провоцирующим значительное увеличение потребляемой энергии⁹.

Подготовка и реализация проектов по созданию атомной энергетики, тем более в странах, где ее никогда не существовало, – дело не одного года. Срок строительства и ввода в эксплуатацию одной атомной электростанции (АЭС) равен в среднем пяти годам (учитывая текущую тенденцию минимизации этого времени). Принимая во внимание все сложности, с которыми придется столкнуться странам региона в этой области, можно реально говорить о десяти годах, необходимых для того, чтобы заработала первая АЭС в странах ССАГПЗ. По оценкам генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Мохаммеда Эль-Барадея, потребуется минимум от десяти до 15 лет для завершения всех работ по строительству и вводу в эксплуатацию первой АЭС в данном регионе¹⁰. От десяти и более лет отводит на реализацию атомных проектов в регионе Эмиль Эль-Хокайем, эксперт Стимсон-центра, расположенного в Вашингтоне, США¹¹. При этом, по словам Абдеррахмана аль-Аттийаха, в практическую стадию данный проект перейдет уже в 2009 г.¹² Вероятно, что это наиболее оптимистичный прогноз, но даже в таком случае первая АЭС в регионе заработает не ранее 2020 г.

Если учесть оценки роста потребления электроэнергии в мире в целом и в регионе Персидского залива в частности, то обоснованность данных заявлений выглядит более чем убедительной. Ожидается, что мировое потребление энергии будет стабильно расти в среднем на 1,5–2 процента в год¹³. Основной рост потребления придется на страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Однако, по оценкам Министерства водных ресурсов и электричества Саудовской Аравии, к 2030 г. стране потребуется до 30 ГВт дополнительного производства электроэнергии, то есть будет необходимо двукратное увеличение

⁹ Persian Gulf states to move ahead with nuclear energy plans // International Herald Tribune, February 11, 2007.

¹⁰ Picard M. L'Afrique tentée par l'énergie, mais aussi par la bombe // Le Figaro, January 13, 2007.

¹¹ Сообщил Эмиль Эль-Хокайем, научный сотрудник Стимсон-Центра, Вашингтон, США, в ходе телефонного интервью 3 августа 2007 г.

¹² Al Deen M. Gulf Nuclear Plans Take Shape, Says Al Attiyah // Gulf News, February 6, 2007.

¹³ International Energy Outlook 2007 // United States Department of Energy, 2008.

существующих мощностей для целей экономического развития и для обеспечения растущих потребностей в водных ресурсах¹⁴. В ОАЭ ожидается ежегодный рост потребления электроэнергии на 10 процентов вплоть до 2020 г., связанный с крупными финансовыми проектами и туристической индустрией страны. Точно так же ситуация выглядит и во всех остальных странах рассматриваемого региона: 7–8 процентов ежегодного роста в Кувейте (страна, имеющая самый высокий уровень потребления энергии на душу населения в регионе), двукратное увеличение спроса на электроэнергию ожидается в Катаре.

Структура вырабатываемой в странах ССАГПЗ электроэнергии по видам топлива состоит исключительно из нефти и газа с большой долей последнего, что характерно для большинства стран региона. Так, в Бахрейне и Катаре газ является основным источником производства электроэнергии. Саудовская Аравия и Кувейт в большей степени полагаются на нефть, тогда как в ОАЭ и Омане значительная доля вырабатываемой энергии приходится на природный газ. Таким образом, большая часть добываемых углеводородов за исключением тех, которые идут на экспорт, используется для производства электроэнергии, что блокирует возможности ее непосредственного применения в промышленных целях.

Нефтяные реки

На первый взгляд, может показаться достаточно странным, что страны, обладающие самыми крупными в мире разведанными запасами нефти, решили обратиться к разработке атомных проектов как альтернативного источника. Однако более подробное изучение статистических данных показывает, что опасения нефтедобывающих стран относительно своего энергетического будущего весьма обоснованы.

Даже учитывая, что в 2006 г. уровень добычи по сравнению с 2005 г. в таких странах, как Саудовская Аравия и Оман, сократился на 2,3 и 4,8 процентов соответственно, простые математические вычисления показывают, что момент, когда нефть государств Персидского залива станет предметом крупных международных конфликтов, может наступить уже в ближайшие 15–20 лет.

¹⁴ International Energy Outlook 2007 // United States Department of Energy, 2008.

При этом нельзя забывать, что страны Залива используют данный ресурс для удовлетворения собственных энергетических потребностей. А период в 15–20 лет является стандартным сроком долгосрочного (в некоторых странах среднесрочного) внутривластного планирования.

В энергетическом обзоре, подготовленном Министерством энергетики США в 2007 г., представлены цифры, показывающие, на какое количество лет хватит запасов нефти в той или иной стране при текущем уровне ее производства. Так, для Саудовской Аравии, обладающей наибольшими запасами в регионе, это 75 лет, для Кувейта – 110 лет, для Катара и Омана – 50 и 19 лет соответственно¹⁵.

Более того, каких-то глобальных сокращений в добыче нефти в ближайшем будущем, судя по всему, не планируется. Как отмечается в том же энергетическом обзоре, мировое потребление нефти возрастет с 83 млн баррелей в день в 2004 г. до 97 млн баррелей в 2015 г. и до 118 млн к 2030 г.¹⁶ При таком росте потребления (а эти цифры выглядят достаточно правдоподобными, учитывая стремительный рост экономики Китая и ряда других азиатских стран) значительное снижение в добыче нефти в странах, питающих энергоресурсами добрую половину земного шара, неизбежно приведет к росту мировых цен. Естественно, что такому варианту развития событий будут стараться всеми силами препятствовать страны – импортеры нефти.

Газовые берега

Нельзя сказать, что регион Персидского залива обделен в запасах газа. Однако ресурс распределяется достаточно неравномерно между странами. Большие запасы располагаются на территории Катара, значительно меньшие, но также достаточно крупные по сравнению с другими странами мира, находятся в Саудовской Аравии и в ОАЭ¹⁷.

Согласно существующим планам, страны Персидского залива планируют значительно увеличить добычу природного газа.

¹⁵ International Energy Outlook 2007 // United States Department of Energy, 2008.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Для сравнения: на тот же период самые большие запасы газа в трлн м³ у России – 47,65; Ирана – 28,13; США – 5,93.

На данном этапе этот источник энергии используется только для целей внутреннего потребления (лишь Катар занимается экспортом газа), в частности для производства электроэнергии, для промышленности, в целях опреснения воды и для нефтехимического производства. Тем самым страны высвобождают нефть, которая идет по большей части на экспорт, за счет чего пополняется государственная казна и обеспечивается экономический рост. Однако поддержание высоких темпов роста национального производства требует все большей подпитки сырьем, что провоцирует страны региона расширять добычу газа. О таких планах было заявлено со стороны всех шести государств. Большинство рассматривает использование дополнительных объемов газа для целей энергетики и промышленного производства, а также для высвобождения больших объемов нефти на экспорт, в частности Катар нуждается в расширении добычи природного газа для обеспечения своих экспортных обязательств. Вместе с тем большинство государств просто не имеет достаточных запасов для реализации своих проектов. Именно поэтому такие страны, как Бахрейн, Кувейт и даже ОАЭ, несмотря на собственные значительные объемы, уже не раз рассматривали варианты импорта природного газа из Катара или Ирана.

В ОАЭ главной проблемой является высокая цена на разработку газовых месторождений, а также значительный процент примесей серы. Существуют трудности и у Саудовской Аравии: несмотря на то что эта страна занимает четвертое место в мире по запасам природного газа, уровень его добычи достаточно низок, что связано с неизбежным увеличением добычи нефти при увеличении добычи газа, поскольку большинство запасов природного газа расположены в тех же местах, что и нефтяные залежи¹⁸.

Таким образом, далеко не все страны региона даже в среднесрочной перспективе смогут за счет нефти и газа удовлетворять свои растущие потребности в электроэнергии. В долгосрочной же перспективе к тому моменту, когда нефтяные реки Персидского залива начнут высыхать, страны, вероятнее всего, столкнутся с жестким дефицитом энергии, а такие ситуации в некоторых государствах региона случаются уже сейчас¹⁹.

¹⁸ International Energy Outlook 2007 // United States Department of Energy, 2008.

¹⁹ Речь идет о постоянных отключениях электричества в различных частях Саудовской Аравии; Министерство электроэнергии и водных ресурсов Кувейта не раз предупреждало о возможных отключениях электричества летом 2007 г.

Ядерный потенциал

По официальным заявлениям лидеров стран Персидского залива, мирное использование атомной энергетики необходимо для удовлетворения потребностей быстро растущих экономик региона в электроэнергии, а также для опреснения воды²⁰. Параллельно с этим также учитывается (в основном западными специалистами), что атомная энергетика в ряде стран залива поможет сократить выбросы углекислого газа, уменьшив, тем самым, риски парникового эффекта.

Каковы же могут быть реальные выгоды от использования атомной энергии в этих странах?

Во-первых, благодаря высокой производительности АЭС данный вид энергетики позволит, по крайней мере, частично и на определенное время удовлетворить растущие потребности стран в электричестве.

Во-вторых, это позволит высвободить часть нефтяных мощностей, которые могут, в свою очередь, использоваться для увеличения экспорта и для собственной нефтехимической промышленности. И то, и другое будет способствовать модернизации и диверсификации экономики, а также снижению зависимости экономического роста от нефтяной ренты.

В-третьих, страны ССАГПЗ смогут самостоятельно производить продукцию с высокой добавочной стоимостью, которая сейчас производится в странах – импортерах нефти. А это означает дополнительные доходы.

В-четвертых, строительство ядерного реактора с установкой по опреснению позволит лучше справляться с проблемой недостатка питьевой воды.

В-пятых, дополнительные энергетические мощности помогут дальнейшему развитию сельского хозяйства – отрасли, где на данном этапе страны Персидского залива испытывают определенные затруднения.

И, наконец, немаловажным аспектом являются вопросы экологически чистого производства и проблемы изменения климата. Как отметила глава Службы по атомной энергетике Великобритании Барбара Джадж, глобальное потепление и сокращение объемов нефти объясняют возрастающий интерес к атомной

²⁰ GCC members ponder nuclear project // Al Jazeera English, December 10, 2006.

энергетике, даже в странах с крупнейшими в мире запасами энергоносителей²¹.

Учитывая все это, не стоит забывать и о мотивах другого порядка, более абстрактного, но от этого не менее значимого, а возможно, даже первостепенного.

Атомная энергетика как приобщение к прогрессу

В течение длительного времени атомная энергетика оставалась символом научно-технического прогресса и передового мышления развитых стран. После того как разработками в данной области занялся Иран, остальные страны региона также заинтересовались данными проектами, что объясняется неоднородностью арабского мира и высоким уровнем конкуренции. Более того, необходимо также учитывать фактор наличия различных ветвей ислама, и значение этого в условиях арабского мира нельзя недооценивать. Шиитский Иран уже достаточно далеко продвинулся в развитии атомной энергетике и даже перешел к процессам обогащения урана, что вызывает большую тревогу у международного сообщества. Для суннитов Персидского залива это стало своеобразным вызовом в области научно-технического прогресса. Страны ССАГПЗ, тем самым, пытаются создать определенное технологическое равновесие в регионе с тем, чтобы одно государство не имело возможности увеличить свой потенциал до такой степени, чтобы остальные страны оказались в зависимости от его технологий. Фактически страны Персидского залива хотят продемонстрировать, что обладают такими же ресурсами (в том числе организационными) и возможностями, как и Иран, для развития атомной энергетике и даже для потенциальной конкуренции в данной области. Можно сказать, что вся программа – это своеобразная весточка Ирану, которая дает четкий сигнал, что благодаря своим финансовым ресурсам страны Персидского залива не будут с завистью смотреть на успехи своего соседа, а создадут собственный потенциал. Некоторые эксперты рассматривают именно этот мотив в качестве первостепенного стимула²².

²¹ Gulf Arab countries could lead renaissance of nuclear power, head of Britain's nuclear energy agency says // Associated Press, December 26, 2007.

²² Сообщил Эмиль Эль-Хокайем, научный сотрудник Стимсон-Центра, Вашингтон, США, в ходе телефонного интервью 3 августа 2007 г.

В своей статье, опубликованной в газете «Ле Монд», Эмиль эль-Хокайем подчеркивал, что последней каплей в чаше терпения стран Персидского залива стала операция Израиля против ливанской шиитской организации «Хезболла» летом 2006 г., которая наглядно продемонстрировала, куда простирается влияние шиитского Ирана²³. Представитель Саудовской Аравии Салих бин-Сабьян отметил: реакция арабского мира на ядерную программу Ирана демонстрирует, что эта программа размывает систему региональной безопасности и стабильности²⁴.

Через тернии к атому

Развитие атомной энергетики в регионе, где ее никогда не было, безусловно, сопряжено с целым рядом трудностей. Одна из главных проблем, с которой предстоит столкнуться странам Персидского залива, – недостаток (а точнее, полное отсутствие) технологий и кадров. В данном случае существует два способа удовлетворить кадровый и технологический голод: либо заняться формированием и подготовкой собственной базы, либо приобрести все это за рубежом. Похоже, что страны Персидского залива совместят два этих способа. Однако в данном случае необходимо учитывать наличие крупных финансовых средств, которые могут быть использованы (и, скорее всего, будут использованы) для закупки необходимых технологий. Можно привлекать и иностранные кадры. С другой стороны, государства имеют возможность создавать свой собственный кадровый потенциал, отправляя своих граждан на обучение в другие страны, при сотрудничестве с МАГАТЭ. Необходимо учитывать, что программа будет носить долгосрочный характер, рассчитанный на несколько поколений, что позволит воспитать собственных специалистов.

С самого начала представители стран ССАГПЗ неоднократно заявляли, что развитие программы будет проходить под контролем и с участием МАГАТЭ. В феврале 2007 г. генеральный секретарь ССАГПЗ Абдеррахман аль-Аттийах заявил, что организация планирует привлечь МАГАТЭ к сотрудничеству с самого начала,

²³ *El-Hokayem E. Le Golfe fragilisé par le nucléaire iranien // Le Monde, March 8, 2007.*

²⁴ Цит. по: *Weitz R. Gulf Cooperation Council Moves Forward with Nuclear Energy Plans // WMD Insight, April 2007.*

что продемонстрирует приверженность стран ССАГПЗ к «прозрачному процессу в рамках международных стандартов»²⁵. Кроме того, желание государств Персидского залива воспользоваться технологиями, экспертизой и наработками Агентства в этой области объясняет их стремление к сотрудничеству с МАГАТЭ на стадии изучения перспектив атомной энергетики в регионе. Так, 22 февраля 2007 г. Абдеррахман аль-Аттиях обратился к генеральному директору МАГАТЭ Мохаммеду Эль-Барадеи с просьбой оказать содействие в предварительном рассмотрении данного вопроса, в определении необходимой инфраструктуры и в подготовке кадров²⁶. В середине мая 2007 г. генеральный секретариат ССАГПЗ объявил о первой встрече экспертов региона с представителями МАГАТЭ для обсуждения технических деталей подготовительной программы по изучению перспектив атомной энергетики в регионе²⁷. Встреча прошла с 21 по 22 мая в Эр-Рияде.

Другая проблема на пути разработки программы использования ядерной энергии в мирных целях заключается в ее совместном характере в рамках одной организации из шести стран-участниц. С одной стороны, совместные ресурсы (финансовые, технические, организационные) будут способствовать более эффективному и быстрому продвижению по данному пути. С другой стороны, вполне очевидно, что рано или поздно (скорее, рано) встанет вопрос о распределении вырабатываемой электроэнергии, о количестве взносов, о том, кто будет заниматься непосредственной реализацией проектов. Примеров совместного владения АЭС в мире практически не существует.

При этом необходимо учитывать, что сама организация ССАГПЗ не представляет собой сколько-нибудь монолитный блок, а, наоборот, является рыхлым образованием, которое скорее выражает интересы конкретных государств, чем говорит единым голосом. До настоящего момента не удавалось реализовать крупные проекты в рамках всей организации. В связи с этим необходимо также подчеркнуть, что наиболее вероятными претендентами на строительство энергоблоков являются Саудовская Аравия и ОАЭ. Хотя и здесь возникает ряд сложностей.

²⁵ Persian Gulf states to move ahead with nuclear energy plans // International Herald Tribune, February 11, 2007.

²⁶ Цит. по: Weitz R. Gulf Cooperation Council Moves Forward with Nuclear Energy Plans.

²⁷ Al Hakeem M. GCC to take up N-plans with IAEA // Gulf News, March 17, 2007.

АЭС «Саудовская» или АЭС «ОАЭ»?

Саудовская Аравия является лидирующим государством региона и по своим финансовым возможностям, и по потенциалу экономического развития. Более того, Саудовская Аравия больше всех остальных нуждается в дополнительных мощностях электроэнергии и в дальнейшем развитии своей технологической базы. Стремительный рост населения²⁸, расширение промышленного производства, проекты по диверсификации экономики, а также искусственно заниженные тарифы на электричество – все это обуславливает необходимость незамедлительного увеличения производства электроэнергии.

К этому также примешиваются все более усиливающаяся конкуренция и подозрения относительно ядерной программы Ирана. При этом Саудовская Аравия – единственная страна региона, которая ранее рассматривала варианты развития атомной энергетики. Так, в 1979 г. в западной прессе появилось сообщение о том, что Саудовская Аравия планировала учредить ядерные центры как первый шаг на пути создания атомной отрасли. Предполагалось, что будут рассмотрены возможности строительства двух реакторов на берегу Персидского залива и Красного моря²⁹.

Помимо экономического потенциала, Саудовская Аравия обладает также абсолютными преимуществами, такими как обширная территория и наличие двух водных пространств: Красное море на западе и Персидский залив на востоке. Остальные государства региона не могут похвастаться столь крупной территорией, что также создает препятствие на пути возведения АЭС. Таким образом, строительство двух АЭС с опреснительными установками в районе Красного моря и на берегу Персидского залива позволит Саудовской Аравии, с одной стороны, решить собственные энергетические проблемы, с другой стороны, в случае необходимости обеспечивать энергоресурсами граничащие с ней страны региона (Катар, Кувейт, Бахрейн).

Когда вопрос атомной энергетики рассматривался в Саудовской Аравии в конце 1970-х гг., то были выбраны две потенциальные промышленные зоны, где планировалось разместить

²⁸ По данным ООН, с 2000 по 2005 гг. население Саудовской Аравии выросло на 2,53 процента.

²⁹ Saudi Arabia is Reported to Plan Establishment of Nuclear Center // New York Times, April 9, 1979.

реакторы малой мощности для производства электроэнергии и для опреснения: Джидда на берегу Красного моря и Дхахран на берегу Персидского залива³⁰. Исследования проводились с точки зрения геологии, сейсмологии, инфраструктуры, включая транспортные средства. Вероятно, что на данном этапе именно этим территориям будет уделено наиболее пристальное внимание. Однако в данном случае значительным препятствием может стать тот факт, что Джидда находится в непосредственной близости от Мекки.

Вместе с тем, на территории Саудовской Аравии отсутствуют запасы урановой руды. Незначительные залежи урана и тория были обнаружены в бассейне Табук, но никаких работ по их освоению не проводилось. Страна обладает значительными запасами фосфатов, разработка которых ведется уже достаточно давно. Наиболее крупные запасы фосфатов располагаются в районе Эль-Джаламид (213 млн т) и Умм-Вуал (537 млн т); менее крупные – в районе Эль-Амуд (24 млн т) и Санам (23 млн т). Однако производство урана из фосфатов экономически целесообразно, если его рыночная цена более 60 долларов США за 1 кг. На сегодняшний день рыночная цена превосходит эту планку, что делает производство урана из фосфатов экономически обоснованным и плюс к этому снимает ряд рисков, связанных с закупкой этого сырья за рубежом.

Необходимо также отметить, что, несмотря на отсутствие технологий и опыта во всем, что связано с атомной энергетикой, ученые из Саудовской Аравии участвовали во многих проектах и экспериментах, связанных с ураном, производством изотопов, защитой от радиации, обращением с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) и обслуживанием реакторов³¹. Более того, научно-исследовательские центры Саудовской Аравии участвовали в совместных проектах с Ираном, Сирией, Пакистаном, США и рядом европейских стран³².

В том, что касается хранения ОЯТ, то на данном этапе у Саудовской Аравии отсутствует необходимая инфраструктура для этих целей. Основным источником ОЯТ являются научно-исследовательские институты. Для этого в 1994 г. совместно с МАГАТЭ было сооружено помещение для временного хранения ОЯТ, кото-

³⁰ Saudi Arabia country profile // SIPRI, July 2004.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

рое состоит из одной комнаты в 40 кв. м, разделенной на две части: одна для жидких радиоактивных отходов, другая для твердых³³.

Конечно же, ни у одной другой страны региона нет такой подготовительной базы для создания атомной отрасли, как у Саудовской Аравии. Это относится и к организационному потенциалу, включая официальные органы власти, а также научно-исследовательские центры стран Персидского залива, которые отвечают за энергетику в общем и за атомные проекты. Здесь же стоит заметить, что во всех странах региона, включая Саудовскую Аравию, имеющую наиболее подготовленную научно-исследовательскую инфраструктуру, отсутствует внутреннее законодательство для начала работ по атомной энергетике. Не меньшее значение представляет международная подготовка к началу осуществления проектов в области использования атомной энергии в мирных целях, в частности, основополагающие документы режима ядерного нераспространения и подписанные международные конвенции в данной области.

Другой страной, которая также способна по своим финансовым и организационным ресурсам осуществить проекты по развитию данной отрасли, являются ОАЭ. Дополнительные мощности электроэнергетики в ОАЭ требуются для реализации крупных финансовых и туристических планов. Потенциально поднять такой проект, как создание атомной инфраструктуры, могут только наиболее развитые зоны ОАЭ в районе Персидского залива – Дубай и Абу-Даби. Однако именно на базе этих городов идет развитие крупных туристических центров, куда уже были вложены значительные финансовые средства. Более того, тот уровень развития туристической отрасли, на который выходят ОАЭ, обусловил выбор вектора в пользу деиндустриализации данных районов, что достаточно проблематично увязать с развитием атомной энергетики.

Строительство АЭС в других странах Персидского залива, кроме Саудовской Аравии и ОАЭ, видится экономически недостаточно оправданным и рискованным с точки зрения безопасности. Территории этих стран не настолько крупные, а потребности в электроэнергии могут быть удовлетворены и при использовании мощностей потенциальной станции на берегу Персидского залива в Саудовской Аравии. Так, официальный представитель Катара,

³³ Saudi Arabia country profile // SIPRI, July 2004.

возглавляющий деловой район Дохи, в котором располагаются основные топливные компании, заявил, что уже сейчас у Катара имеется достаточное количество газа, чтобы обеспечивать электроэнергией свое не столь многочисленное население в течение нескольких поколений³⁴. Более того, большинство стран находятся в непосредственной близости к Ирану и Ираку, откуда исходит угроза терроризма. В целом террористическая угроза в данном регионе в отношении объектов инфраструктуры, тем более АЭС, представляет значительное препятствие на пути развития атомной энергетики. Дополнительными трудностями на пути атомной инициативы стран региона может стать слишком долгое время реализации данной программы, а также вопрос сотрудничества с другими странами.

Нераспространение: иногда сигара – это всего лишь сигара

Инициатива стран Персидского залива по использованию атомной энергии в мирных целях предоставила хорошую возможность журналистам и экспертам поупражняться в риторике относительно того, как долго осталось ждать до появления арабской ядерной бомбы. В прессе (в основном в западной) незамедлительно появились сообщения и комментарии о скрытых мотивах стран ССАГПЗ заполучить ядерное оружие, прикрываясь мирными целями использования атомной энергетики³⁵. По мнению представителей экспертных кругов региона Персидского залива, данный проект необходим этим странам, чтобы получить необходимые технологии и пойти вслед за Ираном, если тот создаст ядерное оружие³⁶. Ряд экспертов в России также разделяют подобные позиции³⁷.

³⁴ Цит. по: Gulf Arab countries could lead renaissance of nuclear power, head of Britain's nuclear energy agency says // Associated Press, February 26, 2007.

³⁵ См., например: *Salama S., Weber H.* The Emerging Arab Response to Iran's Unabated Nuclear Program // Monterey Institute for International Studies, January 22, 2006; *Cirincione J., Leventer U.* The Middle East's Nuclear Surge // New York Times, August 13, 2007.

³⁶ Сообщил Мустафа Алани, научный сотрудник *The Gulf Research Center*, в ходе телефонного интервью 13 августа 2007 г.

³⁷ Сообщил Е.Я. Сатановский, президент Института Ближнего Востока, в ходе беседы 2 июля 2007 г.

Однако необходимо отметить, что детального экспертного изучения данной проблематики так и не последовало. Наибольшие подозрения в этой области вызывает, конечно же, Саудовская Аравия. Слухи о ее военном атомном проекте и о тайном сотрудничестве с Пакистаном и вездесущим «отцом» пакистанской ядерной бомбы Абдул Кадыр Ханом ходят, начиная с 1990-х гг.³⁸ Новый всплеск интереса к этой тематике был спровоцирован статьей в газете «The Guardian» от 18 сентября 2003 г., где рассматривался секретный проект Саудовской Аравии по созданию атомной бомбы³⁹. С тех пор наиболее полным ориентиром в данной области является статья, опубликованная в журнале *Ядерный Контроль* в 2004 г., в которой представлен подробный анализ технологической базы, имеющейся у Саудовской Аравии для создания ОМУ⁴⁰.

Еще за десять лет до появления статьи в «The Guardian», в газете «The Sunday Times» от 24 июля 1994 г. были опубликованы материалы, предоставленные саудовским перебежчиком, бывшим постоянным представителем Саудовской Аравии в ООН. В данных документах содержались указания на то, что Саудовская Аравия частично финансировала ядерную программу Пакистана в обмен на предоставление ей атомного оружия в случае агрессии⁴¹.

Подозрения мирового сообщества усилились, когда в 1999 г. второй заместитель премьер-министра Саудовской Аравии принц-султан бин Абдул Азиз посетил вместе с бывшим премьер-министром Пакистана Навазом Шарифом пакистанский завод по обогащению урана, на котором у них состоялся разговор с Абдул Кадыр Ханом.

16 июля 2005 г. на фоне общего охлаждения отношений с США Саудовская Аравия подписала так называемый Протокол о малых количествах МАГАТЭ, что также рассматривалось экспертами как попытка руководства страны начать разработки ядерного оружия. Данный документ позволяет странам, в отношении которых не существует подозрений об их возможном участии в распространении, выйти из-под большинства детальных

³⁸ Dvali A. Will Saudi Arabia Acquire Nuclear Weapons? // Monterey Institute of International Studies, March 2004.

³⁹ MacAskill E., Traynor I. Saudis consider nuclear bomb // The Guardian, September 18, 2003.

⁴⁰ Макафей Ч., Фельдман Я. Двигается ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? // *Ядерный Контроль*. 2004. № 4 (74). С. 35–54.

⁴¹ Colvin M. How an Insider Lifted the Veil on Saudi Plot for an 'Islamic Bomb' // Sunday Times, July 24, 1994.

всеобъемлющих гарантий в обмен на предоставление информации о своей ядерной деятельности. Согласно протоколу стране разрешалось иметь до 10 т природного урана и до 1 кг плутония без оповещения. До Саудовской Аравии данный протокол был подписан 75 странами, однако именно после присоединения к нему Саудовской Аравии внутри МАГАТЭ начались консультации о необходимости изменения протокола, поскольку он представлял лазейку для потенциальных распространителей. При этом перед подписанием Протокола о малых количествах на МАГАТЭ оказывалось давление со стороны США, Европейского Союза и Австралии, с тем чтобы организация проводила полномасштабные проверки в Саудовской Аравии.

Обрывочные сведения о сотрудничестве с Пакистаном в этой области существовали и в отношении ОАЭ. Однако стоит заметить, что страны ССАГПЗ являются наиболее последовательными сторонниками превращения Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия. В риторике лидеров стран региона постоянно звучит осуждение той деятельности Ирана, которая не поставлена под гарантии МАГАТЭ, и неприсоединения Израиля к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Более того, в течение всего времени, пока идет обсуждение перспектив создания атомной энергетики в регионе, официальные представители стран неоднократно заявляли, что вся деятельность с самого начала будет поставлена под контроль МАГАТЭ.

Более того, до сих пор страны Персидского залива ни разу не продемонстрировали свое намерение заниматься обогащением урана или переработкой ОЯТ, а именно на этих чувствительных стадиях ядерного топливного цикла возможно переключение на военные цели.

Сотрудничество: новые горизонты

Вопрос сотрудничества в реализации ядерной программы стран Персидского залива занимает одно из ключевых мест, учитывая все сложности, о которых было упомянуто выше. В числе первых стран, которые выступили с поддержкой и предложением о содействии мирной атомной программе стран ССАГПЗ, был Иран. Учитывая формат реальной политики, на котором во многом основывается внешнеполитический курс Ирана на текущем

этапе, подобные инициативы выглядят более чем обоснованными. Более того, похоже, что Иран готов по мере возможностей достаточно настойчиво проводить свою линию в регионе. В июле 2007 г. министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки призвал страны Персидского залива создать ядерный консорциум совместно с его страной и не допускать того, чтобы внерегиональные государства помешали реализации этой цели⁴². Показателем того, насколько инициатива стран Персидского залива связана с деятельностью в ядерной области, осуществляемой в данный момент иранским руководством, стало приглашение президента Ирана Махмуда Ахмадинежада принять участие в качестве гостя на очередном саммите ССАГПЗ, проходившем 3–4 декабря 2007 г. в Катаре. Хотя в ходе обсуждений на высшем уровне вопросы атомной энергетики не стали приоритетными, факт того, что впервые в истории организации президент Ирана был приглашен в качестве гостя, имеет в этой плоскости большое функциональное и символическое значение.

Во-первых, помимо обсуждения инициатив Ирана о подписании пакта региональной безопасности и сотрудничества в экономических и энергетических проектах, включая создание зоны свободной торговли, страны ССАГПЗ предложили Ирану принять участие в проекте развития атомной отрасли в регионе.

Во-вторых, данные шаги можно интерпретировать как переход стран Персидского залива от стадии изучения возможности развития атомной энергетики к следующему этапу – поиску стран-партнеров для практической реализации поставленных задач.

В-третьих, просматривается попытка государств ССАГПЗ найти подходящие ниточки, с помощью которых можно было бы связать собственную программу атомной энергетики с той, которую сейчас развивает Иран.

С твердым обещанием содействовать в создании мирной атомной энергетики в странах Персидского залива выступили и США. Заместитель госсекретаря США Николас Бернс, выступая в январе 2007 г. в Исследовательском центре Персидского залива в Дубае, заявил, что администрация Джорджа Буша-младшего будет охотно поддерживать процессы по развитию мирной атомной энергетики в этих странах в качестве инструмента в борьбе

⁴² Nuclear Consortium Will Benefit Persian Gulf Countries // Mottaki, July 2, 2007.

с глобальным потеплением⁴³. Однако похоже, что интересы США в данном случае лежат не в коммерческой плоскости, а в вопросах региональной безопасности и установления равновесия сил в регионе. Непосредственное участие Соединенных Штатов в строительстве АЭС видится маловероятным, учитывая также, что американские компании уже достаточно длительное время не получали заказов на строительство реакторов за рубежом. Однако вполне очевидна заинтересованность США в том, чтобы воспрепятствовать проникновению в данный регион России в пользу европейских компаний.

По мнению Мустафы Алани из Исследовательского центра Персидского залива, на определенном этапе страны Персидского залива могут начать сотрудничество с такими обладающими значительным опытом в этой области государствами, как Индия и Пакистан⁴⁴.

В целом вопрос сотрудничества и конкуренции по развитию атомной энергетики в регионе представляет собой достаточно запутанную головоломку.

Наиболее крупные возможности для непосредственного сотрудничества открываются перед Японией, Германией и Францией (особенно для последней как традиционного любителя поддерживать первые шаги стран Ближнего Востока в ядерной области). Франция была в числе первых, кто отреагировал на инициативу стран Персидского залива. Практически сразу же после саммита ССАГПЗ представитель Министерства иностранных дел Франции заявил, что его страна готова сотрудничать в реализации проектов по использованию атомной энергетики в регионе Персидского залива. А уже в июле 2007 г., через два месяца после избрания на пост президента Франции, Николя Саркози провел встречу с президентом ОАЭ, на которой обсуждались вопросы сотрудничества в области использования ядерной энергии в мирных целях и была достигнута договоренность об образовании специальных комитетов по изучению данной проблемы. Лидеры двух стран договорились ввести в практическую область сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях, зафиксированное в двустороннем договоре от 1980 г.

⁴³ Persian Gulf states to move ahead with nuclear energy plans // International Herald Tribune, February 11, 2007.

⁴⁴ Сообщил Мустафа Алани, научный сотрудник *The Gulf Research Center*, в ходе телефонного интервью 13 августа 2007 г.

Николя Саркози пообещал содействовать ОАЭ в формирование атомной отрасли в стране⁴⁵. В это же самое время, давая свое согласие на содействие Ливии в строительстве атомного реактора для опреснения морской воды, Николя Саркози заявил, что если и дальше рассматривать арабский мир как слишком чувствительный для развития атомной отрасли, то в долгосрочном плане это может привести к войне цивилизаций⁴⁶.

Последние же события, которые происходили в отношениях между Францией и странами Персидского залива, похоже, достаточно наглядно демонстрируют, что элиты в Эр-Рияде, Абу-Даби и Дохе готовы к тесному сотрудничеству с Францией в области атомной энергетики. В сущности, январское турне Николя Саркози по странам Персидского залива в 2008 г., в ходе которого он посетил Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ, показывает, что полгода, прошедшие с момента первоначальных договоренностей президента Франции с ОАЭ о сотрудничестве в сфере атомной энергетики, были наполнены реальной практической деятельностью. Ее результатом стало соответствующее соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергетики в мирных целях, подписанное между Францией и ОАЭ 15 января 2008 г. и устанавливающее юридические и технические рамки для дальнейшего взаимодействия.

Планируется, что таким образом будет реализован план сотрудничества между тремя крупнейшими французскими компаниями в области энергетики: «Total», давно проявлявшей интерес к расширению горизонтов своего бизнеса, в том числе и в атомной отрасли, «Areva» и «Suez»⁴⁷. Предполагается, что три компании представят руководству ОАЭ совместный проект по строительству двух реакторов по 1600 МВт, при том, что «Total», как ожидается, будет оказывать экспертную поддержку в области реализации крупных проектов, «Areva» займется непосредственным строительством реакторов, а «Suez» – эксплуатацией будущих АЭС⁴⁸.

⁴⁵ Khalifa and Sarkozy Hold Talks on Nuclear Cooperation // Gulf News, July 20, 2007.

⁴⁶ Sarkozy: Trust Arab States With Nuclear Technology // CNN, July 26, 2007.

⁴⁷ France set to announce UAE nuclear deal // International Herald Tribune, January 14, 2008.

⁴⁸ Ibid.

Днем ранее во время визита президента Франции в Катар, помимо всех прочих договоров и соглашений, между французской компанией «Electricité de France» и Катаром был также подписан меморандум о взаимопонимании в области атомной энергетики, предполагающий начало переговорного процесса о производстве электроэнергии в стране на АЭС и с помощью возобновляемых источников⁴⁹. Необходимо, однако, уточнить, что на данном этапе речь идет не о конкретных инвестициях, а лишь о предварительном изучении жизнеспособности потенциальных проектов.

Учитывая весьма быстрые темпы продвижения по пути сотрудничества между Францией и странами Персидского залива (необходимая документация была подготовлена фактически за полгода), можно предположить, что при прочих равных условиях потенциальные проекты могут уже в скором времени вступить в фазу практической реализации. В значительной степени перспективным видится и участие Японии, учитывая технологический потенциал этой страны в данной области, в том числе в строительстве реакторов с опреснительной установкой, что представляет наибольший интерес для государств региона. Более того, необходимо учитывать, что ни Япония, ни Франция с Германией в отличие от Соединенных Штатов не имеют такой проблемы в регионе, как Ирак.

Глядя на расстановку конкурентов, проникновение России на рынок региона представляется достаточно сложным. В связи с этим привлекает к себе внимание визит президента России В.В. Путина, состоявшийся в феврале 2007 г., в ходе которого он посетил Саудовскую Аравию, Катар и Иорданию. Вопрос сотрудничества в области атомной энергетики не был широко озвучен ни в официальных высказываниях, ни в российской прессе. Вместе с тем, в обзорах западных и арабских журналистов эта тема была удостоена отдельного внимания. Под тем же ракурсом во многом рассматривался и визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ОАЭ, состоявшийся несколькими днями позже ближневосточного турне В.В. Путина⁵⁰. В одном из своих интервью министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал заявил, что страны ССАГПЗ хотели бы разви-

⁴⁹ Sarkozy au Qatar: contrat sur l'électricité, accord sur le nucléaire // AFP, January 14, 2008.

⁵⁰ Gulf states have right to adopt nuclear technology // Gulf News, February 16, 2007.

вать мирную атомную энергетику при поддержке России⁵¹. По словам министра, впервые предложение о сотрудничестве было высказано президентом России в ходе его визита в Саудовскую Аравию, и оно было тут же передано всем остальным странам – членам ССАГПЗ⁵².

Большой интерес с этой точки зрения приобретает прошедший в середине февраля 2008 г. визит Сауд аль-Фейсала в Москву. За несколько часов пребывания в Москве глава МИД Саудовской Аравии, по информации российских СМИ, предложил ряд проектов сотрудничества в экономической, энергетической и военно-технической областях за отказ Москвы от масштабных контрактов с Ираном⁵³. Конкретные цифры по планируемым закупкам Саудовской Аравии, по сообщениям СМИ, были представлены только в военно-технической сфере⁵⁴. Тем не менее, принимая во внимание, что российско-иранское сотрудничество в области мирной атомной энергетики имеет не меньшее значение, чем закупки Ираном российских вооружений, очевидно, что Сауд аль-Фейсал не мог обойти стороной и вопрос о потенциальном сотрудничестве между Россией и Саудовской Аравией в этой области.

Однако, учитывая, что речь идет о продаже контрактов на строительство, вполне очевидно, что страны ССАГПЗ будут разыгрывать российскую карту с тем, чтобы заручиться поддержкой других игроков. В данном случае большое значение имеет вопрос о том, через какие именно страны и через какую элиту осуществлять проникновение. Скорее всего, наибольшими шансами на участие Россия обладает только в рамках консорциумов.

Потенциально же можно выделить ряд направлений, по которым сотрудничество стран Персидского залива с Россией имеет шанс практической реализации:

- Подготовка кадров и помощь в освоении ядерных технологий на базе участия в совместных программах, проведения специальных курсов, либо поставки в регион исследовательского реактора малой мощности.

⁵¹ Riyadh brokers nuclear cooperation between Russia // Gulf States, February 14, 2007.

⁵² Ibid.

⁵³ Саудовская Аравия хочет занять место Ирана // ИД *Коммерсантъ*, 15 февраля 2008 г.

⁵⁴ Там же.

- Строительство энергоблоков на территории одной из стран в рамках консорциума⁵⁵. В связи с этим стоит заметить, что страны ССАГПЗ нацелены на строительство АЭС с опреснительной установкой, а в этой области у России имеются конкретные конкурентные преимущества, включая строительство плавучих АЭС⁵⁶.
- Содействие в эксплуатации станции, как на техническом уровне, так и путем поставок низкообогащенного урана. С этой точки зрения перспективным направлением является сотрудничество по линии Международного центра по обогащению урана (МЦОУ) в Ангарске, что снизит политические риски, связанные с появлением обогатительных технологий в странах региона⁵⁷.
- Обеспечение безопасности энергетических реакторов, что представляет собой важный аспект применительно к данному региону и к репутации атомной энергетики в целом.
- Помощь в хранении ОЯТ (данное направление может быть реализовано путем первоначальной поставки низкообогащенного урана и последующего возврата ОЯТ).

Слишком много условий

Решительный настрой государств Персидского залива развивать у себя атомную отрасль очевиден. Выбор же в пользу атомной энергетики диктуется растущими потребностями всех стран региона в электроэнергии и перспективами исчерпания углеводородного сырья в долгосрочном плане. Плюс к этому – острая необходимость в питьевой воде и развитии сельского хозяйства. Планы по диверсификации источников экономического роста и использованию нефти для собственного нефтехимического производства требуют наличия альтернативного источника энергии. Совершенно отдельным мотивационным пластом являются

⁵⁵ См. подробнее: Хлопков А.В. Что принесет России ядерный пакт с США? // *Индекс Безопасности*, 2007. № 2 (85). С. 113–132.

⁵⁶ См. подробнее: Велихов Е.П., Гагаринский А.Ю., Субботин С.А., Цибульский В.Ф. Россия в мировой энергетике XXI века. М.: ИздАТ, 2006. С. 108–110.

⁵⁷ См. подробнее: Хлопков А.В. Ангарский проект: обогащение vs. Распространение // *Ядерный Контроль*, 2008. №2 (85). С. 43–63.

технологическая конкуренция с Ираном и создание потенциала для того, чтобы в перспективе избежать возможной зависимости от своего соседа в энергетической области.

Вместе с тем развитие ядерного проекта в рамках всей организации ССАГПЗ будет идти лишь на начальном этапе изучения экономической обоснованности и потенциальных возможностей строительства АЭС в регионе. На стадии практической реализации будут участвовать отдельные государства, такие как Саудовская Аравия и при определенных условиях ОАЭ. Государствам региона еще предстоит значительная работа по подготовке всей необходимой инфраструктуры, включая формирование внутреннего законодательства, образование компетентных государственных органов и научно-исследовательских центров, подписание всех международно-правовых документов в области атомной энергетики и нераспространения, а также двусторонних рамочных соглашений о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях.

Глава 11

ПРИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СЕЙЧАС КОНКУРЕНЦИИ НЕВОЗМОЖНО БЫТЬ ВТОРЫМ (2008)¹

Сергей Кириенко
в беседе с Владимиром Орловым²

Владимир Орлов: Атомный комплекс СССР, который остался на территории России, в 1990-е гг. был в довольно тяжелом состоянии – потерял монолитность, остановился в развитии – сказывался «синдром Чернобыля», да и общее развитие мировой энергетики, казалось, отвернулось от ядерной составляющей. Вам пришлось заново собирать воедино составляющие отрасли, которая находится в самой гуще реформирования. Как продвигается этот процесс? В общем, *quo vadis?*

Сергей Кириенко: Одним из базовых условий создания эффективной атомной промышленности является проведение необходимых структурных преобразований для выстраивания единой системы управления. Госкорпорация «Росатом» в соответствии с принятым законом – одновременно и хозяйствующий субъект, и орган государственного управления. Это принципиально важное отличие, исторически возникшее при формировании атомного проекта Советского Союза и доказавшее свою эффективность.

Такая структура, созданная благодаря мощнейшей поддержке президента РФ, позволяет нам сконцентрировать все ресурсы и необходимые силы, получив предельно возможный запас по времени. Если бы мы не сделали эти преобразования сейчас, думаю,

¹ Впервые опубликовано: «При существующей сейчас конкуренции невозможно быть вторым». Интервью Владимира Орлова с Сергеем Кириенко // *Индекс Безопасности*. 2008. № 2 (85). С. 11–14. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№2-85-Том-14.pdf>

² Сергей Владиленович Кириенко (род. 26 июля 1962 г.) – генеральный директор Госкорпорации «Росатом». Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*.

через пять-десять лет заниматься ими было бы бессмысленно. Мы пропустили бы окно ренессанса мировой атомной энергетики и, самое главное, самое тяжелое, потеряли бы возможность передать знания от поколения к поколению внутри атомной отрасли. Мы и так на пределе возможного, потому что по целому ряду направлений, куда не вкладывались деньги, где не было серьезного заказа, мы на грани потери компетенции. У нас есть пять-семь лет для того, чтобы произвести передачу знаний и опыта вновь приходящему в атомную отрасль поколению. Упусти мы это время, и российские атомные школы были бы утеряны по целому ряду технологий.

Владимир Орлов: Не станет ли господдержка еще одним видом искусственной поддержки, что приведет к появлению еще одного неконкурентоспособного предприятия?

Сергей Кириенко: Принято принципиальное решение о либерализации с 1 января 2011 г. рынка тепла и электроэнергии. Понятно, что стартовые блоки строятся в основном за счет бюджетных денег, но дальше отрасль должна зарабатывать столько, чтобы быть в состоянии самостоятельно финансировать свое развитие – новое строительство. При рыночных ценах на газ и электроэнергию у нас появляется такая возможность.

Пока стоимость российского газа за рубежом составляет 260 долларов, а внутри страны – 45 долларов, атомная энергетика не может конкурировать с газовыми станциями. При выходе цены газа на равнодоходность мы сможем спокойно конкурировать с газовыми, угольными, а тем более мазутными электростанциями. При формировании цены на электроэнергию рыночными условиями зарабатываемых атомными электростанциями денег становится достаточно, чтобы продолжать финансирование масштабного строительства энергоблоков. И с этой точки зрения, те огромные средства, которые дает нам сегодня государство, – это не помощь слабому, а временная поддержка в силу отсутствия равных условий в энергетике. Государство как бы говорит: я не могу сейчас дать атомной отрасли равные условия, вы еще некоторое время вынуждены будете находиться в дискриминационных условиях по отношению к традиционным типам энергетике. Поэтому на период этой временной дискриминации государство выделяет целевые деньги на то, чтобы отрасль могла стартовать.

Владимир Орлов: Не только Россия ведет курс на возрождение атомной энергетики, которое теперь принято называть ядерным ренессансом. Большинство стран с развитой атомной отраслью постоянно выдвигают новые предложения, активизируют свою политику по всем направлениям на рынке услуг – строительства реакторов, поставок топлива и т.д. Как российская сторона выступает на мировом рынке ядерных услуг, в чем ее конкурентные преимущества перед другими игроками? Где Вы видите точки партнерства и конкуренции с другими участниками рынка?

Сергей Кириенко: Сегодня перед нами открыто уникальное окно возможного. Глобальный ренессанс атомной энергетики в мире, уникальное наследие, которое осталось от Минсредмаша³, уникальный потенциал коллективов и масштабная поддержка со стороны государства – это сочетание открывает реальную перспективу создания крупнейшей компании, лидера в развитии атомной энергетики не в российском масштабе, а в мировом.

Выходя на мировой конкурентный рынок, мы должны понимать логику взаимодействий и интеграций, потому что глобальный рынок – это не только конкуренция, это еще и выстраивание наиболее выгодной и наиболее целесообразной системы партнерств. Ренессанс мировой атомной энергетики имеет одну особенность – он наступил гораздо быстрее, чем ожидалось, и оказался масштабнее, чем об этом мечтали в самых смелых проектах.

Недавно Канадская национальная атомная корпорация сделала расчет, какое количество атомных энергоблоков необходимо ввести в строй взамен тепловых станций, чтобы в XXI веке повышение средней температуры на планете не превысило двух градусов. Оказалось, что минимальное количество составляет 4000 энергоблоков мощностью 1000 МВт. Это означает, что в год в мире должно строиться более четырех десятков тысячников. Наши планы по сравнению с этой цифрой уже не кажутся такими огромными и фантастическими, более того, становятся понятным, что они весьма скромные и абсолютно не соответствуют масштабам заказа и потенциального спроса, который будет предъявлен к атомной энергетике в мире.

³ Министерство среднего машиностроения – центральное (общесоюзное) государственное учреждение СССР, осуществлявшее руководство атомной отраслью. Образовано 26 июня 1953 г. – *Прим. ред.*

Сегодня среди ключевых мировых атомных компаний и стран нет никого, кто полностью оказался бы готов к такому масштабному ренессансу атомной энергетики. В связи с этим есть возможность выбора двух стратегий. Первая – самому достроить то, чего ты не умеешь делать. Но на это уйдет время, а ренессанс предъявляет требования прямо сейчас. Поэтому почти все участники мирового рынка атомных товаров и услуг выбрали второй вариант – пошли по пути достраивания недостающих компетенций за счет соответствующей интеграции. Крупные альянсы, несмотря на все трудности интеграции, начинают обрастать мелкими сателлитами, так как понимают, что им не хватает собственной компетенции. Очевидно, что по этому же пути пойдет и «Росатом». В ближайшие годы российским атомщикам придется принять очень точное стратегическое решение: какие свои слабые стороны надо компенсировать за счет соответствующих альянсов, интеграции. А для этого нам нужен очень четкий, честный, открытый анализ собственных возможностей. И ни в коем случае не «шапкозакидательский» – дескать, мы во всем лучше всех, – на уровне патриотизма это правильно, а вот на уровне реальной действительности это не всегда так.

При этом мы должны в первую очередь научиться работать с партнерами внутри страны, обязаны в гораздо большей степени открыться для интеграции с российскими мировыми лидерами в соответствующих отраслях. Одной из специфик развития атомной отрасли была определенная закрытость, и в период реализации военного проекта это была единственная возможность выполнения задачи. На сегодняшний день нам не надо кидаться в другую крайность и полностью раскрываться, потому что экономическая конкуренция во многом не менее жесткая, чем гонка вооружений, и мы обязаны думать о защите своих интересов. Но, с другой стороны, без привлечения в партнерство с атомной отраслью лучших мировых компаний и мировых лидеров по каждому из направлений деятельности мы конкурентоспособности не обеспечим. Методом натурального производства, когда все делается внутри себя, мы конкурентоспособности не обеспечим в принципе.

Немаловажную роль играет тот факт, что был точно сформулирован формат развития атомной отрасли внутри страны. И это наше главное преимущество на сегодняшний день, поскольку, в отличие от основных конкурентов, у нас полностью

определен гарантированный заказ с гарантированными источниками финансирования: до 2020 г. будут построены 26 энергоблоков на уже определенных площадках⁴. Ни один из мировых конкурентов не обладает сегодня подобным масштабным заказом.

В соответствии с генеральной схемой размещения генерирующих мощностей в РФ мы строим сначала два, а затем три энергоблока в год, имея намерения в перспективе строить и четыре блока в год. Переход от двух блоков к четырем не настолько масштабный, как тот, который нам предстоит сделать сейчас, переходя от пуска одного блока в пять лет к двум блокам в год. Если мы этот качественный порог преодолеем, то сможем вводить в строй столько мощностей, сколько нужно.

В отличие от всех основных компаний, которые еще должны найти себе заказы, нам государство гарантировало внутренний заказ, способный обеспечить необходимое продвижение вперед, создав необходимые стартовые условия, с помощью которых мы можем выходить на глобальную мировую конкуренцию. К таким условиям в первую очередь относятся федеральные целевые программы строительства атомных станций, ядерно-радиационной безопасности и создания энерготехнологий нового реакторного поколения.

При существующей сейчас конкуренции практически невозможно быть вторым. Либо ты первый, либо тебя нет на рынке. Поэтому в каждом из направлений, за которые беремся, мы должны ставить себе цель – быть лучшими.

Владимир Орлов: И последний, но не по значимости, вопрос. Помимо привлечения внешних ресурсов, проводится ли какой-то комплекс мер по повышению эффективности использования уже имеющихся ресурсов? Как этот процесс, возможно, влияет на развитие предприятия в целом и на его работников в частности?

⁴ По состоянию на начало 2024 г. на территории России эксплуатируются 11 АЭС и 36 энергоблоков суммарной установленной мощностью более 28,5 ГВт. Доля АЭС в энергобалансе страны составляет около 20 процентов. В настоящее время ведутся работы по проектированию и сооружению восьми новых энергоблоков на Курской АЭС-2, Ленинградской АЭС и Смоленской АЭС-2. Портфель зарубежных заказов Госкорпорации «Росатом» включает 33 энергоблока на восьми АЭС в семи странах: АЭС «Аккую» в Турции, Белорусская АЭС, АЭС «Эль-Дабба» в Египте, АЭС «Куданкулам» в Индии, АЭС «Пакш-II» в Венгрии, АЭС «Рупшур» в Бангладеш, а также Тяньваньская АЭС и АЭС «Сюйдапу» в Китае. – *Прим. ред.*

Сергей Кириенко: Необходимость управления ценой объектов – крайне серьезная вещь, к которой мы не привыкли, но в новых рыночных условиях это становится принципиально важным вопросом. Например, до недавнего времени можно было позволить себе не задавать вопрос: «Какова у нас реальная себестоимость фабрикации ядерного топлива и насколько она эффективна по сравнению с нашими конкурентами?». А сегодняшний день показывает, что не задавать его дальше невозможно. Если мы начинаем сравнивать заводы топливной компании «ТВЭЛ» с аналогичными по мощности заводами конкурентов, то выясняется, что у них площади предприятий в 100 раз меньше, а численность – в десять раз меньше. Отсюда альтернатива: или наши работники будут всегда получать зарплату в десять раз меньшую, или мы должны будем делать серьезную реструктуризацию. А если они у нас будут получать в десять раз меньше, то завтра атомная отрасль лишится лучших специалистов. Это вопрос не политических позиций, это вопрос нормальной конкурентоспособности. В других отраслях РФ – банковском, нефтяном секторах – заработная плата очень быстро приближается к мировому уровню, а кое-где уже превосходит его. Значит, у молодого специалиста будет возможность выбора, и если мы не дадим ему зарабатывать на уровне мировых стандартов, то не соберем лучших специалистов.

Глава 12

ПОДО МНОЙ – КАВКАЗ, СО МНОЙ – ЯДЕРНЫЙ БОЕПРИПАС (2012)¹

Василий Лаврищев²

Ядерная безопасность – это не миф, а реальность и жизненная необходимость для страны, обладающей ядерным оружием и ядерными установками. Именно пренебрежение к вопросам ядерной безопасности и их недопонимание привели к катастрофам на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС), в Челябинской области, на Фукусиме-1, к потере боеголовок в Гренландии и заражению значительной части территории.

В декабре 1988 г. после разрушительного землетрясения на Кавказе в зону стихийного бедствия для оценки состояния войск и техники, в первую очередь ядерного оружия, прибыл министр обороны Д.Т. Язов, с ним находился начальник 12-го Главного управления Министерства обороны (12 ГУ МО) В.И. Герасимов. Оценив состояние войсковой части, дислоцированной в Армении и эксплуатирующей ядерные боеприпасы, было принято решение об экспресс-анализе состояния боеприпасов и вывозе их в одну из войсковых частей Центральной России. Я был назначен руководителем работ по оценке состояния боеприпасов и вывозу их автомобильным транспортом. Соединение, дислоцировавшееся в районе Нальчика, сформировало, экипировало и подготовило к маршу автоколонну. В состав автоколонны входило более сотни автомобилей и 400 специалистов разного профиля. До пункта назначения предстояло пройти более 2000 км.

¹ Впервые опубликовано: *Лаврищев В.С. Подо мной – Кавказ, со мной – ядерный боеприпас. // Индекс Безопасности. 2012. № 1 (100). С. 183–190. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/ИБ-№-1-100-Том-18.pdf>*

² Василий Стефанович Лаврищев (род. 2 ноября 1935 г.) – начальник отдела по оснащению объектов 12-го Главного управления Министерства обороны РФ техническими средствами охраны по международным программам АНО «Аспект-Конверсия».

Сквозь Карабах

В маршруте автоколонна растягивалась на 15–20 км. Большой Кавказский перевал был закрыт, и маршрут проходил через город Баку по Азербайджану, в том числе и через воюющий Нагорный Карабах. У властей Азербайджана наша колонна вызвала настороженность, и при подъезде к Баку нас стали сопровождать от пяти до десяти автомобилей ГАИ, которые активно вмешивались в наше движение. Это осложняло наши действия, особенно установку связи с Москвой и расположение на ночные привалы. Но они во многом и помогли нам, особенно при движении через Нагорный Карабах.

Наиболее сложным этапом было прохождение горных дорог Армении. Мы заблаговременно изучали маршрут и были ориентированы на преодоление непростых участков, но не могли даже представить сложности, с которыми пришлось столкнуться. С одной стороны – отвесная скала, с другой – такая же отвесная пропасть, и через каждые пять-десять метров – повороты. Перед преодолением этого участка был сделан привал и проведен целевой инструктаж, в первую очередь водителей – в основном это были солдаты срочной службы – о предстоящей сложной дорожной обстановке и о порядке преодоления опасного участка. Огромная колонна начала втягиваться в бесконечный серпантин, по которому навстречу на большой скорости неслись автомобили местных водителей, привыкших к этим дорогам. В начале спуска не всем водителям удавалось вписаться в поворот за один прием, они вынуждены были останавливаться, а находящиеся в кабинах офицеры инженерно-технической службы ставили под колеса тормозные колодки, водители сдавали назад и только потом вписывались в поворот.

По прибытии в войсковую часть специалисты провели экспресс-анализ состояния ядерных боеприпасов. Они проверили размещение контейнеров на установленных местах в специальных сооружениях, наличие повреждений на контейнерах и их характер, целостность крепления – все это для определения возможности транспортировки боеприпасов. Затем боеприпасы были погружены в автомобили, сформирована колонна, проведены необходимые тренировки и инструктажи.

Когда автоколонна везла ядерные боеприпасы, сложность и опасность задачи многократно возрастала. Вместе с тем на этом

этапе безопасность автоколонны обеспечивалась целым рядом дополнительных мер. Для охраны использовались бронетехника и вертолеты, примыкающие дороги перекрывались.

Боеприпасы в установленное время были доставлены в места хранения, определенные приказом начальника 12 ГУ МО. На заключительном этапе выполнения работ руководство осуществлял начальник штаба Главного управления генерал-лейтенант В.И. Коротков. Масштабная работа по перемещению значительного количества боеприпасов в сложных условиях подтвердила наличие и готовность специалистов выполнять работы по доставке ядерных боеприпасов, достаточность и пригодность разработанных и находящихся на снабжении технических средств (защищенные контейнеры, автомобили, средства крепления и перемещения и т.д.), а также всех видов боевого и тылового обеспечения. В последующем боеприпасы, подвергнувшиеся воздействию землетрясения, были детально продефектированы, были определены их полная исправность и пригодность для использования по назначению.

Этот эпизод демонстрирует, в какой степени важно соблюдать меры безопасности ядерных боеприпасов на одном из наиболее сложных этапов – при транспортировке. Перевозки ядерных боеприпасов, с точки зрения безопасности, по вполне понятным причинам являются одним из наиболее опасных этапов эксплуатации.

Отбор и подготовка специалистов

В центре любой системы безопасности стоит специалист. Отбор и подготовка специалистов для системы войсковой эксплуатации ядерных боеприпасов, в том числе руководителей различных структур и органов, были особо тщательными.

На начальном этапе поиск и привлечение к работе с ядерными боеприпасами в войсках осуществлялся из числа личного состава видов вооруженных сил и выпускников военных учебных заведений. Многие специалисты пришли из военной авиации – это были высококвалифицированные и ответственные военнослужащие с хорошей инженерной подготовкой. Условия проведения работ с ядерными боеприпасами требовали от специалистов максимального напряжения как физических, так и психических, душевных сил,

абсолютной честности и правдивости. Соккрытие хоть мельчайших недостатков могло привести к непоправимым последствиям. Кроме того, существовало множество ограничений, в том числе и для членов семей. Но, несмотря на это, я не припомню случаев неисполнения установленных правил, какого-либо недовольства ограничениями, сомнений в их обоснованности. Коллективы отделов инженерно-технических служб, которые занимались содержанием ядерных боеприпасов, отличались сплоченностью, добрыми взаимоотношениями, нацеленностью на качественное выполнение работ. Тщательно подобранные, исключительно преданные важнейшему для государства делу специалисты обеспечили успех освоения ядерных боеприпасов в войсках.

Первоначальная подготовка проводилась в учебных центрах при конструкторских организациях. Я сам до подготовки на таких курсах оканчивал авиационное техническое училище, потом два высших учебных заведения, но ни в одном из них не было такого уровня подготовки. От слушателя требовалось одно – научиться работать с боеприпасом так, чтобы не только не допустить какую-либо ошибку, но даже предпосылку к ней. От учеников добивались знания каждого элемента, каждой детали, отдельного коммутационного устройства, его предназначения, особенностей функционирования. На практических занятиях внедрялся принцип работы строго по документации в неперменной последовательности: один читает, другой делает, третий контролирует. Перед началом работ проводились подробнейшие инструктажи. После их окончания – детальный разбор с оценкой действий каждого специалиста по заранее отработанным критериям. В сознание будущего специалиста в ходе теоретических занятий и при практических тренировках внедрялась мысль о тех непоправимых последствиях, к которым может привести даже незначительная ошибка.

Преподаватели отличались высочайшим методическим мастерством, умением рассмотреть в каждом ученике особенности, предрасположение работать по той или иной специализации. Занятия по конструкции основных узлов боеприпасов, а также практические занятия проводили ведущие специалисты конструкторских организаций – разработчики боеприпасов. В последующем несколько учебных центров было создано в 12 ГУ МО и вооруженных силах.

Кроме первоначальной подготовки в учебных центрах была создана и эффективно функционировала система подготовки

и переподготовки непосредственно в местах эксплуатации. Она включала следующее:

- Освоение новых образцов ядерных боеприпасов, поступающих на эксплуатацию. Обучение проводилось в учебных центрах или непосредственно в войсковых частях с привлечением преподавателей учебных центров.
- Периодическая переподготовка со сдачей экзаменов не реже одного раза в полгода.
- Теоретические и практические занятия в подготовительный период перед каждым регламентным и другими видами работ с ядерными боеприпасами.
- Целевые занятия и тренировки по решению соответствующих руководителей.

Установленная система подготовки с непременным достижением заданного уровня знаний стала обязательной, превратилась в традицию во всех частях Министерства обороны, что обеспечило содержание ядерных боеприпасов без предпосылок к аварийным ситуациям.

Техническая составляющая: проверки и только проверки!

Основные меры безопасности технического характера определялись в технических заданиях на разработку боеприпасов. Формирование состава этих мер осуществлялось научно-исследовательскими организациями промышленности и Министерства обороны, заказывающими управлениями, в первую очередь 12 ГУ МО. Существенное внимание при определении мер безопасности уделялось информации, поступающей из войсковых частей, эксплуатирующих конкретные образцы. Эта информация собиралась, анализировалась, обобщалась и доводилась до соответствующих организаций для реализации. Исключительно ценные данные по боеприпасам в целом давали специально создаваемые постоянно действующие и разовые комиссии: по авторскому надзору, по оборудованию и средствам эксплуатации, по анализу отказов, по проведению испытаний, в том числе и эксплуатационных. Действенным был и контроль состояния боеприпасов, проводимый разработчиками, как правило, под руководством главных конструкторов или их заместителей.

После известных событий на Чернобыльской АЭС комиссиями 12 ГУ МО и Минсредмаша была проведена целевая проверка практически всех воинских частей, на эксплуатации которых находились ядерные боеприпасы. На заключительном этапе проверок собственную оценку безопасности решил дать патриарх атомного проекта академик Ю.Б. Харитон, в 1986 г. научный руководитель ВНИИЭФ. Им было принято решение проверить состояние эксплуатации ядерных боеприпасов на одном из объектов 12 ГУ МО и одной из авиационных частей, дислоцированных в Белоруссии. Представлять эти части для проверки было поручено мне и начальнику отдела управления Военно-воздушных сил (ВВС) полковнику В.П. Крючкову. В проверке вместе с Ю.Б. Харитоном принимал участие А.А. Бриш, главный конструктор ВНИИ автоматики имени Н.Л. Духова. Размещались мы в персональном вагоне Ю.Б. Харитона, который курсировал в составе скорого поезда.

Я не одно десятилетие служил в структурах войсковых частей 12 ГУ МО, эксплуатирующих ядерные боеприпасы, возглавлял органы, осуществляющие контроль по организации и качеству работ с боеприпасами, в том числе и за соблюдением мер безопасности, считал себя специалистом по контролю, хорошо знал, что и как должно проверяться согласно требованиям нормативных документов. Но даже меня удивила скрупулезность, методическая правильность и последовательность, доскональные знания требований по безопасности документов, в том числе и разработанных Министерством обороны, которые проявил Ю.Б. Харитон при работе в воинских частях.

Были проверены условия хранения (организация вскрытия хранилища, учет, размещение, крепление, температурные условия, соблюдение сроков регламентных работ, порядок выдачи и другое); организация регламентных работ (подготовка расчетов, состояние и укомплектованность рабочих мест, методика выполнения операций, ведение протоколов проверки); охрана и оборона хранилищ; наличие и состояние транспортных средств; готовность частей к работам в нестандартных ситуациях и другие составляющие безопасности. Все это было сделано не формально, а с разъяснением физической сущности последствий, к которым могут привести нарушения мер безопасности.

Организационная составляющая

Все работы по созданию, функционированию и контролю системы безопасности проводились комплексно. Комплекс начинался с поиска на этапе научно-исследовательских проработок и эскизного проектирования технических решений, способных обеспечить безопасность боеприпаса на всех этапах его эксплуатации (транспортировка, хранение, проведение погрузочно-разгрузочных работ, техническое обслуживание, перевод в высшие степени готовности). Эти технические решения на следующем этапе – этапе основного проектирования и серийного изготовления – реализуются в конструктивные устройства, обеспечивающие недопущение несанкционированного воздействия на боеприпас. Кроме технических мер безопасности, заложенных в конструкцию ядерных боеприпасов, и средств эксплуатации, была разработана и постоянно совершенствовалась система организационных мероприятий.

Исключительно важным фактором является объективная и всеобъемлющая оценка достаточности и эффективности всего комплекса мер, принятых конструкторами и Министерством обороны для безопасной эксплуатации конкретного образца ядерного боеприпаса. Провести такую оценку весьма и весьма не просто. Министерству обороны удалось найти способ решить эту задачу путем создания специализированной организации – Эксплуатационно-технологического бюро (ЭТБ).

ЭТБ – это специальная войсковая часть 12 ГУ МО РФ, которая была создана в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Правительства СССР 22 февраля 1959 г. По замыслу руководства, ЭТБ призвано было стоять на стыке науки, промышленности и войсковой эксплуатации, выполнять роль не просто передаточного звена, а быть методологическим и методическим центром обеспечения качественно другого уровня эксплуатационных характеристик ядерных боеприпасов, в том числе их безопасности.

Основными задачами ЭТБ из них были сбор, изучение, анализ и обобщение опыта эксплуатации ядерных боеприпасов на центральных и войсковых базах хранения, технических и стартовых позициях. Определялись достоинства и недостатки ядерных боеприпасов, средств эксплуатации, нормативных и эксплуатационных документов. На этой основе вырабатывались конкретные предложения и рекомендации по устранению выявленных

недостатков, совершенствованию эксплуатационных характеристик. Предложения и рекомендации представлялись в 12 ГУ МО и после их рассмотрения направлялись в научные, конструкторские и серийные предприятия для реализации. Реализация контролировалась военными представительствами и оценивалась впоследствии на различных испытаниях.

Несколько слов о военных представительствах. Военные представительства (ВП) Министерства обороны были созданы в мае 1951 г. Входя в штаты заказывающих органов Министерства обороны, они функционировали при научно-исследовательских и конструкторских организациях Минсредмаша, серийных предприятиях. Контролю ВП подлежали работы по проектированию, изготовлению опытных образцов, серийная продукция, в том числе материалы и комплектующие для этой продукции. В военных представительствах сосредотачивалась огромная информационная база. Отлично зная производство, технологию, имея хорошо установленное взаимодействие со всеми участниками работ, располагая реальными рычагами воздействия, в том числе и экономическими, ВП обеспечивали реализацию планов по устранению недостатков, совершенствованию эксплуатационно-технических характеристик ядерных боеприпасов.

По всей вероятности роль ВП в настоящее время еще более возрастает в первую очередь из-за усложнения конструкции военной техники и технологии ее производства. Увеличилось количество поставщиков материалов и комплектующих изделий, среди них появились негосударственные предприятия. ВП, располагая подготовленными специалистами и уникальными методиками контроля, в состоянии предотвратить аварии и многомиллиардные потери, которые, к сожалению, характерны для последнего времени.

Вернемся к методологическому центру. Специалисты ЭТБ участвовали во всех этапах создания боеприпасов, начиная от научно-технической проработки. Дальнейшее системное участие осуществлялось на следующих этапах:

- формирование и окончательное оформление технического задания на разработку;
- эскизное и основное проектирование;
- проведение государственных испытаний;
- серийное освоение, в том числе эксплуатационно-технических испытаний;

- освоение войсковыми частями вновь поставленных образцов ядерных боеприпасов;
- другие работы по решению 12 ГУ МО, в том числе научно-исследовательские.

Анализ данных по эксплуатации основывался на непосредственной работе в войсках. Эта работа была очень важна при освоении новых образцов техники и возникновении отказов и неисправностей. Упреждающая подготовка специалистов ЭТБ проходила на серийных предприятиях, а в составе расчетов – непосредственно в ЭТБ, и это позволяло получить как теоретическую, так и практическую базу для аналитической работы. Освоение новых образцов техники расчетами войсковых частей с участием специалистов ЭТБ существенно повышало качество подготовки, в значительной степени позволяло исключить предпосылки к появлению каких-либо отступлений от требований нормативной документации.

Не менее важным с точки зрения эффективности было участие специалистов ЭТБ в работе комиссий по анализу отказов техники. Ценную информацию давали целевые опросы эксплуатирующих организаций – для их проведения разрабатывались специальные анкеты. Существовала целая система представления разовых и периодических сведений и отчетов, на основе которых формировались данные для совершенствования ядерных боеприпасов, средств их обслуживания и системы эксплуатации.

ЭТБ имело в своем составе хорошо оснащенную материально-техническую базу, практически всю номенклатуру учебных боеприпасов и средств их эксплуатации, хорошо оснащенные лаборатории. Размещаясь территориально на одном из действующих стационарных объектов, ЭТБ могла смоделировать практически любую нестандартную ситуацию и достоверно определить причины появления тех или иных недостатков, выработать мероприятия по их устранению и предотвращению. В составе ЭТБ функционировали хорошо оснащенный вычислительный центр, типография, подразделение по обеспечению эксплуатационной документацией на ядерные боеприпасы всех войсковых частей Министерства обороны. На базе ЭТБ функционировал ряд межведомственных комиссий (по эксплуатационным характеристикам, совершенствованию эксплуатационной документации и т.д.), проводилось множество конференций, совещаний, сборов с участием руководства Министерства обороны, видов вооружен-

ных сил, Минсредмаша, главных конструкторов и других специалистов.

Успех деятельности ЭТБ обеспечивался составом ее сотрудников. Первым командиром в 1959 г. был назначен один из наиболее подготовленных главных инженеров объектов Е.А. Беляков. Он прошел серьезную инженерную подготовку, обладал большим практическим опытом эксплуатации ядерных боеприпасов, был отличным методистом и аналитиком. На другие должности в ЭТБ 12 ГУ МО отбирало самых подготовленных, творчески мыслящих, склонных к аналитической деятельности специалистов. Высочайший уровень подготовки, в том числе и по конкретным образцам техники, принципиальность и настойчивость, умение взаимодействовать на любом уровне, в том числе и с должностными лицами высокого ранга, позволяли добиваться в обеспечении безопасности ядерного оружия нужных результатов. Выявление недостатков в ядерных боеприпасах на ранних этапах эксплуатации позволяло не допустить нарушений в обращении с ними. А это святое правило при работе с таким опасным оружием. Позднее эксплуатационно-технические бюро были организованы в некоторых видах вооруженных сил. Они также эффективно работали по совершенствованию всей системы эксплуатации ядерных боеприпасов, в том числе в области безопасности. Это дает основание утверждать целесообразность использования такого рода организаций и методов их работы.

Все придет в норму

В последнее время средства массовой информации с пугающей частотой сообщают о множественных катастрофах, авариях и других чрезвычайных происшествиях и предпосылках к ним на транспорте, электростанциях, авиации и даже в космонавтике. Так и хочется настойчиво порекомендовать: работайте над подготовкой специалистов, изучайте состояние, анализируйте, делайте выводы и устраняйте недостатки. Все придет в норму. Это доказуемо подтверждают опыт эксплуатации ядерных боеприпасов и вся система их безопасности.

Глава 13

БУДУЩЕЕ НЕСТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ЕВРОПЕ: ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ (2012)¹

Евгений Бужинский²

В начале 2010-х гг. вновь активизировались американские и европейские сторонники сокращения нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО/ТЯО), в первую очередь российского. Стратегическая концепция НАТО, принятая на лиссабонском саммите (ноябрь 2010 г.), и Резолюция о совете и согласии Сената США на ратификацию Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений («новый ДСНВ») (апрель 2010 г.) включают положения о якобы имеющемся «диспаритете нестратегических ядерных вооружений со значительно большими российскими запасами». Правда непонятно, о каком диспаритете в пользу России может идти речь, если данные о количестве нестратегических ядерных боеприпасов никогда официально не публиковались ни Российской Федерацией, ни США.

Озабоченность западных стран в отношении российского НСЯО в основном сводится к двум основным аргументам. Во-первых, в случае серьезного военного конфликта тактическое ядерное оружие, находящееся на вооружении сил общего назначения, может быть задействовано на ранней его стадии, что повышает вероятность дальнейшей ядерной эскалации. Во-вторых, тактиче-

¹ Впервые опубликовано: Бужинский Е., Дьяков А., Ильин Е. и др. Будущее нестратегического ядерного оружия в Европе: возможны варианты // *Индекс Безопасности*. 2012. № 3–4 (102–103). С. 169–180. Материал основан на экспертной дискуссии в ходе круглого стола, модератором которого выступил директор ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности* Владимир Андреевич Орлов. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2012-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№3-4-102-103-Том-18.pdf>

² Евгений Петрович Бужинский (род. 19 апреля 1950 г.) – генерал-лейтенант запаса, старший вице-президент ПИР-Центра.

ские ядерные боеприпасы, особенно старых типов, не оснащены надежными средствами блокировки, имеют малые габаритные и весовые характеристики, что делает их привлекательными объектами для захвата террористами.

Вряд ли можно согласиться с любой из этих озабоченностей. Что касается первого пункта, то НСЯО может быть применено в качестве крайнего средства воздействия на агрессора лишь по решению президента РФ при возникновении реальной угрозы территориальной целостности и суверенитету страны. Второй аргумент бездоказателен, так как в настоящее время все тактические ядерные боеприпасы сосредоточены на централизованных базах хранения, оснащены высоконадежными средствами блокировки и предотвращения несанкционированного использования. Свидетельством этому служит тот факт, что пока нет ни одного доказанного случая утери и хищения российских ядерных боеприпасов.

НСЯО включает все ядерные боеприпасы, кроме:

- стратегических ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), а также ядерных бомб и крылатых ракет воздушного базирования для стратегических бомбардировщиков, как это определено в «новом ДСНВ»;
- ядерных боеприпасов, вывезенных с централизованных баз хранения и ожидающих утилизации.

Несмотря на то что Россия никогда официально не объявляла о своих запасах НСЯО, считается, что она имеет порядка 3700–5400 тактических ядерных боеприпасов, из них 2000 являются боеготовыми. В их число входят крылатые ракеты различного вида базирования, гравитационные бомбы и торпеды. С 1991 г. российские запасы НСЯО были сокращены не менее чем на 75 процентов с 15–27 тысяч единиц. В 1990-е гг. все тактические ядерные боеприпасы были сосредоточены на централизованных базах хранения.

В планах применения российских вооруженных сил НСЯО отводится исключительная роль. В современных условиях НСЯО практически является единственным гарантированным средством обеспечения независимости и территориальной целостности государства в случае серьезного регионального конфликта. Основной причиной необходимости обладания Россией НСЯО

большой дальности является значительное преимущество со стороны США и НАТО над Российской Федерацией в высокоточном оружии в обычном снаряжении большой дальности. Российское руководство предпринимает меры для исправления существующего положения путем приобретения аналогичного потенциала высокоточного оружия в обычном снаряжении большой дальности, а пока такового нет – полагается на ограниченное использование ядерного оружия сопоставимых дальностей.

Особое значение НСЯО имеет для военно-морского флота (ВМФ) России, так как, согласно Военно-морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г., на ВМФ РФ возлагается задача по «защите территории России с моря, охране и обороне морских границ Российской Федерации и воздушного пространства над ними». Принимая во внимание значительное сокращение численности корабельного состава ВМФ РФ по сравнению с началом 1990-х гг., а также опыт всех последних военных конфликтов, в ходе которых основные удары по территории противника наносились крылатыми ракетами с надводных кораблей и подводных лодок, а также высокоточными бомбами морской авиации, опора ВМФ на НСЯО вполне оправдана.

Российское и американское обоснование необходимости существования НСЯО различно. США/НАТО рассматривают его ценность в основном в политическом контексте: в контексте обеспечения трансатлантической связи в вопросах безопасности и материального наполнения ядерного потенциала НАТО. Россия рассматривает НСЯО в основном с военной точки зрения: в качестве компенсации превосходства своих соседей в обычных средствах поражения, средства усиления сил общего назначения и средства контроля возможной эскалации вооруженного конфликта. Более того, Россия считает свое НСЯО средством сдерживания третьих стран, обладающих ядерным потенциалом и средствами доставки ядерного оружия, способными достигать территории Российской Федерации. Сокращение российского стратегического ядерного потенциала в соответствии с двусторонними договорами с США в определенной мере повышает роль российского НСЯО, которое становится важным средством сдерживания стран Евразии, обладающих ядерным оружием.

В современных условиях единственно реалистичным шагом в отношении НСЯО может стать лишь согласование мер укрепления доверия. Для этого необходимо продвижение по имеющимся

линиям разногласий в повестке дня контроля над вооружениями: противоракетная оборона (ПРО), стратегические наступательные вооружения в обычном оснащении, неразмещение оружия в космосе.

Существует определенный набор мер укрепления доверия, которые могут быть согласованы Россией и Западом в целях повышения транспарентности в отношении НСЯО.

Большая транспарентность. Россия и США обладают достаточно достоверной информацией относительно мест хранения нестратегических ядерных боеприпасов, но значительно менее достоверной относительно их количества. В качестве первого значимого шага Россия и США могли бы официально обнародовать количественные показатели своих запасов НСЯО, а также тактических ядерных боеприпасов, ожидающих утилизации.

«Разделение» боезарядов и средств доставки. Все российские нестратегические ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей ядерного оружия. В качестве меры доверия стороны могли бы согласовать текст официальных заявлений о том, что ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей и в настоящее время у них нет намерений изменять существующее положение.

Обеспечение безопасности ядерных боезарядов. Россия и США, основываясь на опыте совместной работы в рамках программы взаимного снижения угрозы и Совета Россия-НАТО, могли бы провести совместную оценку рисков террористического проникновения в места хранения ядерных боезарядов и овладения ими (боезарядами); совместную оценку мероприятий по повышению безопасности мест хранения ядерных боезарядов; а также продолжить практику проведения совместных учений по предотвращению хищения ядерных боезарядов или расщепляющихся материалов.

Обязательства по ненаращиванию. В качестве первого шага к ограничению запасов НСЯО Россия и США могли бы заявить о том, что они не будут наращивать свои запасы нестратегического ядерного оружия.

Предложенные меры укрепления доверия в отношении НСЯО могли бы способствовать прогрессу по более широкому кругу политических вопросов и вопросов укрепления безопасности. Существует один чувствительный момент, который необходимо будет решить в случае достижения российско-американского согласия по мерам укрепления доверия. Не вызывает

сомнения тот факт, что транспарентность России в отношении НСЯО очень важна для европейских стран. При этом и намерение США делиться информацией о российском НСЯО с союзниками по НАТО вряд ли найдет понимание у российской стороны. Возможным выходом из данной ситуации может быть включение в этот процесс Франции и Великобритании и ядерного потенциала НАТО в целом.

Анатолий Дьяков³

Представим себе, чисто гипотетически, что кто-то применил ядерное оружие. Думаю, что нет особой разницы, будет ли это тактическое или стратегическое ядерное оружие – это будет событие стратегического масштаба. Вот это мы все должны понимать. Поэтому разделение на стратегическое и тактическое – это чисто условное разделение.

Все обсуждения мы, по существу, ведем в основном относительно России и США. И в данном контексте нужно было бы дать следующее определение для НСЯО: к последнему можно отнести те ядерные боеприпасы США и Российской Федерации, которые предназначены для оснащения систем доставки ядерного оружия, не охваченные двусторонними соглашениями по сокращению и контролю. Конечно, такое определение исключает его использование для ядерного оружия других стран.

Хотим мы этого или не хотим, в силу исторических причин, в силу того, что в США есть такое понятие, как внешнее сдерживание, часть их тактического ядерного оружия размещена в Европе. Поэтому можно говорить, что есть три участника переговоров. Но с учетом того, что в НАТО 28 стран, стоит ли проводить переговоры с таким количеством участников?

Объективной необходимостью является то, что идет процесс сокращения стратегического ядерного оружия. Рано или поздно наступит момент, когда количество тактических ядерных боеприпасов станет сравнимо с количеством стратегических ядерных боеприпасов. Хотим мы этого или нет, мы должны будем включать НСЯО в переговорный процесс.

³ Главный научный сотрудник Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии.

В чем состоит интерес США? Я посмотрел достаточно старую, но фундаментальную работу – доклад Кареш-Лежинга 2009 г., который, по существу, заложил основы новой американской стратегии в ядерной сфере. Там есть много упоминаний НСЯО. В частности, Соединенные Штаты должны отслеживать российское тактическое ядерное оружие, так как у России есть высокоточные средства – ракета «Искандер» короткого радиуса действия. Использование «Искандера» в ядерном оснащении открывает новые возможности для российских усилий угрожать использованием ядерного оружия, чтобы оказывать влияние в региональных конфликтах. Однако этот доклад признает, что Россия вынуждена делать упор на НСЯО в силу дисбаланса в обычных вооружениях. Отсюда вывод, который был сделан республиканцами при обсуждении и ратификации «нового ДСНВ» о том, что НСЯО обязательно должно войти в переговорный процесс на следующем этапе.

Упомянутая сегодня резолюция Сената по ратификации требует от администрации президента США на следующих переговорах добиваться включения вопроса НСЯО в обсуждения о сокращениях вооружений, а также обсуждать развернутое и неразвернутое ядерное оружие одним пакетом. У нас очень долгое время шли разговоры о возвратном потенциале США. По сути, речь шла не о сокращении, а о понижении оперативной готовности, когда боезаряды снимаются, а носители остаются. То, что предлагают американцы, в принципе то же самое – носители остаются. Если мы будем говорить о сокращении, то это будет значить, что возможности России понижаются, а раз они понижаются, это ведет к нарушению стратегического паритета, который существует и против нарушения которого Россия всегда возражает. Вообще-то нужно подумать о создании новой архитектуры безопасности в Европе. Соответствующие российские предложения на этот счет были, но Запад к ним относится достаточно вяло, без интереса.

В итоге на сегодняшний день оснований приступить к переговорам или консультациям по НСЯО нет. В 2004 г. мы уже проводили работу по нестратегическому ядерному оружию и тогда пришли к такому же выводу. У двух сторон (США и НАТО) есть понимание того, что переговоры вряд ли возможны. Поэтому можно предлагать только односторонние меры, которые нацелены на повышение транспарентности. Необходимо сделать, по крайней мере, следующее.

Во-первых, необходимо опубликовать цифры: сколько уничтожили ядерных боезарядов. Неужели это нанесет ущерб нашей безопасности? Во-вторых, можно было бы пресечь спекуляции на Западе по поводу того, что Россия выдвинула свое НСЯО на передовые позиции. На самом деле и мы, и американцы знаем, где что находится. Поэтому в качестве первого шага можно было бы привезти инспекторов на те передовые базы, которые когда-то использовались для этого, и показать, что там ничего нет.

Рано или поздно обе стороны подойдут к тому, что начнется контролируемое уничтожение и стратегических, и тактических боезарядов, и нужны будут меры верификации. Стороны могли бы продолжить те работы по развитию мер транспарентности, которые проводились в 1990-х гг.

*Михаил Кустовский*⁴

Министерство иностранных дел России констатирует повышенный интерес ряда стран Европы к проблемам, связанным с НСЯО. Различные инициативы и предложения в этой связи включают целый набор требований, адресованных прежде всего России. Это сокращение имеющихся запасов НСЯО, обеспечение транспарентности, дислокация складов и т.д. Аналогичный подход зафиксирован в документах, принятых на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г.

Россия открыта к обсуждению любых вопросов, связанных с укреплением международной безопасности. Однако мы не рассматриваем проблематику НСЯО в качестве приоритетной. В сфере контроля над вооружениями первостепенное внимание должно быть уделено следующим вопросам: односторонним шагам по развертыванию глобальной противоракетной обороны, планам по созданию стратегических носителей в неядерном оснащении, опасности вывода оружия в космос, дисбалансу в области обычных вооружений и т.д. Усилия по поддержанию стратегической стабильности должны быть поэтапными и строго выверенными. На данном этапе важно посмотреть, как будет

⁴ Первый секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.

функционировать «новый ДСНВ», как будут реализовываться содержащиеся в нем условия.

Что касается непосредственно НСЯО, в рамках реализации президентских инициатив 1991–1992 гг. Россия на три четверти сократила свой арсенал нестратегических ядерных средств, перевела их в категорию неразвернутых и сосредоточила на центральных базах хранения в пределах национальной территории, в то время как в Европе по-прежнему развернуты ядерные средства США, способные достигать российской территории. Начиная с 1996 г. мы неоднократно призывали другие ядерные державы последовать нашему примеру – вернуть НСЯО на свою территорию и полностью ликвидировать инфраструктуру на территории других стран, обеспечивающую быстрое развертывание этого оружия. Конструктивному рассмотрению проблемы НСЯО способствовали бы прекращение практики проведения связанных с НСЯО военных учений с привлечением неядерных государств, а также отказ стран НАТО от совместного использования ядерного оружия. Принятая 19 ноября 2010 г. в Лиссабоне новая стратегическая концепция НАТО, по сути, сохраняет прежний порядок времен холодной войны.

Прежде чем начинать обсуждение тематики НСЯО, было бы полезно проделать определенную подготовительную работу. Прежде всего необходимо выработать единую классификацию НСЯО и согласовать соответствующий понятийный аппарат. В разных странах оружейные системы со схожими характеристиками могут определяться по-разному: тактические, нестратегические, субстратегические, пристрагегические и т.д. Это тем более важно, что отдельные вооружения, например авиабомбы, могут относиться как к стратегическим, так и к нестратегическим типам оружия. Иначе говоря, не определившись с терминами, вести дальнейший диалог будет затруднительно.

Хотелось бы также напомнить, что НСЯО располагает не только Россия и США, но и ряд других государств. Признаков готовности этих стран обсуждать эту проблематику и подключиться к процессу ядерного разоружения на данном этапе нет. В то же время для нас дальнейший прогресс в области ядерного разоружения, включая НСЯО, вряд ли достижим без придания ему многостороннего характера.

Виктор Колтунов⁵

По моему мнению, сначала должна быть видна готовность решать проблему ПРО, готовность хотя бы учредить рабочую группу по космосу на Конференции по разоружению, ввести в действие адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Нужны хотя бы сигналы, но сейчас их нет. Нужно начинать решение вопроса о дальнейших шагах в области ядерного разоружения с консультаций, причем на многосторонней основе, а не только между Россией и США.

На мой взгляд, целью этих консультаций должна стать выработка мандата на будущие переговоры в благоприятных условиях. Прецедент у нас уже был – ДОВСЕ начинали с мандата. В этом мандате должны быть определены многие принципиальные вопросы. Во-первых, а что именно должно сокращаться. Попытки дать определение тактическому оружию бесполезны, это в принципе невозможно, чтобы было одно универсальное определение: одно и то же оружие в одних условиях может считаться тактическим, но на другом театре военных действий оно будет считаться стратегическим. Должно рассматриваться либо все ядерное оружие, либо, как это было на переговорах по ракетам средней и меньшей дальности в 1980-е гг., типы ядерных вооружений должны разделяться по индексам и т.п. Во-вторых, а до каких уровней должны вестись сокращения?

Александр Радчук⁶

Проблема НСЯО многообразна и многогранна: никогда вопросы ядерного оружия, а тем более переговорные вопросы по сокращению ядерного оружия, не решались в отрыве от общеполитического и геополитического контекста. Вспомним – нестратегическое ядерное оружие на Кубе стало стратегическим ядерным фактором, после чего ситуация покатила и докатилась до Хельсинки, договоров по ограничению и позже сокращению стратегических вооружений (ОСВ/СНВ). Как только появились конкрет-

⁵ Виктор Стефанович Колтунов (род. 10 мая 1938 г.) – заместитель директора по научной работе Института стратегической стабильности.

⁶ Александр Васильевич Радчук (1956–2021) – советник начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

ные цифры, пошло конкретное ядерное планирование, расчеты. После цифр начались применение, использование, подсчет количества «Першингов», необходимых для ввода в Европу, подсчет количества «Пионеров», которыми ответит Россия, началось ядерное балансирование. Стало ясно: конкретная цифра нужна для конкретного ядерного планирования и определения конкретных военных планов.

Нужно ли России раскручивать ситуацию по НСЯО? Позволю себе пофантазировать. Есть огромное переговорное ядерное лобби, которое на дедь лет после заключения «нового ДСНВ» потеряло свою работу. Через десять лет придет новый договор. А чем этим специалистам заниматься сейчас? Люди очень серьезные, очень авторитетные. Какой аспект НСЯО их в первую очередь беспокоит? Если НСЯО в Европе, то, как уже говорилось, это все вооружения, которые не подпадают под ограничения нового «нового ДСНВ». Под эти ограничения не попадают также Франция и Англия. Но речь идет о НСЯО в формате США-Россия. Тогда возникает вопрос – сегодня всех волнует НСЯО в Европе или именно в России? Складывается впечатление, что все-таки в России.

Так в чем тогда проблема? Для независимых объективных экспертов ответ ясен. Может быть, есть проблема, которую нам не показывают, но, если мы ее высветим, сразу становится понятно, почему. Проблема в том, что НСЯО у нас просто есть. Если мы переходим на проблему наличия ядерного оружия в России, то Россия – это не только Европа, это наполовину Азия. И тут возникает проблема ядерной девятки⁷. Как только мы выходим на НСЯО России, возникает проблема всех ядерных стран. И им неизбежно придется договариваться.

⁷ Речь идет о девяти ядерных государствах: пяти «официальных» (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай) и четырех «неофициальных» (Индия, Пакистан, КНДР, Израиль). – *Прим. ред.*

Владимир Орлов⁸

НАТО выступает за то, чтобы вопрос о размещении ядерного оружия любого типа за пределами национальных территорий даже не звучал. В Брюсселе в начале февраля 2012 г. прошла крупная конференция Европейского союза, так называемого Консорциума ЕС по нераспространению. Проблематика НСЯО в некоторых заседаниях даже доминировала, при этом надо отметить, что точки зрения полярны.

Один из ведущих экспертов в области проблем безопасности, член Палаты лордов британского парламента, бывший английский крупный дипломат Лорд Ханни заявил, что на саммите в Чикаго в мае 2012 г. НАТО следует принять решение о выводе НСЯО из Европы безо всяких условий и оговорок в силу военной ненужности и политической контрпродуктивности. Руководитель Центра оружия массового уничтожения НАТО ответил ему: от Чикагского саммита не приходится ничего ожидать. Время крайне неудачное – как минимум, в трех ядерных странах в 2012 г. меняются (или могут поменяться) президенты, поэтому 2012 г. – не самое лучшее время, чтобы поднимать эту тему. Тем не менее, я считаю, что тему НСЯО с нашими европейскими партнерами обсуждать необходимо.

Проблема НСЯО могла бы быть вписана в более широкий контекст о новой архитектуре безопасности в Европе. Первая попытка России, которая была заявлена президентом Д.А. Медведевым, по подготовке договора о европейской безопасности, не удалась⁹. Может быть, мы не проделали со своей стороны достаточной работы, но сегодня никакого прогресса не заметно.

⁸ Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. – *Прим. ред.*

⁹ В июне 2008 г. президент России Дмитрий Анатольевич Медведев выступил с инициативой о разработке Договора о европейской безопасности. Ее суть – создать в области военно-политической безопасности в Евро-Атлантике единое, неразделенное пространство, чтобы окончательно разделаться с наследием холодной войны. С этой целью Д.А. Медведев предложил закрепить в международном праве принцип неделимости безопасности. По итогам дальнейших обсуждений на различных многосторонних площадках российская сторона подготовила проект договора и направила его руководителям соответствующих стран, а также исполнительным главам международных организаций на евро-атлантическом пространстве: НАТО, Евросоюз, ОДКБ, СНГ, ОБСЕ. Тем не менее, ввиду скептического отношения со стороны большинства адресатов переговоры по заключению договора так и не были начаты. – *Прим. ред.*

Старая структура европейской безопасности в общем-то требует замены. Механизм смены должен быть гораздо шире сугубо военных вопросов.

На совещании в Сарове 24 февраля 2012 г. на вопрос и комментарий Е.П. Бужинского В.В. Путин по поводу НСЯО ответил: «Мы вообще не собираемся отказываться ни от чего, что нам нужно. Мы будем отказываться только от того, что нас обременяет и не приносит никакой пользы, вот и все. А от того, что нас не обременяет, а, наоборот, создает определенные гарантии, мы вообще отказываться не собираемся». Вот, собственно говоря, и программа на ближайшие годы.

Вопросы о том, почему бы России не пойти по пути большей прозрачности без ущерба собственной безопасности, заслуживают и внимания, и предмета дискуссии. Так ли мы пострадаем от названия цифр? Не уверен, что мы сильно от этого пострадаем. Возможно, после конфиденциальной основы нужно перейти к публичной основе. Нужно это делать исходя из собственных интересов, последовательно и поэтапно.

Владимир Рыбаченков¹⁰

Возможен ли вывод американского НСЯО с территории Европы? На мой взгляд, парадокс в этой ситуации заключается в том, что многие американские военные считают наличие тактического ядерного оружия в Европе бесполезным. Например, заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов господин генерал Джеймс Картрайт не так давно заявил, что американское тактическое ядерное оружие в Европе не выполняет ни одной функции, которую выполняли бы стратегические силы. Кроме того, в условиях сокращения американского военного бюджета, а также перераспределения приоритетов обороны, когда в качестве основных угроз называют ядерное распространение и ядерный терроризм, тактическое ядерное оружие теряет значимость.

Тем не менее, в американском истеблишменте еще есть силы, которые считают, что НСЯО нужно сохранить в качестве средства

¹⁰ Владимир Иванович Рыбаченков (род. 29 октября 1939 г.) – ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, член Экспертного совета ПИР-Центра. – *Прим. ред.*

обеспечения трансатлантической связки, а главное – в качестве средства удовлетворения запросов новых членов НАТО, особенно небольших балтийских стран, которые считают, что отказ от американского тактического ядерного оружия в Европе является красной линией, которую нельзя переходить.

Отношения России с США начинают портиться. «Перезагрузка» закончилась. В этих условиях вряд ли можно говорить о запуске новых раундов переговоров по сокращению вооружений. Генерал Миллер, бывший заместитель министра обороны, а также Тед Уорнер, который был заместителем главы американской делегации Роуз Геттемюллер на переговорах по разоружению, однозначно говорят, что о выводе тактического ядерного оружия с территории Европы не может быть и речи. И в Чикаго этот вопрос вряд ли будет решен.

Александр Колбин¹¹

Условия для начала переговоров о сокращении НСЯО в Европе на сегодняшний день не сложились. В то время как США считают, что развитие новейших обычных вооружений должно позволить снизить опору на ядерные вооружения, Россия, наоборот, реагирует на бурное развитие обычных вооружений США увеличением опоры на ядерное оружие.

Исходя из этой логики России необходимо выполнить гораздо больше условий, прежде чем начать переговоры. При этом США не только ставят условия, но и гораздо активнее обсуждают на экспертном уровне несколько возможных подходов к будущим сокращениям. Когда придет время переговоров (а оно, несомненно, придет), Россия может оказаться с меньшим набором опций.

В целом, несмотря на известную степень непрозрачности нашей позиции по НСЯО, если следовать немногочисленным публичным заявлениям наших гражданских и военных руководителей, условия России сводятся к следующему.

Во-первых, любые будущие переговоры по проблемам разоружения, касающиеся ядерного оружия, должны учитывать целый комплекс проблем, они не могут проводиться изолированно, без учета более широкого контекста, в который сегодня

¹¹ Исполнительный помощник президента ПИР-Центра. – Прим. ред.

включают проблему милитаризации космоса, проблему развертывания глобальной ПРО США, модернизацию режима ДОВСЕ, проблемы стратегических вооружений в неядерном оснащении и высокоточного оружия, неравенство в обычных вооружениях. При этом для России изначально невозможна сделка, когда в обмен на вывод двух сотен американских ядерных бомб с территории Европы должен быть сокращен или выведен за пределы Европы гораздо больший арсенал российских нестратегических ядерных вооружений.

Во-вторых, у нас не раз говорилось о том, что, прежде чем начать какие-либо разговоры по НСЯО, должна быть завершена имплементация «нового ДСНВ», а это означает, что переговоры не могут быть начаты ранее 2018 г. При этом к тому времени, вероятно, Россия будет еще меньше готова к переговорам по НСЯО, чем она готова сегодня, учитывая ряд моментов, включая завершение реализации четвертого этапа развертывания ПРО США в Европе, замену бомбардировщиков военно-воздушных сил США F-15 и F-16 на более совершенный F-35, завершение реализации программы по продлению срока службы бомб B-61.

В-третьих, в переговорах должны участвовать третьи ядерные державы. В Европе, как известно, присутствуют еще две ядерные державы – Франция и Великобритания. Но, скажем, Франция, которая по факту обладает нестратегическими ядерными средствами, говорит об их стратегической природе, а Великобритания заявляет, что не обладает НСЯО. Очередным подтверждением того, что они не намерены включать какую-либо часть своих вооружений в будущие переговоры по НСЯО, стал европейский план ядерного разоружения 2008 г., к которому присоединились все 27 членов ЕС и в котором было четко прописано, что, прежде чем говорить о многостороннем (а не двустороннем) ядерном разоружении, должны быть достигнуты более низкие уровни в рамках двусторонних российско-американских переговоров и что НСЯО также должно стать предметом будущих сокращений. Новые вопросы в этой связи могут возникать применительно к постепенной интеграции франко-британских ядерных сил, о которой было объявлено в конце 2010 г.

Наконец, самое главное условие – США должны вывести свои нестратегические ядерные вооружения с территории Европы и уничтожить всю инфраструктуру. Конечно, наши опасения по поводу инфраструктуры не беспочвенны. В докладе НАТО,

подготовленном группой экспертов в 2010 г., содержалась фраза: любое изменение в ядерной политике альянса, «включая географическое распределение ядерного оружия НАТО в Европе, должно осуществляться [...] по решению всего альянса в целом». Впрочем, в результате эта фраза так и не появилась в принятой в Лиссабоне в 2010 г. стратегической концепции НАТО. Эта фраза противоречит тому, что было записано в 1997 г. в Основополагающем акте Россия-НАТО о взаимном доверии, сотрудничестве и безопасности, в котором было подтверждено, что НАТО «не имеет намерений, планов и причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов альянса».

Что касается США, то, во-первых, они не обуславливают сокращение НСЯО модернизацией ДОВСЕ или выводом своего НСЯО из Европы и не хотят включать проблематику ядерного разоружения в общую разоруженческую повестку дня. Кроме того, пока речь в США, по крайней мере, на официальном уровне, идет только о двусторонних консультациях с Россией. И если речь идет о переговорах Россия-НАТО, то повестка этих переговоров у американцев не включает ни ядерное оружие Франции, ни ядерное оружие Великобритании, а только необходимость консультаций с союзниками по НСЯО.

В целом, можно предположить, что американцы, скорее всего, будут выводить свое НСЯО из Европы постепенно, параллельно увеличивая его транспарентность в отношении размера, мест размещения и статуса развертывания НСЯО до того момента, как оно будет полностью выведено. У США пока менее жесткая позиция, чем у нас. Хотя они и говорят о том, что прежде, чем выводить свое НСЯО из Европы, мы должны отвести свое НСЯО подальше от границ стран НАТО, тем не менее, выводят. Это уже сейчас происходит (в 2000–2006 гг. предположительно, вывели с базы Рамштайн в Германии и из Греции; в 2008 г. – из Великобритании). Военная ценность НСЯО сомнительна – СЯС США и Великобритании покрывают все возможные цели НСЯО, укрепляются неядерные возможности сдерживания в Европе, границы НАТО сдвинуты на восток.

Кстати, часто рассуждают, для кого НСЯО большой козырь – для России или для США. Сегодня, безусловно, для США, поскольку от вывода НСЯО из Европы в плане обеспечения собственной безопасности США ничего не теряют, и об этом уже открыто говорят. А вот Россия от сокращения своего НСЯО ста-

новится более уязвимой в плане безопасности – и об этом также говорится постоянно и откровенно.

Вероятно, максимум, о чем можно говорить сегодня – это «переговоры о начале переговоров», очень большая работа должна быть проведена по выработке дефиниций. Простых и легко осуществимых решений проблемы сокращения и ликвидации ТЯО не существует. Необходимо выработать определения, разрабатывать механизмы контроля и т.п. Поскольку любой обмен данными будет не столь успешным, если нет механизмов верификации. Но в любом случае, любые меры контроля могут работать только в условиях взаимного доверия.

Наконец, несколько шагов, которые можно было бы предпринять в ближайшем будущем. Во-первых, переговоры должны начаться прежде всего между Россией и США, тем более что на первом этапе это и есть проблема России и США и их НСЯО на европейском континенте. Кроме того, если изначально выводить переговоры на многосторонний уровень, это усложнит выработку методов контроля и мер доверия, значительно растянет переговоры во времени. Необходимо использовать опыт переговоров по РСМД; опыт, наработанный при выводе российского НСЯО с территории стран Организации Варшавского договора и бывших советских республик. Безусловно, необходимо участие Франции и Великобритании в любых консультациях и переговорах по НСЯО в Европе, но сначала только в качестве наблюдателей. По крайней мере, на ранних стадиях участие третьих стран будет только затруднять переговоры.

Что еще можно было бы сделать, так это кодифицировать существующие президентские инициативы по НСЯО от 1991–1992 гг. в виде юридически обязывающего договора, который в идеале имел бы механизм проверки. Подобные предложения уже озвучивались экспертами ранее. Ведь верно то, что поскольку эти инициативы не носят юридически обязывающий характер, страны планируют свою политику с учетом наихудших сценариев. Можно было бы также изложить тексты этих односторонних заявлений в юридически обязывающем виде. Провести обмен информацией по цифрам, которые были достигнуты в ходе реализации президентских инициатив. США и Россия могли бы в совместном заявлении вновь подтвердить их дальнейшую приверженность односторонним заявлениям 1991–1992 гг. Совет Россия–НАТО мог бы стать важной площадкой обмена, как это было в 1990-е гг.

Наконец, необходимым шагом должны стать переговоры о запрете размещения НСЯО в третьих странах при параллельном выводе НСЯО США из Европы на национальную территорию, сопровождающемся полной и необратимой ликвидацией всей инфраструктуры НСЯО в Европе. При этом превращение Европы в какую-то зону, свободную от НСЯО, невозможно не только потому, что остается фактор Франции, но и потому, что средства доставки российского НСЯО могут иметь разную дальность и достигать территории стран НАТО даже в случае их размещения за территорией Урала. Кроме того, перевод российского НСЯО за Урал, как это требуют США и некоторые страны НАТО, ухудшит отношения между Россией и Китаем, Россией и Японией, США и Японией, может вызвать недовольство в российском обществе, поскольку до сих пор замалчиваемые вопросы по условиям и местам хранения, количеству НСЯО могут стать доступными для более или менее публичного обсуждения в России.

*Евгений Ильин*¹²

НСЯО не является дестабилизирующим фактором сегодня. Во-первых, степень готовности этого оружия намного ниже, чем у стратегического ядерного оружия, все оно находится на базах хранения, и вероятность его несанкционированного применения практически равна нулю. Во-вторых, в военной доктрине РФ четко описаны ситуации, когда применение такого вида оружия может быть санкционировано президентом.

С точки зрения Министерства обороны России, какой вклад сокращение или ограничение НСЯО принесет обороноспособности страны? Политическая целесообразность стремления к ядерному нулю декларирована, ее никто не отрицает. Но какой практический вклад в повышение обороноспособности и снижение вероятности возникновения конфликтов в Европе может принести ограничение и транспарентность в области ТЯО?

Были приведены несколько конкретных предложений, которые могут быть полезны в качестве добровольных или недобровольных мер транспарентности и могут бы быть применены

¹² ВРИО заместителя начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. – *Прим. ред.*

в ближайшей перспективе. В первую очередь, это разделение боезарядов и носителей, но сегодня эта мера уже реализована, боезаряды и носители находятся отдельно. Второй вопрос – повышение безопасности мест хранения. На сегодняшний момент это официальная позиция российского руководства: безопасность мест хранения обеспечивается в должной мере и собственными силами. Далее нам предлагается обменяться информацией о том, что уже сокращено. С точки зрения деклараций и демонстрации того, что стороны готовы вести дискуссию – вполне возможно. Но практического смысла эта мера не имеет. И вообще, декларация количественных показателей на сегодняшний момент – это идея фикс. Есть эта цифра, изменится ли она на сотню вперед либо назад – что от этого изменится?

Любой процесс сокращения вооружений должен преследовать три цели: снижать вероятность возникновения конфликта, делать содержание вооруженных сил более дешевым и повышать общее пространство безопасности. С точки зрения общего пространства безопасности, вполне возможно, что декларации и цифры как-то способствуют этому процессу. Но два первых пункта, основные и приоритетные, никаким образом не зависят от деклараций количественных показателей. С точки зрения Министерства обороны наша цель – повышать обороноспособность страны, а не снижать, или, как минимум, не делать ничего вредного для нее. Наконец, меры доверия должны быть конкретными и иметь конечную цель – каким образом все предпринятые действия будут способствовать, в том числе, укреплению обороноспособности РФ.

Глава 14

ЧТО НУЖНО ИРАНУ, ЧТО ДЕЛАТЬ РОССИИ (2012)¹

Владимир Орлов²

Посетив за последние месяцы регион Ближнего Востока, Вашингтон, а теперь и столицу Европы, я пытаюсь ответить на следующие вопросы: «Кто хочет войны с Ираном?» и «Будет ли война с Ираном?».

Мой первый вывод: мало кто в мире хочет войны против Ирана, а если вынести за скобки Эр-Рияд, то, может быть, и никто не хочет. Даже в Израиле премьер-министр Беньямин Нетаньяху остается в меньшинстве. Никто не готов к войне, одни по причинам экономическим, другие – внутриполитическим.

Мой второй вывод: нарастание турбулентности вокруг Ирана скоро достигнет той точки, когда мир соскользнет к войне. В чем причина? В климате тотального недоверия: США – к Ирану, Ирана – к США, Саудовской Аравии – к Ирану; Ирана – к Саудовской Аравии; ЕС – к Ирану, Ирана – к ЕС; даже и России – к Ирану, а Ирана – к России.

Климат тотального недоверия заставит инстинктивно спустить курок, когда тот, кто, напротив, всего-то полез в карман... А ведь у него могло и не быть там никакого ствола. В этой ситуации экспертам в Москве следует ответить на три вопроса. Первый: «Чего хочет Иран?». Второй: «Есть ли решение у иранского ядерного вопроса?». Третий: «Как вести себя России?».

Чего хочет Иран

У нынешнего руководства Ирана имеется четыре круга ключевых и связанных между собой стратегических задач, которые оно последовательно решает или пытается решить.

¹ Впервые опубликовано: Орлов В. Что нужно Ирану. Что делать России // *Russia Confidential*. 2012. № 2 (2). 8 с. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Russia-Confidential-N2-2012-RUS.pdf>

² Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра.

Первый круг связан с внутриполитической устойчивостью. До последнего времени Иран оставался одним из наиболее демократических государств Ближнего Востока. Парламентские и президентские выборы в сочетании со сложной многоуровневой системой принятия решений делают систему потенциально уязвимой. Иранское руководство уже прошло первый тест на уязвимость, когда малочисленная, но шумная оппозиция пыталась перехватить инициативу. Сегодня возможности оппозиции минимизированы. Но иранский режим крайне болезненно реагирует на «подкармливание» оппозиции извне. В этой связи у иранского руководства нет никаких причин начинать широкий диалог с Соединенными Штатами, поскольку те своей конечной целью (по крайней мере, как это видится в Тегеране) ставят демонтаж правящего режима, а раскручивание ядерного вопроса – это лишь метод для смены власти. Это не паранойя мулл. У Ирана есть реальные основания для опасений. Этому их учит история: от свержения Мосаддыка до поддержки шаха. Такая ли уж разница для Ирана, кто сейчас правит в Белом доме?

Второй круг связан с технологическим прогрессом и самодостаточностью. Иран хочет играть первую скрипку в мировых делах XXI века, а для этого считает принципиально важным обладать собственными передовыми технологиями, так как только они обеспечат независимость, самодостаточность и свободу рук (еще один исторический урок, который иранцы хорошо усвоили). Иран трудно входит в мир передовых ядерных, ракетно-космических и биотехнологий. При всех консолидирующих нацию технологических прорывах самостоятельная работа дается Ирану куда более тяжело, чем его руководители готовы признать. Скачок в ядерной области (достигнутый отчасти благодаря плохим пакистанским технологиям) сменяется мучениями и стагнацией. Отчасти, ограничителем становится вынужденная самодостаточность в результате санкций. Иранцам уже не хватает собственных знаний. В отличие от Кубы, которая когда-то, будучи зажата в блокаде, подняла на мировой уровень свои биотехнологии и медицину, впитывая помощь Советского Союза, пока не обогнала его, Ирану не удастся положиться здесь ни на кого. Бушерская атомная электростанция (АЭС) – одно из считанных исключений.

Третий круг связан с обеспечением внешней безопасности и минимизацией риска вооруженных конфликтов по периметру

границ и извне. Минимизация риска вооруженных конфликтов – это третий исторический урок, который выучил Тегеран, испытав на своей шкуре, что значит, когда врагу-соседу (саддамовскому Ираку) помогали все, а ему, Ирану, никто. Именно тогда, в середине 1980-х гг., когда Ирак безнаказанно применял оружие массового уничтожения (ОМУ) – химическое – против Ирана, в глубинах иранского военно-политического руководства и возникла мысль о разработке собственного ядерного оружия.

Проблему с Ираком Иран, парадоксальным образом, решил благодаря американцам. Теперь их отношения вполне добрососедские, и ОМУ-аргументов не требуют. Но иранская дипломатия не смогла наладить столь же добрососедские отношения со всеми странами Персидского залива (возможно, за исключением Омана и Дубая из ОАЭ). Впрочем, по мнению иранцев, их главный сосед сегодня – Соединенные Штаты, представленные флотом и военными базами, не говоря уже о войсках в Афганистане и беспилотниках в Пакистане. То есть для Тегерана решение вопросов внешней безопасности жестко завязано на отношения с Вашингтоном.

Четвертый круг задач связан с экспансией своего влияния в регионе, утверждением в качестве региональной сверхдержавы и магнита притяжения для всех мусульман Ближнего Востока, вне зависимости от того, сунниты они или шииты. Так как весь регион находится в брожении, рано делать заключения, проиграл Иран в результате так называемой арабской весны начала 2010-х гг. или выиграл. Пока иранский выигрыш, о котором любят многозначительно поговорить в Тегеране, представляется эфемерным. Каирская улица, еще недавно, при Мубараке, завистливо глядевшая в сторону Тегерана и ему внимавшая, несмотря на религиозные различия, сегодня увлечена собственным национальным строительством. Влияние Ирана на арабские государства Ближнего Востока присутствует, но оно гораздо скромнее турецкого. И проецирование будущего влияния Тегерану удастся куда хуже, чем Турции. Выпадение асатовской Сирии из зоны иранского влияния внешнеполитической катастрофой для Тегерана не будет, но болезненным ударом, конечно, станет. Иранское руководство предпочитает делать хорошую мину при скверной игре.

Решение иранского ядерного вопроса

Широкое, без пререканий сотрудничество Ирана с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ)

Иран время от времени делает полушаги (в августе прошлого года, в январе нынешнего). Это шаги в правильном направлении, но их недостаточно для того, чтобы все мировое сообщество, включая Россию, смогло убедиться, что все иранские прегрешения остались в прошлом. Иран должен ратифицировать Дополнительный протокол, а до этого добровольно пойти на исполнение его положений, как если бы он был ратифицирован. Частично и выборочно иранцы, кстати, так и действуют, теперь надо уйти от выборочности.

Иранские коллеги и публично, и особенно в частных разговорах сетуют на то, что МАГАТЭ раздевает их перед американской и британской разведкой и что в конечном итоге все данные сливаются Израилю. Это Тегеран унижает. Но, помимо эмоционального негатива, речь ведь идет еще и о том, что в условиях, когда Израиль прямо заявляет о вероятности ударов по иранским ядерным объектам, иранцам просто опасно вот так раздеваться. Многие упрекают Иран в том, что он сначала строит ядерные объекты, а лишь потом сообщает о них в МАГАТЭ. Но, мне кажется, можно понять, почему Иран так делает. Можно ли выйти из этого противоречия? Да. И Россия может сыграть здесь ведущую роль.

Снятие требований к Ирану отказаться от обогащения урана

Добиваться от Ирана отказа от обогащения урана – нереалистично, да и не нужно. Если Тегеран не нарушает своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (а в этом остаются сомнения, как минимум в исторической части), то не следует добиваться от него того, что не является и не будет в обозримой перспективе международной нормой. Экономически Иран может действовать не вполне разумно, но политически его стремление к самодостаточности не уважить нельзя. На это мне указывают многие коллеги из развивающихся государств, прежде всего, из Египта. Самоограничения в части отказа от уранового обогащения были бы, с моей точки зрения, правильным и важным шагом, но они могут быть только добровольными.

Резолюция Совета Безопасности ООН о недопустимости применения силы или угрозы применения силы (включая и кибератаки) против любых атомных объектов Ближнего Востока, находящихся под гарантиями МАГАТЭ либо продемонстрированных инспекторам МАГАТЭ по их запросу, как построенных, так и находящихся в процессе строительства, а также против персонала этих объектов

Такая резолюция должна быть принята до начала работы международной Конференции по вопросам зоны, свободной от ОМУ, (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, которая запланирована на конец 2012 г. в Хельсинки. Иначе участие Ирана в этой важной конференции окажется под вопросом. В самом деле, нормальна ли ситуация, когда твоя ядерная промышленность, твои ученые находятся под постоянным прицелом и угрозой атаки, а тебя как ни в чем не бывало приглашают за стол переговоров.

Добровольное решение Ирана о временном замораживании уровня обогащения урана, а также замораживании на нынешнем уровне количества центрифуг, отказ от введения в каскады новых центрифуг, создания новых каскадов, запуска вращающихся (но пока без газа) центрифуг

О важности подобного шага говорил, в частности, заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков, когда встречался с членами Международного клуба Триалог под эгидой ПИР-Центра. Такой шаг станет мерой укрепления доверия, но не юридически обязывающей нормой.

Решение Совета Безопасности ООН о временном приостановлении действия санкций в отношении Ирана

Приостановление санкций возможно при условии удовлетворительного сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ (такой подход предлагают сейчас некоторые европейские эксперты); а при закрытии вопросов «иранского файла» МАГАТЭ – вероятно и полная отмена санкций.

Формирование климата доверия в регионе в вопросах ядерной безопасности

Коллеги из Кувейта, других государств Персидского залива высказывали мне опасения по поводу надежности и безопасности Бушерской АЭС, построенной при участии России. Они предлагают провести стресс-тесты станции с участием наблюдателей из заинтересованных сопредельных государств. Ирану и России следует ответить на такие запросы позитивно и доброжелательно.

Начало регионального диалога по всему комплексу ядерных вопросов

Необходим диалог по комплексу вопросов от формирования зоны, свободной от ядерного и других видов ОМУ на Ближнем Востоке (с участием всех арабских государств, Ирана и Израиля) до формирования ближневосточного МАГАТЭ по примеру Евратома. Увертюрой этого процесса имеет шанс стать конференция по ЗСОМУ в Хельсинки – конечно, если ее рассматривать не как единовременное собрание, но как начало долгого процесса восстановления доверия, открытости и диалога.

Не надо мешать Ирану развивать ядерную энергетику. Тегеран все равно замкнет ядерный топливный цикл (ЯТЦ), даже после израильских бомбардировок. Только после бомбардировок он наверняка проведет корректировку своей стратегической калькуляции. Надо учесть и попытаться научиться уважать стратегические задачи Ирана: три из четырех не создают проблем ни для региона, ни для международного сообщества в целом. Если стратегические задачи Ирана хотя бы отчасти будут учтены и уважены, у Тегерана не будет мотивации переключать свой ЯТЦ на военные рельсы. А жить с иранским ЯТЦ всем его соседям – включая и Россию – нужно будет просто привыкнуть – ведь живем же мы по соседству с японским ЯТЦ, при этом некоторые – даже не имея мирного договора.

Как вести себя России

А чем для России плох Иран с ядерным оружием? С одной стороны, может показаться, что Иран, создав он ядерное оружие, интересам России действительно не угрожает. Да, иранские

ракеты не долетят до Парижа, зато долетят до Сочи. Но не на Сочи же они будут нацелены. Далее, на Ближнем Востоке установится система регионального сдерживания по линии Израиль – Иран. Сдерживание работало в самые худшие дни холодной войны в отношениях между СССР и США; работает между Индией и Пакистаном; будет работать и на Ближнем Востоке, может быть, даже облегчит путь Израилю и Ирану к взаимным договоренностям по контролю над вооружениями (что сегодня немислимо). Наконец, последние пять лет Россия живет бок о бок с ядерной КНДР – сначала было как-то некомфортно (особенно Приморью, где пришлось вспомнить про учения гражданской обороны), но теперь уже привычно. А ведь уровень ответственности Тегерана будет, безусловно, выше, чем северокорейского режима, и никаким другим игрокам (в отличие от безответственного, нестабильного Пакистана) Иран свои ядерные знания и технологии продавать не будет.

Но я придерживаюсь иного взгляда. Появление у Ирана ядерного оружия взорвет ДНЯО, который, по моему глубокому убеждению, продолжает оставаться краеугольным камнем международной безопасности. Благодаря ДНЯО Москва имеет исключительное положение в качестве члена ядерной пятерки.

Я не разделяю мнения тех экспертов, которые предвидят, будто, в случае появления в Иране ядерного оружия, его вскоре создадут Саудовская Аравия или Турция. Проблема будет хуже: сам ДНЯО обесценится и перестанет существовать. И дело не в том, что за Ираном непременно последует Саудовская Аравия, но в том, что в ядерных вопросах по всему миру воцарится хаос. А вот это – против жизненных интересов России.

В условиях нагнетания турбулентности России следовало бы подумать не только о том, что все возможные санкции по пресечению доступа Тегерана к ядерным и ракетным технологиям уже приняты и действуют, но и о том, на пользу ли все эти санкции в нынешних конкретных условиях. Ни США, ни Евросоюз не вняли настоятельным пожеланиям России не вводить санкции вне Совета Безопасности ООН. Их право. Право России – пересмотреть свой подход к ныне действующим санкциям Совета Безопасности ООН и, если окажется, что часть из них исчерпала себя, действовать в Совете Безопасности ООН соответственно.

К слову, в свое время в Нью-Йорке санкции прописывались таким образом, что не затрагивали права России на поставки Ирану оборонительных комплексов, в частности С-300 или С-400. Президент Д.А. Медведев³ своим указом решил, что Россия должна воздержаться от таких поставок, что и было сделано. В условиях, когда Ирану прямо угрожают ракетными ударами, не пришло ли время такие поставки осуществить, да и вообще помочь Тегерану укрепить обороноспособность (при условии, что эти поставки не будут передаваться третьей стороне)?

В свое время Россия уклонилась от заявки Ирана на вступление в ШОС; причем было принято решение, не позволяющее принимать в эту организацию государства, находящиеся под санкциями Совета Безопасности ООН. Эту временную норму можно было бы пересмотреть. У России, как и у других действующих членов ШОС, есть много общих тем с Ираном: это и энергетическая безопасность, и борьба с наркотрафиком, и стабилизация ситуации в Афганистане после ухода оттуда НАТО. Конечно, прежде чем инициировать этот процесс, России следовало бы понять настроение Ирана по ряду нерешенных двусторонних экономических вопросов, в частности, по Каспию.

Наконец, российским экспертам, как неправительственным, так и правительственным, стоило бы собраться вместе, чтобы – пока неформально – обсудить вопрос, а не устарел ли механизм «шестерки»⁴, в рамках которого сейчас в основном обсуждается иранская ядерная программа, да и другие вопросы по Ирану. Ведь даже от американских партнеров часто приходится слышать: «Давайте решать этот вопрос (по Ирану) без участия европейцев, от них проку мало, и они ни на что не влияют». Так что с американцами Россия могла бы продолжать обмена по двусторонней линии, как это сейчас успешно и делается.

Многосторонний подход к решению иранского ядерного вопроса важен. Сейчас он более важен, чем когда-либо. Нельзя забывать, что в мире есть ведь и другие силы, у которых много конструктивных идей и которые могут быть лучше услышаны в Тегеране. К примеру, в переговорах с Ираном вместо шестерки можно было бы использовать уже имеющийся формат БРИКС.

³ Президент Российской Федерации в 2008–2012 гг. – *Прим. ред.*

⁴ «Шестерка» стран-участниц переговоров по иранской ядерной программе включала Россию, США, Великобританию, Китай, Францию и Германию. – *Прим. ред.*

Здесь, помимо России, присутствуют представленный, как и она, в шестерке, Китай, ранее участвовавшая в диалоге с Ираном Бразилия (если бразильский президент Дилма Русеф не утратила интерес к этой теме окончательно), и поддерживающая плотный диалог с Ираном Южная Африка. Индия в последнее время является оппонентом Ирана, но в этом качестве она и может быть полезна – особенно учитывая ее близкие связи с США в сочетании с традиционно взвешенной линией в международных делах. Москве следует плотнее, чем сейчас, вести двусторонний диалог с Пекином по иранской проблематике.

Не исключаю, что более продуктивной, чем БРИКС, могла бы стать группа по диалогу с Ираном, которую создали бы Россия и Турция. В нее могли бы войти те же Бразилия, Южная Африка, а также такие авторитетные (в мире и в Иране) игроки в вопросах ядерного нераспространения, такие как Казахстан, Индонезия, а также (но здесь вопрос) Египет.

Конечно, надо быть реалистами и отдавать себе отчет в том, что такая группа не принесет Ирану на блюдечке главное, что нужно сейчас Тегерану: гарантии безопасности со стороны Вашингтона (включая отказ от применения силы и вмешательства во внутренние дела). Однако при активном участии России она могла бы предоставить, как минимум, эффективное обеспечение первого, самого срочного шага по решению иранского ядерного вопроса – прозрачности ядерной программы, уверенности, что в сегодняшнем виде она не направлена на оружейные цели, и при этом уважительного отношения к той информации, которая будет получена от Ирана в рамках такого прозрачного подхода. Каждая из названных стран имеет авторитетных технических экспертов, которые могли бы получить беспрецедентный доступ к объектам ядерной инфраструктуры Ирана – даже тем, прежде всего строящимся, которые Иран никому показывать не обязан. Ни в коей мере не замена МАГАТЭ, но подспорье для МАГАТЭ на тот переходный период, пока доверие полностью не восстановлено, – так я вижу работу группы экспертов.

Если говорить цинично, Россию могла бы устраивать нынешняя ситуация вокруг Ирана – ни мира, ни войны. Но это только если знать, что у всех игроков стальные нервы, и никто не сорвется.

Сегодня есть противоположное ощущение. Один удар по Араку или применение новых типов глубоко проникающего высокоточного оружия в районе Кума, – и следующим шагом

Иран... нет, не обязательно бьет по Тель-Авиву или высаживается на Бахрейне. И даже не перекрывает Ормузский пролив. Он выходит из ДНЯО. Из договора, который его не защитил. Ответственность за этот сценарий будет лежать и на России – одном из трех депозитариев-хранителей ДНЯО. Соскальзывание ситуации к войне ли, к эскалации напряженности вокруг Ирана не отвечает интересам России. Поэтому России важно не самоустраняться, но продолжать предотвращать силовой сценарий, насколько это в ее силах, играя ответственно и – главное – не по чужим нотам.

Глава 15

ОЧЕРКИ О НОВОМ ВИТКЕ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫХ ТРЕВОГ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (2017)

Обстановка на Корейском полуострове: возможности новой администрации США и интересы России¹

Александр Воронцов²

Пхеньян с самого начала не скрывал, что ядерное испытание, проведенное в сентябре 2016 г., – это его ответная реакция на принятую в марте беспрецедентно жесткую резолюцию СБ ООН № 2270. Северокорейская сторона не признает новые санкции, считая их несправедливыми, и уже продемонстрировала, что экономическим давлением ее не остановить – она лишь будет форсировать развитие ракетной программы. Действительно, ракетные испытания сейчас проходят крайне активно: в течение 2016 г. эксперты насчитали порядка 30 пусков.

Во время наших встреч в марте и октябре 2016 г. северокорейские коллеги, в частности представители северокорейского министерства иностранных дел и ведущих исследовательских институтов в Пхеньяне, дали явно понять, что санкционный режим их не пугает, как и его ужесточение. Они также напомнили, что со своей стороны проявили гибкость, предложив переговоры, имея в виду инициативу обоюдного моратория (на ракетные и ядерные испытания с северокорейской стороны и на масштабные совместные военные учения с американо-южнокорейской). Однако это предложение КНДР было с порога отвергнуто.

¹ Впервые опубликовано: Воронцов А. Обстановка на Корейском полуострове: возможности новой администрации США и интересы России // *Russia Confidential*. 2017. № 1 (241). 7 с. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Russia-Confidential-2017-N01-RUS.pdf>

² Александр Валентинович Воронцов (род. 20 февраля 1958 г.) – заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. – *Прим. ред.*

Таким образом, северные корейцы готовы к диалогу и заинтересованы в нем. Однако отсутствие диалога их также не пугает. В ходе наших встреч они подчеркнули, что понимают логику подхода администрации Обамы – неприятие переговоров ради переговоров, – но и КНДР не намерена участвовать в переговорах, которые имеют целью ее капитуляцию.

Несмотря на интерес Пхеньяна к диалогу с США, администрация Обамы сознательно нанесла огромное оскорбление корейской нации, внося лично руководителя КНДР в санкционный список. Пхеньян убежден, что этим Вашингтон пересек красную черту, в связи с чем были прерваны все официальные контакты с американской администрацией, включая представительство при ООН в Нью-Йорке, которое обычно активно задействовалось для двусторонних контактов. Продолжался лишь неофициальный обмен мнениями в рамках научных конференций. В этих условиях новые ракетные и ядерные испытания не стали неожиданностью.

Что нового принесет приход к власти новой администрации в США?

Северная Корея не скрывает, что ее главная внешнеполитическая цель – это нормализация отношений с Соединенными Штатами: именно неурегулированность отношений с США и их союзниками стала основной причиной возникновения и развития ядерной программы. Между странами отсутствуют дипломатические отношения и не подписан мирный договор, что является полным анахронизмом. Американцы сознательно уходят от нормализации отношений: обе страны состоят в ООН, а дипломатических отношений между ними нет. С точки зрения Пхеньяна, это одно из явных проявлений враждебной политики: не хотят нормализации отношений, значит, хотят ликвидации КНДР.

Шансы нормализовать отношения с США в истории были, в частности, при администрации Билла Клинтона. В конце второго срока его администрации, в октябре 2000 г. второй человек в иерархии КНДР, вице-маршал Чо Мён Рок, был принят Клинтонем в Белом доме. В ходе этой встречи было подписано совместное коммюнике – а это уже общий документ, технически почти дипломатическое признание. Через две недели госсекретарь США Мадлен Олбрайт приехала в Пхеньян, где провела девять часов

в личных беседах с северокорейским лидером Ким Чен Иром. Эти шаги были ступенями практической подготовки визита самого главы Белого дома в Пхеньян.

Таким образом, сближение США и КНДР, установление дипломатических отношений между странами в принципе возможно. Однако в тот раз не хватило времени – всего нескольких недель. Президентский срок Билла Клинтона подошел к концу, и с приходом к власти республиканца Джорджа Буша-младшего, который сразу включил КНДР в «ось зла», ситуация изменилась до противоположной. Однако и Буш во время своего второго президентского срока перешел к более конструктивной политике в отношении Северной Кореи – в отличие от демократа Барака Обамы, так и оставшегося на своей позиции стратегического терпения. Последняя, как говорят, в том числе, и американские эксперты, – одна из разновидностей классической политики сдерживания.

Поэтому то, что было озвучено в ходе предвыборной кампании новым президентом США Дональдом Трампом в 2016 г., обнадеживает. Вопрос в том, будет ли его идея прямых переговоров с лидером КНДР воплощена в жизнь. Если она реализуется, безусловно, стоит ожидать от Пхеньяна позитивной реакции. Напомним, что Дональд Трамп образно – предвыборная кампания к этому располагала – сказал, что он встретился бы с лидером КНДР «за бургером» с тем, чтобы не тратить время на полноформатный обед. Но главное, не отрицалась сама возможность встречи на высшем уровне. Уже одно это было бы безусловным прорывом.

О потенциале российского участия в решении северокорейской проблемы

Россия старается оставаться активным участником процесса урегулирования ситуации на Корейском полуострове и конкретно ядерной проблемы. Мы кровно заинтересованы в мире и стабильности на полуострове, в этом наша сверхзадача. Поэтому МИД России всегда подчеркивает, что Москва приветствует любые переговоры с Пхеньяном вне зависимости от формата, если они нацелены на нормализацию отношений, на снижение уровня напряженности.

Для решения же корейской ядерной проблемы особенно важна нормализация отношений КНДР с США. Как уже отме-

тили выше, это главная внешнеполитическая цель, которую преследует КНДР. При этом в силу особенностей политической традиции в США, по сути, нет единого механизма формулирования внешней политики. Центров, влияющих на принятие решений, больше, чем в других странах: президент, Совет национальной безопасности, Конгресс, Министерство финансов, Государственный департамент. В частности, шестисторонние переговоры³ показали прямые противоречия по корейскому вопросу между двумя последними. В этих условиях Соединенным Штатам по объективным причинам не всегда удастся быть последовательными в проведении принятой политики. В том числе и поэтому так важно участие иных заинтересованных сторон в качестве посредников.

Из великих держав сейчас только две – Россия и Китай – поддерживают дипломатические отношения и с Северной, и с Южной Кореей. Только у России и Китая есть необходимый опыт и уровень доверия в отношениях с КНДР. Этот потенциал должен быть востребован в процессе урегулирования. Однако базовой потребностью при этом является нормализация северокорейско-американских, северокорейско-японских и, конечно, межкорейских отношений.

Параллельно Россия будет продвигать идею многосторонней системы мира. Отсутствие в Северо-Восточной Азии, где сконцентрированы ведущие экономики мира, хотя бы единой площадки для обсуждения региональных проблем безопасности стало уже притчей во языцех. Шестисторонний механизм работал, но лишь до 2009 г. Впрочем, мы от него окончательно не отказались – как и прочие участники. Исключение составляет КНДР, которая мотивировала свой уход тем, что из равноправных переговоров, где уважают суверенитет и права всех участников, процесс превратился в обвинение одного подсудимого пятью прокурорами.

Северные корейцы твердо отстаивают свои национальные интересы, и их не получится ни запутать, ни «прогнуть», ни обмануть. Поэтому если новая администрация США во главе с Дональдом Трампом будет преследовать истинно нераспространенческие цели, успех в решении северокорейской ядерной проблемы возможен. Но если в качестве скрытой повестки вновь будет продвигаться задача смены режима, это вновь заведет процесс в тупик.

³ Проходили в 2003–2009 гг. между Северной и Южной Кореей при участии США, Китая, России и Японии. – *Прим. ред.*

Когда 9 сентября 2016 г. состоялось пятое ядерное испытание КНДР, главы внешнеполитических ведомств России и США Сергей Лавров и Джон Керри вели в Женеве переговоры по сирийской проблеме. Во время пресс-конференции 10 сентября были заданы и вопросы, посвященные Пхеньяну, и по ответам на них стало заметно, что позиция США в отношении КНДР несколько изменилась. Американцы заговорили о готовности заключить договор о ненападении, хотя и лишь в случае денуклеаризации. Российский министр иностранных дел отметил, что, хотя новые санкции будут приняты, история показывает, что одними лишь санкциями такие вопросы не решаются: нужны нестандартные дипломатические решения. Лавров напомнил, что ликвидация химического оружия в Сирии и урегулирование сложной иранской проблемы были достигнуты при выработке новых, творческих дипломатических подходов.

Хотя идея решения северокорейской проблемы через заключение соглашения, аналогичного иранскому, звучит довольно часто, ситуация в КНДР похожа на иранскую лишь отчасти. Иран еще не создал ядерного оружия, не проводил ядерных испытаний, а для северных корейцев это факт уже свершившийся. Отказаться от реально существующего ядерного оружия, в создании которого были вложены огромные средства и усилия, понесены большие жертвы, гораздо сложнее, чем от программы, которая находится только на начальной стадии. Тем не менее, иранский опыт показал, что дипломатия может работать, когда стороны готовы проявлять политическую волю и предлагать креативные решения, когда усилия направляются на подлинно политику нераспространения ядерного оружия, а не на смену режима.

О расстановке сил в регионе и перспективной повестке для России

Несмотря на поиски новаторских решений, в существующей системе сохраняются некоторые неизбежные элементы, в частности, американское военное присутствие в Южной Корее. Политика же самой Южной Кореи будет зависеть от итогов запланированных на 2017 г. в стране президентских выборов. Завершивший работу в ООН Пан Ги Мун позиционируется как реальный кандидат, и если к власти придет представитель этого лагеря, то поли-

тика останется прежней. Если же победит кандидат от оппозиции⁴, он вернется (до определенной степени) к политике Но Му Хёна, к примирению и сотрудничеству с Северной Кореей, к соглашениям, подписанным в 2008 г. во время второго межкорейского саммита и впоследствии отвергнутым Ли Мён Баком. Будет возобновлена работа Кэсонской зоны, закрытие которой было большой ошибкой – и политической, и экономической.

Таким образом, разворот возможен, даже радикальный. В этом случае откроются и новые возможности для трехсторонних проектов сотрудничества (РФ-КНДР-РК), которые с экономической точки зрения объективно выгодны всем.

Жизнь не стоит на месте, появляются новые идеи. Если вспомнить о проекте российского газопровода в Южную Корею через территорию КНДР, то сначала, в 1990-е гг., его собирались провести от Якутского газового бассейна. Потом на передний план вышел проект, ориентированный на Ковыкту⁵: так как Ковыкта располагалась ближе, тогда казалось экономически выгоднее провести газопровод через Китай по дну Желтого моря, мимо Северной Кореи. Прорабатывались планы, было подписано несколько меморандумов о намерениях и взаимопонимании. Однако появление газа на Сахалине стало отправной точкой для реанимации газового проекта с транзитной ролью КНДР. Так же и с электричеством: ранее существовал проект линии электропередачи, проложенной через две страны, в том числе через Северную Корею; сейчас появилась идея энергокольца, которая поначалу казалась мечтой, но уже постепенно претворяется в реальность.

Впрочем, если возвращаться к военно-политическим вопросам, приход к власти оппозиции вряд ли затронет проект ТНААД⁶. Решение о размещении этой системы исходило не от Южной Кореи, а от США, являясь частью их собственной глобальной стратегии, которой они следуют неукоснительно, невзирая на протесты России, Китая и других стран. Да и в Южной Корее ценность военного присутствия США на ее территории не подвергалась сомнению даже в период относительного потепления отношений с Пхеньяном при президентах Ким Дэ Чжунге и Но Му Хёне.

⁴ Наиболее крупной фигурой здесь мог бы считаться Мун Чже Ин, хотя и проигравший свои прошлые выборы.

⁵ Ковыктинское газовое месторождение в Иркутской области России.

⁶ *Terminal High Altitude Area Defense (THAAD)* – противоракетный комплекс подвижного наземного базирования.

В то же время, от итогов президентских выборов во многом зависит дальнейшее военное сотрудничество Южной Кореи с Японией. В случае прихода к власти кандидата от оппозиции и условного разворота в сторону КНДР необходимость в таком сотрудничестве отпадет, напротив, ситуация на полуострове нормализуется, наладятся контакты между военными Севера и Юга. Впрочем, судьба японо-южнокорейского сотрудничества не определена и в силу серьезных проблем в двусторонних отношениях: территориальные споры и вопросы оценки колониального прошлого накладывают объективные ограничения на развитие военно-политических связей.

В отношениях с нашей страной у Южной Кореи тоже не все просто. Для России ценно, что южане официально не присоединились к антироссийским санкциям. Однако будучи союзниками Вашингтона, де-факто они очень ограничены в своих действиях. При этом Россия сама связана санкциями, под которыми она подписалась в рамках резолюции СБ ООН. Это реальный ограничитель наших двусторонних экономических связей с Северной Кореей.

В октябре 2016 г. мне удалось встретиться с представителями Министерства внешнеэкономических дел КНДР. По их словам, сейчас большинство наших двусторонних проектов встали, перестали развиваться. Негативное влияние санкции оказали и на «Раджин-Хасан»⁷, ограничив грузопоток, хотя проект в принципе выведен из-под их действия. Тем не менее, северяне настроены не драматизировать ситуацию, представляя все лишь как временные трудности.

Китай поддерживает мнение России о том, что легитимны только санкции, содержащиеся в резолюциях СБ ООН, но не расширительные односторонние санкции, введенные США, Японией и Южной Кореей и направленные на ослабление гражданской экономики КНДР, на коллапс режима. Здесь кардинально различаются подходы России и Китая, с одной стороны, и США и союзников, с другой. Китай, имеющий с КНДР общую границу протяженностью 1300 км, в принципе не заинтересован в нестабильности на этой границе и в Северной Корее в целом, в потрясениях, в снижении уровня жизни.

⁷ Раджин-Хасан – проект транспортировки грузов из России в Республику Корея через территорию КНДР.

В последние годы в отношениях Пекина с Пхеньяном можно было заметить некоторое охлаждение, однако теперь планы по размещению ТНААД снова сблизили их позиции. В подобной ситуации Китай еще меньше, чем раньше, настроен следовать курсу западных стран на экономическое удушение КНДР.

Впрочем, оказать на Северную Корею объективное воздействие не удастся никому: ни США, ни России, ни Китаю. Возможно, Вашингтон сможет перехватить инициативу, если Дональд Трамп на посту президента пойдет на обещанное сближение с Пхеньяном. Санкции объективно не работают, это очевидно. Возможно, политической элите США попросту сложно отказаться от собственной идеи о том, что санкции всесильны и режим неизбежно падет под нарастающим давлением. Как бы то ни было, до настоящего времени не появилось никаких признаков коллапса. Напротив, в КНДР наблюдается достаточно устойчивое позитивное экономическое развитие, и это в условиях санкций, без сотрудничества с Южной Кореей, без поддержки извне.

В любом случае, политика Дональда Трампа пока неясна, не поступает каких-либо свежих идей и от ЕС, поглощенного внутренними проблемами. Таким образом, если говорить о том, кто сейчас является наиболее активным игроком в отношении ядерной программы Северной Кореи, то это сама Северная Корея.

Ракетно-ядерная проблема Северной Кореи – что делать?⁸

Владимир Хрусталеv⁹

Почти непрерывный поток тревожных новостей с Корейского полуострова отражает устойчивую тенденцию: за последнее время Пхеньян значительно активизировал как свою программу испытаний ядерных зарядов, так и программы по разработке

⁸ Впервые опубликовано: *Хрусталеv В. Ракетно-ядерная проблема Северной Кореи – что делать? // Russia Confidential. 2017. № 3 (243). 8 с. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Russia-Confidential-2017-N03-RUS.pdf>*

⁹ Ведущий специалист по проектам Центра международных исследований Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского. – *Прим. ред.*

новых и усовершенствованию имеющихся у него баллистических ракет.

Чего они добиваются?

В настоящее время военно-политическое руководство КНДР сосредоточено на решении нескольких ключевых проблем.

Во-первых, это переход от минимального ядерного сдерживания (когда есть лишь теоретическая вероятность ядерного ответа на атаку противника) к надежному (высокая вероятность), а в идеале – гарантированному – с максимальной выживаемостью и эффективностью ядерных сил в широком спектре неблагоприятных военных сценариев.

Во-вторых, это переход от непрямого сдерживания США (угрозы ударов по американским базам в регионе и по странам-союзникам США) к прямому (угрозе атаки целей на территории США, в идеале – на основной континентальной территории).

Новые ракеты

Интенсивность ракетных запусков в 2016–2017 гг. позволила КНДР продемонстрировать первые успешные полетные испытания следующих баллистических ракет:

- «Хвасон-10» (Мусудан) – жидкостная одноступенчатая баллистическая ракета средней дальности с оценочной максимальной дальностью стрельбы до 3000 км;
- «Пуккыксон-1» (KN-11) – твердотопливная двухступенчатая баллистическая ракета с подводным стартом и приблизительной максимальной дальностью около 1100–1250 км;
- «Пуккыксон-2» (KN-15) – твердотопливная двухступенчатая баллистическая ракета наземного базирования с «холодным» стартом из транспортно-пускового контейнера, установленного на гусеничной передвижной грунтовой пусковой установке, с приблизительной максимальной дальностью 1100–1250 км.

Помимо новых ракет, идет разработка и новых пусковых платформ.

Известно, что в настоящее время в КНДР ведется строительство первых, относительно боеспособных подводных лодок, оснащенных несколькими баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) каждая, с оценочным водоизмещением около 3000 т. По поступающим сообщениям, на разных стадиях проектирования находятся подлодки водоизмещением 6000 т и даже 9000 т (последняя, видимо, на стадии разработки концепции).

На опубликованных СМИ КНДР материалах видна также новая пусковая установка на гусеничной базе. Очевидно, что проблем в производстве гусеничных платформ у КНДР быть не должно: страна располагает отраслями по выпуску как гражданской, так и военной гусеничной техники.

Кроме того, в 2016 г. КНДР удалось вывести на орбиту спутник дистанционного зондирования Земли «Кванменсон-4» весом 200 кг, в очередной раз продемонстрировав работоспособность космической ракеты «Ынха-3». Были анонсированы дальнейшие планы по освоению космоса и наращиванию орбитальной группировки, которые требуют новых ракет и новых двигателей.

К текущему моменту КНДР показала уже три новых мощных жидкостных ракетных двигателя. Один из них заявлен как космический, другой как многоцелевой, а третий – как двигатель межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). Первый имеет заявленную тягу в 80 т и время работы 200 секунд (причем на снимках этого двигателя была видна всего одна камера, а такая тяга на одну камеру – это рывок по мощности в разы).

Предварительные оценки параметров двигателя, а также реконструкция Западноморского космодрома (увеличение габаритов стартового оборудования) указывают на принципиальную реалистичность достижения в ближайшие три-пять лет заявленных космическими инстанциями КНДР целей. В их числе вывод на орбиту более тяжелых прикладных спутников и вывод национального спутника связи на орбиту геостационарную.

Неоднократно властями Северной Кореи заявлялись планы создания и испытания первой национальной боевой МБР. В 2016 г. были продемонстрированы испытания теплозащиты боеголовки, ее предположительная компоновка, некая разобранная боевая многоступенчатая ракета, а также публиковались материалы об испытании двигателя МБР.

Успехи КНДР в области освоения новых пар горючее-окислитель, в проектировании и испытаниях разных многоступенчатых

ракет (боевых и космических), в освоении все более мощных двигателей со все более сложными системами управления указывают на то, что в обозримом будущем могут быть проведены первые испытания национальной МБР. В случае их успеха первые МБР могут появиться на вооружении у Пхеньяна уже к 2020 г.¹⁰ Пусть и крайне малочисленные, и не самые совершенные (достаточно уязвимые к первому удару противника), но уже вполне транспортбельные и боеспособные.

Следует также отметить, что часть запусков КНДР является не только и не столько испытаниями ракет, сколько отработкой приемов по преодолению противоракетной обороны (ПРО) противника: залповый пуск, пуск по навесной траектории и т.д. Так, 12 февраля 2017 г. впервые была якобы испытана возможность простого маневрирования боеголовки в полете после отделения.

Таким образом, размещение в регионе сил и средств ПРО активно стимулирует Пхеньян на принятие контрмер, поскольку ПРО рассматривается им как важный компонент в подготовке нападения на страну. И наоборот, демонстративная способность преодоления ПРО рассматривается как средство повышения убедительности сдерживания.

Военный атом: реалии и прогнозы

Рост мощности фиксируемых взрывов и материалы СМИ КНДР демонстрируют рост ядерных возможностей Пхеньяна. Только в 2016 г. были проведены два ядерных испытания, причем второе по мощности (более 30–35 кт по некоторым оценкам) стало самым успешным среди всех тестов КНДР. При этом официальные пресс-релизы дают основания полагать, что в КНДР проходят испытания как особые термоядерные решения (бустирование зарядов деления, одностадийные или двухстадийные термоядерные устройства), так и обычные военно-применимые заряды. Речь здесь идет о разных уровнях термоядерной технологии.

В первом случае термоядерный материал используется как эффективный источник дополнительных нейтронов, позволяя поднять мощность при том же расходе урана или плутония либо

¹⁰ В ноябре 2017 г. КНДР испытала ракету «Хвасон-14», дальность которой, по оценкам экспертов, может составлять от 10,5 до 13 тысяч км, что позволяет ей достичь любой точки на территории США. – *Прим. ред.*

достигать той же мощности при меньшем их расходе. Во втором случае речь идет об устройствах, которые относят либо к разновидности бустированных бомб деления, либо к разновидности термоядерных. Это аналоги первых заявленных термоядерными устройств СССР и Великобритании, где помимо расщепляющихся оружейных материалов использовались слой или слои термоядерного горючего, а также слои из природного или обедненного урана. Яркий пример – советская РДС-6. Наконец, третий вариант – классические термоядерные устройства с разнесенными по отдельности ядерным запалом и термоядерным узлом. Успешно испытанными зарядами такого типа в мире располагают лишь пять ведущих ядерных держав.

Рост интенсивности испытаний указывает и на то, что у Пхеньяна более нет дефицита расщепляющихся материалов. Как теперь становится известно, атомщики КНДР способны нарабатывать не только оружейный плутоний и оружейный уран, но, вероятно, также литий-6 и тритий. А значит, в 2017–2020 гг. может быть испытано достаточно мощное (более 100 кт) одностадийное термоядерное устройство, а к 2022–2023 гг. – достаточно компактное и пригодное к монтажу на ракеты двухстадийное термоядерное устройство мощностью до 300 кт (по последним данным, ядерный полигон КНДР как раз пригоден для испытаний зарядов такой мощности). Но это лишь – при сохранении текущего темпа развития соответствующих технологий и темпа ядерных испытаний.

На сегодня ядерный арсенал КНДР, скорее всего, находится в интервале 20–50 зарядов, а в ближайшие годы может оказаться в интервале 50–100 зарядов. Эта авторская оценка, основанная, в том числе, и на ряде косвенных признаков – например, анонса строительства АЭС, указывающего на то, что, скорее всего, центрифуг у КНДР больше, чем тех, о которых точно известно. Вряд ли бы Пхеньян начинал такие проекты, не имея достаточных мощностей по обогащению урана и для военной программы, и для гражданской.

Показанный СМИ КНДР макет ядерного заряда даже внешне соответствует зарядам более совершенным (США, начало 1950-х гг.), нежели самым первым. Не стоит сбрасывать со счетов и такие варианты экономии расщепляющихся материалов, как использование в одном заряде и урана, и плутония. США впервые испытали такой заряд еще в 1948 г.

Гражданский атом

В прошлом году Пхеньян неоднократно заявлял о планах строительства новой АЭС, а при контактах с российскими специалистами, посещавшими КНДР в 2016 г., утверждалось, что в стране уже ведется ее строительство, причем речь шла не о легководном реакторе в Йонбене. В настоящее время в КНДР на берегу Японского моря строится некий объект, похожий на будущую АЭС. В ближайшее время он должен так или иначе попасть в поле зрения анализа открытых источников и СМИ.

Попытки КНДР получить АЭС через механизмы международного сотрудничества провалились: импортных АЭС страна так и не получила – ни от СССР в обмен на вступление в ДНЯО, ни в рамках проекта KEDO¹¹. Проект строительства новых газодиффузионных реакторов был, по сути, саботирован. Объекты строительства (реакторы с электрической мощностью 50 и 200 мегаватт) за время действия Рамочного соглашения 1994 г. пришли в полную негодность, и возобновление строительства было признано невозможным. А потому Пхеньян вряд ли пойдет на уступки по своим новым реакторам.

Общая политическая ситуация

В Пхеньяне считают, что без адекватного ядерного потенциала США не только не будут вести с ними диалог, но и при первом же удобном случае ликвидировать их военным путем. Потому сдавать свое ядерное оружие КНДР не собирается – тем более при той беспрецедентной военной активности на Корейском полуострове, что наблюдается сейчас со стороны США и Республики Корея. Это особенно важно с учетом наличия у последних колоссаль-

¹¹ Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове (*Korean Peninsula Energy Development Organization, KEDO*) – международный консорциум, созданный в рамках практической реализации Рамочного соглашения между КНДР и США от 21 октября 1994 г. Консорциум был учрежден в марте 1995 г. В него вошли США, Южная Корея и Япония. Позже к нему присоединились ЕС и еще несколько государств. В его задачи входило строительство в КНДР двух легководных ядерных энергетических реакторов и осуществление поставок мазута в КНДР на период строительства и ввода в эксплуатацию АЭС. В связи с обострением отношений между США и КНДР в 2002 г. заявленной цели KEDO так и не достиг. – *Прим. ред.*

ного преимущества по обычным вооружениям, которое в КНДР прекрасно осознают. Простейшее доказательство реальной обеспокоенности – комплекс мероприятий вооруженных сил КНДР, предпринимаемых в связи с каждым большими учениями США и Южной Кореи: рассредоточение военной техники по подземным укрытиям, отмена увольнительных, переход десятков тысяч военнослужащих на подземный режим несения службы, который прекращается, как только прекращаются те самые учения.

В Пхеньяне явно не собираются развязывать самоубийственных войн. Вся их риторика прямо указывает, что они могут пустить в ход ядерное оружие только в случае нападения на них, либо если будет вскрыта непосредственная подготовка к такому нападению.

Очевидно, что ядерное оружие Пхеньяна не нацелено на сдерживание России и Китая. Его адресаты – Республика Корея, США и Япония (первые две страны – в первую очередь). Поэтому Россия стоит перед определенным рода парадоксом. С одной стороны, России нужна КНДР, которая не была бы поводом для наращивания ПРО Соединенными Штатами и не бросала бы вызов текущему глобальному ядерному балансу, но при этом была бы способна надежно сдерживать США и их союзников от каких-либо силовых авантюр против нее самой. Однако надежно сдерживать США и союзников способна только та страна, которая сама будет серьезной военной угрозой для них. Слабая в военном отношении неядерная КНДР просто не сможет всерьез рассчитывать сдерживать оппонентов во всех возможных кризисных сценариях.

Уступки, по мнению КНДР, могут быть только взаимными и серьезными. Но речь в любом случае может идти лишь о промежуточном решении – вроде «нет новым ядерным взрывам» или «нет испытаниям МБР». По таким же принципиальным вещам, как право на мирное освоение космоса, северокорейцы уступать вряд ли будут, на открытость ряда таких программ они готовы, но не на запрет.

Тем более, и речи быть не может о ликвидации ядерного арсенала. Для Пхеньяна это ясно вытекает из плохого финала соглашений 1994 и 2005 гг., когда КНДР так и не получила ни реальных гарантий ненападения, ни АЭС, ни прекращения враждебного давления, но при этом был нанесен серьезный ущерб ее ядерной инфраструктуре в связи с демонтажем и консервацией оборудо-

вания на ядерных объектах, а потом с большими затратами на их восстановление. Для северокорейцев показательно то, что США через короткое время после подписания соглашений всегда находили способы начать давить на КНДР по другим фронтам (санкции по правам человека, борьба с терроризмом и т.д.).

В свою очередь, для США возможные уступки в адрес КНДР, пусть даже взаимные, – это колоссальная репутационная потеря, которая зафиксировывает успешный бунт против Америки со стороны «страны-изгоя».

Существует риск кризисной ситуации, чреватой неуправляемой эскалацией. Он не слишком высок, но пренебрегать им нельзя. Очень высокая концентрация войск в высокой степени боевой готовности, с большой насыщенностью информационно-управляющими системами и дальнобойным оружием повышает вероятность перерастания непреднамеренных инцидентов и ошибок в «войну по ошибке», причем с риском, что эта война будет ядерной. Все более и более размашистые учения (воспринимаемые КНДР как концентрация огромных ударных сил вплотную у ее границ) способствуют росту вероятности реализации этого кошмарного сценария.

В настоящее время существует реальный риск попытки со стороны США провести обезоруживающую операцию против КНДР. Он не высок, но он значительно вырос по сравнению с прошлыми годами. В ряде кругов в США велик соблазн воспользоваться моментом, пока у Пхеньяна нет МБР и ответная (даже ядерная) атака может затронуть лишь Японию и Южную Корею, а американская основная территория будет спасена гарантированно. Скорее всего, после создания и развертывания в КНДР средств доставки хотя бы до Гавайев, риск американской военной операции снова сильно снизится.

Текущий военно-политический кризис в Северо-Восточной Азии в значительной степени близок той ситуации, когда альтернативой гонке вооружений и обоюдному сдерживанию является угроза ограниченной ядерной войны. Риск не слишком велик, но он реален и в последнее время увеличился. Однако скорее всего, ситуация продолжит двигаться в русле гонки вооружений, хотя и гонки асимметричной, пока у сторон не возникнет обоюдная готовность пойти на пусть и пробные, и не самые значительные, но настоящие компромиссы.

Что делать?

Во-первых, России и официальным российским СМИ следует сохранять в этом кризисе подчеркнутый нейтралитет и не давать втянуть себя в ретрансляцию психологической войны ни одной из сторон. Следует сохранять приверженность политике равноправного диалога как единственной разумной альтернативе кризису.

Во-вторых, так как быстрого и простого решения не просматривается, следует подумать о промежуточных решениях. В первую очередь, о дипломатии второй дорожки и о кризисном канале связи между сторонами. Недавние проблемы с внезапной отменой визы в США главы делегации КНДР на заранее запланированные консультации внушают мысль о том, что, вероятно, стоит сменить площадку. Таковой могла бы стать Россия. Российский Владивосток находится в том же часовом поясе, что и кризисный регион, и большинство столиц его государств, а также располагает дипломатическими представительствами всех заинтересованных стран, включая США и КНДР.

О чем можно реально говорить и говорить прямо сейчас? О предотвращении непреднамеренных боевых действий, о минимальных мерах доверия и т.п. Это первоочередная проблема: «войны по ошибке» однозначно не хочет никто. К тому же пока не удастся договориться о том, где есть хоть какой-то консенсус, говорить сразу о чем-то большем и спорном не очень разумно.

В-третьих, в перспективе (если удастся погасить кризис, и это имеет смысл лишь после того, как прояснится вопрос с новым президентом Южной Кореи) следует отказаться от исключительно ядерного формата обсуждения проблемы. Регион нуждается в создании нового шестистороннего формата для обсуждения всего комплекса основных проблем безопасности, который бы учитывал точки зрения всех участников. Обсуждение ядерного вопроса КНДР вне вопросов ПРО и наращивания неядерного ударного потенциала стран региона, вне проблемы неопределенности дипломатических отношений лишено смысла. И наоборот, в рамках контекстного обсуждения определяются конкретные вопросы для промежуточного торга. Опыт соглашений 1994 и 2005 гг. показывает, что как бы несовершенны они ни были, все же когда Пхеньян был ими связан и считал, что другой стороной они также в целом выполняются, ситуация была радикально иной.

Образно выражаясь, мы наблюдаем острый приступ хронической болезни. Нельзя просто взять и вылечить ее, надо сначала погасить этот самый приступ и уже потом спокойно и методично заняться терпеливой многолетней терапией.

Важно то, что Пхеньян готов на открытость при сохранении за собой принципиального права на обладание технологией. Яркий пример тому – космос. Северокорейцы не готовы отказаться от запуска спутников своими ракетами-носителями, но в принципе готовы допускать иностранных наблюдателей на космические объекты и отвечать на соответствующие озабоченности. Опыт с допуском иностранных СМИ на космодром весной 2012 г. был, по сути, попыткой продемонстрировать эту открытость. Однако враждебная внешняя реакция подтолкнула КНДР к мысли, что политика открытости в этом вопросе себя не оправдала. Как показало время, подобным конструктивным шагам следует идти навстречу, тогда в будущем можно будет получить от КНДР больший уровень открытости и по другим вопросам, например, касающимся безопасности ядерных объектов для соседних стран.

РАЗДЕЛ II

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ: ПОЛНЫЙ СПЕКТР

Глава 16

О ПРИНЯТИИ ПРОТОКОЛА О ЗАПРЕЩЕНИИ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ МИН, МИН-ЛОВУШЕК И ДРУГИХ УСТРОЙСТВ (1996)¹

Геннадий Хромов²

3 мая 1996 г. в Женеве пятьдесят одним государством принят Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II), прилагаемый к Конвенции о запрещении или ограничения применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г.

В настоящее время на территории многих стран всех континентов (кроме Антарктиды и Австралии), по данным экспертов ООН, установлено от 60 до 100 млн мин, на которых буквально ежедневно гибнут или получают увечья люди, хотя на этих территориях военные конфликты могут и не происходить. Самое страшное, что от мин гибнут в том числе и дети.

Мины установлены в огромных количествах на территориях Афганистана, Анголы, государств, возникших на месте бывшей Югославии, Нагорного Карабаха, российской Чечни. Этот список

¹ Впервые опубликовано: Хромов Г. О принятии Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств // *Экспорт Обычных Вооружений*. 1996. № 2. С. 17–19. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Экспорт-обычных-вооружений-№2-1996.pdf>

² Начальник отдела Министерства оборонной промышленности Российской Федерации (федеральный орган исполнительной власти, который существовал в России в 1996–1997 гг. – *Прим. ред.*).

можно продолжать и продолжать. Мины устанавливались и устанавливаются в период военных конфликтов или в период подготовки к ним. Часто установка мин осуществляется бесконтрольно, со временем найти эти мины уже не могут ни тот, кто их устанавливал, ни тот, кто хотел бы их ликвидировать. Какой-либо ответственности за установку мин, за их неизбирательное действие практически никто не несет.

Мины стали настоящей чумой конца XX – начала XXI века. Жизнь настоятельно требовала какого-то выхода из сложившегося положения. И вот, первым серьезным шагом в этом направлении стала проведенная в Женеве конференция и принятый на ней 3 мая 1996 г. документ.

В заключительной декларации, провозглашенной при принятии Протокола II, отмечается, что участники конференции испытывают «серьезную озабоченность в связи с теми страданиями и потерями, которые причиняют гражданским лицам безответственное применение, а также распространение наземных мин, мин-ловушек и других устройств, и в особенности такая острая проблема, как проблема противопехотных наземных мин». Документ, принятый в Женеве, впервые юридически оформил запреты и ограничения на применение мин, мин-ловушек и других взрывных устройств, как на средства, которые могут считаться «наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие». Предметом таких запретов и ограничений прежде всего стали:

- «мина – боеприпас, устанавливаемый под землей, на земле или вблизи земли или другой поверхности и предназначенный для взрыва от присутствия поблизости или контакта человека или транспортного средства» (далее по тексту такие мины называются наземными, а мины, предназначенные для воздействия на человека, – противопехотными);
- «мина-ловушка – любое устройство или материал, которые спроектированы или приспособлены для того, чтобы убивать или наносить повреждения, и которые срабатывают неожиданно, когда человек прикасается или приближается к кажущемуся безвредному предмету или совершает действие, кажущееся безопасным»;
- «другие устройства – устанавливаемые вручную боеприпасы и устройства, включая самодельные взрывные устройства, которые предназначены для того, чтобы убивать, наносить

повреждения или ущерб, и которые приводятся в действие вручную, посредством дистанционного управления или автоматически по истечении определенного промежутка времени»;

- «элемент неизвлекаемости – предназначенное для защиты мины устройство, которое является ее частью, соединено или прикреплено к ней и установлено под миной и которое приводится в действие при попытке извлечь мину».

Протоколом запрещено применение в военных конфликтах мин-ловушек, если они соединены или ассоциируются с детскими игрушками, продуктами питания, предметами явно религиозного характера, животными и т.д. После 1 января 1997 г. запрещено производить противопехотные мины, которые не являются обнаруживаемыми. Для этого такие мины должны иметь в своей конструкции материал или устройство, которые дают возможность обнаружить мину при помощи общедоступных технических средств обнаружения мин и обеспечивают ответный сигнал, эквивалентный сигналу от восьми или более граммов железа в виде сплошной концентрированной массы. Такое ограничение преследует цель обеспечения возможности «рекультивации» поверхности нашей планеты при минимальных потерях и пониженных затратах.

Протоколом II предусматривается переход от «долгоживущих» противопехотных мин к минам с ограниченным сроком службы. Такой переход должен быть осуществлен в течение периода времени, не превышающего девяти лет после вступления Протокола в силу. Указанное требование означает, что установленная мина даже в том случае, если она не будет извлечена или уничтожена в организованном порядке, должна «сама» перестать быть смертоносным оружием. В конкретном плане все противопехотные мины должны самоликвидироваться через определенный срок (установлены жесткие требования по надежности самоуничтожения и самодеактивации мин). Для обеспечения самоликвидации могут быть использованы самые различные конструкторские приемы. Например, использован временный механизм, что должно обеспечить самоликвидацию мины через установленный период времени, либо в механизм мины установлен электрический источник питания с конкретным ограниченным периодом его работоспособности, что приводит к соответствующей дезактивации мины. Это наиболее сложное в техническом

и экономическом плане мероприятие из всех предусмотренных Протоколом, поскольку некоторые страны будут должны провести полное перевооружение в своем минном арсенале. В связи с этим и был принят такой сравнительно большой период времени для реализации этого требования.

Важным элементом Протокола является положение, которое определяет, что каждая Сторона отвечает за все мины, мины-ловушки и другие устройства, которые она применяет, и «обязуется разминировать, ликвидировать, уничтожить или содержать их» в соответствии с установленными Протоколом правилами. Определен и порядок организации таких работ.

Принят целый ряд конкретных положений, направленных на то, чтобы установленные мины решали военные задачи и в наименьшей степени вредили гражданским лицам. В этих целях запрещено минировать объекты, не являющиеся военными, предусматриваются обязательное оповещение гражданского населения об установке мин, создание соответствующих ограждений, маркировка минных полей и ряд других мер, направленных на исключение неизбежного действия минного оружия.

В части обеспечения нераспространения минного оружия предусмотрен запрет на передачу мин каким-либо негосударственным организациям, а ведь дело доходило до того, что частные предприятия начинали использовать мины для охраны своих объектов. Теперь будет разрешено экспортировать не запрещенные Протоколом мины только в те государства, которые заявят о своей приверженности соблюдать положения Протокола.

Все государства, участвующие в реализации Протокола, становятся подотчетными ООН и обязаны ежегодно докладывать ООН о выполнении своих обязательств. В этих же целях предусмотрено проведение ежегодных конференций сторон Протокола под эгидой ООН.

Каждая страна-участник Протокола «предпринимает все соответствующие шаги, включая законодательные и иные меры, с целью предотвращения и пресечения нарушений настоящего Протокола минами, находящимися на ее территории, под ее юрисдикцией или контролем». В документе содержатся прямые указания о введении в законодательство каждой страны уголовного наказания лиц, нарушающих Протокол об оформлении обязательных инструкций для личного состава вооруженных сил. В частности, в таких инструкциях должна быть предусмотрена

полная регистрация местоположения мин, минных полей и минных районов.

Рассматриваемый Протокол имеет определенное военно-политическое значение.

Во-первых, несмотря на свой ограничительный характер, направленный на решение задачи по сохранению общечеловеческих ценностей и прежде всего жизни безоружных гражданских лиц, он позволяет сохранять в арсенале государств средства ведения минной войны. Это особенно важно прежде всего для государств, которые имеют протяженные сухопутные границы (например, Российская Федерация, Китай и некоторые другие), для охраны которых противопехотные мины остаются наиболее эффективным и дешевым средством. Полный отказ от противопехотных мин потребовал бы немедленного изменения тактики и методов ведения боевых операций, создания и применения новых технологий. На все это необходимо время и дополнительные средства. Так, по данным американской печати, только на уничтожение пяти млн мин, не имеющих механизма самоуничтожения, потребуется десять млн долларов. Придется также провести разминирование территории в районе базы Гуантанамо, где сейчас используются несамоничтожающиеся мины, и осуществить другие мероприятия.

Во-вторых, несмотря на то что принятый документ носит в известной степени компромиссный характер, так как еще предстоит пройти большой путь до полного запрета минного оружия, реализация положений Протокола будет в существенной степени способствовать уменьшению напряженности в горячих точках планеты, уменьшению вмешательства других стран в международные конфликты, происходящие в тех или иных государствах. Считается, например, что Протокол в значительной степени свяжет руки Пакистану в части экспорта и использования мин в Афганистане и Кашмире.

В-третьих, многие специалисты считают, что принятые правила игры могут рассматриваться как наиболее выгодные для развитых стран: ведь мина, отвечающая положениям Протокола, может стоить около 300 долларов, вместо трех-пяти долларов, которые стоит обычная мина, не отвечающая «новым» требованиям.

В-четвертых, создан серьезный задел для дальнейшего ограничения минного оружия и противодействия минной угрозе

(хотя здесь, безусловно, открываются и большие возможности для дипломатической игры: кто сегодня не хочет прослыть миротворцем, хотя бы на словах). Некоторые государства уже заявили о своих намерениях предпринять те или иные дополнительные усилия, направленные на полный запрет наземных мин (страны ЕС, Австралия, Новая Зеландия), другие принимают решения об ускоренном выполнении положений Протокола. Так, 16 мая 1996 г. президент США Билл Клинтон обнародовал решение о запрете на применение американскими вооруженными силами несовершенных противопехотных мин. Финляндия намечает в течение одного года «переоснастить» все свои мины до норм Протокола.

Несмотря на то что рассматриваемый Протокол вступит в силу только после его ратификации законодательными органами не менее, чем в 20 странах из общего числа 51 принявших его государств, Российской Федерации необходимо быстро (не более чем за год – так оценивается срок вступления Протокола в действие) реализовать достаточно серьезные мероприятия, в том числе:

- «внедрить» положения Протокола в умы военных и руководителей оборонной промышленности и добиться оформления соответствующих организующих документов;
- включить в уголовное законодательство нормы ответственности за нарушение Протокола;
- соответствующим образом дополнить документы экспортного контроля за вооружениями;
- наладить механизм представления ежегодных докладов ООН о выполнении требований Протокола.

Противопехотные мины как оружие обладают рядом особенностей, которые и позволяют квалифицировать их как одно из наиболее антигуманных средств вооруженной борьбы.

Во-первых, действие этого оружия не прекращается и после окончания военных действий. Минные поля препятствуют нормальной экономической деятельности на значительных площадях, достигающих порой десятки процентов территории страны.

Во-вторых, эмпирически доказан факт, что основными жертвами противопехотных мин как в военное время, так и, естественно, по завершении военных действий, является прежде всего мирное население, особенно дети, а не комбатанты. Конечно, целый ряд,

если не большинство, оружейных систем действуют не избирательно, но соотношение поражаемого противопехотными минами гражданского населения и военнослужащих таково, что позволяет говорить о них как об оружии, прежде всего направленном против мирного населения. По некоторым из существующих оценок, еженедельно на минах подрывается около ста человек, большинство из которых остаются на всю жизнь калеками.

В-третьих, противопехотные мины, как правило, не убивают человека, а лишь калечат его. Как бы цинично это ни казалось, но это обстоятельство создает дополнительные трудности экономического, финансового, социального и психологического порядка для воюющих сторон, причем эти трудности действуют и после окончания военных действий.

В-четвертых, мины являются чрезвычайно дешевым и простым оружием, что облегчает их использование самыми бедными странами планеты, и позволяет обучить их применению даже не только плохо подготовленных, но и просто неграмотных солдат или партизан. Те же самые параметры делают мины излюбленным оружием не только армий слаборазвитых стран, но и различных партизанских движений.

В-пятых, существующая ныне практика установки минных заграждений затрудняет составление планов для их последующей ликвидации. Это связано либо со слабой подготовкой персонала, не приспособленного к работе с картами, либо, когда речь идет о действиях регулярной армии, с техническими средствами постановки минных заграждений: их создание с помощью авиации, вертолетов или артиллерии также не позволяет точно фиксировать расположение минных завес.

Выступая фактически как оружие устрашения и подрывной деятельности, мины, кроме того, поражают прежде всего сельское население, основную производительную силу слаборазвитых государств, и подрывают таким образом их главный сектор экономики. По некоторым оценкам, падение на 25 процентов сельскохозяйственного производства в Анголе более чем на половину связано с минной войной между противоборствующими сторонами. В Афганистане ирригационные системы, являющиеся основой устойчивого сельскохозяйственного производства в этой стране, были выведены из строя в результате их минирования в 29 провинциях страны. Наконец, минные поля затрудняют доставку гуманитарной помощи в затронутые конфликтами государства

или, как минимум, приводят к значительному удорожанию этой помощи. В ряде стран сухопутные пути оказываются полностью заблокированными, и приходится прибегать к помощи дорогостоящего воздушного транспорта. В Афганистане, например, на действующие 4500 км дорог приходится около 20 тысяч км, заблокированных в результате постановки минных полей. Другой аспект этой проблемы – невозможность или затруднительность возвращения беженцев и перемещенных лиц.

В связи со всеми этими обстоятельствами с 1993 г. рядом западных государств предпринимались меры по ограничению производства и распространения минного оружия. Первой страной, которая ввела мораторий на экспорт противопехотных мин, стали в октябре 1992 г. США. В течение 1993 г. к этому мораторию присоединились Франция, Бельгия, Италия и Испания, а в 1994 г. – Германия, ЮАР и Великобритания ввели мораторий на экспорт мин, не оснащенных механизмом самоликвидации. Кроме того, были активизированы усилия по подготовке из числа местных граждан специалистов по разминированию. Однако последняя проблема оказалась чрезвычайно сложной для решения по финансовым соображениям. Снятие одной мины обходится в сумму от 400 до 1000 долларов, в то время как ее производство – всего в 3–5 долларов. Снятие 100 000 мин оценивается в сумму в 70 млн долларов, а полное разминирование планеты – в 33 млрд долларов.

Считается, что в настоящее время в 65 странах мира установлено от 80 до 110 млн противопехотных мин, причем их количество не только не уменьшается, но, напротив, увеличивается. В 1993 г. в результате операций по разминированию было изъято 80 тысяч мин. За тот же период было установлено 2,5 млн новых мин.

Минная проблема в наибольшей степени затрагивает наименее развитые страны мира. Из четырех государств, лидирующих в списке стран, на территории которых установлено максимальное количество мин, три находятся в Азии и Африке: это Камбоджа, Ангола и Афганистан. За ними следует территория бывшей Югославии, главным образом Босния и Хорватия.

В Камбодже в земле остается около восемь-десять млн мин. Учитывая, что все население страны составляет восемь-девять млн человек, это означает, что на каждого из них приходится примерно по одной мине. Минные поля занимают площадь 3 200 кв.

км, что составляет 1,5 процента территории Камбоджи. Ежемесячно на минах подрывается 300 человек, в стране насчитывается более 40 тысяч инвалидов, пострадавших от минного оружия.

В десять млн оценивается количество мин, выставленных на территории Анголы. В рамках своей контрольной миссии в Анголе (UNAVEM III) ООН с рядом неправительственных организаций ведет активные мероприятия по разминированию. В Афганистане количество мин оценивается в десять млн штук, однако эти оценки не могут считаться достоверными, поскольку ни СССР, ни моджахеда не вели точного учета устанавливаемых минных полей. После падения режима Наджибуллы в 1992 г. и фактического краха государственности такой учет вообще полностью отсутствует. В Афганистане заминировано 40 тысяч кв. км, или 6 процентов всей территории страны. Активные военные действия, ведущиеся все время после вывода советских войск и смены режима, не позволяют приступить к операциям по разминированию. Наконец, в бывшей Югославии установлено от двух до пяти млн мин, однако здесь можно надеяться на наибольшую активность в деле разминирования и максимальную финансовую, техническую и информационную поддержку мирового сообщества.

В зоне бывшего СССР проблема наиболее остро стоит в Закавказье, прежде всего в Карабахе и Абхазии. На территории Нагорного Карабаха размещено 50 тысяч минных устройств. В Абхазии минные поля стали одним из основных препятствий для возвращения в родные места беженцев. Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствует какая-либо информация, говорящая о серьезности минной проблемы в Таджикистане. Неясно, означает ли это отсутствие проблемы как таковой, или же такая ситуация отражает недостаточную информированность научного и политического сообществ относительно данной проблематики. Относительно слабо оказалась затронута до самого последнего времени минной проблемой и Чечня. Российские офицеры характеризуют чеченскую войну как скорее снайперскую, в отличие от афганской, ярко выраженной минной.

Говоря о территории России, нельзя не отметить, что колоссальное количество мин размещено вдоль ее границ. Без этой меры эффективная охрана российских пограничных рубежей была бы попросту невозможной. В связи с этим меры по сокращению производства и применения противопехотных мин ставят

перед Россией ряд проблем. Прежде всего, возникает вопрос, как такое сокращение повлияет на надежность и затраты на охрану государственных границ РФ. Далее, необходимо иметь в виду, что Россия фактически является воюющим государством с подорванной экономикой. Как уже говорилось, минное оружие является весьма дешевым и относительно эффективным при ведении партизанских и противопартизанских войн, а именно в такие войны и вовлечены вооруженные силы России в Чечне и Таджикистане³. По всей вероятности, именно этот тип конфликтов будет преобладать на периферии России в ближайшие 10–15 лет, и исходя из этого факта должен решаться вопрос об оснащении российской армии оружием, в том числе, возможно, и минным.

Наконец, в мире остается целый ряд стран, отказывающихся вводить какие-либо ограничения на производство и торговлю противопехотными минами. Помимо наиболее известных в этой связи Китая и Пакистана, к ним относятся и некоторые государства-члены Содружества Независимых Государств (СНГ). Данный фактор, очевидно, также должен браться в расчет при выработке решений, касающихся минного оружия.

³ Речь идет о первой (1994–1996) войне в Чечне, а также о гражданской войне в Таджикистане (1992–1997). – *Прим. ред.*

Глава 17

УКРАИНСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОНТРАКТ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ (1996)¹

Константин Макиенко²

В начале августа 1996 г. состоялось подписание давно ожидавшегося контракта на поставку Украиной Пакистану современных танков Т-80УД (Т-84 по украинской классификации). В связи с этим соглашением представляется уместным рассмотреть вопрос о воздействии данной сделки на региональный баланс сил в Южной Азии, а также более широкую проблематику возможностей Украины как нового экспортера оружия и боевой техники на мировой рынок. Кроме того, заключение столь крупного контракта побуждает еще раз проанализировать российскую позицию по вопросу о военно-техническом сотрудничестве со странами Южной Азии.

Параметры контракта

По сообщениям информационных агентств соглашение предусматривает продажу 320 танков на сумму 550 млн долларов. Первая партия боевых машин будет доставлена в Пакистан в начале 1997 г. Реализация всего соглашения рассчитана на три года. С учетом последующих поставок запасных частей, обучения персонала и других элементов послепродажного обслуживания сумма сделки возрастает до 660 млн долларов. Сообщается также о том, что Украина обязалась предоставить технологии, необходимые для производства танков на пакистанских предприятиях.

¹ Впервые опубликовано: Макиенко К. *Украино-Пакистанский танковый контракт и интересы России // Экспорт Обычных Вооружений*. 1996. № 4–5. С. 21–23. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Экспорт-обычных-вооружений-№4-5-1996.pdf>

² Константин Владимирович Макиенко (1969–2021) – редактор журнала *Экспорт Обычных Вооружений*, научный сотрудник ПИР-Центра.

Переговоры по соглашению проходили в обстановке строжайшей секретности в пакистанском городе Равалпинди с мая и заняли всего три месяца, что является совершенно невероятным сроком для проработки столь крупного контракта. В сообщениях ничего не говорится о том, будут ли предназначенные на экспорт танки специально производиться для Пакистана, или же контракт предусматривает поставку уже подержанных машин. В последнем случае возникает вопрос о степени истощенности ресурса техники. Ценовые характеристики контракта – 1,7 млн долларов за одну единицу техники – позволяют предположить, что речь идет об уже использовавшихся или как минимум ранее законсервированных машинах.

Соглашение означает настоящий прорыв Киева на мировой рынок оружия и боевой техники. Психологические, экономические и военно-политические последствия данного контракта представляются более внушительными, нежели последствия знаменитой российско-малайзийской сделки на поставку 18 истребителей МиГ-29СЕ, ставшей в свое время символом возвращения России на мировой оружейный рынок.

Полной уверенности, что реальная сумма контракта соответствует заявленной, нет, но совершенно ясно, что она в несколько раз превышает годовые объемы украинского экспорта оружия с момента получения этой страной независимости и примерно равна всему объему продаж за последние пять лет. До сих пор ежегодный экспорт Киевом оружия и боевой техники оставался на уровне в 20–100 млн долларов. Именно такие цифры озвучивались официальными лицами Украины. Независимый институт SIPRI оценил украинский экспорт за 1995 г. в 74 млн долларов.

Помимо незначительных объемов продаж, Украина была известна до настоящего времени как крайне неразборчивый, неумелый и ненадежный экспортер, сделки которого сопровождались постоянными скандалами. Оружие, техника, боеприпасы и запчасти, продаваемые украинскими поставщиками небольшими партиями, нередко оказывались низкого качества или не соответствующими требованиям и потребностям покупателей. Пакистанские военные сами успели убедиться в плохой репутации украинских поставщиков, продавших им некачественные танковые боеприпасы на сумму в 14 млн долларов.

Украина также приобрела сомнительную славу государства, готового торговать чувствительными ракетными и авиа-

пионными технологиями, причем со странами, вызывающими настороженность у Запада. В прессе появлялись сообщения об украинско-ливийских военно-технических связях, а также о возможной продаже Китаю элементов технологии самой совершенной из существующих ныне межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) SS-18³.

Такое поведение на столь деликатном рынке, каким является рынок оружия и боевой техники, неудивительно, поскольку отражает общую дезорганизацию государственной жизни, последовавшую после распада СССР и образования новых независимых государств. России тоже пришлось пережить в 1992–1993 гг. период полной анархии в торговле вооружениями. Относительная нормализация государственного бытия, наступившая после событий октября 1993 г.⁴, особенно приход новой команды, осуществляющей выработку и реализацию военно-технической политики России в настоящее время, очень быстро обеспечили Москве возвращение на утерянный было рынок.

Перспективы Украины на рынке вооружений

Поступающая в последнее время информация свидетельствует о том, что украинские власти поставили перед собой задачу повторить успехи России в области экспорта обычных вооружений. Президент Украины Леонид Кучма заявил о том, что берет сферу военно-технической политики под свой личный контроль. Резко активизировались связи Киева с рядом потенциальных импортеров, например, с Индонезией и Вьетнамом. Обращает на себя внимание тот факт, что оба этих государства располагаются в Юго-Восточной Азии, которая является наиболее перспективным с точки зрения продаж военной техники регионом. Наконец, Совет национальной безопасности Украины предпринял меры, усиливающие государственный контроль за экспортом оружия. Все эти события, почти совпавшие по времени с подписанием сенсационного контракта, могут означать начало перелома в положении Украины на мировом рынке

³ Автор приводит индекс ракеты по классификации НАТО. В советском/российском обозначении – Р-36М. – *Прим. ред.*

⁴ Речь о конфликте президента России Б.Н. Ельцина и Верховного Совета РСФСР, завершившемся в октябре 1993 г. штурмом Белого дома. – *Прим. ред.*

вооружений, аналогичного тому, который произошел в России двумя годами раньше – в 1993–1994 гг., когда была создана современная институциональная структура управления экспортом военного назначения.

В принципе Украина обладает довольно высоким экспортным потенциалом, который, с учетом пропорции экономик, вполне адекватен российскому. Обе страны, унаследовавшие большую часть бывшего советского военно-промышленного комплекса (ВПК), имеют на мировом рынке оружия и боевой техники одни и те же сильные и слабые стороны. Украина может предложить дешевое, но высокоэффективное оружие, а ее ВПК, аккумулирующий высокий интеллектуальный потенциал, способен вести перспективные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по многим видам авиаракетной, бронетанковой и морской техники. Уже после распада СССР Украина совместно с Россией вела разработку нового военно-транспортного самолета Ан-70, который по ряду параметров превосходит аналогичные машины западного производства.

Экспортный потенциал Ан-70 возрос после решения правительства Франции прекратить финансирование НИОКР по европейскому перспективному военно-транспортному самолету ATF/FLA. Хотя программа Ан-70 сама сталкивается с большими финансовыми проблемами, правительство Украины полно решимости довести ее до конца за счет внебюджетных фондов. Другим примером высокого научного и технологического потенциала Украины является разработка нового танка, который в украинской прессе упоминается под названием «Керна».

Открытая информация по данной программе содержит некоторые неясности. Так, например, заявлено, что мощность двигателя нового танка составит 2000 л.с., а скорость – 70 км/ч. В принципе при столь высокой мощности, вдвое превышающей ту, которой обладают поставляемые сейчас Пакистану Т-80УД, скорость должна была бы быть выше. Несмотря на эти несоответствия, сам факт разработки нового танка свидетельствует о том, что Украина сохраняет высокий потенциал военной промышленности и способность вести разработки новой сложной боевой техники.

Что касается основных препятствий для наращивания Украиной своего экспорта, то они аналогичны тем, с которыми столкнулась в свое время Россия. К ним относятся финансовая слабость

страны (продажа оружия – дело не только прибыльное, но и требующее значительных инвестиций); ее плохая репутация на рынке; отсутствие системы послепродажного обслуживания и маркетинга. Наконец, на Украине еще не создана структура государственных органов, которые занимались бы выработкой и реализацией военно-технической политики. В настоящий момент Россия практически преодолела эти проблемы, в то время как Украине еще предстоит пройти весь этот путь.

Россия сумела реализовать свой высокий потенциал в области экспорта оружия и боевой техники главным образом благодаря созданию логичной и эффективной институциональной структуры управления военно-техническим сотрудничеством. Вторым фактором, определившим относительные успехи страны на мировых рынках, явилось формирование команды динамичных, высокопрофессиональных и хорошо образованных руководителей государственных органов и компаний, занятых экспортом обычных вооружений. Область военно-технического сотрудничества остается одной из немногих сфер, где можно говорить о проведении реальной, а не декларативной реформы, результатом которой стало повышение эффективности работы в данной сфере государственной жизни.

В случае, если Украине удастся создать столь же эффективную структуру управления своим военным экспортом и найти для руководства ею некоррупцированных людей, то можно ожидать, что имеющийся экспортный потенциал вполне может быть реализован, и страна войдет в число пяти-шести ведущих продавцов продукции военного назначения.

Воздействие контракта на военно-политический баланс в Южной Азии

Считается, что формально, в чисто количественном отношении баланс сил между Индией и Пакистаном складывается в пользу первой по различным позициям в пропорции от 1,5:1 до 2:1. В сухопутных войсках Индии насчитывается две бронетанковые, одна механизированная, 22 пехотные и десять горно-пехотных дивизий. У Пакистана имеется две танковые и 19 пехотных дивизий и семь танковых бригад. Дели располагает 3400, а Исламабад – 1900 танками.

С учетом китайского фактора и того обстоятельства, что значительная часть индийской армии вовлечена в противостояние с различными сепаратистскими движениями (только в Кашмире сковано 300 000 индийских военнослужащих), можно говорить о существовании динамического равновесия, обеспечивавшего до последнего времени взаимное сдерживание сторон.

В количественном отношении танковые парки двух стран относятся друг к другу как 7:1. Это говорит о том, что еще до заключения контракта превосходство Индии по бронетанковой технике было меньше, чем по большинству других видов вооружений. Однако до сих пор Дели располагал более современными машинами, чем Исламабад. На вооружении индийской армии стоят 1400 танков Т-72/М1 и 1200 менее современных машин собственно индийского производства «Vijajanta». Оставшиеся машины являются устаревшими Т-55 и легкими плавающими ПТ-76.

Пакистан имеет в составе своих сухопутных сил 120 танков американского производства М-47, 280 М-48, 1200 китайских Т-59 и 200 Т-69. Самым современным танком, стоящим на вооружении Пакистана, является Т-85 китайского производства, приближающийся по своим характеристикам к основному боевому танку индийцев Т-72. Однако пакистанцы обладают всего 40 единицами этих машин.

После выполнения контракта Пакистан получает такое количество танков, которое достаточно для развертывания полнокровной бронетанковой дивизии формата развитых стран. Однако главный дестабилизирующий потенциал контракта состоит в его качественных, а не количественных характеристиках. Поставляемый Украиной танк Т-80УД на поколение превосходит основной боевой танк индийских сухопутных сил Т-72, и на два – боевую технику, стоящую на вооружении у самого Пакистана.

С начала 1990-х гг. Пакистан сталкивался с большими трудностями в поисках возможных поставщиков оружия и боевой техники. Они возникли после того, как Конгресс США наложил в 1990 г. эмбарго на военные поставки Пакистану с целью вынудить Исламабад отказаться от продолжения его ядерной программы. Результатом эмбарго стала отмена поставок 18 истребителей F-16 на сумму более 658 млн долларов.

Поставка была заморожена уже после того, как Пакистан произвел частичную оплату покупки. После этого Исламабад

вынужден был обратиться к услугам Франции, которая заключила с ним контракт на поставку 32 самолетов «Mirage 2000-5» и трех подводных лодок «Agosta». Однако французские поставки не могли полностью компенсировать потерю Пакистаном импорта оружия из США, поскольку французское оружие дороже американского и поставки занимают больше времени. К тому же, при заключении одного из контрактов на продажу 40 устаревших истребителей «Mirage III» выяснилось, что пакистанские офицеры, лоббировавшие сделку, получили от французской стороны взятку на сумму 20 млн долларов.

Приход на пакистанский рынок Украины означает, таким образом, не только прорыв Украины на мировой рынок оружия, но и выход Пакистана из относительной изоляции, в которой он находился с 1990 г. До последнего времени парк танков одного с Т-80 поколения был сосредоточен почти исключительно в Северной Америке, Европе и России. Лишь незначительное их количество имеется на Ближнем Востоке – у Египта и Саудовской Аравии. Технологический прорыв Исламабада вынудит теперь Индию закупать для восстановления равновесия самые современные и высокоэффективные противотанковые средства, возможно, вертолеты типа «А-64 Arach» или «Ка-50 Носим» или мобильные противотанковые комплексы типа «Хризантема».

Для восстановления прежнего баланса по наступательным вооружениям Дели потребуются импортировать 400–450 самых современных танков одного поколения с Т-80. Поэтому танковая сделка между Украиной и Пакистаном с высокой степенью вероятности повлечет за собой ответные закупки вооружений Индией. Две страны окажутся втянутыми в разорительную гонку вооружений, причем, в отличие от прежних лет, вооружений самых современных.

Пакистанский рынок и Россия

Многие обозреватели прокомментировали пакистано-украинский танковый контракт как неудачу российских оружейников, упустивших выгодную сделку. Эти комментарии неадекватно отражают реальность, поскольку принципиальная позиция Москвы состоит в отказе от военно-технического сотрудничества с Пакистаном. Россия не согласилась продать Пакистану истребители

Су-27 и танки Т-80, несмотря на чрезвычайно выгодные условия контрактов, предлагавшихся Пакистаном. Главным аргументом в пользу такой политики называется нежелание портить отношения с Индией, которая является вторым после КНР покупателем российского оружия и боевой техники. Считается, что индийский рынок гораздо больше и стабильнее пакистанского. Предполагается также, что даже единичная сделка с Исламабадом могла бы привести к потере всего или большей части индийских контрактов. В российской прессе со ссылками на экспертов высказывались предположения, что максимальный объем российского сегмента на пакистанском рынке мог бы составить не более 200–300 млн долларов, а сотрудничество могло бы носить только характер разовых сделок.

Танковый контракт показал, что эти оценки неверны и пакистанский рынок предоставляет как минимум вдвое больше возможностей. 600 млн представляют собой сумму, составляющую чуть менее 10 процентов всего пакета заказов, имевшихся у России на конец 1995 г., и примерно пятую часть от суммы индийских заказов. При этом следует иметь в виду, что в отличие от Индии, предпочитающей оплачивать оружейный импорт в счет кредитов и по бартеру, Пакистан готов платить валютой и немедленно.

Кроме того, можно предположить, что в случае согласия России на поставку Исламабаду самолетов Су-27 и другой боевой техники пакистанский пакет заказов мог бы увеличиться примерно вдвое, что составило бы уже треть от объема индийского рынка.

Вообще, хотя индийская экономика почти в шесть раз превышает пакистанскую (ВВП двух стран составляет соответственно 270 и 46 млрд долларов), емкость пакистанского рынка достигает не менее 50 процентов от индийского. Это происходит за счет более высокой доли военных расходов в госбюджете Пакистана и его ВВП. Если военные расходы Индии находятся на уровне шести-семи миллиардов долларов, то оборонный бюджет Пакистана составляет 3,5 млрд.

Россия не является военным союзником Индии и не несет перед ней никаких военно-политических обязательств. Российско-индийское военно-техническое сотрудничество носит коммерческий, а не военно-политический характер, и не может являться препятствием для связей России с Пакистаном, как оно не является препятствием для индийско-французских и индийско-

американских военных связей, налаженных, кстати, на фоне активной франко- и американо-пакистанской торговли.

Подобно тому, как Индия имеет полное право предпринимать шаги для диверсификации своих источников вооружений, Россия вправе работать на любых рынках, не закрытых в силу международных ограничений, в том числе и на пакистанском. В этом смысле танковый контракт должен стать событием, заставляющим еще раз комплексно проанализировать последствия отказа России от военно-технического сотрудничества с Пакистаном, но и не только с ним.

Глава 18

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ХИМИЧЕСКИМ И БИОЛОГИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ И КОНВЕНЦИЯ О ЗАПРЕЩЕНИИ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ (1996–1997)

Конвенция о запрещении химического оружия. Проблемы ратификации¹

По материалам российских спецслужб

Несовершенство системы контроля за соблюдением Конвенции о запрещении химического оружия 1993 г. (КХО) в нынешних условиях может быть компенсировано за счет использования разведывательной информации (проверка достоверности и полноты информации, представляемой странами-участницами, и выявление фактов деятельности, запрещенной конвенцией). В связи с этим возникает вопрос о практических формах организации сотрудничества Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) со спецслужбами стран-участниц. Такое сотрудничество создаст ряд проблем, связанных в том числе с риском потери организацией независимости и объективности вследствие появления у государств, поставляющих разведывательную информацию, дополнительных возможностей влияния на работу ОЗХО.

Выходом из такой ситуации явилось бы учреждение в рамках ОЗХО органа по интеграции получаемых данных, в том числе и разведывательных. Это способствовало бы повышению объективности и полноты информации, используемой организацией в своей деятельности, что уменьшило бы возможность доминирования интересов отдельных стран или групп над общими интересами всех участников КХО. Эффективное сотрудничество спецслужб разных стран в рамках этого органа, безусловно,

¹ Впервые опубликовано: Конвенция о запрещении химического оружия. Проблемы ратификации // *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения*. 1996. № 2. С. 2–9. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/1996-Химическое-оружие-№2-осень-1996.pdf>

оказало бы сильное сдерживающее влияние на потенциальных нарушителей Конвенции, поскольку резко повысило бы вероятность вскрытия их тайных действий.

Особую актуальность вопрос взаимодействия ОЗХО со спецслужбами приобретает в связи с возрастанием опасности использования отравляющих веществ в террористической деятельности. Такое взаимодействие впишется в наметившееся в последние годы усиление сотрудничества разных стран в борьбе с незаконным оборотом ядерных материалов, наркобизнесом и организованной преступностью. Перспектива сближения сфер действия международных соглашений по различным видам ОМУ делает вопрос об организации сотрудничества спецслужб еще более актуальным и естественным.

Как и всякое многостороннее соглашение компромиссного характера, КХО не лишена недостатков. В силу этого сохраняется потенциальная возможность обхода условий и требований конвенции. Общим интересам отвечали бы скорейшая доработка отдельных ее положений и разрешение противоречий в подходах к их практической реализации. Для этого требуются согласованные действия всех участников соглашения, основанные на их политической воле и понимании пагубных последствий гонки химических вооружений.

Проблемы борьбы с химическим и биологическим терроризмом²

Два года прошло с тех пор, как 20 марта 1995 г. члены религиозной секты «Аум Синрикё» совершили террористический акт в токийском метро, применив для этого отравляющее вещество зарин. Жестокость акта и его последствия потрясли весь мир. Жертвами преступления стали свыше 5500 мирных граждан Японии. Трагедия в токийском метро породила во всех странах нестихающую тревогу. Она показала, что потенциальная опасность применения террористами оружия массового уничтожения (ОМУ), о которой

² Впервые опубликовано: Проблемы борьбы с химическим и биологическим терроризмом // *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения*. 1997. № 3. С. 12–14. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/1997-Химическое-оружие-№3-зима-1997.pdf>

давно предупреждали спецслужбы многих стран, стала реальностью сегодняшнего дня.

В условиях действия новых соглашений о свободной торговле, ослабления экспортного контроля, ускорения распространения новых технологий химической и биотехнологической промышленности, появления сети интернет и усиливающейся интернационализации преступности у террористов появляются большие возможности доступа к технологиям производства ОМУ. Зарубежные эксперты³ полагают, что в настоящее время террористическим группам пока еще трудно самостоятельно изготовить, похитить или просто купить ядерные боеприпасы: гораздо легче легально, через мировую торговлю, ставшую подлинно глобальной, приобрести необходимые исходные материалы и самим изготовить отравляющие вещества, токсины и опасные бактериальные препараты. Для совершения теракта, при котором население и животные могут быть поражены на площади до 1 кв. км, достаточно около 300 кг табуна или зарина, или 300–350 г рицина, или 30–35 г токсина ботулизма⁴. Относительная доступность токсичных веществ, высокое поражающее действие при использовании весьма малых их количеств, многообразие вариантов и объектов террористического воздействия, сложность организации защиты населения и отдельных граждан, проблематичность своевременного обнаружения химического нападения, позволяющая исполнителям теракта уйти в заблаговременно подготовленные укрытия и обеспечить свою личную безопасность – все это весьма привлекает террористов и криминальные элементы к отравляющим веществам и агентам биологического оружия. И они стремятся к обладанию этим оружием.

В 1972 г. в США при аресте фашистской группы «Орден Восходящего Солнца» удалось изъять у них 36 кг культуры возбудителей тифа, которой члены группы намеревались отравить системы водоснабжения Чикаго, Сен-Луи и других городов на западе США⁵. В 1975 г. террористическая группа «Майнхоф» намеревалась совершить теракт при помощи иприта, который

³ Hillebrand B., McAllister J.F.O., Thompson M. The price fanaticism // Time, April 3, 1995. P. 26–29.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

был похищен с военного склада во Франции⁶. В 1979 г. часть группы обучалась в Бейруте обращению с агентами биологического оружия. А в 1984 г. в парижской квартире, снимаемой членами этой группы, полиция обнаружила множество флажков с культурой бактерий, вырабатывающих токсин ботулизма⁷. В 1975 г. в США при аресте группы неонацистов у них было изъято 115 кг цианидов, которыми предполагалось отравить системы водоснабжения городов Нью-Йорка и Вашингтона⁸. В 1993 г. Федеральное бюро расследований арестовало гражданина США, пытавшегося провезти в штат Арканзас 120 г рицина⁹.

И вот 1995 г. – террористический акт «Аум Синрикё». Следствием установлено, что секта организовала и освоила производство зарина, табуна, зомана, V-газа, токсина ботулизма и возбудителя сибирской язвы – наиболее опасных отравляющих веществ и агентов биологического оружия¹⁰. Более того, в 1993 и 1994 гг. члены секты дважды распыляли в пригороде Токио возбудителей сибирской язвы, провокационно имитируя «американскую бактериологическую атаку». Для обеспечения своих действий секта создала свою собственную научно-производственную базу, на которой воспроизводила разработанные на Западе в период холодной войны военные технологии производства отравляющих веществ и возбудителей инфекционных болезней. Исходные вещества и оборудование закупались в собственной стране и за рубежом. Секта специально отработывала средства и способы применения отравляющих веществ и агентов биологического оружия (например, использование вентиляционной системы многоэтажного здания для поражения его обитателей, применение отравляющих веществ в закрытых и полузакрытых помещениях типа метро)¹¹. По вопросам химической защиты в качестве консультанта секта привлекала военнотружущего японской армии¹².

⁶ Борьба с преступностью за рубежом // Инф. сб. ВИНТИ, 1994. № 3. С. 8–18.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Chemical Weapon Convention Bulletin, March 1996. No. 31. P. 22.

¹⁰ Starr B. Discovering a Japanese cult's deadly design for doomsday // Janes Defence Weekly, November 18, 1995. P. 25.

¹¹ Асаулова Л. Новые признания членов секты «Аум синрикё» // Сегодня, 27 июля 1995 г.

¹² Там же.

Ранее, 6 декабря 1991 г., чилийская газета «La Erosa» сообщала о проведении расследования случаев предполагаемого применения сотрудниками секретной службы Чили аэрозольных баллонов, снаряженных заринном, для уничтожения, по меньшей мере, трех человек¹³. В 1995 г., почти одновременно с терактом «Аум Синрикё», чилийская правозащитная группа угрожала распылить зарин в метро города Сантьяго, если не будет выпущен на свободу бывший руководитель спецслужбы генерал Контрерас, осужденный судом на тюремное заключение за преступления, совершенные в период диктатуры 1973–1990 гг.¹⁴

К сожалению, применение химикатов в преступных целях не обошло стороной и Россию. Сообщалось о случае угрозы отравления ртутью системы городского водоснабжения Красноярска¹⁵, об отравлении фосфорорганическим соединением предпринимателя Кивелиди и его сотрудницы¹⁶, о покушении на убийство женщины, ставшей случайной свидетельницей кражи крупной партии пряжи, при помощи пули, отравленной ядом кураре¹⁷, а также о случае «газовой атаки» в четырех общественных местах Петропавловска-Камчатского¹⁸. В последнем случае (октябрь 1995 г.) трое подростков распылили внутри зданий токсичное вещество из баллона. Несколько человек получили поражения, а двое из них с тяжелыми поражениями направлены в реанимацию. Баллон с токсичным веществом отец одного из подростков привез из Японии.

Специалисты отмечают, что терроризм как явление обусловлен социальным неравенством в обществе, наличием этноконфессиональных противоречий, неурегулированностью отношений центра и отдельных регионов страны, сложностью решения проблем беженцев и иммигрантов, криминализацией экономики. Надежд на быстрое разрешение этих противоречий и проблем

¹³ Chemical Weapon Convention Bulletin, March 1992. No. 15. P. 11.

¹⁴ Chile Sarin Threat // Jane Defence Weekly, 1995. Vol. 23. No. 17. P. 12.

¹⁵ Тарасов А. Шантажировал мэра, угрожая отравить миллион жителей города // Известия, 23 марта 1995 г. С. 8.

¹⁶ Смерть Ивана Кивелиди: несчастный случай или убийство? // Известия, 5 августа 1995 г.

¹⁷ Яблочкин В. Пуля, отравленная ядом кураре, ранила женщину, но та, слава богу, осталась жива // Российская правовая общественно-политическая газета, Спецвыпуск, октябрь 1994.

¹⁸ Воейков С. Стойкость земляков проверили боевым ОВ // Красная звезда, 3 октября 1995 г.

нет, и потому нет оснований ожидать самопроизвольного исчезновения терроризма. С ним надо бороться.

По мнению многих экспертов, теракт в токийском метро увеличил опасность химического и биологического терроризма. Они ожидают появления новых форм и методов террористических действий, которые могут привести к многочисленным человеческим жертвам. К числу таких методов и форм американские эксперты относят отравление продуктов питания, источников водоснабжения, лекарственных препаратов, использование методов химической и бактериологической войны (отравление воздуха в зданиях, подземных сооружениях и транспортных средствах, заражение приземного слоя воздуха в населенных пунктах, прямое отравление людей)¹⁹.

Опасные химикаты и биопрепараты могут попасть в руки террористов различными путями:

- их могут похитить из военных складов, где еще хранится химическое оружие, из различных организаций и предприятий, связанных с проведением работ в области химической и биологической защиты, с поиском, исследованием, производством и иной законной деятельностью в области биологически активных веществ, микробиологии и биотехнологии;
- они могут быть куплены или похищены в сфере производства, распределения, хранения, торговли и практического использования потенциально опасных химикатов (родентицидов, пестицидов, фармацевтических средств и т.п.);
- их могут нелегально изготовить в химических или биологических лабораториях (как в подпольных, так и в легальных).

Для выбора токсичного вещества или препарата, подготовки к его применению и, возможно, для совершения теракта требуются, как правило, профессионально подготовленные люди. Так, по данным японской полиции²⁰, пластиковые контейнеры с отравляющими веществами подложили в вагоны токийского метро члены секты, имевшие специальную медицинскую и химическую подготовку. Синтез зарина (30 л) провел специалист-химик (30 лет),

¹⁹ Борьба с преступностью за рубежом // Инф. сб. ВИНТИ, 1994. № 3. С. 8–18; Печуров С. Проблемы международного терроризма: позиция США // Зарубежное военное обозрение. 1994. № 4. С. 28–31.

²⁰ Варламов А. Асахара отрицает обвинения в убийстве // ИТАР-ТАСС, 18 мая 1995 г. С. 8, 12–13.

а его применением руководили медик (48 лет) и специалист из научно-технической секции «Аум Синрикё». ФБР установило, что секта «...активно пыталась заполучить содержащуюся в компьютерных базах данные о смертельных ядах и биомолекулах, а также соответствующее программное обеспечение с целью создания биологического оружия, в том числе токсинов»²¹. Недаром секта, преследовавшая отнюдь не религиозные цели, стремилась вербовать своих членов прежде всего из среды молодежи с высокой научно-технической подготовкой.

В первую очередь необходимо запретить химическое оружие, ратифицировав КХО. Эта Конвенция подписана Россией еще в 1993 г., но до сих пор не ратифицирована с ее стороны. Военная доктрина России исключает возможность боевого применения химического оружия. Пора поставить в решении этой проблемы законодательную точку. Усилия отечественных ученых должны быть направлены лишь на обеспечение защиты населения и вооруженных сил от угроз химической и бактериологической войны (которые, к сожалению, не исчезли), предупреждение аварий на химически и биологически опасных объектах, на борьбу с различными болезнями. Пока существуют склады с запасами химического оружия и различные объекты, обеспечивающие его создание и производство, до тех пор не исчезнет потенциальная опасность попадания отравляющих веществ и средств их боевого применения в руки террористов. Ратификация Конвенции о запрещении химического оружия устранил значительную часть этой опасности и создаст основу для борьбы с проникновением в Россию извне отравляющих веществ и исходных компонентов для их получения, противодействия нелегальному вывозу за рубеж запрещенных химикатов и технологий производства химического оружия, для принятия других мер по нераспространению ОМУ.

Однако принятие и вступление в силу конвенции задачу предупреждения химического терроризма может решить лишь частично, поскольку основное ее содержание направлено на область межгосударственных отношений. Проблемы внутригосударственного контроля в ней лишь обозначены. Для борьбы с химическим терроризмом представляется необходимым принятие специального закона о борьбе с химическим и биологическим терроризмом, в котором можно было бы сконцентрировать весь опыт

²¹ Газета «Правда» от 14 мая 1995 г. С. 3.

борьбы с данным явлением. Принятие такого закона подкрепит действия правоохранительных органов по обеспечению соблюдения внутри страны также и Конвенции о запрещении биологического (бактериологического) и токсинного оружия (1972). В США закон о борьбе с биологическим терроризмом принят в 1989 г. Основанием для предотвращения попытки провоза рицина²² был именно этот закон. По мнению американских экспертов, принятие жестких законов позволит воздать по заслугам не только исполнителям терактов, но и тем, кто помогал им в приобретении опасных веществ и подготовке преступления.

Вторым важным направлением борьбы с химическим и биологическим терроризмом является активная работа правоохранительных органов и спецслужб. Одной из крупных задач является своевременное выявление тех отдельных лиц и групп, которые намерены повторить теракт «Аум Синрикё».

В предотвращении химического терроризма важную роль должна играть профилактическая работа. Она включает много аспектов. В первую очередь необходимо обеспечить безопасность производственных объектов, имеющих дело с опасными химикатами и биологическими веществами. Многие из них используют устаревшее оборудование, не отвечающее требованиям безаварийного ведения технологического процесса, и потому представляют потенциальный источник химической опасности. Необходима не только замена такого оборудования, требующая определенных средств, но и надежная охрана подобных объектов от криминального воздействия.

Не менее важно исключить возможность доступа криминальных лиц и групп к опасным веществам и технологиям через организации, занимающиеся исследованиями и разработками биологически активных веществ, а также предпринимательской деятельностью в этой сфере. Способность таких организаций обеспечить безопасную работу с подобными веществами, их готовность и способность соблюдать все требования законов должны удостоверяться государственным сертификатом на право осуществления заявленной ими законной деятельности. Практическая деятельность организации, получившей сертификат, в конкретной местности может быть начата лишь после получения лицензии от местной администрации. Необходимо продумать

²² Chemical Weapon Convention Bulletin, March 1996. No. 31. P. 22.

вопрос о порядке подбора кадров в такие организации и предпринимательские структуры с тем, чтобы их надежность с позиций противодействия терроризму не вызвала сомнений. Возможно, людям, имеющим отношение к работе с опасными химическими и биологическими веществами, администрацией организации или спецорганами также должны выдаваться лицензии на право участия в такой работе. Такие персональные удостоверения, например, давно выдаются специалистам по взрывным работам. Может быть, такой же подход следует применить и в данной области?

В связи с угрозой химического терроризма крайне опасными представляются требования отдельных лиц о снятии грифа секретности со сведений о химическом оружии²³. Даже после вступления Конвенции о запрещении химического оружия в силу и после полного его уничтожения отравляющие вещества и средства их применения не перестанут быть одним из видов оружия массового уничтожения. И попадание секретов его производства в руки террористов или просто психически ненормальных лиц может привести к гибели многих людей. А в настоящее время, когда Россия берет на себя обязательство не способствовать глобальному распространению химического оружия, рассекречивание многих сведений может нанести ущерб национальной безопасности как нашей страны, так и других стран мира. Необходимо отметить, что в перечне сведений, отнесенных к государственной тайне и утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г., к сожалению, отсутствует пункт о степени секретности архивных данных, относящихся к химическому и биологическому оружию. Тем самым создается определенная угроза попадания информации о них в руки криминальных элементов.

Борьба с химическим и биологическим терроризмом имеет еще один аспект – научно-технический. Для быстрого и надежного обнаружения опасных химических и биологических веществ, которые могут иметь самое разнообразное строение и состав, необходимо оснастить правоохранительные органы и спецслужбы достаточно чувствительными и быстродействующими техническими средствами их обнаружения.

²³ Федоров А. Химический терроризм в российском исполнении // Общая газета, 27 марта 1996 г.; Корецкий А., Смирнова М. Дабы рассеялся туман // ИД *Коммерсантъ*, 18 февраля 1995 г.

Наконец, требует неослабного внимания организация помощи людям, оказавшимся в зоне химического или биологического воздействия теракта. Учения с имитацией заражения отравляющими веществами нервнопаралитического действия одного из отелей города Бербанк (США) в декабре 1995 г. показали, что в результате такого теракта могло бы погибнуть около 300 и получить поражения еще 500 человек²⁴. Установлено, что в программы подготовки групп спасателей, пожарных и персонала «скорой помощи» следует включить специальный курс обучения действиям в условиях террористического акта с применением отравляющих веществ, а также необходимость четкой координации усилий всех сил и средств, привлекаемых к ликвидации его последствий. Для организации спасения людей и ликвидации последствий возможных терактов с применением химических веществ в Вашингтоне в 1995 г. было создано специальное подразделение²⁵. Американский опыт представляет интерес и для российских специалистов.

Борьба с химическим и биологическим терроризмом и его предупреждение требуют больших усилий со стороны органов власти всех уровней и, главное, поддержки населения. А сделать надо очень много!

²⁴ *Борисенко И.* Спасательные службы США пока слабо подготовлены к тому, чтобы противодействовать террористическому акту с применением химического оружия, считают эксперты вашингтонского Центра имени Генри Стимсона // ИНФО-ТАСС, 20 марта 1996 г.

²⁵ Там же.

Глава 19

ШТАММ ЭБОЛЫ В РОССИЮ ПРИВЕЗЛИ РАЗВЕДЧИКИ (1999)¹

Валентин Евстигнеев
в беседе с Дмитрием Литовкиным²

Дмитрий Литовкин: Химическое и биологическое оружие сегодня находится вне закона. Международные договоренности запрещают эти виды вооружений, и Россия с этим согласна. В 1999 г. мы начнем уничтожение 40 тысяч т химических отравляющих веществ, но о каких-то работах в плане биологического оружия ничего не слышно. Вверенные Вам войска биологической защиты остаются без каких-либо изменений в структуре Министерства обороны РФ (МО РФ). Какие задачи они сегодня решают?

Валентин Евстигнеев: Хочу начать с того, что понятие «биологическая защита» появилось в 1992 г., в период первого этапа реформы российских вооруженных сил. Управление образовалось на базе расформированного 15-го Управления МО РФ, которое создавалось в советские времена, занималось разработкой средств защиты от биологического оружия и решало задачи по адекватному ответу на разработку биологического оружия иностранными государствами. Но после того, как в марте 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин провозгласил отказ от биологических программ наступательного характера, 15-е Управление было расформировано. В новую структуру из всего коллектива управления была взята только небольшая часть сотрудников, они и составили костяк Управления биологической защиты

¹ Впервые опубликовано: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». Интервью Дмитрия Литовкина с Валентином Евстигнеевым // *Ядерный Контроль*. 1999. № 4 (46). С. 41–48. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№46-1999.pdf>

² Валентин Иванович Евстигнеев – заместитель начальника войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ), начальник Управления по биологической защите Министерства обороны РФ, генерал-лейтенант медицинской службы. Дмитрий Викторович Литовкин (1972–2022) – корреспондент журнала *Ядерный Контроль*, сотрудник ПИР-Центра.

в структуре войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). Причем хочу особенно отметить, что все офицеры, перешедшие в новую структуру до и после 1992 г, занимались исключительно созданием средств защиты от биологического оружия. Я, например, всю жизнь создавал вакцины против чумы.

По сравнению с прошлыми годами, наше управление теперь маленькое. Из служащих у нас 30 офицеров только восемь человек биологи, остальные имеют инженерное образование и занимаются разработкой технических средств медицинской защиты. Это, прежде всего, системы диагностики возбудителей инфекционных заболеваний и токсинов, средства экстренной и специфической профилактики этих заболеваний, гамма-глобулины, вакцины, новые антибиотики, химиопрепараты, средства дезинфекции и дезинсекции. Все эти задачи выполняются в единственном нашем Научно-исследовательском институте микробиологии МО РФ, расположенном в городе Кирове. Институт имеет в своем составе еще два научных центра: Екатеринбургский центр военно-технических проблем противобактериологической защиты и Вирусологический центр в Сергиевом Посаде. Только эти три учреждения задействованы во всех биологических программах МО РФ.

Дмитрий Литовкин: Зная, как работали в былые годы отечественные оборонные предприятия, трудно предположить, что весь объем конструкторских работ выполнялся ими самостоятельно. Создавались огромные кооперации разнопрофильных научно-исследовательских институтов, каждый из которых решал свой конкретный комплекс проблем в рамках общей работы. Конечно, можно допустить, что из-за отсутствия финансирования МО РФ вынуждено опираться только на свои возможности по созданию средств противобиологической защиты. Так ли это?

Валентин Евстигнеев: Нужно сказать, что и в прошлом мы опирались только на свои силы. Объясняется это довольно просто: наши институты были единственными держателями государственной коллекции микроорганизмов, являющихся потенциальными агентами биологического оружия. Против этих возбудителей, поскольку мы являемся их хозяевами, мы и создаем вакцины и препараты защиты. Это стандартизованная коллекция с государственным реестром, и этими микроорганизмами

мы пользуемся, чтобы проверять эффективность созданных нами средств защиты.

Только штаммов сибирской язвы в нашей коллекции больше 100 образцов. Помимо последней, у нас есть еще штаммы возбудителей таких заболеваний, как чума, сеп, бруцеллез, туляремия, холера, продуцент ботулизма, лихорадки Эбола и Ласса, сыпной тиф. Это различные штаммы, отличающиеся различными свойствами, поэтому назвать точное количество всех экземпляров вирусов в коллекции я затрудняюсь. Для этого нужно специально вызывать начальника музея и по его картотеке проверять количество ампул с каждым видом биологического вещества. Но по объему это небольшая коллекция – от одной до пяти ампул одного возбудителя.

Если возникает необходимость поработать с каким-нибудь из возбудителей, он извлекается из коллекции, размножается и используется в работе. Таким образом, мы не только решаем свои повседневные рабочие вопросы, но и пополняем коллекционный материал. В количественном плане объем хранящихся у нас биологических веществ не превышает одного г, но если учитывать еще и питательную среду, то эти показатели максимум доходят до одного кг вещества. Держать эти возбудители в большом количестве нет нужды.

Для того чтобы создать против каждого вируса надежное противоядие, нужно испытать целый набор средств для их обнаружения на объектах внешней среды. Иными словами, мы должны, взяв пробу биологического вещества, точно сказать, с чем имеем дело – с бактериями, вирусами или риккетсиями, к какому классу они относятся.

Если мы успешно справились с определением вещества, то дальше должны заняться экстренной профилактикой. А вот в случаях с чумой нужно проводить дополнительную специфическую вакцинопрофилактику. Для этого разрабатываются различные вакцины. Если возбудители инфекционного заболевания были обнаружены на объектах внешней среды – на обмундировании, предметах быта или в воздухе, то нужно делать дезинфекцию. Если возбудитель распространяется с помощью различных переносчиков – клещей, блох, вшей, комаров, то нужно уничтожить в первую очередь этих переносчиков, провести дезинсекцию. Но возбудитель может интегрироваться и в грызунов, которые являются переносчиками чумы.

Дмитрий Литовкин: Вы сказали, что одной из функций 15-го Управления МО РФ была разработка адекватных наступательных средств. Что имелось в виду? Мы сегодня говорим об оружии, от которого собираемся защищаться. Но ведь Ваши слова подразумевают, что и мы имели свои средства нападения. Что конкретно разрабатывали в Советском Союзе?

Валентин Евстигнеев: Дело в том, что по многим источникам, а мы ориентируемся на очень большое их количество, у нас существует специальный список биологических средств, которых нам стоит опасаться. Такой перечень поражающих биологических агентов был составлен на основе данных разведывательных органов – КГБ и ГРУ. При составлении этого документа мы пользовались известными популярными книгами по биологической войне, исследованиями Стокгольмского института по исследованию проблем мира (SIPRI). На основе всего этого был создан достаточно обширный перечень биологических агентов, в который вошло около 37 возбудителей различных заболеваний. Именно они и были взяты за основу для создания средств защиты. Наиболее опасными среди них являются: возбудители чумы, туляремии, сибирской язвы, бруцеллеза, мелиоидоза, натуральной оспы, восточного энцефалита лошадей, сыпного тифа, холеры, желтой лихорадки, токсины ботулизма, энтеротоксин Б.

Создавая средства защиты, нужно было создать некую копию – подобие средства нападения. Поэтому нужно было научиться выращивать возбудителя, отработать технологию его накопления, сделать какие-то стабилизирующие питательные добавки, чтобы он был устойчив во внешней среде. Следующим шагом было создание средств доставки и применения этого биологического вещества. Все это было необходимо делать не только для создания вакцин, но и чтобы проверить средства нашей биологической разведки, выяснить плотность обсеменения территории при применении этого оружия. Весь этот цикл работ и был так называемой наступательной частью программы МО РФ. Цикл создавал реальную адекватную угрозу и в 1992 г. был запрещен и ликвидирован.

Дмитрий Литовкин: Эти факты свидетельствуют о том, что СССР имел реальные наработки биологического оружия минимум 37 видов. Но как оказалось, перед нами стоит проблема сокращения химических боеприпасов, других видов вооруже-

ний, а вот о биологических боеприпасах ничего не говорится, потому что их просто не существует. Как же так получилось, что конкретные наработки этого вооружения есть, но оно так и не пошло в серию?

Валентин Евстигнеев: Действительно, до 1992 г. благодаря нашей внешней разведке, добывшей как реальные образцы американских биологических боеприпасов, так и их технические чертежи, мы могли моделировать реальные боеприпасы: одно-, двух-, трех-, четырехфунтовые авиабомбы. Мы даже вытачивали их единичные образцы в своих лабораториях, проводили натурные испытания с участием животных на специальном полигоне в Аральском море на острове Возрождения. Но после 1992 г. на все это был наложен строжайший запрет, и теперь заражение животных мы проводим только путем прививок. И таким же образом проверяем эффективность наших защитных средств. А если нужно проверить средства биологической разведки, то мы испытываем их не на натуре, а на специально моделируемых ситуациях в лабораторных условиях с помощью имитаторов. Например, на том же вакцинном штамме, или берем какой-то непатогенный микроорганизм.

Что же касается вопроса, почему наши разработки так и не пошли в серийное производство, можно сказать только одно: биологическое оружие отличается от химического тем, что состоит из живых организмов. Процесс хранения последних очень затруднителен. Именно по этой причине их никто никогда не накапливал, стратегических запасов не создавал. Исключение могли составлять только токсины. Но поскольку у руководства СССР не существовало идеологической подоплеки проведения таких экспериментов и испытаний, программа не смогла набрать такого же серьезного масштаба, как разработка ядерного или химического оружия. Все эксперименты проводились, что называется, на всякий случай. В каком-то отношении это был блеф нашего руководства, давшего задание создать такое оружие, но никогда не воспринимавшего его всерьез как реальное средство нападения и, тем более, не строившего планов его применения.

Дмитрий Литовкин: Но ведь Вы сказали, что проводили эксперименты по реальному испытанию биологического оружия на полигоне с участием людей?

Валентин Евстигнеев: Действительно, такое учение было. Но за всю историю существования 15-го Управления МО оно было

единственным. В нем приняли участие 15 человек и несколько подопытных животных. Главной целью тогда ставилась проверка надежности наших общевойсковых противогазов и защитных костюмов, но никак не эффективность действия биологических веществ на организм нападающих.

Конечно, мы могли создать биологический арсенал токсинов, но не накапливали их только потому, что опять-таки не было такой политической установки. Поэтому запасов биологического оружия в СССР не было и уничтожать нам сегодня нечего. Для нас существовала только одна проблема – уничтожить лабораторное и испытательное оборудование, которое могло вызвать подозрение, что мы продолжаем биологические эксперименты и готовы произвести какую-то крупную партию биологического вещества. Поэтому это так называемое крупномасштабное оборудование было ликвидировано еще в начале «перестройки» по приказу генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в период до 1989 г.

В то время как раз начались трехсторонние переговоры между Великобританией, США и СССР о визитах на объекты, где могло разрабатываться биологическое оружие. Мы ездили на подозреваемые биологические объекты в США и Великобританию, и М.С. Горбачев принял решение заблаговременно уничтожить все демаскирующие, вызывающие сомнения в наших чистых намерениях приборы и установки. Заодно с оборудованием были уничтожены и емкости с биологическим материалом – более пяти литров (колбы с биологическими ферментами). Именно из-за этого предусмотрительного политического хода мы уже давно не представляем ни для кого угрозы и не имеем каких-либо демаскирующих признаков, что у нас есть какая-либо наступательная биологическая программа. Сегодня нас можно подозревать только в намерениях.

Дмитрий Литовкин: Когда Вы говорите, что нас можно подозревать в намерениях, что Вы подразумеваете под этим словом?

Валентин Евстигнеев: Прежде всего то, что мы еще окончательно не договорились с Западом о том, что будет называться биологическим оружием, какое оборудование или какие технологические установки считать потенциально способными его производить и что из этого списка нужно запретить. Не решен вопрос и с уровнем откровенности в предоставлении иностран-

ным инспекторам информации о том, над чем работают наши лаборатории сегодня. И причиной тому не только неуступчивость российской делегации. Есть очень много нареканий в адрес американцев, не согласных со многими пунктами, способными существенно облегчить взаимопонимание между государствами и обеспечить надежный контроль над деятельностью научных лабораторий.

После распада СССР мы закрыли наш единственный биологический полигон в Аральском море, так как он отошел к Казахстану, да и надобности в его дальнейшем использовании больше не было. Закрыв этот объект, мы вынуждены были провести целый комплекс мероприятий по дезинфекции всей его территории. Нами были ликвидированы все подопытные животные и при соблюдении необходимых норм захоронены в специальных могильниках. Некоторое научное оборудование было вывезено в Россию. Был проведен тщательный мониторинг всей территории острова, где мы проводили натурные испытания биологических боеприпасов. В экологическом плане мы оставили остров во вполне нормальном состоянии.

Но после нашего ухода с острова Возрождения на него высадился целый десант американских специалистов-биологов, главной задачей которых было определить, чем же здесь занимались русские. Американцы раскопали наши могильники, провели анализы тканей животных и сделали выводы о том, что на полигоне мы отработывали технологии боевого применения сибирской язвы. Этот факт говорит сам за себя. Пока у нас не будет договоренностей о том, что есть биологическое оружие, как его классифицировать, мы никогда не сможем поверить друг другу в искренности наших намерений.

Именно по этой причине, пока не будет разработан свод международных договоренностей по контролю над созданием биологического оружия, выработан механизм международных инспекций и очерчен круг необходимой для отчета документации, США и другие страны могут продолжать подозревать нас в нечистоплотных намерениях. Но я еще раз с полной ответственностью заявляю, что мы вели разработки наступательных биологических веществ, но они никогда не производились серийно, и еще в 1989 г. началось их уничтожение, а в 1992 г. мы прекратили и сами исследования в лабораториях по созданию биологического оружия массового уничтожения.

Дмитрий Литовкин: Вы говорили, что пытались имитировать американские биологические боеприпасы. Значит ли это, что в США был разработан конкретный серийный образец носителя биологического оружия?

Валентин Евстигнеев: Совершенно верно.

Дмитрий Литовкин: Наверное, у Вас еще была возможность сравнить немецкие и японские трофейные боеприпасы?

Валентин Евстигнеев: Наверное, да. Во время операции наших войск в Маньчжурии в 1945 г. были собраны трофейные образцы японского биологического оружия. Об этом есть документы в архивах, свидетельства очевидцев. Все это хозяйство было собрано на один теплоход и должно было быть отправлено в СССР. Но, как это ни покажется странным, теплоход бесследно исчез. Я думаю, что он мог стать жертвой японских военно-морских сил или же был специально затоплен советскими моряками. К сожалению, история умалчивает об этом эпизоде. И поэтому от японцев мы ничего не получили.

Американцы, напротив, забрали командира японского отряда, разрабатывавшего биологическое оружие, и плодотворно продолжали с ним работать и после Второй мировой войны (1939–1945). А на Нюрнбергском процессе в Германии суду представили рядовых участников этой программы. Что же касается немецкого биологического оружия, то на этот счет не существует каких-либо документов. Хотя были сведения, что немецкие ученые ставили опыты на военнопленных. Но так как Гитлер был бактериофобом, очень боялся лично заразиться каким-нибудь вирусом, биологическая программа третьего рейха так и не вышла из стен научных лабораторий. Поэтому о немцах и их биологической программе у нас достаточно скудные сведения.

В итоге биологическое оружие СССР стало одной из отечественных военных страшилок, созданных руками наших ученых. Для этого нам не пришлось воровать где-то вирусы и их штаммы, всего этого добра у нас хватало с избытком. Большинство биологических веществ, входящих в список 37 наступательных средств, являются для России эндемическими заболеваниями. Их изучением наши ученые-биологи занимались еще с царских времен.

Дмитрий Литовкин: Что же, кроме политической воли государственных мужей, помешало СССР развернуть крупномасштабное изготовление биологических боеприпасов?

Валентин Евстигнеев: Американские бомбы попали к нам в начале 1950-х гг., и мы ими пользовались буквально до начала 1980-х гг. Этого вполне хватило для отработки своих защитных систем и возможных теоретических разработок создания наступательных технологий. Кроме того, я думаю, что существовала конкуренция среди видов оружия массового уничтожения. Все внимание было уделено, прежде всего, ядерному оружию – как самому эффективному средству нанесения неприемлемого ущерба противнику. Мы даже водородную бомбу изобрели и взорвали раньше американцев. Поэтому все средства государства и ученые умы были, прежде всего, направлены на это. Успешно развивалось химическое оружие, мы накопили его 40 тысяч т. А бактериологическое оружие трудно хранилось, было сложно в эксплуатации и имело ретроградное действие: ударив по неприятелю, можно было получить ответ своими же вирусами по собственным войскам. Все эти факторы и удерживали от создания реального носителя биологического оружия и разработки теории его применения. А для того, чтобы блефовать, достаточно было иметь научный потенциал и имитировать хоть какую-то деятельность в этой области.

Во многом именно так сегодня пытаются блефовать Ирак и Иран. Эти государства имеют реальную современную биологическую промышленность, основу которой создали сами американцы, поставляя в прошлом в эти страны технологическое оборудование и обучая персонал предприятий. Теперь США и страны НАТО переживают, как бы страны экстремистских режимов не применили против них биологическое оружие, когда они сами и помогли им создать предпосылки для его появления. Я лично оцениваю эту ситуацию как типичный блеф с целью шантажа мирового сообщества. В Иране и Ираке, скорее всего, нет биологического оружия, но есть прекрасное понимание политической элитой государства прелестей нагнетания страстей вокруг этой темы.

Дмитрий Литовкин: Когда мы говорим о биологических средствах нападения, Вы постоянно повторяете, что это аэрозоли, жидкости или порошки. Но я помню из детства, что самым

распространенным плакатом по гражданской обороне был тот, на котором дружинник сметал метлой в ящик разбегающихся из него жуков или тараканов. Почему исследователи остановили свой выбор именно на жидких и аэрозольных формах биологического оружия?

Валентин Евстигнеев: Все, кто создает оружие, всегда хотят получить быстрый эффект от его применения. По нашему мнению, самым надежным способом распространения возбудителей инфекционных заболеваний будет создание аэрозоля, несущего в каждой своей частице возбудитель инфекционного заболевания. Человек, вдыхая такой воздух, сразу же заражается. Можно использовать переносчиков заболевания, но здесь вероятность получения нужного эффекта намного ниже. Переносчик вируса либо сам погибнет, либо не найдет солдата. Потом, укус через кожу всегда менее опасен, чем вдыхание зараженного воздуха. Японцы в свое время использовали в своих снарядах зараженных чумой блох. По-видимому, со времен Второй мировой войны эти насекомые и ассоциируются на всевозможных плакатах с образом биологического оружия.

Есть и еще одна причина. Порошок или жидкость распылил, и они полетели. А, например, вошь – она тяжелая, она не полетит по воздуху. Комаров, вшей трудно распространить по площади. Их, конечно, можно распылить, но опять-таки они быстро упадут в месте распыления, и зона поражения будет небольшой. Хотя появление колорадского жука, который поедает картофель на российской земле, с нашей точки зрения, очень подозрительно.

Дмитрий Литовкин: Но я думаю, что даже в эпоху глобального противостояния в мире никто всерьез не воспринимал возможность крупномасштабной биологической войны.

Валентин Евстигнеев: Я думаю, что да. Скорее рассматривались возможности какой-то показательной диверсионной акции. Именно поэтому вопрос защиты от биологического оружия принимает в современном мире несколько иной оборот, чем несколько десятков лет назад, когда начинались эти работы. Современная лабораторная техника позволяет легко производить самых опасных инфекционных возбудителей даже в самых неприспособленных для этого условиях. А это, в свою очередь, влечет возрастание риска биологического терроризма.

В США, например, было раскрыто несколько групп биологических террористов. Они внесли сальмонеллы в маленьком придорожном кафе в продукты питания. Около 200 человек, пообедавших в этом заведении, были госпитализированы. Одного шизофреника поймали за попыткой купить возбудителей чумы. Во всяком случае, даже у нас, в России, один из чеченских полевых командиров угрожал применить биологическое оружие. И такую угрозу нельзя недооценивать.

Дмитрий Литовкин: Но как, по Вашему мнению, может развиваться сценарий такого террористического акта?

Валентин Евстигнеев: Для специалиста-биолога в этом большой проблемы нет: добыть биологический агент для создания оружия, что совсем не трудно, и действовать. Например, была история с 201-й дивизией в Таджикистане, когда один полевой командир из Афганистана (я сейчас не помню точных оперативных данных, но, кажется, он был обучен в Пакистане) познакомился с медицинской сестрой в госпитале, та собрала для него мочу человека, больного гепатитом. Этой мочой обмыли арбузы и дыни, часть ее вводилась шприцем внутрь плодов. Затем зараженные арбузы и дыни по очень низкой цене продали на пути следования наших воинских подразделений. Конечно, солдаты с удовольствием покупали эти бахчевые и в результате все заболели гепатитом. Этот случай, произошедший в 1995 г., можно считать классическим примером биологического терроризма.

Теперь, например, возьмем другую ситуацию. Кто мешает террористу договориться с работниками особо опасных лабораторий, где работают с возбудителями? Достаточно вынести всего один г биологического вещества, размножить его на питательной среде – и оружие готово. Причем такой питательной средой может быть обычный мясной бульон. Ну, а дальше, имея этот размноженный возбудитель, можно его разливать в общественных местах, смачивать фрукты или канцелярские принадлежности, да хотя бы те же ручки дверей, распылять через вентиляционные системы. Вот вам и терроризм.

Дмитрий Литовкин: Если это так, то, наверное, уже существует перечень наиболее вероятных биологических угроз для населения России? Тем более, когда в рамках вооруженных сил

ваш потенциал сегодня не сильно задействован. На какие действия вы сегодня ориентированы?

Валентин Евстигнеев: Мы, прежде всего, готовимся к отражению именно таких случаев терроризма. Причем мы тут не пионеры, читаем соответствующую зарубежную литературу, переводим статьи о том, какой экономический ущерб может быть нанесен стране в случае применения биологического оружия террористическими группами. Американцы провели такие расчеты и смоделировали применение биологических средств против города, в котором проживает около 100 тысяч человек. Они проводили этот расчет для выяснения размеров страховых взносов на создание запасов средств защиты от биологического оружия. И они просчитали, что с точки зрения экономики лучше иметь запасы вакцин, которые, к слову, ежегодно нужно заменять, чем потом проводить ликвидационные мероприятия, локализуя последствия теракта. Поэтому и мы, познакомившись с этими работами, пришли к выводу, что и нам не мешало бы предпринять аналогичные меры безопасности. Ну, а поскольку средства обнаружения, идентификации и защиты от действия биологического оружия мы в наших вооруженных силах давно отработываем и умеем делать, то можем успешно решить эту проблему.

Дмитрий Литовкин: Как будет выглядеть эта программа?

Валентин Евстигнеев: Как она выглядит? Это обычный блок вопросов, примерно такой же, который мы с Вами только что обсудили.

Дмитрий Литовкин: Но ведь мы же живем в России.

Валентин Евстигнеев: Я Вам должен сказать, что в СССР была учреждена специальная программа. Над ее реализацией трудились около 15 министерств и ведомств и около 100 научно-исследовательских институтов. И все эти организации вели разработку средств защиты. Сегодня такой государственной программы, по сути, нет. Мы обязаны каждый год докладывать ООН о наличии такой программы, и мы пишем, что она у нас есть. Но фактически над ее созданием трудится только один наш военный институт.

Над банальными инфекциями, такими, как грипп, туберкулез, СПИД, гражданские институты еще работают. Но если кто-то применит настоящую боевую заразу, то вся надежда будет только на военных. И у нас, конечно, найдутся силы и средства,

чтобы защитить людей. Мы – единственные в стране, кто продолжает работать с теми возбудителями, с которыми гражданские медики не работают: геморрагических лихорадок Эбола, Марбурга, Ласса. В этот список можно добавить еще и сибирскую язву, с которой хотя и работают гражданские институты, но вакцину выпускает только наш военный институт в Екатеринбурге. Мы полностью обеспечиваем всем необходимым всю Российскую Федерацию и даже поставляем часть препаратов за рубеж.

Дмитрий Литовкин: Это все очень интересно, тем более что, например, в истории с разработкой вакцины от вируса Эбола у нас не было даже образцов зараженной этим заболеванием крови людей. Американцы, уже много лет безуспешно борющиеся с этим заболеванием, отказались помочь нам с образцами крови. Как же удалось решить эту сложную проблему, создать вакцину, да еще и предложить ее на экспорт?

Валентин Евстигнеев: Мы, если говорить корректно, создали не вакцину, а гамма-глобулин. Дело вот в чем. В последние годы резко возросли миграционные потоки, подвижность нашего населения. Причем в Африку сегодня ездят не только дипломатические работники и туристы, но есть целая категория россиян, имеющих там постоянную работу. Поэтому угроза, что наши граждане могут заразиться экзотическими заболеваниями типа геморрагических лихорадок Эбола, Денге, Марбурга, возросла в несколько раз по сравнению с советскими временами. Знать и уметь отличить эти болезни – наша прямая обязанность. Мы должны быть уверены, что человек болен не гриппом, а лихорадкой Эбола. При этом с этими болезнями и их симптомами должны быть знакомы и российские гражданские медики, а не только военные, которые с ними всегда и работали.

В 1997 г. у нас произошел такой случай. Приехали два летчика из Заира в Старый Оскол и заболели непонятной лихорадкой. У врачей местной больницы сразу же возникло опасение, что это лихорадка Эбола, так как в Африке в это время была ее эпидемия. Когда начали искать специалистов, способных лечить это экзотическое заболевание, оказалось, что они есть только в армии. Генерал-майор медицинской службы А.А. Махлай, который возглавляет Вирусологический центр в Сергиевом Посаде и, кстати, получил звание Героя России за изобретение гамма-глобулина от лихорадки Эбола, с еще одним сотрудником института поехали

в Старый Оскол. Там они продиагностировали больных, обнаружили, что летчики больны малярией. Заодно потренировали персонал инфекционного отделения госпиталя, чтобы они научились работать в режиме отделения по особо опасным вирусным заболеваниям. А когда наши люди вернулись из командировки, мы приняли решение, что такие случаи могут повторяться впредь, и нам что-то нужно делать. Тем более что штамм Эбола у нас был.

Дмитрий Литовкин: Откуда? Ведь летчики оказались больны малярией, а американцы нам отказали в ее штаммах.

Валентин Евстигнеев: Верно. Штамм попал к нам из конфиденциальных источников.

Дмитрий Литовкин: Это значит, что наша внешняя разведка справляется с возлагаемыми на нее функциями?

Валентин Евстигнеев: Можно считать, что и так. И уж, поскольку возбудитель Эбола у нас был, мы решили создать гамма-глобулин. Но начинать пришлось с самого начала. Мы не знали, что это за возбудитель, как с ним работать и какие меры предосторожности принимать, на чем он растет. Цикл этих очень опасных работ мы сделали. Для подтверждения работоспособности препарата нам нужно было вакцинировать вирусом лошадей. Не знаю, как можно описать сложность работы с лошадью, зараженной вирусом Эбола, ведь и со здоровым животным справиться-то непросто, а нам приходилось работать в специальных средствах защиты. Малейшая оплошность, прорыв перчатки, и последствия могли быть самыми печальными. Одна из наших сотрудниц погибла, выполняя опыты. Она порвала защитные перчатки, но из-за того, что это произошло накануне новогодних праздников, она скрыла этот факт от руководства института. В результате, когда женщина обратилась за помощью к врачу, было уже поздно.

Впоследствии от зараженных вирусом Эбола лошадей мы получили кровь, простерилизовали ее, выделили гамма-глобулин. Потом мы научились делать иммуноглобулин не из чистого вируса, а из иммунных комплексов. Проверили мы этот препарат сначала на животных, потом на добровольцах, убедились, что он имеет нормальную фармакинетику и сможет защищать от болезни не только обезьян, мелких лабораторных животных. Мы сочли возможным представить наше изобретение как полноценный фармацевтический препарат. Когда в Африке произошла

новая вспышка лихорадки Эбола, мы предложили Всемирной организации здравоохранения 150 доз препарата. Те, в свою очередь, сразу же поделились нашим препаратом с американцами, которые и подтвердили, что это настоящий гамма-глобулин, обладающий всеми профилактическими свойствами, но пока не лечащий само заболевание. Дело в том, что когда лихорадка уже развилась, он бесполезен, но в начальной стадии, когда есть только подозрение на возможность заболевания, он полностью защищает человека от смертоносного вируса Эбола.

Дмитрий Литовкин: Имея такие перспективные наработки, Ваше ведомство находится в столь печальном финансовом положении. Мне кажется, что это достаточно парадоксально. Я помню, что перед операцией «Буря в пустыне» в Ираке к Вам обращалось командование армии США с просьбой продать партию вакцин от сибирской язвы. Думаю, есть и другие предложения.

Валентин Евстигнеев: Предложения-то есть, но не все из них мы можем реализовать.

Дмитрий Литовкин: Вы отказали американцам, которые просили вакцину от сибирской язвы?

Валентин Евстигнеев: Все достаточно банально. Так как американцы наши вероятные противники по годам холодной войны, то вопрос о предоставлении наших образцов военных вакцин долго согласовывался с различными государственными инстанциями. В итоге США, имевшие четкие сроки начала операции «Буря в пустыне», купили вакцину у Китая. Но я думаю, что главной причиной все-таки были не бюрократические рогатки, а нежелание государства делиться своими военными секретами в столь шепетильной сфере, как биологические разработки, ведь за ними очень большое будущее. И уж если быть совсем откровенным, то те 37 биопрепаратов, о которых мы с Вами говорили, – это всего лишь первое поколение биологического оружия. Сегодня во многих точках мира работают уже над третьим.

Глава 20

КОСМОС И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ (2001)¹

Александр Клаповский²

Военные аспекты использования космического пространства в первые десятилетия космической эры

XX век ознаменовался важной вехой в истории развития человечества – началом широких исследований и практического освоения космического пространства.

Космическая эра поставила перед человечеством новую стратегическую задачу: планомерное исследование, освоение и использование космического пространства в интересах мирового сообщества. Принятые в дальнейшем во многих странах мира национальные космические программы и программы международного сотрудничества продемонстрировали впечатляющие возможности использования космоса для научных, хозяйственно-прикладных и военных целей. Исследования Земли, Солнца, планет Солнечной системы, межпланетной среды, звезд и галактик, изучение медико-биологических проблем пребывания в космосе человека, представителей животного, а также растительного мира, метеорология, навигация, геодезия, картография, радио- и телефонная связь, радио- и телевидение, управление воздушным движением и судоходством, поиск полезных ископаемых, обнаружение лесных пожаров, состояние лесных и сельскохозяйственных угодий, прогноз урожаев, оценка водных ресурсов, ледовой и паводковой обстановки, загрязне-

¹ Впервые опубликовано: *Клаповский А. Космос и стратегическая стабильность // Ракеты и Космос. 2001. № 2. С. 2–8. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ракеты-и-Космос.-Том-1-№2-2001.pdf>*

² Александр Александрович Клаповский (род. 21 октября 1937 г.) – глава отдела стратегических наступательных вооружений, противоракетной обороны и военного космоса профильного департамента МИД России.

ние природной среды, производство материалов в космосе – вот далеко не полный перечень областей применения космических средств в мирных целях.

В свете сказанного правомерен вопрос о роли космических средств в обеспечении обороноспособности государств. Это направление космической деятельности стало развиваться практически с первых лет освоения космоса. В СССР и США были проведены широкие исследования областей возможного применения космической техники в военных целях. В последующем был создан и принят на вооружение целый ряд космических систем военного назначения, получивших общее наименование – космические средства обеспечения вооруженных сил. В их числе космические системы видовой (фото-, фотоэлектронной, телевизионной, видеоэлектронной и др.) разведки, радио- и радиотехнической разведки, обнаружения стартов ракет и предупреждения о ракетном нападении, обнаружения ядерных взрывов в космосе, атмосфере и на поверхности Земли, связи и боевого управления, метеорологического, навигационного, топогеодезического и картографического обеспечения вооруженных сил. Космические системы такого назначения, по общему признанию отечественных и зарубежных специалистов, существенно повысили эффективность систем оружия и вооруженных сил и заняли важное место в структуре вооружений космических держав.

Глубокому изучению подвергся вопрос о возможности размещения в космосе оружия для действия по наземным, морским и воздушным целям. Ключевым критерием для определения целесообразности разработки таких средств было соотношение возможной стоимости их создания и ожидаемой эффективности выполнения поставленной задачи в сравнении с системами оружия аналогичного назначения других (некосмических) видов базирования. Известные результаты исследований, проведенных, в частности, за рубежом, не показали в ту пору превосходства космических систем оружия перед иными, и в силу этого они не получили заметного развития. Тем не менее, некоторые типы ударных систем оружия массового уничтожения (ОМУ) с частичным полетом их поражающих элементов (ядерных боеголовок) по орбите – так называемые глобальные ракеты, или, как их именovali за рубежом, системы FOBS (*Fractional orbital bombardment system*, или частично орбитальная ударная система) – все же были созданы и некоторое время реально существовали.

Большое внимание в ходе проводившихся исследований было уделено изучению возможностей создания космических систем борьбы с баллистическими ракетами – систем противоракетной обороны (ПРО). В США после многих лет разрозненных исследований такие работы были собраны в выдвинутую в 1983 г. и широко разрекламированную программу «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). В качестве возможного оружия для космических систем ПРО рассматривалось кинетическое (на основе прямого соударения поражающего элемента с боеголовкой ракеты), лазерное, пучковое (на основе направленных потоков заряженных частиц), электромагнитное, не исключалось и ядерное. Несмотря на крупные ассигнования и определенные технологические достижения, программа СОИ не привела в силу сложности стоящих проблем к созданию в США конкретных космических систем противоракетной обороны, которые могли бы стать основой многоэшелонной национальной системы ПРО территории страны. Хотя на пути появления таких систем стояли и продолжают стоять фундаментальные международные договорные запреты (Договором по ПРО 1972 г. было запрещено развертывать системы ПРО территории страны, а также создавать, испытывать и развертывать, в числе целого ряда систем мобильных видов базирования, системы и компоненты ПРО космического базирования), американская администрация тех лет была готова к постановке вопроса о внесении необходимых поправок в Договор по ПРО, если бы разработка эффективной системы ПРО территории страны с компонентами космического базирования оказалась в ту пору возможной. Тем не менее, работы по созданию космической техники для противоракетной обороны в разрешаемых Договором по ПРО рамках (на исследовательском и опытно-конструкторском уровнях, без разработки и летных испытаний прототипов компонентов ПРО космического базирования) в США продолжались.

Широкие исследования были проведены и в области противоспутниковых систем (ПСС). Причины интереса космических держав к проблеме ПСС лежали в двух плоскостях. Во-первых, находящиеся в космосе средства различного целевого назначения, безусловно являвшиеся достижением всего человечества, были вместе с тем собственностью отдельных государств и международных организаций, создавших, развернувших и эксплуатирующих соответствующие космические системы. В силу признанного

всеми странами мира принципа экстерриториальности космического пространства, то есть его непринадлежности какому-либо одному государству или группе государств, и, следовательно, его правовой доступности для любой страны неизбежно возник вопрос о гарантиях сохранения и защите космической собственности. Будучи в принципе закономерным применительно к космическим системам любого назначения, такой вопрос имеет особую значимость для военных космических систем, от которых напрямую зависит обороноспособность государства. Во-вторых, в военно-стратегическом контексте в США сформировалась и получила широкое распространение точка зрения на тот счет, что «кто владеет космосом, тот владеет и Землей». Такая концепция имела поддержку в высоких военно-политических кругах и, несмотря на кажущуюся гипотетичность, во многом явилась истоком современных взглядов США на будущую роль космического пространства. Советский Союз вынужден был адекватным образом реагировать на такую ситуацию.

В США и СССР были осуществлены и практические разработки в области ПСС. В США сначала была создана ПСС на основе ракеты-перехватчика наземного стационарного базирования, затем в 1980-х гг. – ПСС АСАТ самолетного базирования, успешно испытанная по реальной цели в космосе, но не развернутая и не поступившая на вооружение. В СССР в 1970-х гг. был развернут наземный комплекс ПРО–ИС, который находился в эксплуатации до апреля 1993 г., хотя, начиная с 1983 г., испытательные пуски космических аппаратов-перехватчиков не проводились.

Таким образом, перед нами предстает достаточно обширная картина того, что было сделано в сфере исследования, освоения и использования космического пространства за первые десятилетия космической эры. В целом этот период можно назвать временем выявления научного, хозяйственно-прикладного и военного потенциалов космоса, осмысления направлений практического применения космической техники, понимания роли космических средств в обеспечении обороноспособности государства, поддержании стратегической стабильности и международной безопасности.

Параллельно с этим шло формирование правового режима освоения и использования космического пространства, в том числе и в военных целях.

Правовые аспекты использования космического пространства в военных целях

С военными аспектами использования космоса в разной степени связан целый ряд международных договоренностей: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963); Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967); Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968); Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972); Договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972); Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1976); Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1984). Следует учитывать также Устав Организации Объединенных Наций, содержащий важные положения, в полной мере применимые к космической деятельности. Оставляя за рамками рассмотрения конкретное содержание каждой из перечисленных международных договоренностей, представим в обобщенном виде правовое поле, имеющееся к настоящему времени в отношении космоса, военной космической деятельности и космических аппаратов. Оно включает целый ряд положений и обязательств, сущность основных из которых состоит в следующем:

- космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами, без какой бы то ни было дискриминации, на основе равенства, при свободном доступе в него;
- космическое пространство не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на него суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами;
- государства осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства в соответствии с международным правом, включая Устав ООН (закрепленный в Уставе ООН (пункт 4 статьи 2) принцип

неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях распространяется и на космическую деятельность государств и возникающие в связи с этим взаимоотношения между ними (Устав ООН также фиксирует, что все международные споры государства должны разрешать мирными средствами, таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность);

- государства обязались запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в космическом пространстве;
- государства обязались не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами ОМУ, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом («запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров»);
- государства обязались не создавать, не испытывать и не развертывать системы и компоненты ПРО космического базирования;
- государства обязались запретить военное или иное враждебное использование средств воздействия на природную среду, в том числе и на космическое пространство;
- государство, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом во время его нахождения в космическом пространстве (права собственности на космические объекты, запущенные в космическое пространство, остаются незатронутыми во время их нахождения в космическом пространстве);
- государство, осуществляющее или организующее запуск объекта в космическое пространство, с территории или установок которого производится запуск объекта, несет международную ответственность за ущерб, по его вине причиненный такими объектами в космическом пространстве другому государству;
- если государство не смогло опознать космический объект, который причинил ущерб ему, либо который может

иметь опасный или вредоносный характер, другие государства, располагающие средствами наблюдения за космическими объектами, отвечают на просьбу этого государства о помощи в идентификации такого объекта;

- государства обязались не чинить помех национальным техническим средствам контроля за вооружениями других государств (в том числе и соответствующим космическим аппаратам контроля).

Разумеется, обязательства, содержащиеся в упомянутых международных договоренностях, распространяются на государства, являющиеся их участниками.

Таким образом, в настоящее время имеются серьезные правовые ограничения на военное использование космоса и ряд международных обязательств, ограждающих космические аппараты от враждебного воздействия. Эти правовые ограничения не препятствуют, к этому и не стремились космические державы, созданию, развертыванию и использованию космических средств обеспечения вооруженных сил. Такие средства по характеру выполняемых ими задач считались недестабилизирующими вооружениями и в силу этого неопасными для поддержания стратегического баланса сил. Вместе с тем не существует каких-либо запретительных международных правовых норм применительно к ряду возможных направлений космической деятельности в области ударных космических вооружений и ПСС. Укажем основные из них: создание и испытания (не в космосе) объектов с ядерным оружием или любыми другими видами ОМУ, которые могли бы предназначаться для выведения в космос; создание, испытания и размещение в космическом пространстве (помимо небесных тел) оружия немассового уничтожения (например, для избирательного поражения воздушных, морских, наземных объектов); создание, испытания и размещение в космосе противоспутникового оружия (равно как нет запретов на создание, испытания и развертывание ПСС других, помимо космического, видов базирования – наземного, морского, воздушного).

Особого внимания в этом отношении требует курс США на развертывание системы ПРО территории страны и разрушение Договора по ПРО, запрещающего такую систему. В случае ликвидации этого договора окажется отброшенным и обязательство не создавать, не испытывать и не развертывать системы и компоненты ПРО космического базирования. Это не только

откроет путь к созданию космического оружия для целей ПРО, но даст возможность практически параллельно создавать и противоспутниковое оружие космического базирования в силу близости соответствующих технологий.

Следует отметить, что белые пятна в правовом поле военной космической деятельности побуждали многие страны выработать соответствующие международные договоренности. Активную и последовательную позицию в этом вопросе занимал Советский Союз, в последующем – Россия. Не ставя целью дать полный обзор политико-дипломатических шагов СССР по предотвращению выхода оружия в космос и превращения космического пространства в сферу военной конфронтации, подчеркнем лишь три ключевые инициативы: проект договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода, внесенный в ООН в 1981 г.; проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли, предложенный в ООН в 1983 г. и дополненный в 1984 г. предложением о запрете использования силы с Земли в отношении космических объектов; принятое Советским Союзом в 1983 г. обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия, то есть односторонний мораторий на такие запуски на все то время, пока другие государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любого вида (этот мораторий охватывал и испытательные запуски противоспутниковых средств).

Соединенные Штаты не поддержали ни одну из этих инициатив СССР.

Подчеркнем, что инициативы Советского Союза, касающиеся запрещения применения силы в космосе, из космоса и в отношении космических объектов, создавали фундаментальную основу для всеобъемлющего решения проблемы предотвращения превращения космического пространства в сферу размещения оружия, арену вооруженной борьбы и потенциальный театр военных действий. Проектами договоров предусматривалось:

- не испытывать и не развешивать путем вывода на орбиту вокруг Земли, размещения на небесных телах или каким-либо иным образом любое оружие космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве;

- не использовать космические объекты, находящиеся на орбитах вокруг Земли, на небесных телах или размещенные в космическом пространстве каким-либо иным образом, в качестве средства поражения любых целей на Земле, в воздушном и космическом пространстве;
- не уничтожать, не повреждать, не нарушать нормального функционирования и не изменять траекторию полета космических объектов других государств;
- не испытывать и не создавать новые ПСС и ликвидировать уже имеющиеся такие системы;
- не испытывать и не использовать в военных, в том числе противоспутниковых, целях любые пилотируемые космические корабли.

Эти положения и в настоящее время не утратили своего фундаментального значения для предотвращения выхода оружия в космос, вооруженной борьбы в нем.

Что касается одностороннего моратория Советского Союза на вывод в космос противоспутникового оружия, то условия этого моратория были Соединенными Штатами нарушены осуществлением в 1985 г. перехвата ПСС АСАТ реального американского космического объекта (искусственного спутника Земли «Солуинд»). СССР заявил о том, что считает себя с этого момента свободным от одностороннего обязательства; вместе с тем, провяляя добрую волю, будет продолжать де-факто воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия. В 1992 г. президентом России была подтверждена готовность на основе взаимности с США ликвидировать существующие ПСС и выработать договоренность о полном запрете вооружений, специально созданных для поражения спутников. Однако и это наше предложение не нашло позитивного отклика у Соединенных Штатов.

Вследствие трудностей, с которыми столкнулись попытки выработать и ввести в действие всеобъемлющие договорные обязательства по предотвращению размещения любых видов оружия в космосе и неприменению силы в отношении космических объектов, усилия международного сообщества во второй половине 1980-х гг. и в 1990-х гг. сконцентрировались на разработке мер доверия в космической области, главным образом в рамках Конференции по разоружению в Женеве, где в 1985 г. был создан спецкомитет с исследовательским мандатом по проблеме предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

Спецкомитетом были проведены широкие исследования по возможным мерам доверия, транспарентности, предсказуемости и контроля в сфере космической деятельности. Но подготовить их к принятию и введению в действие не удалось в силу того, что спецкомитет по космосу не имел переговорного мандата, а приданию ему переговорного статуса препятствовало отсутствие консенсуса на этот счет из-за негативной позиции Соединенных Штатов. В 1994 г. комитет приостановил свою деятельность в силу отданного в то время государствами-участниками Конференции по разоружению предпочтения скорейшему завершению подготовки Конвенции по химическому оружию и с тех пор свою работу не возобновил. Российская сторона последовательно выступает за воссоздание на Конференции по разоружению спецкомитета по космосу и за придание ему переговорного мандата.

Следует обратить внимание и на еще один важный факт. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН принимается ежегодная резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве». Значение этой резолюции определяется тем, что в ней зафиксирован ряд принципиальных положений, в частности: подтверждается важность и неотложность задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве; признается, что предотвращение гонки вооружений в космосе устранило бы серьезную угрозу для международного мира и безопасности; выражается убежденность в необходимости изучения дальнейших мер при выработке эффективных и поддающихся контролю двусторонних и многосторонних соглашений в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, включая вывод оружия в космос; указывается, что правовой режим, применимый к космическому пространству, сам по себе не гарантирует предотвращения гонки вооружений в космосе, этот режим необходимо упрочить, усилить и повысить его эффективность. В 2000 г. такая резолюция была принята 163 государствами при трех воздержавшихся – США, Израиля и Микронезии.

Современные стратегические концепции США в отношении использования космического пространства в военных целях и практические шаги по их материализации

Позиции США в отношении использования космического пространства в военных целях после выработанной в 1960–1970-х гг. серии международных договоров и соглашений в космической области оставались достаточно умеренными. Основное содержание военного компонента национальной космической политики Соединенных Штатов сводилось к обеспечению действий стратегических наступательных сил. Уровень развития соответствующих технологий не позволял говорить о возможности разработки эффективных космических и противоспутниковых систем оружия. На определенном этапе Соединенные Штаты исходили даже из того, что область создания средств борьбы с космическими аппаратами может остаться не освоенной крупнейшими космическими державами. В 1978–1979 гг. между СССР и США были проведены переговоры по ПСС, которые, однако, не завершились выработкой какой-либо договоренности на этот счет.

В последующий период наблюдается радикальное изменение позиций США по космическим и противоспутниковым вооружениям. Стратегические концепции, заложенные в программу СОИ и предусматривающие компоненты ПРО космического базирования, практическое создание и успешное испытание ПСС АСАТ вывели США на позиции неприятия каких-либо предложений по дальнейшему запрещению или ограничению возможных направлений использования космического пространства в военных целях, что после негативного отношения к советским инициативам 1981–1984 гг. в полной мере проявилось в ходе советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям, проходивших в 1985–1991 гг. и не приведших по проблематике космоса к каким-либо позитивным результатам. Соединенные Штаты явно не желали связывать себе руки какими-либо новыми договоренностями, касающимися военного использования космоса. В период 1980-х гг. в США происходило вызревание новых взглядов на военное значение космического пространства, которые в 1990-х гг. нашли свое отражение в ряде руководящих документов, введенных в действие президентом США, министром

обороны, комитетом начальников штабов вооруженных сил, объединенным космическим командованием. основополагающими доктринальными документами явились «Космическая политика США», вступившая в силу в 1996 г., «Космическая политика Министерства обороны США», утвержденная в 1999 г.

В качестве ключевой задачи военной космической деятельности ставится завоевание безусловного военного господства в космическом пространстве. Возможность беспрепятственного доступа в космос и использования его без ограничений отнесена к числу жизненно важных национальных интересов США. В отношении космоса продекларировано его равноправие с сушей, морем, воздушным пространством, то есть космос рассматривается как среда, в которой могут проводиться различные по масштабу, задачам и применяемым средствам военные операции. В этом отношении американскому военному руководству предоставляется право действовать в космосе, из космоса и в отношении космоса. Эта стратегическая формула предусматривает вооруженную борьбу в космическом пространстве, военные операции из космоса и боевые действия с помощью средств различных видов базирования против космических аппаратов вероятного противника. Одновременно ставится задача, с одной стороны, не допускать возникновения ситуаций, в которых противнику удалось бы воспрепятствовать Соединенным Штатам в использовании их космических систем, и с другой – быть в состоянии осуществлять противодействие космическим системам противника. В решении этой задачи ведущая роль отводится противоспутниковым средствам, в числе которых могут быть средства космического, наземного, морского и воздушного базирования. Для подавления наземных компонентов космических систем противника (центров управления полетами, стартовых космических комплексов, станций передачи команд и приема информации с борта космических аппаратов и др.) могут использоваться стратегические наступательные вооружения, для защиты элементов наземной инфраструктуры своих космических систем – средства ПРО. Можно ожидать, что эти положения будут служить Соединенным Штатам ориентирами в их военной космической деятельности на обозримую перспективу.

Становится ясным, что курс на обретение безусловного военного превосходства в космосе является одним из важнейших элементов стратегии достижения главной геополитической цели

на современном этапе – военно-политического доминирования в мире, на что Соединенные Штаты ориентируют все направления своей военной политики.

Сформировавшийся в США стратегический курс на обретение безусловного военного господства в космическом пространстве в последнее время начинает получать материальное наполнение. Первоочередной областью возможного использования космического оружия становится ПРО. Это полностью укладывается в русло проводимой в настоящее время новой американской администрацией политики создания системы ПРО территории страны, что влечет за собой отказ Соединенных Штатов от Договора по ПРО и его ликвидацию. В концептуальном аспекте система ПРО мыслится как многоэшелонная, способная осуществлять перехват стратегических баллистических ракет или их боеголовок на любом участке траектории полета – восходящем, среднем и нисходящем. По сообщениям зарубежных источников, в США на 2005–2006 гг. планируется проведение эксперимента для проверки возможности осуществления перехвата МБР на восходящем участке траектории полета с использованием кинетического оружия космического базирования. В бюджете 2002 финансового года предусматриваются средства (63 млн долларов) на разработку проекта кинетического космического оружия. В интересах этого проекта могут быть использованы технологии, создававшиеся ранее по программе «Бриллиант Пэбблз». В сферу таких работ включается осуществляемая в течение ряда лет программа создания лазера космического базирования, на которую в 2002 финансовом году предусматривается выделение 165 млн долларов.

Ожидаемое появление систем оружия с элементами космического базирования неизбежно требует обеспечения их устойчивости к возможному поражающему или подавляющему воздействию со стороны других стран. Это ведет к расширению работ по повышению живучести космических аппаратов, созданию средств активной и пассивной защиты различных структурных компонентов таких систем. Соответствующие программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, уже длительное время осуществлявшиеся в США, получают новый стимулирующий импульс и ориентацию на практическое использование достигнутых результатов.

Задача обеспечения беспрепятственного доступа в космическое пространство и использования его без ограничений, переход

в этой области от принципа «когда возможно» к принципу «когда необходимо» стимулируют развитие и совершенствование средств доставки в космос космических объектов, грузов и людей, а также средств возвращения из космоса. С решением этой задачи тесно связано обеспечение пребывания человека в космосе на постоянной основе, поскольку именно от этого зависит «обживаемость» околоземного космического пространства, а в сугубо военном аспекте – подготовка космонавтов соответствующего профиля, способных не только к осуществлению в космическом пространстве исследовательской и испытательной деятельности, но и к выполнению задач прямого военного характера. И этот новый аспект подготовки космонавтов имеет в США директивное отражение.

Возможные последствия осуществления стратегических концепций США в отношении военного использования космоса

Нельзя исключать вариант, когда усилиям США в области создания космического оружия различного назначения (здесь нужно учитывать и принципиальную возможность создания ударного оружия класса космос-поверхность), а также противоспутниковых средств различных видов базирования другие страны по экономическим соображениям не смогут противопоставить адекватные меры. Соединенные Штаты посредством солидных финансовых вливаний в соответствующие отрасли науки и промышленности могут уйти в технологический отрыв и создать мощную структуру космических вооружений, став фактическими хозяевами военного космоса. В сочетании с эшелонированной системой ПРО территории страны с элементами космического базирования фактор монопольного наличия у США космического оружия и противоспутниковых средств может играть определяющую роль в формировании военно-политической ситуации в мире (вот он, американский тезис первого десятилетия космической эры: кто владеет космосом, тот владеет и Землей). Уместно здесь вспомнить и выступление министра обороны США Каспара Уайнбергера в Конгрессе Соединенных Штатов в 1985 г.: «Если мы получим эффективную систему, которая была бы способна сделать их вооружения [Советского Союза] бессильными, то мы вернулись бы к положению, существовавшему, например,

в те времена, когда США были единственной страной, обладающей атомным оружием». Была бы в такой ситуации международная обстановка стабильной? Ответ на этот вопрос скорее всего отрицательный. Монопольное обладание Соединенными Штатами космическим оружием вызовет у международного сообщества постоянное психологическое ощущение дамоклова меча, а это прямой путь к нестабильной международной обстановке. Космическое оружие на этом этапе в концептуальном отношении, в отличие от проектов первого десятилетия космической эры, не было бы ОМУ (скажем, ядерным), практическое применение которого весьма проблематично, а было бы оружием избирательного действия, с высокой степенью оперативной готовности к применению в глобальном масштабе.

Реальнее исходить из того, что развитые в промышленном отношении страны вряд ли останутся безучастными к возможным намерениям одного государства достичь безусловного военного господства в космическом пространстве. Вероятнее всего будут предприниматься попытки не допустить этого и противодействовать таким намерениям созданием и развертыванием хотя бы некоторых видов космического оружия либо наращиванием других видов вооружений. В результате – опасность повторения жесткой вооруженной конфронтации, но теперь уже с охватом новой сферы – космического пространства. Вполне обоснованно полагать, что выход оружия в космос может иметь крайне негативные последствия для всего процесса сокращения и ограничения вооружений, а применительно к самому космическому пространству по существу программировать вооруженное противостояние в нем. И небесспорной видится перспектива постепенного превращения космического пространства в арену вооруженной борьбы, в потенциальный театр военных действий, если не будут достигнуты всеобъемлющие договоренности о предотвращении выхода оружия в космос.

По какому пути идти России?

Вызов международному сообществу в отношении космоса Соединенными Штатами, по существу, брошен. У США сейчас объективно есть все необходимое – сильная экономика, большой научный, технический и производственный потенциал – для того,

чтобы попытаться предпринять рывок в области наукоемких космических технологий, разработки сложных дорогостоящих космических систем оружия. Для России в области космоса есть сейчас два реальных пути: либо смириться на перспективу с ролью второстепенной космической державы, либо избрать стратегию сохранения научно-технического космического потенциала. Согласится ли Россия с положением фарватерного космического государства? Скорее всего – нет. Это не соответствует ее самосознанию великой космической державы, имеющей колоссальный опыт исследования, освоения и использования космического пространства. Второй путь для России представляется не только целесообразным, но, возможно, единственно оправданным. Сохранение научно-технического космического потенциала, концентрация основного внимания на научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах и необходимых испытаниях позволят России не отстать в области создания новых космических технологий, воплотить их в последующем в действующие космические системы и средства. Многолетний опыт отношений с США по разоруженческому вопросу показывает, что Соединенные Штаты идут на договоренности с сильным партнером, который может достойно им противостоять. Поэтому сохранение сопоставимости космических потенциалов России и США сохранит основу и для дальнейшего правового регулирования проблемы оружия в космическом пространстве.

Российская сторона в полной мере понимает негативные последствия выхода оружия в космос и последовательно продолжает проводить курс на предотвращение развития событий в этом направлении. Ключевыми элементами ее современных позиций в отношении использования космического пространства остаются: запрещение размещения в космосе оружия любого рода, запрещение применения силы в отношении космических объектов, установление мер укрепления доверия в космической области, обеспечение транспарентности и предсказуемости космической деятельности.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем ответственном послании участникам Международной конференции «Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке» концентрированно и емко охарактеризовал наше видение будущего статуса космического пространства: «Весь международный опыт космической деятельности подтверждает

необходимость бережного и ответственного подхода к освоению космоса. Совместными усилиями мы обязаны сохранить его мирным и для себя, и для будущих поколений. Убежден, что в космосе не должно быть оружия. В настоящее время подавляющее большинство государств-членов ООН выступает за предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Необходимо перейти к практическим шагам на этом направлении. Россия готова уже с сегодняшнего дня приступить к их разработке. Призываю другие космические державы присоединиться к этой инициативе».

Глава 21

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО (2002)¹

Александр Федоров, Виталий Цыгичко²

В результате широкого применения новых информационных технологий претерпели изменения не только средства вооруженной борьбы, но и стратегия, и тактика ведения современных войн, появились новые концепции ведения боевых действий в «информационный век», учитывающие новые факторы уязвимости сторон. Эти новые концепции непосредственно увязываются с тем, что стремительная эволюция киберпространства может не только открыть дополнительные возможности качественного совершенствования вооружения и военной техники, но и обусловить возникновение новых проблем уязвимости противоборствующих сторон: в современных условиях более уязвима та из воюющих сторон, которая имеет меньше информации о поле боя, медленнее обрабатывает информацию и принимает решения с меньшей оперативностью. Если ранее в войнах существенные недостатки тактической информации можно было компенсировать привлечением дополнительных сил, то в настоящее время информационное превосходство практически однозначно предопределяет исход современного скоротечного вооруженного конфликта.

Неуклонно возрастает зависимость процессов, происходящих в различных областях военной деятельности, от качества функционирования информационно-телекоммуникационных систем.

¹ Впервые опубликовано: Информационные вызовы национальной и международной безопасности / Под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. – М.: ПИР-Центр, 2001. 328 с. В данной главе представлены выдержки из 3 и 4 глав монографии. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Информационные-вызовы-национальной-и-международной-безопасности.pdf>

² Александр Валентинович Федоров (род. 16 апреля 1955 г.) – член Экспертного совета ПИР-Центра. Виталий Николаевич Цыгичко (род. 1 января 1933 г.) – эксперт МИД России по проблемам информационной безопасности.

Эффективность функционирования большинства современных средств вооруженной борьбы определяется, в первую очередь, возможностями обеспечивающих их деятельность автоматизированных систем управления и связи. Появляется широкий спектр методов и средств воздействия на подобные системы путем вывода из строя их отдельных структурных элементов, ключевых операторов или манипуляции информацией в них в интересах заинтересованных сторон. При этом сам конфликт в стадию открытого вооруженного столкновения может и не перейти, а завершиться уже после этапа информационного противоборства, результатом которого станет осознание одной из противоборствующих сторон, что она не может больше рассчитывать на эффективное применение своих средств вооруженной борьбы. В любом случае сторона, лучше владеющая стратегией и тактикой ведения военных действий в информационном пространстве (информационной войны), будет в современных условиях иметь существенные преимущества.

Информационное превосходство не является самоцелью, так как оно предоставляет преимущество только в случае его эффективного преобразования в превосходство в области осведомленности и принятия решений. Именно в этом случае появляется возможность вырабатывать лучшие решения и воплощать их в жизнь быстрее, чем противник может на них отреагировать.

В настоящее время не существует устоявшейся классификации информационного оружия, как и четкого определения самого этого понятия³. Исходя из общих соображений к информационному относят оружие, наиболее эффективно решающее задачи информационной войны. При этом следует добавить, что

³ Авторы предлагают три наиболее, с их точки зрения, подходящих определения: Оружие информационное –

- 1) средства и методы, применяемые с целью нанесения ущерба информационным ресурсам, процессам и системам государства, негативного информационного воздействия на оборонные, управленческие, политические, социальные, экономические и другие критически важные системы государства, а также массивной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства;
- 2) специальные средства, технологии и информация, позволяющие осуществить «силовое» воздействие на информационное пространство общества и привести к значительному ущербу политическим, оборонным, экономическим и другим жизненно важным интересам государства;

информационное оружие должно способствовать достижению военного превосходства нетрадиционным образом, исключая массированное физическое поражение и ориентируясь на высокоточные и максимально скрытные нелетальные способы воздействия.

Виды и типы информационного оружия

По своему целевому назначению информационное оружие делится на оборонительное и наступательное. Оборонительное информационное оружие решает задачи оборонительной информационной войны и представляет собой системы многоуровневой компьютерной безопасности и различные системы активного противодействия информационному оружию противника. Наступательное информационное оружие предназначено для воздействия на противника путем поражения его наиболее критичных структур системы обеспечения цикла принятия решений⁴.

3) комплекс технических и других средств и технологий, предназначенных для:

- установления контроля над информационными ресурсами потенциального противника; вмешательства в работу его систем управления и информационных сетей, систем связи и т.п. в целях нарушения их работоспособности, вплоть до полного выведения из строя, изъятия, искажения содержащихся в них данных или направленного введения специальной информации;
- распространения выгодной информации и дезинформации в системе формирования общественного мнения и принятия решений;
- совокупность специальных способов и средств воздействия на сознание и психику политического и военного руководства, личного состава вооруженных сил, спецслужб и населения противостоящего государства, используемых для достижения превосходства в информационном противоборстве.

⁴ Организационно-техническая система, реализующая цикл принятия решений, включает в себя пункты и органы управления, систему автоматизации управления, систему связи, специальные системы сбора и обработки развединформации, датчики. Снижение эффективности подобной территориально распределенной системы возможно либо за счет изменения ее структуры, либо воздействия на ее ресурсы: вычислительные, программные, информационные, связные или личный состав.

С теоретической точки зрения можно выделить следующие виды информационного оружия:

- средства высокоточного местоопределения оборудования, излучающего в электромагнитном спектре, и его огневого поражения путем оперативного выявления отдельных элементов информационной системы управления, распознавания, наведения и огневого поражения;
- средства воздействия на компоненты радиоэлектронного оборудования и их энергопитание для временного или необратимого вывода из строя отдельных компонентов радиоэлектронных систем;
- средства воздействия на программный ресурс электронных управляющих модулей, обеспечивающие вывод их из строя либо изменение алгоритма их функционирования посредством использования специальных программных средств;
- средства воздействия на процесс передачи информации, которые предназначены для прекращения или дезорганизации функционирования подсистем обмена информацией за счет воздействия на среду распространения сигналов и алгоритмы функционирования;
- средства пропаганды и дезинформации для внесения изменений в информацию систем управления, создание виртуальной картины обстановки, отличной от действительности, изменение системы ценностей человека, нанесение ущерба духовно-нравственной жизни населения противника;
- психотронное оружие, предназначенное для воздействия на психику и подсознание человека с целью снижения и подавления его воли, временного вывода из строя, зомбирования.

Информационное оружие каждого вида можно классифицировать по ряду признаков:

- одно- и многоцелевое или универсальное;
- ближнего и дальнего радиуса действия;
- индивидуального, группового или массового поражения;
- по типу носителя;
- по эффекту поражения.

По типу воздействия информационное оружие можно разделить на три категории: оружие, основанное на информационных технологиях, оружие, оказывающее энергетическое и химическое воздействие.

Примерами информационного оружия, основанного на энергетическом воздействии, являются:

- высокоточные самонаводящиеся боеприпасы, включая специализированные крылатые ракеты и ударные беспилотные летательные аппараты;
- средства силового радиоэлектронного подавления, сверхмощные генераторы СВЧ, средства силового воздействия через электросеть;
- средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) наземного и воздушного базирования, забрасываемые передатчики помех одноразового использования;
- специальные генераторы излучения, воздействующие на психику человека.

В качестве примеров информационного оружия, в основе которого лежит химическое воздействие, можно привести следующие средства: боеприпасы, оснащенные газами, аэрозолями или биологическими культурами, разрушающими компоненты радиоэлектронной аппаратуры, специальные фармакологические средства и специально структурированные лекарства психотропного ряда, оказывающие негативное влияние на психику человека.

Наиболее перспективным считается использование в качестве информационного оружия информационных технологий. Информационные технологии являются неотъемлемой частью высокоточных боеприпасов, так как их наведение обеспечивается системами местоопределения и доразведки по визуальным, радиолокационным и другим демаскирующим признакам. Поэтому и эти функциональные подсистемы целесообразно рассматривать также в качестве информационного оружия.

Наиболее традиционным и мощнейшим универсальным информационным оружием является пропаганда, осуществляемая с использованием СМИ. В настоящее время активно разрабатывается информационное оружие на основе программного кода. К информационному оружию также относятся средства, реализующие технологии зомбирования и психолингвистического программирования.

Способы боевого применения информационного оружия

Под способами применения информационного оружия в данном случае понимается избранный порядок использования соответствующих средств и сил для достижения поставленных целей с учетом специфики и условий решения задач информационной войны. Аналитиками выделяются семь факторов, способствующих использованию информационного оружия, которые отличают его от других средств ведения военных действий. Эти характерные черты определяют основные направления проведения исследований способов боевого применения информационного оружия.

Свобода доступа к информационным системам. Развитие информационных сетей и быстрое разрастание и усложнение информационных инфраструктур приводит к появлению новых видов уязвимости от воздействия информационного оружия. В такой среде у компетентного злоумышленника появляется потенциальная возможность практически мгновенного доступа к целому ряду национальных «стратегических целей», входящих в глобальную информационную инфраструктуру. В этих условиях многие разветвленные и сопряженные между собой информационные сети могут стать объектом воздействия со стороны самых разнообразных источников, в том числе обладающих достаточной квалификацией отдельных лиц, негосударственных структур, таких как международные криминальные организации, а также государств, располагающих хорошо подготовленными кадрами специалистов по проведению боевых операций в киберпространстве.

Размытость традиционных границ. Одной из наиболее существенных особенностей развития глобальной информационной инфраструктуры (и сопряженных с ней национальных инфраструктур) является стирание четких географических границ, традиционно связанных с национальной безопасностью. Так, например, границы, являющиеся атрибутом суверенного государства, становятся все более размытыми. В отличие от последствий, связанных с утратой государством контроля над существующими глобальными финансовым и валютным рынками, усиление взаимосвязи национальной информационной структуры и глобального киберпространства неизбежно ведет к подрыву национального суверенитета. Одним из наиболее серьезных аспектов явления

«размытости границ» становится невозможность какого-то четкого различия между внутренними и внешними источниками угроз для безопасности страны. Другой особенностью явления размытости границ в большинстве случаев может стать стирание различий между разными формами действий против государства – от обычной преступности до военных операций. Без четкого разделения источников действий по географическому признаку на внутренние и внешние повышается вероятность того, что будет весьма затруднительно распознавать, имеет ли место традиционный шпионаж, уголовное преступление или «акт войны».

В условиях, когда открывается возможность нанести удар по инфраструктуре страны через киберпространство, у государств, уступающих в обычных средствах военного и экономического влияния, может появиться желание использовать отдельных лиц и/или международные криминальные структуры для проведения «стратегических криминальных операций». В таких случаях определить действительного «зачинщика», отдавшего приказ на проведение акции, будет весьма затруднительно. Последствием подобной размытости границ может стать ситуация, когда страна, подвергаясь удару информационного оружия, не сможет определить суть происходящего. Не сразу будет понятно и то, какие ответные действия следует предпринять.

Возможность управления восприятием. В процессе развития киберпространства, снижения затрат на доступ к информации и размывания границ национального суверенитета у государственных и негосударственных структур появляется все больше возможностей манипулировать информацией, что является ключевым элементом формирования восприятия. Например, интернет является фактически средством распространения «пропагандистских» материалов из самых разных источников информации. Группы политического толка и неправительственные организации смогут использовать интернет для мобилизации политической поддержки.

Существует возможность, что «факты» того или иного события будут серьезно искажены посредством текстовых, звуковых и видеоинформационных приемов. Такие методы могут позволить широкому кругу заинтересованных лиц или групп реализовать сложный процесс регулирования общественного восприятия или организовать крупные пропагандистские кампании для подрыва доверия граждан к конкретному курсу, проводимому

правительством страны. Кампании подобного рода ставят серьезные проблемы не только перед правительством, но также и перед СМИ, призванными быть источником объективных сведений. Прямым следствием этой особенности применения информационного оружия является то, что высшее руководство страны, равно как и общество в целом, могут не знать, что же происходит в действительности.

Нехватка стратегической разведывательной информации. В условиях размытости традиционных границ и свободного доступа в информационные сети разведывательные службы сталкиваются с большими трудностями в обеспечении национального военно-политического руководства достоверной и своевременной стратегической разведывательной информацией относительно настоящих и перспективных угроз информационной войны. Определение объектов разведки становится гораздо более трудной задачей. Классический геостратегический подход сосредоточения разведывательных усилий на конкретном государстве-источнике «угрозы» себя изживает. Объектами разведки становятся транснациональные неправительственные и международные криминальные организации, а также структуры, не являющиеся государственными образованиями. Вес и значимость информационной угрозы будут зависеть от оценки как возможностей и намерений потенциальных противников в киберпространстве, так и от уязвимости конкретных объектов удара.

Определение возможностей того или иного нападающего с помощью информационного оружия затрудняется динамичностью самой природы телекоммуникационных средств киберпространства, используемыми аппаратными и программными средствами и методами защиты информации (например, кодированием). Предполагаемая национальная информационная инфраструктура будет включать набор самых разнообразных компонентов технологически и экономически развитого общества.

Таковыми компонентами могут быть:

- коммутационные системы общего назначения;
- системы управления нефте- и газопроводов;
- сетевые системы энергоснабжения;
- системы управления транспортом;
- система обслуживания федеральных резервных фондов;
- различные системы обеспечения банковских операций;
- система здравоохранения.

Некоторые из показателей уязвимости этих элементов инфраструктуры хорошо изучены, однако многие из них до сих пор еще не исследовались. Для разведывательного сообщества будет чрезвычайно трудным делом разработать и контролировать фиксированный перечень потенциальных угроз. Вследствие проблем с решением задач стратегической разведки страна может так и не узнать, кто будет ее противником, каковы его намерения и возможности в области информационного оружия.

Необычайная сложность задач тактического предупреждения и оценки ущерба. В связи со сложностью ведения стратегической разведки временные ограничения в кризисной обстановке в условиях применения информационного оружия делают тактическое предупреждение и оценку ущерба еще более трудно выполнимой задачей. Существует реальная возможность того, что представленные национальному военно-политическому руководству оценки правоохранительных органов и разведывательных служб по конкретным случаям воздействия или ситуациям будут довольно противоречивы.

Нападающая сторона, используя информационное оружие, способна с беспрецедентной оперативностью проводить стратегические операции и после выполнения задач мгновенно возвращаться в установленные пределы киберпространства. Кроме того, усложнение средств связи, систем управления базами данных и операционных систем, приводит к тому, что некоторые происшествия, внешне схожие с применением средств информационной войны, будут лишь следствием неблагоприятного стечения обстоятельств или конструктивных недоработок.

Не исключается также возможность проведения стратегических наступательных мероприятий, в ходе которых на протяжении многолетней заблаговременной «подготовки поля боя» осуществляется скрытое внедрение в систему соответствующих средств, в нужный момент обеспечивающих ее выведение из строя. Такие мероприятия во многих случаях могут быть диагностированы неправильно. Следствием указанных выше особенностей может стать ситуация, когда страны окажутся в полном неведении о том, что «удар» с помощью информационного оружия уже наносится, кто его наносит и каким способом.

Трудность создания и сохранения коалиций. Неизбежно столкновение с тем, что формирование и сохранение коалиций государств для совместных решительных действий в будущем против военной

угрозы явятся необычайно сложной задачей, которая к тому же будет существенно усложнена вследствие проблем, обусловленных возможностями информационного оружия. Многие союзники сами по себе могут быть очень уязвимы от подобных средств вооруженной борьбы в случае воздействия на их ключевые инфраструктуры. Некоторые факторы усугубляют эту проблему.

Во-первых, главные члены коалиции и/или дружественные страны столкнутся с той же тяжелой проблемой организации надежной стратегической разведки и обеспечения тактического предупреждения и оценки ущерба. С началом применения информационного оружия прочность коалиции подвергнется большому испытанию, поскольку все союзники окунутся в информационный «туман». Могут также возникнуть острые проблемы с реализацией коалиционных планов, если один из партнеров окажется менее защищенным от информационного оружия.

Во-вторых, многие страны остаются значительно уязвимыми в ключевых сферах экономики (например, в области связи, энергетики, транспорта и финансов), которые могут стать объектом удара противника в попытке подорвать коалиционное единство. Особенно уязвимыми могут оказаться новые системы, приобретенные за рубежом в интересах быстрого и целесообразного по критерию «стоимость-эффективность» коммерческого внедрения. В будущем зависимость от союзников и партнеров по коалиции, которые потенциально являются уязвимыми от информационного оружия, окажет существенное влияние на стратегию национальной безопасности и будет предполагать оказание им со стороны более продвинутых в этом вопросе стран своевременной и солидной помощи и поддержки.

Можно сделать главный вывод, что применение информационного оружия приводит к высокой неопределенности в выявлении факта его применения, идентификации противника и оценки ущерба. Кроме того, при двустороннем вооруженном конфликте совершенно непредсказуемой является и реакция стороны, подвергшейся воздействию информационного оружия. Может сложиться ситуация, когда выявление факта применения информационного оружия даже в очень ограниченном масштабе может привести к «испугу» и предположению, что вскрыта только вершина айсберга информационной атаки. Вслед за таким выводом может последовать ограниченное или массированное применение ядерного оружия.

Некоторые примеры применения информационного оружия

Отдельные виды информационного оружия (средств ведения информационного противоборства): радиоэлектронные, программно-аппаратные средства, средства морально-психологического воздействия применялись в вооруженных конфликтах последнего десятилетия с участием американских войск, в том числе в Панаме в 1989 г., в Ираке в 1991 г., на Гаити в 1994 г. и в Боснии в 1997 г.

Информационное оружие, предназначенное для вывода из строя электросетей, впервые было применено военно-воздушными силами США в Ираке, а затем и в Югославии. В качестве носителей этих средств использовались крылатые ракеты и управляемые авиационные кассеты. Так, в операции многонациональных вооруженных сил в зоне Персидского залива против Ирака «Буря в пустыне» в 1991 г. использовались средства радиоэлектронного подавления и радиоэлектронной разведки в стратегическом, оперативном и тактическом масштабе. В группировке сил и средств радиоэлектронной борьбы войск коалиции имелись наземные станции помех и комплексы помех, размещенные на вертолетах и самолетах, позволявшие решать задачи радиоэлектронного подавления линий связи иракских войск, радиолокационных станций и средств систем противовоздушной обороны Ирака. Во время войны в Персидском заливе впервые были применены крылатые ракеты «Томагавк», боевая часть которых снаряжалась небольшими катушками с намотанными на них нитями из углеродных волокон. Использование таких боевых частей приводило к срабатыванию автоматов защиты электроэнергетических систем, что позволило американцам вывести из строя до 85 процентов системы электроснабжения Ирака.

Специализированный боеприпас BLU-114/B, предназначенный для вывода из строя энергетической (электросети, трансформаторы, электростанции и т.п.) инфраструктуры, был применен в Сербии 2 и 7 мая 1999 г. с самолетов F-117A⁵. Он состоит из большого количества углеродных волокон толщиной в десятые доли миллиметра и графитового порошка, упакованных в небольшой

⁵ Данные бомбы были применены авиацией стран НАТО в ходе бомбардировок Югославии в марте-июне 1999 г. – *Прим. ред.*

контейнер. Такими боеприпасами оснащались неуправляемые авиационные кассеты, точность наведения которых составляет более 100 м. После раскрытия кассеты и разбрасывания суббоеприпасов BLU-114/B над целью содержимое контейнеров образует плотное облако, дрейфующее в воздухе. При контакте облака с трансформатором или другим электрооборудованием, находящимся под высоким напряжением, происходит короткое замыкание и образуется электрическая дуга. Порошок графита, являющийся хорошим проводником электрического тока, увеличивает площадь поражения и усиливает эффект воздействия. Если сила тока в дуге достаточно большая, то она может вызвать разрушение оборудования или пожар. После использования этого оружия авиационная кассета SUU-66/B получила название «Выключатель электричества».

В войне против Ирака американцами также активно использовались забрасываемые радиопередатчики помех. Широкое применение нашли и дистанционно-пилотируемые летательные аппараты – постановщики помех. Для быстрого подавления иракской противовоздушной обороны (ПВО) была создана сложная помеховая обстановка за счет применения имитирующих многократных и однократных помех, маскирующих помех, ответных шумовых помех с согласующим спектром, прицельных и заградительных помех, мерцающих помех и т.д. Активные помехи ставились во всех диапазонах частот, в которых могли работать средства связи иракских войск и иракские радиолокационные станции ПВО.

По оценке всех специалистов, радиоэлектронная борьба в операции «Буря в пустыне» носила плановый и комплексный характер. Ее целями являлось создание благоприятных условий для внезапного использования авиации, сухопутных войск и высокоточного оружия, а также обеспечение в целом превосходства в управлении. Отмечалось, что в нарушении и блокировании системы ПВО Ирака сыграло свою роль использование программно-аппаратных «закладок», внедренных в компьютеры, приобретенные военным ведомством Ирака у зарубежных фирм. Эти «закладки» были активизированы по специальному сигналу, поданному извне, и нарушали нормальную работу систем управления вооруженных сил Ирака в моменты боевых действий. В печати сообщалось, что французские спецслужбы, используя наличие «изначальных закладок» в программном обеспечении

истребителей «Мираж» иракской армии, по кодовому сигналу отключили бортовые компьютеры этих самолетов, и они не смогли принять участие в боевых действиях.

История войн и вооруженных конфликтов свидетельствует, что важной составной частью военной и политической борьбы являлось психологическое воздействие. Однако только в XX веке эта деятельность приобрела действительно научно обоснованный характер и стала опираться на достижения общей, социальной, политической, этнической психологии, психиатрии, политологии, военной истории, филологии, психолингвистики и других наук из области естествознания.

Поворотным пунктом в развитии теории и практики психологического воздействия в условиях боевой обстановки стала Первая мировая война (1914–1918). Этот этап характеризовался широкомасштабным развитием средств изготовления и доставки пропагандистских материалов, распространением грамотности среди населения стран, принимавших участие в войне, возникновением специальных государственных органов для ведения пропаганды. Ее основной формой стала печатная пропаганда (листовки, газеты, брошюры, письма пленных, открытки, плакаты и т.д.). Накопленный в этот период опыт позволил специалистам сделать важный вывод, оказавший в дальнейшем большое влияние на моделирование процесса психологического воздействия: успешным оказывается воздействие, направленное на подрыв морального духа противника путем его информирования о наиболее злободневных темах, воздействующих на обыденное сознание военнослужащего.

Целью проводимых психологических мероприятий в большинстве случаев являлось инициирование панических настроений и внушение страха путем прямого насилия или эксплуатации его последствий. Такая концепция информационной войны была разработана на основе теоретического положения, согласно которому эффективность психологического воздействия определяется силой и глубиной депрессии противника, вызванной деморализующим воздействием оружия в сочетании с подрывной пропагандой.

Инновационные психотехнологии были широко использованы США для моделирования процесса психологического воздействия во время войны в Персидском заливе 1991 г. В материалах пропагандистского характера, отличавшихся доходчивостью и простотой, широко использовались особенности национальной

психологии населения Ирака. При их подготовке применялись традиционные исламские иллюстрации и орнамент, изречения из Корана, а также цвета, наиболее характерные для мусульманской культуры. В радиопрограммах звучала сентиментальная арабская музыка, передачи вели дикторы, в совершенстве владеющие местными диалектами. Эти меры способствовали формированию доверительного отношения к информационным материалам, их принятию и осмыслению.

Широкое применение в информационной войне для психологического воздействия на мировое сообщество нашла так называемая «сувенирная пропаганда». Во многих странах мира в продажу поступали товары с антииракской символикой, в частности туалетная бумага с портретами Саддама Хусейна⁶, майки с изображением летящих ракет и соответствующими надписями «Привет от морской пехоты США», «До встречи в Багдаде» и т.д. Кроме того, была введена жесткая цензура на информацию, поступающую по каналам СМИ из зоны боевых действий. Круглосуточные передачи СМИ в прямом эфире, создававшие иллюзию объективности и беспристрастности в освещении происходящего, хотя на самом деле они были частью хорошо продуманной стратегической дезинформации.

Следует отметить, что в формах и методах психологического воздействия, применяемых специальным аппаратом армии США в других вооруженных конфликтах второй половины XX века сохранялась определенная преемственность. Основной упор постоянно делался на внушение страха, подавление способности к сопротивлению, формирование глубокой психологической депрессии, нанесение психических травм с использованием всего арсенала боевых и небоевых средств.

Трансляция с воздуха радиовещательных и телевизионных программ, подготовленных американскими специалистами по психологическим операциям, осуществлялась в рамках комплекса мероприятий, включавшего также операции по радиоэлектронному подавлению военных систем связи и управления, гражданских вещательных станций. На самолетах, обеспечивавших эти мероприятия, были установлены радиопередатчики для излучения сигналов коротковолнового и ультракоротковолнового диапазонов, а также для телевизионного вещания в метровом

⁶ Саддам Хусейн – президент Ирака в 1979–2003 гг. – Прим. ред.

и дециметровом диапазоне. По оценке специалистов Гарвардского университета, среди приоритетов по «вкладу» видов оружия в разгром иракских войск первое место отводилось средствам и системам «информационных операций»⁷.

Мероприятия по психологическому воздействию на противника проводились в Панаме – в 1989 г., на Гаити – в 1994 г., в Боснии – в 1997 г.

На Гаити специалисты одного из подразделений психологических операций сухопутных войск США на основе предварительно проведенных исследований разделили население острова на 20 групп и вели целенаправленную психологическую обработку каждой из них. Перед вторжением на Гаити Центральное разведывательное управление (ЦРУ), в частности, организовало анонимные звонки по телефону гаитянкам военнослужащим с предложениями сдать в плен, а также направило угрожающие послания по компьютерным сетям членам правительства.

В 1997 г. в Боснию и Герцеговину была направлена группа самолетов для подавления радио- и телепередач Сербской Республики в период выборов в местные органы власти и трансляции собственных сообщений о деятельности сил по стабилизации.

Наиболее распространенным применением средств, относимых к информационному оружию, все-таки является криминальная и террористическая деятельность. Примеры криминального проникновения или воздействия на информационные системы исчисляются уже сотнями тысяч. Лидируя в производстве и применении средств обработки информации, США стали безусловным лидером и в информационно-криминальной сфере.

В СМИ имеются факты применения информационного оружия в гражданской сфере с целью: просмотра, копирования, хищения в корыстных целях, изменения или уничтожения информации, находящейся в компьютерных и телекоммуникационных сетях, банках данных и базах знаний, хищения системного и прикладного программного обеспечения, информационной блокады (информационного давления) и других видов компьютерных злоупотреблений. Ранее в тексте уже приводился целый ряд примеров криминального использования информационных средств. Здесь нет смысла останавливаться на них подробно.

⁷ Test and Evaluation of Defense Information Systems, Information Warfare, Information Assurance // NDIA 15th Annual Test and Evaluation Conference. Nevada, March 11, 1999.

Но дополнительного внимания все-таки требует международный характер информационной преступности, что явилось прямым следствием свойства трансграничности информационного оружия.

В настоящее время известно свыше 100 типов атак на компьютерные системы с применением информационного оружия. Количество вторжений год от года практически удваивается, несмотря на использование все более совершенных защитных систем, поскольку компьютерные злоумышленники применяют весьма изощренные методы и высокоэффективную аппаратуру.

Одними из основных объектов проникновения «компьютерных» взломщиков являются банковские компьютерные сети, из которых похищаются значительные денежные суммы. Но объектами атак стали военные, научные и даже энергетические центры.

В 1987–1989 гг. западногерманские хакеры атаковали компьютерные системы Пентагона, НАСА⁸, исследовательских организаций Лаборатории Лоуренс Беркли и Лос-Аламосской национальной лаборатории, вызвав большие потери секретной информации.

Хакер из Чикаго Г. Зин в 1987 г. открыл доступ к файлам системы управления ракетами на базе военно-воздушных сил США «Роббинс». Его вторжение обнаружили после того, как он снял копии программного обеспечения, оцениваемого в 1,2 млн долларов США, включая программы искусственного интеллекта, которые считались сверхсекретными.

В 1988 г. Роберт Моррис из Корнеллского университета (США) в экспериментальных целях создал программу (вирус или «червь» Морриса), способную распространяться и самопроизвольно размножаться в сетях ЭВМ, минуя средства обеспечения безопасности. В результате программа вышла из-под контроля ее создателя и поразила свыше 6000 компьютеров сети интернет. Из-за вирусной атаки часть сетей в составе интернета вышла из строя на срок до пяти суток. Общие затраты, связанные с ликвидацией последствий вируса Морриса, составили свыше 98 млн долларов США. Ущерб был бы гораздо больше, если бы вирус имел целенаправленный разрушительный характер.

В 1989 г. от заложенной группой хакеров «Легион оф Дум» «логической бомбы» в компьютерную систему американской

⁸ Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (*National Aeronautics and Space Administration, NASA*). – *Прим. ред.*

компания AT&T был нанесен ущерб в один млн долларов США. В том же году эта группа произвела разрушения в информационной системе министерства военно-воздушных сил США, оцениваемый в 25 млн долларов США.

В 1990 г. М. Лаунфербергер внедрил «логическую бомбу» в программу «Атлас Миссайл» американской компании «Дженерал Динамик Спейс Дивизион».

В 1990 г. проникновение группы австралийских хакеров в американские информационные системы НАСА, Национальную лабораторию Лоренс Ливермор и Исследовательскую лабораторию военно-морских сил США вызвало остановку работы агентства НАСА на 24 часа.

Фиксировались нападения на компьютерные сети практически всех государственных учреждений. Только по подсчетам Пентагона, его компьютерные сети «взламываются» примерно 250 тысяч раз в год, при этом не менее 500 раз это серьезные попытки проникновения в секретные системы. По оценке руководителя подразделения информационных операций военно-морских сил США Дж. Ньюмана, высказанной им в интервью радиостанции «Немецкая волна», компьютерные сети военно-морских сил США подвергаются атакам 12 тысяч раз в год, правда, лишь 0,5 процентов из них достигают успеха. Разного рода преступлений только в 1998 г. и только в США зарегистрировано (то есть принято к уголовному рассмотрению) свыше 300⁹.

На территории Западной Европы ежегодно фиксируется до 300 удачных проникновений хакеров в военные, государственные и коммерческие сети. Известны нападения на информационные сети Китая, Тайваня, Индии, Индонезии. Идет прямое информационное противоборство Пекина и Тайбэя¹⁰, противостояние хакерских групп Армении и Азербайджана. Размеров войны достигла борьба хакеров США и Китая после конфликта с американским самолетом-разведчиком, задержанным Пекином в мае 2001 г. И, отметим, победа в этой войне оказалась не на стороне признанного компьютерного лидера.

Не обошла сия чаша и Россию. Только один пример: 12 февраля 2000 г. произошло, пусть не столь масштабное, но качественно весьма значительное проникновение в один из самых

⁹ Computer Weekly, April 15, 1999. P. 30.

¹⁰ Модестов С.А. Незримая война обостряется // Независимое военное обозрение, 2000. № 3.

крупных российских серверов «Росбизнесконсалтинг». Взломав защиту, хакер от имени чеченских националистов поместил доступное всем клиентам обращение, содержащее призывы к физическому устранению президента В.В. Путина как основного виновника произошедших на Северном Кавказе событий.

Имеются примеры использования информационных воздействий в политических целях. Так, сразу после референдума о независимости провинции Восточный Тимор в Индонезии организация «Ист Тимор Компани» провела с территориями Испании, Португалии и Франции атаку на государственные интернетовские сайты Индонезии. Поражены веб-страницы, принадлежащие правительственным организациям Индонезии, созданы и внедрены новые компьютерные вирусы, специально предназначенные для поражения индонезийских информационных объектов. Эти информационные операции, проведенные, отметим вторично, с территории Европы (вот пример трансграничности информационного оружия), явились примером прямого применения информационного оружия для решения конкретных внутривосточных задач.

Более чем представительный список ставших известными кибератак показывает, что такие средства и методы уже освоены и международными террористическими и экстремистскими организациями (в том числе такими, как «Аум Синрикё», ХАМАС, группировки бен Ладена и Тупак Амару) и национальными сепаратистскими движениями, такими как индонезийское движение за отделение Восточного Тимора («Ист Тимор Компани»), «Тигры освобождения Тамил Илама» и др.

Можно констатировать, что практически все виды информационного оружия уже реально испытаны и взяты на вооружение как армиями, так и преступным миром.

Информационное противоборство – невидимая война в мирное время

Средства информационной борьбы могут применяться не только для обеспечения собственно боевых операций, но и в качестве самостоятельных действий, имеющих свой, присущий только им, характер. Поэтому, в данном случае правильно было бы говорить не об «информационной войне», а об «информационном противоборстве».

Последствия информационного воздействия могут оказаться сопоставимыми с последствиями боевых действий в рамках традиционного военного противоборства. Отсюда делается вывод, что говорить об информационном противоборстве следует прежде всего в контексте межгосударственных отношений, а также применительно к террористическим (или квазитеррористическим) организациям, чьи действия затрагивают жизненно важные интересы и прямо направлены против того или иного государства.

К концу 1990-х гг. на Западе сформировался целый ряд экспертно-аналитических групп, принадлежащих к различным теоретическим школам и исследующих различные аспекты многофакторной проблемы ведения информационного противоборства. Разрабатываемые теоретические концепции ведения информационного противоборства являются объектом самого серьезного обсуждения в научных кругах и используются при разработке практических шагов по подготовке к ведению информационного противоборства. Естественно, в реальности еще далеко от полного воплощения в жизнь какой-либо из этих разработок, однако использование их отдельных аспектов считается вполне оправданным.

Анализ появляющихся и постоянно уточняемых теоретических построений позволяет выявить общий вектор развития информационного противоборства. Сегодня основное внимание, в отличие от предыдущих лет, уделяется уже не собственно технической стороне проблемы, а организационным и психологическим аспектам информационного противоборства, причем информация сама рассматривается как цель и средство действий, предпринимаемых для разрешения конфликта. Такая смена приоритетов, естественно, не снимает с повестки дня разработку и совершенствование технических аспектов, поскольку информационные технологии выступают если не первостепенными, то необходимыми компонентами даже в самых футуристических теориях информационного противоборства.

Можно выделить следующие четыре основные группы объектов информационного воздействия в ходе ведения информационного противоборства:

- системы управления и принятия решений (гражданские, военные, социальные, культурные);

- гражданская информационная инфраструктура (системы телекоммуникации, информационные системы, системы транспорта, энергетики, финансов, промышленности);
- военная информационная инфраструктура (системы контроля, управления и связи, разведка);
- системы вооружений.

Логично предположить, что указанные группы могут подвергаться различному воздействию в ходе конкретных информационных операций. Например, компьютерная сеть может быть уничтожена или повреждена физически, либо из нее может быть похищена критически важная информация, либо ее программное обеспечение может быть изменено в результате вирусного проникновения или хакерской атаки. Кроме того, информационные системы могут служить средой, в которой ведется противоборство.

Детальный анализ проблемы ведения информационного противоборства, включая определение возможностей для планирования мероприятий по осуществлению или отражению информационного нападения, требует более четкого выявления основных направлений информационного противоборства. Согласно Мартину Либики¹¹ (приложившему много усилий для того, чтобы теоретические разработки в этой области нашли свое практическое воплощение), можно выделить семь таких направлений:

- 1) борьба с системами управления;
- 2) информационно-разведывательные операции;
- 3) электронная борьба;
- 4) психологическая борьба;
- 5) «хакерская» борьба;
- 6) «кибернетическая» и «сетевая» борьба;
- 7) экономическая информационная борьба.

Борьба с системами управления

Борьба с системами управления в контексте информационного противоборства может быть определена как военная стратегия (в рамках информационных операций при проведении военных действий), предусматривающая физическое уничтожение таких

¹¹ Libicki M. What is Information Warfare? // ACIS Paper, August 1995.

систем и отсечение командных структур вооруженных сил противника от управляемых частей с целью воспрепятствовать стабильному процессу боевого управления и руководства.

Такого рода борьба с системами управления может достигаться как непосредственным уничтожением управляющих структур (так называемое «обезглавливание»), так и разрушением коммуникаций, связывающих системы управления с подчиненными подразделениями («удушение»). Выбор метода борьбы во многом определяется поставленными тактическими и стратегическими целями.

Обезглавливание

Ликвидация командных структур противника является старым и хорошо испытанным тактическим и стратегическим приемом ведения войны, чему имеются многочисленные примеры в истории. Однако сама возможность поражения и уничтожения командных структур постоянно менялась. Если в прошлом командование для руководства войсками должно само было находиться на поле боя или в непосредственной близости от него, то с появлением технических средств коммуникации (телефония, радиосвязь и т.п.) командование получило возможность располагаться на значительном расстоянии от районов ведения боевых действий.

Еще более важным изменением стало то, что командные структуры по своим масштабам разрослись от относительно компактных штабных структур до целых командных центров, разветвленная внутренняя система которых включает в себя не только объекты командной инфраструктуры и собственно командование, но и развитую информационную инфраструктуру (оборудование, внутренние и внешние информационные потоки), прямо влияющую на эффективность достижения военных целей.

Грамотно проведенная и надлежащим образом скоординированная информационная атака на такой командный центр способна привести к срыву планов противника даже без физического уничтожения командования. Более того, вопреки общепризнанным недостаткам узконаправленного воздействия на противника, даже изолированная атака на системы контроля и управления может иметь стратегический успех. Это связано с тем, что критическая информация обычно концентрируется в весьма мало-

численных и относительно легко выявляемых местах, своего рода «нервных узлах». Такими информационными «нервными» узлами являются непосредственно командные пункты, центры связи, системы энергоснабжения и т.п. Выявление и последующая ликвидация таких узлов может привести к полной потере противником возможности управления задействованными силами.

Физическая атака и уничтожение командных центров не является единственным способом достижения результата поставленной задачи – они могут быть выведены из строя также при обесточивании, электронные системы могут быть разрушены достаточно мощным электромагнитным импульсом, а данные и программное обеспечение – компьютерными вирусами. Однако следует иметь в виду, что эти методы не столь наглядны, как физическое поражение, а их оценка «затрата-эффективность» не может быть столь же легко просчитана, как в случае с обычными вооружениями. Тем не менее, несомненными достоинствами информационного оружия являются сложность обнаружения противником самого факта атаки, а также возможность и максимальная эффективность ее проведения до начала традиционных боевых действий (войны). Вместе с тем использование «мягкого» оружия потребует большой предварительной работы, связанной с обнаружением ключевых командных центров противника, на которые будет проводиться атака, выявлением их уязвимых мест и, соответственно, тщательным выбором способа атаки.

Удушение

Стратегия «удушения», в отличие от «обезглавливания», предусматривает поражение в первую очередь не командных и управляющих центров, а внешних линий связи и особенно тех узлов коммуникационной системы, в которых концентрируются потоки критической информации. Разрушение этих коммуникаций будет означать, что системы управления в целом окажутся неспособными надлежащим образом выполнять свои функции.

В рамках данной стратегии успех атаки в решающей степени зависит от точности определения структуры коммуникационной составляющей системы управления, а также, желательно, и общего построения информационной инфраструктуры противника. Так, США во время проведения операции «Буря в пустыне» смогли парализовать системы государственного управления Ирака, поразив

принадлежавшее фирме AT&T здание в центре Багдада. Аналогичные попытки предпринимались и в период войны НАТО против режима Слободана Милошевича – президента Югославии в 1997–2000 гг. Тогда приоритетными целями воздушных атак считались ретрансляторные и передающие радио- и телестанции, линии электропередач и т.д. При этом для поражения таких целей использовались и новые образцы нелетального оружия (например, «графитовые бомбы»).

В тех случаях, когда в основе информационной инфраструктуры противника лежит спутниковая связь, нарушение ее работы может осуществляться не только уничтожением самих спутников (если они принадлежат противнику), но и подавлением путем постановки фоновых помех, а также и искажением поступающей по ее каналам информации (что может особенно эффективно осуществляться при использовании противником принадлежащей какой-либо другой стране орбитальной группировки).

Результативность информационных атак на коммуникационные системы противника в значительной мере зависит от масштабов использования в них современных информационных технологий. Причем зависимость эта носит двоякий характер. С одной стороны, широкое использование новейших информационных технологий позволяет создать избыточные резервные каналы связи, подавить которые будет значительно сложнее, чем редуцированную систему, причем одновременно такие каналы могут служить своего рода маскировкой действительно значимых линий связи, обслуживающих командные центры. Использование подобной системы коммуникаций Югославией привело к тому, что представления НАТО о потерях и разрушениях югославских линий связи в ходе воздушных бомбардировок оказались сильно завышенными, в то время как в действительности югославская система управления сохранила свою эффективность. С другой же стороны, отсутствие разветвленной избыточной системы коммуникаций естественным образом уменьшает ее уязвимость, хотя при этом, безусловно, резко снижается эффективность самих систем контроля и управления.

Несмотря на то что информационные операции по борьбе с системами контроля и управления стали весьма существенным аспектом современных представлений о ведении войны, они не подменяют собой традиционные способы ведения боевых действий. Особая ценность информационных операций против

систем управления состоит в том, что они могут оказаться особенно эффективными на ранних стадиях развития конфликта и, кроме того, создают предпосылки для достижения бескровной победы над противником. Однако эти преимущества могут быть в значительной степени нивелированы противником путем децентрализации командных систем, а также посредством ведения им так называемой «сетевой войны», принципы которой будут рассмотрены ниже.

Информационно-разведывательные операции («цифровое поле боя»)

Концепция ведения информационно-разведывательных операций в определенном смысле является развитием концепции оперативной разведки, хотя между ними наблюдаются и существенные различия, связанные с тем, что получаемые в ходе информационно-разведывательных операций сведения (например, данные целеуказания или сведения о нанесенном ущербе) поступают непосредственно участникам операции, вплоть до исполнительного уровня (реализация концепции «цифрового поля боя»), в то время как обычно данные военной разведки направляются в командные центры, где они суммируются, обрабатываются и затем в качестве приказов и вводных доводится до подчиненных. По сути дела, речь идет об адаптации оперативной разведки к децентрализованной системе боевого управления и ведения боевых действий, требующей внесения значительных корректив в архитектуру и идеологию сбора, обработки и распределения разведывательной информации.

Новые децентрализованные автоматические и автоматизированные системы, призванные решать конкретные задачи в ходе информационно-разведывательных операций, сами по себе являются потенциальными объектами рассмотренной выше борьбы с системами управления. В этой связи представляется целесообразным рассматривать два аспекта таких операций: первый, условно называемый «наступательным», обеспечивает сбор разведывательной информации о противнике, а второй, «оборонительный» или «защитный» – связан с защитой собственной информации и противодействием информационно-разведывательным операциям противника.

Электронная борьба

Целью электронной борьбы как прикладного метода ведения информационного противоборства является снижение информационных возможностей противника, в соответствии с чем она подразделяется на радиоэлектронную борьбу (создание условий, в которых передача или прием информации противником становится невозможным, в частности из-за постановки активных и пассивных помех), криптографическую борьбу (искажение и ликвидация собственно информации) и борьбу с коммуникационными системами противника.

Радиоэлектронная борьба

Радиоэлектронная борьба как комплекс мероприятий оперативного (боевого) обеспечения, проводимых в целях выявления и последующего подавления радиоэлектронных средств и систем противника (прежде всего приемо-передающих средств), известна уже в течение довольно длительного времени. В настоящее время многие военные эксперты называют ее в числе главных направлений ведения информационной войны в предвоенный и военный периоды.

Средства и методы ведения РЭБ постоянно совершенствуются, в частности предусматривается не только постановка помех, затрудняющих или не допускающих передачу информации, но и использование параметров излучающей аппаратуры противника для наведения на них средств физического поражения, таких как американские противорадиолокационные ракеты «HARM». Поскольку при таком наведении на цель используются не пассивные параметры объекта поражения (эффетивная поверхность рассеивания, тепловое излучение, визуальный образ), а активные, сама возможность применения противорадиолокационного оружия может затруднить или даже привести к отказу от использования приемо-передающих средств.

Борьба с коммуникационными системами

Борьба с коммуникационными системами (линиями связи) противника является значительно более сложной задачей, чем ведение РЭБ. Это определяется прежде всего тем, что приемо-передающие

средства уже в силу своей функциональной предназначенности являются достаточно легко обнаружимыми источниками излучения, в то время как излучение линий и каналов связи по возможности снижается до минимально достижимого уровня. В частности, изоляция и экранирование таких линий связи, а также использование волоконной оптики и лазерной техники позволяет в значительной мере избежать не только потерь и искажения информации в силу естественных причин (различного рода электромагнитных наводок, в том числе от постороннего оборудования), но и перехвата противником данных, передаваемых по этим линиям. Тем не менее, в ряде случаев каналы обмена информацией остаются потенциально уязвимыми, особенно для беспроводной передачи информации с объектов (например, спутников или беспилотных летательных аппаратов), местоположение которых может быть с достаточной точностью определено и зафиксировано. В этом случае такие каналы коммуникаций невозможно полностью изолировать или экранировать, и достаточно эффективным способом борьбы с ними становится постановка хаотических помех, чьей задачей становится не глушение (подавление) приемо-передающих средств, а своего рода заполнение фоновыми или заградительными шумами той среды, в которой осуществляется передача информации. Возможен также и перехват передаваемой информации, даже в случае использования узконаправленных систем связи, однако решение этой задачи осуществляется уже в сфере криптографической борьбы.

Криптографическая борьба

Криптографическая борьба, как средство ведения информационного противоборства, заключается в сокрытии (зашифровке) собственных данных и получении доступа к данным, скрываемым противником. При этом основной принцип защиты информации заключается в том, что расшифровка (которая принципиально всегда возможна) защищенной современными методами криптографии информации является трудоемким и сложным процессом, требующим мощнейшей вычислительной техники и занимающим, как правило, весьма значительное время, в течение которого информация может устареть. Совместное использование различных методов криптозащиты, например комбинированное применение «длинных» ключей и многократного

перешифрования данных, делает быструю расшифровку данных крайне маловероятной. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед подразделениями криптографической борьбы при расшифровке информации противника, становится предварительное определение ее ценности и того времени, на протяжении которого дешифруемая информация не потеряет своей значимости.

Аналогичная задача должна решаться также и при шифровании собственных данных, поскольку неоправданное применение усложненных методов криптозащиты может повлечь за собой резкое увеличение объема передаваемой информации, снижение скорости ее передачи/приема и общую перегрузку каналов связи. Таким образом, необходимую степень криптозащиты следует определять в зависимости от ценности информации. В некоторых случаях более целесообразным может явиться даже отказ от криптозащиты и передача вообще незашифрованной информации, которая, таким образом, будет маскироваться под естественный «информационный шум» и, скорее всего, не привлечет излишнего внимания противника.

Психологическая борьба

В тех случаях, когда использование методов информационного противоборства направлено не против информационных систем противника, а непосредственно против человеческого разума и психики, речь идет о психологической борьбе. В самом общем виде психологическую борьбу можно определить как манипулирование общественным сознанием, общественным мнением на различных социальных уровнях.

На Западе принято выделять следующие основные категории информационно-психологических операций, проводимых в рамках психологической борьбы:

- операции, направленные против структур государственного управления;
- операции, направленные против структур военного командования;
- операции по деморализации личного состава вооруженных сил.

Информационно-психологические операции, направленные против структур государственного управления

Главными объектами информационно-психологического воздействия в данном случае являются общество в целом и основные структуры государственного управления. При этом наиболее восприимчивым к такого рода воздействию является все же общественное мнение. Государственные структуры, в силу присущей им консервативности (в результате чего их действия подчинены вполне традиционной схеме выбора наименьшего из двух зол), относительно менее восприимчивы к стандартным методам манипулирования общественным сознанием.

Для проведения информационно-психологических операций, целью которых является дестабилизация внутреннего положения в стране противника, в качестве наиболее эффективного канала выступают СМИ. При этом могут применяться различные способы оказания воздействия через СМИ, в том числе и связанные с воздействием на инфраструктуру самих СМИ.

Информационно-психологические операции против командных структур

Дезорганизация командования и управления войсками противника является первостепенной задачей при ведении не только информационной войны, но и обычных боевых действий. Вместе с этим, по мнению аналитиков INSS, прямая пропагандистская борьба против командования едва ли будет иметь успех. Если рассматривать типичную модель государственного строения, то военное руководство любого уровня является инструментом, выполняющим волю политического руководства государства, и, следовательно, не играет решающей роли в процессах выработки и принятия политических решений. Поэтому в качестве одного из основных средств, используемых в ходе информационно-психологических операций против командных структур, прежде всего является дезинформация.

Некоторые из теоретических положений западных ученых, касающихся психологических операций в этой области, выглядят непривычно, однако предпринимаемые на их основе мероприятия могут оказаться достаточно эффективными и действенными. Например, общепринято, что решения принимаются военным

командованием на основе анализа сложных и, как правило, слабо поддающихся прогнозированию событий. Следовательно, если, учитывая такое положение, не ограничивать возможности получения информации противником, а напротив, предоставлять ему избыточную и противоречивую информацию о происходящих событиях, то в условиях ограниченного времени принятие адекватных решений и сам процесс командования и боевого управления может быть в значительной степени нарушен.

Не меньшую роль в дезорганизации деятельности командных структур может играть устрашение. В частности, эффективным считается формирование у противника устойчивого мнения о превосходстве другой стороны и о бессмысленности сопротивления. Однако такая информация может быть и объективной. Вообще говоря, ключевым моментом в дезорганизации противника является стирание грани между возможным, реально существующим и невозможным. Для достижения этой цели была предложена «стратегия навязанной стоимости». Ее автор, полковник военно-воздушных сил США Джон Уорден¹², полагает, что, если противнику удастся навязать такой образ действий, который впоследствии окажется слишком затратным для него, он в конце концов откажется от продолжения борьбы. Реализация этой стратегии предполагает проведение следующих мероприятий:

- оценка ценностей противника, его сильных и слабых сторон;
- определение на основе полученной системы оценок «болевого порога» противника;
- осуществление информационных операций, направленных на достижение и превышение этого порога, с целью вызвать частичный паралич и создать угрозу полного паралича в деятельности командных структур.

Высказывается также мнение, что в ряде случаев действия в кризисной ситуации можно будет ограничить только демонстрацией возможностей, т.е. конфликт будет разрешен уже на фазе психологической обработки управляющего звена противника.

С рассмотренной стратегией в значительной мере коррелирует так называемая стратегия паралича, цель которой – сделать невозможным дальнейшее продолжение сопротивления со сто-

¹² The Changing Role of Information in Warfare // RAND, 1999.

роны противника. При этом формулируется следующая иерархия основных целей воздействия в ходе соответствующих информационных операций:

- политическое и военное руководство страны;
- базовое производство (промышленность, энергетика);
- инфраструктура (транспорт, коммуникации);
- население;
- воинские подразделения.

Что касается степени воздействия на систему в целом, то она будет определяться выбором конкретной цели или их совокупности.

Деморализация вооруженных сил

Психологические операции против личного состава вооруженных сил противника базируются на использовании двух основных присущих человеку чувств: страха смерти и взаимной неприязни, а также на отсутствии непосредственной связи между передовой и тылом. Для решения задачи деморализации личного состава предлагается задействовать как традиционные (листовки, радиовещание и т.п.), так и новые способы пропаганды.

По некоторым оценкам, значительный эффект может быть получен при предоставлении правдоподобной, но провоцирующей страх или чувство неудовлетворенности информации непосредственно каждому участнику боевых действий со стороны противника. Например, для этого во время Югославской войны 1999 г. на предполагаемые позиции югославской армии сбрасывались приемники, настроенные на фиксированную волну специальной радиостанции НАТО. Однако, насколько можно об этом судить в настоящее время, большого успеха такая методика не принесла.

Другим перспективным методом проведения информационно-психологических операций в условиях конфликтов низкой интенсивности (когда «передовая» и «тыл» располагают весьма ограниченной информацией друг о друге) считается предоставление им раздельной и дозированной информации. При этом предполагается задействовать и национальные информационные каналы противника.

Хакерская борьба

Понятие хакерской борьбы сводится главным образом к осуществлению «атак» на различные компоненты компьютерных сетей и хранящиеся в них информационные ресурсы. Основной особенностью хакерских «атак» является то, что они носят не аппаратный, а программный характер. Это означает, что используемая хакером программа проникновения способна обнаруживать уязвимое место в структуре защиты компьютерной системы противника и проникать через нее, что в результате дает возможность управлять работоспособностью системы или манипулировать (стирать, изменять) содержащуюся в ней информацию. Некоторые западные аналитики, например, У. Швартау и Р. Хаени, склонны даже считать, что информационное противодействие в целом может быть сведено исключительно к хакерской борьбе.

Конкретные приемы хакерской борьбы носят самый разнообразный характер. Их целью может являться как полное выведение из строя компьютерных систем, так и инициирование различных периодических или приуроченных к конкретному моменту времени сбоев в работе, выборочное искажение содержащихся в системе данных, получение доступа к системной информации (пароли, адреса), несанкционированный мониторинг работы системы, искажения трафика сообщений. Наиболее популярными из используемых в настоящее время средств являются так называемые компьютерные вирусы, «черви», «тройанские кони», «логические бомбы», «дыры» в системе, прошивка постоянного запоминающего устройства. Перечисленные средства, наряду с постоянно появляющимися новыми программными средствами хакерских атак, могут, по мнению Р. Хаени, рассматриваться как существующие и потенциальные образцы информационного оружия.

Компьютерные вирусы

Компьютерный вирус по своей сути является фрагментом программного кода, способным самокопироваться («размножаться») путем записи своей копии в коды других программ компьютерной системы, подвергающейся компьютерному проникновению. Такой вирус является средством нарушения работоспособности компонентов программного обеспечения или локальной системы.

Компьютерный вирус активируется при запуске программы, в которую он внедрен, после чего он может либо скопировать себя в другую программу, либо выполнить действия по искажению данных или нарушению работоспособности системы. Считается, что компьютерные вирусы в ряде случаев могут целенаправленно использоваться при ведении информационной войны в целях нарушения работоспособности компьютерных систем противника. Так, в прессе появляются сообщения, что специалисты Тайваня¹³ разработали несколько тысяч новых, своего рода «боевых» компьютерных вирусов для использования против компьютерных систем КНР на случай возникновения кризисной ситуации в отношениях между ними.

Существенным недостатком компьютерных вирусов с точки зрения ведения организованной информационной войны является их почти полная автономность (за исключением необходимости запуска программы-«хозяина»), в результате чего практически не существует возможности контролировать и корректировать их работу в системе противника.

«Черви»

В отличие от компьютерных вирусов, «червь» представляет собой самостоятельный программный пакет, предназначенный для самораспространения путем копирования своего пакета с одного компьютера на другой, как правило, через сеть, в том числе и интернет. Другое важное отличие «червя» от вируса состоит в том, что он не модифицирует программы компьютерной системы и не повреждает данные на локальном компьютере, а позволяет в соответствии со своим предназначением нарушать работоспособность сети или получать доступ к информационным ресурсам сети, подвергшейся атаке. В ряде случаев, когда работоспособность тех или иных организаций или структур напрямую зависит от стабильности работы используемой корпоративной компьютерной сети, например в банковской сфере, использование «червей» как вида информационного оружия может оказаться весьма эффективным.

¹³ Указание в данном контексте Тайваня не означает признания независимого характера этого образования. Авторы рассматривают Тайвань как часть КНР. – *Прим. ред.*

«Троянские кони»

«Троянский конь» представляет собой фрагмент компьютерного кода, скрытый внутри инфицированной программы, и является широко используемым механизмом маскировки проникновения вирусов или «червей» в систему.

«Троянские кони» могут маскироваться, в частности под служебные программы, поставляемые с коммерческими и иными программными комплексами обеспечения безопасности компьютерных систем. Примером может служить комплекс «Сатан» (административные средства безопасности для сетевого анализа), предназначенный для поиска программных «дыр» в Unix-системах и бесплатно распространяемый по сети интернет. Потенциальный злоумышленник может модифицировать часть программного обеспечения комплекса, а затем предоставить модифицированную версию к дальнейшему распространению. Грамотно написанная программа-«троянец» практически не оставляет следов своего присутствия, а поскольку она сама по себе не вмешивается в работу системы, то ее очень трудно обнаружить.

«Логические бомбы»

«Логическая бомба» является разновидностью «троянского коня» и используется для инициирования вирусной или иного рода программной атаки на компьютерную систему. Наиболее известным и распространенным является срабатывание «логической бомбы» на заранее заданный контекст (ключевое слово).

«Логическая бомба» может быть самостоятельной программой или фрагментом кода, распространяемым программистами или производителем некоторого программного продукта (пакета программ). В настоящее время, когда практически во всем мире используются главным образом американские программные продукты (например, MS Windows или Unix), ставшие своего рода стандартом, использование «логических бомб» становится вполне вероятным, причем инициаторами этого могут выступать не только производители программного обеспечения, но и правительство страны-производителя.

«Дыры» в системе, черные ходы

«Черными ходами» называются специальные программные механизмы, действующие в обход систем безопасности и встраиваемые в систему производителем программного обеспечения с целью получения доступа производителя (или лица, чьи интересы он обеспечивает) к информационным ресурсам и настройкам системы. Этот метод считается наиболее привлекательным для проведения информационно-разведывательных операций. Напомним лишь, что осенью 1999 г. в США разразился достаточно громкий скандал, связанный с тем, что одному из программистов удалось выявить такие «черные дыры» в программных продуктах фирмы «Майкрософт» – разработчика самой популярной и широко используемой на настоящий момент времени системы MS Windows.

«Прошивка» постоянного запоминающего устройства

Точно так же, как в программное обеспечение могут быть заложены компоненты, выполняющие непредусмотренные функции, производители аппаратного обеспечения, прежде всего, устройств с постоянными запоминающими устройствами (например, BIOS), могут внедрять «логические бомбы» в компьютерные системы или устанавливать в них «черные ходы». Изменения в программное обеспечение различных постоянных запоминающих устройств (ПЗУ) могут быть внесены и другими лицами, что, например, уже делалось при перепрограммировании модемов. С широким использованием флэш-BIOS процедура внесения таких изменений значительно упростилась и не требует сложного оборудования.

Следует отметить, что рассмотренный выше арсенал хакерских средств, который может применяться при ведении информационной войны, широко используется также одиночными лицами-злоумышленниками («компьютерными пиратами»), что существенно затрудняет задачу выявления источника агрессии и целей, преследуемых в ходе той или иной атаки, а также выбор адекватных форм реагирования.

Кибернетическая и сетевая борьба

Концепции «кибернетической» и «сетевой борьбы», несмотря на вполне «техническое» русское звучание, в наименьшей степени связаны с собственно информационными технологиями и охватывают полный комплекс проблем и аспектов информационного противоборства (организационные, доктринальные, стратегические, тактические и технические стороны ведения наступательных и оборонительных информационных операций).

Так, концепция кибернетической борьбы, относящаяся к информационно-ориентированным военным операциям, в настоящее время становится все более актуальной именно в военной сфере, особенно когда речь идет о конфликтах высокой интенсивности. Кибернетическая борьба нашла свое отражение также в более широкой концепции «революции в военном деле» – использования новых технологий и, что особенно важно, осуществления организационных и управленческих изменений в военной области.

Роль сетевой борьбы возрастает в конфликтах низкой интенсивности и при проведении так называемых «операций, отличных от войны», а также в конфликтах, террористических действиях и иных преступлениях, носящих невоенный характер. При этом понятие сетевой борьбы относится скорее к организационной форме противоборства, использующей информационные возможности, чем, собственно, к борьбе с информационными инфраструктурами противника. Более того, концепция сетевой борьбы подразумевает использование информационных инфраструктур противника в своих целях. В этом отношении данный вид информационного противоборства имеет много общего с ведением террористической борьбы, в которой главными действующими лицами выступают небольшие взаимосвязанные и координирующие свои действия группы, не имеющие единого командования. В таком случае можно говорить, что их структура строится не на иерархическом, а на сетевом принципе, и именно в этом заключается главное отличие информационно-ориентированной сетевой борьбы от социальных конфликтов и преступлений, где в качестве действующих лиц выступают разрозненные иерархические организации, имеющие жесткие и изолированные идеологии, доктрины и стратегии борьбы.

В качестве примеров, иллюстрирующих отмеченные различия иерархических и сетевых структур, можно привести особенности стратегий ряда экстремистских и террористических

организаций. Так, ХАМАС, по утверждению израильских источников, в значительно большей степени использует возможности сетевой борьбы, чем Организация освобождения Палестины. То же самое можно сказать в отношении Американских христианских патриотов и Ку-клукс-клана.

Характерная особенность сетевой борьбы состоит в том, что подавляющее большинство, если не все действующие лица, использующие методы такой борьбы, являются негосударственными организациями. Среди них могут быть: транснациональные террористические группы, нелегальные торговцы оружием, транснациональные преступные синдикаты, наркомафия, фундаменталисты, этнонационалистические движения, информационные пираты, контрабандисты и т.п. Таким образом, на государственном уровне сетевая борьба сводится прежде всего к противодействию такого рода организациям, использующим сетевые организационные методы, т.е. к антитеррористической борьбе.

Экономическая информационная война

В настоящее время информационные сети обеспечивают доступность информации пользователю практически в любом месте планеты. Изменились также и темпы устаревания информации: если еще в начале XX века скорость информационных потоков измерялась скоростью передвижения курьеров, в середине века – скоростью почтовых перевозок, то в настоящее время она ограничивается лишь пропускной способностью коммуникационных линий, т.е. информация передается практически в реальном масштабе времени. Это обстоятельство является чрезвычайно важным, особенно для международных экономических процессов, и означает, что государственные границы и большие расстояния уже не играют столь значительной роли, как в прошлом, и на первый план начинают выступать транснациональные структуры и организации.

Информационная блокада

По мнению аналитиков, современные развитые общества примерно в одинаковой мере зависят от стабильности информационных потоков и от материальных поставок. При этом нормальное

функционирование ряда сфер экономики и финансов целиком зависит от возможности и своевременности получения доступа к информационным ресурсам. Более того, процессы глобализации мировой экономики и развития неденежной экономики превращают зависимость финансового сектора от информационных и обслуживающих технологий практически в абсолютную.

В таких условиях экономическая информационная блокада становится крайне гибким и эффективным методом воздействия на потенциального противника. В отличие от введения эмбарго на тот или иной вид товаров или других экономических санкций, информационная блокада может носить скрытый характер, а соответствующие информационные операции могут быть завуалированы под случайные сбои информационных систем или случайные хакерские проникновения компьютерных хулиганов. При этом, естественно, не снимается возможность и открытого государственного давления в этой области. Например, в ходе операции «Буря в пустыне» (1990–1991) и во время войны в Югославии (1999) были заморожены счета этих стран, размещенные в банках США и Европы.

Вместе с тем информационная блокада все же является одним из крайних средств в перечне возможных средств воздействия на потенциального противника, и ее эффективность во многом определяется уровнем контроля над информационными ресурсами в глобальном масштабе. В связи с этим постоянно нарастает актуальность второго направления экономического информационного противоборства – информационного империализма.

Информационный империализм

Как уже отмечалось, глобализация мировых экономических процессов обеспечивается постоянно ускоряющимся развитием современных информационных технологий, поэтому не удивительно, что наиболее приспособленными к эффективной экономической деятельности в новых условиях оказались технологически развитые государства, среди которых бесспорным лидером выступают США. Не является секретом, что разработка основных компонентов компьютерной техники и общего программного обеспечения сосредоточена, прежде всего, в этой стране. Например, тенденции развития средств телекоммуникаций во многом

диктуются американским концерном AT&T, а важнейшее место на рынке предоставления провайдерских услуг (обеспечение доступа в интернет) принадлежит компании «Америка Онлайн», которая, в частности, контролирует и каналы подключения России к этой сети.

Большинство аналитиков отмечает, что уже на современном этапе сама структура информационных коммуникаций начинает существенно изменяться. Если в начале своего функционирования интернет рассматривался преимущественно в качестве некоторого множества информационных ресурсов, и основной его задачей считалось оказание помощи в поиске нужной информации и организации доступа к ней, то на нынешнем («коммуникационном») этапе развития главной задачей интернета считается оказание помощи при поиске требуемых партнеров и организации между ними нужного вида коммуникаций с необходимой интенсивностью (увеличение «виртуальной» деловой активности).

Отчетливо прослеживаются две главные тенденции в развитии информационных коммуникационных услуг, в соответствии с которыми:

- человек в ближайшем будущем будет получать только ту информацию, которая его интересует, и прямо из того места, где эта информация рождается;
- любой человек или компания может с небольшими затратами открыть в интернете свой собственный канал вещания, что приведет к появлению миллионов независимых информационных каналов.

Можно предположить, что такие нововведения существенно изменят ту часть бизнеса, которая занимается выпуском различных периодических изданий и другой информационной продукции. В частности, уже сегодня практически все известные издания мира имеют собственные электронные версии в интернете. Одновременно с этим повышается актуальность проблемы прямого проникновения иностранных компаний на внутренний рынок.

Наибольшее влияние «информационной революции» испытала на себе международная финансово-кредитная сфера. В результате развития средств автоматизации финансовых операций была создана международная телекоммуникационная банковская система «SWIFT», объединившая свыше 2000 банков в 60 странах мира. Надежность данной системы достигается ограничением доступа к сети – к работе в ней допущены только сертифицированные

банки, а любая попытка взлома этой системы влечет за собой немедленное удаление из нее нарушителя.

В систему «SWIFT» уже вошли все крупные и значительная часть средних российских банков. Это обстоятельство, безусловно, говорит об интеграции российских финансовых институтов в международную финансовую систему и об имеющейся возможности быстрого получения и обмена информацией, однако не следует забывать, что одновременно данная система может использоваться для контроля и управления валютно-финансовой ситуацией в мире со стороны ведущих американских банков. О такой возможности говорит автоматическое «замораживание» иракских вкладов после того, как США наложили эмбарго на вклады Ирана во время обострения отношений с этой страной в середине 1980-х гг. Тогда в течение нескольких дней руководители многих банков не имели представления о местонахождении иранских вкладов, хранившихся ранее на их счетах.

Процесс «виртуализации» мировой экономики привел к тому, что общий объем капиталов на финансовых рынках на порядок превосходит мировой валовой внутренний продукт (ВВП). Одновременно развитие технических возможностей средств связи, передачи и накопления информации (телевидение, компьютерные системы и локальные сети, интернет) привело к резкому возрастанию мобильности капиталов, а также к резкому возрастанию чувствительности мировых финансово-экономических и социальных процессов к информационным воздействиям.

Непосредственным следствием информационной революции стало сокращение числа филиалов крупных западных банков и создание вместо них сети банкоматов и электронных систем самообслуживания. Выездные банковские услуги, бывшие ранее прерогативой исключительно крупных высокообеспеченных клиентов, в настоящее время становятся общедоступными, а на смену выездных операционистов и разветвленной структуры филиалов приходят те или иные электронные услуги – магнитные и чиповые карты (смарт-карты), управление счетами по телефону и через интернет. При этом скорость совершения банковских операций многократно увеличивается.

Следствием ускоренного перехода от наличных расчетов к электронным являются, с одной стороны, создание достаточно прочной базы для осуществления государственного контроля и регулирования финансовых потоков, а с другой – повышение

уязвимости компьютерных банковских сетей по отношению к различного рода махинациям. Так, по оценке Федерального бюро расследований (ФБР), ежегодные финансовые потери от действий «хакеров» только в США составляют пять миллиардов долларов. Однако для финансовых институтов привлекательность постоянно расширяющейся всемирной сети остается весьма высокой.

Фактическое отсутствие национальных информационных коммуникаций является одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается Россия в информационной сфере. Существующая информационно-коммуникационная структура России ориентирована на западных производителей и провайдеров. До настоящего времени не создано даже единой национальной сети для обслуживания государственных и коммерческих организаций. До последнего времени создание подобных корпоративных сетей протекало на уровне хаотичного, не координированного их формирования в качестве сегментов интернета. Это вызывает закономерные опасения специалистов и аналитиков, поскольку делает отечественные корпоративные сети потенциально «прозрачными» для создателей и пользователей «глобальной паутины» и ставит Россию в определенную зависимость от благосклонности западных государств, прежде всего США.

Информационное противоборство и международный информационный терроризм

В связи с быстрым развитием информационных технологий проблема международного терроризма приобретает в условиях информационного противостояния новое звучание. Это связано, прежде всего, с двумя аспектами: с использованием террористами информационной инфраструктуры для развития так называемых сетевых способов собственной организации, а также с собственно террористическим воздействием на объекты информационных инфраструктур.

По мнению многих экспертов, террористические организации, независимо от мотивации их действий, постепенно трансформируются от первоначальной иерархической структуры к информационно-ориентированной сетевой организации. Внутри групп личностное влияние лидера все больше уступает место упрощен-

ной децентрализованной системе. Разрозненные группы все чаще сливаются в транснациональные террористические сообщества.

Традиционно принято рассматривать три основные террористические парадигмы: терроризм как средство принудительной дипломатии, терроризм как война и терроризм как предвестник «нового мира». До последнего времени главенствующую роль играла парадигма принудительной дипломатии. Однако изменение организационной структуры террористических групп повлекло за собой изменение стратегии и тактики их действий. В частности, наряду с сохранением принципов воздействия на объекты, разрушение которых может повлечь за собой значительные жертвы у населения и вызвать значительный политический и общественный резонанс, происходит трансформация взглядов на террористическую борьбу как на непосредственное средство достижения цели. Систематическое нарушение работоспособности информационных инфраструктур оказывается даже более эффективным, чем «точечные» террористические воздействия. Более того, переход от изолированных действий к проведению целенаправленных террористических кампаний, зачастую не ограниченных действиями одной группировки и носящих комплексный характер воздействия, многократно усложняет противодействие терроризму.

Борьба с терроризмом может быть осложнена также расширением возможностей для террористических действий. Если до последнего времени терроризм был уделом малочисленных и, по-своему профессиональных групп, то широкое распространение информационных технологий позволяет даже любителям использовать «хакерские» методы, в том числе в террористических целях. Учитывая критическую зависимость многих областей жизнедеятельности от информационных систем, действия такого рода «любителей» становятся не менее опасными, хотя они могут даже не подозревать о возможных последствиях своих действий.

Кроме того, не связанные инертностью развития государственных институтов террористические организации, как правило, значительно быстрее берут на вооружение перспективные информационные технологии, используемые ими как для проведения непосредственных террористических операций, так и для поддержки внутренней организации и координации действий. Многие аналитики даже склонны считать неверными спекулятивные рассуждения о том, что террористы будут предприни-

мать попытки нарушить работоспособность информационных сетей в целом. Они, по-видимому, будут больше заинтересованы в сохранении работоспособности таких сетей, что позволит им лучше и оперативнее координировать свои действия, а также (о чем свидетельствует опыт работы в интернете) маскировать такие действия и пропагандировать свои взгляды. Таким образом, любая открытая информационная инфраструктура потенциально несет в себе опасность использования ее террористическими группами.

И, наконец, следует учитывать возможность того, что государства, проводящие информационные операции, будут маскировать свои действия под террористическую деятельность некоторых известных или неизвестных групп. В этой связи наряду с проблемами поиска стратегии защиты от террористического воздействия все большую остроту приобретают задачи идентификации противника в информационном пространстве и адекватного реагирования на возникающие вызовы.

Для решения этих задач критически важным является определение того, что явилось причиной неисправности работы информационных структур: случайный внутренний сбой или преднамеренная атака. Причем даже незначительные, на первый взгляд, внутренние сбои могут приводить к достаточно серьезным повреждениям, как это, например, произошло 15 января 1990 г., когда сбой в системе американской компании AT&T привел к обрыву на десять часов международной телефонной связи. Если бы подобная неисправность была идентифицирована как преднамеренная атака, в соответствии с чем была бы применена стратегия сдерживания, последствия могли бы быть гораздо более серьезными. Таким образом, определение факта атаки на информационные инфраструктуры требует выработки соответствующих критериев и создания системы раннего предупреждения, подобной созданной в годы холодной войны системе предупреждения о ракетном нападении. Однако, как уже упоминалось, это представляется затруднительным в силу постоянной и быстрой эволюции характера угроз в информационной сфере.

После обнаружения факта атаки необходимо идентифицировать ее источник, что представляет собой еще более трудную задачу. В случае проведения крупномасштабной длительной атаки задача несколько упрощается, однако при этом масштабы нанесенного ущерба могут поставить под вопрос саму необходимость

идентификации источника нападения. В большинстве же случаев источник информационного воздействия может не иметь четкой территориальной привязки. Атака враждебной стороны на информационные инфраструктуры может производиться с территории третьего государства или даже с территории государства, подвергнувшегося нападению. Еще одна сложность заключается в интернационализации производства компьютерных компонентов, когда, например, при производстве навигационной авиационной системы часть подсистем производится в США, часть – в Юго-Восточной Азии, а программное обеспечение пишется, например, в Индии. В результате, если спустя несколько лет из-за срабатывания «логической бомбы» происходит катастрофа, то определить, кем именно была «заложена» эта бомба, становится практически невозможным.

Не исключается и вариант, когда в качестве враждебной стороны может выступать не государство, а террористическое сообщество, использующее в своих действиях информационную инфраструктуру дружественной страны. При этом даже в случае точного определения источника атаки оказывается затруднительным принятие адекватных ответных мер.

Меры защиты от информационных террористических атак на объекты информационных инфраструктур могут предприниматься на локальном и национальном уровнях.

Однако практика осуществления мероприятий по обеспечению компьютерной безопасности показывает, что как бы ни были хорошо продуманы меры локальной защиты, они не могут гарантировать безопасности при воздействии высококвалифицированных специалистов-хакеров, организованных групп или государств. Защита в этих случаях осложняется постоянным расширением программных и аппаратных средств, и полная защита от всех непредвиденных обстоятельств, особенно от атак низкого уровня, считается в настоящее время невозможной.

Россия в информационном противоборстве

Перед Россией в рамках вестущегося информационного противоборства встают две взаимосвязанные проблемы. С одной стороны, вовлеченность в мировые процессы информатизации, интегрированность в информационное пространство являются

необходимыми условиями для дальнейшего развития всех сфер общественной жизни, приобретения и приумножения авторитета в мировом сообществе. С другой стороны, широкомасштабное распространение информационных технологий, не знающих границ и практически не имеющих барьеров, приводит к возникновению новых угроз безопасности личности, общества и государства в Российской Федерации.

Одной из потенциальных угроз интересам России является тенденция разрешения существующих межгосударственных противоречий путем воздействия на информационную сферу, а часто посредством воздействия на массовое сознание населения другого государства. По сути, это и есть реальная информационная война, скрытая или облеченная в форму информационного противоборства. Несмотря на такой «военный» термин, действия, подпадающие под определение информационной войны, могут вестись и ведутся и в мирное время, особенно интенсивно в периоды различного рода локальных конфликтов, межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Вместе с тем по сравнению с большинством стран российское информационное пространство характеризуется большой уязвимостью, одним из факторов которой является низкий уровень развития коммуникаций и огромная протяженность страны. Как следствие, информационный контроль России над ее Севером и Востоком чрезвычайно затруднен, что порождает прямые геополитические последствия в отношениях России с другими государствами, в первую очередь с Китаем, который, как полагают некоторые российские специалисты, использует слабый российский информационный контроль над Дальним Востоком для установления сферы непрямого китайского контроля над регионом¹⁴.

Падение уровня промышленного производства, в том числе информационных технологий в России, повлекло за собой резкое сокращение возможности создания конкурентоспособных отечественных средств информатизации. В результате российские средства вычислительной техники не только не получили места на международном рынке, но и в самой России в преобладающем большинстве используются аппаратно-программные средства и связанное оборудование, произведенные за рубежом.

¹⁴ См.: Модестов С.А. Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М.: Издательский центр научных и учебных программ; Московский общественный научный фонд, 1999. 80 с.

В итоге, для России в настоящее время стала актуальной проблема использования практически исключительно иностранных информационных средств и технологий: телекоммуникационного и иного связанного оборудования, компьютерной техники, программного обеспечения¹⁵. В критическом состоянии находится орбитальная группировка отечественных спутников связи, имеется целый ряд других проблем, обусловленных, в частности, недостатком инвестиций.

О зависимости России от предоставления коммуникационных услуг американской стороной говорит факт отключения ее в начале января 1997 г. от системы «Американ Онлайн», являющейся основным шлюзом выхода российских провайдеров в интернет. В результате не только резко снизились скорости передачи информации и объемы информационных потоков, но и значительно (в десятки раз) увеличились тарифы на почтовые отправления и передачу факсимильных сообщений. К счастью, сложившаяся ситуация была быстро исправлена, однако сама возможность подобного отключения России от мировых информационных и коммуникационных ресурсов по-прежнему существует.

Все это создает условия для закрепления на отечественном рынке иностранных компаний, работающих в этой области. В результате денежные средства, которые могли бы пойти на восстановление российской промышленности, уходят за рубеж, а, кроме того, преобладающее использование средств вычислительной техники и связи, программного обеспечения иностранного производства делает информационную сферу зависимой от развитых государств.

Между тем развитые страны, прежде всего Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, принимают активные меры к защите своего информационного пространства, создают наиболее благоприятные условия для отечественных производителей. Так, по данным СМИ, министерство иностранных дел и бундесвер Германии запретили использовать на своих служебных компьютерах программы американской компании «Майкрософт».

Следующим фактором, негативно сказывающимся на состоянии защищенности интересов России в информационной сфере,

¹⁵ Надо признать, что эта проблема отнюдь не только российская: большинство, в том числе развитых, стран в той или иной степени стоят перед ее решением.

является неоднородность информационного пространства, возникновение в нем культурно-языковых подпространств, не вписывающихся в интеграционные тенденции. Это обусловлено как стремлением к максимальной власти региональных элит, так и действиями экстремистских, зачастую преступных организаций, прикрывающихся различными национальными и религиозными идеями.

Таким образом, Россия оказывается перед угрозой широкомасштабных акций информационного противоборства, направленных на ее информационные ресурсы, систему принятия решений органами государственной власти, а также на массовое сознание населения. В этой связи в последнее время появляются высказывания о необходимости изолировать российское общество от мирового информационного пространства. Однако представляется, что куда большую угрозу для будущего России представляет именно отрезанность от мировых информационных ресурсов, от всеобщего обмена информацией и знаниями, являющегося одним из основных достижений цивилизации на современном этапе развития. Только ускоренное развитие современных информационных технологий и интеграция в мировое информационное пространство может обеспечить как экономический рост в стране, так и приобретение авторитета на международной арене.

Поэтому наиболее рациональным путем защиты от угроз в информационной сфере будет не пассивное, а активное им противодействие, заключающееся в выработке и реализации мер по прогнозированию, выявлению, предупреждению и пресечению угроз на ранней стадии, до их непосредственного воздействия. При этом следует иметь в виду, что информационное противоборство, как уже отмечалось, подразумевает под собой как воздействие на информационную сферу противника, так и принятие ряда мер по выявлению и защите своих элементов информационной инфраструктуры от деструктивного управляющего воздействия. Оно может быть как информационно-психологическим, объектом которого является общество, социальные группы людей или отдельные личности, так и информационно-техническим, нацеленным на различного рода технические системы¹⁶.

¹⁶ Модестов С.А. Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М.: Издательский центр научных и учебных программ; Московский общественный научный фонд, 1999. 80 с.

Одним из методов информационного противоборства является анализ информации, циркулирующей в информационном пространстве. Целями этого могут быть сбор разведывательной информации, выявление признаков подготовки и осуществления деструктивного и управляющего информационного воздействия на национальные информационные ресурсы, противодействие террористическим и иным преступным посягательствам на элементы отечественного информационного пространства.

Широкомасштабную систему контроля за сообщениями, циркулирующими в системах кабельной и радиосвязи, включая спутниковые каналы, по телефонным и компьютерным сетям, подводным волоконно-оптическим линиям связи, разработало Агентство национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. Эта система получила название «Эшелон». В ней участвуют не только США, но и Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. С использованием системы «Эшелон» разведслужбы США могут получать информацию, передаваемую по правительственным, дипломатическим, коммерческим и военным линиям связи, а, кроме того, ежедневно отслеживать до одного-двух млрд телефонных переговоров и интернет-сообщений, осуществляя среди них поиск нужной информации.

США и другие страны, участвующие в этой системе, категорически отрицают ее использование в целях, не связанных с борьбой с терроризмом и оборотом наркотиков, – для получения экономической, политической и иной информации. Однако имеется информация, свидетельствующая об обратном. Так, технический консультант Европарламента А. Помпиду утверждает, что именно из-за «Эшелона» французская фирма «Томсон-СиЭсЭф» потеряла крупный контракт с Бразилией на создание радарных комплексов из-за того, что американской стороне стали известны детали готовящейся сделки. В результате контракт получила американская фирма «Рэйтеон».

Вместе с тем ряд европейских стран планирует создание совместно с США новой глобальной системы контроля за информацией. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: европейские страны выступают против использования системы «Эшелон», только если они сами в ней не участвуют. Это говорит о том, насколько большое значение страны Запада придают контролю за информационным пространством, а также показывает, что вектор противоборства смещается именно в информационную сферу.

Кроме «Эшелона» американские ведомства активно внедряют в практику контроль за электронной почтой с использованием системы «Хищник». Принцип ее действия следующий. Система устанавливается у провайдера и отслеживает сообщения электронной почты, удовлетворяющие какому-либо критерию (адрес получателя, отправителя). Для использования этой системы в деятельности по борьбе с преступностью, в том числе с оборотом оружия и наркотиков, с терроризмом, требуется решение суда в каждом конкретном случае, так как происходит нарушение прав граждан на тайну личной информации. Однако проверить правомерность такого использования практически не представляется возможным, так как доступ к ней, а также информацию о ее параметрах и характеристиках имеют только сотрудники ФБР. Это обуславливает возможность применения системы «Хищник» в том числе для контроля проходящей через систему информации в ущерб другим странам.

Контроль за информацией в сетях связи является относительно пассивной мерой, однако иностранными государствами разрабатываются и средства активного поиска информации в открытых телекоммуникационных сетях. Речь идет о так называемых программах-агентах. Эти программы способны автономно существовать в компьютерной сети, внедряться в различные программное обеспечение, перемещаться по сети и собирать информацию, отвечающую определенным признакам. Отобранные материалы пересылаются программой по определенному электронному адресу, который является анонимным почтовым ящиком. Преимуществами данных программ являются относительная дешевизна их разработки и использования, конспиративность и непрерывность сбора информации.

Кроме того, иностранными спецслужбами для добывания разведывательной информации активно используются хакеры. Спецслужбы США, в частности ФБР, используют хакеров не только из числа американских граждан, но и активно задействуют в своих операциях лиц из других государств. Об этом говорит факт разоблачения российской контрразведкой весной 2001 г. агента ФБР «Верса», которому было дано задание создать хакерскую группу для выполнения заданий ФБР, в частности для проникновения в компьютерные сети Федеральной службы безопасности (ФСБ) России.

Но с помощью компьютерных сетей можно не только получать информацию, но и внедрять средства скрытого информа-

пионного воздействия для модификации и уничтожения данных, изменения программ и алгоритмов работы аппаратных средств, распространять, в том числе направленно, дезинформирующие материалы. В этих целях используется такой вид информационного оружия, как компьютерные вирусы, то есть специально написанные компьютерные программы, обладающие способностью создавать свои дубликаты, внедрять их в вычислительные сети, файлы, системные области и иные выполняемые объекты¹⁷. Борьба с вирусами осложняется их многообразием, скоростью и масштабами распространения. Особую озабоченность вызывают вирусные программы, осуществляющие сбор информации с «зараженных» ими информационных систем и последующую ее передачу по каналам открытых телекоммуникационных сетей в заранее обусловленные адреса. Это становится возможным благодаря тому, что подавляющее большинство современного программного обеспечения разработано в США.

Серьезную угрозу для развивающейся российской информационной инфраструктуры может представлять кибервойна. Способы и методы, применяемые при ведении кибервойны, дают возможность задействовать для агрессии малые силы и средства (включая небольшие мобильные группы), которые децентрализованы (территориально рассредоточены) и тщательно замаскированы, что существенно затрудняет их обнаружение и уничтожение. Исследования в этой области активно проводят США, КНР, ряд других стран Запада, а также Азиатско-Тихоокеанского региона.

В условиях мирного времени «мягкие» акции – лучший инструмент для скрытного управления мировыми процессами. Некоторые из методов проведения подобных акций хорошо отработаны. В их арсенал входят традиционные средства информационно-психологического воздействия, не раз испытанные на гражданах бывшего Советского Союза, в том числе и США, и доказавшие свою эффективность.

¹⁷ См.: Касперский Е.В. Компьютерные вирусы: что это такое и как с ними бороться. М.: СК Пресс, 1998. С. 13–16.

Глава 22

ДОВСЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (2011)¹

Анатолий Анин, Родион Аюмов

Главным содержанием истории Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в 2000–2006 гг. стала борьба за вступление в силу Соглашения о его адаптации. Российская Федерация стремилась добиться этой цели на основе сотрудничества всех государств-участников, методом убеждения партнеров и демонстрации примера в соблюдении принятых обязательств.

Крупным событием стала вторая Конференция по рассмотрению действия договора, прошедшая в Вене в мае 2001 г. Основным ее результатом стала подтвержденная в официальных заключениях Конференции приверженность государств-участников вступлению в силу Соглашения об адаптации так скоро, как это будет возможно².

В ходе второй обзорной конференции Россия призвала участников договора не принимать решений и не предпринимать действий, способных расшатать его. В российском заявлении отмечалось и то, что возможный прием в НАТО стран Балтии также имел бы разрушительные последствия для ключевых положений ДОВСЕ, в частности, для фланговых ограничений, зоны стабильности в Центральной и Восточной Европе³. Однако этот призыв не был услышан странами НАТО. Практически сразу же после подписания Соглашения об адаптации ДОВСЕ они под воздействием США взяли курс на затягивание процесса введения этого

¹ Впервые опубликовано: Анин А., Аюмов Р. ДОВСЕ – вчера, сегодня... завтра?.. // *Индекс Безопасности*. 2011. № 2 (97). С. 21–36. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2011-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-2-97-Том-17.pdf>

² Сообщение для печати «В связи с завершением работы второй Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе» // МИД России, 4 июня 2001 г.

³ Там же.

документа в действие. Начало ратификации соглашения они стали увязывать с выполнением Россией различных условий.

В качестве первого из таких условий было выдвинуто требование вписаться во фланговые ограничения по адаптированному ДОВСЕ. К концу 2001 г. Россия вышла на этот рубеж, несмотря на сложную ситуацию на Северном Кавказе. Однако страны НАТО лишь призвали российскую сторону проявить дополнительную транспарентность и предоставить поддающиеся проверке данные о выводе войск с территории Северного Кавказа. Мы сделали шаг навстречу партнерам, но ситуация вокруг ратификации адаптированного ДОВСЕ осталась без изменений.

С 2002 г. в консолидированной позиции НАТО продвижение в направлении запуска процедур ратификации соглашения было обусловлено требованием «полного выполнения Россией стамбульских обязательств по Грузии и Молдавии», а по сути той их части, которая выходила за рамки ДОВСЕ (базы, военное имущество и т.п.). При этом конкретное содержание понятия «полное выполнение» не раскрывалось, а объем выдвигаемых в связи с этим требований имел тенденцию к расширению.

Так, с определенного момента представители Молдавии стали настаивать на том, что частью стамбульских обязательств России является изъятие с последующей ликвидацией или вывозом на российскую территорию всех обычных вооружений, имеющихся у приднестровской стороны. Грузия, в свою очередь, требовала не только вывода с объектов в Гудауте российских миротворцев из состава Коллективных сил Содружества Независимых Государств (СНГ) по поддержанию мира, но также и выселения российских военных пенсионеров и членов их семей. При этом свою часть обязательств, например, грузины просто игнорировали. Все это делалось при активной поддержке со стороны стран НАТО.

Реальных же причин затяжки с началом ратификации было, по крайней мере, две. Первая – для некоторых стран НАТО контроль над вооружениями отошел на второй план и стал использоваться лишь как вспомогательное средство для продвижения геополитических интересов альянса на постсоветском пространстве. Вторая возможная причина – стремление военного истеблишмента США сохранить свободу рук на случай реконфигурации сил и их массивированной передислокации в рамках подготовки и проведения операций, подобных иракской (адаптированный ДОВСЕ создавал бы в этом случае серьезные проблемы).

Российская сторона не ставила под сомнение существование двусторонних договоренностей с Грузией и Молдавией и была намерена продолжать их выполнение с учетом того, что Кишинев и Тбилиси обеспечат для этого необходимые условия, но считала неправомерной увязку начала ратификации США и другими странами НАТО адаптированного ДОВСЕ с выполнением не относящихся к договору элементов.

Несмотря на неконструктивную позицию стран НАТО, Россия летом 2004 г. ратифицировала адаптированный ДОВСЕ⁴. Этим серьезным политическим шагом российская сторона подтвердила готовность выполнять взятые на себя юридические обязательства в рамках Соглашения об адаптации. Своей ратификацией она пыталась подтолкнуть НАТОвские страны к аналогичным шагам, побудить их задуматься о будущем контроля над обычными вооружениями в Европе.

Параллельно с принятием соответствующего федерального закона Государственная Дума приняла также заявление «В связи с ратификацией Соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе»⁵, которое впоследствии было приложено к ратификационной грамоте и передано депозитарию договора. В этом документе, в частности, отражена точка зрения законодателя по вопросам, относящимся к договору (условия выполнения Россией политических обязательств, принятых в ходе переговоров по адаптации; исключительные обстоятельства, которые могут стать основанием для принятия Россией мер, затрагивающих режим ДОВСЕ; необходимость принятия дополнительных обязательств рядом иностранных государств; цели дальнейших переговоров в рамках Совместной консультативной группы (СКГ) и т.д.). Положения этого Заявления подлежат учету российской стороной в дальнейшей переговорной работе. Всего же соглашение ратифицировано четырьмя государствами – Белоруссией, Россией, Казахстаном и Украиной, причем первые три сдали свои ратификационные грамоты депозитарию.

Уже вскоре жизнь показала, что благие призывы, а главное – конкретные действия не были правильно восприняты странами НАТО. Стало очевидным, что ситуация катится к кризису. И все же решение ратифицировать Соглашение об адаптации

⁴ Собрание законодательства РФ, 26 июля 2004 г. № 30. Ст. 3082.

⁵ Парламентская газета от 1 июля 2004 г. № 118–119.

ДОВСЕ было оправданным. Тем самым, была вновь подтверждена приверженность России укреплению стратегической и региональной стабильности в Европе, нацеленность на выстраивание равноправных взаимовыгодных отношений с партнерами из НАТО. Ратификацией Соглашения об адаптации мы предложили на практике реализовать благородный принцип неделимости безопасности.

Важным событием в истории ДОВСЕ стала третья Конференция по рассмотрению действия договора (30 мая-2 июня 2006 г.). На Конференции были всесторонне рассмотрены как принципиальные проблемы действия договора, так и некоторые технические вопросы его выполнения.

В преддверии обзорной конференции 2006 г. и в ее ходе были вновь подтверждены два принципиально различных подхода к оценке жизнеспособности и эффективности действующего ДОВСЕ, а также к шагам, необходимым для выхода из сложившейся вокруг него непростой ситуации. Участвующие в договоре страны НАТО и примкнувшие к ним Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия подтвердили, что, по их мнению, ДОВСЕ в его нынешнем виде по-прежнему является «краеугольным камнем европейской безопасности» и действует удовлетворительным образом. Они вновь повторили известную позицию альянса о том, что начало ратификации адаптированного ДОВСЕ станет возможным лишь после «полного выполнения» Россией обязательств по сокращению ее военного присутствия в Грузии и Молдавии.

Российская сторона подчеркнула, что договор под воздействием масштабных военно-политических изменений во многом устарел и утратил связь с реальной действительностью. Его базовые ограничения, включающие групповые и зональные лимиты, оказались размытыми в результате расширения НАТО. Российская делегация предложила партнерам по договору уйти от искусственных увязок и выработать заключительный документ Конференции, в котором фиксировалось бы стремление государств-участников ввести адаптированный договор в действие до конца 2007 г. Она также поставила вопрос о временном применении Соглашения об адаптации с 1 октября 2006 г. до момента его официального вступления в силу. При условии фиксации этих двух положений российская сторона даже выразила готовность работать над заключительным документом на основе проекта стран НАТО. Однако западные партнеры отвергли российские

предложения, что не позволило завершить Конференцию принятием итогового документа⁶.

Российская сторона в ходе Конференции выступила с рядом заявлений принципиального характера. В частности, она обратила внимание на то, что страны НАТО превышали ряд групповых и зональных уровней действующего ДОВСЕ. Например, на флангах физическое превышение составляло порядка 1900 танков, 3200 боевых бронированных машин и 1900 артсистем⁷.

Второе заявление касалось вопроса о военной сдержанности в связи с расширением НАТО. В связи с этим было отмечено, что после включения стран Прибалтики в НАТО и в условиях полной неопределенности в отношении перспективы их присоединения к ДОВСЕ взятые российской стороной в 1999 г. политические обязательства о сдержанности на северо-западе в значительной мере утратили для нее смысл как с военной, так и с политической точки зрения. Они должны быть адекватным образом сбалансированы странами региона, являющимися членами НАТО⁸. В трех заявлениях была дана развернутая аргументация российской позиции по вопросам выполнения российско-грузинской и российско-молдавской стамбульских договоренностей и обоснованная критика НАТОвской увязки этой проблемы с началом ратификации Соглашения об адаптации⁹.

Подводя итог Конференции, российская делегация подчеркнула, что Договор об обычных вооруженных силах в Европе в его прежнем виде практически исчерпал свою жизнеспособность и не отражал более баланса интересов сторон. Она также заявила, что с учетом подтвержденного на Конференции нежелания стран НАТО вести дело к запуску процесса ратификации Соглашения об адаптации ответственность за дальнейшую судьбу договора лежит на членах альянса¹⁰.

⁶ Сообщение для печати «Об итогах третьей Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)» // МИД России, 5 июня 2006 г.

⁷ Заявления Делегации Российской Федерации по пунктам 3 и 5 повестки дня третьей Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе // Добавление к Приложению 40 к Журналу заседания СФЕ-TRC3.JOUR, 2 июня 2006 г. С. 1–2.

⁸ Там же. С. 2–4.

⁹ Там же. С. 4–9.

¹⁰ Заявление Делегации Российской Федерации на третьей Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ // Приложение 40 к Журналу заседания СФЕ-TRC3.JOUR, 2 июня 2006 г.

Началом нового этапа в истории ДОВСЕ – этапа преодоления кризиса режима контроля над обычными вооружениями в Европе через приостановление действия Договора и последующие переговоры – можно считать выступление В.В. Путина на Международной конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г., в котором были обозначены основные болевые точки отношений России с Западом, в том числе в сфере безопасности. Упомянул он и о кризисном состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

26 апреля 2007 г. В.В. Путин в Послании к Федеральному Собранию заявил о целесообразности, в случае отсутствия прогресса в переговорах с партнерами, объявить мораторий на исполнение Россией ДОВСЕ. Этот мораторий действовал бы до тех пор, пока все государства-участники не ратифицируют Соглашение об адаптации и не начнут его строго исполнять, на деле внося свой вклад в сокращение вооружений¹¹.

В то же время российская сторона не оставляла попыток убедить партнеров перейти на более конструктивные позиции. Так, в апреле-мае 2007 г. Российская Федерация провела пять раундов консультаций в рамках Совета Россия-НАТО. Они подтвердили, что страны альянса не были готовы учитывать российские озабоченности. С учетом этого 28 мая 2007 г. Российская Федерация направила депозитарию ДОВСЕ запрос о созыве Чрезвычайной конференции государств-участников договора для рассмотрения исключительных обстоятельств, относящихся к ДОВСЕ.

Чрезвычайная конференция государств-участников ДОВСЕ состоялась в Вене 12–15 июня 2007 г. В ходе конференции российские представители детально разъяснили обстоятельства, сделавшие необходимым ее созыв¹², и обозначили меры, необходимые для восстановления жизнеспособности режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

Итоги Чрезвычайной конференции показали, что страны альянса сохраняли увязку начала ратификации ими Соглашения об адаптации ДОВСЕ с выполнением Россией «стамбульских

¹¹ Российская газета от 27 апреля 2007 г. № 90.

¹² Анализ исключительных обстоятельств, относящихся к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. Позиционный документ Российской Федерации. 12 июня 2007 г. // Дополнение 1 к Приложению 33 к Журналу заседания СФЕ-ЕС (07). JOUR, 15 июня 2007 г.

обязательств»¹³ и игнорировали внесенные в преддверии Чрезвычайной конференции конкретные российские предложения по выводу ДОВСЕ из кризиса, ограничиваясь обещаниями обсудить их позже, после вступления адаптированного договора в силу¹⁴.

Сложившаяся ситуация поставила на повестку дня принятие мер по приостановлению действия договора. 13 июля 2007 г. был подписан Указ президента Российской Федерации № 872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров»¹⁵. На основании этого указа приостанавливалось действие ДОВСЕ, а также Будапештского соглашения от 3 ноября 1990 г. и Флангового документа от 31 мая 1996 г. в отношениях России с их участниками.

Необходимость приостановления действия ДОВСЕ была обусловлена следующими относящимися к договору исключительными обстоятельствами, влияющими на безопасность Российской Федерации:

- Уклонение Республики Болгария, Венгерской Республики, Республики Польша, Румынии, Словацкой Республики и Чешской Республики от оформления изменений в составе групп государств-участников в связи с присоединением указанных государств-участников к Вашингтонскому договору 1949 г.
- Превышение государствами-участниками, присоединившимися к Вашингтонскому договору 1949 г., групповых ограничений ДОВСЕ в результате расширения НАТО.
- Негативное воздействие планируемого размещения обычных вооружений США на территориях Республики Болгария и Румынии на соблюдение групповых ограничений ДОВСЕ.
- Невыполнение рядом государств-участников принятого в Стамбуле политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации.

¹³ При подписании Соглашения об адаптации ДОВСЕ на саммите ОБСЕ в Стамбуле 19 ноября 1999 г. Россия взяла на себя обязательства по выводу своих войск с территории Грузии и Молдавии. Данные страны, а также западные государства обвиняют Россию в невыполнении данных обязательств. Россия считает, что все принятые ею на себя обязательства были выполнены. – *Прим. ред.*

¹⁴ См., например: Дополнение к Приложению 31 к Журналу заседания СФЕ-ЕС (07). JOUR, 13 июня 2007 г.

¹⁵ Собрание законодательства РФ, 16 июля 2007 г. № 29. Ст. 3681.

- Невыполнение Чешской Республикой, Венгерской Республикой, Республикой Польша и Словацкой Республикой принятых в Стамбуле обязательств о корректировке территориальных предельных уровней (ТПУ).
- Отрицательное воздействие неучастия Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики в договоре на выполнение Заключительного акта конференции государств-участников ДОВСЕ (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.).

Период приостановления действия указанных международных договоров начинался через 150 дней после получения российских уведомлений о приостановлении их депозитариями и государствами-участниками ДОВСЕ – с 00:00 часов московского времени 12 декабря 2007 г.

В направленном одновременно с уведомлениями меморандуме МИД России от 14 июля 2007 г. были разъяснены некоторые практические вопросы, связанные с приостановлением участия России в ДОВСЕ. Так, отмечалось, что приостанавливается вся деятельность России по выполнению договора и связанных с ним документов. В частности, временно прекращались предоставление информации, прием и проведение инспекций. Россия в период приостановления не связана ограничениями количества обычных вооружений (включая политические обязательства о сдержанности). В то же время планы их массированного наращивания или концентрации на границах с соседями она в существовавшей на тот момент обстановке не имела. В дальнейшем же реальные количества и размещение вооружений и техники должны были зависеть от конкретной военно-политической ситуации, в том числе от готовности партнеров проявлять сдержанность.

Что касается возможности возобновления действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров, то этот вопрос мог бы быть рассмотрен после того, как другие государства-участники предпримут конкретные шаги по снятию российских озабоченностей и по восстановлению жизнеспособности договорного режима.

В соответствии с пунктом 1 статьи 37 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» президент Российской Федерации незамедлительно проинформировал о принятом им решении палаты Федерального Собрания

и 21 июля 2007 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе». С вступлением данного Федерального закона в силу 3 ноября 2007 г.¹⁶ выполнение процедур, необходимых для приостановления действия ДОВСЕ, было завершено. Оценивая значение этого акта, министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул, что в предыдущий раз Россия прибегала к подобному шагу еще в 1870 г., когда она отказалась от дискриминационных положений Парижского трактата, навязанных нашей стране по итогам Крымской войны (1853–1856)¹⁷.

С международно-правовой точки зрения наличие в ДОВСЕ положения о выходе дает основание утверждать, что государство-участник вправе приостановить договор на тех же основаниях, по которым оно может выйти из него. Данный вывод вытекает из общего принципа права и обычной нормы международного права, выраженных формулой «кому разрешено большее, тот имеет право и на содержащееся в нем меньшее». В свете этого применявшегося неоднократно в международно-правовой практике правового принципа выход из договора есть большее, а приостановление действия – содержащееся в нем меньшее. Исходя из этого, Россия осуществила приостановление действия ДОВСЕ в соответствии с процедурой, аналогичной той, что предусмотрена для выхода из него.

Следует также отметить, что приостановление действия договора, в отличие от выхода из него, сохраняет возможность достаточно быстрого возобновления выполнения его положений в случае решения обозначенных нами проблем. Приостановив действие ДОВСЕ, Россия дала всем государствам-участникам шанс совместными усилиями вернуть договору жизнеспособность.

Диалог по плану параллельных действий

С конца лета – начала осени 2007 г. под воздействием перспективы российского моратория обозначились определенные подвиги в подходах стран НАТО к ДОВСЕ. Они выразили готов-

¹⁶ Российская газета от 3 декабря 2007 г. № 270.

¹⁷ Парламентская газета от 20 ноября 2007 г.

ность начать предметный диалог с Россией по проблематике договора.

В качестве отправной точки для такого диалога НАТОвцы выдвинули концепцию параллельных действий. В рамках такого плана приступали бы к ратификации Соглашения об адаптации некоторые страны НАТО, без четкой определенности относительно сроков введения в силу этого соглашения. Обсуждение же российских озабоченностей, включая проблему фланговых ограничений для российской территории, предлагалось провести потом, когда Соглашение об адаптации начнет функционировать в полном объеме. То есть, по сути, российской стороне давались обещания обсудить озабоченности без гарантии их решения с учетом интересов национальной безопасности. Более того, ход переговоров показывал, что НАТОвцы были готовы учесть лишь некоторые поставленные Россией проблемы, возможно, даже разжать фланговые ограничения, но не снять их, на чем настаивало политическое руководство России.

От российской же стороны требовали конкретных действий, главное из которых – возвращение в «старый» ДОВСЕ, в котором виртуально существовала Организация Варшавского договора и не учитывались две волны расширения НАТО. Кроме того, Россия должна была возобновить вывоз боеприпасов из Приднестровья, дать согласие на интернационализацию миротворческой операции в Молдавии и решить с Грузией вопрос о бывшей российской военной базе Гудаута. В концепции НАТО отмечалось, что в случае завершения российских шагов осенью 2007 г. страны альянса были готовы к весне 2008 г. ратифицировать соглашение. При этом авторы концепции отмечали, что приостановление действия ДОВСЕ сделало бы ее политически несостоятельной. Не отказываясь в принципе от рассмотрения данной концепции, российская сторона отмечала несбалансированность и нереалистичность некоторых ее ключевых элементов и подчеркивала, что вывод ДОВСЕ из кризиса возможен только в случае ратификации Соглашения об адаптации всеми государствами-участниками и выполнения других условий, необходимых для восстановления жизнеспособности договорного режима.

В сентябре-декабре 2007 г. состоялись четыре многосторонние неофициальные встречи по ДОВСЕ (в составе всех государств-участников договора, а также стран Прибалтики и Словении). Они были полезными для лучшего понимания подходов сторон,

хотя конкретных результатов не принесли, а основная практическая работа велась в российско-американском формате. К началу декабря 2007 г. консультации России с другими государствами-участниками ДОВСЕ показали, что последние настроены на продолжение поиска развязок, однако пока не готовы к конкретным шагам, направленным на снятие российских озабоченностей. В связи с этим в полночь на 12 декабря 2007 г. началось приостановление действия ДОВСЕ. В то же время Россия выразила готовность к продолжению диалога с партнерами.

Дальнейшие переговоры по плану параллельных действий проходили непростом. Позиция стран НАТО развивалась по схеме «шаг вперед, два шага назад». Более того, США при поддержке других НАТОвских стран по-прежнему не были готовы учесть ключевые российские озабоченности (прежде всего, отменить фланговые ограничения применительно к территории России). Данная позиция, отраженная в заявлении Совета НАТО по ДОВСЕ от 28 марта 2008 г., декларации саммита НАТО в Бухаресте (3 апреля 2008 г.) и коммюнике заседания Совета НАТО на уровне министров иностранных дел (3 декабря 2008 г.), не позволяла рассчитывать на решение проблемы договора в ближайшем будущем. Правда, к концу 2009 г. формулировки документов альянса на сей счет стали несколько более краткими и деловитыми. При этом, однако, призывы к России возобновить участие в обмене информацией по договору стали сопровождаться предупреждениями, что в противном случае дальнейшее выполнение соответствующего обязательства странами НАТО могло бы стать затруднительным.

После кризиса августа 2008 г. на Кавказе¹⁸ ситуация вокруг ДОВСЕ еще более усложнилась. Страны НАТО под предлогом необходимости переоценки подходов в связи с новыми обстоятельствами прервали консультации.

17 декабря 2008 г. российско-американский диалог по ДОВСЕ был возобновлен. В 2009 г. состоялись три двусторонних встречи. Они показали, что с объявлением новой администрацией США курса на «перезагрузку» отношений с Россией эта тема постепенно стала выходить из тени. В этом российская сторона макси-

¹⁸ Речь идет о нападении грузинских войск на Цхинвал 8 августа 2008 г. и последующей операции российских вооруженных сил по принуждению Грузии к миру. – *Прим. ред.*

мально стремилась помочь партнерам. Казалось, в конце туннеля замерцал огонек надежды.

Чтобы стимулировать диалог, 5 мая 2009 г. Россия представила в СКГ памятную записку «Восстановление жизнеспособности ДОВСЕ: путь вперед», в которой были детально изложены наши подходы к пакетному решению проблемы ДОВСЕ. В частности, в ней отмечалась необходимость обеспечить сбалансированный характер проекта этого решения, который должен предусматривать параллельные или, лучше сказать, встречные действия заинтересованных сторон. Все без исключения аспекты, вызывающие или способные вызвать разногласия, должны быть урегулированы надлежащим образом и не в неопределенном будущем, а непосредственно в рамках пакета, причём таким образом, который исключал бы возможность различных интерпретаций и срыва достигнутых договоренностей.

Чего добивается Россия?

Попытаемся на основе официальных российских документов, начиная с предложений, внесенных на Чрезвычайной конференции 2007 г., и до памятной записки от 5 мая 2009 г., обрисовать, хотя бы в самых общих чертах, подходы нашей страны к конкретным аспектам решения проблемы контроля над обычными вооружениями в Европе.

Во-первых, *отмена фланговых подуровней для территории России*. Так называемые фланговые ограничения не позволяют России свободно перемещать оснащенные обычными вооружениями и техникой войска по своей территории. В 1990 г. они были установлены, исходя из опасений относительно перелива сил из Центральной Европы на север и юг континента и их размещения на границах Турции и Норвегии. Эти опасения не оправдались, и фланговые ограничения для России давно потеряли смысл. Более того, они рассматриваются российской стороной как устаревшие, неоправданные в нынешней военно-политической ситуации, дискриминационные и препятствующие борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. С учетом этого политическим руководством страны был сделан однозначный вывод: никаких фланговых подуровней на территории Российской Федерации быть не должно.

С учетом реальных соотношений в количествах обычных вооружений во фланговой зоне даже существенное увеличение Россией своего потенциала в этом регионе не смогло бы нанести ущерба безопасности ни НАТО, ни отдельных членов альянса. В то же время, вероятно, сохранение флангового режима, даже без России, имеет смысл с точки зрения предотвращения региональной гонки вооружений, сведения к минимуму вероятности возникновения новых конфликтов. Кроме того, охват фланговым режимом новых участников договора необходим для сохранения некоторых политических обязательств о военной сдержанности, принятых в 1999 г. с учетом существовавшей тогда обстановки. В связи с этим Россия ставит вопрос об отмене фланговых ограничений для своей территории, а не флангового режима в целом.

Страны НАТО подчеркивают стратегическую важность флангового режима¹⁹, делая, разумеется, акцент на территориальные подуровни на российской территории. Однако, по существу, единственный аргумент, выдвигаемый некоторыми из них против решения проблемы на предлагаемой российской стороной основе, сводится к тому, что отмена фланговых ограничений для России поставила бы под вопрос сохранение флангового режима в целом, а в некоторых частях района применения договора и на его внешних границах это могло бы привести к региональной гонке вооружений.

С целью устранения этой озабоченности 15 мая 2008 г. тогдашним начальником российского Генштаба Ю.Н. Балувевским была выдвинута идея решения фланговой проблемы за счет распространения флангового режима на всю территорию России, входящую в район применения ДОВСЕ. Реализация этой идеи позволила бы, с одной стороны, уравнивать Россию в правах и обязательствах с остальными фланговыми государствами-участниками ДОВСЕ, например, Турцией, а с другой – сохранить фланговый режим и даже укрепить его за счет расширения территориальной сферы его применения²⁰.

О какой-либо официальной реакции стран НАТО на эту идею пока неизвестно. Правда, это может свидетельствовать и о нежелании НАТОвцев рассматривать ее даже в качестве отправной точки для снятия российских озабоченностей.

¹⁹ NAC Statement on CFE // NATO, March 28, 2008.

²⁰ *Комар А.* Судьба ДОВСЕ решится на флангах // Независимая газета, 19 июня 2008 г.

Страны НАТО в самой общей форме заявляли о своей готовности «рассмотреть, там, где это возможно, изменения количественных значений предельных уровней вооружений», да и то лишь после вступления в силу Соглашения об адаптации²¹. Очевидно, такой подход для российской стороны неприемлем, поскольку он не гарантирует удовлетворительного решения поставленной ею проблемы, а лишь открывает путь к долгим и бесперспективным дискуссиям по этому сюжету.

Во-вторых, *понижение суммарных разрешенных уровней и, в необходимых случаях, наличие ограничиваемых обычных вооружений и техники стран НАТО в целях компенсации потенциала, приобретенного альянсом в результате расширения*. Сумма максимальных уровней стран НАТО превышает групповые уровни действующего ДОВСЕ почти на 6000 танков, 10 000 боевых бронированных машин, более чем на 5000 артсистем, почти на 1500 боевых самолетов и на 500 с лишним ударных вертолетов (и это без учета прибалтийских стран, Словении, Хорватии и Албании). В совокупности это на 23 тысячи единиц больше коллективных уровней для НАТО на момент заключения договора (в другую историческую эпоху) и практически вдвое больше договорных возможностей участников ДОВСЕ, не входящих в альянс²². Соотношение же потенциальных возможностей НАТО и России, крупнейшего не входящего в альянс государства в Европе, составляет по разным категориям от 2,5:1 до 4,2:1.

Некоторые страны альянса считают этот вопрос неактуальным, поскольку сумма наличий вооружений нынешних членов НАТО не превышает групповых уровней старого ДОВСЕ. Однако, во-первых, не везде это так (в частности, есть превышение на флангах). А во-вторых, наличия подвержены колебаниям, и своего рода гарантией безопасности можно считать лишь разрешенные уровни.

В основе ДОВСЕ (как старого, так и адаптированного) – идея «ликвидации неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности, и ликвидации потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных

²¹ NAC Statement on CFE // NATO, March 28, 2008.

²² Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова на «Мюрдалевских чтениях». Женева, 2008, 12 февраля // МИД России, 12 февраля 2008 г.

действий в Европе»²³. Чрезмерная концентрация ограничиваемых обычных вооружений и техники в руках или на территории какого-либо государства или группы государств наносит ущерб этим целям. Поэтому изменение состава какого-либо военно-политического союза должно сопровождаться мерами в сфере контроля над вооружениями, обеспечивающими соизмеримость совокупного военного потенциала его членов с потенциалами других участников ДОВСЕ и непревышение тех пропорций, которые были изначально сочтены безопасными. Отсутствие военной гегемонии какого-либо союза в районе применения договора должно быть обеспечено и в будущем.

Официально заявленная позиция альянса в общем плане допускает возможность рассмотрения изменений уровней, да и то лишь после вступления в силу Соглашения об адаптации²⁴. Этого, конечно, недостаточно для решения проблемы.

В-третьих, *участие в ДОВСЕ всех членов НАТО и других желающих европейских государств*. Режим ДОВСЕ изначально основывался на участии всех стран НАТО и ОВД (а затем и их правопреемников). Было бы странно и неприемлемо, если бы он не включал новых членов альянса, создавая тем самым серые зоны, в которых может концентрироваться неограниченное количество ограничиваемых обычных вооружений и техники.

Российская сторона исходит из того, что каждое государство-член НАТО, еще не участвующее в ДОВСЕ, должно присоединиться к режиму контроля над обычными вооружениями в Европе, приняв на себя конкретные обязательства. Нарботанный при этом опыт мог бы быть использован при рассмотрении вопроса о присоединении других желающих европейских государств.

Образовавшаяся в свое время на российских границах черная дыра (с точки зрения контроля над вооружениями) не может не беспокоить Россию. Тем более что на протяжении ряда лет в этом регионе идет массивное наращивание вооружений. В 1991 г. прибалтийские страны были исключены из района применения ДОВСЕ заявлением председателя Совместной консультативной группы, что с юридической точки зрения, по крайней мере, сомнительно (в текст ДОВСЕ поправки не вносились, и в нем до сих пор фигурирует «территория Прибалтийского

²³ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 4.

²⁴ NAC Statement on CFE // NATO, March 28, 2008.

военного округа»). Кстати, уже после этого шага администрация США считала возможным участие стран Балтии в ДОВСЕ образца 1990 г., также без внесения в него поправок (соответствующие письма направлялись Государственным департаментом в Сенат при ратификации ДОВСЕ)²⁵. Такое решение, в принципе, возможно и сегодня.

В 1999 г. Россия приняла в Стамбуле политическое обязательство о сдержанности в отношении уровней и развертываний своих наземных ограничиваемых обычных вооружений и техники на территориях Калининградской и Псковской областей. Отсутствие у нее иных планов и намерений было обусловлено сохранением существовавшей на тот момент военно-политической ситуации²⁶. Ситуация в Прибалтике с тех пор радикально изменилась. Россия же до настоящего времени на практике придерживается своего заявления. Только за последнее время количество обычных вооружений в соответствующем районе уменьшилось более чем на тысячу единиц. Однако, чтобы Россия и дальше могла проявлять сдержанность в этом районе, существовавший в 1999 г. баланс должен быть так или иначе восстановлен. Предпочтительно, чтобы это произошло за счет адекватной военной сдержанности на территориях Прибалтийских государств. В этом же контексте данные государства должны быть охвачены фланговым режимом.

Следует также отметить, что приглашение в НАТО Македонии поставит в повестку дня вопрос и о ее присоединении к ДОВСЕ. Позиция стран НАТО предусматривает, что после согласования пакета параллельных действий «члены НАТО, не являющиеся участниками ДОВСЕ, публично подтвердят свою готовность обратиться с просьбой о присоединении к адаптированному договору, как только он вступит в силу. После консультаций с союзниками они будут открыты для обсуждений со всеми государствами-участниками договора, включая Россию, относительно условий своего присоединения»²⁷.

Однако эта формулировка не дает ответа на вопрос о том, когда и чем именно должны завершиться эти обсуждения. Заяв-

²⁵ The CFE Treaty Report together with Additional Views (Exec. Rept. 102-22) // Senate, 102d Congress. 1st Session, 1991. P. 117.

²⁶ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 4.

²⁷ NAC Statement on CFE // NATO, March 28, 2008.

ления, с которыми прибалтийские страны выступали ранее, не свидетельствовали об их готовности к скорому началу практической работы. Подготовка их позиции к консультациям о присоединении далека от завершения. И это не может не осложнять общую ситуацию.

В-четвертых, *разработка общего понимания понятия «дополнительное постоянное размещение существенных боевых сил»*. В рамках основополагающего акта Россия-НАТО альянс отказался от «дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил», аналогичное обязательство приняла на себя и Россия²⁸. Впоследствии страны НАТО конкретизировали это положение, в частности, в заявлении Совета НАТО от 8 декабря 1998 г., упомянутом в Заключительном акте Конференции государств-участников ДОВСЕ (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.)²⁹. В рамках этой Конференции Российская Федерация также приняла политическое обязательство, касающееся «существенных боевых сил»³⁰.

Из изложенного следует, что соответствующие положения основополагающего акта Россия-НАТО и конкретизирующих его документов имеют значение в контексте ДОВСЕ как часть стамбульского пакета. В то же время каких-либо официально согласованных цифровых параметров «существенных боевых сил» на сегодня нет. Исходя из этого, российская сторона считает необходимым согласовать общее понимание этих положений и утвердить его в рамках СКГ или конференции государств-участников. Российская сторона настаивает на таком утверждении, поскольку выработанное Россией и странами НАТО определение будет относиться к политическому обязательству, касающемуся и других участников договора.

15 июля 2008 г. российская делегация в венской Совместной консультативной группе по ДОВСЕ внесла развернутый проект понимания этого термина³¹. Он исходит из того, что кри-

²⁸ Действующее международное право. Документы в 2 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, Юрайт-Издат, 2007. С. 608–609.

²⁹ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 4.

³⁰ Там же. С. 146.

³¹ Заявление делегации Российской Федерации в Совместной консультативной группе. 2008, 15 июля // Приложение 8 к Журналу 669-го заседания СКГ (JCG.JOUR/669, Annex 8), 15 июля 2008 г.

терию существенности отвечает размещенная на территории новых членов альянса после подписания Основопологающего акта на период более 42 дней в году совокупность сил и средств, эквивалентная бригаде (авиакрылу, вертолетному батальону) или имеющая ограничиваемые обычные вооружения и технику, количества которых в совокупности превышают хотя бы один из следующих параметров: 41 боевой танк, или 188 бронированных боевых машин, или 90 артиллерийских единиц калибра 100 мм и более, или 24 боевых самолета, или 24 ударных вертолета. Судя по сообщениям СМИ, аналогичное предложение в конце 2009 г. было внесено Россией и в Совете Россия-НАТО.

Очевидно, было бы полезно, чтобы в период до официального принятия соответствующего документа каждая из сторон Основопологающего акта воздерживалась от шагов, которые могут быть расценены другой стороной как размещение существенных боевых сил. Официальная позиция стран НАТО предусматривает, что после согласования пакетного решения «НАТО и Россия разработают определение термина «существенные боевые силы», используемого в Основопологающем акте Россия-НАТО»³².

Однако, чтобы эти переговоры завершились принятием конкретного документа, а не фиксацией разногласий, необходимо уже в ближайшее время приступить к работе на данном направлении на основе предложенных российской стороной формулировок. При этом важно сохранить существо и охват обязательств, принятых в 1997–1999 гг.

В-пятых, скорейшее начало реализации будущих договоренностей и модернизация режима ДОВСЕ. Представляется принципиально важным, чтобы начало реализации договоренностей, достигнутых участниками переговоров, не было под тем или иным предлогом затянато до бесконечности, как это произошло после Конференции государств-участников договора в Стамбуле 19 ноября 1999 г. Поскольку исполнительная власть не может ручаться за то, что намеченные сроки ратификации будут соблюдены, необходимо предусмотреть возможность временного применения Соглашения об адаптации (разумеется, со всеми новыми элементами, отражающими решение поставленных Россией проблем).

В официальной позиции стран НАТО нет даже упоминания о возможности временного применения Соглашения об адапта-

³² NAC Statement on CFE // NATO, March 28, 2008.

пии. Некоторые из них отмечают, что раннее начало временного применения могло бы вызвать проблемы юридического характера. В то же время они признают возможность принятия политического обязательства о том, чтобы действовать в соответствии с объектом и целями адаптированного ДОВСЕ, соблюдать его предельные уровни.

Не менее важный вопрос – это дальнейшая модернизация режима ДОВСЕ. Ее необходимость стала очевидна вскоре после подписания Соглашения об адаптации. Так, уже первая попытка смоделировать действие обновленного режима обмена информацией выявила определенные его недостатки (а точнее, избыточность). Ряд положений адаптированного инспекционного режима также представляются излишне громоздкими, интрузивными и далеко не в полной мере отвечающими современной обстановке. С учетом военно-технического прогресса могут возникнуть проблемы с охватом договорными ограничениями некоторых новых систем вооружений. Есть и другие серьезные вопросы, требующие пристального рассмотрения.

Речь должна идти не о постановке вопроса (участники ДОВСЕ имеют на это право в любое время), а о полномасштабных переговорах о модернизации адаптированного ДОВСЕ, необходимость которой, кстати, признавалась и экспертами стран НАТО. Российская Федерация неоднократно предлагала, чтобы еще до вступления в силу Соглашения об адаптации государства-участники ДОВСЕ приняли решение о том, что сразу после начала действия адаптированного договора они начнут переговоры о его дальнейшей модернизации. Такое решение могло бы содержать и примерный перечень вопросов, которые они хотели бы рассмотреть на этих переговорах.

В то же время, вероятно, российские эксперты могли бы обдумать и появившуюся в последний год в западноевропейских научных кругах идею модернизации до ратификации, предусматривающую сначала проведение полномасштабных переговоров о всесторонней модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе, а уже затем ратификацию достигнутых договоренностей. Она могла бы помочь обойти проблемы, связанные с внесением на ратификацию Соглашения об адаптации, заведомо требующего пересмотра.

В-шестых, вопросы, связанные с российским военным присутствием в Абхазии, Южной Осетии и Молдавии. Страны НАТО

официально исходят из того, что предложенный Соединенными Штатами Америки пакет включает решение вопроса о российских обязательствах, относящихся к Республике Молдова и Грузии, и выражают готовность объединиться с Россией в выполнении этого пакета. Они также отмечают, что союзники по НАТО будут продвигаться с ратификацией адаптированного ДОВСЕ параллельно с выполнением Российской Федерацией конкретных, согласованных шагов по решению остающихся вопросов, относящихся к российским силам/объектам в Республике Молдова и Грузии, как изложено в пакете.

Российская сторона считает, что последняя увязка политически и юридически не оправдана, а с практической точки зрения контрпродуктивна. Затягивание под надуманными предложениями ратификации Соглашения об адаптации явилось прямым нарушением странами НАТО стамбульского обязательства «оперативно предпринять усилия для содействия завершению национальных процедур ратификации с тем, чтобы Соглашение об адаптации могло вступить в силу как можно скорее»³³. Что касается упоминания неких «российских обязательств, относящихся к Республике Молдова и Грузии», то в контексте ДОВСЕ таких невыполненных обязательств не осталось³⁴ (в отличие, кстати, от выполнения стамбульских обязательств некоторыми другими государствами-участниками, включая самих Грузию и Молдавию). Поэтому сам факт обсуждения российской стороной различных вариантов решения указанных проблем в контактах, посвященных ДОВСЕ, явился ярким проявлением доброй воли и серьезным шагом навстречу партнерам.

Отправной точкой для начала такого обсуждения в 2007–2008 гг. стали признание странами НАТО нереалистичности ранее выдвигавшихся требований немедленного вывода российских военнослужащих (включая миротворцев) и вывоза боеприпасов, а также их готовность решать проблему в основном за счет обеспечения транспарентности российского военного присутствия. В то же время были бы однозначно контрпродуктивными попытки возврата к прежним НАТОвским требованиям, включения в обсуждение вопросов, относящихся к сфере урегулиро-

³³ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 140.

³⁴ Ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы германской газеты «Франкфургер Альгемайне Цайтунг» // МИД России, 3 декабря 2007 г.

вания замороженных конфликтов, наделения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) или какого-либо из государств-участников особыми правами по контролю за российскими военными, применения двойного стандарта к сторонам стамбульских договоренностей, расширительного толкования и применения положений ДОВСЕ и т.д.

Следует также отметить, что объективные факты – признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии в 2008 г., не являющихся участниками ДОВСЕ, и размещение российских воинских контингентов в этих странах с их явно выраженным согласием – должны быть учтены в ходе переговоров. Очевидно, что ранее обсуждавшиеся положения плана параллельных действий, касавшиеся Гудауты, уже не имеют отношения к новой реальности. Если страны НАТО действительно заинтересованы в новом, равноправном режиме, им пора бы уже осознать контрпродуктивность попыток привнесения в него чужеродных элементов, относящихся к замороженным конфликтам на территории бывшего СССР.

Диалог возобновлен. Что дальше?

В 2010 г. обозначилась активизация переговорного процесса по поиску путей вывода ДОВСЕ из кризиса. В ходе июньского российско-американского саммита было принято совместное заявление президентов России и США о стратегической стабильности, в котором, помимо прочего, отмечена приверженность сторон «совместно со всеми партнерами работать в текущем году над укреплением режима контроля над обычными вооружениями в Европе и его модернизацией применительно к требованиям XXI века».

С июня 2010 г. возобновились и практически ежемесячно проходят российско-американские консультации должностных лиц высокого уровня, неофициальные встречи 36 стран (государств-участников договора и НАТОвских новобранцев, заявивших о намерении присоединиться к режиму ДОВСЕ). В ходе этих мероприятий обсуждаются различные аспекты проблемы восстановления жизнеспособности и модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе. Российская сторона внесла соответствующие предложения.

Правда, о содержании этих консультаций практически ничего не известно. Однако некоторые публичные высказывания представителей администрации США (выступление государственного секретаря США Хиллари Клинтон в Париже «Замечания о будущем европейской безопасности» от 29 января 2010 г., статья вице-президента США Джо Байдена «Развивая европейскую безопасность» в «International Herald Tribune» от 6 мая 2010 г., выступление начальника управления Государственного департамента Фрэнка Роуза в Вене «Роль и перспективы режимов контроля над вооружениями и укрепления доверия и безопасности в строительстве доверия в изменяющейся обстановке в сфере безопасности» от 20 октября 2010 г.) являются косвенным свидетельством эволюции подхода США и стран НАТО к ДОВСЕ.

Похоже, что речь идет о некоей весьма общей и пока не детализированной концепции современных, учитывающих новые реалии рамок в области безопасности и контроля над вооружениями. Предполагается, что они должны принимать во внимание изменения последних лет, обеспечивать взаимные ограничения и сдержанность в отношении масштабов и размещения сил, взаимную транспарентность и контроль в военной сфере (обмен информацией, посещения военных объектов и наблюдение за военной деятельностью) и укреплять принципы территориальной целостности, неприменения силы первыми и согласия принимающей стороны на размещение иностранных войск на ее территории.

В принципе такие элементы, как ограничения, обмен информацией и инспекции, являются традиционными для режима контроля над обычными вооружениями в Европе. В то же время некоторые моменты в высказываниях американских должностных лиц наводят на размышления.

Во-первых, они делают основной упор не на ограничения, а на транспарентность (что, в принципе, понятно – баланс сил в Европе сегодня отвечает интересам США и НАТО). При этом происходит некоторое смешение мер из двух традиционно различных сфер – информационно-инспекционного режима ДОВСЕ и мер укрепления доверия и безопасности по Венскому документу ОБСЕ. Возникает вопрос, нет ли у западных партнеров намерения совместить два этих режима (разумеется, при этом едва ли придется вести речь о юридических обязательствах).

Во-вторых, довольно сильный акцент делается на ограничениях на дислокацию вооруженных сил. Это может означать как простое подтверждение отраженной в Соглашении об адаптации концепции территориальных предельных уровней, так и стремление найти какую-то замену фланговым ограничениям для России и Украины. В последнем случае американские идеи могут оказаться весьма трудно согласуемыми с интересами России.

Наконец, в-третьих, одними из центральных элементов американской концепции выступают принципы территориальной целостности и согласия принимающей стороны. Сами по себе эти положения не вызывают сомнения, поскольку стоят в ряду других общепризнанных принципов, но несколько настораживает нарочитость, с которой именно они ставятся в центр всей конструкции. С учетом фразеологии американского бюрократического новояза представляется весьма вероятным, что речь идет о переиздании истории со стамбульскими обязательствами, а это однозначно поставило бы под вопрос результативность любых переговоров по модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

Закрытые консультации 36 стран в Вене проходили на фоне таких политически значимых событий, как саммиты Совета Россия-НАТО в Лиссабоне и ОБСЕ в Астане в 2010 г. На обеих встречах на высшем уровне, судя по их итоговым документам, вопрос о поиске путей вывода режима контроля над обычными вооружениями из кризиса был одним из главных. Несмотря на все различия в подходах различных государств и сложность обсуждавшихся на этих мероприятиях проблем, их участникам удалось прийти к единому мнению и подчеркнуть необходимость восстановления жизнеспособности и модернизации этого режима.

В то же время на самих консультациях, по-видимому (в силу завесы таинственности об этом можно лишь догадываться), до прорывных решений еще далеко. Очевидны завалы, проблемы, трудность выхода на компромисс. Перезагрузки на направлении контроля над обычными вооружениями пока не произошло. Слишком велик разрыв между благородными целями и уровнем доверия друг другу. Однако для всех уже ясна важная политическая задача – необходимость разработки такого режима, который был бы равноправным, отражал бы новую ситуацию в области безопасности на территории от Атлантики до Урала.

Что же должно быть результатом будущих переговоров?

Как представляется, нынешний контроль над обычными вооружениями в Европе настолько обносился, что вряд ли будет возможно залатать все его дыры. Вот почему, видимо, жизнь выведет переговорщиков на новый режим, закрепленный в будущем соглашении. В этом документе будет необходимо установить более сбалансированные и низкие, чем прежде, потолки на ограничиваемые обычные вооружения, обеспечить адекватные нынешнему уровню доверия меры транспарентности, включая обмен информацией и инспекции. При этом Россия, очевидно, будет добиваться реализации своих приоритетов.

Еще один важный вопрос: каким будет характер нового режима контроля над обычными вооружениями? Юридически обязывающим, как ДОВСЕ и Соглашение об адаптации, или политически обязывающим, как, скажем, Венский документ 1999 г.? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. С одной стороны, анализ политической ситуации в США показывает, что, если и когда новое соглашение будет согласовано, вряд ли администрация Барака Обамы представит его на ратификацию. Во-первых, еще свежи воспоминания, как тяжело проходил через Сенат Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных 2010 г. До конца не ясны и перспективы ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) – другого приоритета Барака Обамы. Да и политическое будущее самого американского президента пока достаточно туманно. Поэтому ожидать, что администрация США станет выступать за то, чтобы будущее соглашение по контролю над обычными вооружениями в Европе было юридически обязательным и, соответственно, подлежащим ратификации, едва ли приходится. В то же время для ряда участников нынешнего режима ДОВСЕ неперенным условием разработки нового режима является его юридически обязывающий характер. Так что дискуссии по этому вопросу, как и по многим другим, еще предстоят.

Несмотря на многократную интенсификацию диалога, ситуация вокруг европейского режима контроля над обычными вооружениями в целом остается весьма сложной. Его участники по-прежнему стоят перед выбором – либо решение проблемы совместными усилиями, переговорным путем, либо неминуемая и, возможно, весьма скорая кончина этого режима.

С точки зрения интересов безопасности России представляется необходимым наряду с усилиями в области обороны настойчиво продолжать работу над созданием новых эффективных механизмов контроля над вооружениями, в том числе в Европе. В связи с этим весьма актуальны задачи, закрепленные в Концепции внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 г.: «...И далее содействовать укреплению региональной стабильности в Европе путем участия в процессах ограничения и сокращения обычных вооруженных сил, а также применения мер укрепления доверия в военной области на основе соблюдения принципа равной безопасности всех сторон»³⁵, «добиваться исправления дисбалансов, сложившихся в области ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе, и принятия новых мер доверия»³⁶.

В то же время новый режим контроля над обычными вооружениями нужен и Европе, и России в равной степени. Долговременное, предсказуемое, стабильное взаимодействие в его рамках будет не только благотворно воздействовать на решение общих вопросов безопасности, но и окажет позитивное влияние на все другие области сотрудничества России с европейскими странами.

³⁵ Международная жизнь, 2008. № 8–9. С. 222.

³⁶ Там же. С. 232.

Глава 23

РОССИЯ ВЫНУЖДЕНА ЗАНЯТЬСЯ СОЗДАНИЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В НЕЯДЕРНОМ ОСНАЩЕНИИ (2013)¹

Анатолий Антонов² в интервью
для Индекса Безопасности

Индекс Безопасности: Насколько вопрос стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении (СНВНО) актуален в контексте отношений России и США?

Анатолий Антонов: Вопрос СНВНО был одним из наиболее острых в ходе российско-американских переговоров по новому договору о сокращении стратегических ядерных вооружений («новый ДСНВ») в 2009–2010 гг. Под это определение подпадают любые баллистические ракеты, в том числе межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), оснащенные неядерными боеголовками. В то же время тяжелые бомбардировщики, хотя и считаются стратегическим оружием, не представляют такой же серьезной угрозы в контексте рассматриваемых вопросов в силу ряда особенностей их использования.

Было бы неправильно утверждать, что вопрос СНВНО раньше, до работы над «новым ДСНВ», не стоял. Здесь важно подчеркнуть, что новый договор, так же, как и Договор СНВ-I, является договором о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Не случайно слово «ядерный» в данном определении отсутствует. Это не упущение со стороны наших делегаций, а результат сложного компромисса с США. Вашингтон всегда стремился к заключению договоренностей,

¹ Впервые опубликовано: «Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении». Интервью с Анатолием Антоновым // *Индекс Безопасности*. 2013. № 2 (105). См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2013-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-2-105-Том-19.pdf>

² Анатолий Иванович Антонов (род. 15 мая 1955 г.) – заместитель министра обороны Российской Федерации.

которые бы не затрагивали так называемые обычные вооружения и СНВНО, а касались бы только ядерного оружия. Россия, напротив, всегда настаивала на том, что новый договор по СНВ должен распространяться на все виды стратегических вооружений. Мы всегда подчеркиваем неприемлемость компенсации ядерных сокращений путем наращивания стратегических неядерных систем. Это не является равноценным обменом.

Дело в том, что разрушительный потенциал СНВНО становится все ближе к уровню ядерного оружия. Российская сторона тщательно отслеживает планы, касающиеся передовых технологий в области неядерных стратегических ракет. Поступающая информация недвусмысленно показывает, что США стремятся к развитию значительного нового сегмента своего стратегического арсенала, способного решать широкий круг задач, которые раньше можно было решить исключительно с использованием стратегического ядерного оружия.

Индекс Безопасности: Для решения каких задач Соединенные Штаты ведут работу над созданием данного типа оружия?

Анатолий Антонов: Эта работа ведется в рамках так называемой концепции быстрого глобального удара (*prompt global strike*). США приступили к развитию данной концепции на рубеже 1980–1990-х гг. Окончательной целью концепции является достижение Соединенными Штатами полномасштабного глобального превосходства, в том числе путем разработки новых эффективных неядерных стратегических вооружений, с сохранением американского ядерного арсенала.

Если концепцию быстрого глобального удара удастся воплотить в жизнь, у США появится возможность наносить неядерные удары по целям в любой точке планеты в течение часа после принятия соответствующего решения. При этом принимается во внимание изменение природы угроз безопасности США, которые исходят не только от России или, к примеру, Китая, но и от так называемых государств-парий, террористов и экстремистских групп. Считается, что использование ядерного оружия против таких противников было бы контрпродуктивным. По сути дела, речь идет о трансформации военного потенциала США с целью приведения его в большее соответствие с природой будущих конфликтов.

Сторонники этой концепции считают, что СНВНО будет наилучшим средством сдерживания агрессивных противников регионального уровня, и нанесение высокоточных неядерных ударов большой дальности по таким противникам станет адекватным ответом. Следовательно, СНВНО более приемлемо и более эффективно в качестве инструмента сдерживания государственных и негосударственных игроков. Высокоточные неядерные удары большой дальности могут стать единственным средством предотвращения атаки с использованием оружия массового уничтожения либо предотвращения дальнейших атак после первоначального акта агрессии.

Дальность, скорость, поражающий потенциал и эффективность СНВНО в сочетании с возможностью быстрого реагирования с использованием такого оружия позволят вооруженным силам выполнять практически все те задачи, для которых ранее требовалось ядерное оружие. Американские военные считают, что СНВНО помогут перейти к быстрому планированию и нанесению ударов по целям, находящимся на расстоянии тысяч км, в случае принятия президентом США соответствующего решения на основании оперативных разведданных. Они утверждают, что воплощение концепции быстрого удара потребует очень быстро – в течение нескольких минут – сбора данных, принятия решения и выполнения этого решения.

Еще одним преимуществом СНВНО, по словам американских экспертов, является относительная дешевизна такого оружия по сравнению с неисчислимой ценой последствий возможного применения ОМУ.

В то же время США в основном говорят о возможных ударах по базам, местам встречи террористов или их лидеров. Однако указанный тип вооружений не слишком хорошо подходит для решения таких задач. Во-первых, такие встречи редко проходят в отдаленных и слабозаселенных районах, поэтому использование такого оружия в силу его большого разрушительного потенциала приведет к массовым жертвам среди мирного населения. Во-вторых, такие цели являются высококомобильными. Длительность подлетного времени МБР, а также время, необходимое на подготовку и принятие решения о запуске, не позволят гарантированно уничтожить движущуюся цель.

Достаточно взглянуть на ситуацию с беспилотными летательными аппаратами, которые используются в Афганистане

для борьбы с бойцами движения «Талибан»³. Несмотря на относительно небольшой размер, низкую эффективность управления и ограниченный огневой потенциал беспилотников, их применение, в том числе в населенных районах, ведет к значительным жертвам среди мирного населения. Отсюда гуманитарные аспекты использования СНВНО для избирательного уничтожения боевиков и террористов вызывают огромные сомнения, а цену возможной ошибки при сборе или интерпретации разведанных невозможно прогнозировать.

В-третьих, США имеют развернутые военные силы в ключевых точках планеты, что уже сейчас позволяет им в случае необходимости наносить мощные удары по противнику с использованием высокоточного оружия. В этой связи вероятность ситуации, в которой США будут вынуждены прибегнуть к использованию СНВНО, крайне низка, особенно учитывая возможные побочные эффекты такого шага в плане стратегической стабильности. Имеются также серьезные сомнения в том, насколько рациональными были бы расходы на разработку и создание столь дорогостоящего оружия с единственной целью уничтожения лидеров террористов.

Индекс Безопасности: Если заявленные задачи столь явно не соответствуют потенциалу СНВНО, что же США рассчитывают получить в итоге?

Анатолий Антонов: Очевидно, что в случае успешного внедрения концепции быстрого глобального удара, основанной исключительно на СНВНО, вооруженные силы США получат мощное и современное наступательное оружие, которое создаст прочный фундамент для выполнения глобальных миссий на море, на суше и в космосе. Благодаря своим отличным характеристикам такие ракетные системы смогут выполнять задачи, которые сейчас могут быть выполнены только с использованием стратегического ядерного оружия.

Вместе с тем уровень принятия решения о применении СНВНО может быть значительно снижен по сравнению с арсеналом ядерного сдерживания. Здесь также необходимо подчеркнуть тот факт, что в случае развертывания СНВНО ключевой

³ Исламистское движение, действующее в Афганистане и Пакистане. Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

фактор ядерной неопределенности и непредсказуемости никуда не денется, поскольку все заявленные Соединенными Штатами потенциальные цели для ударов в рамках быстрого глобального удара находятся в непосредственной близости от российских и китайских границ.

Поэтому запуск неядерных МБР или БРПЛ в направлении территории России или Китая может быть воспринят в качестве ракетной атаки по этим странам, резко повышая риск запуска их ракет для нанесения ответного удара. Мы считаем, что американские военные эксперты хорошо понимают невозможность определения после запуска, какой тип боеголовки установлен на МБР или БРПЛ – ядерный или неядерный.

Индекс Безопасности: Каким образом будет реагировать российская система предупреждения о ракетном нападении в случае применения СНВНО американской стороной?

Анатолий Антонов: Система предупреждения о ракетном нападении спроектирована таким образом, чтобы предоставить как можно больше времени на принятие решения военным и правительству. Принимая во внимание, что наиболее опасные в плане терроризма регионы примыкают к российской территории, любые ракетные запуски по целям в этих регионах будут обнаружены российскими средствами и восприняты, скорее всего, как враждебные. Это диктует физика и география обнаружения запуска ракет.

Принимая решение о мерах реагирования, российские военные будут исходить из предположения о том, что ракета несет ядерную боеголовку. Более того, в условиях явного дефицита времени на проведение всесторонней оценки оперативной ситуации основные меры реагирования будут выполнены в автоматическом режиме. В этой связи возникает очевидный вопрос: понимает ли кто-нибудь в полной мере катастрофический риск, который несут в себе неопознанные боеголовки?

В контексте этой проблемы остаются серьезные вопросы относительно последствий частичного переоснащения американских стратегических подводных ракетоносцев неядерными БРПЛ. Остается проблема предотвращения случайных или несанкционированных запусков БРПЛ, оснащенных ядерными боеголовками, во время боевого дежурства подводных лодок со смешанным составом ракет. Здесь возникает необходимость в многократном дублировании санкции на запуск. Однако не ясно, возможно ли это

с технической точки зрения. Неясно также, каким образом уведомлять государства, над территорией которых будут пролетать баллистические ракеты и где будут падать отработанные ступени ракеты. Все это несет чрезмерно высокий потенциал для конфликтов и напряженности в международных отношениях.

Индекс Безопасности: Существуют ли пути достижения компромисса между Россией и США по вопросу развертывания и применения СНВНО?

Анатолий Антонов: Один потенциальный вариант уменьшения озабоченности России по этому поводу заключается в рассмотрении американцами возможности размещения своих МБР в неядерном оснащении на отдельных базах, подальше от баз с ядерными ракетами. К примеру, это могла бы быть база Ванденберг или мыс Канаверал.

Само собой разумеется, что МБР в неядерном оснащении должны иметь какие-то характерные черты, чтобы отличаться от ракет в ядерном оснащении. Они также должны подпадать под режим инспекций или демонстраций. Однако такие процедуры верификации не могут дать полной гарантии того, что при определенных обстоятельствах некоторые из таких неядерных МБР не будут вновь оснащены ядерными боеголовками. Кроме того, складывается впечатление, что никакие меры прозрачности не будут достаточными в условиях ограниченного времени и отсутствия исчерпывающей информации в случае конфликта, если США примут политическое решение о нанесении удара с использованием СНВНО.

Нужно также сказать, что многие из способов уменьшить озабоченность России касательно неядерных МБР невозможно применить к БРПЛ. К примеру, неядерные БРПЛ предполагается разместить на подводных лодках, несущих ядерные ракеты. Таким образом, возможность раздельного базирования, как в случае с МБР, исключается.

Индекс Безопасности: Получается, что ситуация со стратегической стабильностью в любом случае меняется с появлением СНВНО?

Анатолий Антонов: На ситуацию со стратегической стабильностью надо смотреть шире, и, с точки зрения российской безопасности, здесь складывается довольно неприятная картина.

Реализация планов по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), ведущиеся программы научно-исследовательских и конструкторских работ по обычным силам в Европе и общий явный дисбаланс по обычным вооружениям между НАТО и Россией, двусмысленные намерения США в отношении размещения оружия в космосе, резкое ускорение развития военных информационных технологий, перспективы внедрения программы быстрого глобального удара с использованием СНВНО; дальнейшие сокращения ядерных арсеналов России и США – все это может подорвать стратегическую стабильность и сделать российский оборонный потенциал уязвимым. Такая эволюция, конечно же, не отвечает российским национальным интересам.

Ссылки Соединенных Штатов на новое качество двусторонних отношений, которое не предполагает военного конфликта между нашими странами, снять нашу озабоченность не в состоянии. Российская сторона неоднократно отмечала, что в военном деле принимать во внимание нужно реальный потенциал, а не намерения сторон, которые могут измениться со временем, в том числе в зависимости от имеющегося военного потенциала.

Американские планы по созданию СНВНО могут стать серьезным стимулом к ракетному распространению. Что, если другие обладающие ракетами страны тоже решат развивать и улучшать свои стратегические ракетные вооружения? Вы можете взглянуть на карту и увидеть, сколько стран могут разрабатывать подобные системы вооружений. К примеру, на территории бывшего СССР можно назвать Белоруссию, Украину и Казахстан. Поэтому речь идет о возможном новом опасном витке гонки вооружений, основанном на самых передовых ракетных и космических технологиях. При этом на международном уровне признанных ограничений на такое оружие не существует.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы считаем абсолютно обоснованной ту озабоченность, которая высказывается авторитетными экспертами в отношении развития и улучшения неядерных высокоточных стратегических ракетных систем, учитывая, что этот процесс идет параллельно с развитием систем противоракетной обороны. Все эти тенденции могут не просто заморозить процесс сокращения ядерного оружия, но и обратить его вспять. Сложно себе представить, как такой сценарий может отвечать интересам международного сообщества.

Разработка СНВНО может положить начало стратегической гонке вооружений по двум параллельным направлениям – ядерному и неядерному. Более того, исследования и разработки в этих двух областях могут быть взаимодополняющими. Показательно, что создаваемый в США научный и технический потенциал в области высокоточных ракетных систем для доставки неядерных боеголовок на межконтинентальные расстояния может использоваться и для разработки высокоточных ядерных боеголовок, МБР и БРПЛ.

Подводя итоги, можно утверждать, что стратегические ракетные системы в неядерном оснащении способны оказать серьезное негативное влияние на международную безопасность и подорвать стратегическую стабильность. Их использование может лишь помешать скорейшему разрешению конфликтов. Более того, такие системы могут усилить международную напряженность и увеличить вероятность применения оружия массового уничтожения с учетом риска, что Россия или Китай неправильно истолкуют цель запуска СНВНО.

Индекс Безопасности: Ведется ли в самой России работа по созданию СНВНО? И если ведется, то какие формы контроля над такими вооружениями Россия и США могли бы применять в будущем?

Анатолий Антонов: Первоначальная позиция России по данному вопросу сводилась к запрету СНВНО, но теперь, учитывая действия США, она вынуждена будет заниматься разработкой этого оружия. И пока не ясно, какого характера должно быть соглашение по этому типу ракет, однако наилучшим решением, конечно, было бы совсем запретить СНВНО.

Пока же, по условиям «нового ДСНВ» (этот подход использовался еще при заключении Договора СНВ-I), все носители считаются способными нести ядерный боезаряд, и поэтому они подпадают под оговоренные предельные уровни. Неизвестно, когда будет подписан следующий договор, но мы в любом случае будем требовать, чтобы все СНВНО подпадало под будущие предельные уровни.

Индекс Безопасности: Сможет ли СНВНО полностью заменить ядерное оружие в качестве сил сдерживания и таким образом стимулировать появление безъядерного мира? Не будет ли

в таком случае логичнее США и России делиться такими технологиями друг с другом и со своими союзниками?

Анатолий Антонов: Довольно трудно представить, чтобы США, которые сегодня владеют такой технологией, поделились ею даже со странами НАТО, не говоря уже о России. В американских списках экспортного контроля Россия стоит в одном ряду с Ираном, Северной Кореей и т.д. США совершенно не хотят делиться с другими технологиями ПРО. Идея мира, свободного от ядерного оружия, разумеется, хороша, и Россия привержена этой цели. Но для ее достижения нужно, чтобы все предприняли определенные шаги.

Если США планируют частично заменить ядерный потенциал стратегическими неядерными системами, которые могут выполнять те же задачи, что и ядерное оружие, нам довольно сложно будет думать о каких-то дальнейших сокращениях. В этой ситуации было бы неправильно вести переговоры о новом договоре в области ядерного разоружения.

Индекс Безопасности: Но не являются ли предельные уровни по количеству стратегических носителей и развернутых на них ядерных боеголовок, 800 и 1550 единиц соответственно, что прописано в новом договоре СНВ, избыточными для обеспечения безопасности России даже с учетом развития Соединенными Штатами СНВНО и ПРО?

Анатолий Антонов: На данном этапе России нужно 1550 боеголовок плюс 700 развернутых ракет. Во время следующего раунда переговоров и дискуссий с США, с другими членами ядерной пятерки мы все вместе сядем за стол, рассмотрим ситуацию, и наши военные эксперты скажут, сколько нам нужно боеголовок. Сегодня нам еще многое предстоит сделать, в первую очередь выполнить «новый ДСНВ». Однако сейчас уже невозможно предугадать, как в будущем сложится ситуация, принимаемая во внимание лишь только один параметр – ядерный баланс между США и Россией.

У нас есть и другие проблемы. К примеру, США, Германия и некоторые другие страны поднимают вопрос о нестратегическом ядерном оружии и неразвернутых боеголовках. Так что есть такая проблема. Но все проблемы нуждаются в серьезном обсуждении, по каждой проблеме надо обстоятельно работать.

Индекс Безопасности: Какие вопросы необходимо решить в первую очередь, чтобы все-таки сблизить позиции России и США и начать следующий раунд российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям?

Анатолий Антонов: Во-первых, это, конечно же, противоракетная оборона. Если взглянуть на «новый ДСНВ», то можно увидеть, сколько раз там упоминается ПРО. В преамбуле мы согласились, что нынешнее состояние систем противоракетной обороны не представляет никаких проблем для российского потенциала ядерного сдерживания. В самом тексте договора мы упоминаем, что все ракеты на базе Ванденберг, которые переоснащены для неядерных задач, находятся под строгим контролем. А в конце договора российская сторона оставила за собой право выхода из договора в случае изменений в области ПРО, которые будут сочтены подрывающими российский потенциал сдерживания. Система ПРО не должна подрывать безопасность России, ракеты-перехватчики не должны размещаться поблизости от российских МБР, американские военные корабли не должны патрулировать районы, где они будут подрывать российский потенциал сдерживания.

Во-вторых, это проблема стратегической стабильности с учетом СНВНО. В двустороннем документе, который российский и американский президенты подписали в 2009 г., четко указано, что СНВНО – это проблема, которую необходимо решить. Правда, в документе не было подробностей относительно того, каких последствий для стратегической стабильности мы ожидаем от этого типа вооружений.

В-третьих, это ситуация с ядерными арсеналами Франции и Великобритании. Конечно, некоторые мои коллеги могут сказать, что у каждой из этих двух стран всего несколько сотен боеголовок и средств доставки. Но реальность состоит в том, что у нас с ними, т.е. между странами НАТО и Российской Федерацией, недостаток доверия. Нам многое предстоит сделать, чтобы стать настоящими партнерами во многих сферах. Именно поэтому мы рассматриваем потенциал Франции и Великобритании с той точки зрения, что они члены одного альянса. Именно поэтому мы настаиваем на том, что следующий раунд переговоров должен быть многосторонним, по крайней мере, мы должны учитывать потенциал Великобритании и Франции. Также в ходе будущих переговоров нужно принимать во внимание упоминавшийся уже

огромный дисбаланс в обычных вооружениях между Россией и странами НАТО.

В-четвертых, это проблема космоса. До сих пор не ясно, рассматривают ли США возможность размещения оружия в космосе или же они решили этого не делать. И здесь речь идет о предсказуемости, а мы не знаем, что завтра Соединенные Штаты будут считать угрозой, как они себя поведут. Надо понимать, что сегодня это в немалой степени зависит от того, какая администрация сидит в Белом доме. Но если мы не знаем, что будет завтра, то не можем начинать переговоры о сокращении стратегических сил. Именно поэтому, кстати, мы и добиваемся гарантий.

Во время переговоров по новому договору СНВ я предлагал американским коллегам продолжить диалог после его подписания – со стороны России и США было ошибкой прекращать обсуждение реальных проблем. Наши делегации уважали друг друга, и для нас было важно продолжать такой диалог, независимо от того, насколько сложная проблема обсуждается. Но в то время я поддержки не получил. Я надеюсь, что в очень скором времени мы сможем вернуться за стол обсуждений. Но для начала следующего раунда переговоров предстоит провести очень большую работу.

Индекс Безопасности: *А есть ли какие-то угрозы, общие для России и США, для России и НАТО, которые играют на сближение сторон?*

Анатолий Антонов: Основная угроза для НАТО и России заключается в сочетании терроризма и оружия массового уничтожения, т.е. в том, что нашло свое отражение еще в Резолюции СБ ООН № 1540. Я абсолютно уверен, что вместе со странами НАТО, вместе с внеблоковыми странами мы должны очень многое сделать, чтобы защитить себя. Но при этом, к примеру, невозможно укрепить собственную безопасность ценой безопасности Великобритании. Иначе говоря, во всей нашей работе нужно принимать во внимание принцип неделимости безопасности.

Еще одна будущая угроза – это ситуация на территории Афганистана. НАТО рассматривает ситуацию в Афганистане с юга. А мы предложили странам НАТО взглянуть на ситуацию с севера, из Таджикистана, из Киргизии – с точки зрения наших союзников. Если мы объединим свои возможности и наши усилия, это будет в интересах безопасности всех европейских стран, а также Российской Федерации.

Глава 24

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ: ОТ ВОЕННОГО ДЕЛА К ЭКОНОМИКЕ (2014)¹

Евгений Бужинский²

В современных условиях комплексы с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) признаются одним из важнейших средств повышения боевых возможностей соединений, частей и подразделений различных видов и родов вооруженных сил. По оценкам подавляющего большинства экспертов, в будущих войнах и военных конфликтах XXI века все значимые в военном отношении страны мира будут делать ставку на применение сравнительно дешевых БПЛА.

Основанием для этих прогнозов является слишком большая цена возможных потерь пилотируемых самолетов и летного состава. Стоимость современного самолета сегодня достигает 50–60 млн долларов. На подготовку высококлассного летчика необходимо израсходовать еще десять миллионов долларов. В то же время многие задачи, возлагаемые на пилотируемую авиацию, могут с успехом выполняться разведывательными и ударными БПЛА значительно меньшей стоимости (например, стоимость американского БПЛА «Predator» составляет 4,5 млн долларов).

¹ Впервые опубликовано: Бужинский Е. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике // *Индекс Безопасности*. 2014. № 2 (109). С. 109–119. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2014-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-2-109-Том-20.pdf>

² Евгений Петрович Бужинский (род. 19 апреля 1950 г.) – председатель Совета ПИР-Центра; сопредседатель Международного клуба *Триалог*.

Роль и место беспилотной авиации в современных условиях

Сторонники пилотируемой авиации выдвигают целый ряд аргументов против ее постепенного вытеснения авиацией беспилотной:

- БПЛА не могут в полной мере использовать двустороннюю спутниковую связь: если оператор БПЛА потеряет контроль над аппаратом, это чревато последствиями, в то время как пилотируемый самолет обладает большей гибкостью применения;
- БПЛА могут быть уязвимы для воздействия средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ);
- потеря спутника на орбите может в значительной мере обесценить боевую ценность БПЛА;
- в отличие от БПЛА пилот самолета сам может реагировать на угрозы и уклоняться от них;
- БПЛА более уязвимы в зонах активного применения средств ПВО³.

Кроме того, у БПЛА отсутствуют программы, гарантирующие успешные автономные действия в любой ситуации, что наглядно проявилось в инциденте с захватом Ираном американского БПЛА RQ-170 «Sentinel»⁴ – эта проблема была осмыслена еще в начале прошлого десятилетия, однако до сих пор ее нельзя считать решенной⁵. Российский военный эксперт Муса Хамзатов отмечает: «Еще в 2003 г. сухопутные войска США провели сравнительное исследование возможностей БПЛА и перспективного армейского разведывательного вертолета RAH-66 «Команч». В ходе этих испытаний выяснилось, что БПЛА могут успешно выполнять только 67 процентов разведывательных задач на поле боя, 50 процентов задач по обеспечению охранения войск, 25 процентов задач по боевому поражению. Тогда же был сделан соответствующий вывод: БПЛА не могут полностью заменить боевые вертолеты армейской авиации, они способны только дополнить возможности последних»⁶.

³ Unmanned Aerial Warfare: Flight of the Drones // The Economist, October 8, 2011.

⁴ Три стихии беспилотников // Оборона России, 27 марта 2012 г.

⁵ Павлушенко М., Евстафьев Г., Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // *Научные Записки ПИР-Центра*, 2004. № 2 (26). 611 с. С. 446.

⁶ Хамзатов М. Мода на беспилотники над полем боя – на свои и чужие // *Независимое военное обозрение*, 2 марта 2012 г.

Еще одним недостатком (правда, не имеющим отношения к самим аппаратам) комплексов с БПЛА, с которыми столкнулись американцы, стала нехватка кадров⁷. БПЛА могло быть и больше, но для них не хватает операторов. Каждым беспилотником «Predator» управляют два оператора, которые находятся на рабочем месте в течение восьми часов. Нехватка персонала составляет около 50 процентов, т.е. над Ираком и Афганистаном действует половина аппаратов, которые могли бы там оказаться при достаточном количестве операторов.

Тем не менее, развитие и расширение применения БПЛА – процесс необратимый: разведывательная авиация уже в целом ряде стран стала полностью беспилотной. Причем диапазон аппаратов здесь потенциально очень велик: от микро- и мини-БПЛА до гиперзвуковых орбитальных, а также дозвуковых стратосферных, способных летать месяцами и даже годами. Не все идеи воплощены в жизнь, но работа над ними ведется очень активно. При этом понятно, что практически любой разведывательный БПЛА можно доработать в ударный вариант. Это относится даже к малым БПЛА. А гиперзвуковые орбитальные боевые БПЛА прекрасно вписываются в концепцию быстрого глобального удара, не являясь при этом одноразовыми (в отличие от МБР и БРПЛ)⁸. Недаром еще в 2009 г. бывший министр обороны США Роберт Гейтс отметил, что F-35, возможно, будет последним американским пилотируемым ударным самолетом⁹.

Чтобы понять место комплексов с БПЛА, необходимо понять современную модель боевых операций. Основными задачами, решаемыми сегодня комплексами с БПЛА, являются ведение оптико-электронной, радиотехнической, радиолокационной и комплексной разведки (мониторинга), доставка грузов, ретрансляция радиосвязи и ударные действия. Наиболее востребованными задачами комплексов с БПЛА являются задачи комплексной разведки, оптико-электронной разведки, ретрансляции радиосвязи, обнаружения мин, целеуказания, диагностирования трубопроводов и железнодорожных путей, которые БПЛА решают гораздо успешнее пилотируемой авиации. Кроме того, БПЛА способны

⁷ США вооружат стелсы гиперзвуковыми ракетами // Во славу Родины: Белорусская военная газета, 11 июля 2012 г.

⁸ БПЛА от MQ-9 «Ришпер» до WJ-600 знаменуют новую эру // Оружие России, 14 июня 2012 г.

⁹ Unmanned Aerial Warfare: Flight of the Drones // The Economist, October 8, 2011.

проводить подсветку целей лучом лазера для управления артиллерийскими снарядами с лазерными системами наведения, точно оценивать нанесенный ущерб, осуществлять поиск и уничтожение отдельных целей и т.д.¹⁰

Одним из несомненных и наиболее значительных преимуществ БПЛА является «то, что для своего базирования они не требуют специальных аэродромов с развитой инфраструктурой, потеря БПЛА не связана с почти неизбежной потерей пилотов, при использовании БПЛА не играет роли [...] усталость летчика»¹¹. Таким образом, основными достоинствами БПЛА по сравнению с другими летательными аппаратами можно считать исключение потерь личного состава в ходе боевых действий, что особенно важно при ведении ограниченных войн и локальных военных конфликтов, возможность достижения тех же целей при меньших затратах, более низкие демаскирующие признаки, высокая маневренность и большая живучесть.

Однако здесь неизбежно встает системное ограничение: «Широкомасштабное применение всеми сторонами БПЛА может привести к частичной или даже полной дезорганизации процессов управления воздушным пространством над районом боевых действий. Сложности межвидовой и [...] межведомственной координации полетов своих БПЛА будут многократно увеличены наличием БПЛА противника. [...] Если еще учесть и воздействие противника на системы управления БПЛА, вплоть до попыток явно или скрытно взять их под свой контроль, последствия могут быть труднопредсказуемыми»¹².

К 2010 г. количество БПЛА военного назначения должно достигнуть цифры, близкой к 400. Кроме того, БПЛА стоят на вооружении диверсионно-разведывательных формирований сил специальных операций США, которые в угрожаемый период могут забрасываться в глубокий тыл вероятного противника¹³.

В настоящее время наибольших успехов в создании комплексов с БПЛА добились США, Израиль, Франция, Германия,

¹⁰ Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) зарубежных стран. Разработка и основные модели // Современная армия, 7 апреля 2012 г.

¹¹ Там же.

¹² БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру // Оружие России, 14 июня 2012 г.

¹³ Павлушенко М., Евстафьев Г., Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // Научные Записки ПИР-Центра, 2004. № 2 (26). 611 с. С. 453.

Великобритания, Китай. Всего же сегодня 32 страны мира разрабатывают более 250 комплексов БПЛА. Таким образом, с 2003 г., когда в мире выпускались 68 типов беспилотных аппаратов, мы наблюдаем почти четырехкратный рост их номенклатуры¹⁴. В вооруженных силах ведущих зарубежных государств находится порядка 3 200 комплексов с 10 200 БПЛА тактического, оперативного и стратегического назначения. Можно прогнозировать, что это число в ближайшие десятилетия увеличится кратно.

Наиболее распространенными БПЛА тактического назначения дальностью до 25 км являются американские «Dragon Eye» и RQ-11 «Raven», израильские «Bird Eye» и «Sky Lark». Беспилотники дальностью до 100 км: американские «Scan Eagle» и MQ-8B «Fire Scout», израильский «I-VIEW». К БПЛА оперативного назначения, дальностью до 500 км, относятся американский RQ-1 «Predator» и израильские «Heron-TP», «Searcher». БПЛА стратегического назначения – американский RQ-4 «Global Hawk».

Самый массовый БПЛА в мире – RQ-1 «Predator» – способен летать на скорости 120 км/ч на высоте трех-восьми км над полем боя в течение 24 часов. При этом он способен передавать на землю четкую картинку любого участка территории, над которой находится. Эта картинка в режиме реального времени передается в полевые командные центры. При необходимости «Predator» оснащается ракетами «Hellfire» для уничтожения отдельных объектов – зданий, укреплений, автомашин, групп людей.

Невоенные беспилотные авиационные системы

Невоенные беспилотные авиационные системы развиваются в таких сферах, как дистанционное зондирование Земли, контроль коммуникаций и границ, регистрация сигналов, и кратно снижают себестоимость услуг по сравнению с традиционными авиационными и космическими системами. Прогрессу невоенных систем способствует миниатюризация и удешевление электронных компонентов бортового оборудования.

Однако на пути развития беспилотной авиации гражданского назначения существуют три препятствия. Первая проблема – техническая – состоит в том, что потенциальных заказчиков интересуют не БПЛА, пусть и с уникальными характеристиками,

¹⁴ Там же. С. 447.

а полноценные системы, которые выполняют конкретную функцию и не требуют квалифицированного обслуживания. Вторая проблема заключается в том, что большинство коммерческих заказчиков хотело бы закупать не беспилотные системы, а услуги (летные часы) у специализированных компаний. Очевидно, что и первое, и второе препятствия преодолимы по мере того, как гражданскими БПЛА начинают заниматься крупные промышленные компании, имеющие соответствующий ресурс и опыт. Третья проблема сложнее, и преодолеть ее коммерческим БПЛА пока не удастся. Речь идет о создании нормативно-правовой базы для сертификации БПЛА и их интеграции в существующую систему управления воздушным движением. Комплексно эта проблема не решена нигде в мире, несмотря на прилагаемые значительные усилия.

Сегодня существуют две альтернативные концепции интеграции БПЛА в воздушное пространство. Одна концепция предполагает распространение на беспилотные системы всех существующих норм, включая, например, обеспечение БПЛА системами опознавания и предотвращения столкновений. Другая концепция предлагает выделить для полетов БПЛА специальные зоны. Победу, скорее всего, одержит первая точка зрения, что усложнит жизнь промышленности. В любом случае для нормального развития невоенного (да и военного тоже) сектора БПЛА необходимо внесение соответствующих дополнений в Воздушный кодекс Российской Федерации и Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации.

Еще не дожидаясь создания нормативно-правовой базы, беспилотные системы уже активно закупаются структурами силового блока, помимо Министерства обороны: речь идет о ФСБ (для сил специального назначения и пограничников) и МЧС. В то же время техническая политика невоенных заказчиков имеет свои специфические особенности: как правило, они стремятся приобретать простые и дешевые в эксплуатации системы.

Подходы зарубежных государств к беспилотной авиации

Рассматривая перспективы развития беспилотной авиации, можно выделить несколько основных направлений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Наиболее

важным из них является дальнейшее совершенствование разведывательно-ударных БПЛА. Приоритетами здесь являются: создание системы надежного распознавания целей в автономном режиме полета, разработка помехозащищенной системы связи между пилотируемыми аппаратами и БПЛА, создание бортовой системы обработки полученной информации. У таких БПЛА к ведению воздушной разведки и нанесению ударов по стационарным объектам, в первую очередь, по системам противовоздушной обороны (ПВО) противника, постепенно добавляется задача поражения мобильных наземных целей¹⁵.

Уже более десяти лет американцы успешно применяют на Ближнем и Среднем Востоке БПЛА «Predator», на счету которых сотни уничтоженных боевиков. Правда, дальность полета и боевая нагрузка этого аппарата ограничены, поэтому он наиболее эффективен для решения антитеррористических задач. Гораздо большими возможностями обладает поступающий в настоящее время на вооружение беспилотник MQ-9 «Reaper». Самым же перспективным на сегодняшний день представляется палубный БПЛА X-47B, который создан с применением технологий стелс и по своим тактико-техническим характеристикам немногим уступает боевым самолетам.

У этого БПЛА есть ряд важных особенностей. Во-первых, он способен функционировать в полностью автономном режиме: за счет компьютерной системы БПЛА самостоятельно корректирует курс и выстраивает новые траектории полета, оператору остается только задать объект для поражения, машина сама проложит к нему путь, используя спутниковую навигацию. Во-вторых, палубный характер операций. В-третьих, БПЛА имеет малый уровень радиолокационной заметности по аналогии с палубным вариантом истребителя пятого поколения F-35C, что позволяет ему действовать в хорошо защищенном средствами ПВО воздушном пространстве.

Работы над этим проектом начались в мае 2010 г., когда командование военно-морских сил США возобновило работы по созданию малозаметного разведывательно-ударного комплекса, способного «к концу 2018 г. действовать совместно с пилотируемыми палубными самолетами в составе корабельной авиационной

¹⁵ Блинков Ю. Перспективы развития беспилотной авиации в ведущих странах НАТО // Зарубежное военное обозрение, 2012. № 12. С. 54–58.

группы авианосца. В мае 2013 г. начались его летные испытания. Предполагаемый разведывательно-ударный авиационный комплекс (РУАК) в составе четырех-шести БПЛА должен автономно действовать с авианосцев типа «Нимитц» и «Джеральд Форд», находиться в воздухе без дозаправки 11–14 часов, а также иметь возможность пополнять запасы топлива от самолетов-заправщиков»¹⁶. Кроме того, в США разрабатывается ударный одноразовый микро-БПЛА T-RAM, который будет нести одну 40-мм гранату.

Реализация программы ударных БПЛА в США приводит также к обострению конкуренции американских и европейских компаний¹⁷. Для последних это особенно важно, поскольку боевые беспилотные комплексы «могут оказаться хорошим заменителем боевой авиации, которой у европейцев становится все меньше, а потери самолетов и летчиков становятся все более неприемлемыми»¹⁸. Для противопартизанских и небольших классических войн беспилотники могут оказаться наиболее подходящим вариантом, а самостоятельное ведение Европой широкомасштабной войны практически исключено. Европейским аналогом БПЛА «Predator» должен стать немецкий тактический ударный БПЛА «Barracuda».

Над своим вариантом боевого БПЛА работают и французы. Так, 1 декабря 2012 г. на французском испытательном полигоне был проведен первый полет демонстратора европейского ударного БПЛА «nEUROn»¹⁹, который позиционируется как основной перспективный европейский ударный БПЛА и является примерным аналогом американского X-47В. Правда, есть сомнения, что из-за своей сложности и дороговизны проект будет реализован. В дополнение к этой программе «компания Дассо Авиасьон совместно с британской БАЕ «Системз» исследует возможность создания перспективного англо-французского боевого БПЛА, а также средневысотного беспилотника большой продолжительности полета»²⁰.

¹⁶ Новичков Н. Малозаметный палубный БПЛА: Успехи программ ударных беспилотных аппаратов США и Европы // Военно-промышленный курьер, 19 декабря 2012 г. № 50 (467).

¹⁷ Демонстратор европейского ударного БПЛА представят в Ле Бурже // Военно-промышленный курьер, 18 июня 2013 г.

¹⁸ БПЛА от MQ-9 «Ришпер» до WJ-600 знаменуют новую эру // Оружие России, 14 июня 2012 г.

¹⁹ Новичков Н. Малозаметный палубный БПЛА: Успехи программ ударных беспилотных аппаратов США и Европы // Военно-промышленный курьер, 19 декабря 2012 г. № 50 (467).

²⁰ Там же.

Китай сегодня также стремительно догоняет Европу, США и Израиль в создании беспилотной авиации. Для КНР беспилотники служат еще и потенциальной компенсацией отставания в области ударной авиации. Так, БПЛА WJ-600 предназначен для ведения разведки, РЭБ и нанесения ударов по наземным целям и несет не менее двух ракет воздух-поверхность.

Другим боевым беспилотником, немного меньших размеров, является БПЛА «Илонг» («Птеродактиль»). Судя по внешнему виду, он является точной копией американского БПЛА «Predator». Еще у Народно-освободительной армии Китая имеется небольшой боевой БПЛА СН-3 с боевой нагрузкой в 640 кг. В 2005 г. на авиационной выставке в Чжухае китайцы демонстрировали БПЛА «Аньцзянь», который был представлен как сверхзвуковой беспилотный истребитель. А в 2009 г. Китай презентовал стратегический аппарат, подобный американскому БПЛА «Global Hawk»²¹. Также имеется информация о создании в КНР аналога американского БПЛА RQ-170 «Sentinel», являющегося крайне сложной и дорогой малосерийной машиной, а также ударного БПЛА «Лицзянь», похожего на американский X-47В.

Необходимо отметить, что в Китае прекрасно понимают необходимость интеграции разведывательных БПЛА с боевыми системами. Например, в комплект самой дальнейбойной в мире реактивной системы залпового огня WS-2 входят беспилотники, непосредственно обеспечивающие подразделения этой системы разведанными. Имеются сведения о том, что китайские танки будут оснащены собственными беспилотниками. Принципиальным прорывом в развитии БПЛА стало создание беспилотного истребителя, что в значительной степени девальвировало бы аналогичные машины пятого поколения.

Перспективные направления беспилотной авиации

Первым перспективным направлением развития беспилотных летательных аппаратов является создание высотного БПЛА большой продолжительности полета, который будет иметь возмож-

²¹ БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру // Оружие России, 14 июня 2012 г.

ность непрерывного патрулирования более суток. И в принципе, применение БПЛА на высотах свыше 12–15 км имеет ряд преимуществ:

- большая дальность прямой видимости, в пределах которой могут функционировать разведывательная аппаратура и средства связи;
- отсутствие инверсионного следа, что дополнительно снижает заметность аппарата;
- меньшая вероятность летных происшествий, поскольку боевые задания выполняются над зонами плохой погоды, а также маршрутами полетов других летательных аппаратов;
- меньшая уязвимость для средств ПВО²².

Наиболее активно работы по данному направлению ведутся в США. В частности, ведутся разработки многоцелевого БПЛА нового поколения MQ-X, который должен прийти на смену боевым комплексам MQ-1 «Predator» и MQ-9 «Reaper».

Вторым из новых направлений являются аппараты-истребители других БПЛА. С учетом того, что в настоящее время многие страны мира разрабатывают собственные беспилотные системы, США еще в середине 2000-х гг. в рамках проекта «Peregrine UAV Killer» занялись созданием оружия противодействия беспилотникам. Предполагается, что это будет небольшой, дешевый в производстве летательный аппарат, обладающий повышенной прочностью.

Третье перспективное направление – сверхмалые летающие роботы, которые практически неуязвимы во время полета, поскольку на высоте несколько сотен метров уничтожить маленький самолет почти невозможно.

Самый маленький из существующих беспилотных самолетов 72-сантиметровый американский WASP, который весит в разных модификациях от 430 до 1300 г и запускается вручную. Этот аппарат оснащен двумя миниатюрными видеокамерами, которые собирают информацию и передают ее оператору в режиме реального времени. Аппаратом управляет бортовой компьютер, который ориентируется при помощи системы GPS. Он управляется электромотором, который получает энергию

²² Блинков Ю. Перспективы развития беспилотной авиации в ведущих странах НАТО // Зарубежное военное обозрение, 2012. № 12. С. 54–58.

от аккумуляторов, подзаряжающихся во время полета от солнечных батарей²³.

Кроме США, над подобными проектами активно работают израильтяне. На вооружении армии обороны Израиля состоит БПЛА «Skylark», который также запускается с руки. Несмотря на свои небольшие размеры, этот БПЛА способен следить за территорией размером в 10 кв. км, находясь в воздухе в пределах полутора часов. Электронная аппаратура способна с высоты в несколько сотен метров разглядеть отдельных людей на земле и передать картинку на монитор оператора²⁴. Российские разработчики также занимаются данной проблемой.

Четвертым направлением является создание беспилотного вертолета. Свой проект есть у корпорации «Боинг», которая занялась переделкой существующего вертолета АН-6J «Little Bird» в беспилотный вариант. Другой аналогичный проект по переделке пилотируемой машины в робокотер – УН-1 «Huey», который будет оснащен перспективной ракетной системой «Advanced Precision Kill Weapon System». В России холдинг «Вертолеты России» в рамках государственного оборонного заказа ведет разработку нескольких БПЛА вертолетного типа различного радиуса действия.

Возможности и свойства беспилотных систем в отдаленной перспективе неясны, однако на этом пути сегодня нет фундаментальных физических барьеров. Поэтому широкое освоение всех вышеперечисленных технологий – вопрос времени.

Так, пределом миниатюризации БПЛА является нанометровый диапазон. Известно, что эффективность оружия быстрее растет при увеличении точности, чем при наращивании мощности. Соответственно, если довести точность размещенного на БПЛА вооружения до сантиметров, можно отказаться от больших зарядов взрывчатого вещества и значительную часть целей поражать за счет кинетической энергии боеприпаса или вывести их из строя воздействием на плохо защищенные критические точки.

²³ См., например: Пентагон заказал мини-беспилотник нового типа // Lenta.Ru, 22 августа 2008 г.; AeroVironment представила новый малый беспилотник для ВВС США // Lenta.Ru, 23 мая 2012 г.

²⁴ Шенк В. «Жаворонок» в разведке: Армия Израиля приняла на вооружение сразу несколько типов беспилотников // Военно-промышленный курьер, 22 августа 2007 г. № 32 (198).

Также наблюдается устойчивый прогресс в разработке систем искусственного интеллекта, распознавания образов, процессоров нового типа²⁵ и создания обучающих систем. А в последние годы весьма активно отрабатывается теория и практика сетевых сверхсистем военного назначения, позволяющих решить задачу создания распределенного интеллекта.

Таким образом, рано или поздно реальным противником для систем ПВО станут ударные, отлично вооруженные и живучие группировки БПЛА²⁶. Благодаря коллективному, распределенному интеллекту они будут действовать как единое целое, анализировать ситуацию группировка будет не хуже человека, да к тому же быстрее. Кроме того, в контур управления смогут включаться люди, что внесет в управление боевыми действиями элемент творчества и непредсказуемости²⁷.

При этом, очевидно, что развитие беспилотных комплексов будет идти по пути оптимизации критерия «стоимость-эффективность», следствием чего станет постепенный отказ от завышенных требований к БПЛА, с точки зрения как длительности их непрерывного пребывания в воздухе, так и носимой ими полезной нагрузки.

Беспилотная авиация в России

Россия в последние годы уделяет значительное внимание развитию беспилотной тематики, поскольку за 20 лет страна утратила мировое лидерство в этой сфере. В 1976–1989 гг. было выпущено 950 реактивных БПЛА Ту-143, что до сих пор остается мировым рекордом²⁸, а потом произошел резкий спад.

Тем не менее, промышленность сохранила потенциал развития, а выделяемые по линии государственного оборонного

²⁵ *Евграфов В.* Перспективы использования зарубежными вооруженными силами беспилотных летательных аппаратов для решения задач РЭБ // *Зарубежное военное обозрение*, 2009. № 10. С. 53–58.

²⁶ *Скотников А.П., Якубов В.И., Шиховцев С.В.* Роль и место беспилотных комплексов в системе вооружения Российской армии // *Военная мысль*, 2007. № 4. С. 68.

²⁷ *Сокут С.* Небо будущей войны: Воздушное пространство над полями сражений будет принадлежать роботам // *Воздушно-космическая оборона*, 2005. № 5 (24).

²⁸ Попечина российскому производителю // *Росбалт*, 25 июня 2009 г.

заказа финансовые средства и гражданские заказчики способны в ближайшие годы генерировать достаточный платежеспособный спрос. Кроме того, сегодня создана организационно-планирующая и нормативная база в области развития комплексов с БПЛА, в частности разработана Межведомственная концепция создания перспективных комплексов с БПЛА до 2025 г.

Потребности российских вооруженных можно оценить в 2000 комплексов с БПЛА большой (свыше 500 км), средней (до 500 км), малой (до 100 км) дальности и ближнего действия (до 25 км). Для удовлетворения этих потребностей необходимо выделение финансовых средств до 2025 г. в размере более 300 млрд рублей.

В настоящее время российскими вооруженными силами эксплуатируются БПЛА ближнего радиуса действия «Стрекоза» и «Груша», а также аппараты малой дальности – «Тигчак», «Орлан-10», «Элерон-10» и «Строй-ПД». Эти системы полностью отвечают требованиям, предъявляемым к БПЛА данных классов, и не уступают лучшим зарубежным образцам.

Основные трудности, с которыми сталкиваются отечественные разработчики и производители комплексов с БПЛА, связаны с отсутствием отдельных комплектующих элементов собственного производства. Речь идет о малогабаритных оптико-электронных разведывательных датчиках, электронной компонентной базе с высокими техническими и эксплуатационными характеристиками, автономных и емких источниках питания, авиационных поршневых двигателях мощностью до 100–200 л.с. Оптимальными путями решения проблемы отсутствия комплектующих элементов являются разработка и принятие соответствующих федеральных целевых программ.

Сравнительно недавно наметилась тенденция закупки для нужд российских вооруженных сил комплексов БПЛА иностранного производства, однако после смены в ноябре 2012 г. руководства Министерства обороны разговоры о необходимости массовой закупки БПЛА иностранного производства пошли на убыль, а создание отечественных беспилотных комплексов выделено в качестве приоритета. К тому же иностранные БПЛА, созданные для действий в определенных климатических условиях, иногда крайне затруднительно использовать в полном объеме в российских условиях.

Немаловажен и тот факт, что иностранные производители ограничивают бортовое оборудование только оптическими

системами наблюдения и не спешат продавать России современные бортовые радиолокационные станции, комплексы радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы, устанавливаемые на БПЛА военного назначения. Соответственно БПЛА, оборудованные только оптическими средствами разведки, смогут принести в умеренных широтах с высокой облачностью и частыми осадками значительно меньше пользы, чем, например, в зоне Персидского залива²⁹.

Потребность вооруженных сил России в ударных комплексах с БПЛА на период до 2025 г. можно оценить в несколько десятков единиц. В 2011 г. ОАО «Концерн радиостроения ВEGA», являющийся головным российским предприятием по беспилотной тематике, продемонстрировал натурный образец разведывательно-ударного БПЛА среднего радиуса действия, разработанного входящим в состав концерна «КБ Луч». Более того, учитывая, что главным в создании беспилотных комплексов является не создание роботизированного носителя, а обработка полученной информации и доведение ее до потребителя, сегодня значительное внимание уделяется подготовке специалистов-операторов, способных эффективно решать данные задачи.

В том же 2011 г. Министерство обороны РФ подписало контракт с казанским ОКБ «Сокол» и петербургским ЗАО «Транзас» на разработку и производство разведывательно-ударных российских БПЛА, первые испытания которых запланированы на 2014 г. Помимо этого к разработке перспективного тяжелого ударного БПЛА привлечена компания «Сухой», а НПК «Иркут» (обе компании входят в Объединенную авиастроительную корпорацию) продолжает опытно-конструкторские работы, которые планируется завершить в 2015 г., по одному из перспективных образцов БПЛА.

Приоритеты России в области БПЛА

В целом, оценивая перспективы развития российской беспилотной авиации, можно с уверенностью сказать, что основные усилия в приоритетном порядке будут направлены на ликвидацию отставания отечественных образцов от лучших зарубежных аналогов. Отечественные разработки БПЛА выглядят весьма

²⁹ Хамзатов М. Мода на беспилотники над полем боя – на свои и чужие // Независимое военное обозрение, 2 марта 2012 г.

скромно по сравнению с количеством и типом разрабатываемых и применяемых за рубежом БПЛА, кругом решаемых ими задач, возможностями и летно-техническими характеристиками. Одна из основных причин сложившегося положения – пресловутые «финансовые трудности». Немаловажную роль играют и вечные бюрократические проволочки. Вопросы создания конкурентоспособных отечественных комплексов БПЛА уже пора, вероятно, выносить на уровень решения Совета Безопасности РФ³⁰.

В целях привлечения дополнительных, в основном внебюджетных, финансовых ресурсов также стоит задача по расширению номенклатуры БПЛА гражданского назначения. Конечно, в данном случае речь идет не о специальной разработке сугубо гражданских комплексов, а о гибкой политике оперативного внедрения военных технологий в область создания беспилотных комплексов гражданского назначения.

³⁰ Павлушенко М., Евстафьев Г., Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // *Научные Записки ПИР-Центра*, 2004. № 2 (26). 611 с. С. 557–558.

Глава 25

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА (2014)¹

Екатерина Степанова²

В первой половине 2010-х гг. основными поводами для очередного обострения международного интереса к терроризму и противодействию терроризму были три сюжета: Афганистан, Ирак/Сирия и активность доморощенных исламистско-джихадистских ячеек разного типа и степени локализации (в контексте от Бостонского марафона в США до сочинской Олимпиады в России).

Лишь последний из этих трех сюжетов довольно быстро отошел на второй план. Это был всплеск международного интереса к (анти)террористической тематике в преддверии зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г. Еще почти за год до зимней Олимпиады взрывы на Бостонском марафоне в апреле 2013 г. – четвертый по общему числу жертв теракт в истории США – в очередной раз подчеркнули актуальность террористической угрозы для развитого мира, в том числе со стороны доморощенных мини-ячеек джихадистского типа, сохраняющуюся и спустя более десяти лет после терактов 11 сентября 2001 г. Серия терактов, предпринятая в канун Олимпиады на российской территории в конце 2013 – начале 2014 г., включая три теракта в Волгограде, показала высокий уровень угрозы национальной и международной безопасности, которую могут представлять ячейки относительно локализованных сетевых движений исламистско-сепаратистского типа. Однако в данном контексте эта угроза была успешно

¹ Впервые опубликовано: Степанова Е. Основные тенденции в области современного терроризма. Часть 1 // *Индекс Безопасности*. 2014. № 3 (110). См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2014-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№3-110-Том-20.pdf>; Степанова Е. Основные тенденции в области современного терроризма. Часть 2 // *Индекс Безопасности*. 2014. № 4 (111). См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2014-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№4-111-Том-20.pdf>

² Екатерина Андреевна Степанова (род. 10 сентября 1973 г.) – член Совета ПИР-Центра, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, член редакционной коллегии журнала ПИР-Центра *Индекс Безопасности* (2007–2016).

нейтрализована – высокая степень безопасности и антитеррористической защиты, обеспеченная Россией на сочинских зимних играх, сделала их одними из наиболее безопасных в истории олимпиад. Этого, к сожалению, нельзя сказать ни о других типах и очагах террористических угроз, ни об общемировой динамике терроризма, интенсивность которого не только не снижается, но и продолжает нарастать.

В главе рассматриваются основные тенденции в области террористической активности в начале XXI века на базе существующей статистики. Из них особого внимания заслуживает основное направление транснационализации современного терроризма – его регионализация. Эта тенденция наблюдается во многих контекстах, но, пожалуй, она нигде не проявила себя так явно, как в контексте текущего кризиса внутри и вокруг Ирака и как на примере трансграничного феномена «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)³.

Актуальность террористических угроз

Резкое обострение внутривнутриполитического кризиса на Украине весной 2014 г. в результате неконституционной смены власти и разгоревшаяся к лету гражданская война на юго-востоке этой страны спровоцировали рост напряженности в отношениях России и Запада, беспрецедентный со времен окончания холодной войны. Эти проблемы на время заслонили собой другие угрозы безопасности, в том числе террористические, по крайней мере в контексте Европа-Северная Евразия. Если терроризм – это, строго говоря, намеренное применение насилия против гражданского населения и некомбатантов со стороны негосударственного игрока ради достижения политических целей путем асимметричного давления на государство и общество, то при всей остроте внутреннего кризиса и вооруженного противостояния на Украине террористические методы в украинском контексте пока практически не применялись⁴.

³ Здесь и далее: Террористическая организация, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

⁴ Отдельные инциденты в контексте украинского кризиса могут на поверку оказаться терактами или угрозами террористического типа (например, угрозы подрыва газо- и нефтепроводов как способ давления на государство(а) или взя-

В 2014 г. доминирующими формами политического насилия на Украине оставались:

- боестолкновения между комбатантами (новороссийскими ополченцами и формированиями украинской армии, национальной гвардии и других военизированных группировок);
- причинение комбатантами так называемого побочного ущерба (теоретически ненамеренного) мирному населению в ходе и в виде прямого результата военных действий между ними;
- репрессивно-карательное насилие со стороны государственных и негосударственных вооруженных игроков против гражданского населения и объектов (например, одесский погром 2 мая 2014 г. и неизбирательные бомбардировки городских районов как способа сознательного коллективного наказания нелояльного киевским властям населения Донецкой и Луганской республик).

Хотя ситуация вокруг Украины и вооруженный конфликт на юго-востоке этой страны – главный сегодня кризис в области европейской безопасности – (пока) в основном не связан с угрозами террористического типа, в глобальном масштабе терроризм не только продолжает оставаться серьезной угрозой, но и демонстрирует тенденцию к дальнейшему росту.

Никакие текущие кризисы в сфере европейской безопасности не отменяют одного простого факта: 2013 г. стал годом пика террористической активности в мире не только за весь прошедший период с начала XXI века, но и за весь период, по которому вообще доступна статистика по терроризму (с 1970 г.). Предыдущие рекорды по числу терактов пришлось на два предшествующих года – 2011 и 2012 гг., а 2012 г. еще и лидирует по числу погибших в терактах. Террористическая активность в мире находится на своем историческом пике и продолжает расти. При этом ее центр приходится на Ближний и Средний Восток и прежде всего

тие людей в заложники ради политических целей). Даже, например, покушение на жизнь харьковского мэра Г. Кернеса в апреле 2014 г. можно будет считать терактом только в том случае, если: а) оно не является чисто криминальным актом (покушением на убийство), преследующим преимущественно материально-экономические цели, и б) к нему непричастны части государственного аппарата (в противном случае этот инцидент должен квалифицироваться как внесудебная расправа со стороны представителей государственного силового аппарата с политическим противником).

на зоны трех крупных вооруженных конфликтов: в Афганистане, Ираке (и все больше в Сирии), а также на Пакистан (особенно на районы, прилегающие к Афганистану).

В Афганистане в преддверии окончательного вывода большей части сил США и НАТО, назначенного на конец 2014 г., на международную повестку дня вновь вышла проблема возможной дестабилизации и эскалации вооруженного насилия, в том числе в форме терроризма, внутри и вокруг этой страны. Несмотря на то что по мере вывода войск США и НАТО конфликт в Афганистане постепенно менял форму, превращаясь из борьбы вооруженной исламистской оппозиции прежде всего с иностранными силами в противостояние между повстанцами и афганскими правительственными силами, одной из основных форм этого противостояния оставался терроризм против гражданского населения. Кроме того, поспешный вывод западных сил из Афганистана в отсутствие не только стабильности, безопасности и мирного процесса, но и функциональной государственной власти и устойчивого политического процесса усилили обеспокоенность всех стран региона и прилегающих к нему государств относительно возможных трансграничных вылетов вооруженных столкновений, терроризма, экстремизма и нестабильности с территории Афганистана.

Главным лидером по всем основным показателям террористической активности в начале XXI века оставался Ирак – в основном в контексте вооруженного сопротивления американской военной интервенции 2003 г. и последующей оккупации страны силами США и их союзников, а также подконтрольному им иракскому правительству (так, в 2002–2011 гг. только на Ирак пришлось более трети всех погибших в терактах в мире)⁵.

Однако к середине 2010-х гг. ведущим импульсом терроризма в регионе стала активизация радикально-исламистских группировок уже в новом, расширенном ирако-сирийском контексте и прежде всего движения ИГИЛ. В условиях нового витка вооруженного конфликта в Ираке уже после вывода американских сил и развернувшейся в соседней Сирии полномасштабной гражданской войны трансграничный феномен ИГИЛ стал даже более ярким примером регионализации повстанческо-террористиче-

⁵ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 12.

ского движения, претендующего на квазигосударственные функции, чем трансграничная активность вооруженных исламистов во главе с талибами⁶ в афгано-пакистанском контексте.

Вопросы методологии

Одним из основных достижений в области исследования терроризма в начале XXI века стало прояснение его научного определения – в рамках так называемого согласованного академического определения терроризма, сформулированного в 2011 г. А. Шмидом на основе систематических консультаций с несколькими сотнями ведущих мировых специалистов в этой области⁷. Это среднеарифметическое определение пока не стало частью международного права (и не оформлено соответствующей конвенцией ООН), но получает все большее распространение в научных и экспертных кругах и стратегических документах ряда международных организаций и используется в методологии крупнейшей академической базы данных по терроризму – *Global Terrorism Database (GTD)*. Не противоречит этой дефиниции и определение терроризма, разработанное автором в 2007–2008 гг.⁸

Все наиболее авторитетные исследователи – и определения – терроризма делают особый упор на его политической природе как тактики для достижения политических целей. Главная специфика терроризма – сочетание его асимметричной природы с коммуникативной функцией, т.е. использование мягких мишеней (гражданского населения и некомбатантов) как жертв, главное назначение которых – генерирование более широкого политического резонанса. Этот резонанс террористы сознательно используют как инструмент, рычаг для дестабилизации политической обстановки, запугивания общества, а главное – для оказания виртуального давления на государство.

⁶ Исламистское движение, действующее в Афганистане и Пакистане. Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

⁷ *The Routledge Handbook of Terrorism Research* / Ed. by Alex P. Schmid. London; N.Y.: Routledge, 2011. P. 86–87.

⁸ *Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 11–14; *Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения*, 2010. № 7. С. 23–32.

Теракт действительно успешен в том случае, когда его основное измерение – дестабилизирующее воздействие общественно-политического резонанса – значительно превосходит нанесенный им физический ущерб. При этом степень и характер дестабилизационного влияния теракта (серии терактов) на политику зависят не только от масштаба и типа самого теракта, но и прежде всего от того конкретного политического контекста, в котором он применяется. Терроризм не абстрактен, а предельно конкретен: адекватно определить конечный политический эффект теракта невозможно в отрыве от его конкретного контекста, опираясь только на физические, измеряемые показатели.

Гибель всего нескольких человек в результате теракта в мирной столице какого-нибудь западного государства (Лондоне, Мадриде, Париже) может иметь неизмеримо больший политический эффект, чем, например, гибель 100–200 и более человек в теракте в столице одной из азиатских или африканских стран, погруженных в пучину вооруженных конфликтов (Багдаде, Кабуле, Могадишо или Бамако). Один-два теракта в мегаполисе или крупном транспортном узле (Бомбее, Стамбуле, Пекине, Москве, Волгограде и т.п.) могут оказать несравнимо большее влияние на политический климат, чем месяцы систематической террористической активности на дальней периферии той же страны. В Европе сотни терактов со стороны, например, корсиканских сепаратистов не вызвали и малой доли того общественно-политического резонанса, который имели редкие, буквально единичные теракты исламистского типа с относительно массовыми (по европейским меркам) жертвами.

Те статистические данные, которые сегодня имеются в распоряжении исследователя, в основном касаются измеряемых количественных параметров (числа терактов, жертв, активных террористических группировок) и не передают тех контекстных политических условий, которые в значительной мере определяют конечный – и наиболее важный – политический эффект терроризма. Поэтому при работе со статистикой важно не забывать, что количественные параметры дают лишь часть общей картины и не обязательно прямо пропорциональны политическому эффекту теракта в конкретном политическом контексте.

Однако лишь анализ статистических данных позволяет говорить о глобальных тенденциях, опираясь не на субъективные ощущения или спекулятивные оценки, а на научно-методологи-

ческую основу. Кроме того, современные методы позволяют оценить хотя бы прямой кумулятивный эффект терроризма. Наконец, в условиях все большей информационно-коммуникационной плотности и взаимозависимости в современном мире, резкий рост количественных параметров терроризма, особенно внутри одного и того же региона или в рамках одного политического контекста, как правило, сопровождается и ростом их политического резонанса.

Подъем терроризма в начале XXI века

Среди основных тенденций современного терроризма наибольшее значение имели следующие:

- общий подъем террористической активности в мире, особенно резко – в последние несколько лет;
- рост смертоносности от терроризма;
- крайне неравномерное распределение террористической активности по странам и регионам мира: концентрация большей части террористической активности в мире в двух регионах, которые лидируют с большим отрывом от остальных, и всего в двух-трех зонах наиболее интенсивных и широко интернационализированных конфликтов;
- выход на первый план мотиваций, целей и идеологий религиозного и националистического толка при сохраняющемся уровне терроризма иных мотивационно-идеологических типов (правого, левого и т.д.) (рост терроризма смешанных идеологически-мотивационных типов, особенно религиозно-националистического);
- доминирование организаций радикально-исламистского толка среди наиболее опасных террористических группировок;
- абсолютное доминирование терроризма в качестве тактики в вооруженных локально-региональных конфликтах как над терроризмом мирного времени (в отсутствие вооруженного конфликта), так и над терроризмом, ставящим глобальные, универсалистские цели;
- транснационализация терроризма на разных уровнях мировой политики и размывание грани между внутриполитическим и международным терроризмом;

- противонаправленные, но взаимосвязанные тенденции транснационализации и фрагментации современного терроризма;
- распространение сетевых и различных гибридных структур в организационных системах террористических организаций;
- растущая связь терроризма с теневой экономикой и переход многих террористических группировок на самофинансирование;
- развитие тактических приемов, средств и методов технического, финансового, а главное – информационно-коммуникационного обеспечения терроризма.

Остановимся подробнее на некоторых этих тенденциях на базе существующей статистики.

Согласно материалам GTD, уровень террористической активности в мире с начала XXI века значительно вырос по всем параметрам и показателям. Наиболее значительный рост демонстрирует число терактов – более чем в 6,3 раз, с 1880 терактов в 2001 г. до 11 952 терактов в 2013 г., последнем, по которому на момент выхода статьи была доступна статистика по терроризму. Особенно тревожно то, что по числу терактов лидируют именно три первых года текущего десятилетия, причем динамика развивается по нарастающей. Если в 2011 г. было зарегистрировано 5007 терактов, в 2012 г. – 8480, а в 2013 г. – уже почти 12 тысяч терактов, что составляет абсолютный рекорд не только с начала XXI века, но и за весь исторический период (с 1970 г.), по которому имеется статистика по терроризму.

Возросла и смертоносность терактов, причем по числу убитых здесь также лидируют два последних года. Даже если следовать узкому определению терроризма, учитывая лишь подтвержденные жертвы только среди гражданского населения и некомбатантов, получится, что в 2012 г. в терактах погибли более 11 тысяч человек, а на предыдущем пике – в 2007 г. – более пяти тысяч (в основном благодаря резкому подъему террористической активности в Ираке)⁹.

⁹ Testimony by W. Braniff, Executive Director, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, before the United States House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. Washington, DC: United States House of Representatives, February 4, 2014. P. 2.

Ту же тенденцию демонстрирует и так называемый Глобальный индекс терроризма (*Global Terrorism Index, GTI*), который интегрирует сразу четыре количественных параметра (число терактов, число погибших и раненых в терактах и уровень материального ущерба). За первое десятилетие, для которого выведен этот индекс – 2002–2011 гг., т.е. за первые десять лет после терактов 11 сентября 2001 г., террористическая активность в мире возросла на 234 процента¹⁰.

С одной стороны, лишь немногие государства мира свободны от терроризма: из 158 стран, по которым вычисляется Глобальный индекс терроризма, в 2002–2011 гг. лишь в 31 стране вообще не было терактов¹¹. С другой стороны, распределение террористической активности – и ее роста – по регионам мира носит очень неравномерный характер.

В 2000–2013 гг. среди регионов мира абсолютными лидерами по совокупности всех показателей терроризма были Ближний Восток, включая арабскую Северную Африку, и Южная Азия, включая Афганистан и Пакистан (в данном случае к периоду начала XXI века уместно присоединить 2000 г., чтобы показать ситуацию до терактов 11 сентября 2001 г.). По числу терактов первая пятерка регионов мира наряду с первым эшеленом – Южной Азией и Ближним Востоком, включает следующих с большим – почти четырехкратным – отрывом Юго-Восточную Азию и Африку южнее Сахары (второй эшелон), за которыми с отрывом следует Западная Европа (вместе со следующими за ней с небольшим отрывом постсоветским пространством и Латинской Америкой она формирует третий эшелон). Картина смертоносности терроризма почти такая же, только без Западной Европы (место которой в первой пятерке занимает постсоветское пространство), а два абсолютных лидера меняются местами, хотя и близки по общему числу жертв (на первом месте по числу убитых в терактах – Ближний Восток, в основном благодаря ситуации в Ираке, а на втором – Южная Азия). На этом фоне, например, Северная Америка, даже несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., в целом демонстрирует один из самых низких уровней террористической активности в мире (причем как после, так и до терактов 11 сентября). В современной же Европе,

¹⁰ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 23.

¹¹ Ibid. P. 6.

несмотря на достаточно большое число терактов, они редко смертоносны (например, в 2012 г. на территории стран – членов ЕС от рук террористов погибло всего 17 человек – по сравнению с 11 тысяч убитых в терактах во всем мире в том же году)¹².

Тенденция к непропорциональному сосредоточению большей части террористической активности лишь в нескольких регионах мира еще более очевидна применительно к странам. Так, в 2001 г. 87 процентов всех терактов пришлось всего на десять стран – тех же, что лидировали и по совокупности показателей террористической активности за весь период 2002–2011 гг.¹³

При этом более половины всех терактов и жертв в них в начале XXI века пришлось всего на три страны – на первую тройку стран, наиболее затронутых терроризмом: на Ирак, Афганистан и Пакистан. Собственно, первый в новом веке статистически значимый подъем террористической активности начался не с терактов 11 сентября 2001 г., а с 2004–2005 гг., почти исключительно благодаря вооруженному конфликту в Ираке, ставшему реакцией на интервенцию во главе с США 2003 г. По мере эскалации вооруженного сопротивления иностранным силам и поддерживаемому им афганскому правительству резко возросшая там террористическая активность сделала Афганистан вторым центром террористической активности в мире. К началу 2010-х гг. на тот же уровень вышел соседний Пакистан (по числу терактов даже обогнав Афганистан), в том числе благодаря росту террористической активности в трансграничном афгано-пакистанском контексте. В итоге, по данным GTD, в 2012 г. на эти три страны (Ирак, Афганистан и Пакистан) приходилось 54 процента всех терактов в мире и 58 процентов всех убитых в терактах. Очевидно, что в рассматриваемый период терроризм сильнее всего вырос именно в тех странах, которые стали центральными мишенями войны с терроризмом во главе с США, причем не до, а после того, как они стали объектами иностранных интервенций. Как в Ираке, так и в Афганистане развернулись наиболее интенсивные и наиболее широко интернационализированные конфликты начала XXI века, и в обоих случаях динамику роста террористической активности запустило вооруженное сопротивление западному

¹² EU-TESAT 2013: EU Terrorism Situation and Trend Report. The Hague: European Police Office (Europol), 2013. P. 9.

¹³ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 12.

военному присутствию и слабым марионеточным правительствам в мусульманских странах.

В целом Ирак и Афганистан оказали более сильное влияние на динамику глобального терроризма, чем вооруженные конфликты во всех остальных государствах из первой двадцатки стран с наивысшим уровнем террористической активности (за 2002–2011 гг.). Конфликты в остальных 18 странах относятся к двум типам контекстов. В первом случае это транснационализованные конфликты на территории ослабленных и нефункциональных государств, часто в условиях объявленного (Сомали) или необъявленного (Йемен, Пакистан) иностранного военного вмешательства, но без прямых западных интервенций. Вторая, преобладающая категория – это неинтернационализованные конфликты, часто смешанного исламистско-сепаратистского толка, в периферийных районах таких дееспособных государств, включая крупные региональные державы, как Индия, Таиланд, Нигерия, Россия, Филиппины, Турция и т.д.

На этом фоне особого внимания заслуживает Сирия, где терроризм все активнее применяется в контексте относительно недавней (с 2011 г.), но крайне интенсивной и уже сильно транснационализованной гражданской войны. То, под какую из перечисленных выше двух категорий подпадет Сирия, по мере включения в базы данных статистики по конфликтам, разразившимся уже в 2010-е гг., в значительной мере зависит от того, насколько сирийское государство сможет сохранить свою дееспособность. Не исключен, хотя пока и маловероятен, и третий, наихудший, сценарий, при котором в случае полномасштабной западной интервенции Сирия имеет шанс выйти на уровень Ирака и Афганистана как главных очагов террористической активности в мире (в 2014 г. она уже опередила их по уровню конфликтности в Глобальном индексе мира)¹⁴.

Хотя эта глава не посвящена специально России, было бы странно не сказать пару слов о ее месте в общемировом контексте. В основном благодаря терроризму исламистско-сепаратистского типа в северокавказском контексте, Россия вошла в десятку стран, наиболее подверженных терроризму за предыдущее десятилетие, заняв в ней предпоследнее, девятое, место. Это един-

¹⁴ Global Peace Index 2014: Measuring Peace and Assessing Country Risk. Sydney, N.Y., Oxford: Institute for Economics and Peace, 2014. P. 6, 15.

ственная европейская страна и единственная страна с высоким средним уровнем дохода в первой десятке¹⁵ (где доминируют страны с низким средним уровнем дохода, хотя есть и несколько бедных стран). Самый крупный теракт в России за этот период – захват заложников в Беслане в 2004 г. – стал третьим по масштабу терактом в мире за десятилетие после 11 сентября 2001 г.¹⁶

С другой стороны, за последние десять лет положение России по уровню террористической активности по сравнению с другими странами мира стало лучше, чем за последние 20 лет. Сам факт, что Россия по этому показателю теперь сместилась на уровень между Таиландом и Филиппинами (где, кстати, доминирует терроризм того же исламистско-сепаратистского типа в контексте периферийных конфликтов), говорит об определенной стабилизации российской ситуации и является результатом дальнейшей фрагментации вооруженно-террористической активности в северокавказском контексте. Хотя угрозы этого типа сохраняются (что показали, например, теракты в Волгограде в конце 2013 г.), всплеск террористической активности в преддверии Олимпийских игр в Сочи не помешал государству эффективно обеспечить полную безопасность проведения зимней Олимпиады и вряд ли развернет постепенный нисходящий тренд по числу террористических инцидентов (наметившийся после 2010 г.).

В целом российский случай твердо относится к наиболее распространенному типу в рамках первой двадцатки стран, подверженных террористическим угрозам, это достаточно стандартный сюжет, особенно по меркам евроазиатского/азиатского регионов, где почти в каждой второй стране в контексте периферийного конфликта боевики исламистского-сепаратистского типа применяют террористические методы против дееспособного государства, которое так или иначе справляется с этой угрозой своими силами и способно обеспечить ее более или менее эффективное сдерживание. Важно подчеркнуть, что, хотя терроризм как тактика периферийных конфликтов на территории дееспособных государств, безусловно, угрожает национальной и региональной безопасности, не он определяет главное лицо современного терроризма, не он представляет собой основной террористический

¹⁵ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 7.

¹⁶ Ibid. P. 14.

вызов глобальной безопасности и не на него сегодня приходится центр тяжести террористической активности в мире.

В целом состав первой двадчатки стран с наиболее высоким уровнем террористической активности хорошо иллюстрирует тот факт, что в последние десятилетия терроризм в основном применяется в контексте вооруженных конфликтов. Тот факт, что терроризм может проявляться и в странах, на территории которых нет конфликтов (например, атаки доморощенных джихадистских мини-ячеек в западных странах, корсиканских сепаратистов во Франции и т.д.), а некоторые типы терактов (например, со стороны лево- или праворадикальных акторов или экстремистов, действующих в защиту окружающей страны) вообще чаще осуществляются в условиях мирного времени, не меняет общей картины. Она состоит в том, что львиная доля террористической активности в мире либо осуществляется непосредственно в конфликтных зонах, либо, даже за пределами таких зон, напрямую связана с повесткой дня того или иного конфликта. Работа со всеми основными базами данных и индексами в этой области показывает высокую корреляцию между терроризмом и уровнем интенсивности вооруженного конфликта.

Однако то, что терроризм в основном применяется как тактика в локальных или региональных вооруженных конфликтах, отнюдь не означает, что он равномерно используется во всех конфликтах. Если бы это было так, то было бы непонятно, почему основные тенденции в общемировой динамике конфликтов и терроризма могут не совпадать. Например, если число конфликтов в начале XXI века было стабильно ниже, чем в последние десятилетия XX века, то терроризм, напротив, за последнее десятилетие испытал период самого резкого роста за всю историю. Объяснение кроется не столько в числе, сколько в характере вооруженных конфликтов и состоит в отмеченном нами феномене – непропорционально высокой роли в генерировании современного терроризма всего лишь нескольких, но зато самых крупных и интенсивных вооруженных конфликтов. При этом все эти конфликты служат ареной либо масштабной интернационализации, включая прямое иностранное вмешательство (Афганистан и Ирак), либо широкой транснационализации (Пакистан).

Наконец, в мотивационно-идеологическом плане существует расхожее мнение об абсолютном доминировании по всем показателям терроризма религиозно-экстремистского толка (как тактики

группировок, в идеологии которых преобладает религиозно-экстремистская составляющая). Это мнение верно лишь отчасти. Так, большинство терактов в XXI веке пока в совокупности совершено группировками иных типов (как светской политической ориентации левого, правого, националистического толка, так и, например, радикально-националистической ориентации умеренно-конфессионального толка). Однако, хотя религиозный терроризм и не доминирует по числу терактов, он значительно превосходит все иные мотивационно-идеологические типы по смертоносности.

При этом наибольшее число жертв влечет за собой именно терроризм радикально-исламистского толка. В 2013 г. семь наиболее смертоносных группировок в мире были радикально-исламистскими¹⁷: «Талибан» в Афганистане, ИГИЛ (Ирак и Сирия), «Техрик-э-Талибан» (Пакистан), «Боко Харам» (Нигерия), «Лашкар-э-Джангви» (Пакистан), «Джабхат ан-Нусра» (Сирия), «аш-Шабаб» (Сомали). В 2012 г. только на эти семь группировок пришлась почти половина (около пяти тысяч) всех убитых в терактах в мире. Отметим, что все эти группировки наряду с применением террористических методов являлись активными участниками военных действий (и сторонами – комбатантами – в вооруженных локально-региональных конфликтах). Кроме того, все они служат примерами трансграничного характера и регионализации радикально-исламистской повстанческо-террористической активности. В отличие от этих группировок, например, «Аль-Каида»¹⁸ как таковая в 2012–2013 гг. не совершила ни одного теракта¹⁹.

Движение глобального джихада: сетевая фрагментация

В условиях глобализации терроризм на разных уровнях мировой политики – от локального до глобального – отличается скорее степенью транснационализации, чем ее наличием или отсутствием.

¹⁷ Здесь и далее: Террористические организации, запрещенные в России. – *Прим. ред.*

¹⁸ Здесь и далее: Террористическая организация, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

¹⁹ Testimony by W. Braniff, Executive Director, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, before the United States House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. P. 3.

Подчеркнем, транснационализация терроризма носит не столько количественный, сколько качественный характер. Несмотря на то что из нескольких тысяч террористических группировок, отслеживаемых GTD, лишь небольшая часть, например, атакует гражданские цели на территории другой страны (стран), размывается сама грань между внутривнутриполитическим и транснациональным терроризмом. Даже действующие на локальном уровне группировки транснационализируют те или иные аспекты своей активности (финансово-техническое, информационно-пропагандистское обеспечение, подготовку и т.п.). Более того, террористические ячейки определенной мотивационно-идеологической ориентации могут адресовать свои действия именно миру в целом и действовать во имя абсолютно транснациональных и даже глобальных целей, даже не выезжая из своей страны и в основном пользуясь местными ресурсами. Иными словами, сегодня актуальнее говорить о разном уровне и степени транснационализации терроризма, который определяется прежде всего масштабом конечных целей группировки – локальным, локально-региональным или глобальным²⁰.

На терроризме глобальной направленности следует остановиться особо, так как в отличие от более традиционных типов и контекстов террористической активности это сравнительно недавнее явление. О нем как о феномене с уверенностью можно говорить лишь начиная с рубежа XX–XXI веков – в основном в связи с «Аль-Каидой» и тем сетевым движением глобального джихада, импульс которому она задала. Такой терроризм не привязан и не ограничен каким-то одним или даже несколькими локально-национально-региональными контекстами – он применяется во имя подчеркнуто универсалистских целей, которые носят экзистенциальный и поистине глобальный характер (построение всемирного халифата или, как в случае с «Аум Синрикё», приближение глобального апокалипсиса) и, в принципе, не могут служить предметом переговоров. Это терроризм не просто транснационального, а наднационально-экстерриториального характера.

Несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., за полтора десятилетия, прошедшие с начала XXI века, терроризм этого типа в целом

²⁰ Terrorism: Patterns of Internationalization / Ed. by J. Saikia and E. Stepanova. New Delhi, London, Singapore: Sage, 2009.

не только не лидировал по основным измеряемым показателям, но и сильно уступал по ним таким более традиционным видам, как терроризм националистического или смешанного религиозно-националистического толка, как тактика в конкретных вооруженных конфликтах на локально-региональном уровне. Несмотря на это, феномен «Аль-Каиды» и связанный с ней терроризм сумел привлечь к себе несравнимо, непропорционально большее внимание на уровне мировой политики и международных СМИ и создать впечатление, что он доминирует в современном дискурсе по терроризму.

Этот парадокс объясняется тем, что главный эффект терроризма – не столько в масштабе его физических параметров, сколько в его способности оказывать непропорционально большое влияние на политику. В этом смысле терроризм глобальной направленности «аль-каидовского» типа – самый асимметричный из всех: для того, чтобы обеспечить глобальный информационно-политический резонанс, ему необязательно физически присутствовать повсеместно. «Аль-Каиде», несмотря на небольшое число убежденных вооруженных адептов и инцидентов после 2001 г., удалось добиться поистине глобального резонанса и политического эффекта прежде всего с помощью небольшого числа четко рассчитанных терактов с массовыми жертвами, в основном в условиях мирного времени, только усиливающих демонстративный эффект, либо в странах Запада (в Нью-Йорке, Мадриде или Лондоне), либо против мишеней, тесно ассоциирующихся с западным миром (например, теракты на острове Бали в 2002 г.), во имя подчеркнуто глобальных целей. Они продиктованы идеологией глобального джихада, которая является главным ресурсом этого движения и в начале XXI века стала главной антисистемной протестной идеологией на глобальном уровне. Она не просто ставит под вопрос существующий мировой порядок в целом, но и выдвигает целостную, хотя и совершенно утопическую альтернативу такого порядка (что, например, не по силам движению антиглобалистов).

Однако в середине второго десятилетия XXI века, после массивной антитеррористической кампании против «Аль-Каиды» и уничтожения большей части первого поколения ее лидеров, включая Усаму бен Ладена (убитого в ходе запоздалой спецоперации США), уместно задаться вопросом: как так случилось, что терроризм глобально-джихадистского типа продолжает считаться

серьезной и до сих пор чуть ли не главной террористической угрозой международной безопасности, когда, например, в 2011 г. из более пяти тысяч терактов в мире «Аль-Каида» была напрямую ответственна лишь за одно похищение²¹, а в 2012 г. и первой половине 2013 г. вообще не совершила ни одного теракта и даже не вошла в первую двадцатку наиболее активных и смертоносных террористических организаций?²² Ответ на этот вопрос более сложен и кроется в динамичной структурно-организационной трансформации транснационального движения глобального джихада за последнее десятилетие и в его адаптации к изменившимся условиям²³. Существуют два основных подхода к эволюции движения глобального джихада в последние годы.

Хотя оба подхода подразумевают определенную степень фрагментации «Аль-Каиды», первый подход рассматривает этот процесс в основном как достаточно четко структурированное деление на несколько крупных, хорошо организованных и напрямую подотчетных центральной «Аль-Каиде» региональных филиалов (т.е. на регионализацию по принципу сверху вниз). Согласно этому подходу, который с конца 2000-х гг. преобладает в экспертно-политическом дискурсе в США и на Западе, движение глобального джихада подразделяется на три уровня. Во-первых, определенные функции стратегического командования и контроля сохраняются за центральной «Аль-Каидой», базирующейся в Пакистане и Афганистане (т.е. тому, что осталось от ее исторического ядра). Во-вторых, утверждается, что главный центр тяжести «Аль-Каиды» переместился на уровень региональных филиалов с относительно четкой организационной структурой, базирующихся в ряде мусульманских регионов (среди них обычно называют «Аль-Каиду» на Аравийском полуострове, «Аль-Каиду» в странах Исламского Магриба, а также «Аль-Каиды» в Ираке, Восточной Африке и Юго-Восточной Азии). Третий уровень движения

²¹ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 6.

²² Testimony by W. Braniff, Executive Director, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, before the United States House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. P. 3.

²³ Подробнее см.: Степанова Е.А. Транснациональный терроризм спустя 10 лет после терактов 11 сентября: подъем, спад или трансформация? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, 2011. № 3. С. 4–34.

формируют идеологические последователи «Аль-Каиды» – ячейки и отдельные лица, в основном на Западе, которые «знакомы с [этой] организацией только посредством ее идеологии, во имя которой они осуществляют акты насилия»²⁴. Однако рост числа и активности таких ячеек чаще всего интерпретируется как свидетельство организационной деградации «Аль-Каиды», которая подается как результат контртеррористического давления со стороны США и их союзников.

Второй подход, сторонником которого является автор данной главы, делает упор на полноценной сетевой фрагментации движения глобального джихада. Этот подход отрицает, что на современном этапе историческое ядро «Аль-Каиды» реально продолжает осуществлять какие-либо функции стратегического командования, и отводит ей и ее оставшимся лидерам, в частности Айман аз-Завахири, роль, скорее, идеологических символов и вдохновителей. Этот подход, в принципе, не отвергает возможность существования региональных филиалов «Аль-Каиды» в мусульманских регионах мира (ближе всего роль такого филиала подходит «Аль-Каиде» на Аравийском полуострове, сохранившей прямую генетическую связь с первоначальной «Аль-Каидой», в меньшей степени – «Аль-Каиде» в странах Исламского Магриба, т.е. в Северной Африке). Однако этот подход опровергает картину движения глобального джихада как иерархически интегрированного по принципу сверху вниз интернационала, четко подразделенного на крупные региональные филиалы. Большинство так называемых региональных филиалов «Аль-Каиды» (за твердым исключением лишь «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове) – это вооруженные группировки, которые имеют глубокие местные корни и главные приоритеты которых неразрывно связаны с конкретным контекстом соответствующего региона и локально-региональных конфликтов. Если они и выходят на региональный уровень, то, скорее, по принципу снизу вверх, чем по команде сверху вниз от какого-то вышестоящего центра, а заявления некоторых таких групп о приверженности идеям «Аль-Каиды» и даже клятвы верности носят, скорее, декларативный характер.

²⁴ National Strategy for Counterterrorism. Washington D. C.: The White House, 2011. P. 19.

В рамках этого второго подхода, в качестве наиболее активных адептов идеологии именно глобального джихада и наиболее динамичного направления развития его организационных форм сегодня, скорее, выступают как раз более мелкие, сетевые ячейки, активные в нескольких десятках стран мира и продвигающие подчеркнуто универсалистскую, глобальную повестку. Такую сетевую фрагментацию лучше всего суммирует теория джихада отдельных ячеек Абу Мусаба ас-Сури (на Западе оно более известно как «безлидерный» джихад)²⁵. В отличие от группировок, действующих в контексте конкретных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Азии или Африке, ячейки этого типа в полном смысле слова экстерриториальны по своим взглядам и целям, и большинство из них возникает именно на Западе, а не в мусульманских странах. Эти мини-ячейки формируются разными путями, процесс их радикализации может иметь различные формы, и они, как правило, не связаны друг с другом формальными связями. Однако они разделяют идеологию глобального джихада, в совокупности составляют гибкое и устойчивое транснациональное сетевое движение и отчетливо воспринимают себя как части этого движения.

Недавний подъем террористической активности со стороны террористов-одиночек или автономных ячеек джихадистского типа, причем прежде всего на Западе, служит наглядной иллюстрацией такой сетевой фрагментации движения глобального джихада. Этот процесс развивается в двух формах, грань между которыми очень тонка и ее не всегда можно провести: в форме так называемого «безлидерного» сопротивления или в виде терроризма со стороны одиноких волков, т.е. террористов-одиночек.

Безлидерное сопротивление – это сетевая стратегия и организационная форма, которая сознательно берется на вооружение, часто под давлением внешних обстоятельств, сетевыми структурами, состоящими из ячеек и отдельных лиц, чтобы усилить асимметричные преимущества сети по отношению к ее иерархически организованным оппонентам (например, государствам). Хотя сегодня вооруженное безлидерное сопротивление чаще всего ассоциируется с глобальным джихадом, сама концепция была впервые сформулирована правыми экстремистами еще

²⁵ *Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.*

в конце 1980-х гг. и впоследствии активно применялась на практике, в частности радикальными защитниками окружающей среды, особенно Фронтом освобождения Земли (*Earth Liberation Front*, или *ELF*).

Сетевая фрагментация не предполагает централизованного рекрутирования новобранцев в четко сложившуюся организационную структуру, а вдохновляет своих сторонников на то, чтобы они во имя общих целей движения сами формировали собственные ячейки на местах, которые вообще могут быть не связаны между собой. Идея организовать террористическую ячейку апеллирует к жажде славы и индивидуальному чувству справедливости молодых людей не меньше, чем к их политическим взглядам и идеологическим воззрениям. Эти характеристики описывают безлидерную сеть Фронта освобождения Земли, но в равной степени они применимы к сетевому уровню микроячеек глобального джихада. Этот уровень развивается под влиянием идеологии центральной, или исторической «Аль-Каиды», но он не связан с ней организационно; такие микроячейки могут иметь контакты, например с йеменско-аравийским региональным филиалом, а могут их и вовсе не иметь.

Если безлидерное сопротивление – это именно сетевая стратегия, то террористы-одиночки, или так называемые одинокие волки, действуют вообще вне каких-либо организационных рамок, т.е. независимо от какой-либо группировки или сети. В последнее время на Западе наблюдается некоторый рост числа атак со стороны джихадистов-одиночек. Хотя в 2000-е гг. постепенный рост числа таких терактов больше затронул страны Западной Европы (террористы-одиночки были ответственны за 14 процентов всех атак, спланированных и осуществленных джихадистами в Западной Европе в 1995–2012 гг.)²⁶, с 2009 г. число планировавшихся и осуществленных терактов этого типа возросло и в США (пока самый смертоносный из них – теракт, осуществленный майором Нидалем Хасаном в Форт-Худ в 2009 г.). Несмотря на недавний рост числа инцидентов со стороны террористов-одиночек, доминирующий тип джихадистского терроризма на Западе – это террористическая активность автономных мини-ячеек, поддерживающих определенные связи с более широкой сетью, т.е. явля-

²⁶ Nesser P. Single actor terrorism: scope, characteristics and explanations // *Perspectives on Terrorism*, 2012. Vol. 6. No. 6. P. 65-66.

ющихся хотя и автономными, но сетевыми агентами (например, Лидская ячейка, ответственная за взрывы 2005 г. в Лондоне). Не всегда можно четко определить, насколько такая автономная ячейка действовала в координации с более широкой сетью (как, например, в случае с Файзалом Шахзадом, припарковавшим машину со взрывчаткой на Таймс-сквер в Нью-Йорке (2010), или с бостонской ячейкой братьев Царнаевых)²⁷.

При всей своей маргинальности сетевое движение фрагментированных, но постоянно возникающих вновь ячеек глобального джихада представляет серьезную террористическую угрозу международной безопасности, особенно внутри и для самих западных стран. Однако в целом это менее серьезный вызов, чем те угрозы, которые несет в себе процесс регионализации (выхода с более локального на полноценный региональный уровень) радикально-исламистских группировок в зонах реальных, наиболее интенсивных вооруженных конфликтов, как правило, трансграничных и происходящих в условиях развала или ослабления государственной власти.

Регионализация вооруженных радикально-исламистских движений на примере ИГИЛ

Подъем ИГИЛ в ирако-сирийском контексте произошел на фоне общего доминирования ряда организаций радикально-исламистского типа на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее смертоносных вооруженно-террористических группировок в мире, а также спорадических всплесков джихадистского терроризма на Западе. Для феномена ИГИЛ (а до него – для радикально-исламистского фланга вооруженной оппозиции в Сирии) также характерен более активный, чем обычно для конфликтных зон в мусульманском мире, приток иностранных джихадистов как с Ближнего и Среднего Востока, так и из других регионов мира, в том числе из западных стран. Все это многообразие транснационального терроризма радикально-исламистского типа, разные

²⁷ Подробнее см.: *Stepanova E. Lone wolves and network agents in leaderless jihad: the case of the Boston Marathon bombing cell // Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders. Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63.*

типы и уровни которого отчасти накладываются один на другой, усиливает путаницу в его трактовке и стремление свалить все в одну кучу и стимулирует политический запрос на упрощенные схемы и объяснения. Так, в политико-медийных кругах на Западе и в других регионах мира основным вектором транснационализации современного радикально-исламистского терроризма нередко все еще считается регионализация «Аль-Каиды» по принципу сверху вниз – ее трансформация в несколько крупных и четко структурированных прямых региональных ответвлений.

Эволюция транснационального терроризма исламистского толка вбирает в себя несколько взаимосвязанных, но параллельных и лишь отчасти пересекающихся процессов, причем основными из них на сегодняшний день являются следующие два:

- сетевая фрагментация движения глобального джихада, в том числе и прежде всего в самих странах Запада;
- регионализация вооруженного исламизма по принципу снизу вверх, а не сверху вниз, в мировых центрах вооруженно-террористической активности в широко интернационализированных конфликтных зонах, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке.

Хотя феномен движения ИГИЛ, имеет десятилетнюю предысторию, летом 2014 г. движение совершило свой самый масштабный рывок и перешло в новое качество. Основные силы ИГИЛ перебазировались из Сирии, куда они ранее передислоцировались из Ирака, еще к началу 2014 г., сумев взять под свой контроль оплот иракских суннитов – город Фаллуджу – в январе 2014 г., а позднее – и провинциальную столицу г. Рамади. Однако главный прорыв пришелся на лето, когда буквально за считанные недели ИГИЛ удалось взять под свой контроль значительную часть Северо-Западного и Северного Ирака. Правительственные силы не смогли сдержать натиск ИГИЛ, которому удалось захватить значительные арсеналы вооружения иракской армии. Стремительное продвижение ИГИЛ вглубь страны сопровождалось многочисленными жертвами как среди комбатантов, так и среди мирного населения (по оценкам ООН, только в июне 2014 г. в ходе вооруженного насилия в Ираке погибло более 2400 человек)²⁸. Уже 9 июня оппозиционными силами во главе с ИГИЛ был захвачен г. Мосул, а 29 июня группировка официально объявила о соз-

²⁸ Crisis Update: Iraq // International Crisis Group. Brussels, July 1, 2014.

дании исламского халифата на подконтрольных ей территориях и провозгласила себя «Исламским государством» (несмотря на этот очередной вариант в бесконечной череде переименований, в статье сохранено название ИГИЛ).

ИГИЛ не только взаимодействует с другими, в том числе неисламистскими, группировками иракской вооруженной оппозиции (и фактически возглавляет их неформальную коалицию), но и продолжает свою вооруженную активность на территории соседней Сирии. В распоряжении ИГИЛ также имеются весьма значительные финансовые ресурсы, гарантирующие его устойчивое самофинансирование (от контрабанды нефти, других видов трансграничной торговли, изъятий финансовых средств и собственности, сбора исламских налогов на подконтрольных территориях и т.д.). Хотя оценки нефтяных и иных доходов ИГИЛ разнятся²⁹, они, судя по всему, превосходят доходы, например, афганских талибов от сборов с производства и торговли наркотиками³⁰.

Хотя полной неожиданностью масштабное наступление ИГИЛ 2014 г. могло стать только для неспециалистов, в медийно-политических и околоэкспертных кругах оно породило массу спекуляций относительно как самого феномена ИГИЛ, так и сценариев развития событий внутри и вокруг Ирака (в ирако-сирийском и более широком региональном контексте). Так, феномен ИГИЛ нередко сводят к прямой руке «Аль-Каиды» и инстинктивному проявлению всемирного джихадизма без границ и конкретных интересов и даже без особых причин, кроме общей пассионарности вооруженно-исламистского интернационала и его адептов – боевиков-наемников, беспечно слоняющихся по миру от одной конфликтной зоны к другой. В оценке возможных путей дальнейшего развития событий доминируют сценарии от крайне пессимистических (полномасштабная война всех против всех, захват Багдада радикальными исламистами и т.д.) до радикально пессимистических, включая полный распад Ирака (и Сирии)

²⁹ Expert Views on Where ISIS Came From and Where It Is Headed. Summary of 16th Strategic Planning and Analysis Seminar «Civil War in Syria: Challenges and Consequences for the Region and Beyond» // Geneva Centre for Security Policy (GCSP), July 17, 2014.

³⁰ 140–170 млн долларов в год. См., например: Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы: Доклад Российско-американской рабочей группы по афганскому наркотрафику. Нью-Йорк, М., 2014. С. 40.

и создание отдельного государства – Исламский эмират – на прилегающих друг к другу частях иракской и сирийской территории.

В этой связи отметим, что, во-первых, ни нынешний виток иракского кризиса, ни сам феномен ИГИЛ, конечно, не сводятся лишь к проявлениям пассионарного джихадизма и вообще к религиозно-сектарному фактору. При всей важности радикально-исламистской составляющей в активности и подъеме ИГИЛ нынешний кризис стал результатом целого ряда взаимосвязанных факторов. Среди них – тяжелые последствия иностранной интервенции в Ираке, развал, слабая функциональность, низкая легитимность и непредставительный характер государственной власти, маргинализация целых общин и районов (особенно суннитов в Ираке), развязывание и эскалация вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии, обострение и стимулирование различными политическими силами как вне, так и внутри государственной власти (и как изнутри, так и извне региона) этнических, сектарных и межобщинных противоречий, влияние трансграничных факторов, противоречия между региональными державами, социально-экономические трудности и экономический оппортунизм, прежде всего в сфере теневой экономики, и т.д.

Новое обострение ситуации в Ираке в 2014 г. могло показаться апокалиптическим лишь тем, кто всерьез воспринял создававшуюся правительством США и многими западными СМИ иллюзию умиротворенного Ирака и постепенного налаживания стабильности и функциональной государственной власти в этой стране. Такая картина была необходима администрации Барака Обамы для политико-пропагандистского обеспечения одного из его главных внешнеполитических обещаний – вывода американских войск из Ирака. Однако ее несоответствие действительности было очевидно для любого серьезного наблюдателя задолго до кризиса 2014 г.

Показательно, что насколько сильно военно-политическое руководство США пыталось приукрасить ситуацию в Ираке после вывода американских сил, настолько же летом-осенью 2014 г. оно акцентировало угрозу со стороны ИГИЛ интересам и безопасности США³¹. Официальным ответом на эту угрозу стали ограниченные американские авиаудары по позициям ИГИЛ в Ираке,

³¹ ISIS "Worse Than Al Qaeda," Says Top State Department Official // The Daily Beast. July 24, 2014; Gertz B. DIA Chief: Al Qaeda Ideology Rapidly Expanding // FreeBeacon.com, July 29, 2014.

начавшиеся 8 августа 2014 г. Решение США нанести авиаудары по позициям боевиков, увеличить военную помощь правительственным силам и оказать Ираку гуманитарную помощь также должно было способствовать решению таких задач, как улучшение имиджа администрации Барака Обамы в преддверии промежуточных выборов в Конгресс осенью 2014 г. на фоне череды внешнеполитических провалов путем демонстрации решимости и долговременной стратегии по Ираку (а также, например, могло отчасти способствовать налаживанию отношений с Ираном). Однако ситуацию в самом Ираке ограниченные авиаудары со стороны коалиции во главе с США при участии их западных и арабских союзников вряд ли кардинально улучшат – даже вкупе с растущей военной и финансовой помощью противостоящим ИГИЛ местным силам (курдским отрядам в Ираке и Сирии, силам иракского правительства и других шиитских формирований). ИГИЛ уже в значительной мере удалось адаптироваться к авиаударам со стороны коалиции за счет передислокации в города и другие населенные пункты, сокращения числа масштабных конвоев и других крупных мишеней и т.д.

Несмотря на демонстративное убийство боевиками ИГИЛ нескольких западных заложников, наиболее тяжелые последствия обострившего в 2014 г. иракского кризиса и трансграничного феномена ИГИЛ наряду с Ираком и Сирией как основными странами его базирования затрагивают прежде всего ближневосточный регион. В этом смысле две характерных черты ИГИЛ делают его особенно опасным даже на фоне других транснациональных радикально-исламистских движений в этом и в других регионах.

Это, во-первых, не ограниченно, а совершенно трансграничный характер ИГИЛ (в условиях полномасштабных гражданских войн как в Ираке, так и в Сирии), а также его явные амбиции и уже определенный опыт в области «государственного строительства» по системе халифат. В подконтрольных районах ИГИЛ удалось жесткими методами наладить базовый «исламский порядок», снизить уровень преступности, стимулировать экономическую активность населения и привлечь часть его на свою сторону, обеспечить сбор налогов и т.п.

Во-вторых, в плане вооруженного потенциала ИГИЛ выделяется даже на фоне семи-восьми других наиболее опасных исламистских группировок в разных регионах мира, успешно

сочетающих боевой потенциал с террористической деятельностью (от талибов в афганском и пакистанском контекстах до «аш-Шабаб» в Сомали). ИГИЛ представляет собой полноценный синтез структуры армейского типа и террористической организации. Этот гибрид во многом сложился в результате того, что движение объединило в своем составе:

- бывших баасистов, особенно из числа профессиональных офицеров вооруженных сил и спецслужб при Саддаме Хусейне, составляющих военно-командное ядро движения и до трети всех заместителей его лидера Абу Бакра аль-Багдади);
- значительную часть суннитской исламистской оппозиции в Ираке и часть наиболее радикальных исламистов в Сирии;
- приток иностранных джихадистов, склонных к использованию наиболее жестких и экстремальных тактик и форм насилия.

В ходе наступлений 2014 г. в Ираке ИГИЛ активно вело прямые военные операции и боевые действия против правительственных сил и других не лояльных радикальным исламистам формирований и группировок. Одновременно значительный опыт ИГИЛ в применении террористических методов (асимметричного насилия, ставящего под удар гражданское население и объекты, но направленного главным образом против государственной власти) наложился на сектарную мотивацию и межобщинную месть, что способствовало росту прямого карательно-репрессивного насилия со стороны ИГИЛ, в том числе в форме массовых экзекуций. Это придало гуманитарной ситуации в регионе особо тяжелый характер и повысило степень угрозы гражданскому населению, включая как шиитов, так и особенно несуннитские меньшинства (иракских христиан, курдов-езидов и т.д.).

Тем не менее, крайние апокалиптические сценарии в региональном масштабе пока преждевременны. Во-первых, есть объективные пределы установлению контроля ИГИЛ в различных частях Ирака – это горные курдские районы (особенно по мере того, как США и их союзники нарастят прямую военную и гуманитарную помощь курдам), а также населенные шиитами районы, где сильны позиции группировок, поддерживаемых Ираном. По мере продвижения ИГИЛ вглубь Ирака и перехода от захвата к контролю территории и управлению населением в нелояльных несуннитских районах это радикально-исламистское движение

начнет буксовать. К тому же могут назреть противоречия внутри оппозиционной коалиции – особенно между более светскими силами (бывшими баасистами) и радикальными исламистами. В Сирии ИГИЛ уже испортило отношения с другими группировками на радикально-джихадистском фланге, включая крупнейшую из них («Джабхат ан-Нусра»), вплоть до вооруженных столкновений, что стало одним из импульсов к перебазированию основных сил ИГИЛ на рубеже 2013–2014 гг. обратно в Ирак.

Во-вторых, на уровне региональной конфликтности бытует тенденция сводить все и вся к универсальному противостоянию двух консолидированных осей – суннитской (монархии Персидского залива, сирийские и иракские повстанцы и т.п.) и шиитской (Иран, правительство Ирака и иракские шииты, правительство Сирии и сирийские алавиты, ливанское движение «Хезболла»). Нередко эта двухосевая схема подается как главная движущая сила и гарантия грядущего переустройства всей государственно-политической системы региона по исключительно сектарным (конфессиональным) линиям. Хотя религиозно-конфессиональная близость оказывает существенное влияние на политику и взаимодействие соответствующих режимов и группировок, заикленность на некоей четкой структуре суннито-шиитского противостояния в регионе крайне упрощает ситуацию. Такой подход ведет к автоматической (и неверной) интерпретации религиозной близости как религиозно-политического единства и достаточного условия для перекройки государственно-политической карты региона и в целом утрирует роль сектарного единства в ущерб всем остальным факторам, игнорируя серьезные различия в конкретных национальных, политических, социокультурных и даже внутриконфессиональных контекстах (так, секта алавитов – это довольно условные шииты даже в чисто религиозном смысле).

Например, даже в соседних Ираке и Сирии вооруженные оппозиционные движения суннитов не только крайне внутренне разнородны, но и сильно различаются между собой по происхождению, составу, принадлежности к конфессиональному большинству или меньшинству, опыту участия в государственной власти, основному первоначальному импульсу к переходу к вооруженному насилию (интервенция США и иностранная оккупация в первом случае и противостояние центральной власти и алавитскому меньшинству на исходе и под влиянием «араб-

ской весны» во втором). Важно подчеркнуть, что большинство антиправительственных вооруженных суннитских группировок в Сирии с 2011 г. (например, Армия моджахедов или Сирийский исламский фронт) и значительная часть таких группировок в Ираке с 2004 г. ставят перед собой цели именно на национальном уровне, нацеленные на смену и перераспределение власти и захват территории внутри собственных стран, а отнюдь не на их распад. В отличие от них, движения, которые как раз ставят над- и транснациональные цели в регионе и нацелены на распад существующих государств и создание новых – такие, как ИГИЛ или курдские повстанцы, во-первых, остаются, скорее, исключением, а не правилом, а во-вторых, вообще не обязательно носят религиозно-конфессиональный характер (как в случае с этнополитическими движениями курдских сепаратистов).

То же справедливо и в отношении примеров военно-политического взаимодействия между различными государственными и негосударственными акторами шиитского толка в регионе (в частности, поддержки Ираном тех или иных иракских шиитских сил и группировок, сотрудничества между правительством Сирии и руководством Ирака после вывода основных американских сил, но до нынешнего обострения иракского кризиса или, например, участия формирований ливанской «Хезболлы» в сирийском конфликте на стороне алавитского режима при поддержке и посредничестве Ирана). Однако даже такое тесное сотрудничество не носит автоматического, постоянного характера гарантированных обязательств, оно основано прежде всего на (меняющихся) политических интересах и нередко диктуется сугубо прагматичными или даже оппортунистическими соображениями. При необходимости и наличии соответствующих государственно-политических интересов такое сотрудничество с легкостью пересекает конфессиональные барьеры и выходит за рамки любых осей, как, например, существенная поддержка шиитским Ираном суннитского палестинского движения ХАМАС.

Предварительные уроки

Предварительные уроки нового витка иракского кризиса (и феномена ИГИЛ в расширенном ирако-сирийском ареале) напрямую связаны с его основными причинами и условиями. Внезапные

военные успехи ИГИЛ в Ираке летом 2014 г. на самом деле стали результатом длительного процесса взаимодействия таких факторов, как:

- накопившееся за годы пребывания у власти марионеточного проамериканского шиитского правительства аль-Малики острое недовольство различных сил и группировок иракских суннитов ухудшением их положения, растущей политической и социально-экономической маргинализацией и репрессиями со стороны властей;
- слабая функциональность и низкая легитимность оставленного США Ираку в наследство непопулярного и все более авторитарного иракского режима, который стал все активнее спекулировать на конфессионально-сектарных различиях ради сохранения власти;
- возможность для ИГИЛ как наиболее радикальной части вооруженной суннитской оппозиции в Ираке не просто найти убежище, а обеспечить себе устойчивую вторую зону базирования в условиях гражданской войны в соседней Сирии, а также солидный источник доходов от контрабанды нефти (в том числе при участии самых разнообразных сирийских, курдских, турецких, иорданских и прочих посредников).

Два основных урока, которые уже можно извлечь из ситуации в Ираке, прежде всего для основных акторов, заинтересованных в урегулировании кризиса, относятся как собственно к Ираку, так и в полной мере к другому центру современной террористической активности – Афганистану, а в перспективе, возможно, и к Сирии (и могут быть актуальны и для иных, в том числе будущих, очагов конфликтов в этих и в других регионах).

Во-первых, для предотвращения развития событий по иракскому сценарию важнейшим приоритетом в урегулировании ожесточенного конфликта (независимо от степени его интернационализации) в стране, сильно разделенной по политическому, сектарному и/или этническому принципу, является недопущение полного развала государственных институтов, в том числе силового блока. После окончания или сильного сокращения иностранного (или международного) военного присутствия в конфликтной или условно-постконфликтной зоне, особенно в условиях сохраняющейся вооруженной активности, совершенно недостаточно просто оставить у власти относительно лояльное пра-

вительство и продолжать поддерживать его несмотря ни на что. Проблему не решат и косметические попытки формальной легитимации такой власти, например, в ходе неоднозначных и неизбежно оспариваемых выборов, какими они только и могут быть в иракском (и афганском) контекстах. Так, успешное переизбрание аль-Малики и его политического блока накануне серии военных провалов под натиском коалиции во главе с ИГИЛ ничего не решило и не могло предотвратить.

Во-вторых, для предотвращения развития таких феноменов, как ИГИЛ, недостаточно самого факта поддержки местной центральной власти со стороны внешних игроков (как бывших интервентов, так и соседних стран, региональных держав и т.д.). Недостаточно, чтобы местная власть устраивала прежде всего основных внешних игроков – как в случае с иракским премьером Нури аль-Малики (пользовавшимся поддержкой как США, так и с определенными оговорками, главного регионального игрока в Ираке – Ирана, но непопулярным в самом Ираке, даже среди партнеров по широкой шиитской коалиции). Важно найти такой вариант, при котором национальная власть при всей ее ограниченной функциональности отражала – как по своему составу, так и по своим действиям – интересы хотя бы основных местных сил, фракций и/или общин независимо от того, будет ли она иметь форму формальной коалиции или неформального раздела власти. Это остро актуально, например, для Афганистана, где с уходом большей части западных сил США пока сохраняют значительное влияние и растет роль основных региональных игроков (прежде всего Пакистана, Ирана, Китая и Индии). Даже если единственное, что объединяет их всех по афганскому вопросу, – это заинтересованность в стабилизации ситуации в этой стране, необходимо признать, что ее невозможно достичь, делая ставку лишь на отдельные фракции, политические силы и общины. Эта задача требует упора на общенациональный уровень, коалиционную политическую систему и поддержку государства в целом.

Своеобразный третий урок можно извлечь из эволюции самого ИГИЛ.

Эволюция ИГИЛ и его связи с трансциональным исламистским терроризмом

В политико-медийных кругах и среди части экспертов широкого профиля нередко принято упрощенно и некорректно рассматривать ИГИЛ и его предшествующие вариации не столько как самостоятельную организацию, сколько как придаток и прямой филиал «Аль-Каиды». Эта интерпретация обычно упирает на два момента: во-первых, на предысторию ИГИЛ в Ираке (особенно так называемую «Аль-Каиду в Ираке») и, во-вторых, на широкое присутствие иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ. Этот вопрос необходимо прояснить.

То, что сейчас известно как ИГИЛ, а ранее фигурировало как «Исламское государство в Ираке» (а до этого как «Аль-Каида в Ираке»), сформировалось в контексте развернувшегося с конца 2003 г. в Ираке вооруженного противостояния оккупационным силам США и их союзников, став одной из крупнейших иракских повстанческих организаций, в идеологии которой радикальный исламизм сочетался с национально-освободительными мотивами. Иными словами, движение возникло как группировка иракского сопротивления и выросло преимущественно на местной почве, хотя и в результате реакции на внешние факторы и при участии ряда иностранных джихадистов.

Отдельные заявления о поддержке «Аль-Каиды» со стороны первого лидера группировки – весьма противоречивой фигуры Абу Мусаба аз-Заркауи (иорданца со связями в джихадистских кругах, которого многие даже в исламистской среде считали двойным агентом) и особо активное и демонстративное использование ею террористических методов дали США и другим странам-интервентам удобный повод для спекуляций по поводу прямого участия центральной «Аль-Каиды» в иракском конфликте и чуть ли не прямого руководства с ее стороны действиями суннитской части иракской вооруженной оппозиции. Главная цель таких спекуляций состояла в дискредитации вооруженного сопротивления в Ираке путем попыток его отождествления исключительно с «Аль-Каидой» и с терроризмом (хотя оно вело борьбу и другими методами). При этом ссылка на «Аль-Каиду» в названии группировки при Заркауи («Аль-Каида в Ираке») не отражала ее реальную суть и состав: ее основными целями на этом этапе были освобождение Ирака и установление там исламского государства

вместо западного протектората; подавляющее число боевиков и командно-руководящего состава были иракцами, а доля иностранных боевиков, даже по американским данным, не превышала 4–10 процентов, как и в целом в составе иракского сопротивления³². Показательно, что, после того как аз-Заркауи был убит в июне 2006 г., группировка, ставшая к тому времени ядром Совета (шуры) моджахедов – повстанческой коалиции исламистского толка, уже в октябре переименовала себя в «Исламское государство в Ираке» (ИГИ)³³.

В рамках усиления американского контингента в Ираке с 2007 г. США оказывали поддержку ряду суннитских племен для формирования лояльных группировок с целью противодействия радикально-исламистской оппозиции во главе с ИГИ. Под совместным нажимом со стороны США и лояльных племен, а позднее правительственных сил Ирака и других шиитских формирований, ИГИ несколько снизило свою активность в Ираке. Через месяц после того, как операция под командованием США при участии иракских сил в апреле 2010 г. нанесла особо сильный удар группировке в Ираке (уничтожив сразу двух ее тогдашних лидеров), новым лидером ИГИ стал ее нынешний руководитель иракец Абу Бакр аль-Багдади, который не был близок аз-Заркауи и по сей день никогда не выезжал за пределы Ирака и Сирии.

Разгоревшийся с 2011 г. в соседней Сирии вооруженный конфликт, по мере эскалации которого исламистское крыло оппозиции становилось все более радикальным, предоставил ИГИ возможность частично перебазироваться в Сирию, реорганизоваться и стать одной из крупнейших группировок на джихадистском фланге. Трансграничный характер ИГИ позволил ей нарастить свой потенциал, в том числе за счет значительных доходов от нефтяной и другой контрабанды, и уже в марте 2013 г. взять провинциальную столицу – сирийский город Ракка. Вступив в сирийский конфликт на стороне джихадистской части антиправительственных сил, ИГИ впоследствии превратилась в своеобразный противовес другим радикально-исламистским группировкам. После того как в 2013 г. ИГИ объявило о создании на его базе «Исламского государства Ирака и Леванта» (т.е. Сирии, Ливана, исторической Палестины, части Турции и т.п.), оно предприняло

³² Baker J., Hamilton L. The Iraq Study Group Report. Washington DC.: Iraq Study Group, 2006.

³³ Террористическая организация, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

усилия по объединению с основной радикально-исламистской группировкой «Джабхат ан-Нусра» во главе с Абу Мухаммадом аль-Джавлани, которые были восприняты как попытка установить контроль над группировкой «ан-Нусра». Это привело к обострению отношений внутри джихадистского блока в Сирии – конфликту, в котором «Аль-Каида» (т.е. то, что осталось от его центрального ядра) оказалась не на стороне ИГИЛ³⁴.

Несмотря на идеологическое влияние со стороны «Аль-Каиды» на ИГИ (как и на ряд других локально-региональных группировок радикально-исламистского типа), отношения между ними были натянутыми еще в годы сопротивления военному присутствию США в Ираке. В Сирии же после начавшихся трений между ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра» идеологический лидер и эмир «Аль-Каиды» А. аз-Завахири стал на сторону последней и выразил свою политическую и религиозно-идеологическую поддержку ее лидеру М. аль-Джавлани. В ответ ИГИЛ возобновило столкновения с членами «ан-Нусры» в Сирии (и, пользуясь обострением отношений между шиитским правительством аль-Малики и иракскими суннитами, перенесло основной центр своей активности обратно в Ирак). В итоге в феврале 2014 г., т.е. еще за месяцы до масштабного военного наступления ИГИЛ на Мосул, аз-Завахири отверг притязания ИГИЛ и откестился от какой-либо аффилиации «Аль-Каиды» с этим движением³⁵.

Отсутствие благословения со стороны центральной «Аль-Каиды» и ее аффилиация с ИГИЛ совершенно не помешали тысячам иностранных джихадистов (многие из них на тот момент уже воевали на стороне радикально-исламистской части оппозиции в Сирии) примкнуть к хорошо финансируемому и хорошо организованному в военном отношении ИГИЛ. Общую численность, долю и состав иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ в очень подвижном и к тому же трансграничном ирако-сирийском контексте еще предстоит прояснить. Хотя в построении военной структуры ИГИЛ ее лидер аль-Багдади в основном опирается на иракцев, показатели присутствия иностранных джихадистов для ИГИЛ в целом выше, чем для основных радикально-

³⁴ Bayoumi A., Harding L. Mapping Iraq's fighting groups // Al-Jazeera. June 27, 2014; The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004–2014 // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) Fact Sheet, June 2014.

³⁵ Ibid.

исламистских группировок в Сирии на конец 2013 г. (где тогда уже воевало до 11 тысяч иностранных боевиков – на тот момент больше, чем в любом другом конфликте со времен антисоветского джихада в Афганистане 1980-х гг.)³⁶.

Даже на основании уже имеющихся сведений можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, если боевой потенциал и армейская организация ИГИЛ – заслуги в основном бывших иракских баасистов из числа профессиональных военных, то иностранные джихадисты более заметны на медийно-коммуникационном фронте (как, например, саудовский глава «отдела» ИГИЛ по связям со СМИ), а также играют непропорционально большую роль в особо жестоких и демонстративных актах насилия, в том числе атаках смертников, обезглавливании и т.п.

Во-вторых, хотя среди иностранных боевиков доминируют выходцы с Ближнего и Среднего Востока, вторым крупнейшим сегментом являются джихадисты из западных стран (только в Сирии на начало 2014 г. они уже составляли до четверти всех иностранных боевиков³⁷, и, судя по всему, эта пропорция растет). По численности они опережают даже исламистских боевиков из (пост)конфликтных зон в мусульманском мире за пределами Ближнего и Среднего Востока (от сомалийцев до, например, выходцев с территории стран СНГ). Но главное, в силу особенностей сетевой фрагментации глобального джихада на Западе (где среди его ячеек доминируют подчеркнута глобалистские, универсалистские взгляды и цели) есть основания полагать, что сегодня именно приток джихадистов из западных стран служит основной связью регионального движения ИГИЛ с движением и повесткой дня глобального джихада. В этом смысле фактор массового притока западных джихадистов играет даже большую роль, чем идеологический символизм исторической «Аль-Каиды» или вооруженный потенциал джихадистов из других горячих точек в исламском мире.

³⁶ Zelin A.Y. Up to 11,000 foreign fighters in Syria; steep rise among Western Europeans // International Centre for the Study of Radicalization (ICSR) Insight. London, December 17, 2013.

³⁷ Ibid.

Заключение

Эволюция движения ИГИЛ служит не столько примером фрагментации центральной «Аль-Каиды» на региональные осколки (по принципу сверху вниз), сколько проявлением отчасти параллельного, отчасти противонаправленного процесса транснационализации и регионализации радикально-исламистской группировки, ранее сосредоточенной на решении задач в более ограниченном локально-региональном контексте (в основном по принципу снизу вверх). Эти процессы привели к превращению такой группировки в полноценное трансграничное региональное движение джихадистского типа, в каких-то отношениях даже более радикальное, чем сама «Аль-Каида». При этом у феномена ИГИЛ есть параллели и в других регионах мира – от движений, которые развивались десятилетиями (например, движение «Джемаа исламийя» в Юго-Восточной Азии) до более недавних, но потенциально способных развиваться в том же направлении (например, «Боко Харам» в Нигерии или «аш-Шабаб» в Сомали).

Увлечшись попытками вывести любые повстанческо-террористические движения исламистского типа в зонах трансграничных и наиболее интернационализированных конфликтов из уже во многом отжившей свое «Аль-Каиды» образца рубежа веков и привязать их к ней в организационном плане, можно проморгать появление региональных движений типа ИГИЛ, крайне радикальных в плане идеологии и методов. Да, в отличие от «Аль-Каиды» и плодов ее постепенной сетевой фрагментации (множественных ячеек движения глобального джихада, особенно активных в том числе на Западе) ИГИЛ не ставит совсем уж универсалистских, глобальных и абстрактных – и от того полностью утопических – целей. Однако именно то, что радикально-исламистские группировки, подобные ИГИЛ или эволюционирующие в том же направлении, с головой погружены в свой региональный контекст, ставят более конкретные и реальные задачи и не гнушаются попыткой строительства трансграничного исламского государства здесь и сейчас, в условиях конкретного региона, делает их не менее, а возможно, и более опасными в политическом и стратегическом плане, а их вооруженную активность – в совокупности не менее, а более смертоносной, чем все теракты, числящиеся непосредственно за «Аль-Каидой».

Глава 26

НОВЫЙ БОНД – МАШИНА С ЛИЦЕНЗИЕЙ НА УБИЙСТВО (2016)¹

Вадим Козюлин, Альберт Ефимов²

Кто из киноманов не мечтал познакомиться с Джеймсом Бондом, агентом 007? Сегодня эксперты начинают верить, что в недалеком будущем это станет возможным. Только, вероятно, Джеймс Бонд будет железным, и его будут называть не агент, а модель 007. Но два ноля, как и в номере Бонда, будут означать лицензию на убийство.

Как будет выглядеть война будущего? Вот как ее описывает заместитель министра обороны США Боб Ворк: «Совместные действия пилотируемых и непилотируемых платформ станут обычной практикой. Потенциал автономных беспилотных систем будет постоянно возрастать. [...] мы считаем, что будущие войны будут характеризоваться очень высокой степенью симбиоза человека и машины, что, например, позволит простейшим платформам контролировать целые скопления недорогих беспилотных систем, которые могут гибко комбинироваться и в большом количестве выдвигаться на поле боя»³.

Со времен окончания Второй мировой войны (1939–1945) технологическое превосходство над потенциальным противником является основой военной доктрины США. Разработка любого нового вида вооружений всегда вызывает так называемый «туман войны», который в нашем случае состоит из постоянного медийного шума вокруг возможного появления роботов-убийц, автономного оружия и т.п. Но факты боевого применения роботов уже

¹ Впервые опубликовано: *Козюлин В., Ефимов А. Новый Бонд. Машина с лицензией на убийство // Индекс Безопасности. 2016. №1 (116). С. 37–60. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2016-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№1-2-116-117.pdf>*

² Вадим Борисович Козюлин (род. 22 января 1965 г.) – старший научный сотрудник ПИР-Центра. Альберт Рувимович Ефимов – руководитель робототехнического центра Фонда «Сколково».

³ *Heather R. The International-Relations Argument Against Killer Robots // Defense One, August 19, 2015.*

невозможно скрыть, и, по мере появления на вооружении армий мира беспилотных и автономных видов вооружений, мировая общественность стала все решительнее ставить вопрос о необходимости ограничить или хотя бы упорядочить их применение.

Многочисленные жертвы среди мирных жителей в результате ракетных ударов американских беспилотников в Афганистане и Пакистане, или так называемый побочный ущерб (*collateral damage*), придавали и придают этой дискуссии особенную остроту. В обсуждение и осуждение бездушных роботов-убийц вовлеклись простые граждане и политики, а также известные ученые, популярные артисты и общественные деятели (например, Стивен Хокинг и Илон Маск). Энергии масс и авторитета политиков должно было хватить для принятия на международном уровне конвенции об ограничении применения боевых роботов, как это случилось, скажем, с противопехотными минами с принятием Оттавской конвенции в 1997 г. или касетными боеприпасами, запрещенными дублинской конвенцией в 2008 г. Но возникло непредвиденное обстоятельство: боевые роботы оказались довольно скользкой субстанцией, ускользающей от регуляторов не хуже, чем жидкие терминаторы в фантастическом кино.

Как известно, дать название — значит решить половину проблемы. Дать твердое определение понятию «боевой робот» оказалось непростой задачей. Обсуждение этого вопроса продолжается несколько лет, и пока сложился лишь рабочий вариант понятия «боевые автономные системы» (БАС) (*lethal autonomous weapon systems, LAWS*). Они определяются как вооружения, которые могут самостоятельно, независимо от человека, выбирать и атаковать цели, то есть автономно выполнять критические функции по обнаружению, отслеживанию, наведению и поражению объектов. Эта формулировка пока не получила юридического закрепления в международных документах, и дискуссия о ее надежности далеко не закончена. Однако такое определение позволило задать направление для рассмотрения проблемы с различных сторон.

Эксперты справедливо отмечают, что роботизированные системы заведомо страдают рядом опасных болезней: они не способны принимать сложных решений и учитывать многие обстоятельства, как это делает человек; они не в состоянии осознавать окружающую обстановку или адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам, то есть они не могут действовать вне рамок

заранее определенного и довольно ограниченного окружения. Однако они совершенствуются, что потенциально может привести как к впечатляющему успеху, так и к абсолютной катастрофе.

Термин БАС, естественно, включил в себя перспективные вооружения, а именно: на шумевшие автономные беспилотные летательные аппараты (дроны); успевшие проявить себя в конфликтах умные бомбы и пока не применявшиеся перспективные барражирующие боеприпасы; умные сетевые центры, то есть коварно поджидающие своего клиента мины. Кроме того, под определение попали вооружения, о разработке которых до сих пор только ходят слухи: подводные планирующие дроны, космические терминаторы, вредоносные всепроникающие нанороботы, а также гиперзвуковые ракеты.

Однако выяснилось, что определение не то чтобы хромает, но меряет слишком широким аршином: под него также подпадает значительное количество образцов вооружений, которыми человечество пользуется лет 50 и даже 100, и которые до этого никто не думал заподозрить в избыточной роботизированности. Под термин «боевые автономные системы» подошли и вполне архаичные торпеды, и ракетно-пушечные системы противовоздушной и противоракетной обороны, баллистические и крылатые ракеты, ракеты воздух-воздух, противокорабельные ракеты, корректируемые авиабомбы и системы активной защиты, которые уже лет 30 устанавливаются на броню для защиты от противотанковых ракет. Такая ситуация создает проблему: как (и надо ли) выделять именно ту опасную степень автономности роботов среди множества функций, которые существующие вооружения уже десятилетия выполняют самостоятельно?

Правозащитная организация «Human Rights Watch» предложила систему деления роботов по уровню человеческого контроля, которая постепенно получает распространение среди экспертов:

- вооружения под управлением человека (*human-in-the-loop weapons*): боевые роботы, способные выбирать цели и наносить удары только по команде человека;
- вооружения под наблюдением человека (*human-on-the-loop weapons*): боевые роботы, способные выбирать цели и наносить удары под наблюдением человека-оператора, который может отменить выполняемые роботами действия;

- вооружения без участия человека (*human-out-of-the-loop weapons*): боевые роботы, способные выбирать цели и наносить удары без участия человека⁴.

Следом, естественно, возник вопрос о приемлемой степени автономности, то есть независимости от контроля со стороны человека, или, если идти от обратного, о необходимом уровне человеческого контроля над машиной и об ответственности человека за действия его продукта – боевого робота. Современные машины, которые претендуют на звание роботов, превосходят человека в таких областях, как количественный анализ, выполнение повторяемых операций, обработка больших объемов информации. Однако сегодня даже ребенок даст фору роботу в качественном анализе или логическом мышлении.

Непосвященному читателю эта проблема может показаться умозрительной. Между тем в международном праве имеется ряд документов, которые при появлении боевых роботов на международной арене обязаны обозначить свое присутствие в полный рост, как шериф при появлении преступника.

Важнейший из них – Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Пункт 2 статьи 35 этого документа гласит: «Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания». В статье 36 «Новые виды оружия» говорится: «При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны высокая договаривающаяся сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к высокой договаривающейся стороне».

Помимо прочего этот документ обязывает Международный комитет Красного Креста (МККК) следить за исполнением дополнительного протокола. Статья 98 «Пересмотр Приложения I» сформулирована так: «Не позднее, чем через четыре года после вступления в силу настоящего Протокола, а затем через интервалы

⁴ Losing Humanity: The Case Against Killer Robots // Human Rights Watch, November 2012. P. 2.

не менее четырех лет Международный комитет Красного Креста консультируется с высокими договаривающимися сторонами относительно Приложения I к настоящему Протоколу и, если он сочтет необходимым, может предложить созвать совещание технических экспертов для пересмотра Приложения I и предложения таких поправок к нему, которые могут оказаться желательными».

Еще один документ, к которому сегодня нередко апеллируют борцы с роботами, – это так называемая «оговорка Мартенса»⁵. Она гласит, что в случаях, не охваченных положениями права, «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Это отрывок из вступительной части IV Гагской конвенции 1907 г., созданной по инициативе российского императора Николая II в ответ на разворачивающуюся гонку вооружений. Сегодня эта оговорка оказалась особенно востребованной, что, безусловно, должно вызывать гордость россиян за идеи человеколюбивых предков.

США и Великобритания постарались первыми развезть подорожники на свой счет и опубликовали принципы своей политики в отношении боевых роботов. Великобритания заявила, что автономное применение вооружений недопустимо, а использование систем вооружений всегда будет осуществляться под контролем человека. При этом Лондон обозначил различие между полностью автономными системами вооружений и автоматическими системами. В этой связи Великобритания делает ставку не на автономные вооружения, а на использование систем с дистанционным управлением, что, в представлении британцев, дает абсолютную гарантию контроля и ответственности за применение силы. То есть Великобритания считает, что существующих норм международного права в отношении ведения войны вполне достаточно для того, чтобы регулировать применение автономных систем вооружения.

⁵ Оговорка Мартенса в международном гуманитарном праве – положение о том, что, даже если то или иное положение прямо не предусмотрено статьями действующего права, в ситуациях вооруженных конфликтов сторонам необходимо в первую очередь руководствоваться принципами гуманности, человечности и здравого смысла. Сформулирована русским юристом и дипломатом Ф.Ф. Мартенсом в 1899 г. на 1-й Конференции мира в Гааге при обсуждении проекта Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. – *Прим. ред.*

В ноябре 2012 г. Министерство обороны США приняло директиву, определяющую американскую политику в отношении автономных систем вооружений. США заявили, что автономные и полуавтономные системы вооружений будут создаваться с целью обеспечения командирам и операторам необходимого уровня контроля над применением силы. Американцы определили для себя три типа автономных систем вооружений: полуавтономные системы вооружений, которые возможно использовать для выполнения ударных миссий (сюда вошли боеприпасы с системами наведения, беспилотные летательные аппараты с бомбами, наводимыми по GPS, и межконтинентальные баллистические ракеты); автономные системы вооружений – они признаны пригодными к нелетальному использованию (например, электронному противодействию); а также контролируемые автономные системы вооружений, которые возможно применять для поражения подвижной техники и объектов в ходе локальных оборонительных операций (например, наземных и корабельных систем противовоздушной обороны (ПВО) или ракетных установок).

О том, как другие государства планируют использовать боевых роботов, неизвестно. И это создает нервозность. Ведь использование роботов ставит под вопрос соблюдение международного гуманитарного права (МГП), которое, среди прочего, предусматривает определенные обязательства в процессе разработки и принятия на вооружения различных оружейных систем. МГП требует обеспечения значимого или, иными словами, полноценного контроля со стороны человека (*meaningful human control*). Однако само это определение оставляет место для самых различных трактовок, и по поводу значимого контроля ведутся главные споры специалистов из различных стран.

Объективности ради следует отметить, что существует и совершенно обратная точка зрения на боевых роботов. Некоторые специалисты (назовем их робото-оптимистами) считают, что роботы могут быть гуманнее человека. У робото-оптимистов свои крепкие аргументы:

- условия вооруженного конфликта погружают человека в среду, к которой он не привык и для которой он не был создан, а робот железный, ему все равно;
- роботам неведома жестокость, страх, стресс, что свойственно человеку;

- роботам неведом инстинкт самосохранения, и они не будут стремиться защитить себя любой ценой;
- роботы не были замечены в случаях насилия, их не захлестнут эмоции, для них пока не придуманы программы пыток или казней;
- их сенсоры (инфракрасные, лазерные и другие) позволяют им лучше видеть некоторые параметры окружения, а электроника позволяет, в некотором смысле, лучше оценить обстановку;
- записывающие устройства позволяют точно определить лицо, ответственное за выдачу роботу нелегитимного приказа, то есть расплата найдет героя по записи на флешке лучше Гаагского трибунала.

Робото-скептики, в свою очередь, указывают на ряд принципиальных недостатков современных технологий, которые на десятки, если не на сотни лет отодвигают срок возникновения по-настоящему автономных роботов-терминаторов.

Полноценный искусственный интеллект (ИИ), которым должны обладать железные убийцы, еще не создан и едва ли появится в обозримом будущем. Сегодня компьютер может обыграть человека в шахматы, «камень, ножницы, бумагу» или Го. Для победы в игре с твердо определенными правилами машине достаточно всего лишь выбрать лучший ход из миллиона имеющихся в ее памяти или уметь делать простые движения быстрее человека. Но что происходит с машиной, когда условия, в которых роботу приходится применять свои запрограммированные навыки, заранее неизвестны, либо меняются с такой скоростью, что уследить за ними крайне сложно, а правила игры (которая и не игра вовсе) меняются по ходу самой игры?

Искусственный интеллект трудно создать, ибо пока люди не разобрались даже с пониманием того, что такое интеллект естественный. Ян Лекун, один из ведущих ученых в области искусственного интеллекта и искусственных нейронных сетей, комментируя победу компьютерной программы над чемпионом мира по Го, написал на своей странице в Facebook: «...Большая часть процесса обучения у людей и животных – это обучение без учителя. Если представить интеллект в виде торта, то обучение без учителя – это сам торт, обучение с учителем – глазурь на нем, а обучение с подкреплением – вишенка. Мы знаем, как сделать глазурь и вишенку, но не знаем, как сделать торт. Мы должны

решить проблему обучения без учителя, прежде чем сможем даже задумываться о том, что приближаемся к созданию подлинного ИИ. Но это лишь известное нам препятствие. А как быть с теми, о которых мы не знаем?».

Современные системы программного распознавания образов несовершенны: они не в состоянии отличить гражданского человека от комбатанта, что является фундаментальным требованием международного гуманитарного права к участникам любого вооруженного конфликта. Сегодня машина способна отличить кота от собаки, сравнив животное с миллионом хранящихся в памяти образов. Но современный бой насыщен огромным количеством непредсказуемых образов и обстоятельств, осмыслить которые машинам не под силу.

И, наконец, робото-скептики справедливо отмечают, что ни в одной армии мира не найдется командира, который позволит, чтобы приказы за него отдавала машина, тогда как ответственность за ее действия будет нести он сам. Отдать право выбора машине значит потерять контроль над ситуацией. И кого же тогда считать командиром?

Американские ученые попытались измерить и сравнить разные степени автономности систем вооружения, для чего они классифицировали их по ряду функций: мобильность, наличие системы наведения, системы навигации, стабильность, оборонительный или наступательный характер, способность определять образ цели, наличие системы управления огнем, способ принятия решения об открытии огня, наличие автоматической системы обмена информацией, системы планирования операции, возможность изменения целеуказания.

Роботы на поле боя нужны: они сохраняют жизни солдат, создают новые возможности для разведки, потенциально уменьшая сопутствующие потери. Но насколько востребована полная или частичная автономность военных роботов? По нашему мнению, есть лишь две причины, которые оправдывают повышение степени автономности. Первая причина – в том, что любая система коммуникаций может быть прервана: радиосвязь заглушена противником, а дождь может сделать невозможной лазерную связь. Поэтому робототехнический комплекс, действующий удаленно, должен обладать возможностью самостоятельных действий, к примеру возвращения на базу. Вторая причина состоит в том, что только увеличение степени автономности отдельных

боевых роботов позволит увеличить огневую мощь подразделения без увеличения его численности: один солдат командует одновременно стаей дронов и гусеничных машин, которые уже сами находят возможности для координации действий между собой, следуя поставленной задаче. По этим параметрам возможно разбить вооружения по клеточкам в таблице, но это никак не приближает нас к ответу на вопрос: следует ли ограничить или запретить применение роботов, и если да, то каких типов и каким образом?

Назло надменному соседу

До 2015 г. Россия, вовлеченная в иные национальные проекты, относилась к роботам в целом без должного внимания. Несмотря на успешное завершение научно-исследовательских работ, выполненных в рамках комплексной целевой программы (КЦП) «Роботизация ВВТ-2015», начатой в 2000 г., и положительные результаты испытаний созданных в них экспериментальных и действующих макетных образцов наземных робототехнических комплексов (РТК), опытно-конструкторские работы по ним так и не были осуществлены, что фактически привело к приостановке исследований и разработок в области наземной военной робототехники⁶.

«Вестник МГТУ имени Н.Э. Баумана» писал в 2013 г.: «Отставание России от США в настоящее время составляет около 10–15 лет. Главной проблемой, которая в значительной мере определяет указанное отставание, является отсутствие выработанной технической политики в области роботизации ВВТ со стороны государства»⁷. Простой пример показывает, насколько «Вестник МГТУ имени Н.Э. Баумана» близок к истине: американский беспилотник «Predator» был разработан в 1994 г. Первые пуски ракеты с борта беспилотника состоялись в 2001 г. В России ударные беспилотники еще только разрабатываются, то есть отставание составляет около 15 лет.

⁶ *Каляев И., Рубцов И.* Боевым роботам нужна программа // Национальная оборона. Февраль 2016 г. № 2.

⁷ *Корсунский В.А., Наумов В.Н.* Перспективы развития военных мобильных робототехнических комплексов наземного базирования в России // Вестник МГТУ имени Н.Э. Баумана: электронное издание, 2013.

Некоторые эксперты выдвигают теорию о том, что международные санкции зачастую не ограничивают, а наоборот, способствуют развитию программ, против которых они были нацелены. Например, в 1989 г., после событий на площади Тяньаньмэнь, Китай лишился возможности приобретать вооружения на Западе. А с Ираном эта история произошла еще раньше – в 1984 г. Сегодня же и Китай, и Иран имеют развитую оборонную промышленность и производят вполне современные системы вооружений.

За воссоединением Крыма с Россией в 2014 г. последовали западные санкции против ряда российских банков, после чего Россия сформировала собственную платежную систему. Запрет на платные услуги «Google» и «Windows» на полуострове подтолкнул процесс создания в России собственных программных продуктов. Возможно, западным санкциям в отношении российских оборонных предприятий мы обязаны и прорыву в российской военной робототехнике.

В сентябре 2014 г. Европейский союз запретил организацию долгового финансирования для трех крупнейших оборонных концернов России: «Уралвагонзавод», «Оборонпром» и Объединенной авиастроительной корпорации, а также включил в санкционный список девять российских оборонных концернов: концерны «Сириус», «Станкоинструмент», «Химкомпозит», концерн «Калашников», Тульский оружейный завод, «Технологии машиностроения», НПО «Высокоточные комплексы», концерн «ПВО Алмаз-Антей» и НПО «Базальт». Стало окончательно понятно, что принятый еще при Анатолии Сердюкове, в его бытность министром обороны в 2007–2012 гг., курс на налаживание совместного производства вооружений со странами Европы оказался в тупике, и России, как некогда Советскому Союзу, придется развивать оборонную промышленность с опорой на собственные силы.

В сентябре 2015 г. Минобороны России приняло комплексную целевую программу «Создание перспективной военной робототехники до 2025 года с прогнозом до 2030 года» (КЦП «Роботизация-2025»). Программа определила в качестве приоритета «создание безэкипажных машин в виде роботизированных систем и комплексов военного назначения различных сред применения». Тогда Генеральный штаб Вооруженных Сил РФ разработал концепцию применения робототехнических комплексов военного назначения до 2030 г. и утвердил общие технические требования к наземным робототехническим комплексам военного назначения.

Подготовка общих требований к необитаемым подводным аппаратам и безэкипажным катерам в настоящее время завершается. Также российские военные формулируют госстандарты (ГОСТы) для комплексов с беспилотными летательными аппаратами. Так, отрасль беспилотников получает ГОСТы, что позволит производителям и пользователям общаться на едином техническом языке.

В продолжение мер, принятых Министерством обороны России, 16 декабря 2015 г. президент Владимир Путин подписал указ «О Национальном центре развития технологий и базовых элементов робототехники», деятельность которого поручено обеспечивать Фонду перспективных исследований (ФПИ). А в январе 2016 г. Владимир Путин потребовал к осени разработать стратегию научно-технологического развития РФ на долгосрочную перспективу. «Наличие собственных передовых технологий – это ключевой фактор суверенитета и безопасности государства, конкурентоспособности отечественных компаний, важное условие роста экономики и повышения качества жизни наших граждан. В этой связи считаю необходимым рассматривать стратегию научно-технологического развития как один из определяющих документов наряду со стратегией национальной безопасности», – сказал глава государства на заседании Совета по науке и образованию⁸.

Робот с человеческим лицом

Самого понятия «автономные системы» в лексиконе Министерства обороны России нет. Военный энциклопедический словарь на официальном сайте Министерства обороны РФ оперирует понятием «боевой робот»: многофункциональное техническое устройство с антропоморфным (человекоподобным) поведением, частично или полностью выполняющее функции человека при решении определенных боевых задач. Включает сенсорную систему (датчики), воспринимающую информацию, систему управления и исполнительного устройства⁹.

⁸ Владимир Путин провел заседание Совета по науке и образованию // Путин сегодня, 21 января 2016 г.

⁹ Военный энциклопедический словарь // Министерство обороны Российской Федерации.

Боевых роботов российские военные делят на три поколения:

- боевые роботы первого поколения с программным и дистанционным управлением, способные функционировать только в организованной среде;
- боевые роботы второго поколения – адаптивные, имеющие своего рода органы чувств и способные функционировать в заранее неизвестных условиях, т.е. приспосабливаться к изменениям обстановки;
- боевые роботы третьего поколения – интеллектуальные, имеют систему управления с элементами искусственного интеллекта (созданы пока лишь в виде лабораторных макетов).

Военные рассматривают робота в качестве боевого товарища, который подставит бойцу плечо в трудную минуту. Военачальники объясняют необходимость в них заботой о сохранении здоровья солдат на поле боя, большой протяженностью сухопутных и морских границ России и необходимостью «сложных и трудоемких наземных, надводных и подводных работ в труднодоступных или опасных для людей районах, в том числе в Арктике»¹⁰.

Опыт использования роботов в российской армии до сегодняшнего дня нельзя назвать впечатляющим. «Если в 2011 г. в ВС РФ было только 180 систем, то сейчас мы имеем 1720 современных беспилотных летательных аппаратов», – сообщил министр обороны Сергей Шойгу в декабре 2015 г. Тут следует отметить, что речь идет о беспилотниках с ограниченным функционалом, ведь ударные беспилотники только разрабатываются. По состоянию на 2015 г. на снабжении ВС РФ состояли только два роботизированных образца наземной военной техники: комплекс подвижный робототехнический для радиационной разведки местности и транспортировки радиоизлучающих предметов (РТК «Разнобой») и робот дистанционно управляемый радиационной и химической разведки (РТК «Берлога-Р»).

В гособоронзаказ 2016 г. включен саперный робот легкого класса «Кобра-1600»¹¹, который получают инженерные войска ВС РФ. Его назначение – дистанционное проведение визуальной разведки, поиска и первичного диагностирования подозритель-

¹⁰ Разработку подводных роботов против авианосцев начали в России // Деловая газета «Взгляд», 24 декабря 2014 г.

¹¹ Саперный робот легкого класса «Кобра-1600» включен в Гособоронзаказ 2016 года // Журнал «Спецназ», 25 января 2016 г.

ных предметов с помощью телевизионных камер и специального навесного оборудования, дистанционное обезвреживание взрывных устройств, загрузка их в специальные контейнеры для эвакуации, а также выполнение технологических операций по обеспечению доступа к потенциально опасным объектам. Помимо указанных роботов, которые уже поставлены на вооружение ВС РФ, в войска для испытаний поступают небольшие партии робототехнических комплексов различного назначения, в частности РТК разминирования «Уран-6» и РТК пожаротушения «Уран-14».

При том что максимальную пользу российской армии, вероятно, принесут такие безоружные роботы-трудяги, безусловно, наибольший интерес и противоречивые мнения вызывают боевые роботы. На сегодня российские предприятия успели выдать довольно разнообразную линейку вооруженных концепт-каров, некоторые из которых уже проходят апробацию в российских вооруженных силах.

Можно предположить, что в отношении боевых роботов сегодня перед российскими военными стоит задача понять, насколько они могут быть востребованы и так ли велика сфера их применения, как это видится разработчикам. Ради получения государственного заказа инженеры готовы обеспечить роботу любой функционал: разведка и наблюдение, патрулирование и огневая поддержка, охрана объектов и проделывание проходов в заграждениях, подвоз боеприпасов и эвакуация раненых, установка минных полей и разминирование, постановка дымовых завес и даже мобильное обеспечение аудиопропаганды.

Но некоторые армии мира уже решали эту проблему, и в результате пришли к необходимости существенно ограничить полет инженерной мысли разработчиков военной робототехники. В существующих воинских подразделениях достаточно одного или двух бойцов, чтобы обслуживать пулемет. Но чтобы содержать вооруженный этим пулеметом РТК, нужна еще транспортная машина, машина связи, станция техобслуживания и вооруженная охрана для нового робототехнического подразделения. Насколько этот РТК оправдывает ожидания удаленного оператора и командиров в условиях, например, радиопомех, могут показать испытания или боевое применение.

Как рассказывают американские эксперты, использование наземных РТК в условиях Ирака не оправдало ожиданий Пен-

тагона, и программу свернули. Американцы утверждают, что главным при принятии этого решения были не риски нарушения гуманитарного права (хотя, вероятно, и это тоже), а низкая эффективность боевых роботов при проведении зачисток в условиях городской застройки.

Но это не означает, что американцы охладели к автономным системам вообще. Как раз наоборот. Самая продвинутая в техническом плане страна сегодня работает не над тем, как сделать самого совершенного робота-убийцу. Американские стратеги решают задачу другого порядка: как правильно организовать взаимодействие человека и машины, чтобы, используя анализ больших данных, поступающих из различных источников, включая роботов-разведчиков, дать возможность руководителям принимать решения с такой эффективностью, на которую сегодня не способен ни человек без машины, ни машина без человека.

Робото-пехота: уже на марше?

В России ведется поиск оптимальных комбинаций применения различных платформ: например, рассматривается сочетание беспилотного катера и БПЛА, которое позволит расширить радиус действия средств разведки до 100–200 км от корабля-носителя. Комплекс беспилотников может дополнить подводный беспилотный аппарат, в том числе те, что сегодня эксплуатируются на российских флотах (управляемые аппараты типа «Тайгер» и подводный комплекс «Пантера», позволяющие именно в дистанционном режиме выполнять опасные работы под водой)¹².

На земле тоже ищут применение автономным триадам: например, изучается возможность применения мобильного ударно-разведывательного робототехнического комплекса вместе с боевой противодиверсионной машиной «Тайфун-М» и беспилотным летательным аппаратом. Предполагается, что эта команда сможет вести разведку, обнаруживать и уничтожать неподвижные и подвижные цели, осуществлять огневую поддержку подразделений, патрулировать режимные объекты и ликвидировать диверсионно-разведывательные формирования в составе автоматизиро-

¹² Минобороны делает ставку на боевых роботов // Военное обозрение, 27 сентября 2015 г.

ванной системы охраны мобильной группировки ракетных войск стратегического назначения¹³.

Чтобы роботы стали эффективными и надежными, российские специалисты разрабатывают системы управления и связи. Также российским военным, вероятно, придется решить несколько прикладных задач: сформировать терминологическую базу в сфере робототехники; определить общие стандарты программирования, обработки, обмена и защиты информации; разработать теоретические основы и практические рекомендации по применению и обеспечению робототехники при подготовке и в ходе боевых действий; определить ответственность за действия боевого робота (кто будет виноват, если робот ошибется: производитель, программист, оператор, командир?) и наконец, определить собственную позицию относительно внедрения искусственного интеллекта в военной сфере. Пока это вполне умозрительная проблема, но, наверное, однажды она перестанет быть таковой. Достаточно ли средств в международном и национальном законодательстве, чтобы, например, предотвратить возможность восстания машин против человека и уничтожение человечества?

Российские боевые роботы, проходящие сегодня испытания на полигонах, управляются дистанционно, то есть фактически эти образцы вооружений трудно назвать автономными. Но военные отмечают, что они «имеют ресурс модернизации», то есть по мере совершенствования программного обеспечения, сенсорного и связанного оборудования их автономность будет возрастать. Например, нынешними боевыми платформами, как правило, управляют не менее двух операторов: один отвечает за ходовую часть, другой управляет оружием. Но разработчики стремятся к тому, чтобы в перспективе один оператор мог управлять несколькими боевыми роботами. Будет ли он в состоянии обеспечить соблюдение принципа полноценного контроля со стороны человека (*meaningful human control*)? Разумеется, создатели новых вооружений обязаны позаботиться об этом еще на этапе разработки.

¹³ Гаврилов Ю. В российской армии создадут роты боевых роботов // Российская газета, 7 ноября 2014 г.

Пойдут машины в яростный подход

Появление на международной арене автономных вооружений изменило характер войны. Первой сенсационной демонстрацией их возможностей стала война в Югославии в 1990-е гг. На стенах домов в Белграде и нынче можно встретить надписи с призывом объединяться в ополчение против США. Но эти гневные лозунги лишь отчетливее показывают, насколько бессильна армия XX века перед высокотехнологичным противником, шагнущим в XXI век.

Сегодня большая часть стран мира стремится обзавестись собственной программой беспилотного авиастроения. Вовлечься в этот процесс несложно: первую модель можно собрать из компонентов, поставляемых по многочисленным интернет-каталогам. Более продвинутые технологии состоятельные клиенты могут купить в США или Израиле, те, что победнее, – в Турции. Клиенты с подмоченной репутацией могут обратиться в Китай, а то и в КНДР. Разработчики с амбициями и собственным инженерным потенциалом должны запастись терпением, а еще больше – бюджетом. Экономичный двигатель, система навигации, сенсоры и видеокамеры, надежная система связи – из этих кубиков складываются беспилотные военно-воздушные силы. Все это пригодится потом при создании беспилотных сухопутных войск и беспилотных военно-морских сил. Они дадут вооруженным силам шанс перейти на новый качественный уровень не позже, чем это сделает потенциальный противник, чтобы избиение младенцев по югославскому сценарию не повторилось.

Примерно такая логика движет сегодня технический прогресс в сфере военных автономных систем. И она же дает толчок процессу, который принято называть гонкой вооружений. Погоня за технологиями автономных роботизированных систем вовлекает новых участников. Гонку вооружений также питает взаимное недоверие и многочисленные обострившиеся в последние годы конфликты, которые отравляют современные международные отношения. В этих условиях никто не хочет быть отстающим, и значит, гонку вооружений ожидает новый виток. Вероятно, он будет связан в первую очередь с автономностью как с новым качеством систем вооружений.

Появление в небе, на море и под водой большого количества беспилотных систем будет представлять собой новое явление для традиционного воздухоплавания и мореходства. Отсутствие международных правил, регулирующих взаимодействие роботов, перемещающихся под разными флагами, может вызывать инциденты, которые будут иметь тем более серьезные последствия, чем секретнее будут технологии на борту. Вопрос о мерах по предупреждению инцидентов беспилотных роботов, вероятно, может возникнуть в повестке международного сообщества в скором будущем.

Инциденты с автономными системами также возможны по причине потери связи с беспилотным роботом из-за помех, возникших случайно или вызванных целенаправленно в связи с намеренным перехватом контроля над беспилотником. Отсутствие регулирования в области систем управления и кибербезопасности автономных систем может создавать опасные ситуации, в результате которых роботы могут вовлечь людей в конфликты, которых люди вовсе не предвидели.

Боевые роботы, бесспорно, будут существенно увеличивать военный потенциал, а их массовое принятие на вооружение может стать угрозой балансу сил в различных регионах, что повысит риски возникновения конфликтов. Важно своевременно оценить и обезвредить эту угрозу, чтобы искусственный интеллект и автономный дрон были синонимами всемирного блага, а не неведомой и необратимой опасности.

Глава 27

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ «КИБЕРХАЛИФАТА»: «АЛЬ-КАИДА» И ИГИЛ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (2022)¹

Леонид Цуканов²

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г., одной из приоритетных задач государства остается обеспечение надлежащего уровня защиты от внутренних и внешних угроз, а также поддержание коллективных усилий в области реагирования на вызовы безопасности³. При этом одной из ключевых угроз, с точки зрения России, по-прежнему остается международный терроризм. Однако, по мере продолжающейся цифровизации мира, вместе с традиционными формами распространения получает кибертерроризм, который может нанести гораздо больший ущерб мировой архитектуре безопасности, чему во многом способствует быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий. Учитывая, что РФ напрямую вовлечена в борьбу с исламистской угрозой (включая ее проявления в цифровом пространстве), данная тема представляет интерес как с академической, так и с практической точки зрения. Кроме того, дополнительное внимание к теме привлекает резкая активизация усилий радикалов от ислама по вербовке хакеров на фоне череды острых региональных кризисов, что требует от мирового сообщества дополнительной оценки грядущих рисков.

¹ Впервые опубликовано: Цуканов Л.В. Взлеты и падения Киберхалифата: Аль-Каида и ИГИЛ в цифровом пространстве / Ред. Е.Г. Чобаян. М.: ПИР-Пресс, 2022. 39 с. (*Индекс Безопасности* – Научные записки). См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/22-09-15-INF-SI-RUS-N°17-43-2022.pdf>

² Цуканов Леонид Вячеславович (род. 14 августа 1997 г.) – эксперт Российского совета по международным делам, член Сообщества «Под знаком ПИР». – *Прим. ред.*

³ Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России, 2 июля 2021 г.

Подробный расклад актуализирует ряд вопросов. Как менялся подход к трактовке понятий «кибертерроризм» и «цифровой джихад» с течением времени? Каким образом «Аль-Каида»⁴ и ИГИЛ⁵ (как два наиболее активных сторонника концепции «цифрового джихада») обосновывают деятельность в киберпространстве с точки зрения религиозных норм? Каковы перспективы перехода радикалов от ислама к наступательным действиям в киберпространстве с учетом накопленного ими опыта?

Рассматриваемая проблематика представлена в современном научном поле внушительным количеством исследований и характеризуется высокой степенью дискуссионности ввиду разнообразия методологических подходов. Вместе с тем российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что кибертерроризм перешел в группу первоочередных угроз и требует комплексного осмысления. Как правило, на передний план выдвигаются вопросы, связанные со спецификой трактовки понятия⁶, обзором усилий радикалов от ислама в области развития киберпотенциала⁷, разработкой механизмов противодействия проблеме на глобальном и региональном уровнях⁸, а также оценкой влияния цифрового фактора на развитие систем безопасности⁹. Кроме того, поскольку джихадисты выстраивают свою пропаганду с опорой на элементы исламской идентичности, тема традиционно получает освещение в трудах

⁴ Здесь и далее: Террористическая организация, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

⁵ Здесь и далее: Террористическая организация, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

⁶ *Weimann G.* Lone Wolves in Cyberspace // *Journal of Terrorism Research*, September 22, 2012.

⁷ *Combating Cyber-Jihad* // *RUSI*, September 20, 2006; *Liang C.* Understanding and Countering Islamic State Propaganda // *GCSP*, February 1, 2015; *Mamaev A.* Cyber Caliphate: What Apps Are the Islamic State Using? // *RIAC*, May 25, 2018.

⁸ *Smith T.* The Specter of Cyber in the Service of the Islamic State // *American Intelligence Journal*, 2017. No. 1. P. 54–58.

⁹ *Hoffman A., Schweitzer Y.* Cyber Jihad in the Service of the Islamic State (ISIS) // *INSS*, April 18, 2015.

и выступлениях авторитетных отечественных¹⁰ и зарубежных¹¹ исламоведов.

С другой стороны, большинство работ, посвященных исследованию феномена «цифрового джихада» и его места в деятельности международных террористических группировок, сводятся, в первую очередь, к анализу отдельных акций или инициатив радикалов от ислама в киберпространстве. Более того, практически отсутствуют работы, посвященные специфике функционирования глобального исламистского подполья в условиях пандемии COVID-19 (а имеющиеся уделяют недостаточное внимание цифровому фактору деятельности). Данное исследование позволяет в определенной степени устранить имеющийся пробел.

Источниковой основой исследования стали отчеты международных организаций, ведущих экспертных центров, специализирующихся на вопросах кибербезопасности и международной безопасности как таковой; выдержки из священных текстов (Коран); фетвы и выступления мусульманских богословов; материалы информационно-новостных ресурсов. Были применены такие методы, как системный анализ, ивент-анализ, моделирование и прогнозирование.

Кибертерроризм: осмысление угрозы

Следует начать с того, что понятие «кибертерроризм» (из которого в дальнейшем был выведен более узкий термин «цифровой джихад»), введенное в научный дискурс в конце 1980-х – начале 1990-х гг., долгое время являлось теоретическим. Термин переосмысливал понятие «терроризм», до этого использовавшееся в документах Государственного департамента США («Преднамеренная,

¹⁰ См., например: *Силантьев Р.А.* Современные технологии на службе у террористов и контртеррористов // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) VII «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России»*. Под ред. И.И. Аносова, 2018. С. 146–155; *Sytkianen L.R.* The Islamic Concept of Caliphate: basic principles and a contemporary interpretation // *Islamology*, 2017, No. 1. P. 61–70; *Сюкияйнен Л.Р.* Современная исламская правовая мысль о Халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией // *Северо-Кавказский юридический вестник*, 2016. № 2. С. 7–19; *Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М.* Феномен джихада в исламе // *Исламоведение*, 2020, Т. 11. № 4 (46). С. 81–94 и др.

¹¹ См., например: *Воспоминания о беседах с имамом Мухаммадом Саидом Рамаданом Аль-Бути* // *Imam Al-Bouti Martyr (YouTube)*, 30 октября 2017 г.

политически мотивированная атака, приведшая к насилию против некомбатантов со стороны субнациональных группировок или подпольно действующих агентов»), с большим акцентом на цифровую составляющую террористической деятельности¹². При этом цифровая инфраструктура рассматривалась одновременно и как цель, и как средство атаки.

Однако вплоть до второй половины 2000-х гг. эксперты не позиционировали кибертерроризм как отдельную угрозу, считая его лишь агрессивной формой киберпреступности и включая в понятие не только деятельность террористических группировок, но и «хактивизм» (например, акции палестинских хакеров)¹³. Кроме того, сами радикалы от ислама не вели централизованной деятельности в киберпространстве, ограничиваясь фишингом и кражей денежных средств (т.н. «E-Jihad»)¹⁴. По этой причине многие авторитетные специалисты по проблемам терроризма (например, Л. Ричардсон) выступали против использования нового термина¹⁵.

Активизации радикалов от ислама в цифровом пространстве поспособствовало начало «гонки кибервооружений» на Ближнем Востоке. Атака вируса «Stuxnet»¹⁶ на программное обеспечение промышленных объектов Ирана (2010)¹⁷ продемонстрировала кумулятивный эффект (в первую очередь, психологический¹⁸), который можно достичь с использованием цифровых технологий, что отразилось на приоритетах джихадистских организаций –

¹² Hoffman A., Schweitzer Y. Cyber Jihad in the Service of the Islamic State (ISIS) // INSS, April 18, 2015.

¹³ См.: Stohl M. Cyber terrorism: a clear and present danger, the sum of all fears, breaking point or patriot games? // Crime, law and social change, 2006. No. 4. P. 225, 227, 233; Combating Cyber-Jihad // RUSI, September 20, 2006.

¹⁴ Teasuro L. The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // Small Wars Journal, December 8, 2018.

¹⁵ См.: Richardson L. Illusions of Terrorism // Carnegie Council for Ethics in International Affairs (YouTube), October 27, 2011.

¹⁶ «Stuxnet» – универсальный автономный инструмент промышленного шпионажа, предназначенный для получения доступа к операционной системе, отвечающей за обработку, сбор данных и оперативное диспетчерское управление промышленными объектами. В отличие от большинства аналогичных вирусов, основным применением «Stuxnet» может стать не хищение данных, а повреждение промышленных автоматизированных систем. См.: Stuxnet “hit” Iran nuclear plans // BBC, November 22, 2010.

¹⁷ Stuxnet “hit” Iran nuclear plans // BBC, November 22, 2010.

¹⁸ Например, эксперты сравнивали психологический эффект от использования «Stuxnet» с первыми взрывами атомных бомб. См.: Benedict K. Stuxnet and the Bomb // The Bulletin of the Atomic Scientists, June 15, 2012.

в частности, о намерении развивать собственный киберпотенциал объявила «Аль-Каида»¹⁹. В этот же период в экспертных работах впервые появился термин «цифровой джихад» («противозаконные атаки или угрозы атак на компьютеры, сети и хранимую в них информацию для устрашения или принуждения правительства или граждан к какому-либо действию в политических или общественных целях»)²⁰, что привело к возобновлению академических дискуссий. Тем не менее, большинство экспертов по-прежнему настаивали, что шансы джихадистов нанести серьезный урон в киберпространстве остаются ничтожными – ввиду слабого понимания специфики кибермира²¹.

Тем не менее, цифровая угроза со стороны радикалов от ислама с течением времени неуклонно росла. Джихадисты использовали все более сложные программы (включая службы обмена зашифрованными сообщениями) и инструменты, а также усиливали влияние на международное хакерское сообщество (что наиболее полно проявилось в 2014–2017 гг.), ввиду чего игнорировать растущие возможности международных террористических группировок в киберпространстве уже не представлялось возможным. Это, в свою очередь, обусловило новый всплеск интереса к теме со стороны экспертного сообщества – так, помимо уже традиционных сюжетов, широкое освещение в научных работах получили феномен использования радикалами от ислама социальных сетей и мессенджеров для оперативной координации атак и их последующего освещения («Джихад 2.0» или «Медиаджихад»²²), а также оценки перспектив более широкого использования инструментов разведки по открытым источникам (OSINT)²³.

Как результат, к началу 2020-х гг. тема кибертерроризма не только не утратила актуальности, но и продолжает допол-

¹⁹ *Teasuro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // Small Wars Journal, December 8, 2018.

²⁰ Также в некоторых работах – «киберджихад»; здесь и далее по тексту термины будут иметь идентичное значение. См.: *Weinmann G.* Lone Wolves in Cyberspace // Journal of Terrorism Research, September 22, 2012.

²¹ *Al-Qaeda lacks expertise for cyberwar, expert tells MPs* // BBC. March 14, 2013.

²² См.: *Social Media Jihad 2 0: Inside ISIS' Global Recruitment and Incitement Campaign* // The Atlantic Council (YouTube), March 27, 2017.

²³ См.: *Charania S.* Social Media's Potential in Intelligence Collection // American Intelligence Journal, 2016. No. 33 (2) P. 94–100; *Pastor-Galindo J. et al.* The not yet exploited goldmine of OSINT: Opportunities, open challenges and future trends // IEEE Access, 2020. Vol. 8. No. 1. P. 20, 22.

няться новыми вводными за счет дифференциации деятельности радикалов от ислама и освоения последними смежных измерений цифрового пространства.

Джихад и киберпространство: взгляд радикалов от ислама

Исследуя эволюцию подходов двух группировок к ведению борьбы в киберпространстве, необходимо сказать о специфике обоснования радикалами от ислама подобной деятельности – тем более, что модели пропаганды обеих группировок в данном случае имеют множество точек пересечения.

Первое, на что необходимо обратить внимание – кажущийся обширным духовный базис. По оценкам экспертов, проповеди и «фетвы»²⁴ джихадистов содержат ссылки на работы более чем сотни религиозных деятелей разных эпох. Подобный подход призван подчеркнуть приверженность группировки идеологии «истинного ислама» в трактовке раннего периода мусульманства, а также сгладить в пропаганде негативные черты политически ориентированного такфиризма²⁵. При этом в вопросах оценки действий в цифровом мире радикалы от ислама предпочитают апеллировать к трудам современников (поскольку это облегчает проведение прямых параллелей) – Халида аль-Рашида, Насира аль-Фахда, Сулеймана бин Насир аль-Ульвана, Хамуда бин Укла аль-Шуайби, Омара бин Ахмед аль-Хазими и Али бин Хидр аль-Худиара. Также встречаются ссылки на работы идеологов «Аль-Каиды» – Абу Мухаммада аль-Макдиси и Абдула Кадира бин Абдул Азиза²⁶.

²⁴ В случае с обозначенными джихадистскими группировками слово «фетва» намеренно взято в кавычки, поскольку, по мнению большинства исламоведов, радикалы не имеют права на издание подобных документов. См., например: Воспоминания о беседах с имамом Мухаммадом Саидом Рамаданом Аль-Бути // Imam Al-Bouti Martyr (YouTube), 30 октября 2017 г.

²⁵ *Силантьев Р.А.* Современное технологии на службе у террористов и контртеррористов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) VII «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России» / Под ред. И.И. Аносова, 2018. С. 148–149.

²⁶ Справедливо для обеих группировок. Несмотря на то что после разрыва между ИГИЛ и «Аль-Каидой» в 2014 г., труды аль-Макдиси и бин Абдул Азиза стали гораздо реже упоминаться в проповедях ИГИЛ, отрывки из них долгое время публиковались в журналах «Дабик» и «Румийя», издаваемых группировкой. См.: *Хассан Х.* «Исламское государство»: идеологические корни

Кроме того, довольно часто в работах радикалов можно встретить апеллирование к принципу «аль-дарурат тубих аль-махзурат» («запретное превращается в дозволенное при острой необходимости»). Так, использование средств и методов ведения войны в цифровом пространстве (в том числе нанесение массированного киберудара) при наличии у «отступников»²⁷ аналогичных технологий не только не порицается, но и рассматривается как мера, продиктованная обстоятельствами. Для подкрепления этой идеи радикальные пропагандисты довольно часто используют примеры из исламской истории – предания о Сафийи Бинт Абдель Мутталиб и Халиде ибн аль-Валиде²⁸.

Большое значение имеет принцип сюжетных параллелей. Например, говоря о киберпространстве, радикалы от ислама приводят сюжет о противостоянии с племенем Бану Надир (Коран 59:2)²⁹ – как пример эффективности тактики выжженной земли (в широком смысле – удара с повышенным психологическим эффектом): среди прочего, сюжет используется для замещения менее растиражированных в исламском мире конструктов «Цифровая Хиросима» и «Цифровой Перл-Харбор». Дополнительно следует указать, что образ противостояния с Бану Надир является довольно популярным среди джихадистских проповедников и ранее использовался, например, для обоснования допустимости разработки и использования оружия массового уничтожения (ОМУ). Также довольно часто можно встретить ссылки на «Аят меча» (Коран 9:5)³⁰, который приводится для обоснования дозволенности цифровых атак на критическую инфраструктуру. Несмотря на то что перечисленные выше сюжеты не принято рассматривать в отрыве от исторического контекста (на что

и политический контекст межконфессиональной вражды // Центр Карнеги, 27 декабря 2016 г.

²⁷ В зависимости от ситуации, под «отступниками» могли пониматься как немусульмане в целом, так и отдельные государства (в том числе мусульманские), в отношении которых выдвигается обвинение в неверии (такфир). См.: *Liang C. Understanding and Countering Islamic State Propaganda // GCSP, February 1, 2015.*

²⁸ *Sykianen L.R. The Islamic Concept of Caliphate: basic principles and a contemporary interpretation – Islamology, 2017. No. 1. P. 65, 68, 69.*

²⁹ Аль-Хашр (Сбор), 2-й аят из 24 // Коран онлайн.

³⁰ Особый акцент делается, в частности, на пассаж «[...] убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду». См.: Ат-Тауба (Покаяние), 5-й аят из 129 // Коран онлайн.

неоднократно указывали авторитетные исламоведы³¹), джихадисты намеренно идут на допущение и используют их для повышения эффективности вербовочной и антиправительственной деятельности.

Кроме того, радикалы от ислама стремятся обратить в свою пользу неточности, имеющиеся в авторитетных источниках. Ярким примером служат спекуляции вокруг положений Энциклопедии исламской юриспруденции, считающейся одним из наиболее авторитетных источников исламского права. В частности, проповедники ИГИЛ указывают, что в Энциклопедии термин «джихад» тождественен понятию «война с неверными» (т.е. «джихад меча»³²), ввиду чего иные формы борьбы (включая «джихад языка»³³ и «джихад познания»³⁴) являются малоэффективными³⁵. Подобное видение проецируется и на киберпространство, что лишь способствует продвижению концепции киберджихада в массы. Разумеется, представители авторитетных духовных центров исламского мира ведут борьбу с пропагандой джихадистов и на регулярной основе издают фетвы с критикой деятельности глобального исламистского подполья³⁶, однако террористам, тем не менее, удается купировать это влияние: в первую очередь, за счет постоянного обновления собственных пропагандистских материалов – в том числе обосновывающих избранную агрессивную модель поведения в киберпространстве. В результате борьба с пропагандой радикалов неизбежно приобретает реактивный характер.

³¹ См., например: Сюкияйнен Л.Р. Современная исламская правовая мысль о Халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией // Северо-Кавказский юридический вестник, 2016. № 2. С. 11.

³² «Джихад меча» (газават) – священная война, вооруженная борьба с неверными. См.: Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение, 2020. Т. 11. №. 4 (46). С. 83.

³³ «Джихад языка» – призыв к другим совершенствоваться, становится лучше, то есть обращение к другим людям с «повелением одобряемого и запрещением порицаемого». См.: Яхьяев М. Я., Яхьяев А. М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение, 2020. Т. 11. №. 4 (46). С. 84.

³⁴ «Джихад познания» – борьба посредством распространения истинных знаний об исламе. См.: Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение, 2020. Т. 11. – № 4 (46). С. 84.

³⁵ Сюкияйнен Л.Р. Современная исламская правовая мысль о Халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией // Северо-Кавказский юридический вестник, 2016. № 2. С. 14.

³⁶ См., например: Почему Аль-Азхар не поддержал ИГИЛ? // Al-Araby Al-Jadeed, 24 апреля 2019 г.

«Аль-Каида» и ИГИЛ: адаптация к цифровому миру

Несмотря на то что модели обоснования деятельности в киберпространстве у «Аль-Каиды» и ИГИЛ, в целом, совпадают, на практике цифровые начинания двух группировок реализовывались по различным схемам. Рассмотрим в деталях каждую из них.

«Аль-Каида»

Данная группировка, созданная в 1988 г., сегодня является одной из наиболее известных и непримиримых международных террористических организаций³⁷, а также первой радикальной группировкой, которая высоко оценила значение киберфактора. Ее адаптация к цифровым реалиям началась едва ли не одновременно с расширением Всемирной паутины во второй половине 1990-х гг. При этом основной акцент делался на пропагандистскую и вербовочную работу, в то время как проведение «ударных» акций (кибератаки) было определено как приоритет более низкого порядка³⁸. Исключение было сделано для фишинговых акций, которые, среди прочего, служили дополнительным источником доходов группировки в начале 2000-х гг.³⁹

Важность работы с цифровым измерением неоднократно подчеркивали и лидеры «Аль-Каиды». Так, например, основатель группировки Усама бен Ладен писал, что широкомасштабное распространение джихадистской идеологии посредством интернета, а также привлечение на радикальные веб-ресурсы значительного количества молодых людей, является одним из важных шагов на пути мирового джихада⁴⁰. Впоследствии эту идею транслировал и его преемник, Айман аз-Завахири⁴¹. Не удивительно, что одним из ключевых инструментов достижения, поставлен-

³⁷ Официально признана в США террористической только в 1998 г., после взрывов посольств США в столицах Кении и Танзании. В России признана террористической организацией в 2003 г. См.: East African Embassy Bombings // FBI, August 7, 1998; Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими // ФСБ России, 22 апреля 2022 г.

³⁸ *Teasuro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // Small Wars Journal, December 8, 2018.

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ Jihadist use of social media: how to prevent terrorism and preserve innovation // The United States Government Publishing Office, December 6, 2011.

⁴¹ Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol, May 24, 2022.

ных высшим руководством группировки целей стало созданное в 2001 г. медиакрыло «Ас-Сахаб»⁴², специализировавшееся на производстве аудио- и видео-контента для джихадистов⁴³.

Также «Аль-Каида» стала первой террористической группировкой, которая попыталась наладить контакты с международным хакерским сообществом и привлечь компьютерных специалистов для распространения радикальных идей. Первые подтвержденные совместные акции относятся к 2006 г. (хотя некоторые эксперты склонны отсчитывать историю киберопераций «Аль-Каиды» с 2001 г.⁴⁴), когда радикалами, причисляющими себя к «цифровым солдатам» «Аль-Каиды», была нарушена работа пяти сайтов с анти-исламистским контентом⁴⁵. Годом позже джихадисты попытались расширить плацдарм «цифрового наступления» и реализовать масштабную DDoS-атаку в отношении ряда западных веб-порталов, однако, ввиду низкой скоординированности действий, атака была сравнительно легко остановлена, и вплоть до 2011 г. радикалы от ислама практически никак не проявляли себя в цифровом поле⁴⁶.

Начало «гонки кибервооружений» на Ближнем Востоке, о которой говорилось ранее, подстегнуло джихадистов к наращиванию активности в цифровом пространстве. Уже через несколько недель после заявления об обнаружении вируса «Duqu»⁴⁷ на форуме

⁴² «Ас-Сахаб» – официальное медиакрыло «Аль-Каиды», отвечающее за создание пропагандистских материалов, включая проповеди, воззвания и документальные фильмы. В 2008 г. включено в состав «компьютерного департамента» Комитета по медиа группировке. См.: Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State // International Crisis Group, March 14, 2016.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Речь об атаке на веб-сервисы Национального управления океанических и атмосферных исследований США (NOAA) в октябре 2001 г., которую приписывают себе члены хакерской группировки «Al-Qaeda Alliance Online» (ААО). Причастность ААО к инциденту опровергается правоохранительными органами США. См.: Successful Cyber Attack Highlights Longstanding Deficiencies in NOAA's IT Security Program // National Oceanic and Atmospheric Administration, August 26, 2016.

⁴⁵ Серии атак подверглись, в частности, сайты Ватикана и газеты «Jyllands-Posten». См.: Rollins J., Wilson C. Terrorist Capabilities for Cyberattack: Overview and Policy Issues // Congressional Research Service, January 22, 2007.

⁴⁶ За исключением угроз нанести «сокрушительный удар в киберпространстве» (таких заявлений «Аль-Каида», в среднем, делала до полутора десятков ежегодно), за которыми, как правило, не следовали реальные действия. См.: Teasuro L. The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // Small Wars Journal, December 8, 2018.

⁴⁷ «Duqu» (также ~DQ) – троянская программа, используемая для целенаправленных атак на крупные компании и промышленные предприятия. Считается продолжением сетевого червя «Stuxnet». См.: Целевые атаки типа Duqu 2.0 // Лаборатория Касперского, 10 июня 2015 г.

«Шумух аль-Ислам» (крупнейший исламистский форум и главная пропагандистская площадка «Аль-Каиды») были размещены призывы создать хакерский коллектив, который бы сосредоточился на поиске уязвимости в системах диспетчерского управления и сбора данных (SCADA) – аналогичных тем, что составляют основы управления критической инфраструктуры США, Франции и Великобритании⁴⁸. Помимо этого, радикалы от ислама в разное время рассматривали другие варианты цифровых акций: удаленный захват американских БПЛА, «смертельные удары»⁴⁹ по цифровой инфраструктуре западных электростанций и НПЗ, диверсии на АЭС и т.д.⁵⁰ Однако, как показали дальнейшие события, ни одна из анонсированных акций не была реализована на практике.

Новая попытка «Аль-Каиды» усилить свои позиции в киберпространстве, создать некое подобие «цифрового исламистского фронта», пришлась уже на вторую половину 2010-х гг. – и, по сути, являлась реакцией на агрессивную пропагандистскую кампанию ИГИЛ⁵¹. Так, в январе 2015 г. на ресурсах «Аль-Каиды» появились сообщения о создании «цифрового батальона» группировки, к которому «присоединились наиболее мотивированные и непримиримые хакеры»⁵². Новое подразделение возглавил Яхья аль-Немр, ранее входивший в ближайшее окружение Аймана аз-Завахири. И, хотя к серьезным преобразованиям организационной структуры группировки это не привело («цифровой батальон» не был включен ни в одну из ветвей управления и существовал фактически независимо), связи между «Аль-Каидой» и хакерским сообществом укрепились, в результате чего возникла небольшая «прослойка» лояльных джихадистам специалистов.

⁴⁸ Virtual Terrorism: Al Qaeda Video Calls for 'Electronic Jihad' // ABC News, May 23, 2012.

⁴⁹ Подразумеваются те виды кибератак, которые могут нанести глубокий урон компьютерной технике и вывести ее из строя, – например, нарушив работу микросхем BIOS на материнской плате, как в случае с вирусом Win95/CIH («Чернобыль»). См.: VIRUS.WIN9X.CIH // Kaspersky Threats, November 20, 2002.

⁵⁰ Chen T. Cyberterrorism after Stuxnet // Strategic Studies Institute, US Army War College, 2014. P. 17, 20, 22, 31, 35.

⁵¹ Пропагандисты ИГИЛ, среди прочего, критиковали членов и руководителей «Аль-Каиды» за «преступное бездействие» и недостаточное использование наступательных средств для борьбы за провозглашенные идеалы. См.: Anderson G., Bronk C. Encounter Battle: Engaging ISIL in Cyberspace // The Cyber Defense Review, 2017. Vol. 2. No. 1. P. 95.

⁵² Cyber-Terrorism Activities Report No16 // International Institute for Counter-Terrorism, March 20, 2016.

Можно выделить три хакерские группировки, которые чаще всего взаимодействовали с аль-Немром и его структурой. Это «Al-Qaeda Alliance Online» (порча веб-сайтов, кибератаки), «Youni Tsoulis» (создание джихадистских веб-форумов, разработка учебных пособий по «киберджихаду») и «Al-Qaeda Electronic» (доксинг, DDoS-атаки), суммарное число подтвержденных акций трех группировок, проведенных от имени «Аль-Каиды», превышает пять десятков случаев⁵³.

Впрочем, считать структуру «аль-Немра» полноценной боевой единицей, ориентированной на ведение джихада в киберпространстве, не стоит – в первую очередь, ввиду специфики восприятия хакерской деятельности высшими функционерами «Аль-Каиды». Поскольку хакеры традиционно воспринимались руководством группировки лишь как «сочувствующие» радикалам, поддержка их деятельности не являлась для джихадистов первоочередной (на что косвенно указывает некоторая обособленность «цифрового батальона» от других структур и слабое освещение его деятельности медиакрылом «Ас-Сахаб»). Кроме того, несмотря на попытки джихадистов (и, в первую очередь, радикальных хакеров) выстроить образ «цифровых мстителей» и создать видимость перманентной угрозы в киберпространстве, реальные показатели их деятельности были далеки от пропагандируемых. Согласно данным правоохранительных органов, более 90 процентов атак лояльных «Аль-Каиде» хакерских группировок окончились провалом, что было обусловлено низким уровнем подготовки хакеров и отсутствием у них необходимых инструментов обхода цифровой защиты⁵⁴.

Наиболее крупной успешной акцией в киберпространстве (из числа заявленных радикалами), является совместная с «Тунисской Киберармией» (ТСА)⁵⁵ операция против цифровой системы США в 2013 г.⁵⁶ По заявлениям джихадистов, им удалось обнаружить

⁵³ Ejazi F. Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space // Media and Terrorism in the 21st Century. – IGI Global, 2022. P. 227–229, 231, 233.

⁵⁴ Soesanto S. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will // Real Instituto Elcano, April 17, 2020; Timeline of Cyber Incidents Involving Financial Institutions // Carnegie Endowment for International Peace, July 10, 2021.

⁵⁵ Тунисская киберармия (Tunisia Cyber Army, ТСА) – группа арабских хакеров, причисляющих себя к тунисским патриотам и специализирующихся на краже банковских данных. Период наибольшей активности: 2012–2017 гг. См.: Tunisian Cyber Army Spree of Attacks on Financial Sites // Data breaches, May 3, 2013.

⁵⁶ «Цифровой батальон» «аль-Немра» отсчитывал свою историю именно от этой операции (поскольку в ней, по заявлениям радикалов, были задействованы все ключевые фигуры сообщества), хотя официально структура сложилась только в 2015 г. См.: Electronic al-Qaeda Army claims to have hacked US government

уязвимости в защите ряда веб-сайтов, принадлежавших правительственным учреждениям США, банкам и транснациональным корпорациям, что в дальнейшем позволило украсть более одного миллиона строк конфиденциальных данных (логины, пароли, паспортные данные и пр.)⁵⁷. Тем не менее, расследование, проведенное Национальным центром интеграции кибербезопасности и связи (структурное подразделение Министерства внутренней безопасности США) по итогам атаки, показало, что, вопреки заявлениям джихадистов, операция была реализована без их участия, а «почерк» атаки является узнаваемым, и за ним легко определяется ТСА⁵⁸.

Впоследствии деятельность «Аль-Каиды» в киберпространстве не отличалась значительным размахом. Приписываемые радикалам от ислама хаотичные атаки (последние относительно успешные датируются 2017 г.) не наносили существенного урона цифровой инфраструктуре и практически не освещались в СМИ, что, вероятно, сформировало у руководства группировки разочарованность концепцией «киберджихада». На этом фоне проекты вроде «цифрового батальона» были заморожены и выведены из публичного пространства⁵⁹, а сами джихадисты вновь сосредоточились на пропагандистской и вербовочной работе.

ИГИЛ

Несмотря на то что данная группировка долгое время являлась частью структур «Аль-Каиды» (и, как следствие, вела работу в цифровом пространстве, опираясь на принятую в ней стратегию), с началом самостоятельной борьбы (в 2014 г.) ее высшие функционеры полностью пересмотрели подход, учтя многие ошибки предшественников. В первую очередь, группировка отошла от принципа «интернет – площадка пропаганды», укоренившегося среди членов «Аль-Каиды», и фактически сделала физическое и цифровое измерения равнозначными. Не последнюю роль

websites // Russia Today, March 11, 2013; Al-Qaeda announces al-Qaeda Electronic // Al-Khabar, January 21, 2015.

⁵⁷ Timeline of Cyber Incidents Involving Financial Institutions // Carnegie Endowment for International Peace, July 10, 2021.

⁵⁸ Tunisia Cyber Army // US Department of Homeland Security, National Cybersecurity and Communications Integration Center, March 27, 2013.

⁵⁹ В дальнейшем многие сторонники «цифрового батальона» примкнули к киберсообществу «Jaysh al-Malahim al-Electroni», разделяющему ценности «Аль-Каиды», но не аффилированному с ней.

в этом сыграла позиция лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади. В своих проповедях он неоднократно подчеркивал, что цифровое пространство является полноценным полем борьбы, и должно быть использовано для консолидации джихадистов по всему миру, а не только для распространения идей⁶⁰.

Кроме того, ключевым отличием модели позиционирования ИГИЛ от других джихадистских группировок в киберпространстве стала некоторая институционализация собственной деятельности. В частности, функционеры группировки разделили понятие «деятельность в цифровом пространстве» на четыре взаимодополняющих «потока», управление которыми было закреплено за отдельными институтами и дополнительно контролировалось «Кабинетом» (ближайшим окружением) лидера группировки⁶¹:

- деятельность с целью обогащения (управление финансовыми потоками⁶²);
- деятельность с целью устрашения (организация кибератак и иных акций в цифровом пространстве);
- деятельность с целью укрепления позиций (разведка по открытым источникам⁶³, координация действий);
- деятельность с целью вербовки (агитационно-вербовочная работа, медиа-сопровождение, создание потенциально вирусного цифрового контента⁶⁴ и пр.).

⁶⁰ См., например: Baghdadadi vs. Zawahri: battle for global jihad // Al-Monitor, November 25, 2014.

⁶¹ Smith T. The Specter of Cyber in the Service of the Islamic State // American Intelligence Journal, 2017. No. 1. P. 56.

⁶² Сюда относится в том числе майнинг криптовалют, начатый группировкой в 2016 г. См.: Global Disruption of Three Terror Finance Cyber-Enabled Campaigns // United States Department of Justice, August 13, 2020.

⁶³ Данная тема была впервые поднята радикалами в Еженедельном информационном бюллетене ИГИЛ «Аль-Наба», посвященном атакам на посольство Ирака в Кабуле, Афганистан (30 июля 2017 г.). В заметке атака была охарактеризована как «акция высокого качества». В статье указывалось, что все данные, необходимые для осуществления теракта, джихадисты получили с помощью инструментов разведки по открытым источникам. Также в статье присутствовал призыв к другим боевикам перенимать опыт подобных атак и реализовывать их в других регионах. См.: Pastor-Galindo J. et al. The not yet exploited goldmine of OSINT: Opportunities, open challenges and future trends // IEEE Access, 2020. Vol. 8. No. 1. P. 11, 13.

⁶⁴ Примером такого контента являются музыкальные клипы «Скоро, очень скоро кровь прольется морем», «Звон мечей» и др., распространяемые радикалами в социальных сетях и мессенджерах в 2015–2017 гг. См.: «Исламское государство» пригрозило России терактами // Lenta.ru, 12 ноября 2015 г.

В этот же период отмечается активизация хакерских группировок, лояльных джихадистам, и их оформление в полноценную структуру ИГИЛ⁶⁵. Так, уже во второй половине 2014 г. был создан «Объединенный киберхалифат» (УСС), в состав которого вошли четыре подразделения хакеров («Призрачный Халифат», «Киберармия Халифата», «группа электронной безопасности» и «Армия сыновей Халифата») и две формально независимых группировки («Исламская киберармия» и «Рабитат Аль-Ансар»)⁶⁶. Возглавил объединенные силы радикальный хакер Абу Хуссейн аль-Британи⁶⁷.

Следует отметить, что члены УСС специализировались не только на проведении наступательных операций (порча веб-сайтов, доксинг и пр.), но и участвовали в защите личных данных радикалов. В частности, под эгидой «Объединенного киберхалифата» был утвержден список веб-приложений и программ, разрешенных к использованию на передовой и в тылу группировки⁶⁸, что несколько усложнило слежку за джихадистами со стороны спецслужб. Как результат, к концу 2015 г. ИГИЛ удалось создать довольно развитую (по сравнению с другими группировками) систему кибербезопасности, а также сформировать посредством пропаганды убежденность в приближении «эры цифрового джихада»⁶⁹.

С другой стороны, период активности «Цифрового халифата» был относительно коротким – менее трех лет. Уже во второй половине 2017 г. интенсивность действий джихадистов в кибер-

⁶⁵ В отличие от «Аль-Каиды», ИГИЛ осуществило полноценную интеграцию хакерских отрядов, что позволило более эффективно осуществлять оперативное целеполагание и реализовать большее число успешных кибератак (в соотношении с заявленными).

⁶⁶ *Hamid N. The British Hacker Who Became the Islamic State's Chief Terror Cybercoach: A Profile of Junaid Hussain // Combating Terrorism Centre, April 5, 2018.*

⁶⁷ Абу Хуссейн аль-Британи (Джунаид Хусейн) – британский хакер и пропагандист, основатель международной хакерской группировки «Объединенный киберхалифат». Ликвидирован в августе 2015 г. См.: *Hamid N. The British Hacker Who Became the Islamic State's Chief Terror Cybercoach: A Profile of Junaid Hussain // Combating Terrorism Centre, April 5, 2018.*

⁶⁸ *Mamaev A. Cyber Caliphate: What Apps Are the Islamic State Using? // RIAC, May 25, 2018.*

⁶⁹ *Glenn C. Timeline: the Rise, Spread, and Fall of the Islamic State // Wilson Centre, October 28, 2019.*

пространстве начала стремительно снижаться⁷⁰. Более того, поражение ИГИЛ в битве при Багхуз-Фавкани (март 2019 г.) и последовавший за этим уход высших функционеров группировки в подполье спровоцировал раскол в рядах УСС, ввиду чего из структуры вышли два подразделения («Рабиатат Аль-Ансар» и «Призрачный Халифат»)⁷¹. Потеря наиболее боеспособных объединений обернулась провалом ряда операций и нанесла ИГИЛ дополнительный имиджевый урон.

После ликвидации аль-Багдади в октябре 2019 г. и провозглашения «халифом» Абу Ибрагима аль-Хашими аль-Курайши, группировка вновь пересмотрела подход к деятельности в киберпространстве. В частности, в рамках «доктрины аль-Курайши»⁷² было объявлено об активизации пропагандистской и вербовочной деятельности, призванной восстановить позиции ИГИЛ, в то время как наступательный аспект (кибератаки) был минимизирован. Кроме того, роспуску подверглись структуры УСС, а их членам было рекомендовано перейти к тактике индивидуальной борьбы⁷³. Такое решение (обусловленное в том числе конфликтом аль-Курайши с преемником основателя УСС Абу Хусейна аль-Британи⁷⁴) ускорило процесс ослабления лояльного джихадистам хакерского сообщества: лидеры ИГИЛ уже не могли осуществлять оперативное целеполагание, и хакеры сами выбрали направление удара. Ввиду низкой скоординированности

⁷⁰ Также представители экспертного сообщества отмечали малоопытность хакеров ИГИЛ, поскольку группировка использовала общедоступные хакерские инструменты (зачастую, не требующие специализированных знаний), а ее атаки не скомпрометировали государственные структуры. См.: *Alexander A. Clifford B. Doxing and Defacements: Examining the Islamic State's Hacking Capabilities // Combating Terrorism Centre, April 5, 2019.*

⁷¹ *Milton D. Structure of a State: Captured Documents and the Islamic State's Organizational Structure // Combating Terrorism Centre, June 28, 2021.*

⁷² «Доктрина аль-Курайши» – стратегия поведения ИГИЛ в условиях «затянувшегося отступления», разработанная высшими функционерами группировки и сформулированная в формате послания второго «халифа» сторонникам после присяги на верность в январе 2020 г. Название взято в кавычки ввиду того, что Стратегия не была официально издана. См., например: *Ingram J., Mohammed O. The Head of ISIS Is a Hypocrite and a Traitor // Foreign Policy, November 19, 2020.*

⁷³ *Ingram J., Mohammed O. The Head of ISIS Is a Hypocrite and a Traitor // Foreign Policy, November 19, 2020.*

⁷⁴ Имя преемника аль-Британи не афишировалось. Согласно источникам, его место занял один из его заместителей, также взявший нисбу аль-Британи. См.: *Hamid N. The British Hacker Who Became the Islamic State's Chief Terror Cybercoach: A Profile of Junaid Hussain.*

подобные атаки не решали поставленной задачи и, как следствие, не получали широкого освещения в СМИ, что создало убежденность в ликвидации хакерского движения исламистов. Как итог, уже к концу 2020 г. ИГИЛ, по степени представленности в цифровом пространстве, вернулось к уровню конца 2013 г.

Обе радикальные группировки, несмотря на разницу стратегий, прошли схожий путь в развитии цифровой составляющей своей деятельности. И несмотря на то что ИГИЛ имело некоторые преимущества перед «Аль-Каидой» (в первую очередь, имело возможность использовать эффективные тактики и отказаться от неэффективных, а также получило доступ к более совершенным инструментам борьбы) и даже смогло выйти на ведущие позиции (как ключевой источник цифровой угрозы исламистского характера), преодолеть системные проблемы (реактивный подход к развитию киберструктур, низкий уровень квалификации хакеров, проблемы целеполагания) по итогу не удалось.

Серьезные стратегические просчеты, а также чрезмерная ставка на фактор страха привели к быстрому снижению наступательного потенциала радикалов от ислама в киберпространстве. Кроме того, соперничество двух группировок за «идеологическое главенство» среди исламистов не только сделало невозможной кооперацию между ними, но и усложнило работу джихадистов с радикальными хакерами. В результате к концу 2010-х гг. мы можем наблюдать стагнацию цифровых структур обеих группировок и фактическое прекращение ими активной борьбы в киберпространстве.

«Киберхалифат» и пандемия COVID-19

С началом пандемии COVID-19⁷⁵ нагрузка на цифровые системы, обусловленная повсеместным переходом на удаленный режим работы, многократно увеличилась, сделав их более уязвимыми к атакам извне. Кроме того, выросло среднее время присутствия пользователей в социальных сетях и в интернете в целом. В свою очередь, это привело к тому, что концепт киберджихада был в очередной раз переосмыслен глобальным исламистским подпольем.

⁷⁵ В данной главе отправной точкой пандемии COVID-19 считается 30 января 2020 г., когда Всемирная организация здравоохранения объявила эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение.

«Аль-Каида»

Неудача с «ударными акциями» в киберпространстве привела к тому, что группировка вернулась к традиционной для нее тактике работы – правда, с некоторыми корректировками. Так, интернет стал позиционироваться не только как площадка для пропаганды, но и как «пространство консолидации мусульман новой эпохи». И пандемия COVID-19 только ускорила начатые радикалами преобразования. Можно выделить несколько трендов, характерных для этого периода.

В первую очередь, изменения коснулись идеологической базы деятельности группировки. Так, концепция «Великого исламского халифата», лежащая в основе «исторической миссии» «Аль-Каиды», была частично экстраполирована на цифровое пространство. Уже в первые месяцы пандемии на пропагандистских ресурсах радикалов вышло несколько видеобращений, в которых высокие представители группировки заявили о намерении принять роль «защитников мусульман» в цифровом пространстве и бороться с «тлетворной пропагандой крестоносцев»⁷⁶. Разумеется, строительство «цифрового халифата» потребовало расширения пропагандистской сети радикалов, а также ее адаптации под новые условия ведения работы, что впоследствии и обусловило увеличение числа формальных и неформальных площадок пропаганды у группировки.

Также, ввиду массового перехода в онлайн, за первый год пандемии ощутимо выросли объемы использования членами «Аль-Каиды» различных легальных коммуникационных платформ: Telegram на 30 процентов, RocketChat – на 44 процента, ChirpWire – более чем на 78 процентов; значительным остается присутствие радикалов от ислама в Twitter⁷⁷ и YouTube (показатели изменились менее чем на 1 процент), в то время как присутствие в Facebook⁷⁸ и Instagram⁷⁹ (где до 2019 г. можно было найти «официальные» аккаунты группировки) упало более чем

⁷⁶ Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol, May 24, 2022.

⁷⁷ Социальная сеть и сервис микроблогов, заблокированные Роскомнадзором на территории России. – Прим. ред.

⁷⁸ Здесь и далее: Социальная платформа, принадлежащая компании «Meta», признанной экстремистской организацией и запрещенной в России. – Прим. ред.

⁷⁹ Социальная платформа, принадлежащая компании «Meta», признанной экстремистской организацией и запрещенной в России. – Прим. ред.

на 20 процентов⁸⁰. Кроме того, джихадисты продолжили курс на увеличение числа собственных независимых веб-сайтов и мобильных приложений, управляемых сторонниками группировки или сочувствующими им лицами.

Крупнейшей акцией «Аль-Каиды» на данном направлении стал запуск флагманского портала «Sadaislam» в сентябре 2021 г., на котором публикуются пропагандистские и образовательные материалы группировки, а также новости из различных регионов, где действуют боевики⁸¹. Среди прочего внимание было уделено и развитию уже существующих площадок – в частности, радикальное информационное агентство «Thabat», входящее в ядро пропагандистских ресурсов «Аль-Каиды», в первой половине 2021 г. запустило специализированное приложение для мобильных устройств, а также расширило возможности базового веб-клиента⁸².

Другой заметной тенденцией стало повышенное внимание джихадистов к обеспечению собственной киберзащиты. В частности, за последний год было создано несколько постоянно функционирующих образовательных ресурсов и закрытых чатов (в первую очередь в ChirpWire и Telegram), в которых публиковались инструкции по корректировке собственного «цифрового следа», повышению безопасности личных данных и пр.⁸³ Факт появления подобных ресурсов (а также повышения качества публикуемых по теме материалов в целом) свидетельствует о некотором прогрессе в развитии цифровых компетенций у джихадистов.

Несмотря на то что вербовочно-пропагандистская деятельность вновь стала «приоритетом № 1», полностью от наступательных акций в киберпространстве «Аль-Каида» не отказалась и в настоящий момент продолжает вести точечную работу

⁸⁰ *Fraïwan M.* Identification of markers and artificial intelligence-based classification of radical Twitter data // *Applied Computing and Informatics*, 2022. No. 1. P. 1–13; *Bouko C. et al.* Discourse patterns used by extremist Salafists on Facebook: identifying potential triggers to cognitive biases in radicalized content // *Critical Discourse Studies*, 2022. Vol. 19. № 3. P. 252; *Mehran W. et al.* Humour in jihadi rhetoric: comparative analysis of ISIS, Al-Qaeda, TTP, and the Taliban // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2022. P. 11–12, 14.

⁸¹ Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // *Europol*, May 24, 2022.

⁸² *Lyammouri R., Nsabia H.* The Digital Transformations of Al-Qaeda and Islamic State in the Battle Against Online Propaganda // *Global network on Extremism and Technology*, May 19, 2022.

⁸³ *Zegart A.* Threats Never Sleep: We still haven't done enough to prevent another 9/11 // *Hoover Digest*, 2022. No. 1. P. 140.

с хакерским сообществом. Так, начиная с середины 2021 г., джихадисты неоднократно публиковали на своих ресурсах воззвания к компьютерным специалистам, мотивируя их присоединиться к новому этапу борьбы. Основным проводником этой идеи можно считать сетевое сообщество «Jaysh al-Malahim al-Electroni» («Электронная боевая армия»), являющееся идейным наследником «цифрового батальона» «Аль-Каиды» – именно представители данной группы занимались распространением «воззваний» среди лояльных хакеров, а также вели переговоры с претендентами⁸⁴. Примечательно, что призывы к хакерам публиковались в аккаунтах группировки наряду с техническими должностями (разработчик интернет-ботов, менеджер платформ, администратор веб-сервиса и пр.), что позволяет говорить о попытках радикалов от ислама восполнить дефицит квалифицированных кадров и вновь перейти к наступательным действиям.

Следует подчеркнуть, что свою роль в активизации усилий «Аль-Каиды» сыграло недавнее обострение украинского кризиса. В настоящий момент, радикалы от ислама рассматривают происходящие события как возможность воспользоваться разногласиями внутри христианского мира и нанести «неожиданный и сокрушительный удар». И, хотя большинство экспертов склонны относиться к угрозам джихадистов скептически, недооценивать данный риск не стоит.

ИГИЛ

Как уже отмечалось выше, к началу глобальной пандемии цифровые структуры группировки оказались в состоянии стагнации, а тактика «индивидуального цифрового террора», принятая в этот же период, не оправдала себя: уже к концу 2021 г. доля успешных кибератак со стороны ИГИЛ стала мизерной, и группировка, как и «Аль-Каида», переключилась на развитие экосистемы вербовочных, пропагандистских и образовательных платформ⁸⁵.

⁸⁴ См., например: *Listening to what our enemies say* // Center for Security Policy, September 14, 2021.

⁸⁵ Радикалами было создано порядка 15 агитационных и восемь образовательных платформ, три мобильных приложения, запущено несколько чатов по проблемам кибербезопасности, восстановлены приложения, ориентированные на детскую и подростковую аудиторию. См.: *Islamic State evolves “emoji” tactics to peddle propaganda online* // Publico, February 10, 2022; *Online Jihadist Propaganda – 2021 in review* // Europol, May 24, 2022.

Более того, ликвидация «Второго Халифа» аль-Курайши в феврале 2022 г. вынудила ИГИЛ начать выборы нового лидера, что привело к возникновению «переходного периода» длительностью в несколько месяцев – и, как следствие, к заморозке запланированных операций.

По данным СМИ, ссылавшихся на источники в иракских органах безопасности, на пост «халифа» претендовало четверо кандидатов. Это, в первую очередь, Абу Хадиджа, занимавший пост «губернатора» иракских территорий в период господства ИГИЛ в Ираке и вместе с главой «военного совета» группировки Абу Сулейманом ан-Насиром руководивший джихадистами в битве за Мосул в 2016–2017 гг., и Абу Муслим, курировавший работу законспирированных ячеек в Сирии на территориях, занятых правительственными войсками. Кроме того, в числе возможных преемников называли некоего Абу Салиха, являвшегося доверенным лицом аль-Багдади и аль-Курайши⁸⁶, и Абу Ясира⁸⁷ – влиятельного полевого командира, участвовавшего во всех ключевых битвах иракской кампании⁸⁸.

Несмотря на то что переданные иракской стороной данные, с высокой долей вероятности, являлись фейком, распространенным боевиками с целью дискредитации источника (особенно с учетом того, что в представленном списке фигурировали ликвидированные джихадисты) или выявления возможных утечек, они несли в себе важный посыл для мирового сообщества. В первую очередь, имел значение состав кандидатов на пост лидера ИГИЛ. Так, несмотря на то что претенденты являлись представителями разных «структур» группировки (финансовой, оборонной, пропагандистской), их объединяла приверженность идеям «первого халифа». Таким образом, радикалы от ислама давали понять, что возможный преемник аль-Курайши откажется от курса, кото-

⁸⁶ Вероятнее всего, имеется в виду Абу Салих аль-Афри (Муваффах Мустафа Мохаммед аль-Кармуш) – высокопоставленный член ИГИЛ, курировавший финансовые операции группировки. Учитывая, что аль-Афри был ликвидирован в ноябре 2015 г., не исключено, что под псевдонимом выступает другой джихадист из его ближайшего окружения.

⁸⁷ Абу Ясир (Джаббар Салман Али Фархан аль-Иссави) был ликвидирован в январе 2021 г. Вероятно, как в случае с аль-Афри, под его именем фигурирует другой функционер группировки.

⁸⁸ Islamic State likely to pick battle-hardened Iraqi as next leader: officials, analysts // Reuters, February 9, 2022.

рому группировка следовала в 2020–2021 гг., и сосредоточится на наращивании активности – как это было при аль-Багдади.

Эта гипотеза получила подтверждение в марте 2022 г., когда на пропагандистских ресурсах ИГИЛ было опубликовано аудио-обращение «Кабинета», в котором прозвучало имя нового лидера джихадистов. Им стал Абу аль-Хасан аль-Хашими аль-Курайши – опытный боевик и соратник первых двух «халифов» ИГИЛ⁸⁹. А через несколько дней по тем же информационным каналам было дополнительно распространено выступление официального спикера группировки Абу Хамзы аль-Курейши, в котором подробно рассказывалось о ближайших целях группировки⁹⁰. Среди прочего, аль-Курейши подчеркнул, что новый лидер пришел, чтобы «возродить Халифат в его былом величии» – иными словами, вернуть группировку к стратегии развития, существовавшей в эпоху «первого халифа» аль-Багдади.

Под «возрождением Халифата» функционеры ИГИЛ, вероятнее всего, понимают восстановление позиций группировки в Сирии и Ираке, однако, принимая во внимание стоящие перед джихадистами трудности (иссякание финансовых потоков, недостаток квалифицированных командиров, разногласия между отдельными «вилаятами» и т.д.), радикалы, вероятнее всего, будут искать способ заявить о себе по-другому – и создание «проекции халифата» в цифровом пространстве в данном случае выглядит довольно очевидным решением.

Как мы можем видеть, и для «Аль-Каиды», и для ИГИЛ киберпространство по ряду причин вновь превращается в удобное поле для реализации идеологических мегапроектов (в первую очередь, для построения халифата, о чем заявляют в своих пропагандистских материалах обе группировки). Во-первых, концепция «Цифровой халифат 2.0» не потребует от группировок значительного

⁸⁹ Тень «Халифата»: куда новый лидер поведет террористов // Журнал «Эксперт». 9 мая 2022 г. Также на некоторых новостных ресурсах появлялась информация, что третий «халиф» является братом аль-Багдади, однако позже эта версия была признана несостоятельной и опровергнута. См.: Exclusive: New Islamic State leader is brother of slain caliph Baghdadi – sources // Reuters, March 11, 2022.

⁹⁰ В ходе выступления Абу Хамза аль-Курейши, в частности, обратился к хакерскому сообществу, призвав его «присоединиться к праведной борьбе под началом нового Халифа», а также отомстить за гибель ключевых персон группировки от рук отступников. См.: ISIS announces campaign to avenge the death of its former leader and spokesman // The Mair Amit Intelligence and Terrorism Information Center, April 19, 2022.

физического присутствия в регионе интереса⁹¹ (поскольку проект будет существовать виртуально), а также создаст постоянную напряженность не только на Ближнем Востоке (по причине существования системных проблем в организации киберзащиты у большинства государств региона⁹²), но и за его пределами. Во-вторых, уход в цифровое пространство, вероятно, позволит радикалам от ислама вернуться к прежним объемам агитационно-вербовочной работы, чему во многом способствует увеличение доли деплатформенных площадок. Существует довольно большое количество спорных тем, связанных с киберпространством, на критике которых джихадисты могут строить новую кампанию – развитие мусульманскими странами систем обращения с криптовалютами (что противоречит правилам исламского банкинга⁹³), расширение запущенного Facebook проекта «Metaverse»⁹⁴ на исламские страны и т.д. В этой связи начало очередной волны «цифрового джихада» будет восприниматься уже не как последствие поражения группировки, а как ее адаптация к современным условиям борьбы.

Кроме того, можно наблюдать, что террористы вновь вернулись к идее создания «цифровых отрядов», которые могли бы быть на постоянной основе вовлечены в процесс борьбы и, в зависимости от ситуации, выступать либо как основная ударная единица, либо как вспомогательные силы. В целом, подобная риторика укладывается в долгосрочные планы ведущих исламистских группировок по «цифровому реваншу».

⁹¹ В случае с данной работой таковым является, в первую очередь, регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Хотя интересы радикалов от ислама прослеживаются и в других частях мира (например, в Южной Азии), именно регион БВСА традиционно является основной ареной «обкатки» киберсредств джихадистов.

⁹² Выявлено на основе анализа отчетов *Global Cybersecurity Index (GCI)*. См.: *Global Cybersecurity Index // IPU*.

⁹³ Нарушается принцип «мусавама» (равной цены), поскольку курс цифровой валюты характеризуется нестабильностью и не гарантирует полное покрытие издержек со стороны продавца в случае резкого ценового скачка. См.: *Is trading in crypto units halal? // Khaleej Times, February 11, 2018*.

⁹⁴ По замечаниям ряда богословов, развитие системы метавселенных ставит под сомнение идею о главенстве Аллаха над всеми мирами (Коран 1:2, 28:30, 7:54). Кроме того, концепция создания цифровых аватаров также порицается традиционалистами. См., например: *Is the Metaverse the New Online Frontier for Halal Brands? // Muslim Network, October 11, 2021*.

Заключение

Таким образом, опора на доступные данные позволяет нам говорить о продолжающемся «переходном» периоде в развитии цифровых структур «Аль-Каиды» и ИГИЛ, в рамках которого, с одной стороны, существенно снижается реальная вовлеченность джихадистов в борьбу, а с другой стороны, происходит сосредоточение обеих группировок на развитии собственного агитационно-вербовочного аппарата. Что касается наступательного аспекта цифровой деятельности, то неудачный опыт включения в кибервойну за счет форсированного развития собственных структур в 2015–2017 гг. заставил радикалов от ислама на какое-то время отказаться от наращивания наступления и практически полностью воздержаться от освещения этого направления в пропаганде (даже в период пандемии COVID-19, когда уязвимость мировой цифровой архитектуры повысилась). По этой причине вопрос возвращения международных террористических организаций к тактике «цифрового джихада» в обозримой перспективе по-прежнему остается дискуссионным – в том числе по причине отсутствия достаточного количества достоверной информации о приоритетах радикалов от ислама на данном этапе, уровне их реальных компетенций и степени влиятельности в среде хакеров.

С другой стороны, именно агитационная деятельность в цифровом пространстве, на которую сегодня делают ставку джихадисты, постепенно закладывает идейную основу «Киберхалифата» («как эфемерного цифрового союза «борцов-праведников»⁹⁵, не имеющего границ и, как следствие, априори не способного быть разрушенным»), вокруг которой в дальнейшем могут быть «собраны» и другие направления борьбы (в числе которых и цифровой террор). Однако ключевым препятствием для радикалов от ислама в данном случае является факт, что и «Аль-Каида», и ИГИЛ претендуют на статус единоличного «защитника» интересов «праведников» и не готовы делить лидерство с конкурентами – а это, в свою очередь, может привести к новому витку соперничества между двумя организациями.

Как бы то ни было, на основании ряда косвенных признаков можно построить первичный прогноз относительно дальнейшего

⁹⁵ В данном случае взято в кавычки по той же причине, что и слово «фетва» ранее.

развития ситуации. При анализе необходимо учитывать два ключевых маркера – стратегию трансформации цифровых структур (как формальных, так и неформальных) радикалов от ислама (курс на усложнение или упрощение имеющихся элементов) и формат взаимодействия друг с другом в рамках глобального исламистского подполья (в зависимости от ситуации может подразумевать как сближение, так и конфронтацию).

Основываясь на перечисленном ранее, можно вывести несколько вариантов развития ситуации.

Так, первый сценарий предполагает, что джихадистские группировки уже в краткосрочной перспективе развернут активную деятельность в киберпространстве, мобилизовав для этих целей всех лояльных себе хакеров и вновь провозгласив наступление «эры цифрового джихада». Не исключено, что для большего эффекта лидеры «Аль-Каиды» и ИГИЛ на какое-то время попытаются свести к минимуму затянувшийся конфликт между группировками (по крайней мере, его публичную составляющую), чтобы сформировать у мирового сообщества убежденность в преодолении исламистами внутреннего кризиса и актуализации угрозы «цифрового 11 сентября». С другой стороны, несмотря на общность идей (а также некоторое снижение конфронтации в последний год), уровень недоверия между двумя группировками по-прежнему запредельно высок. По этой причине повышение киберпотенциала одной из них (пусть и обращенного «острием» вовне) станет серьезным фактором разобщения, поскольку создаст постоянную угрозу для других джихадистских объединений и, с высокой долей вероятности, обострит соперничество между ними. Вероятность реализации данного сценария – «средняя».

Второй, более категоричный, сценарий предполагает, что джихадисты попытаются реализовать цифровой удар без предварительного наращивания потенциала и сближения с конкурентами, делая ставку исключительно на эффект неожиданности. В этом случае целью для атаки, с высокой долей вероятности, станет объект критической инфраструктуры (например, АЭС), что позволит максимизировать психологический эффект от операции и обеспечит широкое информационное сопровождение. «Цифровой джихад» (в виде разовой атаки) в данном случае будет позиционироваться как сигнал о возвращении джихадистов в глобальное противостояние, а также как исполнение ранее прозвучавших угроз. Однако, с учетом деградации цифровых структур

радикалов от ислама, им вряд ли удастся достичь поставленной цели. Более того, за столь агрессивным выпадом гарантированно последует массивная контратака со стороны ведущих кибердержав (а также противостоящих террористам хакерских группировок), которую цифровые структуры джихадистов не выдержат. Таким образом, «цифровой джихад» будет остановлен уже на начальном этапе. В данном случае предполагаемые потери многократно превышают приобретения, ввиду чего вероятность реализации сценария – «низкая».

Третий (и «наиболее вероятный») сценарий подразумевает, что джихадисты в относительно короткий (до двух лет) промежуток времени восстановят киберструктуры, существовавшие в 2015–2017 гг., а также усилят их рядом вспомогательных элементов (например, звеном из хакеров-одиночек). Не исключено также, что в данном случае будет существовать разделение специализации хакеров на наступательную и оборонительную, для обеспечения большей устойчивости формируемых институтов. Однако, в отличие от первого сценария, упор будет сделан не на ведение глобальной борьбы, а на достижение лидерства среди исламистов. Соответственно, первой задачей группировок станет дискредитация и последующее низвержение оппонента (один из вариантов которого – лишение его поддержки хакерского сообщества и, как результат, передовых методов цифровой борьбы). В дальнейшем же, по мере укрепления позиций победившей группировки, начнется постепенное расширение цифрового фронта – с последующим переходом противостояния на глобальный уровень.

Так или иначе, все три сценария имеют точку пересечения: первое время джихадисты не будут предпринимать масштабных наступательных действий в киберпространстве, а сосредоточатся на незначительных целях (веб-сайты СМИ, закрытые базы данных и пр.), маскируясь под киберпреступные группировки. Такой подход позволит, с одной стороны, избежать раннего обнаружения, а с другой стороны, оценить сильные и слабые стороны цифровой обороны противника.

РАЗДЕЛ III

РОССИЯ И МИР: ТЕСТ НА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ

Глава 28

О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (1999)¹

Федор Ладыгин²

Определение источников и характера внешних угроз, возможности перерастания их в опасность перехода вероятного противника к прямым или опосредованным действиям, наносящим ущерб национальным интересам и безопасности страны, возможное содержание и масштабы самих этих действий – все это является частью главных разведывательных задач, а, значит, и областью постоянных усилий и первоочередного внимания разведки. Вполне очевидно, что в первую очередь это необходимо для своевременного предупреждения разведкой высшего военно-политического руководства России о вызревании прямых внешних угроз для ее интересов и безопасности.

Сегодня, в условиях, когда я уже отошел от повседневного решения задач организации и ведения разведки в рамках, определенных законом, я имею возможность взглянуть на рассматриваемую проблему более широко и свободно, не раскрывая,

¹ Впервые опубликовано: *Ладыгин Ф.И. О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России // Ядерный Контроль. 1999. № 6. С. 73–81. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Ядерный-Контроль-№48-1999.pdf>*

² Федор Иванович Ладыгин (1937–2021) – генерал-полковник в отставке.

естественно, тех вопросов, которые еще долгое время будут составлять государственную и военную тайну.

Общая оценка угроз безопасности

Продолжающийся уже без малого девять лет обширный и глубокий системный кризис, поразивший Россию, поставил государство и общество перед драматическим выбором – быть или не быть. Быть российскому государству независимым и уважаемым в мире, а его гражданам – защищенными и свободными в широком понимании этого слова или нет? Национальная безопасность России сегодня подвергается испытаниям и давлению практически по всем основным направлениям.

Сегодня в России в официальных документах и заявлениях политиков принято говорить об угрозах интересам безопасности Российской Федерации в международной сфере. Термин «внешние угрозы», пожалуй, более употребим в профессиональной среде, где меньше придерживаются дипломатических условностей и тонкостей, а больше говорят по существу.

Уход официальных властей от подчеркнутого использования термина «внешние угрозы» отражает как произошедшую за последние годы эрозию статуса России как мировой державы, так и изменения менталитета российской правящей элиты, которая хотела бы видеть традиционных соперников и противников России в списке своих друзей, а не врагов. Новым российским лидерам показалось, что их демонстративный отказ от прежней политики противостояния Западу и предложение руки дружбы бывшим противникам будет воспринято последними адекватно, и все пойдет по-другому. Политика в целом правильная, но и поспешность при этом неуместна, и это подтверждается всем ходом событий, особенно в ходе агрессии НАТО на Балканах.

Итак, принципиально важным в новом российском подходе к оценке внешних угроз является то, что на официальном уровне в ряде ключевых государственных документов, таких, как концепция национальной безопасности, военная доктрина и прочие, заявлено об отсутствии в ближайшие годы угрозы возникновения глобальной ядерной войны и уменьшении опасности или практическом отсутствии угрозы крупномасштабной агрессии против Российской Федерации.

В комментариях российских СМИ, посвященных факту подписания президентом России 17 декабря 1997 г. Концепции национальной безопасности Российской Федерации, особо подчеркивалось, что «[...] впервые на высоком официальном уровне [...] научно обосновано отсутствие для нашей страны внешней военной угрозы». А основные внешние угрозы национальной безопасности России сегодня в основном пытаются связать с различными процессами, происходящими на региональном уровне и в военно-технической сфере. Относиться к таким оценкам и вытекающим из них установкам можно по-разному.

С одной стороны, можно понять стремление руководства страны выйти из состояния непрерывной многолетней мобилизационной готовности к войне на всех фронтах и сосредоточиться на сугубо созидательных мирных делах. Тем более, что оборонный потенциал России существенно ослаблен, а средств для его быстрого восстановления у страны нет. Манипулирование формулировками угроз в устах высших руководителей должно быть исключительно сдержанным и только в случаях, когда об этом нельзя молчать. С другой стороны, высшее политическое и военное руководство государства обязано хорошо знать реальные внешние угрозы безопасности, ощущать их масштабы и представлять степень их опасности. Но оно не обязательно должно говорить об этом вслух, кричать, заламывать себе руки от ощущения бессилия государства и нагнетать страхи. Для безопасности страны гораздо важнее, чтобы ее руководство, реально оценивая всю совокупность внешних угроз, учитывало их в своей политике и спокойно, без лишнего шума, но целенаправленно и методично принимало все необходимые меры для поддержания обороноспособности государства на требуемом уровне.

С учетом вышесказанного рассмотрение и оценку внешних угроз для безопасности и национальных интересов России следует все-таки проводить на двух уровнях – глобальном и региональном.

Глобальные угрозы

На глобальном стратегическом уровне внешние угрозы России сегодня реально представлены следующими угрозами: военными, военно-техническими, финансово-экономическими, геополитическими.

Военные угрозы стратегического порядка сегодня для России, может быть, не так очевидны, как раньше, но большинство прежних угроз сохранились, причем к старым добавились новые.

Во-первых, это по-прежнему мощный и развивающийся военный потенциал США.

Во-вторых, имеется в виду не только сохранение военно-политического блока НАТО, но и его политическое и военное расширение на восток: с захватом сначала территорий стран Восточной Европы и созданием предпосылок для последующего расширения зоны блока на страны Балтии и некоторые государства, являющиеся членами СНГ. Уже сегодня НАТО превосходит Россию по обычным вооружениям в три раза. На этом основании вывод о том, что Запад по-прежнему считает Россию своим стратегическим противником, очевиден. Если бы это было не так, то зачем основателям НАТО пользоваться ослаблением России и прибирать к рукам все, что стало плохо лежать?

В-третьих, необходимо обратить внимание на продолжающееся ползучее нарастание военного сотрудничества стран США и НАТО с возникшими на постсоветском пространстве новыми независимыми государствами. Конечно, это право независимых государств дружить, с кем им хочется. Но у России имеется точно такое же право подходить к оценке этой дружбы с позиций собственной безопасности и собственных национальных интересов. К этому ее регулярно подталкивают и западные, особенно американские, политики, то объявляющие огромные территории бывшего Советского Союза, да и самой России зоной своих, то есть западных, жизненных интересов, то устраивающие невинные с виду военные игры в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» вблизи границ Российской Федерации. Очевидно, что постепенное наращивание масштабов «стратегической приватизации» Западом стран ближнего зарубежья никогда не будет рассматриваться в российском обществе в качестве политики, не представляющей угрозы национальным интересам и безопасности России. Мне понятны мотивы, которыми руководствуются современные правящие элиты ряда стран ближнего зарубежья, идя на расширение военных связей и сотрудничества со странами НАТО. Но эти же элиты должны понимать, почему Россия (не отдельные ее политики, а страна в целом) обеспокоена этим процессом и рано или поздно будет вынуждена принять конкретные меры в целях парирования возможных угроз ее безопасности с этого направления.

В-четвертых, сохранение стратегической военной угрозы России не в последнюю очередь обусловлено продолжающимися попытками США и их европейских союзников добиться одностороннего разоружения России, для чего задействована сложная и многоуровневая система мер политического, дипломатического, информационно-разведывательного, финансово-экономического, договорно-правового, военно-технического и иного характера. Это очень важная тема, требующая детального и глубокого исследования, и я ограничусь только обозначением названной проблемы, но от этого она ничуть не теряет своей актуальности и значимости.

Таким образом, что бы там ни говорили о наступившей постконфронтационной эре, глобальные военные угрозы для России не исчезли. Они существуют, и не учитывать этого, принимать фактически ничем не подтверждаемые волевые допущения такого рода, что, мол, для России нет угрозы глобальной войны, по меньшей мере, несерьезно.

Выходящие на стратегический уровень военно-технические угрозы безопасности сводятся прежде всего к нарастающему отставанию России от западных государств в разработке и внедрении в производство систем вооружений XXI века, а также к легальной или нелегальной утечке за рубеж передовых российских разработок и технологий в оборонно-технической области. Многие десятки западных компаний, фирм, фондов и т.д., действующих на территории России или поддерживающих деловые связи с российскими научно-исследовательскими институтами, лабораториями и предприятиями, в течение последних лет буквально за бесценок выгребали интересующие их сведения, документы и разработки в области военных технологий и технологий двойного назначения, закупают современные образцы российского оружия и военной техники, перекупают российские «мозги». Известно, что, например, США и их западные партнеры добиваются ликвидации Россией ее самых современных и грозных вооружений, в первую очередь стратегических. Там, где этого невозможно достичь политико-дипломатическими средствами, используются другие возможности, например, такие, как запреты на продажу России современных сверхмощных компьютеров, ряда материалов и комплектующих. Известны случаи, когда в руки иностранных инвесторов попадают блокирующие пакеты акций уникальных предприятий

России, без продукции которых невозможно производство некоторых современных вооружений.

Роль глобальных блокираторов развития военно-технической мысли в России выполняют и навязанные мировому сообществу под давлением США международные санкции на продажу вооружений и военных технологий Ирану, Ираку, Союзной Республике Югославии и некоторым другим странам, являвшимся партнерами по военно-техническому сотрудничеству бывшего СССР. Отлучая Россию от этих рынков, лишая ее потенциальных доходов, западные страны создают этим дополнительные трудности для российского военно-промышленного комплекса.

В то же время известно, что в США и в некоторых других странах НАТО интенсивно продолжаются разработки новых видов и образцов высокоточного оружия дальнего действия, которое по своей эффективности может превзойти ряд ядерных вооружений. Вкупе с вероятной реализацией США намерений по развертыванию систем противоракетной обороны (ПРО) на театрах военных действий это может существенным образом снизить эффективность российской ядерной мощи и серьезно ослабить ядерный аргумент России, благодаря которому с Москвой еще как-то считаются в мире.

Финансово-экономические угрозы безопасности России, рассматриваемые в контексте глобальных угроз, формируются прежде всего, через навязываемые Западом России модели и программы экономического реформирования, механизмы кредитования западными и международными финансовыми структурами российских социально-экономических преобразований, сильную привязку российской финансовой системы к американским бумажным деньгам, созданные в России позиции и направления лоббирования западных интересов, приобретение западным капиталом сильных позиций влияния в стратегически важных отраслях экономики (топливно-энергетический комплекс, металлургия, машиностроение, авиакосмическая промышленность и прочие).

Геополитические угрозы, которые по своему характеру и возможным последствиям могут рассматриваться в контексте глобальных проблем безопасности России, следует, в первую очередь, идентифицировать с усилиями западных стран по вытеснению России из районов и зон ее традиционного влияния в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье и Центральной

Азии, с активным политическим, экономическим и военным закреплением этих стран в государствах ближнего зарубежья, а также с созданием неких международных гарантий невозврата ситуации на постсоветском пространстве в любое из ее прежних состояний, особенно, если это будет связано с попытками России расширить свое влияние на страны ближнего зарубежья.

Если все три обозначенные направления объединить единым замыслом, то он может быть сформулирован следующим образом: геополитические усилия западных стран, являвшихся в течение десятков лет стратегическими противниками СССР и остающимися по существу таковыми для России, сегодня направлены на то, чтобы закрепить распад СССР, как минимум, заблокировать Россию в ее нынешних границах и предотвратить любые попытки с ее стороны поставить под свой контроль развитие военно-политической ситуации на соседних территориях, исторически принадлежавших России, тяготеющих к ней сегодня и сохранивших с нынешним российским государством человеческие, духовные, экономические, культурные и другие связи.

Если идти дальше, а для этого имеются все основания, главная геополитическая угроза безопасности и национальному суверенитету России возникает на основе сложившегося на Западе, и в первую очередь в США, стереотипа мышления, согласно которому Россия, как правопреемница потерпевшего поражение в холодной войне Советского Союза, не должна рассматриваться в качестве серьезного самостоятельного субъекта мировой политики и международного права.

Если обратиться к нашумевшей книге Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска», то можно увидеть, что Россия рассматривается самым известным современным геополитиком США в качестве разменной монеты американской стратегии для остального мира. Предлагаемое Бжезинским расчленение еще только становящегося на ноги российского государства как минимум на три относительно независимые друг от друга части – это как раз та очередная стратегическая задача, которая, по-видимому, если еще не ставится в практическом плане, то вынашивается идеологами и стратегами американской геополитики в отношении России. Можно ли после этого утверждать, что никаких внешних угроз глобального масштаба для безопасности России не существует? Из вышесказанного видно, что на идеологическом уровне такие угрозы как бы уже оформлены.

Наконец, при оценке геополитических угроз безопасности России нельзя исключить американскую концепцию нового мирового порядка, которая легла в основу Стратегии национальной безопасности США и направлена на обеспечение глобального контроля в важнейших вопросах обслуживания интересов транснационального капитала: беспрепятственный доступ к ресурсам других стран, включая их природные и людские ресурсы, к их рынкам, устранение каких-либо барьеров для движения и воспроизводства национального капитала. Нетрудно догадаться, что в соответствии с этими установками Россия и страны ближнего зарубежья являются первоочередными объектами данной стратегии. Все больше американских политиков говорят об этом уже в открытую.

Региональные угрозы безопасности. Россия и государства ближнего зарубежья

На постсоветском пространстве еще до распада бывшего СССР и сразу же после того, как это произошло, возникло и сохраняется до сих пор несколько зон напряженности и очагов вооруженных конфликтов, оказывающих неблагоприятное воздействие на общую военно-политическую ситуацию на пространстве СНГ. Это ситуация в Приднестровье, грузино-абхазский конфликт, последствия конфликта в Южной Осетии, тлеющий вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, а также ситуация после гражданской войны в Таджикистане. Вызовы национальным интересам России и ее безопасности создают неурегулированность ряда военно-политических проблем российско-украинских отношений, антимосковские мотивы в политике правящих элит некоторых других стран СНГ, а также попытки ряда государств Запада и мусульманского мира воспользоваться военно-политической нестабильностью и кризисным характером обстановки в указанных выше горячих точках с целью расширить свои позиции в них в ущерб интересам России.

Где бы на пространстве СНГ ни возник вооруженный конфликт, он обязательно будет затрагивать российские интересы. Почему?

Во-первых, Россия все еще слишком тесно связана различными узами с остальными странами СНГ, и любой конфликт ставит ее перед сложным выбором позиции и отношения к нему,

который не может быть конъюнктурным, тем более – несправедливым.

Во-вторых, Россию и многие страны СНГ связывают конкретные обязательства как в рамках Договора о коллективной безопасности 1992 г., так и других многосторонних и двусторонних соглашений, и любой конфликт рано или поздно приходится разбирать в Москве, даже если, допустим, этого не хочет какая-нибудь из конфликтующих сторон: таковы пока реалии, и ничего с этим не поделаешь.

В-третьих, в официальном политическом курсе России цели и задачи реинтеграции в рамках Содружества стоят на одном из первых мест, и поэтому любая напряженность, тем более – вооруженный конфликт между любыми государствами-членами СНГ не могут не рассматриваться в Москве в качестве факторов, препятствующих реализации этого курса.

В-четвертых, любой вооруженный конфликт и любое противостояние, возникающие в пределах границ СНГ, подвергают испытаниям претензии России на роль одного из центров многополярного мира. Безразличие и невмешательство России адекватными средствами в существующие и возникающие конфликты и кризисные ситуации, равно как и ее непоследовательные и неумелые действия по локализации и урегулированию конфликтов и острых споров на постсоветском пространстве дискредитируют выдвинутую российским политическим руководством концепцию многополярного мира, являющуюся по существу одним из несущих китов геополитики и геостратегии России на рубеже XX и XXI столетий.

Чем конкретно угрожают безопасности и интересам России вооруженные конфликты за пределами ее границ на пространстве СНГ?

Первое. Практически любой вооруженный конфликт такого рода ставит перед российским руководством вопрос о принятии решения на активное вмешательство в той или иной форме, включая, естественно, и применение силы, в происходящие события в целях прекращения огня, стабилизации ситуации и создания основы для поиска политического решения конфликтной ситуации. Это чаще всего грозит опасностью втягивания России в силовые разборки конфликтующих сторон, при том, что российские воинские контингенты, находящиеся сегодня в зонах вооруженного противостояния (Таджикистан, Абхазия, Южная Осетия,

Приднестровье), имеют статус миротворческих сил. При этом Россия в одиночку несет на своих плечах все финансовые расходы, связанные с миротворческими операциями российских сил в зонах конфликтов, теряет своих солдат и офицеров, вынуждена выслушивать все нарекания и упреки за свою сдержанность и нежелание кого-то придавить и т.д.

Второе. Как показывает опыт всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, волны их негативных последствий (беженцы, бесконтрольное обращение оружия, терроризм и прочие) накатываются на Россию, становясь дополнительной головной болью для российских властей всех уровней и общества в целом. В результате различного рода непродуманных санкций, принимаемых в рамках СНГ, нарушаются экономические и человеческие связи, страдает в первую очередь русское население, проживающее в зонах вооруженных конфликтов. Стремясь развести и примирить враждующие стороны, не оказывая предпочтения ни одной из них, Россия чаще всего попадает в достаточно сложное положение, когда ею недовольны, пытаются оказывать на нее давление, шантажировать и т.п. Очевидно, что это сужает для России возможности маневра как в политической, так и в других сферах ее отношений со странами СНГ и не только с ними, часто ставит национальные интересы России в зависимость от конфликтующих сторон или личных амбиций того или иного регионального политика.

Третье. Вооруженные конфликты вблизи российских границ на территории стран СНГ обладают способностью втягивать в себя в явной или скрытой форме другие страны, становясь, таким образом, потенциальными зародышами международных военно-политических проблем. Зоны конфликтов привлекают к себе различные вненациональные экстремистские организации и группировки, а также профессиональный наемный элемент. Чем дальше такие конфликты остаются неурегулированными, тем в большей степени они становятся своего рода инкубаторами воинов-профессионалов, которые со временем ничем другим, кроме войны, заниматься уже не могут и сами по себе становятся источниками угрозы, появляясь и на территории России то в Чечне, то в Дагестане и т.д.

Четвертое. Все внутренние вооруженные конфликты в СНГ возникли и развивались на почве межнациональных противоречий. Затем на них накладывались другие конфликтогенные факторы:

экономические интересы противоборствующих сторон и третьих стран, борьба вокруг проблем суверенизации самопровозглашенных государственных образований и их отношений с внешним миром и прочие. Сегодня все самопровозглашенные республики, за исключением Южной Осетии, уже обладают собственными вооруженными силами, правоохранительными структурами и другими атрибутами собственной государственности. Главное же состоит в том, что население этих республик глубоко прониклось ощущениями суверенитета и, похоже, готово отстаивать его при любых условиях. Ввиду этих особенностей и уже достаточно длительного сохранения рассматриваемых конфликтных ситуаций их урегулирование сегодня на основе соблюдения принципа территориальной целостности той же Грузии, Азербайджана или Молдовы представляется задачей чрезвычайной политической сложности. Россия не может бесконечно долго выполнять роль миротворца, держа свои воинские контингенты в кризисных зонах или поддерживая там состояние относительного мира другими средствами. Но она также не может уйти из этих зон или отказаться от своего посредничества до того, как отношения между конфликтующими сторонами не будут окончательно урегулированы и не будут обеспечены гарантии невозобновления кровопролития. Россия не должна, не может лишить надежд на мир и жизнь тех, кто в нее еще верит. Вот в чем вопрос! Возможностей появления новых неприятностей в этой ситуации – больше, чем достаточно.

Пятое. Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве постепенно стали объектами международной политики. Все более широкое участие в разрешении их последствий принимают международные организации – ООН, ОБСЕ, Организация исламского сотрудничества и другие. В условиях, когда Россия в силу изложенных выше причин довольно ограничена в выборе путей и средств возвращения ситуации в зонах конфликтов в исходное положение, роль международных усилий и влияние третьих стран в кризисных зонах постепенно возрастают. Негативной, с позиций российских интересов, стороной этого процесса является то, что вовлечение третьих стран в разрешение кризисных ситуаций на пространстве СНГ происходит по инициативе лидеров тех государств Содружества, на территории которых эти ситуации сегодня присутствуют. Речь идет в первую очередь о Грузии, Азербайджане, Молдове и, отчасти, Таджикистане. Ясно, что в данном случае речь может идти только о стремлении

руководителей указанных стран (пока за исключением Таджикистана) вытеснить из кризисных зон Россию, как не оправдавшую их надежд, и придавить мятежников сильными чужими руками – турецкими (в Нагорном Карабахе), американскими, НАТОвскими или даже, например, украинскими (в Абхазии и Приднестровье). Тень боснийского и косовского варианта умиротворения нет-нет да и набегает на кризисные зоны в СНГ. Ясно, что последний вариант, в случае его реализации, будет создавать вполне реальные угрозы долгосрочным национальным интересам и безопасности России: окончательный развал даже бумажной системы коллективной безопасности СНГ, недвусмысленный уход ряда государств Содружества под западный зонтик безопасности, вплоть до попыток их вступления в НАТО, еще больше углубили бы перекос в геополитической и геостратегической расстановке сил вокруг границ России не в пользу последней.

Наряду с угрозами безопасности и интересам России, вырастающими из вооруженных конфликтов и зон напряженности на пространстве СНГ, должны учитываться и угрозы, возникающие на почве конфликтных ситуаций в регионах, примыкающих к границам стран СНГ или расположенных вблизи них. На востоке источником таких угроз является многолетняя напряженность на Корейском полуострове. На юге – это сохраняющееся состояние военно-политической напряженности и межнациональных вооруженных конфликтов в Афганистане, политическое и военное противостояние Ирака и США, ирано-иракские противоречия и курдская проблема. На западе явных угроз такого рода сегодня не существует, но предпосылки их появления имеются. Страны Балтии вновь развернули пропагандистскую кампанию в пользу своего вступления в НАТО. Противоречивая картина сохраняется и в российско-украинских отношениях. Что касается последствий агрессии НАТО против Югославии, то они выходят на стратегический уровень.

Попытки вмешательства различных сил из стран ближнего зарубежья или с их территории во внутренние дела России путем поощрения и поддержки действующих на российской территории сил агрессивного сепаратизма и национализма через механизмы политического и экономического лоббирования чужих интересов по своим масштабам по сравнению с предыдущими угрозами находятся на ступеньку или две ниже, однако они более конкретны и целенаправленны, а потому могут проявляться

в довольно острой форме и наносить конкретный ущерб как безопасности России, так и в целом ее национальным интересам, равно как и интересам народов из других стран, стремящихся к сближению с российским государством.

Так, не являются секретом многочисленные факты использования территории Азербайджана и некоторых политических движений этой страны в контексте общих внешних усилий по поддержке чеченского сепаратизма до войны, во время войны в Чечне (1994–1996) и после ее окончания. Как известно, двойственную позицию в отношении чеченской проблемы занимала и часть правящих кругов и политических элит Украины и стран Балтии. Во всяком случае, ряд их граждан принимали непосредственное участие в боевых действиях на стороне чеченских сил, и никто ни на Украине, ни в странах Балтии никаких препятствий в этом им не чинил. Известны также ставшие практически регулярными контакты нынешнего грузинского руководства с современными лидерами чеченского сепаратизма, в ходе которых за спиной Москвы решаются какие-то геополитические и технические задачки. Несомненно, что президент Грузии Эдуард Шеварднадзе пытается этим оказать давление на Россию в так называемом абхазском вопросе и в вопросах, имеющих отношение к маршрутам транспортировки на внешние рынки каспийской нефти.

Следует воспринимать как недружественные и антироссийские усилия некоторых наших ближних соседей по созданию на российской территории управляемых и агрессивно настроенных национальных диаспор (например, азербайджанской, той же грузинской и других) и нетрадиционных для России религиозных течений. В последнем, как известно, определено преуспели некоторые мусульманские государства.

Весьма серьезной формой вмешательства во внутренние дела России со стороны государств ближнего зарубежья является их довольно продвинутый, но в то же время скрытый политический и экономический лоббизм своих интересов в органах российской законодательной и исполнительной власти. По некоторым признакам наиболее активны в таком роде деятельности страны Балтии, Украина, Грузия, Азербайджан, Казахстан. Этому в России, по-видимому, не придается особого значения, а напрасно. Часто получается так, что интересы турок-месхетинцев, турецких курдов, азербайджанских хозяев криминализованной торговой сети овощей и фруктов на территории России или грузинской спир-

товой мафии и воров в законе могут лоббироваться довольно эффективно.

Процессы переориентации политических элит большинства стран ближнего зарубежья на расширение политических и торгово-экономических связей и военного сотрудничества со странами так называемого дальнего зарубежья (здесь речь идет в первую очередь о странах Запада и исламского мира) на данном этапе представляются объективными: в России они видят прежде всего потенциального противника, «империалиста», страну, экономические возможности которой не позволяют ей бросить крупные ресурсы на борьбу (то есть на подачки и, как обычно, безвозмездные финансовые вливания) за укрепление своих позиций в ближнем зарубежье. С другой стороны, западные страны и некоторые богатые арабские государства в состоянии это сделать. И это все решает. Конечно, новые независимые государства имеют полное право выбирать себе партнеров по сотрудничеству, и Россия вряд ли будет предпринимать какие-то меры с целью помешать этому выбору. Вместе с тем и незамеченным данный выбор пройти не может.

Долгосрочные угрозы интересам, а в недалекой перспективе и безопасности России, возникают буквально у нее под боком в связи с процессами вовлечения природных ресурсов других стран СНГ в обеспечение функционирования экономики развитых стран мира. Наиболее показательными в этом отношении являются гигантский международный проект по освоению запасов углеводородного сырья (нефть и газ) на шельфе Каспийского моря, непрерывно расширяющееся участие западных компаний в разработке нефтегазовых, золоторудных, урансодержащих и иных месторождений на территории Казахстана и других центрально-азиатских стран, а также планы создания так называемого трансасиатского транспортного коридора, включающего сеть широтных автомобильных, железнодорожных и трубопроводных магистралей, связывающих страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Китай с Европой в обход территории России и ее транспортных магистралей. Возникающие при этом угрозы национальным интересам и безопасности России сводятся к следующему:

- Россия, вложившая в свое время в развитие экономики и инфраструктуры Центральной Азии и Закавказья огромные средства, взятые в основном из доходов централь-

ных российских регионов, лишается принадлежащей ей по праву доли участия в разработке и использовании природных ресурсов на территории соседних с ней государств СНГ.

- Западные страны, и главным образом США, в связи с возрастанием значения энергоресурсов Центральной Азии и зоны Каспия в поддержании на требуемом уровне энергетического баланса западного мира, а, значит, и сохранения им достигнутого уровня жизни своих народов, включают указанные регионы СНГ в зону своих так называемых жизненно важных интересов и заявляют о своей решимости защищать эти свои интересы с использованием силы. С одной стороны, это уже является актом давления на сами страны-обладательницы богатых природных ресурсов, которым подсказывают, кто их настоящий хозяин. С другой стороны, это и предупреждение России, Китаю или тому же Ирану не предпринимать ничего такого в этой зоне, что могло бы быть расценено как посягательство на интересы пришедших сюда развитых стран мира с их аппетитами. Что это, как не угроза? Достаточно вспомнить, как вели себя США и их ближайšie западные союзники по отношению к Ираку или Ирану, вознамерившимся не так давно опротестовать право Запада контролировать нефтяные запасы в зоне Персидского залива и все вопросы, связанные с их разработкой и вывозом на внешние рынки.
- Масштабное вовлечение природных и других ресурсов стран СНГ в систему западного хозяйствования может стать серьезным тормозом на пути интеграционных процессов в рамках СНГ.
- Усиление западного присутствия в районах, непосредственно примыкающих к российским границам, и то соперничество, та борьба, которые разворачиваются вокруг проблем разработки и дальнейшего использования природных ресурсов стран ближнего зарубежья, не могут не сказаться негативно на развитии военно-политической ситуации и в самой России, особенно на Северном Кавказе, который также оказывается в зоне этого противоборства.

Нельзя также не упомянуть и следующие региональные угрозы безопасности России, проистекающие из сопредельных с ней государств.

Во-первых, процессы неконтролируемой миграции граждан стран ближнего зарубежья в Россию, незаконного оборота через российские границы наркотиков и наркосодержащих веществ, контрабандной торговли и незаконных валютных операций.

Во-вторых, распространение регионального бандитизма и терроризма, незаконного оборота оружия, возможное расползание в соседних с СНГ регионах оружия массового уничтожения, включая ядерное и его компоненты, и средств его доставки. Данная угроза не надумана. Она является следствием развала бывшего СССР, разрыва прежнего единого оборонного и правового пространства, системы обеспечения внутренней безопасности, неурегулированности вопросов о государственных границах и контроля на них.

Представляется, что в России вышеизложенным проблемам до сих пор уделяется очень мало внимания. Решаются только частные проблемы. Целную же стратегию на этом направлении, чрезвычайно важном с точки зрения обеспечения безопасности и национальных интересов России, по-видимому, еще предстоит разработать.

Глава 29

ПРОТОКОЛЬНЫМИ НОТАМИ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ НЕ ПИШЕТСЯ (2003)¹

Дмитрий Rogozin
в беседе с Андреем Фроловым²

Андрей Фролов: На саммите в Санкт-Петербурге произошло важное событие – президенты России и США обменялись ратификационными грамотами по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП). Каким Вы видите будущее процесса сокращения ядерных вооружений в мире, особенно в свете того, что Сенат США принял решение о проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по новым типам ядерных боеприпасов, отменив закон Спрагга-Фурса 1993 г., который запрещал их разработку?

Дмитрий Rogozin: Ничего хорошего, безусловно, в этой программе нет. Мир от этого прочнее и надежнее не станет. Само наименование предмета разработки – ядерные боеприпасы малой мощности – как бы снимает всякие, в том числе и моральные, ограничения на практическое применение ядерного оружия. Пока оно воспринимается многими как показатель экономического развития страны, элемент ее политического статуса. Но усовершенствование ядерных боеприпасов малой мощности, очень вероятно, снимет это табу под предлогом того, что ограниченное и «пропорциональное» их использование исключит возможность гибели мирного населения и фатального влияния на экологию планеты. И это обязательно повлечет за собой гонку обычных вооружений в странах, считающих себя потенциаль-

¹ Впервые опубликовано: «Протокольными нотами мировая история не пишется». Интервью Андрея Фролова с Дмитрием Rogozиным // *Ядерный Контроль*. 2003. № 3 (69). С. 9–14. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Ядерный-Контроль-№69-2003.pdf>

² Дмитрий Олегович Rogozин (род. 21 декабря 1963 г.) – председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам. Андрей Львович Фролов – корреспондент журнала *Ядерный Контроль*, сотрудник ПИР-Центра.

ными жертвами нападения. Кроме того, вспомним, сколько крылатых ракет и неразорвавшихся авиационных бомб армия США «потеряла» во время войны в Югославии, Афганистане и Ираке и что может произойти с самими США и всеми нами, если в очередной раз рассеянные американцы где-нибудь забудут ядерные заряды малой мощности. Тогда ущерб от действий «шахидов» будет исчисляться сотнями тысяч жертв.

Что касается Договора о СНП, то он регулирует объемы именно стратегических наступательных вооружений. По нему Россия приобретает право самостоятельно определять состав своих ядерных сил в пределах 1700–2200 боезарядов до 2012 г. Этого количества достаточно для того, чтобы нанести неприемлемый ущерб любой стране мира в случае посягательства на наш суверенитет.

Более того, этот договор выправляет ряд сомнительных положений Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений 1993 г. (Договор о СНВ-II), согласно которому мы должны были отказаться от самого продвинутого вида стратегических вооружений – ракет с разделяющимися головными частями, которые в обозримой перспективе останутся самым эффективным средством преодоления любых систем противовоздушной обороны (ПВО) и противоракетной обороны (ПРО).

В процессе подготовки этого договора к ратификации в Государственной Думе России некоторые его положения вызвали у депутатов замечания, с учетом которых проект закона о ратификации был существенно доработан и усовершенствован. Мы дополнили его рядом принципиально новых положений, которые позволят нам «держать порох сухим», то есть обеспечивать безопасность Российской Федерации при самых неблагоприятных сценариях развития стратегической обстановки. В частности, предусмотрена возможность выхода из него в случае, если иным государством или группой стран будут развернуты системы ПРО, которые смогут снизить эффективность стратегических сил Российской Федерации.

В целом, я полагаю, что Договор о СНП вполне отвечает нашим интересам, несмотря на противоречия между Россией и США в вопросах развития и принятия на вооружение усовершенствованных образцов ядерных зарядов малой и средней мощности.

Андрей Фролов: Российские политики и высокопоставленные государственные чиновники, в том числе на страницах нашего журнала, заявляли, что Договор о СНП отвечает интересам России. В то же самое время возникает вопрос, нет ли противоречия между стремлением сократить российские ядерные арсеналы и действиями США, которые уже сейчас присутствуют в зоне российских национальных интересов – в Средней Азии, Закавказье?

Дмитрий Рогозин: Договор о СНП предполагает взаимные сокращения ядерного оружия в России и в США. Это паритет. Что касается российских интересов в Средней Азии и Закавказье, то они состоят в поддержании мира и в отсутствии угрозы терроризма, наркотрафика и потоков нелегальной миграции. Падение режима талибов³ в Афганистане при участии Америки нам выгодно. Более того, могу сказать, что нам невыгодны как раз слабость американских военных в этой стране и их неспособность добить этих кровожадных талибов, прекратить наркобизнес, которым едва ли не весь Афганистан живет, а главное – неспособность установить в Кабуле действительно сильное, вменяемое и эффективное правительство, которое могло бы взять реальную власть в свои руки, а не повторять историю Бабрака Кармала образца 1979 г. В этом мы должны оказывать Америке посильную поддержку. Мы неплохо сотрудничали при активных действиях США в Афганистане в рамках антитеррористической операции. Без нашей поддержки Северного альянса американцам пришлось бы, прямо скажем, туговато. Нам следует сотрудничать и в дальнейшем.

В то же время в Грузии, например, Вашингтон проводит совершенно близорукую политику, взаимодействуя с режимом Эдуарда Шеварднадзе. Американцы пытаются удержать его на президентском посту насколько это возможно, поддержать материально, хотя и по-американски скуповато. Даже грузинский спецназ взялись подготовить. Правда, тот разбежался, не выдержав тренировок. Одним словом, в этой части Закавказья американцы пытаются заявить свою активную позицию. Стоит ли нам ругаться с ними по этому поводу? Думаю, что в этой части как раз противоречий, а тем более предмета для конфронтации у

³ Исламистское движение, действующее в Афганистане и Пакистане. Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

нас нет. Есть недопонимание. Но оно в принципе может быть преодолено, если без истерики, без раздражающих назиданий указывать американцам на их ошибки, которые со временем увеличат свою стоимость.

Андрей Фролов: Как Вы можете охарактеризовать российское участие в Договоре о коллективной безопасности 1992 г. (ДКБ)? Является ли, на ваш взгляд, ДКБ оппозицией НАТО или же, напротив, у ДКБ и НАТО есть гораздо больше пространства для сотрудничества, чем для соперничества?

Дмитрий Rogozin: ДКБ – такое же региональное объединение военного сотрудничества, как и НАТО. И полагаю, что такое же номинальное. Это такая – как бы политическая – декларация взаимного уважения и партнерства. Проводятся саммиты участников, совместные военные маневры, содержатся многотысячные армии. Но когда дело доходит до принятия конкретных решений, то в НАТО их принимают США в личном качестве, в ДКБ – Россия.

Надо было Америке влезть в Ирак – влезли. Правда, прикрыли это вторжение фиговым листком некой «коалиции» с участием Болгарии и Польши. Но реальное решение принимали в Белом доме. Остальные подстраивались. И ни о каком консенсусе в НАТО вопрос даже не ставился. Так и Россия. В Чечне – с международным сбродом террористов боремся сами. В Таджикистане в 1990-х гг. будто бы коалиционные силы в рамках ДКБ должны были присутствовать. Реально это были только наши военные, не считая взвода киргизов и роты казахов, которые все равно реального участия в военных действиях не принимали.

Таким образом, объединения эти на сегодняшний день способны, в лучшем случае, только на обеспечение ограниченного присутствия миротворцев или проведение гуманитарных операций по доставке в нестабильные районы тушенки и туалетной бумаги. Что касается взаимоотношений этих объединений, то, очевидно, следовало бы сотрудничество между ними развивать и наращивать. Я далек от мысли, что в ближайшие годы вероятны какие-то практические совместные дела. Но стремиться к этому нужно, хотя бы затем, чтобы демонстрировать миру рост взаимного доверия и единство политических принципов.

Андрей Фролов: Как, на Ваш взгляд, стоит расценивать намерение российского руководства участвовать совместно с США в разработке и создании системы противоракетной обороны?

Дмитрий Рогозин: Не уверен, что это перспективная затея. Американцы – слишком эгоистичная нация. Такому вот национализму, кстати, нам следовало бы у них аккуратным образом поучиться. ПРО интересна для них не столько с точки зрения ее военной эффективности, сколько в качестве импульса для развития своего военно-промышленного комплекса (ВПК), науки, технологий и экономики в целом. Закачают в этот проект 300 млрд, и на десять лет вперед миллионы людей будут при деле, будут что-то придумывать, мастерить. И в результате США сделают такой мощнейший экономический рывок, что на ближайшие лет 50 оставят позади всех, даже своих верных и экономически продвинутых союзников. Какой им смысл делиться с нами? Я бы на их месте так не поступил. Пока эти проекты кооперации с Россией не приобретут конкретных очертаний и не замачат реальные инвестиции, я буду скептиком. У США в этом вопросе, прямо скажем, неважная репутация.

Андрей Фролов: Одной из современных угроз миру является растущая роль так называемых «негосударственных игроков» трансграничной преступности и международных террористических организаций. Не секрет, что они подчас образуют тесный союз. С какими государствами сотрудничает Россия для предотвращения этой угрозы? Насколько плодотворно такое сотрудничество?

Дмитрий Рогозин: Эта тема с точки зрения права, пожалуй, самая неразработанная в современном мире. Вроде бы все, задрав штаны, готовы броситься на борьбу с международным терроризмом, бандитизмом и транснациональной преступностью. Но всякий раз, когда необходимо принимать конкретные решения, сразу расчехляют свои «стволы» всевозможные правозащитные организации, активизируются адвокаты и прочие «миротворцы». И их влияние на принятие политических решений нельзя недооценивать.

Взять хотя бы навязший уже в зубах пример Ахмеда Закаева⁴, которого сначала датчане пригнали, теперь англичане со

⁴ Ахмед Халидович Закаев (род. 26 апреля 1959 г.) – один из лидеров чеченских сепаратистов. – *Прим. ред.*

свойственной Туманному Альбиону волокитой решают, стоит ли выдавать его для проведения следственных – прошу обратить внимание, что именно следственных, – действий нашей прокуратуре или нет. А его следовало бы судить уже за организацию незаконных вооруженных формирований, что в переводе на русский язык называется бандой. Это ведь только «старейшим демократическим судам» непонятно, для чего создаются такие банды. Наверное, думают, чтобы садовые товарищества устраивать! Закаев – гражданин России, и бандитствовал он здесь. Если и не он лично, так его сподручные убивали людей, наших солдат, ребят, которые служили своей стране, а страна должна, обязана наказывать любого, кто покушается на жизнь тех, кто ее защищает.

Эти самые «демократии» саботируют наше национальное правосудие, мешают органам дознания. Простота – она ведь, известно, хуже осознанного уголовно наказуемого деяния. Это не что иное, как попытка политической социализации бандитизма, политическое спонсорство международного терроризма. Первая чеченская кампания не была доведена до конца в том числе и по их вине. И это действительно большая проблема международного контртеррористического сотрудничества, когда отсутствие общедоступных и понятных, а самое главное – эффективных правовых норм тормозит эту борьбу. А по большому счету – и вообще ставит под сомнение будущее современной российско-европейской цивилизации, обрекая ее на кровопролитную войну за право на жизнь. Мировая история протокольными дипломатическими нотами не пишется.

Я считаю так: перед лицом террористической угрозы, не признающей правил и норм современной цивилизации, граждане России не должны оставаться заложниками несовершенных юридических норм. Слабость правовой базы не может считаться оправданием бездеятельности власти, когда речь идет об угрозе жизни, свободе и гражданскому достоинству населения страны.

Англичане говорят: «Если правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила». Если есть воля правительства, то никакое юридическое крючкотворство не сможет воспрепятствовать выполнению им своей конституционной функции защиты людей. Проблема в том, что в сытой Европе остроту угрозы еще не до конца почувствовали. Со временем они,

безусловно, поймут, в чем дело. Но, боюсь, для этого им предстоит пережить свое «11 сентября»⁵. К сожалению.

Андрей Фролов: В Вашем лице Государственная Дума поддерживает активный диалог с европейскими структурами. Какие магистральные направления Вы видите для российско-европейского сотрудничества в области безопасности? Есть ли у России намерение сотрудничать с Европой в деле создания системы противоракетной обороны театра военных действий?

Дмитрий Рогозин: Это терроризм, наркобизнес, который должен быть приравнен к распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), нелегальная миграция как потенциальный рассадник преступности. Безусловно – нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ. Все, что отвечает нашим взаимным интересам и работает на укрепление режима безопасности и стабильность.

Что касается противоракетной обороны театра военных действий, то следовало бы для начала изучить потенциальный источник угроз и вероятных участников этого «театра» и строить оборонительные рубежи адекватно этим угрозам. А то ведь может случиться так, что мы увлечемся этими локальными ПРО, а беда подкрадется с другого берега, как в Америку 11 сентября 2001 г. Поэтому работа в вопросах безопасности должна строиться комплексно, с использованием как чисто военных ресурсов, так и политических механизмов. Так называемые «неэффективные» режимы, или «страны-изгои», вполне могут лечиться политическими методами. Это намного дешевле, чем прибегать к услугам армий. Вот в Ираке, хотя военная победа и была одержана, но в данном регионе это еще ничего ровным счетом не означает.

Но порох все равно следует держать сухим. Мир не так стабилен, как хотелось бы. И противоракетные системы театра военных действий следует, конечно, совершенствовать, в том числе и во взаимодействии с европейскими партнерами. Но делать это, повторюсь, следует, только изучив реальные источники угроз и в комплексе с политическими средствами влияния.

Андрей Фролов: Сейчас много говорится о кризисе режима нераспространения. СМИ пестрят сообщениями о стремлении

⁵ Речь идет о терактах 11 сентября 2001 г. в США. – *Прим. ред.*

целого ряда государств приобрести ядерное оружие в обход режима нераспространения. Как Вы оцениваете эффективность этого режима?

Дмитрий Rogozin: Режим нераспространения нельзя контролировать абсолютно эффективно. Наука и технологии распространяются быстро и решительно. Говорят, даже где-то в интернете можно ознакомиться с инструкциями по изготовлению примитивных ядерных устройств. Если 50 лет назад это был удел самых продвинутых, то сегодня – стран средней технологической подготовки. А что будет лет через 15, страшно подумать. А любителей острых ощущений в мире не убавляется. И даже наоборот, они смело и легко осваивают все новинки в номенклатуре товаров по уничтожению себе подобных. Сие означает, что режим нераспространения следует укреплять, делать его эффективным, а все международные акции должны иметь адресный характер и санкционироваться хотя бы Советом Безопасности ООН, наиболее влиятельными странами, ответственными за глобальную стабильность. А то в Ираке работали инспекторы, добросовестно искали признаки ОМУ, трагично тратили деньги международных налогоплательщиков. Ничего не нашли, а война началась. А Пакистан, Индия, Израиль не особенно и скрывают, что у них ядерное оружие есть. Но международное сообщество как воды в рот набрало. Поэтому, если говорить о главной трудности, то это двойной стандарт.

В случае с Ираном удалось в принципе договориться, чтобы там не проводились не санкционированные Международным агентством атомной энергии (МАГАТЭ) ядерные исследования, и чтобы они не увлекались играми с делящимися материалами. Но ведь технологии эти и оборудование попали в Иран не из России. По некоторым оценкам, ниточка ведет через Пакистан в европейские лаборатории. Поэтому можно говорить, что тема эта актуальна, и простор для работы в этом направлении широк.

Андрей Фролов: Каким Вы видите будущее Организации Объединенных наций и в целом архитектуру международной безопасности после операции США в Ираке? Может ли восьмерка заменить Совет Безопасности ООН или, возможно, ради сохранения этой организации стоит прислушаться к мнениям о необходимости увеличения постоянных членов СБ ООН?

Дмитрий Rogozin: К ООН есть много претензий. Пока работа ее малоэффективна. Порой напоминает тусовку пикейных жите-

тов, где адепты всевозможных политических школ упражняются в риторике. Документы ее не носят обязывающего характера. Во всяком случае, не все. Операция в Ираке 2003 г., конечно, показала слабость этой организации. США смогли легко обойтись без ее одобрения, и это плохо. Но в то же время показательно, что Вашингтон настойчиво и последовательно стремился снискать это одобрение. А значит, мнение ООН было ему не совсем безразлично, следовательно, политический ресурс ее еще не исчерпан. Нужно просто наполнить ее новым содержанием, обеспечить независимость и эффективность принимаемых решений.

Что касается возможности G8 заменить СБ ООН, то вряд ли это возможно и вряд ли целесообразно эту тему даже обсуждать. Восьмерка, конечно, представлена странами достойными, сильными и влиятельными. Но влияние это заслужено их высоким уровнем развития, реальной силой, умом, гармоничным устройством. Если эти «умные» и «сильные» возьмутся диктовать свою волю остальному миру, то в этом случае велик риск не справиться с этой задачей.

Диктаторов не любят никогда и нигде. Любая диктатура мобилизует силы сопротивления, которые потом традиционно одерживают победу. Лучше уж восьмерке сохранять за собой репутацию «неформального» мирового лидера, на которого остальные могли бы равняться, и чтобы другие стремились к такому же упорядоченному устройению.

А вот тему расширения списка постоянных участников СБ ООН можно было бы обсудить с тем, чтобы вовлечь в работу страны, обладающие влиянием в вопросах региональной безопасности и стабильности, не девальвируя при этом статус сегодняшних постоянных членов Совета Безопасности.

Андрей Фролов: Обнародованный в июне 2003 г. доклад МАГАТЭ о ядерной программе Ирана подверг сомнению заявления иранского руководства об исключительно мирном характере ядерной программы этого государства. В свете этой информации как, на Ваш взгляд, должна Россия строить свои отношения с Ираном, учитывая тот факт, что Иран – стратегический союзник и крупный деловой партнер России?

Дмитрий Рогозин: Сейчас историю с ядерной программой Ирана в основном удалось разрулить. Без истерики, скандалов и мордобоя. И это хороший пример эффективности политических

средств влияния. По многим вопросам и со многими, казалось бы, безнадежными странами договариваться можно. Не всегда просто, но можно.

Иран – наш непосредственный сосед. Ядерного оружия там нет, и наш интерес в том, чтобы исключить возможность его появления в Иране, несмотря на наши сегодняшние добрые с ним отношения. И в Иране это хорошо понимают. Гораздо лучше нам самим построить там мирную атомную станцию, о начинке которой мы знали бы лучше самих иранцев и были бы уверены, что даже при очень скверном развитии событий никакого греха там не приключится. Иран для нас – огромный рынок, который мы можем осваивать долгие годы. Это очень культурная страна, мало пострадавшая от квазикультурного глобализма. И этим также она для нас интересна. Ресурс развития наших отношений огромен.

Андрей Фролов: В середине июля резко возросла напряженность на Корейском полуострове, связанная с информацией о том, что КНДР может провести испытания ядерного оружия в сентябре 2003 г. Какой, на Ваш взгляд, должна быть роль России в процессе урегулирования ситуации вокруг Северной Кореи?

Дмитрий Рогозин: Северная Корея – такой же наш сосед, как и Иран. И также традиционный партнер, хотя вследствие идеологических различий отношения последних лет как-то не заладились. А жаль. Тем не менее, в отношениях с Южной Кореей в последние годы очевиден прогресс. И, видимо, России предстоит сыграть не последнюю роль в процессе налаживания межкорейских отношений.

История с пуском ядерных реакторов в КНДР, конечно, неприятная, но вполне адекватная главным мировым процессам, в том числе и войне США против Саддама Хусейна в Ираке. Американцы хотели напугать всех мировых «изгоев», но не тут-то было. Желающих выстроиться во фронт при окрике из Вашингтона оказалось немного.

Ведь какова логика Пхеньяна? Зачем нужно «прогибаться» перед международным сообществом, идти на сотрудничество, пускать к себе инспекторов, позориться перед собственным народом, если все равно американцев это не убедит и они найдут повод почесать свои кулаки. Надежнее так: без кривых улыбок и дипломатического протокола объявить, что плевать, мол, мы хотели на все ваши запреты, если вы сами пристойно вести

себя не умеете. ООН сегодня – это сакэ такое в сравнении с нашей водкой, сахарная водица для страдающих половым бессилием: ничего и никому гарантировать не может. А потому – спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Есть сомнения? Попробуйте – сразитесь с нами! Корея – это не Персидский залив. Сунетесь – получите «второй Вьетнам» по полной программе с острой ядерной приправой.

Но что делать? Мы-то понимаем это. Нас наша история выучила, что такое инстинкт самосохранения, что такое любовь к жизни и свободе. А американцы, находясь в шорах своего могущества и величия, как-то недоотягивают, чтобы постичь эту логику. Наш президент В.В. Путин интересное наблюдение привел в своей книге «От первого лица»⁶ о том, как в детстве, гоня по переулкам крыс, понял, что нельзя загонять их в угол. Иначе крыса в своем предсмертном рывке запросто может допрыгнуть до сонной артерии и увлечь за собой в лучший из миров.

Северная Корея – это же не гамбургер из трансгенных продуктов, чтобы нравиться американцам. Она для них как та крыса. А для нас, для Китая – это сосед. Своеобразный, но сосед, с которым можно и нужно договариваться. Это как тигр дальневосточный. С ним следует себя вести как с кошкой – окружать лаской, заботой и подарками. Но если страшать такие страны дубиной, то, боюсь, прецедент ядерного шантажа КНДР будет иметь рецидивы.

⁶ Геворкян Н., Колесников А., Тимакова Н. От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным. – Вагриус, 2000. – Прим. ред.

Глава 30

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (2007)¹

Юрий Балувевский²

Вряд ли кто сегодня возьмет на себя смелость отрицать, что мы живем в мире, в котором происходят процессы глобального масштаба, затрагивающие интересы не только любого государства на нашей планете, но и каждого человека, в каком бы уголке Земли он ни жил. Взаимосвязь экономик и взаимопроникновение культур, единое информационное пространство на базе телевидения и интернета, унификация образа жизни по единым стандартам и многое другое все больше объединяют человечество. И хотя у глобализации сегодня много определений, суть у них одна. Глобализация – это примат общего и нивелирование частного (индивидуального, национального и т.п.).

Поэтому в последнее время при обсуждении практически любой проблемы, связанной с тенденциями развития международных политических, экономических, культурных и других отношений, основным фактором, определяющим ход этих процессов, практически для всех политиков и экспертов считается глобализация.

Безопасность и глобализация

Конечно, стремительному развитию глобализационных процессов способствует информационная открытость. Сегодня ни одно

¹ Впервые опубликовано: Балувевский Ю. Индекс безопасности глобального мира: российское измерение // *Индекс Безопасности*. 2007. № 1 (81). С. 33–46. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2007-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№1-81-Том-13.pdf>

² Юрий Николаевич Балувевский (род. 9 января 1947 г.) – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, первый заместитель министра обороны, Генерал армии.

событие в мире, в какой бы стране или сфере жизни оно ни происходило, не остается незамеченным.

С одной стороны, глобализация означает распространение некоторых образцов. Если это образцы высокого уровня жизни, качественной техники, высокой культуры и науки, то, конечно, никто не усомнится в полезности и прогрессивности такой глобализации. Но если это означает подавление национальной культуры, информационную агрессию, насаждение чуждых образцов и моделей жизни, то вряд ли с такой глобализацией может мириться нормальный человек. Однако мы нередко сегодня наблюдаем попытки ряда политиков и государств проводить глобализацию именно по второму типу.

Да, глобализация, понимаемая мною еще и как интернационализация жизни, движется вперед, преодолевая и создавая противоречия, ломая сопротивление одних и ставя на смену им другие социальные группы. Да, плоды глобализации распределяются неравномерно: слабым и бедным, как всегда, не везет! Да, традиционные культуры, уходящие своими корнями в древность, оттесняются и вытесняются на обочину и в канаву, вперед выходят агрессивные субкультуры, возвращенные материальными возможностями авангарда глобализации – США.

Соединенные Штаты фактически заявили о том, что практически весь мир стал «зоной их национальных интересов», их образцы демократии и культуры являются эталоном. Они демонстрируют свою готовность и способность наводить порядок в любой стране на земном шаре. Однако в последнее время методы наведения такого порядка становятся все откровеннее силовыми. И не везде они приветствуются жителями не только стран, в которых наводится порядок, но и мировым сообществом в целом.

Согласитесь, сегодня развитый мир – а с ним, в первую очередь, ассоциируются США – научился очень легко справляться с режимами (государствами), несущими угрозу безопасности. Но вот вопрос: а что делать дальше с освобожденными территориями? Как и чем помочь населению государств, власти которых в силу разных причин утратили способность осуществлять управление ими?

Сегодня уже делаются попытки предложить нам разделить мир на две части: т.н. «Ядро» и «Провал». Полистайте книгу Томаса Барнетта (бывшего профессора колледжа военно-морских сил

США) «Новая карта Пентагона. Война и мир в XXI в.»³. Автор книги предлагает нам признать его определение глобализации – это не что иное, как перенос американской модели развития на глобальный уровень.

Но вывод, на мой взгляд, сводится к тому, что глобализация – объективная данность, и ее невозможно объехать и заговорить антиглобалистскими митингами. Ее нужно понять и в нее нужно включиться. А значит, роль и место России в глобальном мире будут зависеть оттого, насколько и как она сможет включиться, интегрироваться в процесс глобализации, руководствуясь принципом: «Мир преобразуется, он не становится ни лучше, ни хуже – он становится другим. Перемены, происходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм... Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя кого они проводятся, – человека с его правами и свободами».

Сегодня много говорят о необходимости пересмотра пункта 7 статьи 2 главы 1 Устава ООН, где провозглашается принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию любого государства. Принципы соблюдения государственного суверенитета предлагается заменить принципами управления глобальной безопасностью. Права человека и нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Национальные государства обвиняют в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. Конкретные политические понятия «государство» и «государственная граница» вытесняются юридически неопределенными, не имеющими основы ни в одном праве географическими и социально-экономическими терминами.

Что это и для чего делается?

На мой взгляд, это прямая угроза дальнейшему существованию Вестфальской системы мироустройства, установившейся в 1648 г. и продолжающей действовать и в современных условиях многополярного мира. Реализация этой угрозы способна взорвать не только международный миропорядок, но и поколебать сами

³ Barnett T. The Pentagon's New Map. War and Peace in the Twenty-First Century. NY.: Putnam Adult, 2004. 448 p.

основы конституционного устройства суверенных государств. Подчеркну, что наследницей Вестфальской системы является ООН, возникшая и существующая только благодаря воле суверенных государств, поставивших целью никогда впредь не допустить глобальных катастроф, подобных Второй мировой войне (1939–1945).

Конечно, глобализация как основная тенденция будет определять направления мирового развития на многие десятилетия. Применительно к России она – возможно и даже неизбежно – приведет к изменениям не только в экономике, но и в других областях развития нашего государства – в политике, национальной, социальной и других сферах. При этом могут проявиться не только позитивные, но и немало негативных моментов, в том числе и новые вызовы в области безопасности государства. Для многонациональной и многоконфессиональной России это очень существенно.

И вот здесь следует задаться вопросами:

- Как не допустить, чтобы глобализация стала разрушителем и палачом суверенитета государств?
- Как не допустить, чтобы глобализация заменила международные отношения своего рода мировым суперрынком?
- Как не допустить, чтобы результатом глобализации стало растворение истории и культуры наших государств в так называемом едином информационном пространстве?
- Как не допустить, чтобы реальная власть президентов, парламентов и правительств, избираемых гражданами своих стран, перешла в руки транснациональных финансовых королей?

Однако глобализация, на мой взгляд, хоть и основной, но не единственный значимый фактор современного мирового развития.

Монополизм и «Титаник»

В качестве второго фактора я бы отметил противоборство двух тенденций: первая – стремление к построению однополярного мира при безусловном лидерстве США (эта тенденция превалирует сегодня, но, на мой взгляд, отнюдь не побеждает), и вторая – движение к многополярному миру.

Выскажу свое мнение: монополизм одной супердержавы – США, основанный на огромной военной силе и огромных материальных ресурсах, может привести мир в тупик! (Это косвенно признает и Збигнев Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»⁴).

Если до начала 1990-х гг. мы говорили о противостоянии двух сверхдержав, двух военно-политических союзов и о двухполярном мире, то после распада Советского Союза Соединенные Штаты Америки фактически являются единственной сверхдержавой, которая предлагает максимум усилий для того, чтобы установить под своей эгидой однополярный мировой порядок.

В руководстве США и ряда ведущих иностранных государств продолжает господствовать мнение о том, что и в новых условиях международной обстановки вполне правомерно не только прибегать к угрозе применения военной силы, но и прямо ее использовать против любого государства, которое не обладает достаточным потенциалом силового сдерживания. В силу этого они рассматривают вооруженные силы в качестве одной из главных составляющих обеспечения национальных интересов и достижения своих политических и экономических целей. Исходя из этого, большинство крупных государств, прежде всего страны НАТО, Япония, Китай, Индия, Пакистан, Иран, активно переоснащают свои вооруженные силы, закупают новые и модернизируют имеющиеся системы вооружений.

Самое опасное, что такая политика не только приводит к затрате существенных ресурсов, но и выливается в конкретные действия, включающие: демонстрацию военной силы и решимость применить ее против неудобного режима на фоне массивного информационного воздействия; военную блокаду с целью изоляции такого режима от мирового сообщества; миротворчество, с расширением его спектра за счет операций по «принуждению к миру» нарушителей стабильности, или, как мы видели на примере англо-американской операции в Ираке, и силовую смену неудобного режима даже без санкции уполномоченных на это международных институтов и вопреки протестам против ее проведения большей части государств мира. В результате этого принципы государственного суверенитета и невмешательства

⁴ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство, или Глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2006. 288 с.

во внутренние дела суверенных государств все больше подвергаются эрозии. А процессы глобализации, получившие мощный импульс практически во всех сферах жизни, превратились в важнейший фактор мирового развития в XXI веке.

Администрация США, не скрывая своего стремления к мировому лидерству, уже сама, не спросив остальных, назначила себя и капитаном, и рулевым в процессах преобразования мира. И первые результаты мы с вами видим уже сегодня – как в Ираке, так и на пространствах бывшего СССР, особенно в Центральной Азии и Закавказье. Недаром президент России В.В. Путин на саммите G8 в Санкт-Петербурге подчеркнул, что «нам бы, конечно, не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке».

Опасность не только для России, но и для остальных пассажиров мирового «Титаника» в том, что нас с вами особенно и не спрашивают, куда нам нужно плыть. Не хотелось бы испытать повторение трагической судьбы пассажиров того, реального, «Титаника».

Спросим себя: грозит ли государствам мира, включая Россию, безраздельное господство одной державы – США? Выскажу свое мнение: даже наличие огромной экономической и военной мощи, амбициозность военно-политического руководства этой страны не дают стопроцентной гарантии наступления однополярного мира.

Глобализация и интересы России

Уверен, что государствам мира и их народам нужен справедливый, равноправный, многополярный мир без самозванных гегемонов. Поэтому американскому господству в XXI веке уже противостоят, а далее будут только усиливаться вызовы, исходящие из Азии (это Китай, Индия, другие). Где гарантия, что США не войдут в состояние прямого соперничества с Китаем? Можно ли полностью исключить аналогичное соперничество США с Европой (ЕС)? Или с Большим (по терминологии американской администрации) Ближним Востоком?

К тому же нет и не может быть неких универсальных для всех стран и народов, на все случаи жизни пригодных ценностей. В том числе ценностей и интересов, которые лучше тех, какие так называемые отсталые народы сами вырабатывают своей жизнью.

Каким бы он ни был, но жизненный уклад есть отражение строя души соответствующего народа.

В связи с вышеизложенным хочу подчеркнуть, что государственные интересы России определялись и, уверен, будут в будущем определяться на основе опыта ее исторического развития. Да, сегодняшний, промежуточный итог развития нашей страны далеко не тот, который хотели бы иметь наши граждане. Но предлагаю вам вместе со мной увидеть за этим российскую цивилизацию, идущую через века и собственной жизнью разрешающую возникающие вызовы и угрозы, вырабатывающую формы бытия, жизненного уклада общемирового значения.

Вполне естественно, что у России, как и у любого другого государства, на сегодняшний день существуют постоянные (базовые) национальные интересы, основу которых составляют государственный суверенитет, территориальная целостность, социально-политическая стабильность общества, стратегическая стабильность в системе мирового сообщества, свободный доступ к жизненно важным экономическим и стратегическим зонам и коммуникациям. Вынужден констатировать, что именно на них в первую очередь направлено острие сегодняшних так называемых «новых угроз».

Россия за глобализацию. И уже не первое столетие вносит в нее свой достойный вклад. Слова «интеллигенция» и «спутник», прорыв в космос и подъем национальных окраин, русская музыка и литература стали достоянием всего человечества. Россия внесла решающий вклад в победу народов в глобальных мировых войнах в XX веке, над Наполеоном Бонапартом в XIX веке. Она протянула руку помощи Соединенным Штатам в их борьбе за независимость, странам Азии, Африки и Латинской Америки – в борьбе за освобождение от колониальной зависимости. Ну, а если идти вглубь веков, то и в спасении Европы от войска Чингисхана тоже прямая заслуга России, наших предков.

Именно поэтому у нас есть собственное видение глобализации.

Я против противопоставления России Европе и Азии (Евразии), но я против и навязывания России европейской цивилизации, ибо уверен, что, если Россия хочет обеспечить себе достойное будущее, она была, есть и должна остаться Россией. Россия – не Европа, не Азия и даже не Евразия, она – еще раз хочу это подчеркнуть – Россия!

При этом Российская Федерация занимает уникальное геополитическое и важнейшее геостратегическое положение, а стратегические приоритеты России в глобальном мире определяются стратегическими целями и главными задачами, решаемыми нашим государством как в политике и экономике, так и в сфере национальной безопасности. Приоритеты отражают основные национальные интересы России, охватывающие три взаимосвязанные сферы: внутреннюю – собственно национальную (государственную), и две внешние – региональную и глобальную.

На национальном (государственном) уровне важнейший национальный интерес состоит в становлении и развитии Российского государства, экономически мощного и социально ориентированного на удовлетворение потребностей и чаяний всех народов и народностей Российской Федерации, всех социальных групп. В целом, к стратегическим приоритетам России на национальном уровне относятся:

- создание демократического правового общества, в котором будут обеспечены политические, экономические, социальные и гуманитарные потребности общества в целом и каждого члена общества в частности;
- экономическое процветание России и гражданское согласие всех слоев общества, всех движений, организаций и политических партий;
- обеспечение суверенитета и территориальной целостности, безопасности и обороноспособности Российской Федерации;
- продолжение военной реформы и переход к профессиональной армии при сокращении сроков службы по призыву;
- проведение сугубо прагматичной внешней политики, исходящей из наших возможностей и национальных интересов – военно-стратегических, экономических, политических;
- поиск надежных союзников и умение быть надежным союзником для других.

Определив вектор развития нашего государства, стратегию его национального развития, направленную на превращение Российской Федерации в мощное современное демократическое государство с высокоразвитой экономикой, передовой наукой и культурой, мы адекватно оцениваем широкий спектр внутренних и внешних угроз, которые способны воспрепятствовать достижению поставленных нами целей.

Современная геостратегическая ситуация вокруг Российской Федерации складывается под влиянием кардинальных изменений, происходящих во всей системе международных отношений и формирующегося нового облика мирового и регионального устройства. Ее развитие характеризуется динамичностью, нестабильностью, напряженностью и периодами резкого обострения.

После распада Советского Союза геостратегическая ситуация изменилась не в лучшую сторону для нашего государства. Вследствие образования на постсоветском пространстве 15 суверенных государств возник целый ряд проблем в межгосударственных отношениях, зачастую приводивших к вооруженным конфликтам. Подобный ход развития событий не мог не повлиять на общий характер угроз военной безопасности России и изменение соотношения сил как в мире в целом, так и в отдельных регионах мира.

Окончание идеологической и военной конфронтации двух политических систем не привело, как ожидалось, к демилитаризации мировой политики. Переход России к взаимодействию с Западом на основе формирования общих или близких стратегических интересов не способствовал укреплению ее военной безопасности. Более того, обстановка в жизненно важных для России регионах мира и в непосредственной близости от ее границ в ряде случаев стала еще более сложной.

Именно эта ситуация определяет еще один приоритетный национальный интерес – обеспечение надежной оборонной мощи Российской Федерации, сохранение и поддержание военного потенциала России на уровне, адекватном существующим и возможным военным угрозам, обеспечивающем ее свободное суверенное развитие.

Как писал еще в 1920-х гг. выдающийся русский военный теоретик А.А. Свечин, в военной сфере «стратегическая линия поведения должна являться проекцией на вооруженный фронт общей политической линии поведения»⁵. Именно с этой точки зрения долгосрочные политические и экономические приоритеты России определяют наши стратегические приоритеты в военной сфере.

Для нас, военных, защита национальных интересов России заключается в нейтрализации угроз военной безопасности

⁵ Свечин А. Стратегия. М.: Государственное военное издательство, 1926. 396 с. Первое издание. – *Прим. ред.*

Российской Федерации и ее союзников, сдерживании любого вида агрессии (прямой или косвенной, попыток силового давления), а также в обеспечении вооруженной защиты целостности и неприкосновенности нашей территории, мирного и демократического развития государства.

Задачи для военных

В Министерстве обороны России видение угроз военной безопасности Российской Федерации и задачи вооруженным силам в обозримой перспективе сформулированы на основе комплексной оценки военно-политической и военно-стратегической обстановки в мире. Если говорить коротко, то суть их сводится к следующему.

В результате значительного, по сравнению с СССР, ослабления оборонного потенциала России военные угрозы ее безопасности сегодня могут исходить как от развитых государств и созданных с их участием военно-политических союзов, так и от развивающихся стран, располагающих хорошо вооруженными, боеготовыми и обученными армиями. Думаю, всем понятно, что с военной мощью таких государств, особенно из числа имеющих территориальные и иные претензии к России, нельзя не считаться.

Другая сформировавшаяся в недавнем прошлом группа источников военных угроз безопасности России сконцентрирована в непосредственной близости от ее границ и связана с наличием потенциальных и реальных очагов вооруженных конфликтов. На наш взгляд, наиболее реальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере в ближайшей перспективе будут представлять:

- курс военно-политического руководства США на сохранение мирового лидерства, расширение экономического, политического и военного присутствия в регионах традиционного влияния России;
- реализация планов по дальнейшему расширению НАТО;
- введение в практику Запада военно-силовых акций в обход общепризнанных принципов и норм международного права;
- существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов, прежде всего в непосредственной близости от российских границ;

- возможность подрыва стратегической стабильности в результате нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, качественного и количественного наращивания вооружений другими странами;
- распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), средств его доставки и новейших технологий военного производства в сочетании с попытками отдельных стран, организаций и террористических групп реализовать свои военные и политические устремления;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб интересам военной безопасности Российской Федерации;
- территориальные претензии других государств к Российской Федерации и ее союзникам,
- борьба за доступ к энергетическим ресурсам;
- международный терроризм;
- противоправная деятельность националистических, сепаратистских, других организаций, направленная на дестабилизацию внутренней обстановки в Российской Федерации;
- ведение враждебных по отношению к Российской Федерации и ее союзникам информационных действий.

Для ответа на вопрос о реальных путях обеспечения военной безопасности России в новых условиях необходимо:

- определить цели национальной военной политики с точки зрения отражения угроз, классифицируемых как наиболее вероятные, наиболее опасные;
- разработать для вооруженных сил (и в целом для военной организации государства) модель определения реакции на эти угрозы и их возможные последствия с целью правильного определения оптимального состава сил и средств, необходимых для отражения этих угроз;
- создать потенциал, обеспечивающий достижение целей миротворческих операций без задействования (или при минимальном задействовании) вооруженных сил;
- совершенствовать оснащенность, всестороннее обеспечение и подготовку вооруженных сил, делая акцент на совместную, а не раздельную подготовку видов вооруженных сил (родов войск), других войск, воинских формирований и органов;

- жестко и прагматично отстаивать интересы Российской Федерации при заключении международных договоров и обязательств, активно участвовать в формировании правовых норм и законов, отстаивать интересы РФ во всех международных организациях, включая ООН;
- формировать выгодное для РФ геостратегическое положение путем создания союзов, коалиций, систем коллективной безопасности;
- развивать экономические возможности государства, военно-промышленного комплекса как необходимые условия повышения военного потенциала и военной мощи страны.

К особой группе военных угроз России следует отнести деятельность международных террористических организаций. Не секрет, что в наше время терроризм стал долговременным фактором современной политической жизни, относительно устойчивым явлением в развитии общества.

Терроризм и нарастание противоречий «Север-Юг»

Последствия террористических актов 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне привели к формированию нового стиля во взаимоотношениях многих государств мира. Сегодня реальная угроза безопасности многих стран исходит именно от международного терроризма, и на борьбе с этим противником должны быть сосредоточены основные усилия, в том числе и усилия силовых структур. Позиция России по данному вопросу известна – международный терроризм должен уничтожаться везде и во всех его проявлениях.

Действительно, на сегодняшний день основным способом борьбы с проявлениями международного терроризма является адекватное применение военной силы. Поэтому Россия открыто и прямо поддержала международную кампанию против терроризма. Но в то же время мы говорим, что любые, в том числе и силовые, действия государств и международных организаций против террористов должны основываться на нормах и принципах международного права, быть пропорциональными и строго выверенными. В оценках ситуации и действиях против терроризма

и сепаратизма не должно существовать двойных политических стандартов.

Однако в войне против международного терроризма невозможно достичь абсолютной победы, применяя только военную силу. Именно поэтому Россия активизировала поиск невоенных путей последовательного уничтожения питательной среды международного терроризма. Борьба с этой чумой современности необходимо, прежде всего, путем развития и наращивания международного сотрудничества на основе принципов и норм международного права, включая Устав ООН. При этом важно добиваться участия всех государств в универсальных антитеррористических конвенциях.

Наблюдаемый нами в последние годы всплеск активности террористических организаций является проявлением еще одной тенденции современности, которую я бы назвал нарастание противоречий между «богатым Севером» и «бедным Югом».

Мы с вами сегодня очевидцы усиления вражды во многих странах, включая и самые развитые, где коренное население все более агрессивно относится к иммигрантам из бедных стран – вспомните волнения во Франции осенью 2005 г. Нищета, болезни, социальная напряженность и военные конфликты в бедных странах, которые активно живописуются СМИ, уже создали взрывоопасную смесь – антагонизм нарастает. Уверен, политика «богатых» и «сытых» – пусть «бедные» выживают сами – это путь к глобальным социальным потрясениям.

Не исключена, на мой взгляд, ситуация, когда развитие подобного положения дел приведет, в конечном счете, к расколу и обнищанию мира в целом. Но мир не может стать стабильным, если все достижения человечества будут сосредоточены только в богатых и благополучных странах. Однако государства «золотого миллиарда» не готовы, да и не хотят поделиться своим богатством.

Для России последствия напряженности между Севером и Югом уже приобрели особую остроту. Сегодня южные границы России стали районами существующих и возможных в перспективе конфликтов. И, надо отметить, основная часть этих конфликтов приходится на территорию бывшего СССР и прилегающие к ней регионы. Именно здесь пытаются получить развитие международный терроризм и преступность в самых гнусных проявлениях (наркобизнес, торговля людьми и оружием и др.). Опасность

для нашей страны еще и в том, что эта евроазиатская зона терроризма и преступности как бы накладывается на искусственно провоцируемую так называемую глобальную дугу кризисов (протянувшуюся, по З. Бжезинскому, от стыка границ Китая, Индии и Пакистана и включающую Афганистан, Иран, юг Турции (границу с Курдистаном), Балканы).

Сила и право

В современном мире, я полагаю, военная мощь еще долгие годы будет играть определяющую роль в мировом геополитическом балансе. Трансформируется понятие международного права. Международно-правовую систему обеспечения безопасности нужно фактически воссоздавать заново. Наши приоритеты известны.

По нашему убеждению, сегодня, когда мир сталкивается с новыми угрозами, мы в первую очередь не должны допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности. Исходя из этого, нынешний уровень двусторонних отношений между Российской Федерацией и США должен быть не только сохранен, но и использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений.

Мы считаем, что речь должна идти о заключении новой юридически обязывающей российско-американской договоренности, в основу которой могли бы быть положены следующие принципы: сохранение и укрепление режима доверия, обеспечение предсказуемости российско-американских отношений, дальнейшее развитие стратегического партнерства между нашими странами. Этой договоренности можно было бы придать более широкий характер, включив в нее вопросы, охватывающие, скажем, проблематику стратегических наступательных вооружений, противоракетной обороны, космоса, нераспространения, борьбы с международным терроризмом, военно-технического сотрудничества и т.п.

С точки зрения обеспечения стратегической стабильности, особую значимость сегодня приобретает укрепление режима нераспространения ОМУ, предотвращение утечек чувствительных технологий в ядерной и ракетной области. Это обусловлено тем, что эволюция системы международных отношений в свете

изменения обстановки в мире в последнее десятилетие привела к тому, что сформированный к концу 1980-х гг. режим нераспространения ОМУ, стабильность которого обеспечивалась двумя сверхдержавами (США и СССР), значительно ослаб.

Вследствие отсутствия биполярной системы у многих государств усилились существующие и возникли новые стимулы к приобретению как ядерного оружия, так и ОМУ в целом, а способность к противодействию этому снизилась. Это связано с тем, что раньше (во времена холодной войны) биполярная система обеспечивала не только принуждение, но и определенную защиту от нападения. Это относилось и к странам третьего мира: супердержавы с подозрением следили друг за другом и старались блокировать применение силы против так называемых нейтралов, чтобы не допустить усиления противостоящего блока. Сегодня же, в условиях снижения роли ООН в вопросах контроля применения силы, объективно создаются стимулы для приобретения как ядерного оружия, так и других видов ОМУ государствами, не вошедшими в так называемую «зону американского влияния».

Быстрая эволюция обычных вооружений, отрыв по качеству ведут к тому, что страны, опасаящиеся применения против них силы, ищут более привлекательное и доступное им по цене ОМУ, в том числе ядерное. Это связано с тем, что ядерное оружие, возникнув в середине прошлого века как оружие богатых государств, все больше становится оружием бедных государств, обеспечивающим им возможность достаточно надежного парирования военных угроз со стороны более развитых стран. При этом технический прогресс делает ядерное оружие технологически более доступным, не говоря уже о химическом и биологическом оружии.

С этой точки зрения нас не может не беспокоить стремление США, Великобритании приписать ядерному оружию роль сдерживания других видов ОМУ, что противоречит принципу негативных гарантий для неядерных государств. В этом же ряду находится и стремление США создать, в соответствии с их новой ядерной доктриной, ядерные боезаряды малой и сверхмалой мощности для нанесения точечных, в том числе превентивных, ударов с благородной целью – для борьбы с терроризмом.

Таким образом, новые угрозы и вызовы безопасности заставляют многие страны в большей мере полагаться на ядерные арсе-

налы, что косвенно увеличивает вероятность распространения ядерного оружия, что, в свою очередь, ведет к ухудшению положения дел в сфере стратегической стабильности и снижению уровня безопасности. Следовательно, на наш взгляд, нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ должно стать одним из приоритетных направлений политики национальной безопасности ядерных государств.

В области европейской безопасности наши предложения сводятся к построению такой системы, которая основывалась бы на равной безопасности для всех европейских государств, без военных союзов, без разделительных линий, с опорой на сотрудничество, с задействованием всех европейских институтов (НАТО, ЕС, ОБСЕ и др.).

Исходя из накопленного в Европе опыта, можно было бы предложить рассмотреть возможность принятия новых мер контроля над вооружениями, в том числе и в региональном измерении. По нашему мнению, такие меры могли бы базироваться на следующих принципах:

- неделимость безопасности всех государств;
- недостаточность военных потенциалов;
- равенство участников и добровольный характер договоренностей;
- равная безопасность;
- экономическая приемлемость;
- способность адаптации к новым реалиям.

Контроль над вооружениями: нужен новый подход

В первую очередь хотелось бы высказать нашу точку зрения в отношении существующей системы контроля над вооружениями. Такие базовые инструменты контроля над вооружениями, как Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г. и Венский документ ОБСЕ 1999 г., сыграли важнейшую роль в том, что произошедшие в последние десятилетия военно-политические изменения в Европе не привели к возникновению новых кризисов и конфликтов. Однако сегодня многие положения этих документов заметно утрачивают свою эффективность и перестают соответствовать изменившимся реалиям.

В существующем виде режим ДОВСЕ уже не в состоянии поддерживать стабильность и баланс интересов государств-участников в процессе продолжающихся военно-политических изменений в Европе, в частности потому, что не предусматривает присоединения к договору новых членов. Что касается адаптированного ДОВСЕ, то его ратификация откладывается государствами НАТО уже семь лет. В итоге, после двух этапов расширения НАТО на Восток и при так и не вступившем в силу Соглашении об адаптации 1999 г., ДОВСЕ фактически утратил жизнеспособность. При такой ситуации Российская Федерация не собирается делать вид, что ДОВСЕ нормально функционирует и это нас устраивает. Третья конференция по рассмотрению действия ДОВСЕ высветила стремление стран НАТО закрепить на неопределенный срок неравноправие сторон в рамках действующего договора.

Не менее важный вопрос – адаптация Венского документа 1999 г., который, оставаясь фактически в редакции 1994 г., по существу, перестал выполнять свою главную функцию – охватывать мерами доверия и безопасности современную военную деятельность. И это несмотря на то что ее интенсивность резко повышается: возрастает количество военных учений, в том числе и многонациональных, заметно расширяется география их проведения. Некоторые участники договоренности считают, что крупных учений больше не проводится, поэтому они, мол, и не достигают порогов уведомления и наблюдения. Однако сегодня, при наличии новейших средств ведения боевых действий меньшим количеством войск и вооружений, можно решать более масштабные и весьма значимые в военном отношении задачи.

Так, действующий документ не учитывает происшедших за последние годы качественных изменений в вооруженных силах государств – участников ОБСЕ и, в частности, роли, которая отводится силам быстрого реагирования. Налаживание обмена информацией об этих силах стало бы важной мерой доверия и сотрудничества. Остаются невостребованными ключевые положения Венского документа, касающиеся уменьшения опасности.

Поэтому выработка единых подходов международного сообщества к решению фундаментальных проблем строительства новой системы международных отношений становится жизненно важной для оптимизации работы региональных международных организаций в области обеспечения безопасности.

Россия и европейское самосознание

Хотелось бы также сказать, что в целом в рамках общеевропейского процесса совместными усилиями нам удалось создать достаточно прочную базу для продолжения конструктивного диалога по всему комплексу глобальных и региональных проблем безопасности. Важно не останавливаться на достигнутом. Надо идти вперед и через координацию национальных концепций в области безопасности на основе Устава ООН и принципов международного права создавать военно-политическую стратегию евразийского масштаба. Еще раз повторюсь: все злободневные международные проблемы можно решить только совместными усилиями и только задействуя потенциал легитимных международных организаций.

Россия выступает за создание системы коллективной европейской безопасности с формированием механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов, прежде всего мирными средствами. Важнейшим принципом европейской безопасности является безусловное соблюдение международных обязательств и норм, дальнейшее развитие системы договоренностей в области контроля над вооружениями.

Заметное влияние на военно-политическую ситуацию в Европе и за ее пределами оказывает НАТО. В первую очередь следует отметить продолжающуюся политику альянса, направленную на расширение своего состава за счет государств постсоветского пространства, где у России имеются свои интересы.

Такая ситуация складывалась несколько лет назад во время «второй волны расширения» НАТО. Тогда голос России услышан не был. В результате мы получили на память так называемый «балтийский узел», в котором туго переплелись нити российско-прибалтийских проблем. Это и невозможность использования территории и воздушного пространства Литвы для осуществления транзита российских грузов (в том числе и военных) между Калининградской областью и остальной территорией России, и унижительность положения русскоязычного населения в странах Балтии, и территориальные претензии к России.

Другой нерешенной проблемой является тушиковая ситуация относительно подписания с альянсом соглашения о предотвращении опасной военной деятельности, которое, по нашему мнению, позволило бы узаконить алгоритм действий сторон

по цивилизованному разрешению непреднамеренно возникающих вдоль линии государственной границы России ситуаций, связанных с проведением военной деятельности. Авария российского самолета в Литве в сентябре 2005 г. наглядно подтвердила, что государствам-членам НАТО давно пора было бы прислушаться к нашим предложениям относительно разработки мер доверия вдоль линии соприкосновения сил России и НАТО.

В последние годы на территории новых членов НАТО проводится модернизация целого ряда объектов военной инфраструктуры – аэродромов, военно-морских баз, учебных центров и полигонов, которые могут быть использованы для оперативного развертывания и обеспечения группировок войск. При этом мы не можем не принимать во внимание, что это меняет военный расклад в непосредственной близости от наших границ, в районах, которые подпадают под ограничения ДОВСЕ.

Россия смотрит на Юг и на Восток

Приоритетным для вооруженных сил России стало сотрудничество с государствами – членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Взаимодействие государств-членов ОДКБ охватывает широкую сферу – от внешнеполитической координации до осуществления совместных шагов в сфере военного планирования, а также в борьбе с терроризмом, наркоугрозой, незаконной миграцией, организованной преступностью. Российские подразделения, выделенные в состав ОДКБ, входят в структуру Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности совместно с военными контингентами трех других государств: Казахстана, Киргизии и Таджикистана. В рамках ОДКБ планируется создать военную группировку, способную обеспечить защиту государств организации в Центральноазиатском, Западном и Кавказском регионах коллективной безопасности. В связи с этим будет осуществляться выделение соответствующих войсковых компонентов от России в состав предполагаемых группировок войск.

Мы придаем также большое значение развитию военного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которое направлено в первую очередь на предупреждение

терроризма и на борьбу с ним. При этом продолжается традиционное военное сотрудничество с крупнейшими государствами Азии – Китаем и Индией – и в двустороннем формате.

Заключение

После распада Советского Союза прошел ничтожный по историческим меркам срок – всего 15 лет. И Россия вновь вышла на мировую шахматную доску в качестве ведущего игрока, хотя в это мало кто верил. Подтверждением этому служат многие события недавнего времени, но самое яркое и неоспоримое, на мой взгляд, произошло в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге, где прошел саммит G8. Впервые Россия выступала на нем в качестве председателя и обладала правом выносить на повестку дня те вопросы, которые она считает важными и актуальными для мирового сообщества.

И недаром приоритетным вопросом мы посчитали обеспечение глобальной энергетической безопасности. Ведь бурный экономический рост, повышение уровня жизни, победа над голодом и болезнями невозможны без надежных источников энергии. Поэтому борьба за доступ к энергетическим ресурсам во многом определяет те вызовы и угрозы, с которыми сегодня сталкивается мир.

Россия показала, что она надежный партнер, гарант энергетической безопасности своих союзников и партнеров, что супердержавы могут быть не только военными, но и энергетическими. А самое главное, Россия показала, что прекрасно понимает глобальную ситуацию, готова и способна взять на себя ответственность за многие происходящие в мире процессы.

Глава 31

ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С ТЕМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СЕГОДНЯШНЯЯ РОССИЯ, ГДЕ ЕЕ МЕСТО В МИРЕ (2008)¹

Константин Косачев в интервью
для Индекса Безопасности²

Индекс Безопасности: У Вас была возможность заглянуть во внешнеполитическую кухню сначала глазами профессионального дипломата, затем со стороны исполнительной власти и сейчас со стороны власти законодательной. Как Вы оцениваете положение России в современных международных отношениях и системе международной безопасности? Является ли это положение особым? Прежде всего, в отношении наших соседей, государств, образовавшихся в результате самоликвидации СССР?

Константин Косачев: Ни сама Россия, ни окружающий ее мир до сих пор не определились с тем, что собой представляет сегодняшняя Россия и где ее место в мире. Когда распался Советский Союз, для европейских стран-наследниц СССР европейский выбор был выбором между НАТО, Европейским союзом и США, с одной стороны, и Россией, с другой стороны. Выбор ложный, но так он был сформулирован в повестке дня начала 1990-х гг. и до сих пор остается в умах многих политикой европейской части СНГ.

¹ Впервые опубликовано: «Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире». Интервью с Константином Косачевым // *Индекс Безопасности*. 2008. № 4 (87). С. 11–20. Интервью составлено на основе публичной лекции К.И. Косачева, прочитанной участникам Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности, организованной ПИР-Центром, 11 июля 2008 г. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-4-87-Том-14.pdf>

² Константин Иосифович Косачев (род. 17 сентября 1962 г.) – председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ.

Для Кавказа, для Центральной Азии выбор был менее очевидным. Те процессы, которые, например, в Молдавии или на Украине моментально набрали обороты, на Кавказе и в Центральной Азии стали набирать обороты уже сейчас, в нынешнем десятилетии.

Россия в течение очень многих лет пребывала в иллюзии, что центростремительные интеграционные тенденции на постсоветском пространстве будут существовать всегда и будут действовать автоматически, так как у нас с нашими соседями общая история, общие границы, общий язык, и что все эти факторы не нуждаются в каком-то дополнительном подкреплении. Однако это оказалось иллюзией, потому что это у России по отношению к своим соседям единственная общая история, единственные общие границы, единственный общий язык. А у наших соседей есть и общая история с какими-то третьими странами, есть общие границы с какими-то третьими государствами и даже в ряде случаев есть и общий язык с какими-то третьими странами.

И осознание того, что это не ниспослано сверху навсегда, а конструкция, которую еще только предстоит выстраивать, сейчас в России только складывается. И далеко не так активно, как хотелось бы. В этом отношении Россия часто действует ошибочно, пытаясь навязать хорошие отношения какими-то административными либо чисто экономическими методами, забывая о том наборе инструментов, который обрел общее название мягкой силы и который в части России работает крайне неэффективно.

Надо признать, что Россия в том виде, в каком она сейчас сложилась, и в том виде, в котором она существовала в 1990-е гг., вряд ли может считаться центром естественного притяжения симпатий и, в силу этого, интересов.

Место России в международных отношениях – это сложный вопрос, и россияне не дали себе пока еще точного ответа. С одной стороны, мы с начала 1990-х гг. продекларировали так называемый европейский выбор для нашей страны, и этот выбор не являлся выбором географическим. Это был выбор мировоззренческий, это был выбор той модели, которая показала себя наиболее успешной. Эта модель основывается на трех составляющих: свободная рыночная экономика, плюралистическая модель общества и высокая социальная ответственность государства и бизнеса. И мы путем построения этой модели в России идем очень тяжело. Но все же движемся вперед.

И слыша критику на Западе, что Россия сегодня отстывает, якобы, назад, я с этой критикой не согласен. Потому что модель, которая в России существовала в начале 1990-х гг., была хуже. У нас никогда не было независимой прессы! А выборы президента в 1996 г. были результатом манипуляции общественным мнением.

И тут возникает кризис в отношениях России и окружающего мира. Мы испытываем давление извне. Идет информационное и политическое давление. До того в современной истории СССР испытывал подобное давление извне как минимум дважды. Во времена «позднего» Брежнева, когда шло страшное давление на советскую систему, ее результатом стала «перестройка». И поздний Советский Союз, когда возник феномен Ельцина. Отличие от современного периода – тогда внешнее давление на нашу страну точно совпало с внутренними запросами общества. В нынешней ситуации – это массивное внешнее давление не совпадает с внутренним ощущением людей. Возникает некий конфликт тех ощущений, которые люди испытывают в реальной жизни и слышат в качестве комментариев. Эти внешние силы делают ошибку, так как только провоцируют антизападные и антиамериканские настроения внутри страны.

Российская внешняя политика в последние годы более ужесточилась, что является следствием ошибочной политики давления извне.

Индекс Безопасности: И в этих условиях Россия отворачивается от Запада и поворачивается лицом к Востоку?

Константин Косачев: Говорить так, было бы некорректно. Верно то, что мы ждем, когда иллюзии 1990-х гг. сойдут на нет, когда Россия впишется в то место в международных отношениях, которое ей отведено. Пока этого нет ни в отношениях с ЕС, ни с США.

В имевших место переговорах по новому стратегическому сотрудничеству тревожит довольно потребительский подход по отношению к России: споры за необработанную древесину, споры про ратификацию Энергетической хартии и получения доступа к российским трубопроводам. Все это отражает потребительский подход по отношению к России. Заключение стратегических договоренностей с ЕС на таких условиях для России исключено.

Индекс Безопасности: Получается ли так, что Россия все больше теряет свое влияние на постсоветском пространстве? В чем проявилась недальновидность российской политики в регионе?

Константин Косачев: Те мировые центры силы (это и США, и страны Евросоюза), которые стали активно появляться на постсоветском пространстве сразу после распада СССР, действовали более дальновидно как минимум в одном аспекте. Эти центры силы появлялись на постсоветском пространстве (в чем-то это был внешний лозунг, в чем-то это было реально) под знаменами: «Мы пришли, чтобы помочь вам в решении ваших проблем». И это работало. Многие европейские страны стали для государств постсоветского пространства источником решения их проблем.

У России это не получилось, потому что Россия сначала, в принципе, повернулась спиной, а в дальнейшем, когда пришло осознание того, что это противоречит нашим собственным интересам, стала восстанавливать свои позиции под достаточно эгоистичными лозунгами: «Мы возвращаемся сюда, потому что это надо нам, это нужно России». И в чем-то эта позиция может быть оправдана, но только в том случае, когда это взаимно полезный формат сотрудничества и когда Россия тоже становится источником решения каких-то проблем. И здесь Россия только учится действовать в этом вопросе, в то время как здесь уже успешно действуют наши конкуренты.

Индекс Безопасности: Как Вы оцениваете потенциал участия России в различного рода интеграционных процессах? На Ваш взгляд, что мешает России занимать более активную позицию в данном вопросе?

Константин Косачев: Параллельно со столкновением интересов на этом нашем общем пространстве происходит еще один весьма примечательный процесс. Россию последовательно пытаются вписать в некие заранее и без нашего участия созданные конструкции. Эта модель работает применительно ко многим другим странам, которые до того не являлись участниками соответствующих интеграционных процессов. Это не только постсоветское пространство, а все то пространство, которое находилось по ту сторону железного занавеса в годы холодной войны. Участие в подобного рода интеграционных проектах, которые

возникли и складывались на протяжении многих десятилетий, имеющих свои традиции и свои устоявшиеся интересы, всегда связано с ущемлением национального суверенитета в обмен на решение каких-то собственных национальных проблем через эти механизмы сотрудничества. Такого рода сближение не является чем-то предосудительным для всех тех государств, которые стремятся быть интеграционной структурой. Единственная страна, которая из этой логики выпадает, – это Россия, так как для нас жертвование какой-то части собственного суверенитета сопряжено с ущемлением национального суверенитета значительно больше, чем для многих других стран.

И отсюда возникает главная точка разногласий между Россией и нашими партнерами по различным интеграционным структурам. Нас сегодня призывают быть как все. И когда мы не идем по этому пути, нас обвиняют в том, что мы не такие, как все. А раз мы не такие, как все, мы заведомо воспринимаемся как угроза. В то же время Россия воспринимает в качестве угрозы это постоянное посягательство на наш суверенитет, в частности на наши природные ресурсы. В силу этого внутри России все более активно развиваются антизападные и антиамериканские настроения, что, на мой взгляд, не менее опасно, чем антироссийские настроения на Западе, что должно пресекаться политиками с обеих сторон. Если эту дилемму еще более упростить, то корень проблемы в разногласиях на сегодняшний день России и Запада заключается в том, что Россию не превратили в источник получения выгоды.

Индекс Безопасности: А если более конкретно – как Вы оцениваете перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности, функционирование таких организаций, как СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС? Возможно ли здесь объединение интеграционных структур по европейскому формату?

Константин Косачев: Я думаю, что ни у кого нет сейчас ответа на этот вопрос, потому что любая организация оказывается эффективной, когда она интересна всем участникам. Такого формата на постсоветском пространстве пока нет.

СНГ – это структура, которая выполнила очень важные задачи, но на данный момент она абсолютно нежизнеспособна. А то, что возникло на развалинах СНГ, тоже малоэффективно: это попытки

придать СНГ равноскоростное объединение, но попытки весьма и весьма искусственные.

Уверен, что объединительным началом должна быть экономика, а не политика и безопасность. Потому что как только что-то начинает формироваться на основе политики, так это всегда что-то против кого-то настроенное: «анти-НАТО», «анти-Евросоюз», «анти-США». И это неправильно. Общие интересы у нас со странами СНГ могут быть, прежде всего, в экономике.

Я бы приветствовал некий энергетический союз на постсоветском пространстве, который бы положил конец различным политическим проектам на эту тему. Такого рода энергетический союз, в который могли бы входить не только страны СНГ, но и Китай, и Япония, и обе Кореи. И такой энергетический союз я считаю перспективным.

Объединение нынешних структур (ШОС, ЕврАзЭС)? Теоретически это возможно, если между собой договорятся дипломаты. Но если это будет еще раз предметом умозаключений в кабинетах, то станет очередной новой конструкцией, которая займет много времени, массу усилий, но она будет такой же нежизнеспособной. Отсюда – определение общих интересов, и уже через это создание общих структур, а не наоборот.

Индекс Безопасности: Перейдем к отношениям России и Запада. Какие проблемы Вы видите в отношениях России и НАТО?

Константин Косачев: Для стран НАТО окончание холодной войны означало исчезновение военной угрозы, постоянного страха возникновения третьей мировой войны. Расширение НАТО и ЕС на Центральную и Восточную Европу диктовалось эгоистичными интересами быть не на периферии, а где-то в центре, чтобы на периферии были другие государства. И эта логика была ущербной.

В начале 1990-х гг. Россия была готова на любые форматы сотрудничества в сфере безопасности и экономики. Тогда Запад совершил ошибку, когда вместо того, чтобы попытаться создать некую структуру, в которую можно было бы включить всех, кто бы пожелал, даже Россию, сделал ставку на расширение НАТО, которая себя оправдала в годы холодной войны. Сработал шаблон, и этот шаблон действует до сих пор, что создало те напряженности, которые мы видим невооруженным взглядом, и создало лимиты в реализации глобальных проектов в сфере

безопасности. НАТО, в этом нет сомнений, самая эффективная структура в сфере безопасности.

Но НАТО не является абсолютно эффективной для решения новых проблем. И действия НАТО в Афганистане, на мой взгляд, не отвечают нашим интересам. Операция эта абсолютно неэффективна. НАТО не удастся взять ситуацию под контроль. Она могла бы развиваться по-другому, если бы в ней сразу стали участвовать, например, Россия, Китай или Индия. Эти государства не участвуют по той причине, что это операция НАТО. И Россия не может послать свои подразделения под командование НАТОвских генералов. Это невозможно. Вот классический пример того, как шаблонное мышление мешает решению реальных задач. Так, например, членство в НАТО Украины или Грузии не имеет никакого отношения к решению проблем нераспространения или борьбы с терроризмом, тех реальных проблем, которых опасаются и США, и европейские страны.

Отсюда последняя инициатива российского президента – «Хельсинки-2» – нового формата сотрудничества, на мой взгляд, очень удачна. Речь идет исключительно о нашей инициативе, о первой корзине, о неких новых договоренностях, которые бы регулировали применение или неприменение силы, регулировали все те вопросы, которые сейчас остаются без ответа ввиду бездействия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Индекс Безопасности: Какие меры можно было бы предпринять России, чтобы избежать возможных просчетов во внешней политике или сгладить существующие точки напряженности?

Константин Косачев: Я бы нашей внешней политике предложил пять основных позиций, по которым необходимо развиваться России.

Во-первых, это позитивная повестка дня. Россия реагирует на действия наших партнеров, соглашаясь или не соглашаясь с ними. Но крайне редко Россия предлагает собственные сценарии решения крупных современных проблем. Например, в отношении Косово Россия говорила о несогласии, но не предложила никаких возможностей решения проблемы.

Во-вторых, это тема упреждающего информационного обеспечения. Россия либо часто пугает своих партнеров, либо создает возможность для всякого рода спекуляций в адрес России.

В-третьих, это так называемые «говорящие головы». Нет достаточного количества дискуссионных площадок для обсуждения проблем международной безопасности. Очень часто различного рода дискуссионные площадки проходят без российского участия. У России не всегда получается действовать профессионально на таких площадках.

В-четвертых, Россия в последнее время перестала бояться остаться в одиночестве. Но очень часто Россия не задумывается над тем, что мы могли бы выглядеть более убедительно, если бы могли создавать коалиции. США никогда не оставались в одиночестве в какой-то ситуации. Например, Россия решила заморозить свое участие в Договоре по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ). Можно было бы договориться и с Казахстаном, и с Белоруссией, но Россия стала действовать одна.

И последнее. Нас подталкивают на внеправовые действия в качестве реакции на те или иные международные события. И, поддаваясь на эти провокации, мы всегда остаемся в проигрыше. Не надо поддаваться на различного рода провокации. Необходимо всегда оставаться в рамках правового поля.

Индекс Безопасности: На Ваш взгляд, насколько эффективна существующая система международных договоров в области безопасности? Не является ли Россия единственной страной, действующей строго в рамках международного права, и не может ли такая предсказуемость в свою очередь оказаться слабым местом во внешней политике России?

Константин Косачев: Это еще одна точка напряженности в отношении России с окружающим миром. Действительно, нам постоянно навязывают развитие событий, когда существовавшая до сих пор система международного права подменяется соображениями целесообразности. Даже если право о другом, мы поступим так, потому что считаем, что это правильно, что это нужно (вот вам Ирак, вот оно Косово и т.д.). То есть тенденция совершенно точно налицо. И у России, действительно, возникает дилемма: либо продолжать насмерть защищать систему международного права, либо тоже начинать действовать, как действуют наши партнеры-соперники. Я все-таки сторонник первой линии поведения, потому что право всегда защищает слабого.

Американцы внутри страны – абсолютные букведы с точки зрения соблюдения закона. Там любой гражданин может засудить

государство, и никто с этим ничего не делает. И в то же самое время американцы весьма вальяжно ведут себя по отношению к международному праву. Почему это происходит? Потому что американское государство в силу той модели, которая там сложилась (политической модели), не всесильно по отношению к своим же гражданам, к структурам гражданского общества, оно нуждается в правовой защите, там все в равной степени нуждаются в защите. И отсюда возникает постоянное апеллирование к праву как к основе обустройства американского общества внутри. А вовне американцы сильнее всех остальных вместе взятых, и им это право оказывается излишним. Оно им мешает вершить судьбы мира по собственному усмотрению. Вот почему они его игнорируют.

Что происходит в России? Ровно наоборот. Уважение к праву внутри страны весьма относительно. Почему? Потому что государство всесильно и не боится своих граждан, не боится проиграть в суде, делает все, как ему нужно. Я об этом говорю с сожалением на самом деле. Но это обстоятельства, так сложилось. Это наша традиция пока. И, ровно наоборот, во внешних делах мы постоянно цепляемся за это международное право, потому что во внешних делах мы пока слабее многих наших партнеров. И распад этой системы международного права нам не создаст никаких дополнительных преимуществ. Он нас просто лишит той защиты, которая сейчас худо-бедно, но существует. Пробоев в этой системе возникло уже достаточно много. Но говорить о неэффективности или даже о хаосе международно-правовой системы я бы не стал: все-таки ООН существует, Устав ее действует, Совет Безопасности худо-бедно продолжает работать.

И представьте себе на секундочку, что не было бы Совета Безопасности ООН. Как бы развивалась ситуация с тем же Ираном? Я не исключаю, что она развивалась бы значительно более радикально и что американцы и израильтяне уже давно ударили бы по соответствующим ядерным объектам. А хорошо бы от этого совершенно точно никому не стало. И то, что сейчас мы эту крайне сложную, крайне непредсказуемую, для России во многом непрозрачную иранскую ситуацию, тем не менее, удерживаем в правовых рамках, мне представляется значительно более перспективным для России, потому что иначе мы бы имели полное повторение ситуации, которая чуть было не случилась в отношении северокорейской ядерной программы, когда американцы

мощно двинулись вперед, стали де-факто угрожать внешним вмешательством в смену режима. После чего режим в Северной Корее насмерть испугался. Я как раз был в Пхеньяне в самые острые времена и видел, что у моих собеседников стоял физический страх в глазах. Я вдруг понял неожиданно для себя, что они боялись за свои жизни. Они понимали, что, как только будет какой-то внешний фактор вмешательства, им крышка, не просто дворцам их, а им самим, физически. И они были готовы сделать все. Как говорил Конфуций, «кошка, загнанная в угол, превращается в тигра». И вот ровно это стало происходить с Северной Кореей, которая из-за этого физического страха вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), прекратила сотрудничество с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), замкнулась в себе и стала всех бояться, но при этом максимально ускоряя свою ядерную программу. Мы чудом из этой ситуации вышли: американцы снизили риторику, и мы их худо-бедно вернули. Если Иран сделает то же самое, например, замкнется и начнет создавать атомную бомбу, то хорошо от этого не будет ни США, ни России, ни кому бы то ни было еще.

ДОВСЕ юридически не ратифицирован государствами НАТО, Россия заморозила свое участие. Если мы сейчас уйдем от такой пропагандистской риторики, ни одно государство, подписавшее ДОВСЕ, не нарушает его параметры. Мы спорим о другом. Например, почему Болгария продолжает относиться к Востоку, хотя де-факто является Западом? То есть сама конструкция устарела. Но ни одно государство по танкам, по артиллерии, боевым самолетам не превысило тех квот, которые прописаны в договоре. Если мы сейчас теоретически полностью разрушим этот договор, что произойдет? Допустим, мы у себя, оторвав кусок от национальной экономики, увеличим количество танков в Калининграде или в Брянской области на десять тысяч штук, и дальше что произойдет? У них возможностей гораздо больше, и каждая из этих стран произведет определенное количество танков, и в сумме мы будем противостоять армии из 26 НАТОвских государств, у каждого из которых будет определенное количество танков. Баланс будет нарушен кардинальным образом. Как таковые эти танки смысл какой-либо утратят, потому что воевать танковой армией, которая в десять или 100 раз слабее, бессмысленно. Финансовый ресурс мы потратим на это совершенно колоссальный. Но с точки зрения наших интересов, я уверен, это оправдано не будет.

Индекс Безопасности: Говоря о российской внешней политике, можно спорить о том, является ли Россия великим государством. Возможно, это и не самый важный вопрос. Важнее вопрос о целях российской внешней политики. Если Россия – великое государство, то цель внешней политики тоже должна быть великой. Получается ли, что у России нет масштабных целей? Может, пришло время поставить эти цели? Если да, то какие?

Константин Косачев: Согласен, что стратегических целей внешней политики Россия пока не формулирует. Это очень плохо.

Есть две модели формирования внешней политики. Одна модель – классическая, когда политические партии соревнуются между собой в формулировании стратегических целей. В России эта модель пока не задействована, так как у нас только происходит становление многопартийной системы. У нас нет сильных политических партий с ярко выраженной идеологией. Все политические программы российских партий похожи друг на друга и не отражают каких-то реальных целей.

Почему так? На мой взгляд, дело в том, что Россия, претендуя на позиции мировой державы, не имеет столь явно выраженных естественных интересов, как наши партнеры. Естественный внешний интерес – это, например, обеспечение свободного доступа к ресурсам своих предприятий, как это делает Китай. Отсутствие этих ресурсов является двигателем для многих государств, и в том числе США и ЕС.

Другой пример – обеспечение благоприятных условий для сбыта отечественной продукции и наличие насыщенного внутреннего рынка. Увы, нет у России такого фактора. В то же время не насыщен пока внутренний рынок, на который российская экономика может работать на многие годы вперед. И этот фактор не является для нас побудительным мотивом.

Есть такой естественный фактор, как обеспечение национальной безопасности, когда государство, не имея достаточных ресурсов на обеспечение национальной обороны, просто вступает в какие-то военные блоки и встает под общий зонтик безопасности. Для России и этот фактор отсутствует, так как мы самодостаточное государство в оборонном отношении. У нас есть ядерное оружие. И когда мы занимаемся Договором о коллективной безопасности – это некий факультатив, потому что для России Договор о коллективной безопасности не является главным фактором в обеспечении национальной безопасности.

Другая модель, которая эффективно реализуется в США, – это когда в стране есть мощный аналитический центр (в США это Совет национальной безопасности), который впитывает в себя интересы, существующие в профессиональном сообществе, в Государственном департаменте, интересы в бизнес-сообществе, гражданском обществе и т.д. Из всего этого складывается некое видение ситуации, которое потом идет на доклад президенту страны, а затем превращается в национальную политику. У нас и этот механизм отсутствует. В России есть много интересных политологических мыслей, аналитических центров, где существуют довольно интересные проекты, но эти идеи не находят выхода. Они никому не нужны в нашем государстве. То же самое и с нашим бизнесом, который в лучшем случае заходит в правильный кабинет и договаривается о поддержке либо не договаривается. А института, который бы эти интересы бизнеса впитывал и направлял бы их в государственную политику страны, нет.

В результате происходит парадоксальная вещь, когда та или иная стратегия вырабатывается конечным исполнителем, например, Министерством иностранных дел. МИД, реагируя на какую-то ситуацию, пишет докладную записку президенту о том, какова должна быть в данном вопросе политика России. Затем она попадает в Совет Безопасности, президенту и приходит снова в МИД, который начинает ее реализовывать. При такой модели никогда не получится поставить какой-то амбициозной задачи, потому что люди знают: то, что они сегодня напишут, им же придется выполнять. До тех пор, пока мы этот механизм не изменим, ситуация будет оставаться такой прискорбной.

Как изменить эту ситуацию? На уровне высшего руководства страны должны формулироваться задачи, не конкретные действия и акции, а именно задачи. Например, сделать Белоруссию 87-м субъектом РФ. Или, наоборот, поддержать Белоруссию в качестве суверенного государства. То есть формулирование такой задачи, которая на первом этапе будет казаться неисполнимой. Такой задачи, которая формируется не на критериях «получится или не получится», а такой задачи, которая бы отвечала национальным интересам страны. Далее, это видоизмененный или реформированный Совет Безопасности РФ, который должен, получив эту задачу, раскладывать ее по составляющим: вот этим у нас занимается дипломатия, этим бизнес, а этим занимаются

военные. Вследствие чего каждый занимается своей задачей, а МИД должен координировать. Вот так это должно быть организовано, но пока этого не получается. И я согласен, что без стратегии внешняя политика РФ будет неэффективной.

Индекс Безопасности: Как Вы оцениваете жизнеспособность ДНЯО в части исполнения его другими странами?

Константин Косачев: ДНЯО не выполняется по многим ключевым параметрам. Там по многим позициям можно придирается конкретно, но надо признать, что договор в его изначальном виде не сработал. И мы имеем большое количество государств, которые стали или могут стать ядерными державами. Нет законных правовых норм, по которым можно этому препятствовать. По крайней мере до того, пока Индия или Пакистан не являются членами ДНЯО и свободно обладают ядерным оружием.

Кроме того, в ДНЯО также содержится ряд обязательств для ядерных государств идти к тому же «нулю». Получается палка о двух концах. Как только мы начинаем заниматься буквоедством, мы рискуем нарваться на возможные претензии к тем же ядерным странам, к примеру, к России, что мы недостаточно быстрыми темпами занимаемся ликвидацией ядерного оружия. Я тоже уверен в том, что «ядерный ноль» – это перспектива весьма отдаленная, потому что для России, с учетом нашего состояния вооруженных сил, с учетом реального оборонного бюджета, отказаться от ядерного оружия означало бы серьезно подорвать боеспособность нашего государства. Ядерная компонента – это основополагающая часть нашей оборонной политики.

Индекс Безопасности: Возвращаясь к вопросу о позитивной повестке дня для российской внешней политики, позвольте спросить Вас, почему Россия сегодня пока ушла от активного обсуждения вопроса полного ядерного разоружения?

Константин Косачев: Россия не отказывается принципиально от переговоров по ядерному разоружению. В последнем послании бывшего президента В.В. Путина (2000–2008) парламенту было написано, что мы слишком мало времени уделяем разоружению. Поэтому заявление, что Россия не занимается разоружением, относится, скорее, к предыдущим годам, нежели к современной ситуации. Сейчас в МИДе совместно с Министерством обороны готовится соответствующее предложение в адрес руководства страны

в развитие этого обращения бывшего президента РФ. Но, в общем и целом, дефицит идей очевиден.

Индекс Безопасности: Какова роль парламента, в частности, Вашего Комитета в определении российской внешней политики? Необходимо ли эту роль увеличить и что для этого делается?

Константин Косачев: Все дело в особенностях российской Конституции. Принцип разделения властей в России сложился на основании действующей Конституции, а она у нас была написана по итогам событий в Москве в октябре 1993 г. Это конституция победившей на тот момент президентской власти, поэтому она у нас с очень сильными президентскими полномочиями в сфере внешней политики и достаточно ограниченными полномочиями парламента.

Если сравнивать с конституцией США или Франции, например, то там различные компетенции парламента, включая внешнюю политику, прописаны более четко. Норма российской Конституции, которой нет в конституции США или Франции, гласит, что внешнюю политику России определяет президент. Это специфическая норма. И для того, чтобы эту систему сменить, нужно корректировать документ в целом. Я противник того, чтобы менять Конституцию по кусочкам. Мы должны понять, как должно измениться наше общество во всех составляющих, а потом подходить к изменению Конституции.

Что касается конституционных полномочий российского парламента и Комитета по международным делам Государственной Думы, то они вполне значительны.. Первое и главное – это работа с законопроектами, либо конституционными, либо затрагивающими внешнюю политику страны. Сейчас самый серьезный вопрос – законопроект о приграничном сотрудничестве, ратификация соответствующих документов.

В качестве примера приведу российско-латвийское соглашение об уходе за воинскими захоронениями. Я считаю этот документ действительно необходимым для России. Но перед проведением заседания Государственной Думы я неожиданно встретил сопротивление партий КПРФ и ЛДПР, которые свой протест обосновывали тем, что данное соглашение позволит Латвии устанавливать на территории России памятники сторонникам фашизма, воевавшим против советской армии, более того, еще и размещать на них нацистскую символику. Внимательно изучив это соглашение, я нашел в нем пункт, что установка памятников разрешена

только в соответствии с законодательством страны. А так как у нас в России запрещена нацистская символика, то она не может появиться на памятниках. Данное соглашение было ратифицировано Государственной Думой. В данном вопросе наш Комитет по внешней политике проявил настойчивость.

Парламент высказывает те настроения, которые существуют в обществе по поводу тех или иных событий, происходящих за пределами России. Последнее наше заявление было связано с латвийским законом о запрете советской символики наряду с нацистской. До этого у нас было заявление, с которым я, кстати, не согласен, о судьбе российско-украинского договора. Так, президент предложил разорвать договор, против чего была большая часть парламента. Парламент проиграл, но его высказывания против этого отражали реальное общественное мнение.

Кроме того, парламент имеет компетенцию в плане финансирования российской внешней политики: кредитная политика, списание долгов и т.д. И, наконец, согласие или несогласие на назначение новых послов. Каждый посол вызывается на Комитет, где обсуждаются задачи внешней политики в том или ином географическом направлении, потом это превращается в регулярный диалог. Мы ввели практику, когда послы, возвращаясь после отпуска, особенно из значимых для нас стран, обязательно приходят к нам на Комитет, где мы разбираем, что получилось, а что нет.

Индекс Безопасности: В России начинают формироваться процессы возрождения так называемой национальной идеи. На Ваш взгляд, насколько эти процессы себя оправдывают и что действительно достойно называться национальной идеей России?

Константин Косачев: Что касается национальной идеи, то для России очень важно быть успешной нацией. Пока наш успех в чемпионате по хоккею, на Евровидении, выбор Сочи в качестве места для зимней Олимпиады 2014 г. – это все те факторы, которых мы давно не видели. Но успех нации в гораздо более серьезных вещах. Например, в любой стране мира можно найти хоть один товар, произведенный в Китае. И это тоже можно считать национальным успехом. У нас такого пока нет. Более того, мы продолжаем делать ставку на так называемую энергетику, хотя я бы не назвал это энергетикой. Утверждение, что Россия – энергетическая держава,

фальшиво. Россия – это сырьевая держава. Это не может быть стратегией, это только тактика действия на каком-то определенном этапе, когда мы через это получаем дополнительный ресурс, чтобы создавать реальную экономику внутри страны, создавать новые рабочие места. И вот это, я думаю, является национальной идеей для нашей страны, которая пока не реализована.

Мы еще должны состояться как конкурентоспособное государство, как нация, которая существует не потому, что ей достались огромные богатства внутри страны, а именно как нация, которая может быть способнее другой страны.

Глава 32

Глиняные ноги российского ОПК (2009)¹

Наталья Калинина, Вадим Козюлин²

Российские эксперты по-разному оценивают состояние отечественной оборонной промышленности. Пессимисты указывают на моральное и физическое старение производств, истощение советских заделов в военных технологиях, катастрофическое старение инженерных кадров, потерю качества продукции, неспособность своевременно исполнить заказы.

Но имеются и оптимисты, которые отмечают стабильное увеличение экспорта российских вооружений, существенный рост государственного оборонного заказа, структурную реформу оборонно-промышленного комплекса (ОПК), техническое переоснащение ряда предприятий, планы руководства страны по перевооружению армии к 2015 г., намерения властей создать авианосный флот. Российская армия стала чаще проводить учения, визиты российских кораблей и самолетов в дальние уголки планеты становятся регулярными.

Каково же реальное положение дел в оборонной промышленности и что ждет российскую оборонку в будущем?

ВТС как искусство дышать под водой

Начиная с 1992 г., когда Министерство обороны прекратило финансирование отечественного военно-промышленного комплекса (ВПК), оборонные предприятия были вынуждены выживать. Финансирование оборонки прекратилось практически сразу:

¹ Впервые опубликовано: Калинина Н., Козюлин В. Глиняные ноги российского ОПК // *Индекс Безопасности*. 2009. № 3–4 (90–91). С. 47–67. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2009-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-3-4-90-91-Том-15.pdf>

² Наталья Ивановна Калинина (род. 11 февраля 1942 г.) – профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член Совета ПИР-Центра. Вадим Борисович Козюлин (род. 22 января 1965 г.) – старший научный сотрудник ПИР-Центра.

в одночасье производство в ОПК сократилось на 70–80 процентов. Гигантская часть экономики лишилась и заказов, и средств к существованию. Вооруженные силы фактически перестали быть заказчиком отечественного ВПК, отныне обращаясь к промышленности разве что за ремонтом и продлением ресурса стареющей техники.

Получил хождение новый термин – конверсия. Под этим девизом государство призывало оборонные предприятия переходить на выпуск мирной продукции. Заводы, осваивавшие ракетные технологии, стали открывать для себя новые миры: кто мир кухни, кто мир мебели. Кастрюли, чайники, садовый инвентарь, своим видом наводившие на мысль о гранатах и ракетах, стоили дорого и с трудом находили путь к потребителю.

Те из предприятий, чьи площади размещались ближе к покупателю, познали простое счастье рантье. Платы за аренду сдаваемых коммерческим организациям помещений иногда хватало на выплату зарплат рабочим. Жители столицы и не догадывались, что появление удивительного для той поры бытового магазина «Бауклотц» совпало по времени с исчезновением цеха, собиравшего систему противовоздушной обороны С-300. Собственно, и вооруженные силы России этого тоже не заметили: российские заказы на «трехсотку» с тех пор прекратились. По сравнению с 1992 г. производство военных самолетов уменьшилось в 17 раз, военных вертолетов – в пять раз, авиационных ракет – в 23 раза, боеприпасов – более чем в 100 раз.

Но ни конверсия, ни сдача в аренду не могли решить проблему острой нехватки финансирования ОПК. В эпоху Б.Н. Ельцина российская власть призналась, что экспорт вооружений – это почти единственное средство выживания оборонки, а стало быть, и средство обеспечения национальной безопасности государства. Выжили не все, главным образом, те, кто услышал и верно понял слова руководства страны. Отныне судьба оборонной промышленности была крепко связана с экспортом вооружений.

За эти годы Россия прошла быстрый курс избавления от «имперских амбиций»: в самом начале 1990-х гг. россияне отказывались продавать на внешнем рынке наиболее высокотехнологичные вооружения, приберегая их для собственной «непобедимой» и «легендарной». Да и позднее, еще десять лет назад, Китай не мог добиться согласия на продажу ему новейших противокорабельных ракетных комплексов, скоростных подводных ракет. Постепенно

россияне сняли запреты, а позже даже стали создавать наиболее современные вооружения под заказ и на деньги зарубежного импортера. Российский ОПК спрятал гордость до лучших времен и пустился во все тяжкие: многие из создаваемых сегодня новейших вооружений российская армия не увидит никогда – они предназначены для того, кто платит и заказывает музыку.

Заделы советских разработчиков вооружений были велики, но и они оказались конечны. Если в конце 1990-х гг. журналисты, описывая образцы российских вооружений, еще традиционно добавляли «не имеющие аналогов в мире», то в новом веке эта фраза вышла из употребления. Теперь стали писать «не уступающие передовым зарубежным образцам». Специалисты знают цену этим эпитетам: по многим военным технологиям Россия еще находится на уровне 1970–1980-х гг.

В 1990 г. реальная доля российской наукоемкой продукции в мировом экспорте составляла 6 процентов, в 2000 г. – около 1 процента, в 2007 г. – около 0,5 процентов, в 2008 г. – около 0,2 процента. То есть за 18 лет доля российского высокотехнологичного продукта в мировом экспорте сократилась в 30 раз. Эта цифра может вызывать удивление, но только не у специалистов.

Вот возрастной портрет одного из подмосковных конструкторских бюро: первым руководителям – под 80 лет, начальникам отделов – под 70, средний возраст разработчиков – 67 лет. Моложе 60 лет нет ни одного. Раньше по каждому направлению трудились группы разработчиков. Теперь осталось по одному на направление³. Молодые специалисты, не видя перспектив в родной стране, уезжают за рубеж. Молодых специалистов трудно винить в отсутствии патриотизма. Министерство обороны России не предлагает ни целевых стипендий, ни перспективной работы в будущем.

Каждый год авторитетные ученые и педагоги советуют абитуриентам не идти учиться на юристов, экономистов, журналистов и политологов – рынок труда переполнен безработными специалистами с дипломами этих профессий. И ежегодно абитуриенты следуют этому совету с точностью до наоборот. В этом тоже есть логика. Где те заводы, которым нужны молодые инженеры? В какой отрасли (за исключением добычи-транспортировки угле-

³ Выступление Владимира Федоткина, члена Комитета Госдумы ФС РФ по бюджету и налогам. «Правда» о прошедшем в Госдуме круглом столе // КИПРФ, 30 апреля 2009 г.

водородов и разработки программного обеспечения) выпускник технического вуза может рассчитывать на достойную зарплату, карьерный рост и социальное обеспечение для себя и своей семьи?

Государственная корпорация «Ростехнологии»⁴ пытается решить кадровую проблему, создавая в ведущих вузах страны кафедры, где будут готовиться специалисты для данной корпорации. Но, как ни посмотри, госкорпорация готовит им стезю чиновников, а не промышленников.

Согласно озвученной Д.А. Медведевым еще до избрания президентом РФ⁵ на экономическом форуме в Красноярске Программе социально-экономического развития России до 2020 г., ежегодно Россия должна увеличивать экспорт высокотехнологичной продукции на 15–20 процентов, чтобы к 2020 г. он составил 60–100 млрд долларов США (сейчас шесть-восемь миллиардов долларов США). Трудно сказать, когда эти планы показались бы более далекими – в 1990-х гг. или сегодня.

Некоторые государства мира сумели приспособить свою оборонную промышленность к рыночным условиям: оборонные предприятия Израиля вынуждены экспортировать $\frac{3}{4}$ производимых вооружений, чтобы $\frac{1}{4}$ продукции могла достаться израильским вооруженным силам. ОПК Израиля, небольшой и технологичный, вполне востребован и заточен под внешний рынок. Но нельзя забывать, что его успехи в значительной степени объясняются используемыми израильянами американскими технологиями, а также усилиями двух тысяч частных посреднических израильских компаний, которые активно торгуют оружием по всему миру. В то же время большинство стран НАТО отдают абсолютное преимущество своим национальным силам. К примеру, у нашего постоянного конкурента – США – объем внутренних закупок в семь-десять раз превышает объемы экспорта. Российский ОПК несопоставим с израильским по размеру, для него мировой рынок вооружений просто тесен. И, чтобы отвоевать на нем место под солнцем, Россия, как обычно, избрала свой путь – государственная монополия в лице единого госпосредника.

⁴ Учреждена в 2007 г. В 2012 г. переименована в «Ростех». – *Прим. ред.*

⁵ Президент России в 2008–2012 гг. – *Прим. ред.*

Компании-госпосредники экспорта российских вооружений, проводники государственной монополии на экспорт российского оружия, получили в руки полный инструментарий для наращивания объемов продаж. В их интересах начали работать дипломатические представительства, спецслужбы, а иногда и сам президент страны на высшем уровне лоббирует экспортные сделки.

Больше рынков, хороших и разных

Принято считать, что для рынка вооружений характерна высокая конкуренция. В самом деле, иногда участники тендеров на поставку оружия вынуждены прибегать к серьезному демпингу, идти на передачу заказчику чувствительных технологий либо, наоборот, прибегать к политическому давлению на него с тем, чтобы получить желаемый заказ. Известны случаи подкупа, сговора, черного пиара, словом, того, что наша пресса именует вытеснением с рынка и нечестной конкуренцией.

Однако имеются и примеры противоположного свойства: когда экспортеры вооружений покидают рынок, оставляя его соперникам в полное распоряжение. Трудно представить, чтобы один-единственный продавец безраздельно владел внушительной частью мирового рынка, например, мяса или бытовой электроники, диктуя цены и правила. Но в торговле оружием иногда происходит именно так: по различным политическим мотивам – распространение демократии, борьба за права человека – страны Запада вводят санкции против неудобных государств. Как правило, в первую очередь эти санкции предусматривают ограничения на поставку оружия.

Ядерные испытания, проведенные Индией в 1998 г., привели к (пусть и непродолжительному) ограничению поставок оружия в эту страну. События на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда китайские власти подавили демонстрацию студентов, стали поводом для введения запрета на поставку западных вооружений в Китай. Список государств, которые лишены права покупать оружие в Европе и США, довольно широк: помимо Китая, в него по разным причинам входят Иран, Венесуэла, Куба, Сирия, Мьянма, Узбекистан, Белоруссия и др. Этот перечень удивительным образом совпадает со списком государств – традиционных партнеров России по военно-техническому сотрудничеству

(ВТС). Российские экспортеры вооружений получили китайский, иранский, венесуэльский, сирийский и некоторые другие рынки из рук США и ЕС в безвозмездное пользование. Образно говоря, эти рынки обнесены высокими заборами, а по периметру страны Запада развернули сложную систему экспортного контроля. Но в заборах зияют огромные дыры. Из России к этим дырам протоптаны не тропы, а проложены магистрали.

Общий объем ежегодно закупаемого этими странами российского оружия составляет более половины от российского экспорта вооружений. То есть страны Запада фактически добровольно передали России монополию на экспорт оружия этим государствам, создав для РФ почти идеальные условия, свободные от конкуренции, свойственной мировому рынку.

Разборки на тему отверточной сборки

За последнее десятилетие новая беда поселилась в сердцах российских специалистов по ВТС и беспокойных обывателей – кража российских военных технологий. Действительно, воруют. Один из последних вопиющих примеров: по соглашению, подписанному в 1996 г., Китай приобрел право на отверточную сборку 200 истребителей Су-27СК под местным наименованием J11. Но, получив 95 комплектов деталей, 180 двигателей АЛ31Ф и все необходимое оборудование, китайцы в ноябре 2004 г. заявили, что больше не нуждаются в российских технологических комплектах для сборки Су-27⁶. Три года российские оборонщики удивлялись: как китайские авиаторы могут летать, не заказывая в России запасных частей? Наконец, в начале 2007 г. Китай представил свою разработку – истребитель J11В, в котором специалисты признали копию Су-27. Китайский меньший брат российской «Сушки» быстро поступил в продажу, первым покупателем стал Пакистан. В качестве опций китайские производители предлагают набор вооружений – клонов российских ракет – включая новейшую российскую ракету Р-77. Она продается под китайским названием PL12.

Подобные истории многочисленны: Китай, КНДР, Болгария, Румыния и даже Пакистан выпускают и предлагают на экспорт

⁶ Мясников В. Русские сушки по-китайски // Общая газета, 22 апреля 2008 г.

клоны российских вооружений, созданных на базе технологий, переданных Советским Союзом либо полученных методом обратного инжиниринга. Российские власти пытаются судиться с производителями контрафактов, но судебные тяжбы редко бывают успешны. Трудно найти управу на болгарский завод «Арсенал», когда производимые им «Калашниковы» в огромных количествах для армии в Афганистане закупает Пентагон.

Частично эта проблема осталась России в наследство от СССР, в свое время твердой рукой дарившего военные заводы зарубежным братьям-коммунистам и прочим сочувствующим. Но случай с китайским истребителем J11B – уже из новейшей истории российского ВТС. Китайцы применяют стандартную тактику: начав с отверточной сборки, они перенимают все секреты производства компонентов. Но разве это сугубо китайский прием? Не так ли создавал свою экономическую и военную мощь Советский Союз?

Чистая отверточная сборка может дать лишь иллюзию развития отечественной промышленности. Пример тому – российская автомобильная промышленность, увядающая под натиском иностранных сборочных производств. В Ижевске сборочный цех южнокорейских автомобилей «КИА» так и называют – конец ижевскому автопрому. Иностранным автопроизводителям ничего не нужно от ижевских автомобильных мастеров, их судьба – просто исчезнуть.

С другой стороны, проблема клонов – это удел отстающих, остановившихся в развитии и теряющих позиции в разработке новых вооружений инженерных школ. Ведь те же новейшие ракеты Р-77 поступили на вооружение российских вооруженных сил еще в 1994 г., то есть 15 лет назад.

Среди аналитиков США принято считать, что в период холодной войны американская боевая техника опережала советскую на десять лет, а китайскую – на 25 лет. Сегодня, по мнению американцев, китайцы по многим показателям уже опередили россиян. И уже множатся сигналы о том, что те, кого мы десять лет назад числили в подмастерьях мирового оружейного цеха, сегодня освоили наработанный инженерным сообществом материал и сами создают вооружения, которые превосходят российские аналоги. Нас ожидают скорые неприятные сюрпризы.

Первая беспилотная ласточка

Сделка по приобретению израильских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) «Гермес» для нужд Минобороны вскрыла хронические болезни современной российской армии и обороны. Советские инженеры были едва ли не первыми, кто начал создавать беспилотники. Еще в начале 1960-х гг. на вооружение советской армии начали поступать БПЛА Ла-17Р, созданные на основе воздушной мишени, и Ту-123 (комплекс дальней фото- и радиоразведки ДБР-1 «Ястреб») на основе крылатой ракеты. В начале 1980-х гг. Советский Союз производил беспилотники уже сотнями.

Годы после распада СССР совпали с быстрым развитием отрасли БПЛА по всему миру. Сформировалась группа лидеров, и России в ней не оказалось: первые места в разработке занимают США, Великобритания, Израиль, Франция, ФРГ, Швеция⁷.

Ситуация усугубилась тем, что в 2002 г. авиация сухопутных войск была передана в состав российских военно-воздушных сил. Этим шагом в Министерстве обороны был упразднен потенциальный пользователь БПЛА, сложилось парадоксальное положение: в то время как во всем мире программы создания беспилотников быстро завоевывали признание и получали существенное финансирование, в нашей стране интерес к этой теме сохраняли только энтузиасты. Более того, воинское начальство было убеждено, что в реальной войне беспилотники будут не нужны.

Сегодня те, для кого предназначаются БПЛА, – сухопутные войска – растеряли специалистов, которые могли бы сформулировать грамотный заказ российской оборонке.

В тонкостях использования беспилотников, вероятно, могли бы разобраться представители военно-воздушных сил. Но они не видят необходимости в БПЛА: самолет без человека – это мы не проходили.

Более 30 лет российские военные не заказывали беспилотных самолетов. За это время состарились не только те, кто понимал тактику применения этого оружия и мог бы сформулировать технические требования к нему. Наша промышленность отстала

⁷ Павлушенко М., Евстафьев Г., Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // *Научные Записки ПИР-Центра*, 2004. № 2 (26). 611 с.

от современных требований: соответственно двигатели, фотомаатрицы, системы связи и навигации – все это нужно не совершенствовать, а создавать заново.

Возможно, российские военные правы, и приобретение израильских вооружений позволит, по словам заместителя министра обороны РФ В.А. Поповкина, «отработать принципы их применения», а российской промышленности – снять мерку с основных узлов и агрегатов. Эта сделка приоткрыла для широкой общественности частичку правды о проблемах с боевым оснащением российской армии. Информации о них было немало и ранее, но все-таки казалось, что однажды усилием воли страна будет в состоянии их преодолеть. БПЛА стали первой непреодолимой проблемой: российская армия признала, что родной ОПК не сможет выполнить требования военного заказчика, а оборонная промышленность получила подтверждение деградации кадрового состава вооруженных сил. Эта покупка в какой-то мере символизирует закат российского ОПК и разлад взаимопонимания между военными и оборонщиками, властью и российским ОПК, российскими военными и властями.

Мы еще слышим заверения о том, что разовая закупка послужит на пользу отечественным разработчикам, но здравый смысл подсказывает обратное: ведь вместо современных технологий, которые могли бы реально продвинуть наш ОПК, у компании «Elbit Systems» был куплен не очень свежий образец, а деньги, которых так ждали российские разработчики БПЛА, отправлены в Израиль. Можно ли верить, что следующая партия беспилотников будет российской?

БПЛА – это не единственный пробел в перечне технологий, утерянных Россией или не созданных ею. Из этого следует заключить, что российским военным либо российским разработчикам вооружений предстоит еще не раз обратиться к заграничным производителям за помощью.

Собственно, это процесс уже приобрел характер устойчивой тенденции: пока за рубежом отовариваются МЧС, МВД и спецслужбы. Российские оборонные предприятия также закупают импортные комплектующие: французские матрицы тепловизоров для танков и вертолетов, израильские электронные приборы для самолетов – подобные закупки превращаются в рутину. Израильский БПЛА «Гермес» выбивается из этого ряда, поскольку впервые российское Министерство обороны приобрело закон-

ченную систему вооружений. Приобрело при том, что чуть ли не дюжина российских производителей (от малых компаний, созданных продвинутыми авиамоделистами, до Опытно-конструкторского бюро П.О. Сухого) имеют собственные разработки летательных аппаратов.

Как говорят арабы, то, что случилось однажды, может никогда не повториться, но то, что случилось дважды, обязательно произойдет и в третий раз. Российская компания-спецэкспортер «Рособоронэкспорт» рискует превратиться в компанию-специпортера.

Кризис бальзаковского возраста

Как бы ни старались российские чиновники преуменьшить масштабы бед в российской оборонной промышленности, плачевная ситуация в оборонке проявляется в многочисленных неудачах, которые преследуют российский оружейный экспорт в последние годы. Режим сохранения гостайны позволяет скрывать масштабы проблем, возникающих при производстве оружия для российской армии. Но о проколах в экспортных поставках становится известно из зарубежных источников.

Вот лишь несколько наиболее заметных примеров.

В 2008 г. Алжир возвратил России 15 истребителей МиГ-29, поставленных в 2006–2007 гг. «МиГи» были забракованы алжирцами из-за наличия «бывших в употреблении или низкого качества отдельных узлов и деталей в составе самолетов». Сначала российские специалисты пытались объяснить возврат политическими мотивами. Но в 2009 г. группа российских поставщиков некачественных деталей для сборки алжирских самолетов понесла уголовное наказание⁸.

Военно-воздушные силы Индии отказались от приобретения российских самолетов-топливозаправщиков Ил-78, которые эксплуатировались в стране с 2003 г. под предлогом того, что они не соответствуют предъявляемым требованиям. Вместо них будут приобретены самолеты «Airbus» A330 MRTT, производимые европейской компанией EADS. Индийские военные высказывают

⁸ За некачественные детали к МиГам дали условные сроки // ВПК.name, 9 апреля 2009 г.

претензии в отношении российской системы экспорта оборонной продукции⁹.

Задержка в поставке авианосца «Адмирал Горшков» для военно-морских сил Индии и перерасход средств при его подготовке к передаче стали причиной конфликта между сторонами. Первоначально согласованная сумма контракта была увеличена с 1,5 млрд долларов США (вместе с оснащением палубными самолетами и другим вооружением) до 2,9 млрд долларов США, а срок завершения работ передвинут с 2008 г. на 2012 г.¹⁰ Причиной поправок стали изначально неверная оценка стоимости работ и снижение покупательной способности доллара. Индия пока не согласилась на доплаты, переговоры продолжаются несколько лет.

Подписанный еще в 2005 г. контракт между ФГУП «Рособоронэкспорт» и китайским правительством на один млрд долларов на поставку в Китай 38 военно-транспортных самолетов ИЛ-76 МД и ИЛ-78 МК находится под угрозой срыва¹¹. Причина – финансовые и организационные проблемы на российской стороне. Ситуацию взял под личный контроль премьер-министр В.В. Путин.

Строительство трех фрегатов за 1,6 млрд долларов для военно-морских сил Индии сопровождалось конфликтами из-за стоимости, сроков и качества работ: ввиду проблем с зенитно-ракетным комплексом «Штиль» передача фрегатов была задержана на год¹².

Качество продукции военного назначения снижается. Это уже не секрет, об этом говорят – прежде всего, зарубежные заказчики нашей продукции – все громче. Ситуацию усугубляет рост экспортных цен на производимую продукцию без существенного улучшения боевых и эксплуатационных характеристик продукции военного назначения, что обусловлено ростом себестоимости продукции (увеличение заработной платы, цен на энергоресурсы, материалы, сырье и комплектующие изделия). Если указанные тенденции будут нарастать, то Россия рискует оконча-

⁹ ВВС Индии отказались от российских самолетов-заправщиков Ил-78 в пользу Airbus // Накануне.ру, 26 мая 2009 г.

¹⁰ Николаев А. Россия теряет Индию? // Военный паритет, 15 января 2008 г.

¹¹ Литовкин В. Военно-экспортный тупик // Независимая газета, 29 января 2008 г.

¹² Сафонов В. Экспорту оружия не хватает мозгов // Политический журнал, 16 мая 2005 г.

тельно утратить конкурентоспособность на мировом рынке торговли оружием по критериям «качество-цена-время». Много лет иностранные покупатели хвалили наше вооружение именно за это: цена российского изделия была на 30–40 процентов ниже зарубежных аналогов при примерно равных характеристиках. Сегодня эти плюсы российского оружия грозят обернуться минусами¹³.

Тяжелое состояние ОПК, создающее кризисную ситуацию и для сферы ВТС, оставляет мало надежд на скорое оздоровление (стоимость экспортных контрактов, заключенных в 2006 г., составляла 17,8 млрд долларов; в 2007 г. – 8,5 млрд долларов). Портфель заказов на 2008 г. составляет 10,97 млрд долларов (при условии, что сроки поставок не будут перенесены), на 2009 г. – 7,96 млрд долларов, а на 2010 г. – 6,36 млрд долларов¹⁴.

По мнению экспертов, объем продаж оружия на уровне пяти-шести миллиардов долларов в год является предельным для РФ. Он будет сохраняться (и даже снижаться) до выхода предприятий ОПК на новые уровни технологий и продажу современных видов оружия, востребованных мировым оружейным рынком.

Главная причина – износ основного оборудования, достигший 75 процентов, и чрезвычайно низкий уровень перевооружения: темпы обновления оборудования составляют не более 1 процента в год при минимально необходимой потребности в 8–10 процентов¹⁵.

Существенно осложняют и без того бедственное положение российской оборонки поразившая все институты государства коррупция и отсутствие финансовой дисциплины. Стало обычным, что ежегодный план по гособоронзаказу никогда не бывает выполнен на 100 процентов. И одной из первых причин становится невыполнение государством обязательств по срокам финансирования государственного оборонного заказа: предприятия вынуждены подолгу выпрашивать положенные им согласно контрактам средства. Стандартная ситуация – платежи начинают поступать ближе к середине года, когда все производственные планы уже

¹³ См.: Интервью с генеральным директором ОАО «Рособоронэкспорт» А.П. Исайкиным // Военно-техническое сотрудничество, 2008. № 7. С. 9.

¹⁴ Шварев В. Итоги России в сфере военно-технического сотрудничества в 2007 году // Военно-техническое сотрудничество, 2008. № 5. С. 78.

¹⁵ Чемезов С. Государственные инвестиции в ОПК и ВТС России // Военно-техническое сотрудничество, 2006. № 44. С. 91.

нарушены. В 2009 г. для того, чтобы положенные по гособоронзаказу средства поступили из бюджета на российские предприятия, понадобилось личное вмешательство президента РФ.

Асимметричная загогулина

Сегодняшняя Россия – это далеко не тот Советский Союз, который был готов почти в одиночку противостоять всему капиталистическому миру, мог взвалить на себя большую часть военных расходов стран Варшавского договора. Нужно помнить, что ВПК СССР составлял до 80 процентов промышленного производства страны, а гражданские отрасли промышленности и сельское хозяйство были лишь придатками этого гигантского комплекса. Едва ли найдутся желающие вернуть такой порядок вещей.

Собираясь грозить потенциальному противнику асимметричными ударами, нужно учитывать, что нынешний военный бюджет России составляет лишь 3–4 процента от мировых военных расходов, тогда как бюджет Пентагона равняется 47 процентам глобальных трат на поддержание армий мира (и это без учета военных расходов остальных стран НАТО, равных 21 проценту).

Военные расходы РФ по размеру сопоставимы с расходами Китая или Великобритании, и значит, в ближайшие годы мы не будем в состоянии тратить десятки миллиардов долларов на разработку системы противоракетной обороны или объединение всех российских военных через командную сеть «Боевые системы будущего». Нам и спутниковая навигационная система ГЛОНАСС пока что обременительна. Впрочем, как и аналогичная система «Galileo» для европейцев: дороговато. При таких расходах на военные закупки российская армия долго еще будет догонять, но уже не США и страны НАТО, а третий мир.

Тем не менее, удел российского ОПК – рачительное и эффективное расходование невеликих по мировым меркам средств (особенно невеликих, если принять в расчет размеры территории, которую на эти средства надлежит защищать). Это означает, что, прежде всего, российской оборонке понадобится научиться бережливости.

При разработке вооружений нужно исходить из необходимости экономии средств. Наступает время для унифицированных решений. В 2008 г. на эксплуатации российских военно-воздуш-

ных сил находились 2800 самолетов и вертолетов. Значительная их часть будет служить еще десятилетие, а то и два. А.Н. Шулунов, в прошлом президент Лиги оборонных предприятий, говорит: «Сегодня ВВС заказывает индивидуальный модернизационный пакет для каждого типа самолета: МиГ-29, МиГ-31, Су-24, Су-25, Су-27, Су-30. Это расточительно. Необходимо изготовить набор стандартных для всех типов самолетов средств, которые можно использовать в зависимости от потребности на любом типе самолета. Серийное производство таких наборов позволит значительно удешевить и упростить модернизацию»¹⁶.

У российских вооруженных сил нет другого пути, как перейти на модульный способ построения вооружений. Это когда в различных системах вооружения используются стандартные блоки – словно детали детского конструктора «Lego»: типовые системы навигации, связи, радиолокации, радиоэлектронной борьбы, унифицированные системы вооружений. Только массовое серийное производство способно при скромном военном бюджете обеспечить обороноспособность такой гигантской страны, как Россия, и поддерживать ее вооруженные силы на современном техническом уровне. Состав средств, используемых на отдельной боевой единице, может изменяться, но при этом они должны браться из одной корзины, сформированной на основе современной отечественной компонентной базы (отсутствие такой базы – еще одна важнейшая проблема). Для этого заказчиком вооружений и военной техники должны быть не десятки ведомств, а единый орган, обладающий квалифицированными техническими специалистами, способными разглядеть возможности объединения потока заказов с применением унифицированных решений.

Вероятно, гигантские оборонные заводы и конструкторские бюро в большинстве своем уже изжили себя. Сегодня большая часть оборонки существует в режиме выживания: 45 процентов оборонных предприятий работают по государственным оборонным заказам с нулевой рентабельностью, еще 45 процентов – с рентабельностью до 8 процентов, и только некоторые предприятия имеют рентабельность до 15 процентов. Редкий завод в подобной ситуации позволит себе обратиться в банк за кредитом под 20 процентов годовых.

¹⁶ Сообщил А.Н. Шулунов в интервью авторам главы.

Заключение

Российский оборонно-промышленный комплекс находится в глубоком системном кризисе. На протяжении 17 лет после распада СССР выживание оборонной промышленности зависело от экспорта вооружений. Этот ресурс почти исчерпан.

Сегодняшний российский ОПК – это все еще огромная часть советского ВПК с той лишь разницей, что советская промышленность создавалась для производства современной боевой техники, а российская существует для того, чтобы выпускать в основном устаревшие советские образцы. Эта система нуждается в глубокой и дорогостоящей реформе.

Внутренний оборонный заказ должен стать источником оздоровления оборонки. Его объемов, скорее всего, будет недостаточно, чтобы превратить российский ОПК в компактную и эффективную часть российской экономики. Российскому руководству понадобится большая воля, чтобы преодолеть косность прошлого и решить три проблемы оборонной промышленности: кадры, финансирование, технологии.

Глава 33

РОССИИ НЕОБХОДИМА СОВРЕМЕННАЯ АРМИЯ, СПОСОБНАЯ АДЕКВАТНО РЕАГИРОВАТЬ НА ЛЮБЫЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ (2010)¹

Николай Макаров в интервью
для *Индекса Безопасности*²

Индекс Безопасности: Каковы причины реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации?

Николай Макаров: Реформа, которая сейчас проходит в Вооруженных Силах РФ, – это объективная необходимость изменить их структуру, чтобы решать все задачи, связанные, прежде всего, с внешними вызовами и теми угрозами, которые могут возникнуть до 2020 г. В 2008 г. наша армия представляла собой осколок армии СССР. Она была огромна по своему составу, являлась в большей степени не боевой, а мобилизационной армией, в ней было громадное количество офицерского состава и вообще командного состава. Это вызывало серьезные опасения, сможет ли подобная армия решать задачи, которые могли возникнуть.

Индекс Безопасности: Вы как человек, прошедший все ступени карьерной лестницы военного, наверное, лучше других были способны сформулировать и осуществить на практике конкретные шаги по изменению облика Вооруженных Сил РФ.

¹ Впервые опубликовано: «России необходима современная армия, способная адекватно реагировать на любые, прежде всего, внешние угрозы и вызовы». Интервью с Николаем Макаровым // *Индекс Безопасности*. 2010. № 3 (94). С. 11–17. Текст интервью подготовлен на основе выступления Н.Е. Макарова на заседании Международного клуба *Триалог*, организованном ПИР-Центром 17 июня 2010 г. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2010-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№3-94-Том-16.pdf>

² Николай Егорович Макаров (род. 7 октября 1949 г.) – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, первый заместитель министра обороны России.

Когда именно вопрос о необходимости реформирования стал звучать особенно остро?

Николай Макаров: Действительно, я прошел все должности, которые необходимо было пройти военному человеку, даже больше, чем это требовалось. Именно поэтому те проблемы, те «болезни», которые были присущи офицерскому составу, те трудности, которые были в организационных штабах при вооруженных силах, были ясны. Я четко представлял, что и как необходимо делать.

Предложения по реорганизации вооруженных сил неоднократно докладывались президенту РФ. Они очень внимательно обсуждались и анализировались. Это происходило в 2008 г., еще до известного Вам августовского конфликта³. После конфликта в Южной Осетии для многих стало вполне понятно, что реформа не только назрела, она должна быть произведена гораздо раньше. В сентябре 2008 г. президентом был утвержден план реформы Вооруженных Сил РФ, и в соответствии с этим планом в 2009 г. мы приступили к реформированию.

Индекс Безопасности: Какие задачи должна решить реформа Вооруженных Сил РФ?

Николай Макаров: Первая задача заключалась в том, чтобы из миллионной, мобилизационной и расплывчатой армии создать боеспособную современную структуру, способную адекватно реагировать на любые угрозы и вызовы.

Вторая задача – оснастить современными образцами вооружения и военной техники новые структуры вооруженных сил.

Третья задача, очень сложная, – переломить у многих офицеров сознание, воспитанное еще в духе старой армии, подготовить этих офицеров и реорганизовать всю сеть военных вооружений.

Четвертая задача заключается в том, что необходимо было доктринально изменить взгляды на ведение боевых действий, и все это заложить в абсолютно новые программные документы.

Пятая задача, наиболее трудоемкая и затратная, – это решение многих социальных вопросов, связанных с денежным содер-

³ Речь идет о нападении грузинских войск на Цхинвал 8 августа 2008 г. и последующей операции российских вооруженных сил по принуждению Грузии к миру. – *Прим. ред.*

жанием и обеспечением жильем не только офицеров, но и всех военнослужащих.

Это основные пять задач, еще есть огромное количество других, менее объемных требований, которые мы решали и решаем сейчас.

Индекс Безопасности: Создание боеспособной современной армии, адекватно реагирующей на любые угрозы и вызовы, – это, безусловно, комплексная задача. Какие именно меры по изменению структуры и подготовки вооруженных сил она подразумевает? Можно ли ожидать в рамках данного процесса изменения срока и условий прохождения службы по призыву?

Николай Макаров: Мы сумели создать части постоянной готовности, уйти от мобилизационных вопросов и создать вооруженные силы, как мы сейчас говорим, в одночасовой готовности к боевому применению. Мы создали 85 боевых бригад и огромное количество других типов бригад, которые должны обеспечивать боевую структуру. Мы совершаем очень болезненный процесс, проводим сокращение, остается одна треть от того офицерского состава, который был в вооруженных силах. Мы полностью ликвидировали институт прапорщиков. Вновь созданные бригады приступили к боевой подготовке. Мы проверяли степень их готовности и правильность созданной организационной структуры в прошлом году на учениях «Запад-2009», «Кавказ-2009» и «Ладога-2009».

Мы пришли к пониманию, что необходимо создать бригады трех типов – тяжелую, среднюю и легкую, которые позволят решать весь спектр задач. Эти бригады имеют модульный характер. В этом плане переход на один год службы стал для нас новой проблемой. Старая программа и структура боевой подготовки абсолютно перестали нам подходить. Поэтому была разработана новая программа подготовки войск и особенно подготовки сержантского состава. Мы частично изменили подготовку всех младших специалистов, убрав структуру подготовки два раза в год. Теперь мы готовим специалистов три раза в год. То есть сократили цикл их обучения и увеличили частоту выпуска. Мы изменили подготовку сержантского состава, перейдя на сроки в два года и десять месяцев. Планируем к 2016 г. иметь новый сержантский корпус.

Мы понимаем, что сама служба солдат резко отличается от службы в западных странах. Если можно так выразиться,

то мы сделали ее более демократичной. Теперь военнослужащий у нас призывается по месту жительства, что раньше делать было запрещено. Мы понимаем, что это целесообразно, чтобы солдаты, проходя службу рядом с домом, могли проводить выходные со своей семьей. Вместе с тем мы значительно усложнили систему подготовки военнослужащих, в том числе значительно увеличили число учебных часов в течение дня. Сейчас будет введена система стимулирования военнослужащих срочной службы.

Индекс Безопасности: Чем объясняется необходимость изменения не только структуры, но и системы управления вооруженными силами в рамках новой реформы? Какой станет новая система управления российской армией?

Николай Макаров: Суть заключается в том, что раньше у нас было три вида и три рода вооруженных сил, которые имели свою систему управления и руководили своими подчиненными силами, например, главнокомандующий военно-морского флота управлял четырьмя флотами, главнокомандующий военно-воздушными силами управлял воздушными армиями, главнокомандующий сухопутными войсками управлял сухопутными войсками. Сейчас мы от этой системы отказались.

Мы понимали, что за последние десятилетия произошли значительные изменения не только в мире, но и в сопредельных с РФ государствах, поэтому потребовалось изменить и саму нарезку театра военных действий. Военные округа должны иметь свою зону ответственности. Сейчас все операции проводятся совместными силами и средствами, то есть участвуют и сухопутные войска, и военно-морской флот, и военно-воздушные силы, а не каждый род войск отдельно, как это делалось раньше.

Кроме того, возникли противоречия в том, что у нас имеется шесть округов и семь армий. Мы создали сами себе проблемы в кадровом вопросе. В настоящий момент будут создаваться четыре объединенных оперативных стратегических командования, в которые организационно войдет непосредственно военный округ вместе с сухопутной составляющей, военно-морским флотом и воздушной армией. Все, что будет входить в сферу этого нового объединенного стратегического командования, то есть все то, что находится на его территории, должно быть непосредственно подчинено этому командованию.

Таким образом, создаются четыре новых стратегических командования – Восток, Центр, Юг и Запад. Планировать их применение и управлять ими будет Генеральный штаб. Главкомандующими вооруженных сил становятся непосредственно подчиненные начальника Генерального штаба. Они в большей степени будут отвечать за организацию боевой подготовки по своим сферам ответственности, за строительство и развитие своих видов вооруженных сил, за подготовку и переподготовку своего офицерского состава, за подготовку специалистов, за миротворческие задачи и за развитие оснащения своих видов и родов войск новыми вооружениями. Первая задача наиболее объемна по своему предназначению.

Индекс Безопасности: В рамках второй задачи по реформированию вооруженных сил существует ли уже программа по оснащению армии современными образцами вооружения и военной техники? Планируются ли возможные закупки иностранных вооружений и технологий? Если да, то будет ли вопрос закупок решаться, исходя из конкретных потребностей в конкретный момент, или это будет плановая программа?

Николай Макаров: Сейчас мы разрабатываем новую программу развития вооружений до 2020 г. В эту программу мы закладываем те требования, которые позволят нам иметь к 2020 г. вооруженные силы, оснащенные новыми образцами военной техники. Безусловно, она разрабатывается с учетом экономики нашей страны и состояния оборонно-промышленного комплекса.

Государственная программа вооружений планировалась следующим образом. Мы понимали, какие вооруженные конфликты могут быть, если они будут развязаны в пределах 2020–2030-х гг. этого столетия. Генеральный штаб определил, какие силы необходимы, чтобы решить эти конфликты, в том числе какие средства требуются с учетом тех технологических прорывов, которые были осуществлены.

Генеральный штаб также определил требования к каждой системе вооружений, которая выпускается промышленностью РФ. Мы, безусловно, будем их закупать. Кроме того, были спланированы опытно-конструкторские работы, в ходе которых мы обязаны создать образцы техники, отвечающие заявленным требованиям. Мы понимаем, что это будет финансовая поддержка нашего оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом.

Вопрос закупки иностранных образцов прорабатывается индивидуально и очень осторожно. Все-таки мы ориентируемся на свое отечественное производство, но не исключаю, что если будут какие-либо серьезные трудности, то мы нацелены закупать не образцы, а технологии производства. Мы можем купить один образец, чтобы посмотреть, что он представляет с точки зрения технологии производства, как таковой этот образец нас не интересует.

Индекс Безопасности: Предполагает ли программа перевооружения российской армии переход на использование высокоточного оружия?

Николай Макаров: Высокоточное оружие на сегодняшний день – это приоритет не только РФ, но и всех стран. Всякое высокоточное оружие подразумевает два параметра. Это – сама технология и возможность создания высокоточного оружия, будь то ракета или торпеда.

Второй компонент наиболее сложный и дорогой. Это – информационная составляющая, которая должна иметь средства обнаружения цели для ее анализа. Для того чтобы навести высокоточное оружие на цель, эта составляющая должна иметь космическую группировку, воздушную группировку и наземный пункт управления. Мы очень серьезно занимаемся данной проблемой, учитывая опыт не только НАТО, но и всех стран, которые располагают высокоточным оружием, а также те наработки, которые имеются у РФ (их очень много). Одно из условий оснащения Вооруженных Сил РФ заключается в том, чтобы оснастить их высокоточными средствами поражения, имея для этого мощную разведывательную информационную систему. Это тоже один из наших приоритетов.

Индекс Безопасности: 3 июня 2010 г. генерал-лейтенант, начальник Главного управления вооружения Вооруженных Сил РФ генерал О.П. Фролов в рамках своего выступления в Государственной Думе говорил о новой программе вооружений. Из его выступления можно сделать вывод, что финансирование военно-морского флота будет происходить по остаточному принципу. Ваше заявление подчеркивает, что формирование вооруженных сил потребует значительного времени. Следует ли это понимать так, что до 2030 г. или даже до 2050 г. РФ наме-

рена обходиться без военного флота и без возможностей осуществлять морские операции?

Николай Макаров: Генерал Фролов сказал, что мы рассматриваем несколько вариантов. Действительно, это так. Флот – это одна из самых дорогостоящих составляющих вооруженных сил. Флот условно делится на две части: флот, который предназначен для применения стратегических ядерных сил, и так называемые военно-морские силы общего назначения.

Что касается первой составляющей, она при любом варианте должна соответствовать той установке и тем требованиям, которые мы заложили в «новый ДСНВ» 2010 г. Ядерные силы – это не обсуждаемая проблема.

Вторая часть. Действительно, есть много различных мнений, много различных гипотез по развитию. Мы пришли к единому пониманию, как это надо делать. В соответствии с экономикой нашей страны выделяются солидные средства и силы, чтобы военно-морской флот с учетом его значимости отвечал тем задачам, которые перед ним ставят. Мы заложили довольно амбициозные задачи по развитию военно-морского флота. Мы также надеемся на то, что сейчас в РФ разрабатываются программы по развитию судостроения. Мы надеемся, что мы и в этой программе найдем свое место. РФ без флота просто не может существовать. Конечно, военные всегда просят больше, но им не всегда это дают. Я думаю, что военно-морской флот не будет обижен.

Индекс Безопасности: Как Вы уже отмечали, преобразование Вооруженных Сил РФ подразумевает качественные изменения в подготовке офицерского и сержантского состава и реформирование высших учебных заведений. В чем это будет заключаться?

Николай Макаров: Мы создаем всего десять высших военных учебных заведений путем объединения однородных высших военных учебных заведений в одно. То есть в сухопутных войсках будет один военный центр – Военная академия имени М.В. Фрунзе, которая погрузит в себя все военные заведения, в том числе и научно-исследовательские организации, которые работали ранее на структуру развития и оснащения сухопутных войск. Это будет единое целое.

Здесь есть еще одна очень серьезная проблема – это изменение мировоззрения наших офицеров. Советская школа подго-

товки офицерского состава была очень сильна и готовила перво-классных офицеров. Время идет, меняются подходы, меняются взгляды на современные войны, на формы и способы применения вооруженных сил, поэтому офицеры, особенно старшего возраста, с трудом это понимают. В этом есть серьезная проблема.

В течение полутора лет мы проводим серьезную работу путем организации лекций, сборов, конференций, чтобы изменить и приблизить мировоззрение наших офицеров к современному пониманию войн и конфликтов. Анализ вооруженных конфликтов, произошедших за последние 20 лет, и взгляд в будущее нацеливают и помогают нам прийти к пониманию, какие же войны и конфликты будут развиваться в дальнейшем. Именно на это направлена вся система подготовки новых программ обучения офицерского состава.

Кратко остановлюсь на необходимости подготовки новых уставных документов. Эта проблема предопределяется самой структурой войск и взглядов на новые формы и способы их применения. Все эти документы разработаны и проходят апробацию в ходе проводимых учений и подготовки вооруженных сил. Я думаю, что с 1 января 2011 г. мы уже в окончательном утвержденном виде приступим к освоению новых программных документов.

Индекс Безопасности: Социальный блок задач в рамках реформы вооруженных сил – это, пожалуй, одна из самых животрепещущих и болезненных тем как для самих военнослужащих, так и для их семей. Ключевыми вопросами в данном контексте остаются изменение системы оплаты труда и обеспечение военнослужащих постоянным жильем. Можем ли мы ожидать каких-либо прорывов в данной сфере?

Николай Макаров: Мы представили свой проект закона правительству РФ о новом денежном содержании военнослужащих РФ. Мы предполагаем с 1 января 2012 г. перейти к новой системе оплаты труда военных. Сейчас у нас действуют системы стимулирования лучших воинских частей и военнослужащих. Офицеры, которые выполняют сложные задачи, а именно члены экипажей стратегических бомбардировщиков, атомных подводных лодок, кораблей, несущих боевое дежурство, в том числе по задачам борьбы с пиратством, военнослужащие, которые несут службу в горячих точках, получают повышенное денежное содержание.

Остальные части по итогам службы за год по ряду критериев определяются как лучшие и в течение года также получают повышенное денежное содержание. Однако в конце года они должны подтверждать свой уровень. Это денежное содержание варьируется примерно в следующих параметрах. Командир взвода в пределах от 50 тысяч до 70 тысяч рублей, командир бригады – порядка 150 тысяч рублей. Такая система денежного стимулирования даст результат, так как по своим параметрам она отличается в пять-шесть раз от базового оклада.

Вторая проблема – в социальном блоке, а именно в обеспечении военнослужащих жильем. Здесь можно только кратко сказать о том, что решение президента Д.А. Медведева об обеспечении военнослужащих постоянным жильем к концу 2010 г. и служебным жильем к 2012 г. пока идет без каких-либо срывов.

Индекс Безопасности: В самом начале этого интервью Вы говорили о новых вызовах и угрозах, с которыми может столкнуться РФ и для отражения которых происходит реформирование Вооруженных Сил РФ. Предусматривается ли в рамках проводимой военной реформы применение Вооруженных Сил РФ за рубежом, в том числе и в дальнейшем зарубежье, для защиты интересов страны и жизни ее граждан? Каким образом в рамках новой командной структуры будет осуществляться управление военными силами при их применении для данных целей?

Николай Макаров: Четыре объединенных стратегических командования будут иметь свою зону ответственности. Эта зона ответственности – не только на территории РФ, но и соответственно, в сопредельной стране, которая примыкает к зоне этого командования. Если будет какая-нибудь обстановка, которая потребует от президента Д.А. Медведева решения об использовании вооруженных сил за пределами РФ, то данное решение может быть принято. Безусловно, руководство будет расширять Генеральный штаб, но непосредственное командование войсками будет осуществлять командующий объединенным стратегическим командованием.

Индекс Безопасности: В последнее время приходилось слышать достаточно много нареканий, что РФ не представлена в миротворчестве так активно, как хотелось бы. Как Вы видите

роль РФ в миротворчестве? Считаете ли Вы, что здесь будут изменения?

Николай Макаров: Может быть, действительно РФ не так активно представлена в решении миротворческих задач, как это следовало бы сделать. Но вооруженные силы привлекаются уже в завершающей стадии, когда существует близость вооруженного конфликта. Если мы вводим миротворческие силы, это значит, что существует вероятность войны. Моя позиция – позиция начальника Генерального штаба, который не хочет просто жертвовать своими людьми или создавать опасность для их жизни. Должны быть включены все рычаги, дипломатические, экономические, политические, любые, которые предотвратят и не доведут ситуацию до ввода войск в качестве миротворцев.

В этом плане я хотел бы отметить инициативу президента Д.А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности. Я знаю, что в различных странах ее воспринимают по-разному. Система, сложившаяся в Европе, не соответствует тому, что должно быть создано для ее безопасности. Страны НАТО прикрываются пятой статьей, другие страны, такие как страны Прибалтики, иногда ведут себя просто развязно в этом плане. Те страны, которые не входят в НАТО, чувствуют себя совсем по-другому.

Создается ситуация, когда, если ты член НАТО, то ты будешь в безопасности, если ты не член НАТО, то нигде не будешь. Это и есть рычаг, который постоянно довлечет над не членами НАТО. Давайте, двери открыты, входите в НАТО. Поэтому мы и вышли с таким предложением, чтобы каждая страна имела равную степень своей защищенности и безопасности. Необходимо создать такие условия, которые бы обеспечили этот принцип.

Возвращаясь к миротворческим задачам, у нас есть войска и силы, которые предназначены только для миротворческих функций и готовятся для этого. Если будет решение нашего руководства и не только нашего руководства, то мы будем выполнять поставленные задачи. Это должно быть обоюдное решение целого сообщества государств. Каждая страна может воспринимать использование вооруженных сил по-разному, кто-то – как агрессию, кто-то – как миротворческую задачу. Это должно быть решение ряда стран, и в случае такого решения мы готовы к выполнению задач.

Индекс Безопасности: В свете разговора об обеспечении равной безопасности и роли НАТО в данном процессе, какие на сегодняшний день основные перспективы реального сотрудничества России и НАТО, есть ли они вообще?

Николай Макаров: Что касается Совета Россия-НАТО, понятно, что не по нашим инициативам и причинам он прекратил свою работу в 2008 г. Сейчас, хотим мы или не хотим, нравится нам или нет, но вопросы, которые необходимо решать не только на европейском континенте, но и в мире, без РФ решить сложно. Встреча в рамках Совета Россия-НАТО в Брюсселе с представителями комитетов, а затем уже непосредственно со всеми представителями начальников штабов, активизировала эту работу по целому ряду направлений. Прежде всего, активизация диалога произошла по системе противоракетной обороны, по экстремизму и его крайней стороне – терроризму, по вопросу пиратства, по обмену опытом в Афганистане и по целому ряду логистических вопросов, которые связаны с тылом и вооружениями.

Мы включили огромное количество мероприятий, в том числе те, что я перечислил, а также обмен военными делегациями и совместную подготовку наших воинских контингентов в целом ряде государств Европы и США. Мы должны прийти к пониманию, что сейчас в мире гораздо больше угроз, которые мы должны решать сообща, и для этого необходимо иметь силы и средства, совместимые как по применению, так и по управлению. Мы должны понимать друг друга. Мы можем действовать совместно.

К сожалению, как в США и в Европе, так и у нас есть люди, которые еще смотрят на мир с позиции СССР, блока НАТО и Организации Варшавского договора. В ходе неоднократных встреч с американскими и европейскими руководителями чувствуется какое-то недоверие друг к другу, которое сформировалось в долгие годы противостояния. Нам, к сожалению, пытаются приписать еще те взгляды, которые были 20–30 лет назад. Штампы, которые сформировались еще в годы холодной войны, присутствуют до сих пор. Многие не понимают, что за 20 лет у нас в России уже выросло почти новое поколение людей, что за это время произошли вооруженные конфликты в бывших республиках СССР.

Мы считаем, что им необходимо поменять очки и посмотреть по-другому на многие вопросы. Поэтому в плане работы Совета

Россия-НАТО мы хотим решать обоюдные вопросы, которые несут пользу – как для стран НАТО, так и для РФ. Те разговоры, которые мы ведем в этом сообществе, а также те разговоры, которые были с руководителями ряда европейских стран, показывают, что открытость потихоньку начинает превалировать над закрытостью. Это создает условия к тому, чтобы мы более качественно решали многие проблемы. Я считаю, что Совет Россия-НАТО с каждым месяцем набирает новые темпы развития. В рамках этого Совета можно решить много очень важных и серьезных вопросов, которые возникли у нас в последние годы.

Глава 34

РОССИЙСКИЙ ВЕК: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРЕ (2010)¹

Николай Спасский²

В последнее время довольно много приходится летать. А когда летишь куда-нибудь далеко, например, в Бангладеш, или сидишь в бизнес-салоне какого-нибудь огромного супертехнологического аэропорта где-нибудь на другом конце света, скажем, в Дубае, и попиваешь красненькое, ни о чем так хорошо не думается, как о месте России в современном мире. Попробую суммировать эти размышления.

Трудный путь в будущее

В последние два года Россия достаточно успешно прошла через два серьезных внешних испытания.

Во-первых, это была угроза изоляции. Эта угроза стала неизбежным результатом предыдущего внешнеполитического периода – периода консолидации и возвращения России в мировую политику. Главное содержание этого периода заключалось в крахе американской концепции превращения России в зависимое и слабое государство на периферии западного мира. Кульминацией этого периода была августовская кавказская война³. Вполне понятно, что США не могли не ответить на нашу вновь

¹ Впервые опубликовано: Спасский Н. Российский век (некоторые размышления о месте России в мире) // *Индекс Безопасности*. 2010. № 4 (95). С. 33–42. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2010-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№4-95-Том-16.pdf>

² Николай Николаевич Спасский (род. 10 августа 1961 г.) – заместитель генерального директора Госкорпорации «Росатом», член редакционной коллегии журнала ПИР-Центра *Индекс Безопасности* (2007–2016).

³ Речь идёт о нападении грузинских войск на Цхинвал 8 августа 2008 г. и последующей операции российских вооружённых сил по принуждению Грузии к миру. – *Прим. ред.*

обретенную силу и уверенность в себе попыткой сколачивания антироссийской коалиции. Эта попытка провалилась. Население и особенно элита, привыкшие к открытости в отношениях с внешним миром, не успели почувствовать, по сути, ничего.

Во-вторых – угроза подрыва государственных финансов. Здесь тоже все обошлось. Резкое падение цен на энергоносители не превратилось в их долгосрочный обвал. Государственные интервенции позволили избежать массовой безработицы и социальных беспорядков.

В итоге была сохранена социальная стабильность в обществе. Государство вздохнуло спокойнее. Более того, отрегулировался целый ряд острых внешнеполитических проблем (или вызовов), серьезно тревоживших правящий класс страны. В решающей степени эти проблемы утряслись в результате стечения обстоятельств, не зависевших от нас (например, выборы на Украине и в США), но и наши действия внесли определенный вклад в достижение требуемого результата.

Первое – устранена, по крайней мере, на ближайшую перспективу, опасность становления антироссийской Украины, входящей в НАТО.

Второе – нормализованы отношения с США. Под них подведена привычная, хотя и не очень адекватная современному времени, основа в виде диалога по сокращению стратегических вооружений.

Третье – получили второе дыхание отношения с Китаем. На этот раз на более спокойной прагматической основе, без иллюзий относительно возможностей союза и с четким взаимным пониманием лимитов такого сотрудничества.

Четвертое – благополучно завершилась партия на самой опасной из региональных досок – иранской. Мы достроили атомную электростанцию в Бушере, по-умному использовав этот инструмент нашего влияния на поведение участников игры и не доведя дело до кризиса между нами и Западом на иранской почве.

Все это – у нас в позитиве.

В негативе – недостаток перспективной повестки дня на пространстве бывшего СССР и в отношениях с такими двумя крупнейшими державами, как США и Китай.

Причина – не в слабости или ошибках российской внешней политики, а в наличии серьезной системной проблемы. Решив задачи внешнеполитической консолидации и успешно пройдя

через последовавшую проверку на прочность, мы пока не успели сформулировать четкое видение – каким мы видим место России в мире через 10–15–20 лет и какие действия нам надо предпринимать сейчас, чтобы добиться этого.

Кстати, трудности с формулированием перспективной повестки дня – это далеко не наша только проблема. Это беда нашего времени и нашего поколения, прошедшего через шок крушения привычного мира. После такой встряски перспектива во многом теряется. Как после большой войны. Когда на место грандиозных задач, формулируемых в плоскости «жизнь или смерть», «да или нет», выдвигается обустройство текущей повседневной действительности. Не случайно главная недоработка, которую Генри Киссинджер еще в апреле прошлого года (замечу, что с тех пор ситуация сильно не изменилась) вменял в вину президенту Бараке Обаме, заключалась в неспособности того переложить свои многочисленные широкомасштабные внешнеполитические инициативы на язык интегрированной внешнеполитической стратегии и четкого дипломатического плана. И это при том, что у Обамы, при всех его недостатках, если и есть одно важное качество, так это понимание необходимости видения – как для отдельно взятого человека, так и для нации. Дело в том, что это самое видение очень непросто сформировать.

Давайте внесем ясность.

Что называется, внутри себя, наверное, каждый нормальный представитель российского правящего класса знает, чего ему хотелось бы для своей страны. Чтобы Россия хотя бы частично восстановила то свое историческое пространственное протяжение, которое она утратила в 1991 г. Сразу оговорюсь – само собой разумеется – только сугубо на демократической, законной, транспарентной основе, через свободные и абсолютно легитимные волеизъявления тех народов бывшего СССР, которые сформируют желание к воссоединению с Россией. Но у этой геополитической установки есть несколько глубоких изъянов.

Во-первых, об этом нельзя сказать вслух, потому что в реальной, до сих пор достаточно болезненной медийно-психологической обстановке вокруг этой темы любое озвучивание такой задачи неизбежно привело бы к всплеску антироссийских эмоций, чреватому реальным осложнением наших отношений с соответствующей страной.

Во-вторых, как это ни печально, но опять-таки внутри себя постепенно начинаешь понимать, что по прошествии почти 20 лет после развала СССР воплощение этой установки в жизнь – в какой бы то ни было форме, пусть даже в виде самой аморфной конфедерации – становится весьма и весьма сомнительным. 20 лет – это большой срок не только в жизни отдельно взятого человека, но и в существовании государственных организмов. За эти годы в большинстве стран бывшего СССР сформировались более-менее полноценно функционирующие государственные машины со всей сопутствующей атрибутикой, а главное – сложились национальные властные элиты. И эти элиты без крайней нужды вряд ли обнаружат желание к воссоединению с бывшей метрополией.

Что тогда можно делать?

Если бы любого из нас лет восемь-десять лет назад спросили, каким мы видим окружающий мир и место России в нем, ответ получился бы довольно простой. И был бы выдержан в категориях борьбы – борьбы за преодоление того ненормального, унижительного положения, в котором Россия оказалась в мире по итогам 1990-х гг. Сейчас все намного сложнее. Деформации 1990-х гг. в значительной степени выправлены.

Каким нам сегодня видится мир XXI века и в чем его главная интрига?

Наверное, прежде всего – в кардинальных перестановках в соотношении сил. Они уже идут, и конца-края им не видно, и, похоже, именно они будут определять политическое лицо начавшегося столетия. Но этим интрига не исчерпывается.

Параллельно на мировой арене появляются новые игроки – негосударственные, их становится все больше, ведут себя они все увереннее, все более на равных участвуют в отношениях между государствами. На этом фоне происходят фундаментальные изменения в самом характере международных отношений. С исчезновением биполярности размываются привычные блоковые матрицы. Группировки государств становятся гибкими, целевыми, построенными, как сейчас модно говорить, по сетевому принципу.

Но и это далеко не все. Когда мы говорим об изменениях в соотношении сил, не забудем, что кардинально меняются и наши представления о параметрах силы, об относительном значении тех

или иных тематических компонентов для совокупной силы государства. Причем, пожалуй, наиболее наглядным проявлением этого процесса является происходящая на наших глазах подлинная революция в военном деле. Помимо трех привычных сфер, она охватывает космос и киберпространство. Перспектива безъядерного мира, впервые обозначенная не как мечта, а как политическая задача, хотя бы и долгосрочная, как раз и свидетельствует о том, что военные истеблишменты начинают постепенно свыкаться с мыслью, что может появиться что-то покрупнее ядерного оружия.

Попробуем конкретизировать эти генеральные линии, преломить их в свете главных проблем современных международных отношений.

Реалистично прогнозировать дальнейшее постепенное размывание режима ядерного нераспространения. Аналогично – дальнейшее нарастание опасности ядерного терроризма, с вполне реальной вероятностью ядерного террористического акта в той или иной форме.

Нельзя исключать, естественно, в новых формах, опять-таки с поправкой на сетевой характер современных международных отношений – возрождение идеологического раскола в мире. Причем отнюдь не по границе христианство-ислам. Скорее, просматривается формирование других полюсов. На одной стороне – коалиция агрессивного неолiberaлизма, наследников дела Фридмана и Буша-младшего. На другой стороне – коалиция новых левых – широкий международный народный фронт, объединяющий всех недовольных издержками глобализации – от Уго Чавеса до Наоми Кляйн.

Кстати, для России форматирование мира по такой схеме обернется проблемами. Пока нам удается позиционировать себя в мире, главным образом на почве антиамериканизма, как защитника униженных и оскорбленных. Беда в том, что социальная структура постреформенного российского общества вступает в кардинальное противоречие с этой ролью. Если в стране доходы 10 процентов самых богатых в 15 раз превышают доходы 10 процентов самых бедных (при считающемся приличным показателе в шесть-восемь раз), объединять вокруг себя «мировых бедняков» становится не очень удобно.

Однако все это – к политической картине мира в XXI веке. Но эта картина ни в коей мере не исчерпывает многообразия жизни международного сообщества, которое живет в интерьере природы и представляет собой не единую гомогенную массу,

а слагается из миллиардов живых существ. Эти живые существа борются за свое каждодневное существование, за хлеб и кров, любят, рожают или не рожают детей, передают им свои знания и опыт, пытаются познать окружающий мир, включая космос и микромир, и улучшить свое материальное благосостояние. А главное – стремятся к счастью.

Угрозы, связанные с разбалансировкой природной среды обитания человека и с издержками научно-технического прогресса и экономического развития, перестают восприниматься как абстракция. Об изменениях климата и о новых эпидемиях мы рассуждаем уже несколько десятилетий. Но, пожалуй, только сейчас начинаем задумываться, что все это всерьез. Относительно небольшое извержение вулкана с экзотическим названием Эйяфьятлайокудль в Исландии на неделю останавливает воздушное движение над половиной земного шара. А если бы извержение оказалось чуть сильнее? Или эпидемия гриппа H1N1, когда мы вплотную подошли к тому, чтобы перекрыть сообщение с целыми континентами.

Речь, разумеется, не идет о рекламировании каких-то апокалиптических сценариев. Дело в другом. Человечество с населением почти в семь млрд человек, потребляющее около четырех млрд т нефти и три трлн куб. м газа в год и выбрасывающее в атмосферу 31,3 млрд т углекислого газа, к тому же живущее не по своим углам, а массивованно перемещающееся взад-вперед по планете, начинает ощутимо «разбалансировывать» природную среду своего обитания. С серьезными, во многом непредсказуемыми, последствиями.

Пойдем дальше.

Революционные изменения разворачиваются в энергетике. Сильно упрощая, принято считать, что каждой фазе экономического развития человечества соответствует определенный энергоноситель. В XIX веке – уголь. В XX веке – нефть. Сейчас место углеводородов в энергобалансе человечества в возрастающей степени занимают атомная энергия и альтернативные источники. На подходе термоядерная и водородная энергетика – не сегодня, но достаточно близко, скорее всего, уже во второй половине XXI века. Энергосберегающие технологии из экзотического политкорректного изыска превращаются в мощнейшую, к тому же чрезвычайно прибыльную, отрасль глобальной экономики с годовым оборотом в несколько десятков миллиардов долларов.

Что показательно, даже автомобильный транспорт, после внедрения во втором десятилетии XX века двигателя внутреннего сгорания обнаруживший удивительный иммунитет к инновациям, наконец, похоже, тоже сломался. Уже сегодня по дорогам бегают машины с гибридными двигателями. К 2020 г. ожидается начало массового пришествия электромобиля.

Отдельно и очень долго можно говорить о био- и нанотехнологиях, об экономике знаний, о распространении информационных и коммуникационных технологий. О многих из этих вещей Билл Гейтс еще в 1995 г. писал в своей книжке «Дорога в будущее»⁴. Сегодня они становятся реальностью.

Возьмем следующий пласт.

Мощнейшее развитие медикаментозных средств воздействия на человеческую психику вплотную подводит нас к рубежу, когда можно будет говорить о программировании поведения людей. Кстати, публикации, выплеснувшиеся в связи с методиками допросов, применявшимися американцами при администрации Буша-младшего в контексте глобальной борьбы с терроризмом, дают массу интересного материала для размышлений. Постепенно расширяющиеся эксперименты со стволовыми клетками, как бы их ни тормозили и ни пытались зарегулировать, неизбежно ведут к созданию потенциала, который в годы нашей молодости, когда это казалось далеким сном, называли генной инженерией.

Создание постоянного присутствия человечества в космосе на базе Международной космической станции, телескоп Хаббл, зонды, отправляющиеся за границы нашей Солнечной системы... Налицо реальная возможность контакта с внеземными цивилизациями.

Конечно, от всего этого можно отмахнуться как от дешевой публицистики дурного вкуса. Но это не меняет сути дела. Этот перечень кардинальных прорывов на ключевых направлениях научного знания можно продолжить. Однако, наверное, в этом нет смысла. Хотелось лишь проиллюстрировать, что развитие экономического и научно-технического прогресса в XXI веке приобретает такую динамику и такое качество, что начинают ломаться привычные, сформировавшиеся тысячелетиями матрицы человеческого мышления, поведения и межлических отношений. Не могут, очевидно, остаться не затронутыми этими глубинными

⁴ Gates B. Road Ahead, 1995 // New York: Viking Penguin. 305 p. – Прим. ред.

переменами и стереотипы отношений между государствами и, собственно, система этих отношений.

Вернемся, однако, к нашему вопросу.

Что эти изменения, определяющие лицо XXI века, означают для России?

Нас ожидает сильно беспокойное время. Однако все познается в сравнении. Беспокойное и труднопредсказуемое – вне всякого сомнения. Вместе с тем, если только не произойдет капитального сбоя, можно надеяться, что это будет относительно (да простят меня за это слово жители Руанды, Дарфура и Ошской области) мирное время. Во всяком случае, большой войны с участием основных держав, похоже, не ожидается.

Благосостояние людей, скорее всего, будет возрастать – как в среднем и целом по земному шару, так особенно в странах, сумевших оседлать преимущества глобализации. Так, в качестве примера, по подсчетам Фонда Карнеги, в 2005 г. в Африке южнее Сахары (самый бедный регион мира) свыше 50 процентов населения потребляло меньше 1,25 долларов в день. В 2050 г., согласно прогнозу, этот показатель составит 8,4 долларов (по паритету покупательной способности). Не чудо, но, несомненно, – улучшение.

Россия входит в XXI век, преодолев тяжелейший кризис становления в качестве самостоятельного и самодостаточного, нормально функционирующего большого и сильного государства, образовавшегося на развалинах Советского Союза. Кроме того, о чем уже говорилось, благодаря удачному сочетанию целого ряда внешних и внутренних факторов, включая фантастически благоприятную конъюнктуру цен на энергоносители, жесткий активизм бывшего нашего руководства и глупости бывшего американского, в последние годы нам удалось существенно укрепить позиционирование страны в мире. Вместе с тем все наши системные слабости пока в главном и в основном остаются при нас. Их – три.

Это, во-первых, катастрофическая демографическая ситуация в стране. Мы смогли только несколько приостановить темпы падения численности населения и ухудшения его качественного состава. Но отнюдь не найти рецепты возвращения к росту населения. Согласно одному из прогнозов, во вторую половину XXI века Россия войдет с населением 109 млн человек. Это меньше

не только чем в Бразилии (228 млн человек), но и в Нигерии (357 млн человек) и Бангладеш (280 млн человек), и вполне сопоставимо с прогнозируемым на 2050 г. населением американского штата Калифорния – до 82 млн человек.

Во-вторых, это укоренившаяся и, к сожалению, по сути, ставшая самовоспроизводящейся сырьевая модель экономического развития в России. На эту тему очень много было сказано при подготовке «Концепции 2020»⁵. Здесь позволю себе ремарку. «Концепция 2020», на мой взгляд, очень серьезный и очень удачный документ, новаторский для России, в своей основе очень честный. Непривычно основательно было организовано обсуждение этого документа. Однако остановимся на одну минуту. «Концепция 2020» отталкивалась от уровня России в мировом ВВП (по паритету покупательной способности) в 3,2 процента в 2007 г. и ставила задачу достижения к 2020 г. уровня в 4,3 процента. Ценой существенного напряжения сил. Сейчас, похоже, с поправкой на кризис и этот достаточно скромный показатель к 2020 г. достичь не получится.

Конечно, это не трагедия, и удельный вес страны в мировом ВВП – это далеко не все. Но сам по себе масштаб цифр 3–4 процента на фоне китайских 15 процентов в том же 2020 г. обескураживает. Отсюда – отчаянные попытки президентской комиссии по модернизации хотя бы на отдельно выбранных направлениях придать инновационный импульс российской экономике.

В-третьих, наконец, это наша государственная модель, сформировавшаяся в последние десять лет. Сразу уточним – дело, разумеется, не в коррупции. Хотя эта проблема есть, и она мешает, и очень сильно. Однако главное – в другом.

В 1990-е гг. нам не удалось построить эффективно работающую модель демократического государства в традиционном, западном понимании этого определения. Оставим сейчас в стороне споры о том, насколько реальны или, наоборот, фиктивны преимущества этой модели в сравнении с другими и насколько эта модель применима к российским условиям. Зафиксируем лишь – в России в обстановке «лихих девяностых» демократическая модель оказалась порядком дискредитирована. В результате нам пришлось на ходу разрабатывать собственную модель с такими

⁵ Речь идет о «Концепции 2020», или «Стратегии 2020», т.е. о документе 2008 г., в котором были провозглашены цели работы правительства на период до 2020 г. – *Прим. ред.*

конструкционными особенностями, как сильная централизация, четкие государственные вертикали, большой государственный аппарат и ручное управление. Однако создавать, как правило, дело довольно непростое. Модель получилась, слава богу, достаточно надежная, но не очень разворотливая и сильно ресурсозатратная. Пройти с такой моделью через XXI век будет трудно.

Как видим, проблемы серьезные.

Теперь попробуем разобраться, как смотрятся перспективы решения этих проблем на фоне перечисленных выше главных векторов перемен, определяющих XXI век. Сформулируем тезис: как это ни удивительно звучит, но при грамотном подходе практически каждая из глобальных перемен в принципе может заработать на нас.

В самом деле. Строго говоря, главные изменения в содержании силы, характерные для XXI века, заключаются в относительном уменьшении значения количественных показателей силы – численности населения и вооруженных сил, объемов производства и накопленного материального богатства. Но это как раз те показатели, по которым мы испытываем возрастающую слабость. Если мы сумеем приспособиться к этим переменам с их акцентом на поощрение параметров умной силы, то достойное, если не лидирующее позиционирование в мире XXI века нам обеспечено. Вопрос в том, как этого достичь.

Как представляется, главную проблему нам предстоит отрегулировать в собственной голове. В своем отношении как к организации жизни внутри России, так и к нашему месту и роли в мировых делах нам следует четко осознать себя как *anti-status quo power*, то есть как страна, ассоциирующая себя, свое благополучие и процветание, иными словами – свое будущее, с изменением существующего порядка вещей. Пока еще мы этот фундаментальный выбор не сделали, что отчасти понятно, с учетом всех тех драматических перемен, которые не по своей воле нам пришлось пережить после 1985 г. Пока еще и в нашей политике внутри страны, и в нашей политике на мировой арене мы продолжаем скорее ориентироваться на сохранение существующих форм и структур при их частичной адаптации к новым реалиям, чем на их кардинальный слом и поиск новых организационных решений. В этом стержневая проблема. При таком отношении к действительности довольно трудно агрессивно встраиваться в происходящие перемены.

Расшифруем. В определенном смысле, естественно, во многом условно, XXI век будет напоминать век XIX – век балансирования и борьбы множественных центров силы. Понятно, что эти формы будут наполняться новым содержанием. Плюс учтем поправку на нарастающую финансово-экономическую глобализацию и на всепроникающие последствия научно-технического прогресса. Но, тем не менее, со всеми оговорками, XXI век будет веком центров силы. Успех в этой многополюсной системе сопутствует тому государству, которое сумеет аккумулировать большую силу и заручиться поддержкой со стороны большего числа других государств. Причем это тоже во многом является производным от функции силы. Для наращивания силы требуется уметь убедить свою страну в том, что это необходимо, а другие страны в том, что рост твоей силы не противоречит их интересам. И вот здесь-то принципиальная разница между XXI и XX веками.

В XIX веке роль фактора убеждения сводилась, по существу, к своей собственной политической и экономической элите. Сейчас в условиях тотальной глобализации борьба за умы людей охватывает все страны, все социальные и возрастные группы, иными словами, охватывает всех, без исключения. Кто победит в этой борьбе, которая во многом будет разворачиваться на экранах мониторов, на прилавках супермаркетов, в аудиториях университетов, в залах бирж и, конечно, в интернет-пространстве – окажется победителем в борьбе за лидерство в XXI веке.

Есть ли у России шансы победить в этой борьбе?

Да, есть, и вполне приличные.

Прежде всего, нам надо четко сформировать в своих собственных головах представление об уникальности российского центра силы, о его предназначении в XXI веке. Если мы этого не сделаем, у нас не будет мотивации побеждать в ожесточенной борьбе за влияние, которая характеризует XXI век.

Формировать такое представление надо, отталкиваясь от обновленного видения России не как великой самодостаточной державы, а как открытого современного государства на стыке континентов, цивилизаций, религий, культур, экономических укладов. Когда зачастую говорят, что мы возрождаем Византию, – это не совсем корректно. Византия на протяжении веков удачно играла

роль одновременно барьера и моста между Западом и Востоком. Но роль плавильного котла ей не удалась. Почему она и погибла. И мы погибнем, если не разовьем в себе эту способность к синтезу, которая у нас уже есть, но пока ее недостаточно. У нас есть реальные предпосылки, чтобы освоить эту роль цивилизационного синтезатора.

России надо сформировать свое видение мира как целостной системы межгосударственных отношений, причем не абстрактное. Поясню, что имею в виду.

Как Россия представляет себе мир через 10–25–50 лет, к концу XXI века, который бы в максимально возможной степени отвечал нашим интересам? Очевидно, что это видение будущего мира должно базироваться на реалиях сегодняшнего мира и честно учитывать тенденции мирового развития, насколько их можно прогнозировать и насколько мы их понимаем. Но оно должно обязательно содержать и элемент нашего желания, стремления – мы-то чего хотим? Ведь у нас есть или, во всяком случае, должны быть свои предпочтения. И, соответственно, содержать поправку на наши активные действия, которые мы предпринимаем и будем предпринимать сообразно нашему пониманию мировых процессов и нашему пониманию того, чего мы хотим от них (вот где срабатывает видение), и, таким образом, влиять на эти процессы. Видение – это ключевой, абсолютно необходимый элемент для формирования долгосрочной стратегии и политики национальной безопасности любого крупного государства, тем более государства, претендующего на роль самостоятельного центра силы.

Отсутствие четко сформулированного видения мира обрекает государство на пассивность и реактивность. Неправильное, искаженное видение мира, ошибочно отражающее тенденции мирового развития, чревато системными ошибками в политике государства, из разряда тех, которые в прошлом неоднократно приводили к краху и даже исчезновению с географической карты мира государств и целых империй.

Скажем честно, на сегодняшний день недостаточная проработанность и, соответственно, недостаточное восприятие на уровне государства и гражданского общества нашего, российского видения мира – это, пожалуй, главная слабость России как государства. Именно это, а не катастрофическая демография и не ресурсно-сырьевая ориентированность экономики. Потому что, когда у общества есть четкое и привлекательное понимание того, в какой

внешней среде оно будет существовать в предстоящие десятилетия, это общество склонно и способно к расширенному самовоспроизводству.

Собственное видение мира – это та первооснова, которая позволяет выстраивать атрибуты, необходимые для формирования полноценного центра силы. Какие атрибуты свойственны ему?

Прежде всего, как представляется, для любого полноценного центра силы необходим свой уникально-специфический образ жизни, на повседневном, визуальном уровне отделяющий его от других центров силы. Такой образ жизни должен не только цементировать политические и социальные уклады соответствующего государства, но и служить фактором притяжения для других стран. Все существующие или находящиеся в процессе становления центры силы – американский, европейский, китайский, индийский, российский, может быть, арабский – имеют свой уникальный, отличный от других образ жизни, который они охраняют, воспроизводят и экспортируют. В советские годы об американском образе жизни как факторе внешней экспансии американского империализма были написаны сотни книг. Однако злоупотребление этой темой не меняет реального положения вещей. Образ жизни – важнейший атрибут центра силы, непереносимое условие для формирования органичного, связанного с общественными настроениями и историческими традициями видения мира.

Такой уникальный российский образ жизни имел место до революции 1917 г. На начальном этапе существования СССР реальным потенциалом привлекательности для окружающего мира располагал и советский образ жизни. Есть, или, точнее, формируется, свой образ жизни и у нас сейчас. Хотя эти процессы не завершены, и их ни в коем случае нельзя пускать на самотек.

Образ жизни – это очень многое. Он включает и глубинные уклады взаимодействий внутри семьи и между поколениями, отношение на бытовом уровне к таким вечным феноменам человеческой жизни, как смерть, любовь, дружба. Включает внешние проявления, такие как, например, национальная кухня и стиль одежды. При этом очень важно, чтобы образ жизни был не только самодостаточным (чего в возрастающей степени не хватало советскому образу жизни в 1960-е, 1970-е и особенно в 1980-е гг.), но и конкурентоспособным. А нам в XXI веке придется иметь дело с конкуренцией со стороны таких мощных моделей, как американский образ жизни, китайский, европейский.

Собственно, уже сейчас конкуренция за влияние на пространстве Средней Азии и Казахстана идет не только в привычных формах – по таким каналам, как капиталовложения, помощь на цели развития, военно-техническое сотрудничество, но и как соревнование альтернативных моделей образа жизни. Повторимся, соревнование в этой сфере будет предельно жестким, однако у России очень неплохие позиции с учетом традиционно, исторически, на протяжении веков свойственных нашему образу жизни двух особенностей – жесткой инерционности и, одновременно, способности к восприятию внешних влияний.

С образом жизни, имеющим системообразующее значение, связаны такие параметры центра силы, как культура и язык. Здесь у нас сильные конкурентные преимущества. Если что-то не требуется доказывать, так это всемирно-историческое значение и гуманистическую миссию российской культуры, особенно в области литературы и музыки, и колоссальные возможности русского языка как средства межнационального общения. Однако и культура, и язык не воспроизводят себя автоматически и уж тем более не экспортируют сами себя. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. мы по-крупному сдали позиции в этой области, прежде всего в том, что касается распространения русского языка как одного из мировых языков. В последнее время несколько подправили ситуацию, но не в той степени, как требуется.

Одними ассигнованиями на создание за рубежом центров российской культуры и российских школ и университетов, хотя это тоже абсолютно необходимо, этой проблемы не решить. Распространение культуры и языка в мире в первую очередь отражает два ключевых фактора: роль соответствующей страны в мировых экономических связях и позитивный потенциал притяжения, заложенный в ее образе жизни. На пассивных этапах в развитии международных отношений может добавляться способность того или иного государства ассоциировать себя с одной из господствующих в мире идеологий или религий (это особенно важно, когда эта идеология или религия идет на подъем).

Могучий фактор консолидации российского центра силы – это православие. Правда, для того чтобы этот фактор заработал в полную мощь, сама Русская Православная Церковь (РПЦ) должна усвоить новый, более широкий и открытый взгляд на себя. Пока РПЦ остается, прежде всего, церковью православных

россиян. Между тем, было бы хорошо, если бы она стала церковью для всех, обращающихся к православию, вне зависимости от их национальной принадлежности, во всем мире. Естественно, ни в коем случае не занимаясь прозелитизмом на канонической территории других православных церквей.

Наконец, особо стоит упомянуть роль Москвы – столицы, сердца и мозга российского центра силы. Мощная столица, город-символ, город, воплощающий в себе смысл и цель жизненных исканий огромных масс людей, их представления о богатстве, комфорте, красоте, счастье – это непререкаемый атрибут любого полноценного центра силы. Россия с этой точки зрения позиционирована очень неплохо. Москва – один из важнейших городов мира, не по размерам, а по своей политической, экономической, культурной, цивилизационной, если угодно, роли.

В этом плане Москва, несомненно, пока перебивает Пекин. По совокупности всех параметров она совершенно точно котируется в первой тройке мировых столиц, наряду с Нью-Йорком и Лондоном, и обладает колоссальным ресурсом притяжения, причем не только для постсоветского пространства. За последнее десятилетие притягательный потенциал Москвы вырос в разы. Она становится местом пересечения глобальных коммуникаций, соприкосновения и общения народов, религий, культур, междисциплинарного синтеза. Пожалуй, впервые за всю историю российского государства Москва действительно утверждается как преемница Рима и Константинополя. Теперь руководству страны осталось научиться грамотно использовать этот огромный ресурс в интересах консолидации российского влияния в мире.

Подчеркнем, для нас принципиально важно, что, несмотря на слабость некоторых наших экономических и социальных показателей, у нас есть целый ряд серьезных конкурентных преимуществ, которые в своей совокупности обеспечивают России реальную перспективу становления в качестве одного из главных центров силы XXI века, империи будущего.

В числе этих конкурентных преимуществ и наша географическая протяженность, и расположенность на стыке частей света и континентов, и богатейшие природные ресурсы, и человеческий потенциал, и уникальная по своему богатству и гуманистической заряженности культура, и могучий фундамент исторических традиций, и возможности русского языка, и фактор православия, и притягивающий эффект Москвы. Однако, чтобы эти конкурент-

ные преимущества образовали синергию и трансформировались в лидирующее положение России в мире XXI века, для этого требуется, прежде всего, работающее видение места России в этом мире и самого этого мира. Без такого видения конкурентные преимущества остаются лишь статистическими данными.

Империя будущего

Несколько лет назад в политическом лексиконе частенько использовалось определение «вашингтонский консенсус», отражавшее доминирование в тогдашнем мировом политико-интеллектуальном пространстве сформированных в Вашингтоне неолиберальных, в духе Чикагской школы, подходов к организации государственной и международной жизни. Потом, в конце 2000-х гг., получило хождение понятие «пекинский консенсус». Хотя это понятнейшее заимствование транслировало не столько реальную роль генерируемых в Китае идей, сколько саму динамику стремительного возвышения Китая в мировой политике и экономике.

Так вот, нам надо сформировать и утвердить в мире «московский консенсус». Предпосылки для этого есть, и, если мы это сделаем, мы сможем во многом нейтрализовать негативное влияние наших известных системных слабостей и стимулировать их преодоление.

Российский правящий класс должен получить соответствующую мотивацию, чтобы мечта (пока, скорее, именно мечта) о позиционировании России в качестве одного из лидеров XXI века превратилась в тенденцию. Спрявленной мотивации, ориентированной лишь на патриотические ценности, с одной стороны, и потребительские, с другой, на любовь к Родине и стремление к материальному благополучию, для формирования центра силы, притягательного для других стран и народов, не хватает. Российская элита должна захотеть, причем на уровне подкорки и живота, чтобы Россия стала одним из лидеров XXI века, должна прочувствовать, что вне этой цели, ее олигархическое счастье будет неполным.

Сложится такое убеждение – сформируется и уникально российское видение мира, а на его основе и «московский консенсус», который мы предложим этому миру. И россиянки станут больше рожать, и в Россию, несмотря на трудности нашей жизни, которые останутся при нас, скорее всего, еще многие десятиле-

тия (достаточно одного нашего климата), начнут приезжать не только от голода и нищеты, но и ради приобщения к феномену российского бытия (как со всего мира продолжают приезжать в Израиль). И деньги не напряжно, не по указу сверху пойдут в инновации, и молодежь пойдет учиться не только на менеджеров, банкиров и юристов, но и на ученых, инженеров и врачей, и постепенно начнет выравниваться дикое социальное неравенство, и произойдут очень многие другие хорошие вещи.

Нам надо перестать бояться XXI века. К сожалению, за последние годы мы крепко убедили самих себя, что XXI век несет нам одни угрозы – от нашествия исламистов до деградации климата. Между тем, если перестанем комплексовать, в XXI веке нам должно житья значительно комфортнее, чем в XX веке с характерной для него мощной мобилизационной парадигмой и жесткой самодисциплиной, в рамках которых россиянин, с характерными анархичностью и склонностью к рефлексии, начинает паниковать.

Ведь XXI век – это век многонациональных, многокультурных и многорелигиозных социальных организмов. А это наше.

Это век сильных регионов. И это наше.

Это век государственно-частных партнерств в различных формах. Это тоже, как оказывается, исторически наше.

Это век с мощным зарядом на поиски новых немарксистских формул социальной справедливости. И это опять-таки наше с учетом нашего драматического опыта.

Пожалуй, остановимся, чтобы не впасть в розовощекий детский оптимизм.

Конечно, век, в который мы живем, жесткий и жестокий. Да, конечно, нам будет очень непросто. Но есть все основания надеяться, что он будет лучше, милосерднее и комфортнее века предыдущего. И что он станет для нас успешнее, чем XX век, причем не только с точки зрения качества жизни наших людей, но и как страны. Надо только понять, чего мы все-таки хотим от этого века.

Нынешний век – это век перемен. Перемены требуют к себе осознанного отношения. Это отношение может быть разным. Мартин Лютер, Владимир Ленин и Махатма Ганди тоже ведь относились к переменам каждый по-своему. И нам не обязательно заранее ангажироваться раз и навсегда на следование какой-то одной модели. Важно другое: чтобы наше уникально-российское отношение к тем переменам, которые будут наполнять XXI век, в максимально возможной степени отвечало интонации этих перемен.

Глава 35

СЕГОДНЯ БРИКС ВОСПРИНИМАЕТСЯ В КАЧЕСТВЕ ОДНОГО ИЗ СТОЛПОВ НОВОГО БОЛЕЕ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОПОРЯДКА (2023)¹

Сергей Рябков² в интервью
для Индекса Безопасности

Индекс Безопасности: Чем объясняется популярность БРИКС среди многих стран мира? Является ли БРИКС, по мнению России, олицетворением многополярного мира с точки зрения отношений между его членами и их географического положения? Каким выглядит многополярный мир с точки зрения России?

Сергей Рябков: На фоне масштабных геополитических вызовов и кардинальных перемен, происходящих сегодня в мире, интерес к БРИКС неуклонно растет. Влияние стран БРИКС, их успехи в экономической, культурной, научно-технической сферах красноречиво говорят о потенциале наших государств, способных формировать глобальную повестку дня.

БРИКС – не просто объединение отдельных стран, это во многом инновационный формат взаимодействия. Партнерство в нем выстраивается на уважении интересов друг друга и общем стремлении содействовать реализации чаяний развивающихся стран в целом. При этом БРИКС не противопоставляет себя кому-либо, готов выстраивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми участниками международных отношений. Такой подход, исповедуемый нашим объединением, привлекает государства мирового большинства. Ярким свидетельством этому

¹ Впервые опубликовано: Рябков С.А. «Сегодня БРИКС воспринимается в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка»: интервью о перспективах БРИКС и его расширении в преддверии российского председательства / Ред. С.А. Аров, Е.А. Карнаухова, К.А. Минеева. М.: ПИР-Центр, 2023. – 11 с. – (*Индекс Безопасности* – Научные записки). См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/03/SIRUS-4-47-Ryabkov.pdf>

² Сергей Алексеевич Рябков (род. 8 июля 1960 г.) – заместитель министра иностранных дел России, член редакционной коллегии журнала ПИР-Центра *Индекс Безопасности* (2007–2016).

стал прошедший 22–24 августа 2023 г. саммит в Йоханнесбурге, в котором приняли участие лидеры более 60 государств «глобального Юга» и, прежде всего, стран Африки.

Сегодня БРИКС воспринимается в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка, который призван дать всем странам равные возможности, избавить государства «глобального Юга» и «глобального Востока» от навязываемой им Западом роли послушных поставщиков дешевой рабочей силы и сырья, закрепить право всех наций на сохранение самобытности, самоопределение, проведение независимой внутренней и внешней политики, защиту традиционных ценностей. Россия и другие страны БРИКС полностью разделяют эту позицию и выступают за честное партнерство, отрицающее любую исключительность. Именно это стало причиной того, что о желании присоединиться к пятерке в последние годы заявило более двух десятков государств, среди которых динамично развивающиеся мировые центры, крупные региональные игроки со всех частей света. В ответ на саммите в Йоханнесбурге было принято решение пригласить в объединение Аргентину, Египет, Иран, Саудовскую Аравию, ОАЭ и Эфиопию с 1 января 2024 г.³ Кроме того, лидеры также поручили министрам иностранных дел продолжить доработку модальностей категории государств-партнеров, что призвано способствовать дальнейшему формированию устойчивого круга друзей БРИКС.

Индекс Безопасности: Благодаря чему недавнее расширение БРИКС стало возможным? Какие факторы привели к этому? Трудно ли было вести переговоры по вопросам расширения?

Сергей Рябков: Отвечая на первый вопрос, я уже обозначил международный контекст, в котором формировались условия для расширения объединения. Хотел бы добавить к этому, что приглашение новых участников стало возможным благодаря единому пониманию странами-основателями БРИКС важности укрепления стратегического партнерства в объединении, его роли и позиций на международной арене, в том числе как выразителя интересов «глобального Юга». Конечно, расширение было бы

³ На саммите БРИКС в Йоханнесбурге в августе 2023 г. было принято решение пригласить в объединение БРИКС еще шесть государств: Аргентину, Иран, Саудовскую Аравию, Египет, ОАЭ, Эфиопию. В декабре 2023 г. новый президент Аргентины Хавьер Милей официально проинформировал лидеров стран-участниц БРИКС о том, что его страна не будет вступать в данное объединение. – *Прим. ред.*

невозможно без встречного интереса со стороны тех, кого лидеры пятерки в итоге пригласили присоединиться к БРИКС. Важно, что все они поддерживают основополагающие ценности БРИКС, включая дух солидарности, равенства, взаимоуважения, открытости, инклюзивности, взаимовыгодного сотрудничества и консенсуса, готовы совместно в новом расширенном формате отстаивать интересы мирового большинства.

Что касается самого переговорного процесса, то это, безусловно, была ювелирная дипломатическая работа. На моей памяти еще ни одному межгосударственному объединению или организации не удавалось в столь короткий промежуток времени провести необходимую проработку всех модальностей расширения и выйти на конкретные договоренности.

Индекс Безопасности: Как санкции повлияли на отношения внутри БРИКС и входящих в объединение стран с Россией? Недавно Новый банк развития не смог профинансировать проекты в России из-за давления, создаваемого Западом. Какие усилия предпринимает БРИКС для продолжения сотрудничества и обхода этих препятствий?

Сергей Рябков: Я думаю, сейчас уже всем очевидно, что нелегитимные санкции возымели обратный задумке их авторов эффект. Они стали катализатором для активного поиска большинством членов международного сообщества механизмов взаимодействия, которые были бы неуязвимы перед западным вредительством.

БРИКС в этом смысле весьма показателен. С момента ввода против нашей страны широкомасштабных и беспрецедентных рестрикций торгово-экономическое взаимодействие России с партнерами по объединению только растет. Мы выходим на рекордные показатели в товарообороте с Бразилией, Индией и Китаем.

Продолжается поступательное развитие всего комплекса сотрудничества по трем ключевым направлениям: политика и безопасность, экономика и финансы, гуманитарные контакты. Недавние примеры практических достижений БРИКС – запуск Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин в виртуальном формате, начало практической реализации Соглашения о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли, одобрение инициативы по ликвидации безопасных гаваней коррупционеров и преступных активов, принятие Рамочного документа о партнерстве стран БРИКС в цифровой экономике.

В 2023 г. под председательством ЮАР полотно ткани сотрудничества БРИКС также украсилось новыми узорами. Принято решение о создании Молодежного совета объединения. Запущена рабочая группа по спорту, отмечено углубление культурных и академических обменов. Достигнута договоренность о расширении Сетевого университета БРИКС за счет подключения ряда вузов из стран пятерки. Все это является красноречивым свидетельством того, что сотрудничество в БРИКС не подвержено конъюнктурному внешнему воздействию.

Индекс Безопасности: Как странам-участницам БРИКС удастся сотрудничать, несмотря на противоречия, и будет ли их больше с учетом расширения? Например, у некоторых государств до сих пор существуют территориальные споры, но это не является камнем преткновения для их сотрудничества. Почему такой же подход не может быть реализован в отношениях между Россией и «коллективным Западом»?

Сергей Рябков: БРИКС – это инновационный формат межгосударственного взаимодействия, объединяющий различные культуры и цивилизации, страны с разными экономическими и политическими системами, а зачастую и разными взглядами на некоторые вопросы глобальной повестки дня. Наша общая цель – твердая приверженность проведению независимой внутренней и внешней политики, отстаиванию суверенитета и своих национальных интересов. За годы сотрудничества в БРИКС сформировалась особая культура диалога, сложились открытые и доверительные взаимоотношения, основанные на принципах суверенного равенства, уважения выбора собственного пути развития и учета интересов друг друга. Это помогает нашим странам всегда находить точки соприкосновения и развязки даже по непростым вопросам. Именно такой формат и должен стать основой более справедливого многополярного миропорядка, моделью равноправного межгосударственного общения, направленного на конструктивный поиск ответов на стоящие перед миром вызовы, без навязывания каких-либо ценностей и чуждых приоритетов. Секрет успеха БРИКС в том, что он не имеет какой-либо конфронтационной или скрытой повестки, это объединение единомышленников. Входящие в него государства выстраивают общение не на принципе ведущий-ведомый, где кто-то задает тон, а остальные следуют этим установкам, а на основе консультаций и консенсуса. Убежден, стра-

нам, которые присоединяются к БРИКС с 1 января 2024 г., весьма близки дух и культура пятистороннего взаимодействия, и Россия как председатель объединения в 2024 г. готова оказывать им самое активное содействие для успешной интеграции в семью БРИКС.

Не мы были инициаторами ухудшения отношений с «коллективным Западом». Ответственность за это целиком и полностью лежит на США и их союзниках. С российской стороны не раз подчеркивалось: Россия ни от кого не закрывается, готова к самому тесному взаимодействию, конечно же, исключительно на равноправной и взаимоуважительной основе, со всеми заинтересованными государствами в противостоянии общим вызовам, с которыми сталкивается человечество.

Индекс Безопасности: В чем заключаются приоритеты России в рамках председательства в БРИКС? Какие направления сотрудничества между членами являются наиболее перспективными? Какие наиболее затруднительными?

Сергей Рябков: В рамках председательства России в БРИКС в 2024 г. намерены продолжить выстраивание стратегического партнерства объединения на основе консенсуса и преемственности, работать над повышением его роли в мировых делах. Это отражает и девиз российского года в БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Планируется провести порядка 200 мероприятий различного уровня, которые примут свыше десятка российских городов.

В ходе российской вахты намерены уделить пристальное внимание наращиванию внешнеполитической координации в формате БРИКС, прежде всего на ключевых международных площадках, а также дальнейшему укреплению сотрудничества с государствами «глобального Юга».

Продолжим взаимодействие по вопросам борьбы с терроризмом, отмыванием денег, коррупцией, а также возвращения активов, полученных преступным путем. Предпримем дополнительные усилия по совместному поиску общих ответов на вызовы и угрозы в информационном пространстве, совершенствованию правовых рамок сотрудничества в данной сфере.

Предстоит большая работа по комплексной реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. и Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 гг. Важным направлением нашей работы будет деятельность по повышению

роли государств БРИКС в международной валютно-финансовой системе, развитию межбанковской кооперации, содействию трансформации системы международных расчетов и расширению использования национальных валют государств БРИКС во взаимной торговле. Будем способствовать укреплению диалога между налоговыми, таможенными, антимонопольными органами.

Йоханнесбургская декларация зафиксировала нацеленность на наращивание расчетов в национальных валютах, укрепление корреспондентских банковских сетей для обеспечения международных транзакций. Эта тема также станет одним из приоритетов в ходе нашего председательства. Конечно, вопрос непростой, нужно будет тщательно проработать способы практической реализации взятого курса. Этим займутся профильные ведомства.

Необходимость поиска альтернативных способов трансграничных расчетов очевидна. Большинство стран уже пришли к осознанию, что монополия доллара, которая зачастую используется западными странами в качестве оружия для давления на другие государства, подрывает стабильность мировой финансово-экономической архитектуры, провоцирует новые кризисы и отдаляет перспективы достижения целей в области устойчивого развития.

Безусловно, в фокусе нашей работы будет наращивание взаимодействия в области науки и инноваций, здравоохранения. Уделим особое внимание расширению контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями пяти стран, укреплению потенциала Сетевого университета БРИКС.

Намерены также содействовать дальнейшему углублению диалога в области культуры, спорта и молодежных обменов. В частности, в июне 2024 г. планируем провести Игры БРИКС. Будем рады приветствовать спортсменов из стран объединения на Международном мультиспортивном турнире «Игры будущего», который состоится в Казани.

Апогеем российского года в БРИКС станет саммит объединения, который пройдет в октябре 2024 г. Намерены продолжить традицию организации на полях заседания с участием развивающихся стран. Рассчитываем, что сотрудничество в рамках БРИКС и его механизмов взаимодействия с единомышленниками позволит голосу «глобального Юга» звучать громче и четче на международной арене, отстаивать наши национальные интересы и право выбирать собственный путь развития.

О ПИР-ЦЕНТРЕ

ПИР-Центр, основанный в 1994 г., является сегодня одной из ведущих в России неправительственных организаций, специализирующихся на изучении вопросов ядерного нераспространения, контроля над вооружениями и глобальной безопасности, противодействия вызовам и угрозам глобальной безопасности.

С 2010 г. обладает консультативным статусом при ЭКОСОС. С 2020 г. обладает статусом СОНКО: реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, куда был включен ПИР-Центр, был сформирован Министерством экономического развития России по поручению Президента России В.В. Путина.

ПИР-Центр проводит широкую научно-исследовательскую, образовательную, просветительскую, аналитическую деятельность, направленную на укрепление роли и места российского экспертного сообщества в мире, отстаивание национальных интересов России на международном уровне.

Сайт ПИР-Центра: <https://pircenter.org/>

Telegram-канал на русском языке *Ядерный Контроль*:
<https://t.me/s/yadernykontrol>

Telegram-канал на английском языке *Russian Security Index*:
https://t.me/pir_center_eng

Список изданий серии ПИР-Библиотека

1. **Тимербаев Р.М.** Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. – М.: Наука, 1999.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/1999-Россия-и-ядерное-нераспространение.-Тимербаев-Р..pdf>

2. Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах. Аналитический доклад по результатам всероссийского социологического исследования, февраль 2000.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2000-Россияне-о-ядерном-оружии-и-ядерных-угрозах.pdf>

3. **Тимербаев Р.М.** Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978) – ПИР-Центр, 2000.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Группа-ядерных-поставщиков-история-создания-1974-1978.-2000.pdf>

4. **Тимербаев R.** The Nuclear Suppliers Group: why and how it was created (1974–1978). – PIR Library Series, October 2000.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2000-The-Nuclear-Suppliers-Group.-Why-and-How-It-Was-Created.pdf>

5. Экспортный контроль в России: политика и практика. Сборник статей. – Библиотека ПИР-Центра, апрель 2000.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2000-Экспортный-контроль-в-России-политика-и-практика.pdf>

6. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов ВУЗов. **И.А. Ахтамзян и др. Под общ. Ред. В.А. Орлова, Н.Н. Сокова.** – М.: ПИР-Центр, 2000.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2000-Ядерное-нераспространение-Учебное-пособие.pdf>

7. Информационные вызовы национальной и международной безопасности. **Под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко.** М.: ПИР-Центр, 2001.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Информационные-вызовы-национальной-и-международной-безопасности.pdf>

8. **Fedorov A., Tsygichko V. (editors).** Information challenges to national and international security. **English edition edited by Dmitry Polikanov.** PIR Center, Moscow, Fall 2001.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2001-Information-Challenges-to-National-and-International-Security.pdf>

9. Контроль над вооружениями и военной деятельностью: справочник / **А.С. Борисенко, В.Ф. Лата, Е.П. Маслин, В.А. Орлов, И.А. Сафранчук, Р.М. Тимербаев, Л.Н. Чуменко.** – М.: Пир-Центр, 2001.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Справочник-Контроль-над-вооружениями-и-военной-деятельностью.pdf>

10. **Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В.** Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. – М.: ПИР-Центр, 2001.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Проблемы-ядерного-нераспространения-в-российско-американских-отношениях-и-перспективы.pdf>

11. Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. Материалы международного семинара. Доклад. Составители: **Козюлин В., Поликанов Д. и Ринн С. Под общ. ред. Матвеевой А.,** Москва 2002.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2002-Контроль-над-распространением-легкого-и-стрелкового-оружия.pdf>

12. National and International Norms, Principles and Measures for Controlling Small Arms Proliferation: The View from Russia. Seminar Report. **Kozulin V., Polikanov D., Rhyne S.,** Moscow 2001.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2002-National-and-International-Norms-Principles-and-Measures-for-Controlling-Small-Arms-Proliferation.pdf>

13. **Orlov V., Timerbaev R., Khlopkov A.** Nuclear nonproliferation in US-Russian relations: challenges and opportunities. – PIR Library Series, 2002.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2002-Nuclear-nonproliferation-in-US-Russian-relations-challenges-and-opportunities.pdf>

14. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том 1 / **Под общ. ред. В.А. Орлова.** 2-е изд., переработанное и расширенное. – М.: ПИР-Центр, 2002.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Ядерное-нераспространение.-Учебное-пособие-для-студентов-высших-учебных-заведений.-Том-1.-2002.pdf>

15. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том 2 / **Под общ. ред. В.А. Орлова.** 2-е изд., переработанное и расширенное. – М.: ПИР-Центр, 2002.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Ядерное-нераспространение.-Учебное-пособие-для-студентов-высших-учебных-заведений.-Том-2.-2002.pdf>

16. Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности / **Под общей редакцией В.З. Дворкина**. – М.: Издательство «Права человека», 2002. 112 с.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/01/N°16-2002.-Терроризм-в-мегаполисе-оценка-угроз-и-защищенности.pdf>

17. Супертерроризм: новый вызов нового века / **Под общей редакцией А.В. Федорова**. М.: ПИР-Центр, 2002, 392 с.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/01/N°17-2002.-Супертерроризм-новый-вызов-нового-века.pdf>

18. **Fedorov Alexander (editor)**. Megaterrorism: A New Challenge for a New Century. **Edited by Alexander Fedorov**. Moscow: PIR Center, 2003, 122 p.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2003-Megaterrorism-A-New-Challenge-for-a-New-Century.-Edited-by-Alexander-Fedorov.pdf>

19. Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения: Справочник. **Отв. ред. В.А. Орлов**. – М.: Права человека, 2005.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/06/2005-Справочник-Глобальное-партнерство-против-распространения-оружия-массового-уничтожения.pdf>

20. **Ахтамзян И.А.** Всероссийский социологический опрос «Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения». Доклад ПИР-Центра. – М.: Права человека, 2006.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Всероссийский-социологический-опрос.-Россияне-об-угрозах-связанных-с-оружием-массового-уничтожения.-2006.pdf>

21. **Akhtamzyan Ildar**. Opinion Poll “Attitudes in the Russian Federation towards WMD Proliferation and Terrorism””. PIR Center Report. Moscow: Human Rights Publishers, 2006.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/Opinion-Poll.-Attitudes-in-the-Russian-Federation-towards-WMD-Proliferation-and-Terrorism.-2006.pdf>

22. Global Partnership Against the Spread of Weapons of Mass Destruction. Guidebook. **Orlov V.** – Moscow, Human Rights Publishers, 2006.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2006-Guidebook-Global-partnership-against-the-spread-of-weapons-of-mass-destruction.pdf>

23. **Губин А.В.** Российское легкое и стрелковое оружие: проблемы безлицензионного производства за рубежом. Доклад. – М.: Права человека, 2007.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2007-Российское-легкое-и-стрелковое-оружие.pdf>

24. **Тимербаев Р.М.** Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Рассказы-о-былом-воспоминания-о-переговорах-по-нераспространению-и-разоружению-и-о-многом-другом.-2007.pdf>

25. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2009-ядерное-нераспространение.-Краткая-энциклопедия.pdf>

26. **Антонов А.И.** Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / **А.И. Антонов**. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2012.

URL: https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/A_Antonov__monografia.pdf

27. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том 1 / **Под общ. ред. В.А. Орлова**. 3-е изд., переработанное и расширенное. – М.: ПИР-Центр, 2013.

28. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. Том 2 / **Под общ. ред. В.А. Орлова**. 3-е изд., переработанное и расширенное. – М.: ПИР-Центр, 2013.

29. Iran in the Regional and Global Perspective. Editor: **Andrey Baklitskiy**. PIR Press, Moscow, 2015.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/Iran-in-the-Regional-and-Global-Perspective.-2015.pdf>

30. **Demidov O.** Global Internet Governance and International Security in the Field of ICT Use. Moscow, Geneva, 2015.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/Global-Internet-Governance-and-international-security-in-the-field-of-the-ICT-use.-2015.pdf>

31. **Демидов О.** Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: Ключевые вызовы для мирового сообщества / **Олег Демидов**. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 198 с. – (Библиотека ПИР-Центра).

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Глобальное-управление-Интернетом-и-безопасность-в-сфере-использования-ИКТ.-Демидов-О-2016.pdf>

32. Russia-US Nuclear Nonproliferation Dialogue: Lessons Learned and Road Ahead. Edited by **Vladimir Orlov and Sergey Semenov, with prefaces by William Potter and Anatoly Torkunov**. Moscow. Ves Mir Publishers, 2021. 544 pp.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/01/Russia-US-Nuclear-Nonproliferation-Dialogue.-Lessons-Learned-And-Road-Ahead.pdf>

33. Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / **Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов**. М.: ПИР-Пресс, 2023. – 230 с. – (ПИР-Библиотека – книжная серия).

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/01/23-01-26-NINE-2nd-edition.pdf>

34. **Евстафьев Г.М.** Избранное. К 85-летию со дня рождения / Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр) / **Предисловие В.А. Орлова**. Москва: Издательство «Весь Мир»; ПИР-Пресс, 2023. 192 с., ил. (ПИР-Библиотека – книжная серия).

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/05/Г.М.-Евстафьев.-Избранное.-2023.pdf>

35. **Тимербаев Р.М.** Избранное / ПИР-Центр. Москва: ПИР-Пресс, Издательство «Весь Мир», 2023. 304 с., ил. (ПИР-Библиотека – книжная серия).

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/05/Р.М.-Тимербаев.-Избранное-2023.pdf>

36. Nuclear Nonproliferation and Arms Control. Digital Papers / **Vladimir Orlov and Elena Karnaukhova (Editors)**. PIR Library Series № 36. PIR Center, 2024.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/04/24-04-25-Nuclear-Nonproliferation-and-Arms-Control.-Digital-Papers.pdf>

37. *Security Index Yearbook 2024–2025*. Vol. 1. **Vladimir Orlov and Elena Karnaukhova (Editors)**. PIR Library Series № 37. Moscow: Aspect Press, 2024.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/06/Security-Index-Yearbook-2024-2025-by-PIRMGIMO-Vol.1.pdf>

38. **Назаркин Ю.К.** Об СНВ. Об Африке. О жизни. Воспоминания дипломата / **Предисловие В.А. Орлова**. Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр). М.: Издательство «Весь Мир»; ПИР-Центр, 2024. Серия «ПИР-Библиотека» (№ 38). 364 с., ил.

URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/07/Об-СНВ.-Об-Африке.-О-жизни.-Воспоминания-дипломата.-Ю.К.-Назаркин.pdf>

39. ПИР-Центр. Избранное: 1994–2024. Российские эксперты о нераспространении ядерного оружия, контроле над вооружениями и глобальной безопасности (Антология трудов, опубликованных в ПИР-Центре за 30 лет его деятельности). М.: Издательство «Весь мир»; ПИР-Центр, 2024. Серия «ПИР-Библиотека» (№ 39). 656 с.

Перечень изданий ПИР-Центра (периодических и непериодических) 1994–2024

Действующие периодические издания ПИР-Центра

1. *Ядерный Контроль* – цифровой бюллетень / *Yaderny Kontrol (Nuclear Control) E-Bulletin* (2010 – наст. вр.)

Вышло 536 номеров на русском языке и 1 номер на английском языке (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/jelektronnyj-zhurnal-jadernyj-kontrol/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/e-journal-yaderny-kontrol/

Действующие непериодические издания ПИР-Центра

1. Книжная серия *ПИР-Библиотека* / *PIR Library Series* (1999 – наст. вр.)

Вышло 36 книг (монографии, учебники, антологии и др.) на русском и английском языках (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/knizhnaja-serija-pir-biblioteka/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/pir-librabook-series/

2. Серия *Индекс Безопасности* – *Научные записки ПИР-Центра* (2019 – наст. вр.)

Вышло 48 записок (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/indeks-bezopasnosti/

3. Серия *Security Index Occasional Paper Series Global Edition* (2019 – наст. вр.)

Вышли 42 записки на английском языке (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/security-index/

4. Серия *Доклады ПИР-Центра* / *PIR Reports* (1997 – наст. вр.)

Вышло 38 докладов на русском и английском языках (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/doklady/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/reports-series/

5. Бюллетень *Пирого* / *Pirogue Bulletin* (2002 – наст.вр.)

Вышло 10 номеров на русском языке и 9 номеров на английском языке (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/piroga/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/piroogue/

6. Серия *Без галстука* / *Open Collar* (2010 – наст. вр.)

Вышло 64 выпуска на русском и английском языках (по состоянию на 15 мая 2024 г.)

URL: https://pircenter.org/category_editions/bez-galstuka/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/open-collar/

7. Бюллетень новостей *ПИР-Пресс / PIR Press News* (2012 – наст. вр.)

URL: <https://pircenter.org/news/>

URL: <https://pircenter.org/en/news/>

Периодические издания ПИР-Центра, чей выпуск был завершен

1. Журнал *Ядерный Контроль* (1994–2006); его продолжатель журнал *Индекс Безопасности* (2007–2016)

Всего выпущено 119 номеров.

URL: https://pircenter.org/category_editions/indeks-bezopasnosti-2/

2. Журнал *Yaderny Kontrol Digest* (1995–2005)

Всего выпущено 36 номеров.

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/yaderny-kontrol-digest/

3. Журнал *Security Index Global Edition* (2007–2015)

Всего вышло 28 номеров на английском языке.

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/security-index-global-edition/

4. Журнал *Экспорт Обычных Вооружений* (1996–1997)

Всего выпущено 20 номеров.

URL: https://pircenter.org/category_editions/jeksport-obychnyh-vooruzhenij/

5. Журнал *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения* (1996–1998)

Всего выпущено 6 номеров.

URL: https://pircenter.org/category_editions/himicheskoe-oruzhie-i-voprosy-ego-unichtozhenija/

6. Бюллетень *Вопросы Безопасности / Security Issues*, затем *Russian Security* (1997–2003)

Всего выпущено 198 номеров на русском и английском языках.

7. Бюллетень *PoliKon* (1999–2000)

Всего выпущено не менее 70 номеров.

8. Бюллетень *Ракеты и Космос* (2001–2002)

Всего выпущено 7 номеров.

URL: https://pircenter.org/category_editions/rakety-i-kosmos/

9. Бюллетень *Russia Confidential* (2011–2018)

Всего выпущено 256 номеров на русском и английском языках.

URL: https://pircenter.org/category_editions/russia-confidential/

URL: https://pircenter.org/en/category_editions/russia-confidential-eng/

Непериодические издания ПИР-Центра, чей выпуск был завершен

1. Серия монографий и докладов *Научные Записки ПИР-Центра* (1996–2012)

Всего выпущено 27 записок.

URL: https://pircenter.org/category_editions/nauchnye-zapiski-pir-centra/

**Перечень авторов, чьи статьи и материалы
были опубликованы в изданиях ПИР-Центра
(периодических и неперидических) 1994–2024**

А

Абаева Анна Ивановна
Абен Даурен
Абиру Тайсуке
Абрамова Ирина Олеговна
Абул-Энейн Сами
Авчаров Иван Владимирович
Агапов Михаил Геннадьевич
Адамов Евгений Олегович
Айнхорн Роберт
Акчурин Ильдар
Аладько Александра Игоревна
Алексеев Андрей Александрович
Алексеев Владимир Степанович
Алексеева Ирина Юрьевна
Алешин Дмитрий Борисович
Алиев Ильхам Гейдарович
(Гейдар оглы)
Алимов Анатолий Эдуардович
Аллио-Мари Мишель
Аль-Ассад Ваэль
Аль-Фарадж Сами
Альбади Авад
Ангелова Анастасия
Ангмар Маргарита Андреевна
Андрюшин Игорь Алексеевич
Анисько Сергей
Аничкина Татьяна Борисовна
Антипов Сергей Викторович
Антонов Анатолий Иванович
Антонов Евгений Владимирович
Апсэ Владимир Александрович
Арбатов Алексей Георгиевич
Арбатова Надежда Константиновна
Арбекова Елена Васильевна
Аргуэльо Ирма
Аров Святослав Александрович
Артеменкова Наталья Сергеевна

Атурин Михаил Константинович
Ахтамзян Ильдар Абдулханович
Ахундов Джаваншир Ашраф оглы
Аюмов Родион
Аяцков Дмитрий Федорович

Б

Бадрак Валентин Владимирович
Баев Павел Кимович
Байерли Джон
Байков Андрей Анатольевич
Баклицкий Андрей Александрович
Баландина Людмила
Балуджи Гейдар Али
Балуевский Юрий Николаевич
Банн Джордж
Банн Мэтью
Эль-Барадеи Мохаммед
Барабанов Михаил Сергеевич
Баранов Александр Сергеевич
Барановский Владимир Георгиевич
Барский Кирилл Михайлович
Басрур Раджеш
Батурия Юрий Михайлович
Бачевский Сергей
Бегтин Иван Викторович
Беденко Вероника Максимовна
Бедрицкий Александр
Владимирович
Бейсли-Уокер Бен
Белецкая Ирина Петровна
Белобородова Наталья
Александровна
Белова Анна Григорьевна
Белова Людмила
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Белоус Владимир Семенович
Белоусов Владимир Павлович

Беляева Марина Павловна
Бенджамин-Альвардо Джонатан
Берденников Григорий Витальевич
Бердыев Марат Владимирович
Берт Ричард
Бертч Гэри
Бинбин Ву
Блащаница Артем Витальевич
Бликс Ханс
Блокманс Стивен
Бо Бойсен Сорен
Богдан Валерий
Болсуновский Александр
Болтон Джон
Боммелер Констанс
Бондарев Владимир Михайлович
Бордюжа Николай Николаевич
Борисенко Андрей Станиславович
Борисов Тенгиз Николаевич
Боровик Роман Владимирович
Бородавкин Алексей Николаевич
Бохановский Леонид Витальевич
Братерский Максим Владимирович
Братчиков Игорь Борисович
Брезкун Сергей Тарасович
Брукс Линтон
Буджерин Марьяна
Бужинский Евгений Петрович
Булычев Александр Валерьевич
Бундин Владимир Сергеевич
Бусурин Юрий Николаевич
Бухарин Олег Александрович
Бухтояров Александр
Быков Андрей Юрьевич
Быстрова Иветта
Бычков Александр Викторович

В

Валынкин Игорь
Ван Гелуве Осена
Ван Гоюй
ван Дассен Ларс
Ван дер Меер Адриаан
Васильев Александр Михайлович
Васильев Виктор Львович
Васильев Владимир Алексеевич

Василюк Евгений
Вебер Рольф
Велихов Евгений
Верховцев Владимир Николаевич
Вильданов Мидыхат Петрович
Виноградов Михаил Сергеевич
Вишневецкий Игорь Станиславович
Власов Петр
Войтов Матвей Леонидович
Волкова Ольга Юрьевна
Волебек Кари Екен
Володин Юрий Георгиевич
Волошин Николай Павлович
Волчинская Елена Константиновна
Вольфсон Зеев
Вольфсталь Джон
Воробьев Анатолий
Воробьев Сергей Анриевич
Воронков Владимир Иванович
Воронов Виктор Михайлович
Воронцов Александр Валентинович
Воскресенский Алексей Дмитриевич
Воскресенский Станислав Сергеевич
Вотановская Екатерина
Александровна
Вотрин Дмитрий Сергеевич
Вулф Эми

Г

Габидулина Роксана
Габуев Александр Тамерланович
Гаврилова Мария Станиславовна
Гагаринский Андрей Юрьевич
Газманов Олег Михайлович
Галака Сергей Павлович
Галузин Михаил Юрьевич
Гареев Махмут Ахметович
Гасымов Кямал Тофик-оглы
Гвоздева Светлана Николаевна
Гелескул Елена Сергеевна
Герасим Михаил Геннадьевич
Геттемюллер Роуз
Глебов Василий Борисович
де Глиниасти Жан
Голдблат Йозеф
Голиков Александр Григорьевич

Голоскоков Игорь Владимирович
 Голотюк Юрий
 Голубов Борис
 Гонопольский Адам
 Гончарук Артем Валерьевич
 Гор Альберт
 Горбовский Александр Альфредович
 Горбулин Владимир Павлович
 Гордиенко Андрей
 Горностаев Геннадий Алексеевич
 Горьковский Евгений
 Граве Алексей
 Грановский Андрей Евгеньевич
 Грант Том
 Гребенщиков Андрей Вадимович
 Григорьев Александр
 Григорьев Андрей Иванович
 Грицай Георгий Анатольевич
 Громов Александр Борисович
 Громько Алексей Анатольевич
 Грэм Томас
 Губин Андрей Владимирович
 Гудби Джеймс
 Гуднов Василий Михайлович
 Гуриев Сергей Маратович
 Гуща Александр Иванович
 Гюрзель Айлин Гюнай

Д

Дав Элисон
 Данилов Дмитрий Александрович
 Дворкин Владимир Зиновьевич
 Девятков Андрей
 Дегтярев Никита Сергеевич
 Дейнега Александр
 Демидов Олег Викторович
 Денисов Андрей Иванович
 Денисов Игорь Евгеньевич
 Дериглазова Лариса Валериевна
 Детинов Александр
 Детинов Николай Николаевич
 Джаака Жиль
 Джонс Майкл
 Джонс Скотт
 Джонсон Лок
 Джонсон Ребекка

Диас-Баларт Фидель Кастро
 Дингли Шен
 Длужневский Борис
 Дмитриев Александр
 Дольник Адам
 Дуарте Сержио
 Дубенсков Олег
 Духвалов Андрей Петрович
 Дханапала Джаянта
 Дьяков Анатолий Степанович
 Дьяченко Владимир Александрович
 Дьяченко Олег Григорьевич

Е

Евдокимов Евгений Витальевич
 Евстафьев Геннадий Михайлович
 Евстафьев Дмитрий Геннадиевич
 Евстигнеев Валентин Иванович
 Егоров Николай
 Елисеев Дмитрий
 Ельченко Владимир Юрьевич
 Емельянов Олег
 Ерастов Виктор Владимирович
 Ермаков Владимир Иванович
 Ершова Ксения
 Есин Виктор Иванович
 Ефимов Альберт Рувимович
 Ефимов Андрей Михайлович

Ё

Ёсинори Такэда

Ж

Жанткин Тимур
 Жильцов Сергей Сергеевич
 Жураев Шахбоз Акбарович

З

Заборский Виктор Леонидович
 Заварзин Виктор Михайлович
 Загидуллин Сергей Ильгизович
 Загорка Алексей
 Загорский Андрей Владимирович

Зайцева Наталья Викторовна
Запорожец Дмитрий Викторович
Запелли Даниэль
Захаров Валентин
Захаров Владимир Михайлович
Звезде Евгений Константинович
Звягельская Ирина Доновна
Зеленцов Сергей
Зербо Лассина
Зинина Ульяна Викторовна
Зиновьева Елена Сергеевна
Злаувинен Густаво
Злотникова Тамара Владимировна
Змеевский Александр Владимирович
Зобов Андрей Иванович
Золотухин Иван Николаевич
Зонн Игорь Сергеевич
Зродников Анатолий Васильевич
Зубенко Александра Сергеевна
Зуева (Обренович)
Ирина Викторовна
Зульзер Урс Даниэль
Зульхарнеев Альберт Фархатович
Зюлина Елена Юрьевна

И

Ибрагимова Галия Ринатовна
Иванов Александр Сергеевич
Иванов Валентин Борисович
Иванов Игорь Сергеевич
Иванов Сергей Борисович
Ивлев Леонид
Ижак Алексей Иванович
Измайлов Александр Владимирович
Ильин Александр Владимирович
Ильин Владимир Федорович
Илькаев Радий
Илюхин Виктор Иванович
Иссахарофф Иеремия
Иффт Эдвард

Й

Йорыш Абрам Исаакович

К

де Китспотгер Винсен
де Клерк Пит
Кааби Аль Хамад
Каберник Виталий Владимирович
Кабулов Замир Набиевич
Каграманян Владимир Семенович
Кадииш Марк
Кадышев Тимур Таирович
Казыханов Ержан
Калинин Александр Николаевич
Калинин Ремос Иванович
Калинин Роман Ренатович
Калинина Наталия Ивановна
Калядин Александр Николаевич
Камилов Абдулазиз
Канаев Евгений Александрович
Кантримен Томас
Каньшин Александр Николаевич
Карзай Хекмат Халил
Кармазин Евгений Петрович
Карнаухова Елена Андреевна
Касаев Эльдар Османович
Касенова Мадина Балташевна
Касенова Тогжан
Касперская Наталья Ивановна
Кацва Мария Самуиловна
Кашин Василий Борисович
Квартальнов Артем Александрович
Келин Андрей Владимирович
Кендалл Эдвард
Кенжетаетев Марат Жумабаевич
Кенион Иан
Кибароглу Мустафа
Кинкейд Сет
Кириенко Сергей Владиленович
Кирилин Михаил Евгеньевич
Кириллов Юрий Федорович
Кириченко Элина Всеволодовна
Киселев Геннадий
Кисляк Сергей Иванович
Кисляк Юлия Сергеевна
Киф Дэнис
Кифер Давид
Клаповский Александр
Александрович

- Клименко Владимир
Клочкова Маргарита Сергеевна
Ключанская Светлана
Александровна
Князева Елена Георгиевна
Коаквелл Джейкоб
Кобяков Даниил Олегович
Ковалев Александр Анатольевич
Ковалева Светлана Константиновна
Ковальчук Михаил Валентинович
Ковчегин Дмитрий Алексеевич
Кожин Вячеслав
Козик Андрей Леонидович
Козин Владимир Петрович
Козлов Виктор Васильевич
Козлов Михаил
Козюлин Вадим Борисович
Кокеев Михаил Ефимович
Колбин Александр Сергеевич
Колдобский Александр Борисович
Колесников Андрей Вячеславович
Колозариди Полина Владимировна
Колтунов Виктор Стефанович
Конли Хизер
Коновалов Виталий
Кононов Александр Анатольевич
Корабельников Валентин
Владимирович
Коргун Виктор Григорьевич
Корендясов Евгений Николаевич
Кормилицин Юрий Николаевич
Коробейников Анатолий
Антонович
Коротченко Игорь Юрьевич
Кортунов Андрей Вадимович
Кортунов Сергей Вадимович
Косал Маргарет
Косачев Константин Иосифович
Котлов Владислав
Кочетков Лев Алексеевич
Кочкин Алексей
Коселев Сергей Михайлович
Кравченко Николай Эммануилович
Краснов Алексей Борисович
Крупнов Юрий Васильевич
Крутских Андрей Владимирович
Крячкина Юлия Александровна
- Кувалдин Станислав Аркадьевич
Кудакаев Александр Янович
Кудрявцев Евгений
Кузнецов Евгений
Кузьмин Николай
Кулибаба Надежда Сергеевна
Кулик Михаил Федорович
Куликов Геннадий Генрихович
Куликова Александра
Владимировна
Кумар Мишра Раджеш
Куммер Маркус
Кунцевич Анатолий Демьянович
Куприянова Ирина Александровна
Курдицем Томас
Кутнаева Нурия Асылбековна
Кучерена Анатолий Григорьевич
Кучинов Владимир Петрович
- Л
- Лааява Яакко
Лабусов Борис Николаевич
Лавришев Василий Стефанович
Лавров Сергей Викторович
Ладанов Владимир Александрович
Ладыгин Федор Иванович
Ланьков Андрей Николаевич
Ларина Елена Сергеевна
Ларионов Константин Олегович
Лата Василий Филиппович
Лаумулин Мурат Турарович
Лац Максим Петрович
Лашина Анна Александровна
Лебедев Алексей
Лебедев Валерий Александрович
Лебедев Михаил Владимирович
Левинсон Лев Семенович
Легойда Владимир Романович
Леклерк Арно
Лендертсе Антье
Леонард Джеймс
Леонов Дмитрий Валентинович
Лепешкин Геннадий Николаевич
Лепский Владимир Евгеньевич
Лесин Андрей
Лисица Валерий Николаевич

Литаврин Петр Геннадьевич
Литвинов Борис
Литовкин Виктор Николаевич
Литовкин Дмитрий Викторович
Личаев Виктор Иванович
Личидов Виталий Васильевич
Ло Бобо
Лоборев Владимир
Логутова Надежда Борисовна
Лощинин Валерий Васильевич
Лузин Павел Александрович
Лузянин Сергей Геннадьевич
Лукацкий Алексей Викторович
Лукин Александр Владимирович
Лукин Владимир Петрович
Луков Вадим Борисович
Лукьянов Федор Александрович
Лукьянцев Виталий
Лучиани Джакомо
Лучин Анатолий Андреевич
Льженков Алексей Львович
Лысенко Михаил Николаевич
Люсьен Клэр

М

Макаренко Иван
Макаров Андрей Юрьевич
Макаров Николай Егорович
Макарова Ольга Вячеславовна
Макарычев Андрей Станиславович
Макафей Чарльз
Макашов Альберт Михайлович
МакДауэлл Коллин
Макеев Александр Алексеевич
Макиенко Константин Владимирович
Макеллан Ник
Малкин Семен
Малов Андрей Юрьевич
Мальгина Анастасия Александровна
Мальшев Андрей Борисович
Мальцев Владимир Васильевич
Мамедов Георгий
Мамедов Руслан Шакирович
Мамыкин Владимир Николаевич

Манилов Валерий Леонидович
Маншайя Харбир
Маргелов Михаил Витальевич
Маргоев Адлан Рамзанович
Маркелов Сергей Мирославович
Марковски Вени
Мартынов Борис Федорович
Мартынов Сергей Николаевич
Мартынюк Раиса
Маслин Евгений Петрович
Матвеева Анжелика Георговна
Махиджани Аржун
Махукова Алена Владимировна
Мачабели Константин Ильи
Маэрли Мортен Бремер
Медведев Владимир Иванович
Медриш Михаил Абрамович
Мельникова Валентина Дмитриевна
Мельникова Инна Юрьевна
Меньшиков Валерий
Мизин Виктор
Минаев Максим Викторович
Минеева Ксения Александровна
Мирза Гейдар
Миронова Ирина Юрьевна
Мисюченко Владимир Петрович
Митрова Татьяна Алексеевна
Михайлов Виктор Никитович
Михайлова Ольга Игоревна
Мишин Евгений
Младино Стивен
Мольц Клэй
Морен Жан
Морогов Александр Анатольевич
Морозов Юрий Васильевич
Мостинская Ольга Сергеевна
Мостовюк Михаил Анатольевич
Мосяков Дмитрий Валентинович
Мурогов Виктор Михайлович
Мурсалиев Азер Ариф оглы
Мьщыков Александр
Мэтлок Джек
Мэтьюз Джессика
Мюллер Харальд
Мясников Евгений Владимирович

Н

Надточей Юрий Иванович
 Назаркин Юрий Константинович
 Нанн Сэм
 Нарайкин Олег Степанович
 Нежданов Владимир Львович
 Неклюдов Никита Яковлевич
 Неог Рухи
 Нетесов Сергей Викторович
 Нечаев Владимир Павлович
 Никитин Александр Иванович
 Никитина Юлия Александровна
 Никифоров Никита Васильевич
 Николаев Денис Михайлович
 Николайчук Игорь Александрович
 Никонов Вячеслав Алексеевич
 Никонов Дмитрий Михайлович
 Никулин Савва Дмитриевич
 Новиков Артем
 Новиков Владимир Евгеньевич
 Новиков Михаил Юрьевич
 Новиков Сергей Геннадьевич
 Норка Сергей Константинович
 Ньюлин Сайрус

О

Обухов Алексей Александрович
 Овчинский Владимир Семенович
 Оганесян Армен Гарникович
 Ознобищев Сергей Константинович
 Октав Озден Зейнеп
 Орджоникидзе Сергей
 Александрович
 Орлов Александр
 Орлов Владимир Андреевич
 Откина Анна Михайловна
 Откувертю Бенжамин

П

Павлюшенко Михаил Иванович
 Паин Эмиль Абрамович
 Пайк Джон
 Пайфер Стивен
 Пак Зиновий Петрович

Пак Чжи Ын
 Палажченко Павел Русланович
 Палаццола (Шадрина) Екатерина
 Викторовна
 Панов Александр Николаевич
 Панов Сергей Анатольевич
 Панова Виктория Владимировна
 Панфилов Сергей
 Пархалина Татьяна Глебовна
 Пастухова Галина Викторовна
 Пашаева Гюльшен Мамедали кызы
 Перебоев Владимир
 Переслинг Сергей Борисович
 Перкович Джордж
 Перфильев Никита Вячеславович
 Перцев Сергей Федорович
 Пестов Вадим Александрович
 Петелин Евгений Николаевич
 Петрищев Виктор Евгеньевич
 Петров Станислав Вениаминович
 Петруни Виктор
 Пилипец Олег Владимирович
 Пионтковский Андрей Андреевич
 Пискунова Наталья Александровна
 Плугарев Александр Владимирович
 Погребенков Валерий
 Подвиг Павел Леонардович
 Подгорных Юрий Дмитриевич
 Подколзин Роман
 Поликанов Дмитрий Валериевич
 Полушкин Александр
 Константинович
 Поляков Алексей Николаевич
 Пономарев Сергей Владимирович
 Пономарева (Лагута) Анастасия
 Михайловна
 Пондер Ярослав
 Пономарев Сергей Алексеевич
 Пономарев-Степной Николай
 Николаевич
 Попов Роман Евгеньевич
 Поттер Уильям
 Пращиц Ян
 Примаков Евгений Максимович
 Прингл Энн
 Приходько Сергей Эдуардович
 Просив Теодор

Прохорова Мария Константиновна
Пухов Руслан Николаевич
Пушкарев Вячеслав Игоревич
Пушков Алексей Константинович
Пфиртер Рохели
Пшакин Геннадий Максимович
Пшель Роберт
Пэрриш Скотт
Пядушкин Максим

Р

Рабодзей Александр
Рагаб Иман
Радовицкий Александр
Александрович
Радчук Александр Васильевич
Рапота Григорий Алексеевич
Расмуссен Андерс Фог
Рассел Дэниэл
Растегаев Даниил Олегович
Рауф Тарик
Рей Алексей Игоревич
Рейтор Константин
Рексрот Пол
Решетников Леонид Петрович
Решетников Сергей Николаевич
Ринн Саймон
Робертс Брэд
Рободзей Александр
Александрович
Рогачев Илья Игоревич
Рогозин Дмитрий Олегович
Родина Инна Владимировна
Родионов Станислав
Рожков Олег Вячеславович
Романенко Сергей Александрович
Ромашкина Наталия Петровна
Роскошная Мария Станиславовна
Рохлин Лев
Рубин Узи
Рукшин Александр Сергеевич
Румянцев Александр Н.
Румянцев Александр Юрьевич
Рыбальченко Игорь Владимирович
Рыбас Александр Леонидович
Рыбаченков Владимир Иванович

Рябков Сергей Алексеевич
Рязанцев Евгений

С

Савельев Александр Георгиевич
Савельев Сергей Валентинович
Савельева Лариса Сергеевна
Садерлэнд Роланд Дж.
Сажнев Марк
Сакулин Геннадий
Санаи Мехди
Сандахчиев Лев Степанович
Санин Александр
Саргсян Гагик
Сарева Ярмо
Сартори Андрей
Сатановский Евгений Янович
Сафранчук Иван Алексеевич
Сачков Илья Константинович
Свешникова Юлия Владимировна
Свиридов Андрей
Свиридов Всеволод Юрьевич
Себекин Сергей Александрович
Сеймур Гэри
Селезнев Лев
Селезнева Дарья Александровна
Семенов Сергей Дмитриевич
Семин Валерий Витальевич
Сентюрин Юрий Петрович
Сергеев Игорь Дмитриевич
Сергун Игорь Дмитриевич
Серебряков Иван
Сибал Канвал
Сиддика-Ага Аиша
Сикорская Надежда Александровна
Силаев Николай Юрьевич
Силкин Юрий
Симановский Станислав
Симоненко Максим Дмитриевич
Синев Андрей Николаевич
Синицына Елена Сергеевна
Синовец Полина Андреевна
Сиринционе Джозеф
Сиротинин Евгений Сергеевич
Скопич Оксана Андреевна
Скорородова Ольга Николаевна

Слизень Виталий Александрович
Слипченко Виктор Сергеевич
Слипченко Владимир Иванович
Смертина Ксения Викторовна
Смирнов Михаил
Смирнов Сергей Маратович
Смирнов Юрий Николаевич
Смит Харольд Палмер
Смолян Георгий Львович
Соболев Валентин Алексеевич
Соков Николай Николаевич
Соколов Алексей Владимирович
Соломонов Юрий Семенович
Солтание Али Асгар
Сорока Екатерина Евгеньевна
Спаский Николай Николаевич
Спектор Леонард
Спиридонов Александр Михайлович
Стальмахов Константин Александрович
Стапран Наталья Валерьевна
Старчак Максим Владимирович
Степанов Владимир Михайлович
Степанова Екатерина Андреевна
Стефанович Дмитрий Викторович
Сток Томас
Сторчак Сергей Анатольевич
Стрельцов Анатолий Александрович
Субботин Станислав Анатольевич
Суздальцев Андрей Иванович
Сумский Виктор Владимирович
Сун Синьпин
Супонина Елена Владимировна
Супотаева Ольга
Суриков Антон Викторович
Сутягин Игорь
Сухоручкин Владимир Константинович
Сучков Максим Александрович
Схеффер Яап де Хооп
Сюткин Павел

Т

Таипова Гузэль Зунуновна
Такэда Ёсинори

Тарасевич Юрий Юрьевич
Тарусин Виктор Иванович
Теплоухова Мария Вячеславовна
Терехов Владимир Владимирович
Терехов Игорь Иванович
Терпугова Вероника Анатольевна
Тимербаев Роланд Михайлович (Махмутович)
Титаренко Андрей Иванович
Тито Тебуроро
Тищенко Григорий
Ткачев Виктор
Токаев Касым-Жомарт
Токарев Александр
Токтомушев Айбек Чоробекович
Толипов Фарход Фазилович
Толорая Георгий Давидович
Толянский Георгий
Томас Тимоти
Томашов Игорь Андреевич
Топычканов Петр Владимирович
Торкунов Анатолий Васильевич
Тот Тибор
Тошинский Георгий Ильич
Тренин Дмитрий Витальевич
Троянов Михаил
Трубников Вячеслав Иванович
Трутнев Юрий Алексеевич
Трушкин Иван Владимирович
Туан Ан Хоанг
Тузухамедов Бахтияр Раисович
Тузовская Наталья Юрьевна
Тулинов Борис Михайлович
Тэлботт Струоб
Тэртре Бруно
Тюлин Иван Георгиевич

У

Убеев Алексей Вадимович
Уильямс Николас
Ульянов Михаил Иванович
Унникришнан Нандан
Уорхэм Мэри
Урнов Марк Юрьевич
Успенский Николай Николаевич
Устинов Роман Андреевич

Уткин Антон Юрьевич

Ушацкас Вигаудас

Ушков Анатолий Михайлович

Ф

Фабричников Илья Сергеевич

аль-Фарадж Сами

Федоров Александр Валентинович

Федоров Валерий Валериевич

Федоров Юрий Евгеньевич

Федотов Юрий Викторович

Федченко Виталий Геннадьевич

Фельдман Яна

Феокистов Дмитрий Валериевич

Фергюсон Чарльз

Феррер Хорхе

Феруцц Корнел

Финк Аня

Фино Марк

Фишер Дэвид

Фог Расмуссен Андерс

Фомин Валерий

Форд Кристофер

Форд Кристофер

Фролов Андрей Львович

Фролов Вячеслав

Фэнтон Джонатан

Х

Де Хаас Марсель

Халил Айман

Хан Масуд

Хан Мухаммад

Харитоновна Наталья Ивановна

Харьковский Евгений

Константинович

Хейрие Дарья Саберовна

Херд Грэм П.

Хилл Ричард

Хитченс Тереза

Хлебников Владимир Николаевич

Хлопков Антон Викторович

Ходакова Александра

Холгейт Лора

Холоднов Евгений Вадимович

Хооп Схеффер Яап Гийсберт де

Хорев Альберт Павлович

Хоффер Эрвин

Хоффман Дэвид

Храмчихин Александр Анатольевич

Хрипунов Игорь Алексеевич

Хромов Геннадий Константинович

Хрусталева Владимир Владимирович

Ц

Цвак Питер

Цветкова (Лиля) Биляна

Цуканов Леонид Вячеславович

Цыгичко Виталий Николаевич

Цымбал Виталий Иванович

Ч

Чаплин Всеволод Анатольевич

Чебан Александр Яковлевич

Чебан Валерий

Чебесков Александр Николаевич

Чевикоз Унал

Чейз Джозеф Ле Мэй

Чеков Александр Дмитриевич

Челлани Брахма

Чемезов Сергей Викторович

Чен Янпинг

Черепанов Николай

Черепнина Елена Андреевна

Черешкин Дмитрий Семенович

Черкашин Дмитрий Александрович

Чернавских Владислав Дмитриевич

Черненко Елена Владимировна

Чернов Олег Дмитриевич

Черномырдин Виктор

Черных Сергей

Чернышев Александр

Константинович

Чжао Тонг

Чидьяусику Бонифас

Чижов Дмитрий Александрович

Чумак Владимир Николаевич

Чумак Дмитрий Викторович

Чуменко Леонид Николаевич

Чуркин Виталий

Ш

Шавыкин Александр
Шадурский Андрей Викторович
Шаймергенов Тимур Тулегенович
Шакер Мохаммед
Шакиров Олег Игоревич
Шаклеина Татьяна Алексеевна
Шапер Аннетт
Шарапов Эдуард Прокофьевич
Шаров Вячеслав
Шаров Евгений
Шатилла Юссеф
Шафеи Голамреза
Шевцов Анатолий Иванович
Шестакова Софья Сергеевна
Шефран Юрген
Шилдс Джон
Шилин Александр Андреевич
Шитиков Алексей Валерьевич
Шихаб-Элдин Аднан
Шишкин Альберт
Шкарбанов Андрей Александрович
Шкляр Александр
Школьник Владимир
Школьник Екатерина
Шльков Виталий Васильевич
Шмелев Анатолий Николаевич
Шмелев Владимир Михайлович
Шмидт Андреас
Штудман Жерар
Шубин Владимир Геннадьевич
Шубин Михаил Владимирович
Шувалова Анна Викторовна
Шумилин Александр Иванович
Шустов Владимир Викторович

Щ

Щёкин Анатолий Сергеевич
Щербаков Александр О.
Щукин Виталий Николаевич

Э

Эванс Дэйв
Эгерт Константин Петрович
Эллеман Майкл
Эльдин Аднан Шихаб
Эриксон Сара
Эстевес Ана Ливия

Ю

Юдин Юрий Александрович
Юрасов Николай Никитович
Юринов Борис Дмитриевич
Юрк Алексей Владимирович
Юрченко Валентин Петрович

Я

Яблоков Алексей
Язев Валерий Афонасьевич
Язькова Алла Алексеевна
Якимов Сергей Фотьевич
Яковенко Александр
 Владимирович
Яковлев Виталий Николаевич
Яковлев Владимир Николаевич
Якушев Михаил Владимирович
Ярных Андрей Юрьевич
Яровский Аркадий Иосифович
Ярош Валерий Ильич
Яцына Алексей Юрьевич

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО	– Автономная некоммерческая организация
АПЛ	– Атомная подводная лодка
АЭС	– Атомная электростанция
БАС	– Боевые автономные системы (<i>lethal autonomous weapon systems, LAWS</i>)
БВСА	– Регион Ближнего Востока и Северной Африки
БПЛА	– Беспилотный летательный аппарат
БРИКС	– Межгосударственное неформальное объединение (группа). Акроним образован от названий входящих в него стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. С 2024 г. в БРИКС также входят Иран, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия
БРПЛ	– Баллистические ракеты подводных лодок
ВВП	– Валовой внутренний продукт
ВВС	– Военно-воздушные силы
ВВТ	– Вооружения и военная техника
ВГУ	– Взаимное гарантированное уничтожение (<i>mutual assured destruction, MAD</i>)
ВКО	– Военно-космическая оборона
ВМФ	– Военно-морской флот
ВНИИ	– Всероссийский научно-исследовательский институт
ВНИИТФ	– Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики, г. Снежинск
ВНИИЭФ	– Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, г. Саров
ВОХР	– Военизированная охрана
ВП	– Военное представительство
ВПК	– Военно-промышленный комплекс
ВПр	– Всеобщее и полное разоружение
ВС РФ	– Вооруженные Силы Российской Федерации
ВТС	– Военно-техническое сотрудничество
ВЭП	– Военно-экономический потенциал
ГЛОНАСС	– Глобальная навигационная спутниковая система
ГРУ	– Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
ГУЛАГ	– Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГЯП	– Группа ядерных поставщиков
ДБР	– Дальний беспилотный разведчик
ДВЗЯИ	– Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.

- ДКБ** – Договор о коллективной безопасности 1992 г.
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.
ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.
Договор ОСВ-I – Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 г.
Договор ОСВ-II – Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений 1979 г. (не вступил в силу)
Договор СНВ-I – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г.
Договор СНВ-II – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1993 г. (не вступил в силу)
Договор о СНП – Договор о сокращении наступательных потенциалов 2002 г.
ДРСМД – Договор о ракетах средней и меньшей дальности 1987 г.
ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество
ЕС – Европейский союз
ЗАО – Закрытое акционерное общество
ЗГС – Защита государственных секретов
ЗСОМУ – Зона, свободная от оружия массового уничтожения
ИГИ – Исламское государство Ирак¹
ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта²
ИИ – Искусственный интеллект
КБ – Конструкторское бюро
КГБ – Комитет государственной безопасности
КНДР – Коре́йская Наро́дная Демократи́ческая Респу́блика
КНР – Кита́йская Наро́дная Респу́блика
КПД – Коэффициент полезного действия
КПП – Контрольно-пропускной пункт
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КХО – Конвенция о запрещении химического оружия 1993 г.
КЦП – Комплексная целевая программа
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБР – Межконтинентальные баллистические ракеты
МВт – Мегаватт
МГП – Международное гуманитарное право
МГТУ – Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

¹ Террористическая организация, запрещенная в России. – Прим. ред.

² Террористическая организация, запрещенная в России. – Прим. ред.

МДТО	– Международный договор о торговле оружием 2013 г.
МИД РФ	– Министерство иностранных дел Российской Федерации
МККК	– Международный комитет Красного Креста
МО РФ	– Министерство обороны Российской Федерации
МЦОУ	– Международный центр по обогащению урана
МЧС	– Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
НАН	– Национальная академия наук США
НАСА	– Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США (<i>National Aeronautics and Space Administration, NASA</i>)
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НИОКР	– Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
«Новый ДСНВ»	– Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 г.
НПК	– Научно-производственная корпорация
НПО	– Научно-производственное объединение
НСЯО	– Нестратегическое ядерное оружие
ОАО	– Открытое акционерное общество
ОАЭ	– Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	– Организация Варшавского договора
ОДКБ	– Организация Договора о коллективной безопасности
ОЗХО	– Организация по запрещению химического оружия
ОМУ	– Оружие массового уничтожения
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОПК	– Оборонно-промышленный комплекс
ОЭСР	– Организация экономического сотрудничества и развития
ОЯТ	– Отработавшее ядерное топливо
ПВО	– Противовоздушная оборона
ПЗУ	– Постоянное запоминающее устройство
ПО	– Производственное объединение
Препком	– Подготовительный комитет Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия
ПРО	– Противоракетная оборона
ПСС	– Противоспутниковая система
РГЧ	– Разделяющиеся головные части
РДС	– Ракетный двигатель специальный (обозначение первых ядерных взрывных устройств в СССР)

РК	– Республика Корея
РПЦ	– Русская Православная Церковь
РСМД	– Ракеты средней и меньшей дальности
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТК	– Робототехнический комплекс
РУАК	– Разведывательно-ударный авиационный комплекс
РФ	– Российская Федерация
РХБЗ	– Радиационная, химическая и биологическая защита
РЭБ	– Радиоэлектронная борьба
СБ ООН	– Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
СВР	– Служба внешней разведки России
СКГ	– Совместная консультативная группа
СМИ	– Средства массовой информации
СМИД	– Совет министров иностранных дел
СНВ	– Стратегические наступательные вооружения
СНВНО	– Стратегические наступательные вооружения в неядерном оснащении
СНГ	– Содружество Независимых Государств
СОИ	– Стратегическая оборонная инициатива
СПИД	– Синдром приобретенного иммунодефицита
СПРН	– Система предупреждения о ракетном нападении
ССАГПЗ	– Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СТВС	– Свежая тепловыделяющая сборка
США	– Соединенные Штаты Америки
СЯС	– Стратегические ядерные силы
ТВД	– Театр военных действий
ТВС	– Тепловыделяющая сборка
ТД–газ	– Газ, содержащий смесь тротила с динитронафталином
ТЗУ	– Транспортно-защитное устройство
ТПУ	– Территориальные предельные уровни
ТЯО	– Tактическое ядерное оружие
ФБР	– Федеральное бюро расследований
ФГУП	– Федеральное государственное унитарное предприятие
ФПИ	– Фонд перспективных исследований
ФРГ	– Федеративная Республика Германия
ФСБ РФ	– Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ФСК	– Федеральная служба контрразведки Российской Федерации
ХАМАС	– «Исламское движение сопротивления»

ЦК КПСС	– Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ШОС	– Шанхайская Организация Сотрудничества
ШПУ	– Шахтные пусковые установки
ЭМИ	– Электромагнитный импульс
ЭТБ	– Эксплуатационно-технологическое бюро
ЮАР	– Южно-Африканская Республика
ЮНМОВИК	– Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям в Ираке (<i>UNMOVIC</i>)
ЯТЦ	– Ядерный топливный цикл
ELF	– <i>Earth Liberation Front</i> , или Фронт освобождения Земли
FOBS	– Частично орбитальная ударная система (<i>Fractional orbital bombardment system</i>)
G8	– Группа восьми, или большая восьмерка (неофициальный форум лидеров ведущих промышленно развитых стран в составе России (не участвует в формате с 2014 г.), США, Великобритании, Франции, Японии, Германии, Канады, Италии)
GPS	– Глобальная система позиционирования (<i>Global Positioning System</i>)
GTD	– Глобальная база данных о терроризме (<i>Global Terrorism Database</i>)
GTI	– Глобальный индекс терроризма (<i>Global Terrorism Index</i>)
KEDO	– Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове (<i>Korean Peninsula Energy Development Organization</i>)
OSINT	– Разведка по открытым источникам (<i>Open source intelligence</i>)
SADM	– «Специальное атомное разрушающее оружие» (<i>Special Atomic Demolition Munition</i>)
SIOP	– Единый интегрированный оперативный план – комплекс оперативных документов, составляющих подробный регламент боевого применения ядерного оружия США во второй половине XX в. (<i>Single Integrated Operational Plan</i>)
SIPRI	– Стокгольмский институт по исследованию проблем мира (<i>Stockholm International Peace Research Institute</i>)
SWIFT	– Международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей (<i>Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications</i>)
THAAD	– Противоракетный комплекс подвижного наземного базирования (<i>Terminal High Altitude Area Defense</i>)
12 ГУ МО	– 12-е Главное управление Министерства обороны Российской Федерации

Серия ПИР-Библиотека
№ 39

ПИР-Центр. Избранное: 1994–2024

*Российские эксперты о нераспространении ядерного оружия,
контроле над вооружениями и глобальной безопасности*
(Антология трудов, опубликованных в ПИР-Центре
за 30 лет его деятельности).

*Издается при поддержке Фонда президентских грантов
в рамках проекта ПИР-Центра «Глобальная безопасность:
взгляд из России – для молодежи по всему миру»*

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Ответственный редактор-координатор проекта: *Е.А. Карнаухова*
Помощники ответственного редактора: *К.А. Минеева, А.С. Щёкин*

Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *Н.А. Кузнецовой*
Корректор: *Н.П. Морозова*

Подписано в печать 18.06.2024
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 41,0. Тираж 520 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04/06
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
<http://chpd.ru>
E-mail: sales@chpd.ru

В книге представлены избранные статьи, аналитические материалы и экспертные интервью, опубликованные за последние 30 лет под эгидой ПИР-Центра. В них представлена эволюция взглядов на проблемы в сфере нераспространения ядерного оружия, контроля над вооружениями и глобальной безопасности. На страницах книги читатель найдет научно-практические труды, посвященные вызовам и угрозам ДНЯО, а также усилиям, направленным на его укрепление; обеспечению физической ядерной безопасности; перспективам развития атомной энергетики в России и в мире; многим другим актуальным проблемам глобальной и региональной безопасности. Обширный блок вошедших в Антологию материалов посвящен военно-политическим вопросам: обеспечению стратегической стабильности, противодействию угрозе терроризма, в том числе с использованием оружия массового уничтожения, проблемам европейской безопасности, развитию боевых беспилотников и робототехники, военно-техническому сотрудничеству, ситуации в области регулирования обычных вооружений и т.д. Пристальное внимание авторы Антологии уделяют формированию нового мирового порядка и значению этого процесса для российской внешней и оборонной политики. Читатель удивится, насколько тексты, написанные десять, двадцать, тридцать лет назад, остро актуальны сегодня. «На злобу дня» – вот рубрика, в которой могло бы появиться большинство из материалов, вошедших в Антологию, хотя для них на сайте ПИР-Центра уже заготовлена и другая рубрика, куда более историческая – «Листая старые страницы».

Издание предназначено для специалистов, студентов и аспирантов, обучающихся по профилю международных отношений и международной безопасности, российской дипломатии и внешней политики, истории международных отношений, а также для широкого круга читателей – для всех тех, кто стремится расширить свои знания и представления об эволюции общемировых и региональных процессов в эпоху крупных геополитических изменений 1990–2020-х гг. и о том, как эту эволюцию оценивали ведущие российские ученые и практики.

www.pircenter.org

ISBN 978-5-7777-0943-1

9 785777 709431

www.vesmirbooks.ru